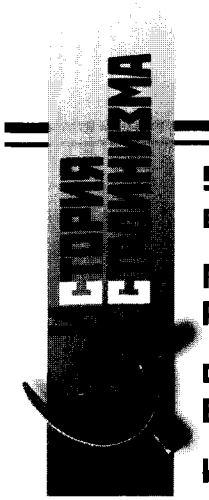


Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации

Государственный архив
Российской Федерации

Фонд Первого Президента России
Б.Н. Ельцина

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»

Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкосс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
О. В. Хлевнюк

ЕЛЕНА ОСОКИНА

ЗОЛОТО ДЛЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: ТОРГСИН

РОССПЭН

Москва
2009

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(0)61
О72

Осокина Е. А.

О72 **Золото для индустриализации: «ТОРГСИН»** / Е. А. Осокина – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 592 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1110-5

Если вы читали роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», то наверно помните зеркальный магазин «Торгсин» на Смоленском рынке в Москве. В обмен на драгоценности и валюту он продавал советским гражданам и иностранцам «розовую лососину», миткали и шифоны, и другие деликатесы и элитные товары ширпотреба. Но знаете ли вы, что в 1931–1935 гг. по всей стране работали полторы тысячи торгсинов? Золото, серебро, бриллианты, доллары, которые советские люди принесли в Торгсин, спасаясь от голода, позволили руководству страны купить иностранное оборудование для Магнитки, Кузнецка, Уралмаша, Днепростроя и других промышленных гигантов рождавшейся советской индустрии. В интересах индустриализации Торгсин фактически узаконил валютную проституцию, а в погоне за золотом «побил» всемогущие органы госбезопасности. Читатель узнает о том, что стало с золотом Российской империи, кто придумал торгсины, что люди покупали в них и сколько стоил «Форд», о том как золото испанской казны оказалось в хранилищах Госбанка в Москве, каков был собранный Сталиным драгоценный «урожай» и многое, многое другое. Целью автора было рассказать о Торгсине просто и интересно – так, чтобы привлечь всех, кто интересуется историей Отечества.

УДК 94(47)(082.1)
ББК 63.3(0)61

ISBN 978-5-8243-1110-5

© Осокина Е. А., 2009
© Российская политическая энциклопедия, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Случайная находка

11

ЧАСТЬ 1. СТРАСТИ ПО ТОРГСИНУ

17

Конторка Мосторга

Малопримечательное событие – Торгсин родился. Иностранные моряки и туристы – первые клиенты Торгсина. Магазин на «котиковой улице». Арманд Хаммер и другие любители антиквариата. «Хочешь жить в СССР – имей рубли»: валютный экстремизм Наркомфина. «Вам доллары прислали, но Вы их не получите»: советский потребитель пробивается в Торгсин

19

Золотая идея

Нэп – первое пришествие советского валютного рынка. Золотые россыпи под носом у правительства. «Добро пожаловать, Никанор Иванович! Сдавайте валюту». Золотой поворот в истории Торгсина – Браво, Ефрем Владимирович! «Время – вперед?»: Торгсин как рецидив капитализма. Главный спекулянт

29

«Торгсиния» – торговая страна

Затухающая пятилетка. «От Москвы до самых до окраин»: Печаль победных реляций. Инспектора и информанты. Хождение в народ. «Правда, дело наше совсем не знает»: такая типичная история

49

«Красные директора» Торгсина: «Политкомиссар»

Ученик аптекаря. Профессия – партиец, образование – большевистско-политическое. Операция «Кредитбюро». Искушение изобилием. Счастливая отставка

64

Зачем Сталину был нужен Торгсин

Конец золотой казны Российской империи. Архивные тайны статистики советского экспорта. Безумство импорта, или Индустриализация в кредит. Разочарование в Америке. Золото уходит в Рейхсбанк. Догнать Трансвааль! «Валютный цех» на Колыме. Умел ли Сталин считать?

70

Золото

«Товарищ! Береги золотую государственную копейку!» Лом и чекан, или О замещении богатства. Испытание металла. В ожидании «с собачкой». Золотая пыль, вашбанк и клеенчатые нарукавники. Сделка не по совести. Золотая статистика голода. Где «гуляет» царский чекан?

83

«Красные директора» Торгсина: «Разведчик»

Есть такая профессия – валюту добывать. Безрассудство юности. «Меховая» эмиграция. Он же Верховский, он же... Во благо РККА и рейхсвера. Берлинская резидентура. Разведчики и купцы. Переполох в пушном мире. Звездный час Торгсина. Операция «Х». Гибель Артура Сташевского

103

Серебро

Серебро в ожидании скупки: расчет или недальновидность? «Серебряный прорыв»: Власть и общество в противоборстве. Торгсин как «лагерь для перемещенного антиквариата». Припек. Серебряный урожай. Разочарование

118

Бриллианты и платина

Бриллиантовая скупка в элитных городах. Розы, голландки, мелле, меланж и «разложистые». Оценщик за работой. Случай в Ташкенте, или Воры в Гохране. Провал?

128

«Yours Faithfully Torgsin»

Фабрики – рабочим, землю – крестьянам, антиквариат – буржуям. Арманд Хаммер и другие любители антиквариата. «Кантик огневого золоченья», или Антикварный портрет ушедшей эпохи. Вермеер как средство выживания. Тайники и «неценные ценности»: несостоявшаяся глава

135

«Шлите доллары на Торгсин»

Гениальное решение кризиса валютных переводов. Международная спекуляция и чистка агентурной сети. Астрономия таможенных пошлин. «Сегодня советская селедка – завтра донос в ГПУ»: Идейно-гастрономическая дилемма белого эмигранта. «Общество заказанных продуктов», или Посылки как оружие пролетариата. Мешок муки – лучший подарок к празднику. Еврейская помощь. Деньги пахнут! Сумма, достойная Магнитки

146

Шипчандлеры и портовое хозяйство

«Отречемся от старого мира?» Крепостные клиенты. Советские бордели и пролетарские проститутки. Война миров: Интерклубы против портовых торгсинов. Кошелек или идея? Слуга двух господ. Будни советского шипчандлера. Бар-мышеловка. Советский сервис как оружие массового уничтожения. Безналичная валюта

165

«Красные директора» Торгсина: «Эсер»

Из сибирских купцов. «Сдержанный человек, в котором жил чертик». Политика или медицина? Расстрельный приговор Колчаку. «Ла Скала» и самовар для министра Муссолини. Председательство на «закате» Торгсина. Казнь. Где же рукопись?

182

Хлеб и плимсоли, или О том, что люди покупали в Торгсине

Золото – на Запад, мука – на Восток. Сколько товаров продал Торгсин? Этапы большого пути: сувенирная лавка → мучной лабаз → валютный универмаг. Метаморфозы покупательского спроса. Все ли деньги Торгсина были потрачены?

187

Цены в Торгсине

Ценообразование под окрики правительства. Дефицитность, сезонность, монопольность. «Прошляпил» ли Торгсин голод? Снижение цен как вредительство. Застой торговли и ажиотаж «под занавес». Был ли Торгсин дорогим магазином?

193

Маслины для голодных

Привилегия импорта. Где купить «Форд»? Безделицы благополучной жизни. «Пир во время чумы». Узаконенное воровство. Последний импорт

203

Торгсин и ОГПУ

Валютное соперничество. «Кто нам мешает, тот нам поможет». «Золотые камеры» и «деньги спасения». Жизнь между молотом и наковальней. Советская повседневность: обыденность приключения, привычность риска

207

Тайны Торгсина

Философский камень. Скрытая конвертация рубля. Обогнав экспорт хлеба и нефти. Парадокс убыточности. Дешевле золота ГУЛАГа

225

«Закат»

Нелюбимое детище, или Почему закрыли Торгсин? Лебединая песня советского валютного рынка. Продажа ненужных людей. Торговый ренессанс. Сколько иностранной валюты «гуляло» на «черном» рынке? «Торгсовлюд»

235

Портрет покупателя в интерьере

За зеркальной дверью Торгсина. Рыба тухнет с головы: номенклатура в борьбе за Торгсин. Что русскому хорошо, то немцу смерть: дипломаты в Торгсине. Крестьянские универмаги: «Затаились. Ждут муку». Жители страны Лихославля. «Утром купит, а днем опять идет покупать»: спекулянты

249

Продавец всегда прав

О коммунизации, кореннизации и безграмотности. Торгсин крестьянский. Еврейский вопрос. Страсти по «золотому» пайку. «Не можем так работать!» Усушка, утруска, примаз, распыл и впитывание. Сытые и голодные. Зачем на рубашке пришит карман? На пороге большого террора

273

«Красные директора» Торгсина: «ВРИД»

Потомственный рабочий. Снабженец Первой конной. Мечта пожить за границей. Вор. Письмо Сталину. Анатомия экономического преступления

294

Вместо заключения: Торгсин – имя нарицательное

Парадокс № 1: Героизм и обывательщина. Парадокс № 2: Социальное равенство как квинтэссенция классового подхода. Парадокс № 3: Социалистическое предприятие капиталистической торговли. Парадокс № 4: Золото – мещанская прихоть и оружие пролетариата. «Потому ты жива»: Парадоксы исторической памяти. «Торгсин» сегодня. «Былое нельзя воротить – и печалиться не о чем»?

301

ЧАСТЬ 2. ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
(историография, источники, концепции)

«Да, был какой-то там Торгсин»

Бедность историографии при изобилии источников. Региональные архивы в ожидании исследователей. Какое ведомство не участвовало в работе Торгсина? Шпиономания и источниковедение. Жертвы голодомора свидетельствуют

311

Торгсин как феномен сталинизма

Дебаты о сталинизме. Современность и судьба советского социализма. Обещание изобилия: сталинизм и развитие потребительского общества в СССР

319

ПРИМЕЧАНИЯ
337

Таблицы
523

ПРИЛОЖЕНИЯ
544

Краткая хронология событий
544

Структура Всесоюзного объединения «Торгсин» (1935 г.)
549

Официальные курсы обмена валют в СССР
549

Биографии руководителей Всесоюзного объединения «Торгсин»
551

Биографии руководителей Наркомата внешней торговли СССР
562

Из истории контор Торгсина
567

Библиография
576

Список сокращений
587

МОИМ РОДИТЕЛЯМ И ИХ ПОКОЛЕНИЮ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

«Былое нельзя воротить – и печалиться не о чем»?

Из Булата Окуджавы

ВСТУПЛЕНИЕ

Случайная находка

В начале 1990х гг., работая над книгой «За фасадом "сталинского изобилия"»[1], я нашла в Российском государственном архиве экономики отчет о работе торговой организации «Торгсин». Отчет утверждал, что в первой половине 1930-х гг. – решающие годы советской индустриализации – Торгсин купил у населения ценностей, достаточных для покрытия пятой части расходов на импорт промышленного оборудования, технологий и сырья. В отдельные годы вклад Торгсина был и того выше: в 1933 г. ценностей, собранных через Торгсин, хватило, чтобы оплатить треть расходов СССР на промышленный импорт. В тот год по объемам валютной выручки Торгсин перегнал главных добытчиков валюты для страны – экспорт хлеба, леса и нефти.

Это открытие потрясло меня. Благодаря роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и мимолетным упоминаниям в научной литературе я знала, что такое Торгсин, но не предполагала, что вклад этой торговой организации в финансирование промышленного рывка был столь значительным. Исследователи советской индустриализации традиционно изучали один и, как многие считают, главный источник ее финансирования – коллективизацию[2], которая в начале 1930-х гг. за счет обирания крестьян позволила увеличить экспорт сельскохозяйственной продукции[3]. Найденный в архиве документ свидетельствовал, что Торгсин остался неоцененным. В книге «За фасадом "сталинского изобилия"» я посвятила Торгсину специальную главу, но сюжет заслуживал большего.

«Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами на территории СССР», сокращенно «Торгсин» (18 июля 1930 г. – 1 февраля 1936 г.), родился в годы острого валютного кризиса в период советской индустриализации. В начале – малозначительная конторка Мосторга, Торгсин продавал за валюту антиквариат иностранным туристам в Москве и Ленинграде и снабжал иностранных моряков в советских портах. В декабре 1930 г. список клиентов Торгсина расширился за счет иностранцев, работавших в СССР. 4 января 1931 г. Торгсин получил всесоюзный статус[4], а в июне открыл двери советским гражданам, которые вначале могли покупать товары в Торгсине только за царский золотой чекан и в счет переводов валюты из-за границы. Поистине революционный поворот в его истории произошел в самом конце 1931 г., когда руководство страны разрешило советским людям покупать товары в Торгсине в обмен на бытовое зо-

лото (украшения, предметы утвари и быта). Со временем Торгсин стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты и другие драгоценные камни, а также произведения художественного искусства.

В 1932–1935 гг. советские люди снесли в Торгсин почти 100 т чистого золота! Это эквивалент порядка 40% «гражданской»[5] промышленной золотодобычи в СССР за тот же период времени. В те же годы золотой вклад гулаговского «Дальстроя» составил всего лишь немногим более 20 т. Но значение Торгсина для страны и истории не исчерпывалось экономическими показателями его деятельности. Торгсин выполнил огромную социальную миссию, дав миллионам людей возможность выжить в голодные годы первых пятилеток.

Чем больше я работала над Торгсином, тем сильнее становилось мое убеждение, что случайная архивная находка открыла для меня «исследовательский Клондайк». Торгсин представлял захватывающую историю изобретательности и изворотливости советского руководства, а также уникальный случай крупномасштабного валютного предпринимательства пролетарского государства в борьбе за выживание. Впервые и единственный раз в советской истории руководство страны разрешило своим гражданам платить в советских магазинах (торгсинах) иностранной валютой, золотым царским чеканом и другими ценностями[6]. В интересах индустриализации Торгсин фактически легализовал валютную проституцию, а в погоне за золотом «побил» всемогущие органы госбезопасности. Но Торгсин был детищем не только сталинского руководства, его «сделали» люди: во многом благодаря их инициативе операции Торгсина вышли за пределы золотовалютных и стали включать многие другие виды ценностей. Миллионы советских покупателей определили социально-культурный облик Торгсина – в преобладающе крестьянской голодной стране зеркальные торгсины деликатесов потерялись среди мешков ржаной муки валютных лабазов.

Десятилетия Торгсин хранил свои тайны. Его главными покупателями оказались вовсе не иностранцы, как утверждала вывеска «Торгсин», а советские граждане, которые добровольно-принудительно отдали свои сбережения на промышленное развитие страны. В числе тайн Торгсина было и то, что, скупая ценности у населения дешевле их мировой цены, пролетарское государство продавало продукты и товары своим соотечественникам в несколько раз дороже того, что брало с иностранцев за границей. Торгсин был полон парадоксов: в нем «капиталистические» (рыночные) методы служили делу построения социализма. Несмотря на свои заслуги перед страной, Торгсин так и не заслужил признания сталинского руководства, оставшись в политическом языке эпохи символом мещанства и обывательщины. Но не будем забегать вперед – это лишь немногие из открытий, о которых расскажет эта книга.

Торгсин не только открывает неизвестную захватывающую страницу истории отечества, анализ его деятельности позволяет сделать концептуальные выводы о принципах функционирования советской экономики, особенностях повседневной жизни в СССР и путях развития советской потребительской культуры, а в конечном итоге увидеть новое в феномене сталинизма. Дебатам историков о сталинизме и роли Торгсина в понимании этого феномена ушедшего столетия посвящена заключительная глава книги «Торгсин как феномен сталинизма».

Эта книга – результат огромной архивной работы и научного анализа сотен документов, но написана она популярно. Моей целью было рассказать о сложных проблемах просто и интересно – так, чтобы привлечь людей, интересующихся историей отечества, но не имеющих профессиональной исторической подготовки. Книга состоит из очерков, связанных общей темой, – историей Торгсина. Рассказ следует хронологии событий – от рождения к взлету, а затем закату деятельности этой торговой организации, но вместе с тем он обрастает тематическими и проблемными сюжетами, среди которых – захватывающие истории жизни председателей Торгсина, валютная проституция портовых торгсинов на службе у индустриализации, дилемма белого эмигранта, который, помогая родственникам и друзьям, оставшимся в СССР, укреплял ненавистный ему советский строй, а также истории золота, серебра, бриллиантов, социально-исторические портреты покупателей и продавцов, рассказы о том, что люди покупали в Торгсине и сколько стоил «Форд», перипетии сотрудничества и соперничества Торгсина и ОГПУ и, наконец, открытие тайн и осмысление парадоксов Торгсина. Жанр, в котором написана книга, можно назвать исторической мозаикой: каждый очерк является самостоятельным рассказом и интересен сам по себе, но только собранные вместе эти истории представляют историческое время Торгсина в богатстве деталей и красок. Такая форма изложения позволяет читать очерки в любой последовательности, но неизбежно связана с «пересечением» в них информации: повторениями и забеганиями вперед.

Эта книга вводит в научный оборот большой массив статистики 1930-х гг. – данные советского экспорта, золотоскупки и золотодобычи, показатели работы Торгсина и некоторых особо важных экспортных объединений страны и др. В этом качестве книга послужит источником первичной информации для историков и экономистов. Книга также предлагает собственные расчеты автора экономических показателей, как то: золотодобыча СССР, рентабельность Торгсина, себестоимость добытого им золота и золота ГУЛАГа и др. Я считала долгом исследователя представить не только итоги, но и свою «лабораторию» – сделать статистику, использованную в этой книге, доступной, так, чтобы при желании можно было не только проверить мои расчеты, но и сделать свои собственные расчетные комбинации.

Читатель наверняка уже заметил разное написание слова «торгсин»: где-то оно появляется в кавычках, где-то без них, а то и вовсе во множественном числе с маленькой буквы. Эти различия в написании имеют смысловое значение. При полном и официальном упоминании «Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами на территории СССР "Торгсин"» слово пишется с большой буквы и в кавычках. Однако эта книга исследует не столько работу организации «Торгсин», сколько Торгсин как социально-экономический и культурный феномен сталинизма, поэтому в подавляющем большинстве случаев слово «торгсин» пишется с большой буквы и без кавычек. Словосочетание типа «Ленинградский Торгсин» означает «Ленинградская контора Торгсина», поэтому пишется с большой буквы. С маленькой буквы и во множественном числе слово «торгсин» употребляется как синоним слова магазин(ы) Торгсина. Словосочетание «Правление Торгсина» в этой книге везде написано с большой буквы, чтобы передать ощущение, что речь идет не просто о подразделении в структуре торговой организации «Торгсин», а об одном из главных персонажей этой истории.

Я влюбилась в тему Торгсина и могла бы написать эту книгу быстро, но жизнь распорядилась иначе. Много грустных и счастливых событий произошло с середины 1990-х гг. – времени начала работы над этой темой: смерть моего первого мужа, неожиданная и такая преждевременная смерть мамы, затем новое замужество и связанный с ним переезд в США, рождение второй дочери, смена американских университетов в поисках достойного места работы и борьба за профессиональное выживание на Западе. После многолетней работы в Институте отечественной истории РАН, которая позволяла уделять все время исследовательской работе, профессиональная жизнь в США требовала научиться совмещать исследовательскую деятельность с преподаванием. Образование, полученное на Историческом факультете МГУ, а также настойчивость и упорный труд в итоге принесли хорошие результаты, но времени на решение профессиональных проблем ушло немало. Работа над книгой двигалась мучительно медленно. К тому же, мой первоначальный план – написать книгу коротко – провалился: тема обрастала все новыми сюжетами. Однако затянувшаяся работа над книгой позволила мне осмыслить Торгсин.

В работе над Торгсином был момент, когда значительная часть исследования могла быть потеряна. При переезде из Миссури в Южную Каролину, на новое место жизни и работы, грузовик, который перевозил наше имущество, попал в аварию в штате Алабама. Серьезно пострадало трое людей – шоферы столкнувшихся машин. По сравнению с пострадавшими людьми мы отделались легко – лишь потеряли имущество. Самой тяжелой утратой была потеря семейных фотографий, коллекций, книг и исследовательских материалов. Мои бумаги летали над местом аварии, многое так и осталось

погребенным там. По этому поводу мой муж даже стал шутить, что «Лена пишет книгу, для которой материалы находятся в Алабаме». К счастью для меня и этого исследования компьютер и несколько коробок ксерокопий наиболее ценных документов – результат многих лет работы в архивах – я не доверила никому и везла с собой в легковой машине, в которой переезжала моя семья.

Эта книга состоялась благодаря помощи многих людей – моей семьи и друзей, коллег, случайных знакомых и даже незнакомцев. Я в неоплатном долгу перед Сергеем Журавлевым и Татьяной Смирновой, Евгением Кодиным и Демьяном Валуевым, Дагласом Нортропом и Хуршидой Абдурасуловой, Андреем Сазановым, Криспином Бруксом и Терри Мартином, которые, каждый по-своему, помогли мне в сборе материалов для этой книги. В этой связи знаменательны несколько историй.

В конце 1990-х гг., находясь в Смоленске на конференции, я сделала запрос о возможности поработать в местном архиве в фонде Торгсина. В ответ я узнала, что архивное хранилище находится в аварийном здании и доступа туда нет. Ничего не изменилось и через несколько лет, когда в начале нового тысячелетия я поинтересовалась о положении дел в ГАСО. Но, как гласит народная мудрость, не имей сто рублей, а имей сто друзей. Евгений Кодин, историк сталинизма, профессор Смоленского педагогического института, договорился с администрацией архива, послал машину и перевез фонд Торгсина в безопасное место, в читальный зал ГАСО. Если бы не он, то архив Смоленского Торгсина все еще бесполезно пылился бы в полуразрушенном хранилище, а из этой книги исчезли бы многие важные страницы.

Я работала над книгой так долго, что, казалось, уже не только семья и друзья, но и коллеги-историки знали, что я пишу о Торгсине. Профессор Гарварда Терри Мартин, работая над своими сюжетами, наткнулся в архиве на материалы расследования личного дела заместителя председателя Торгсина Муста и вспомнил обо мне. Мой однокурсник историк и археолог Андрей Сазанов нашел для меня в Российской государственной библиотеке, которую мы по старой привычке все еще называем Ленинкой, любопытную брошюру – инструкцию по приемке и оценке драгоценных металлов в Торгсине 1933 г. издания. Куратор архива видеозаписей Института Фонда Шоа Криспин Брукс рассказал мне о существовании огромного массива интервью с очевидцами и жертвами украинского голода. Криспин Брукс, который сам занимается историческими исследованиями на материалах этого архива, передал в мое пользование выдержки из показаний людей, в которых упоминается Торгсин[7].

Работа над Торгсином познакомила меня с новыми людьми, со многими из которых я еще не встретилась лично, а возможно, никогда и не встречусь, но моя благодарность им огромна. Без их помощи книга лишилась бы уникальных материалов. Замечательный советский фотограф и коллекционер Лев Бородулин, которого я

разыскала через Интернет, разрешил мне использовать из его коллекции уникальную фотографию Торгсина, сделанную И. Шагиным в 1930 г. По информации, размещенной в англоязычной «Википедии», меня нашел украинский эмигрант в США, чья семья пострадала от сталинских репрессий, доктор химических наук и бонист Лев Григорчук (Lew Hryhorczuk). Он предоставил в мое распоряжение из своей коллекции боны Торгсина и оказал большую помощь в поиске материалов, опубликованных в Украине. В ответ на мою просьбу помочь с иллюстрациями для книги он связался с коллегами и один из них, Михайло Харитонов, щедро поделился со мной торгсиновскими материалами. Изумительная брошюра-проспект Торгсина 1935 г., которая представлена в этой книге, нашла меня благодаря незнакомой женщине. Узнав через Интернет, что я пишу о Торгсине, она информировала меня о том, что брошюра выставлена на продажу на электронном аукционе «eBay», где я ее и купила.

Спасибо тем, кто стоял у истоков этого исследования: Юрию Павловичу Бокареву, который в конце 1980-х гг. посоветовал мне заняться историей советской торговли и потребления; Николаю Кременцову, с которым в 1994 г., будучи стажерами Института Кеннана в Вашингтоне, мы обсуждали мою самую первую статью о Торгсине. Огромное спасибо и всем тем, кто помогал мне на заключительном этапе работы над книгой – прочитал рукопись и высказал замечания, а также в беседах или переписке со мной обсуждал Торгсин: Юрию Павловичу Бокареву, Тамаре Вепрецкой (Мишуковой), Линн Виоле, Юрию Марковичу Голанду, Юкке Гронову, Сергею Журавлеву, Матвею Лапину и Юрию Слезкину.

Российский государственный архив экономики всегда был главным архивом для моих исследований. Хочу сердечно поблагодарить директора РГАЭ Елену Александровну Тюрину и работников читального зала в хранилище за помощь в работе и неизменное дружеское отношение ко мне. Прошло уже много лет, но я вспоминаю время, проведенное в этом архиве с теплыми чувствами и признательностью к этим людям.

Моя особая благодарность принадлежит коллективу издательства РОССПЭН и его директору Андрею Константиновичу Сорокину за неизменный интерес к моим работам.

Книга написана при финансовой поддержке Национального Фонда Гуманитарных Исследований (National Endowment for the Humanities), США. Грант этого фонда освободил меня на год от преподавания и позволил закончить рукопись.

Эту книгу я посвящаю моим родителям, Анне Петровне и Александру Андреевичу Осокиным, а вместе с ними – всему поколению рожденных в сталинские 1930-е.

Надеюсь, что открытия этой книги увлекут читателя, как они увлекли меня.

ЧАСТЬ 1. СТРАСТИ ПО ТОРГСИНУ

Конторка Мосторга

Малопримечательное событие – Торгсин родился. Иностранные моряки и туристы – первые клиенты Торгсина. Магазин на «котиковой улице». Арманд Хаммер и другие любители антиквариата. «Хочешь жить в СССР – имей рубли»: валютный экстремизм Наркомфина. «Вам доллары прислали, но Вы их не получите»: советский потребитель пробивается в Торгсин

«Специальная контора по торговле с иностранцами на территории СССР», сокращенно «Торгсин», была создана 18 июля 1930 г. постановлением Наркомата торговли СССР[1]. Имя было явно больше самого явления. В момент создания Торгсин представлял всего лишь небольшой отдел в системе столичной торговли, которой заведовал Мосгорторг[2]. К концу 1930 г. Торгсин вышел за пределы столицы и стал превращаться во всесоюзную организацию. Его представительства и конторы появились в некоторых республиках, краях и областях, но пока они были еще настолько слабы, что самостоятельного статуса не имели, теряясь среди других отделов местных торгов[3]. 4 января 1931 г. Торгсин получил статус Всесоюзного объединения Наркомата внешней торговли, однако до его действительно общенационального «взлета» оставался еще целый год.

До Торгсина торговое обслуживание иностранцев было распылено между многими организациями. Появление Торгсина стало частью общего процесса государственной централизации и монополизации на рубеже 1920–1930-х гг. Создавая Торгсин, правительство стремилось сконцентрировать валютные торговые операции с иностранцами на территории СССР в одном ведомстве[4]. Задача, поставленная перед Торгсином, была ясна – не допустить, чтобы иностранцы, приезжавшие в СССР, увозили назад валюту.

Начинал Торгсин с портовой торговли. До ноября 1930 г. он, главным образом, занимался снабжением иностранных судов и советских кораблей заграничного плавания. Список первых торгсиновских контор повторял географию морских портов СССР: Евпаторийская, Архангельская, Новороссийская, Владивостокская, Таганрогская, Батумская...[5] Работа предстояла большая. До появления Торгсина портовая торговля была обязанностью Совторгфлота[6], однако, тот выполнял ее хаотично, без должного валютного эф-

фекта. Как сетовало руководство Торгсина, принимая дела от Совторгфлота, «опыта концентрированного обслуживания иностранцев и снабжения иносудов» ни у кого не было[7]. Иностранные капитаны, зная это, затоваривались продовольствием, предметами первой необходимости и строительно-ремонтными материалами заранее, до захода в советские порты.

Среди первых клиентов Торгсина были также иностранные туристы и транзитные пассажиры-иностранцы. Торговля Торгсина шла в киосках гостиниц «Интуриста» в Москве и Ленинграде, а также в павильонах на пограничных пунктах – последний шанс заполучить валюту покидавших пределы СССР иностранных граждан. Затем Торгсин открыл свой первый универсальный магазин. В ноябре 1930 г. Комиссия по разгрузке Москвы передала Торгсину бывший Михайловский дом на углу Петровки и Кузнецкого моста для организации универмага «закрытого типа». Выбор места был удачный и вряд ли случайный. До революции и в годы нэпа Петровка была сосредоточием модных магазинов. В народе ее называли «котиковой» улицей: в лучшие времена там гуляли дамы, одетые дорого и по последнему крику моды[8]. В начале 1930-х улица выглядела не столь блистательно, но былая слава жила.

В ассортименте первого универмага Торгсина были филателия, ковры, меха, антиквариат, а также винно-водочные изделия и некоторые продовольственные товары экспортного качества. Желанный и дефицитный для советского покупателя ширпотреб – ткани, одежда, обувь – был исключен из ассортимента продажи. Он не представлял интереса для иностранцев и только привлекал ротозеев[9]. Товары поступали от Мосторга, и цены на них были от 10 до 50% выше советских экспортных цен на аналогичные товары[10]. Политика советского правительства – продавать внутри СССР дороже, чем за границей, продолжалась и после того, как Торгсин открыл двери советским покупателям. Она расцвела в период массового голода – время печального триумфа Торгсина.

В начале 1931 г., вслед за Москвой, у Торгсина появились и свои магазины в Ленинграде: небольшой универмаг в гостинице «Октябрьская» и несколько киосков, табачный, кустарно-экспортный и продуктовый, в «Европейской»[11]. Антикварный магазин Торгсина, который вначале был частью универмага, в октябре 1931 г. стал работать самостоятельно, напрямую подчиняясь Ленинградской конторе Торгсина. По путевке райкома партии туда пришел новый директор. Как и многие другие чиновники, занятые продажей художественных ценностей иностранцам, он мало смыслил в антиквариате, но был предан партии[12].

Не удивительно, что деятельность Торгсина в Ленинграде в «интуристский период» его существования имела ярко выраженную антикварную специфику. Город был «набит» художественными ценностями. Многое было накоплено за двухсотлетнюю историю Санкт-Петербурга – новой столицы Российской империи. Да и революция сделала город своеобразным российским депозитарием ценностей – частные лица с началом «революционной смуты» передали свои ценности на хранение в Эрмитаж, как оказалось, безвозвратно. Кроме того, с приходом к власти большевиков в хранилища Эрмитажа свозили конфискованные художественные коллекции со всей страны.

Вначале только иностранцы, кратковременно пребывавшие в СССР, могли покупать в Торгсине[13]. Инструкции правительства запрещали продажу товаров иностранным гражданам, если те постоянно или долговременно находились в СССР. В их число попали сотрудники иностранных посольств и миссий, концессионеры, служащие иностранных фирм, тысячи специалистов и рабочих, приехавших в СССР на стройки социализма по идеологическим соображениям или спасаясь от депрессии на Западе. Этих иностранцев должен был обслуживать «Инснаб» – государственное торговое предприятие, которое имело сеть своих закрытых распределителей[14]. В годы карточной системы первой половины 1930-х гг. продажа в них была нормирована и шла исключительно на советские деньги.

Изначальный запрет иностранцам, длительно проживавшим в СССР, покупать товары на валюту в Торгсине противоречил экономической целесообразности. Запрет был одним из проявлений экстремизма государственной валютной монополии в СССР на рубеже 1920 – 1930-х гг., страстным поборником которой в тот период времени выступал Наркомат финансов[15]. Хотя иностранцам разрешалось иметь при себе наличную валюту, Наркомфин пытался до минимума ограничить сферу ее использования в качестве средства платежа внутри СССР. Так, при торговом обслуживании иностранных судов валютные операции были ограничены расчетами с капитаном[16]. Чаще всего наличной валюты у иностранных матросов не было. Их покупки записывались на счет парохода. Зафрахтовавшая судно компания затем оплачивала счета Торгсина. Немногочисленные иностранные туристы[17], приезжавшие посмотреть первое коммунистическое государство, если следовать букве постановлений Наркомфина, не имели права платить иностранной валютой внутри СССР. Наркомфин требовал, чтобы туристы платили за услуги и товары, в том числе и в Торгсине, не «эффективной валютой» – иностранными деньгами[18], а «советскими рублями валютного происхождения».

По внешнему виду отличить простой рубль от рубля валютного происхождения было невозможно, но разница между ними была существенная. Валютными считались те рубли, которые иностранец получил в результате легального обмена ввезенной в СССР валюты. Всякий раз, когда иностранный турист в СССР платил рублями за товары экспортного качества, он должен был предъявлять квитанции Госбанка СССР об обмене валюты. Другим легальным средством платежа были валютные чеки[19]. Финансовые органы, таким образом, хотели быть уверены в том, что валюта из бумажников иностранных туристов попала советскому государству, а не ушла на «черный» рынок, где обменный курс был более соблазнительным, чем официальный. Более того, иностранные туристы обменивали валюту на рубли в Госбанке «без права обратного обмена». Неконвертируемость советской «валюты» заставляла иностранных туристов тратить все рубли валютного происхождения, находясь в СССР. Ввезенная в СССР валюта могла потерять свой легальный статус, если по истечении трех месяцев после въезда в страну ее владелец не положил ее на специальный текущий счет в банке[20].

Советское государство стремилось держать под контролем валютные средства и тех иностранцев, которые приезжали работать в СССР по контракту. Контракт оговаривал, какая часть зарплаты будет выплачена в валюте, а какая в рублях. Валютная часть зарплаты не выдавалась на руки иностранцу, а переводилась на его банковский счет за границей. Жить же в СССР он должен был на рублевую часть своей зарплаты. Вначале, в 1930–1931 гг., валютные выплаты, как и сама зарплата иностранных специалистов, были щедрыми – советское правительство ожидало, что «преимущества планового хозяйства», соединенные с профессиональным опытом и технологиями Запада, совершат чудо, но, увы, этого не случилось. Разочарование и крайняя нужда в валютных средствах привели к тому, что правительство при заключении договоров с иностранными специалистами и рабочими стало урезать как саму зарплату, так и ее валютную часть.

В самом конце 1930 г. Наркомфин, наконец-то, отменил искусственное ограничение, которое повсеместно нарушалось, и официально разрешил иностранцам, длительно проживавшим в СССР, покупать в Торгсине, но только на советские рубли «валютного происхождения», то есть за счет уменьшения валютной части зарплаты, уходившей за границу[21]. Продажа изделий из драгоценных металлов и камней допускалась только с разрешения Наркомфина. Наркомфин вновь повторил, что прием иностранной валюты, наличной или в чеках, в оплату товаров на внутреннем рынке от

иностранцев, длительно проживавших в СССР, категорически запрещается.

Экстремизм государственной валютной монополии мешал выполнению валютного плана Торгсина, поэтому, несмотря на протесты Наркомфина, Торгсин продавал товары иностранным туристам и иностранцам, длительно проживавшим в СССР, на «живую» валюту и «забывал» проверять справки о происхождении советских рублей[22]. По мере обострения государственной нужды в валюте Наркомфин вынужден был ослабить валютный «зажим». Не имея возможности остановить практику продаж иностранцам за валюту, Наркомфин стал требовать, чтобы Торгсин хотя бы принимал только ту валюту, которую иностранец имел право вывезти из СССР[23]. Иными словами, Торгсин не мог просто получать в оплату за товары доллары или фунты стерлингов, он должен был убедиться, что эта валюта «не снята с вольного рынка», а была легально ввезена в СССР. В мае 1931 г. в связи с развитием деятельности Торгсина, Наркомфин «для упрощения техники торговли» отменил и это правило, разрешив Торгсину не требовать у покупателей-иностранцев документов о происхождении валюты.

Советская пограничная таможня следила за тем, сколько валюты иностранец ввозил и вывозил из СССР. Иностранный турист не мог вывезти валюты больше, чем он ввез, или даже столько же, сколько ввез. Вычету подлежал прожиточный минимум. В июне 1931 г. прожиточный минимум для иностранцев был установлен в размере 10 руб. в сутки[24]. Кроме того, согласно Инструкции Наркомата торговли и Наркомата финансов от 8 июля 1930 г., купленные иностранными туристами товары, и особенно изделия из драгоценных металлов и камней, могли быть вывезены только в счет ввезенной валюты. Продавцы в Торгсине должны были предупреждать покупателей об этом и ставить на расчетные квитанции магазина «погасительный штамп» – «В счет обратного вывоза валютных ценностей»[25]. Таможенники при выезде иностранцев из СССР производили сложные расчеты, решая, сколько валюты разрешить к вывозу. Они сверяли данные о ввозе и обмене валюты, счета на покупки товаров с «погасительными штампами» и высчитывали прожиточный минимум на период пребывания в СССР. По настоянию Наркомфина Торгсин при отпуске товаров обязан был учитывать прожиточный минимум иностранца, то есть смотреть, чтобы иностранец не тратил больше той суммы, которая была указана в разменной квитанции Госбанка – документе об официальном обмене валюты[26]. Только в мае 1933 г. Наркомфин, принимая во внимание выгодность торгсиновской торговли, согласился пересмотреть правило о вывозе драгоценностей в счет «валютной нормы» иност-

ранцев и разрешить им беспрепятственный вывоз купленных в Торгсине ценностей[27].

Появление Торгсина вело к расширению сферы легальных валютных операций в СССР, поэтому в обсуждении вопроса о целесообразности и пределах деятельности Торгсина участвовали все валютные ведомства, в первую очередь Политбюро и его «золотые» комиссии, а также Наркомфин, Госбанк, Наркомвнешторг и, разумеется, ОГПУ. Наркомфин был не единственным ведомством, кто противился расширению легальных валютных операций в стране. Против Торгсина как «ненужной инстанции» выступили в регионах и некоторые полномочные представительства ОГПУ[28]. Формальным поводом к тому была «политическая нецелесообразность» – недовольство, которое могли вызвать у рабочих элитные магазины для иностранцев.

В документах нет других объяснений неприязненного отношения ОГПУ к Торгсину, но представляется, что здесь сыграл роль конфликт ведомственных интересов. С появлением Торгсина, вокруг которого роились валютные спекулянты, у ОГПУ, призванного бороться с «черным» рынком, прибавилось много работы. В последующие годы взаимоотношения Торгсина и ОГПУ/НКВД были противоречивы. Органы государственной безопасности видели в Торгсине удачливого соперника в деле добывания золота и валюты, но в то же время и невольного помощника: Торгсин непреднамеренно выявлял «держателей ценностей», а ОГПУ/НКВД для выполнения собственного валютного плана оставалось лишь провести аресты и конфискации среди торгсиновских клиентов.

Наркомат иностранных дел СССР вначале также высказал возражения против открытия магазинов Торгсина на центральных улицах, а также против его широкой рекламы[29]. Протесты НКИД объяснялись боязнью недовольства иностранцев, длительно проживавших в СССР, в числе которых был и дипломатический корпус. Изначальный запрет покупать товары в Торгсине являлся ущемлением их прав. После того как дипломатов допустили в Торгсин, возражение НКИД отпало.

Ну, а что же советские граждане? Вначале правительство запрещало им не только покупать товары в Торгсине, но даже заходить в его магазины. Директивы Наркомфина грозно напоминали, что принимать иностранную валюту от советских граждан в уплату за товары категорически воспрещалось. Чтобы не искушать советского потребителя и не привлекать ротозеев, Торгсину не рекомендовалось прибегать к широкой рекламе и оформлять витрины. Плакаты предупреждали: «Магазин обслуживает только интуристов и транзитных пассажиров». Делу недопущения советских граждан в Торгсин

помогало и то, что основной ассортимент его магазинов – антиквариат, ковры, меха – был бессмыслен для большинства населения страны, жившей впроголодь.

Однако среди советских граждан даже в худшие времена в истории страны были и те, кто «при валюте» и с золотишком. Изобретательность людей не знает предела, так что уверенно можно сказать, что в Торгсин, даже в начальный «интуристский» период его существования, нелегально проникали и советские покупатели. Тем более, что, согласно инструкции, прямой вопрос «Вы – иностранец?» считался в Торгсине нежелательным, а просьба предъявить документы допускалась только в случае полной уверенности, что в магазин проник чужой. Да, не простой была жизнь работников Торгсина: по инструкции они должны были не только определить, какой доллар поступил к оплате – легально ввезенный в страну или снятый с вольного рынка, какой рубль они держали в руках – простой или валютного происхождения, но и по внешним признакам решить, кто перед ними – советский человек или иностранец. В случае обнаружения «чужака» милиция и ОГПУ конфисковывали товар и валюту.

Валюта у советских людей была. Она лежала в кубышках, оставшись от царского времени, нелегальной торговли времен Гражданской войны и валютных операций нэпа. Валюта продолжала поступать в СССР из-за границы контрабандой: в соседних с Россией странах Прибалтики и Польше, а также во Франции и в Китае российские эмигранты открывали «фирмы», которые брались нелегально доставить валюту «по адресу», о чем свидетельствовали объявления в газетах. Валюта приходила советским гражданам от родственников и друзей за границей, вложенная в письма и посылки. «Черный» рынок служил главным механизмом перераспределения и растекания валюты внутри страны.

Едва ли не единственным легальным способом получить валюту для советских людей в начале 1930-х гг. были банковские и почтовые переводы из-за границы. Но и в этом случае Наркомфин проводил, по его собственным словам, политику «жесткого зажима» валюты, стараясь оставить как можно больше «эффективной валюты» в кармане государства, а получателям переводов вместо долларов и фунтов всучить рубли по официальному обменному курсу. В соответствии с директивой Наркомфина в начале 1930-х гг. банки имели право выплачивать в валюте по платежным поручениям из-за границы не более четверти переведенной суммы, остальное выдавали в рублях. Но и эту валюту советские люди могли получить только со скандалом, при категорическом требовании и угрозе отсылки перевода назад[30]. Иностранцы в СССР не составляли исключения. При

получении денежных переводов из-за границы основная часть суммы выплачивалась им в рублях.

Ситуация начала меняться летом 1931 г. с распространением небеспочвенных слухов о том, что Торгсин скоро будет обслуживать советского покупателя. В этих условиях люди более решительно стали отказываться от получения рублей по переводам из-за границы, требуя выплат в валюте. Массовые отказы от заграничных переводов ставили под угрозу этот источник поступления валюты в СССР и заставили финансовые органы принять меры. Однако и в этом случае Наркомфин пытался решить проблему «безналичным способом», максимально сохранив государственную валютную монополию, – на руки валюту не выдавать, а переводить на счет Торгсина. К тому же вначале Наркомфин запрещал переводить всю сумму валютного перевода на Торгсин[31]. Ленинградская областная контора Госбанка даже пыталась определить «норму перевода валюты» на Торгсин. По мнению ее руководителей, 5 долл. в месяц было бы достаточно для покупки необходимых товаров в дополнение к существовавшим в то время пайкам.

Документы свидетельствуют, что давление, шедшее «снизу» от общества, привело к расширению пределов легальных валютных операций в стране. В августе 1931 г. Всеукраинская контора Госбанка сообщала в Москву: *«В городе* (Харьков. – *Е. О.*) *циркулируют слухи, что магазин «Торгсин» будет продавать разные товары за инвалюту всем без исключения гражданам. В силу этих слухов многие переводополучатели упорно настаивают на выдаче им инвалюты по переводам и воздерживаются от получения* (рублей. – *Е. О.*) *по переводам. Если до сего времени мы могли убедить нашу клиентуру в том, что ей инвалюта не нужна* (подчеркнуто мной. – *Е.О.*), *то с открытием магазина «Торгсин» нам это никак не удастся и мы, очевидно, вынуждены будем выплачивать по всем без исключения переводам наличную валюту».* Показателен ответ Москвы: если переводополучатель угрожает отправить перевод назад, беспрепятственно перечисляйте деньги на счет Торгсина[32]. Сообщения, поступавшие из отделений Госбанка в Одессе, Ленинграде, Киеве, Тифлисе и других городов, подтверждали, что требования на «живую» валюту крайне усилились, люди почти поголовно отказывались брать рубли, копились неоплаченные переводы, что приток валюты в кассы Госбанка сократился, а то и вовсе прекратился, и банки, не дожидаясь указаний свыше, «явочным порядком» перечисляли валюту по переводам, пришедшим из-за границы на счет Торгсина[33].

18 сентября 1931 г. Наркомфин принял официальное решение по этому вопросу[34]. По сути оно узаконило практику, стихийно распространившуюся в регионах летом. Советские люди, при поступлении на их имя перевода из-за границы, получили право перечислять всю сумму или ее часть во Внешторгбанк на «особый централизованный счет № 75а», а затем по квитанциям банка покупать товары в Торгсине. Их родственники и друзья за границей могли перевести для них деньги и напрямую на счет Торгсина. Этим же постановлением разрешалось переводить деньги с инвалютных счетов советских граждан, работавших за границей, на Торгсин. Остаток суммы, после вычета перечислений на Торгсин, советские граждане получали в рублях. Наркомфин в специальном разъяснении вновь повторил, что получать «живую» валюту на руки советские люди могут только при категорическом требовании и не более четверти суммы перевода. Послабление было сделано лишь для иностранцев, которые могли по своему выбору взять или рубли, или валюту по денежному переводу, пришедшему из-за границы[35]. Этим же постановлением Наркомфин разрешил выдавать иностранным туристам сдачу в валюте при оплате за товары в Торгсине наличной иностранной валютой. Ранее кассиры отказывались это делать, выдавая сдачу в рублях.

Анализ начального периода работы Торгсина, проведенный в этой главе, свидетельствует о том, что руководство страны, вопреки соображениям экономической выгоды и целесообразности, тяжело расставалось с государственной валютной монополией. Опасаясь утечки валюты к частнику, который платил больше, Наркомфин угрозами и окриками пытался свести на нет легальные операции с наличной валютой внутри страны. Строгий валютный режим должен был способствовать концентрации валюты в руках государства, но результат получился с точностью наоборот. Запретив легально использовать валюту в стране, руководство страны перекрыло многие источники ее поступления в государственный бюджет. Поскольку спрос на валюту и ее предложение в стране существовали, она уходила по нелегальным каналам к частнику. На «черном» рынке валюту можно было выгодно продать за рубли или купить на нее дефицитные товары. Услугами валютного «черного» рынка пользовались не только советские люди, но и иностранцы. Так, скупка рублей по выгодному курсу на «черном» рынке была обычной практикой дипломатических миссий в СССР. А что еще им оставалось делать? – Ведь и дипломаты должны были жить в СССР на рубли. Экстремизм государственной валютной монополии превращал значительную часть населения страны в вынужденных валютных спекулянтов[36].

Между тем молох индустриализации быстро пожирал скудные валютные и золотые резервы СССР. Вопрос, где взять валюту на покупку оборудования, технологий и сырья для строившихся про-

мышленных предприятий, стал к началу 1930-х гг. для руководства страны первостепенным. Основной источник валюты – сельскохозяйственный экспорт – не давал должного эффекта. В условиях Великой депрессии, поразившей Запад, мировые цены на сельскохозяйственную продукцию катастрофически упали. СССР пытался компенсировать падение валютных поступлений по экспорту наращиванием физических объемов вывоза сельскохозяйственной продукции, все более обостряя дефицит продовольствия на внутреннем рынке и обрекая своих людей на голод. «Золотые» комиссии Политбюро лихорадочно искали дополнительные валютные источники и при этом не брезговали ничем.

Родившийся Торгсин был одним из многих золотых ручейков, которыми валюта текла в госбюджет. Но доходы Торгсина в «интуристский период» его работы, искусственно ограниченные пределами легальных валютных операций в стране, были мизерны. Парадоксально, в конце 1920-х гг. ужесточение валютного режима было сделано в интересах индустриализации, но именно нужды промышленного развития затем заставили руководство страны ослабить валютную монополию. Символично, что два ведомства, финансовое и торговое, выступили выразителями двух боровшихся тенденций. Тогда как Наркомфин пытался сдержать развитие легальных валютных операций в стране, Торгсин для усиления притока валюты, от которой зависело выполнение плана его торговли, подталкивал их развитие. В этом же направлении работала и инициатива «снизу» – давление общества, пытавшегося приспособиться к жизни в условиях острого товарного и продовольственного кризиса. Находясь в тисках валютного дефицита, руководство страны расширило пределы «интуристского» Торгсина, вначале, в декабре 1930 г., разрешив иностранцам, длительно проживавшим в СССР, покупать в его магазинах в счет валютной части их зарплаты. В начале осени 1931 г. вышло официальное разрешение перечислять частные валютные переводы из-за границы на счет Торгсина. Наркомфин также смягчил свои требования по проверке у иностранцев документов о происхождении валюты.

Эти решения, однако, пока радикально не изменили суть валютных отношений в стране. Хотя в январе 1931 г. контора Мосторга «Торгсин» стала именоваться Всесоюзным объединением при Наркомвнешторге СССР[37], это скорее отражало будущие чаяния, чем кардинальное изменение методов решения валютной проблемы. Пределы легальных валютных операций в стране и, следовательно, валютные пределы Торгсина до конца 1931 г. оставались узкими. К тому же, торговая сеть Торгсина охватывала лишь порты да несколько наиболее крупных городов. Пока Наркомфин крохоборничал, «золотой Клондайк» простирался рядом, и, наконец-то, он был открыт. С появлением официального разрешения принимать от советских людей золото в оплату за его товары Торгсин превратился в один из основных источников финансирования индустриализации в СССР – золотой ручеек стал полноводной рекой. Для этого руководству страны пришлось существенно поступиться государственной валютной монополией. Несмотря на очевидную выгоду для государства, идея грандиозной кампании по выкачиванию «золотых» средств у населения родилась совсем не в Политбюро. Она принадлежала директору одного из московских магазинов.

Золотая идея

Нэп – первое пришествие советского валютного рынка. Золотые россыпи под носом у правительства. «Добро пожаловать, Никанор Иванович! Сдавайте валюту». Золотой поворот в истории Торгсина – Браво, Ефрем Владимирович! «Время – вперед?»: Торгсин как рецидив капитализма. Главный спекулянт

Государственная монополия на золото была установлена уже в первые месяцы Советской власти. Недра и их богатства были национализированы[38]. Одновременно началась охота за ценностями граждан[39]. Как не вспомнить легендарные фильмы советской поры об усталых чекистах в поисках буржуйских тайников и кладов. Ценности, находившиеся на счетах и в сейфах банков, имениях, дворцах, музеях и тайниках, были национализированы. В период «военного коммунизма» в годы Гражданской войны запрещалось хранить, покупать, обменивать и продавать иностранную валюту и золото. Граждане обязаны были безвозмездно сдать ценности государству. Нарушившие запрет, если были бы пойманы с поличным, могли поплатиться головой.

К началу нэпа, в согласии с действовавшим законодательством[40], конфискации подлежали, независимо от их количества в частном владении, платиновые, золотые и серебряные монеты, а также золото и платина в слитках и сыром виде. Кроме того, граждане обязаны были безвозмездно отдать государству личные и бытовые изделия из драгоценных металлов, если их количество превышало установленные правительством нормы: разрешалось иметь не более 18 золотников (порядка 77 г) золотых и платиновых изделий, не более 3 фунтов (около 1,2 кг) серебряных изделий, не более 3 каратов бриллиантов и других драгоценных камней и не более 5 золотников (около 21 г) жемчуга на одно лицо[41]. Изъятию также подлежали лю-

бые денежные средства, видимо, включая и иностранную валюту[42], если их количество превышало более чем в 20 раз минимальную зарплату в данной местности. «Излишние деньги», однако, государство не отбирало, а принудительно вносило на счета владельцев в государственные сберкассы. Первый год нэпа (1921) изменил положение лишь отчасти. По-прежнему сдача ценностей государству оставалась обязательной, но, правда, теперь не безвозмездно, а за денежную компенсацию по цене рынка.

Казалось, государство не откажется от жесткой политики насильственного изъятия валютных ценностей у граждан, но уже следующий год принес перемены[43]. Декрет СНК от 4 апреля 1922 г. отменил обязательную сдачу государству золота в изделиях, слитках и монетах. Вслед за апрельским последовали новые законодательные акты[44]. В результате в стране сформировался легальный валютный рынок. Разрешалось свободное обращение золота в изделиях и слитках внутри страны[45]. Купля и продажа золотых царских монет и иностранной валюты также разрешались, но регламентировались более жестко, чем операции с золотыми изделиями и слитками. Монопольное право на их куплю и продажу осталось у Госбанка. Эта мера была принята в целях не допустить превращения царских золотых монет и иностранной валюты в законные деньги – альтернативу быстро обесценивавшимся совзнакам[46]. В этом запрете заключается одно из основных отличий валютного рынка нэпа от операций Торгсина. Открыв Торгсин для советских граждан, правительство фактически разрешило использовать валютные ценности в качестве средства платежа внутри СССР.

Появившийся при нэпе легальный валютный рынок являлся частью денежной реформы червонца, проводившейся в борьбе с послевоенной разрухой и инфляцией для создания устойчивой денежной системы[47]. Жизнь легального валютного рынка нэпа была короткой – уже к концу 1926 г. он был вновь загнан в подполье, – но бурной. Отцом советского легального валютного рынка можно считать одного из авторов денежной реформы Л.Н. Юровского, заместителя, а затем начальника Валютного управления Наркомфина. В период реформы червонца специалисты Валютного управления считали бесполезным запрещать людям иметь золотые монеты, хотя попытки ввести такой запрет в период нэпа были[48]. Не видели они смысла и в том, чтобы запрещать частные операции по купле и продаже золотого царского чекана и валюты. Все равно эту практику не остановишь, только загонишь в подполье, отток же чекана и валюты на «черный» рынок грозил ростом цен на них и на товары на вольном рынке. Лучше уж разрешить валютные сделки, чем потом биться с инфляцией.

В годы нэпа советские граждане могли свободно покупать и продавать валюту и золотые монеты на биржах[49], в отделениях Госбанка и в магазинах – скупка Наркомфина работала и через торги, а присутствие дефицитных товаров, стимулировало сдатчиков[50]. В числе других валютных прав гражданам разрешалось по официальному обменному курсу переводить родственникам и друзьям за границу валюту в сумме до 100 руб. в месяц (на бóльшие суммы требовалось разрешение), а в случае поездки за границу обменять на валюту до 200 руб.[51]

Государство активно вмешивалось в работу валютного рынка, используя в то время в основном экономические методы его регулирования. Госбанк и Наркомфин проводили «валютные интервенции» для укрепления только что введенного в обращение червонца[52]. В Наркомфине в августе 1923 г. для этого специально создали Особую часть[53]. Во главе ее стоял человек Юровского – Л. Л. Волин[54]. Цель валютных интервенций состояла в том, чтобы, удовлетворяя спрос людей и организаций на золотые монеты и валюту, поддерживать на вольном рынке обменный курс червонца по отношению к доллару на уровне официального обменного курса. Для этого агенты Особой части, среди которых были и профессиональные «валютные спекулянты», продавали и покупали на официальных и «черных» биржах, а также «американках» золотые монеты и иностранную валюту по рыночной цене[55]. Золотые монеты и валюта, которые Госбанк и Наркомфин выбрасывали через своих агентов на внутренний валютный рынок во время интервенций, понижали их рыночную стоимость по отношению к червонцу. Валютные интервенции проводились организованно и осознанно, но по сути они имитировали стихийные механизмы работы рынка. Политбюро санкционировало валютные интервенции, а Экономическое управление ОГПУ, чьи секретные агенты следили за работой бирж, контролировало их. Агенты Особой части Наркомфина, проводившие валютные интервенции, были зарегистрированы в ОГПУ, что впоследствии, после изменения валютной политики, стоило многим из них свободы, а некоторым и жизни[56].

Валютные интервенции были секретными государственными операциями. Внешне агенты Особой части не отличались от других валютных маклеров. Они получали 0,5–1 % от суммы купленной и проданной валюты, зарабатывая в месяц в среднем около 1000 руб., а в отдельных случаях и тысячи рублей за несколько часов. Для сравнения: партийный максимум зарплаты, которую могли получать в то время коммунисты, составлял 225 руб. в месяц. Государство использовало валютную спекуляцию в интересах укрепления денежной системы, при этом разрешая маклерам наживаться. С на-

чалом репрессий против валютного рынка нэпа это будет поставлено в вину сначала Волину, а потом и Юровскому.

Валютные интервенции важны для истории Торгсина тем, что благодаря им советские граждане существенно пополнили свои золотые и инвалютные сбережения, которые позже снесли в Торгсин. В архивах сохранились данные о золотых операциях Госбанка за период нэпа (*табл. 1*). Хотя они представляют только часть валютных сделок 1920-х гг., данные Госбанка позволяют увидеть «порядок цифр» для оценки размаха продаж золота населению незадолго до открытия Торгсина. Кроме того, они важны для сравнения размеров золотоскупочных операций периода нэпа с будущими золотыми оборотами Торгсина. И наконец, эти данные показывают динамику валютных страстей и роль различных видов золота в жизни людей.

Статистика золотоскупки Госбанка (*табл. 1*) свидетельствует, что операции с бытовым золотом и монетами представляют две разные модели социально-экономического поведения. Продажа бытового золота государству – крик отчаяния, показатель кризиса, ведь, как правило, люди продают личные ценные вещи тогда, когда других средств нет. Так, в тяжелые послевоенные годы разрухи и инфляции население продало государству почти 6 т бытового золота (*табл.1*). Успехи нэпа и нормализация жизни привели к резкому снижению продажи личных золотых вещей. К 1926 г. она упала настолько сильно, что руководство Госбанка начало говорить о «почти полном истощении накоплений у населения». История Торгсина показала ошибочность этого заключения – просто надобность в продаже личных ценностей отпала: середина 1920-х гг. была одним из наиболее благополучных периодов жизни в Советской России.

По мере падения поступлений бытового золота от населения Госбанк ориентировался на скупку золота в районах приисков (*табл. 1*). Вначале он выдавал авансы под продукцию, а с 1925/26 г. перешел к кредитованию государственных золотодобывающих предприятий и частников. Эта деятельность, однако, продолжалась недолго. В 1926/27 хозяйственном году скупка золота крупных государственных предприятий (Енисейзолото, Лензолото, Алданзолото и др.) перешла в ведение Наркомфина, что объясняет снижение данных в таблице за этот год.

Операции с золотыми монетами в основном представляют предпринимательскую модель поведения населения. Во время кризисов люди могли продавать государству царский чекан из нужды, но покупка монет являлась средством вложения капитала. Разница между суммой монет, проданных населением государству и купленных у него в периоды валютных интервенций, зависела от степени доверия червонцу. В начальный период денежной реформы, 1922–1923 гг.,

люди активно скупали золотые монеты, не доверяя обесценивавшимся совзнакам и новорожденному червонцу (*табл. 1*). Затем, благодаря значительным валютным интервенциям, червонец укрепился, и его обменный курс по отношению к золоту и валюте на вольном рынке стабилизировался. Рост доверия к червонцу привел к сбросу монет населением. В 1924 г. Госбанк купил у населения золотых монет значительно больше того, что продал (*табл. 1*). Ослаб валютный ажиотаж, установилась атмосфера относительного валютного спокойствия. Люди стали охотнее принимать червонцы по валютным переводам из-за границы, не требуя «с пеной у рта» выдать им валюту. Снижение валютных аппетитов населения позволило государству ослабить и валютные ограничения. В сентябре 1924 г. норма перевода валюты за границу была повышена со 100 до 200 зол. руб., а норма обмена валюты на поездку за границу с 200 до 300 руб. Июньским декретом 1925 г. валютный обмен был разрешен вне бирж и кредитных учреждений[57].

Положение стало меняться в 1925 г. Началась борьба двух тенденций. С одной стороны, благодаря валютным интервенциям прошлых лет и стабильности червонца население продолжало активно продавать государству золотой царский чекан (*табл. 1*). В то же время, отреагировав на начавшиеся в 1925 г. инфляционные процессы, связанные с попыткой форсирования промышленного развития, люди начали запасать золотые монеты. В ответ государство ввело валютные ограничения[58]. Но все-таки в тот год резкого дисбаланса между покупкой и продажей монет населению пока еще не было.

Крах валютных интервенций и вместе с ними легального валютного рынка нэпа произошел в 1926 г. Почему и как это случилось? Судьба валютного рынка зависела от выбора путей экономического развития и результатов политической борьбы за власть, которая разворачивалась в руководстве страны. Две концепции проведения индустриализации столкнулись тогда лбами. Одна из них, которую условно можно назвать «жизнь по средствам», выступала за умеренные планы промышленного развития, жесткую кредитно-денежную политику, использование экономических методов для поддержания стабильного курса червонца по отношению к золоту и иностранной валюте и для привлечения валютных сбережений населения. Выразителем этой политики выступали Госбанк и особенно Наркомфин с его руководителями и специалистами, прежде всего Г. Я. Сокольниковым и Л. Н. Юровским. Другая концепция, которую метафорично можно назвать «жизнь в кредит», призывала форсировать темпы индустриализации, что неминуемо вело к несдержанной кредитной политике и денежной эмиссии, а в результате – к инфляции и обострению товарного дефицита. Воинственными сторонниками

этого пути развития были ВСНХ и Госплан в лице С.Г. Струмилина, В.Г. Громана и др.

При выборе сценария «жизнь в кредит» валютные интервенции теряли смысл: попытки поддержать стабильный курс червонца по отношению к доллару и золоту в условиях быстро нараставшей инфляции путем выброса на вольный рынок золотых монет и валюты из хранилищ Госбанка и Наркомфина быстро исчерпали бы золотовалютные ресурсы страны. Без валютных же интервенций червонец быстро бы обесценился. Как результат, люди перестали бы продавать золото и валюту государству, ценности начали бы уходить на «черный» рынок, где их обменный курс все больше бы отрывался от низкого официального. Не имея возможности получить валютные накопления населения экономическими методами, государство стало бы применять массовые репрессии.

Развитие страны пошло по сценарию «жизнь в кредит». В 1925/26 г. руководство страны в 2,5 раза увеличило капитальные вложения в промышленность. Заработал печатный станок, выбрасывая в обращение все новые суммы бумажных денег. Хлебный экспорт, за счет которого планировали пополнить валютные ресурсы, оплатить импорт и поддержать денежную систему страны, давал сбои: государственные скупочные цены не устраивали крестьян, а промышленных товаров для стимулирования заготовок сельскохозяйственной продукции у государства не хватало. Рост бумажных денег в обращении при дефиците товаров привел к тому, что начали быстро расти цены: в тот период времени государство могло контролировать только отпускные цены госпредприятий и цены кооперации, а розничная торговля находилась в руках частника. Покупательная способность червонца начала падать, а его обменный курс на вольном рынке по отношению к доллару начал расти и отрываться от фиксированного официального.

Для того чтобы поддержать червонец в условиях нараставшей инфляции, государство вначале усилило валютные интервенции. В октябре 1925 г. Госбанк и Наркомфин продали населению золотых монет на сумму 2,1 млн руб., в ноябре – 4,2, в декабре – 7,2, в январе 1926 г. – более 7,6 млн руб. Таким образом, только за четыре месяца валютной интервенции государство выбросило на вольный рынок золотого чекана более чем на 21 млн руб. Купили же мало: в октябре на 283 тыс. руб., а к декабрю сумма скупки снизилась до 190 тыс. руб.[59] Для поддержания валютных интервенций в 1925/26 г. Госбанк из своих золотых запасов даже начеканил *для продажи населению* золотых царских монет на сумму 25,1 млн руб.![60] Кроме царского чекана, за тот же период с октября 1925 г. до февраля 1926 г. в рамках валютной интервенции Госбанк и Наркомфин продали населению 4,1 млн долл. и почти 500 тыс. ф. ст. В феврале 1926 г. руководство страны пыталось снизить расходы на интервенцию, проведя репрессии против незаконных покупок валюты, но, несмотря на это, все равно вынуждено было выбросить на вольный рынок значительную сумму: золотых монет на 6,3 млн руб., а также 812 тыс. долл. и 98 тыс. ф. ст.[61] Политика укрепления червонца также требовала немалых валютных средств на поддержание его позиций за границей. Только в июле 1925 г. государство потратило 1,7 млн руб. валютой, чтобы скупить червонцы за рубежом[62].

Тощий золотовалютный запас СССР[63] не мог выдержать таких трат[64]. В декабре 1925 г. руководство Госбанка сообщало в Политбюро о том, что не имело достаточных средств для оплаты импорта. Политбюро вынуждено было разрешить вывезти за границу золота в декабре 1925 г. на 15 млн руб., а в январе 1926 г. еще на 30 млн руб. Часть этого золота была депонирована в банках за границей, как гарантия оплаты импорта, часть была продана[65]. К апрелю 1926 г. по сравнению с 1 октября 1925 г. свободные валютно-металлические резервы Госбанка снизились почти на треть, а общие валютные ресурсы страны сократились на 82,5 млн руб., составив всего лишь 221,4 млн руб.[66]

В период обострения валютного кризиса в конце 1925 – начале 1926 г. руководство страны стало сворачивать легальные валютные операции. Сумму валюты, которую граждане могли перевести за границу, уменьшили вдвое, с 200 до 100 руб. в месяц, причем многие отделения Госбанка перестали вообще принимать такие переводы. Продажа инвалюты через банки была остановлена, за исключением тех случаев, когда люди меняли деньги для поездки за границу. Правительство резко повысило таможенные пошлины на импортируемые товары. В результате многие поступившие в то время из-за границы посылки поехали назад, люди отказались от них. Выросла стоимость заграничных паспортов, что сделало невыгодными распространенные ранее поездки за границу для закупок повседневных товаров. Государство ограничило выезд на лечение и отдых за границей[67].

Пытаясь сократить расходы на валютную интервенцию, Политбюро потребовало принять меры против валютной контрабанды и незаконных безлицензионных покупок валюты и золота учреждениями, предприятиями и организациями. Сталин был сторонником свертывания валютного рынка. 18 января 1926 г. на заседании комиссии Политбюро он высказался за лишение спекулянтов возможности использовать валютную интервенцию в ущерб государству, что означало санкцию на проведение репрессий на валютном рынке[68]. В феврале – апреле 1926 г. с одобрения Политбюро ОГПУ про-

вело в крупных городах массовые аресты валютных маклеров[69]. Операции против валютных спекулянтов проводились и раньше, в конце 1923 – начале 1924 г., но тогда, в разгар реформы червонца, Политбюро прислушивалось к мнению Наркомфина, одергивая ОГПУ[70].

Репрессии начала 1926 г. представляли радикальный поворот в валютной политике. Начавшись, они уже не прекращались, став на годы вперед основным способом выколачивания валютных ценностей у населения. ОГПУ получило больше свободы действий. В марте 1926 г. СТО разрешил ОГПУ проводить в пограничных районах обыски, конфискацию валюты и золота, а также аресты лиц, *подозреваемых* в контрабанде. Решать, как далеко простирались пределы пограничного района, должно было само ОГПУ[71]. Меры вводились как временные, но оказались долгосрочными. В результате экономических мер и репрессий в начале 1926 г. пределы легального валютного рынка сузились, валютные операции были загнаны в подполье.

Сторонники форсированной индустриализации усилили атаки на политику валютных интервенций и персонально тех людей, которые ее проводили, требуя, чтобы валютные средства, вместо поддержания стабильности денежной системы, шли на промышленное развитие. Да и сами сторонники валютных интервенций понимали, что условия, обеспечивавшие их эффективность: жесткая кредитная и сдержанная эмиссионная политика, реальность плана, – были подорваны, а без них валютные интервенции теряли смысл. В марте 1926 г. валютные интервенции резко сократились, а в апреле практически прекратились[72]. Тогда же, в апреле, Политбюро приняло решение о прекращении котировок червонца за границей, что означало и запрет на вывоз червонцев за рубеж[73]. Так похоронили идею конвертируемого золотого червонца.

Экономическое решение остановить валютные интервенции, которое при другом стечении обстоятельств могло бы оказаться лишь временной мерой, было обильно сдобрено политическим соусом и проводилось полицейскими методами. В феврале–марте 1926 г. вместе с репрессиями против валютных маклеров в крупных городах ОГПУ арестовало руководителя Особой части Наркомфина Волина, ряд его сотрудников и родственников. Был арестован и начальник Московского отделения Особой части А. Чепелевский. Их обвинили в смычке с валютными спекулянтами, пособничестве к обогащению и подрыве государственных валютных запасов. Обвинители сделали вид, что не знали, что валютные интервенции были не личным делом Волина, а государственной политикой, проводившейся с одобрения Политбюро и в контакте с ЭКУ ОГПУ. С санк-

ции Политбюро без суда решением коллегии ОГПУ Волин и Чепелевский были осуждены и расстреляны[74]. Особую часть Наркомфина ликвидировали. Вместо нее создали государственную фондовую контору, которая должна была регулировать валютные операции через кредитные учреждения, не прибегая к помощи «валютных спекулянтов».

Кризис 1925/26 г. был преодолен возвращением к «жизни по средствам». Идею форсированной индустриализации на время отложили. Видимо, ее сторонники, и прежде всего Сталин, в тот момент не чувствовали себя политически достаточно сильными. План развития на 1926/27 г. был пересмотрен. Руководство страны стало проводить сдержанную кредитную политику. Но к валютным интервенциям государство не вернулось, и легальный валютный рынок, существовавший в период реформы червонца, восстановлен не был, несмотря на то, что экономическая ситуация в стране стабилизировалась и валютные резервы с весны 1926 г. до лета 1927 г. росли.

Развал легального валютного рынка – одного из центральных элементов денежной системы 1920-х гг. – был серьезным ударом по принципам новой экономической политики и ее крупной потерей. Политическое укрепление Сталина и его сторонников привели к новому приступу форсирования индустриализации в 1927 г. и отказу от нэпа. Поворот от политики поддержания устойчивой денежной системы к политике кредитной инфляции завершился. С прекращением валютных интервенций и ростом инфляции обменный курс червонца по отношению к иностранным валютам и золоту на вольном рынке все более отрывался от официального. С началом форсированной индустриализации в 1927 г. в некоторых регионах цена золотой царской десятки в два раза превышала номинал, а обменный курс доллара был на 30–40% выше официального обменного курса[75]. Дефицит и инфляция быстро росли в начале 1930-х гг., что привело к крушению червонного обращения.

В период стабилизации денежной системы и доверия к червонцу в середине 1920-х гг. многие люди покупали государственные ценные бумаги на биржах, предпочитая получать процентный доход, вместо того, чтобы скупать валюту и золото. В условиях инфляции и обострения дефицита уже мало кто хотел держать сбережения в Госбанке или покупать государственные займы, было более выгодно скупать золото и валюту. Получавшие переводы из-за границы стали все более настойчиво требовать выплаты денег не в червонцах, а в «эффективной валюте». Набиравшая ход индустриализация остро нуждалась в валюте, но привлечь частные сбережения на службу государства экономическими методами стало практически невозмож-

но. Валютные ценности уходили из-под носа государства на «черный» рынок. В результате усилилась силовая валютная интервенция: обыски, конфискации ценностей и аресты их владельцев.

Репрессии против «держателей валюты» сконцентрировались в ЭКУ ОГПУ. Уголовный розыск и милиция должны были передать ему все дела «валютчиков»[76]. В конце 1920 – начале 1930-х гг. под лозунгом борьбы с валютной спекуляцией прошли массовые принудительные изъятия ценностей у населения. В их числе – кампания 1930 г. по конфискации серебряной монеты, в ходе которой ОГПУ арестовывало и владельцев золота[77]. Циркуляр № 404 ЭКУ ОГПУ от 20 сентября 1931 г. разрешил изъятие золотых и серебряных предметов домашнего обихода. Сотрудники ОГПУ так усердствовали, что Экономическое управление вынуждено было одергивать их: в сентябре 1932 г. специальный циркуляр ЭКУ ОГПУ разъяснял, что отбирать бытовые ценности можно только в случае, если их количество «имело товарный спекулятивный характер», а также в случаях их «особой валютной важности». Однако злоупотребления не прекратились[78]. В 1930–1932 гг. в рамках борьбы с контрабандой в стране прошли массовые операции по изъятию валюты. В особых папках Политбюро распоряжения типа «Обязать ОГПУ в семидневный срок достать 2 млн рублей валюты» или «Предложить (другой вариант: «категорически предложить». – *Е. О.*) ОГПУ до 25 февраля (срок 1 месяц) с.г. сдать Госбанку валюты минимум на один миллион рублей» встречаются, если и не постоянно, то регулярно[79]. Методы использовались самые разные – уговоры, обман, террор. Сон Никанора Ивановича о театрализованно-принудительной сдаче валюты из «Мастера и Маргариты» Булгакова – один из отголосков «золотухи» тех лет[80]. Концерт-истязание для валютчиков, оказывается, вовсе не был досужей фантазией Булгакова! В 1920-е гг. евреев-нэпманов ОГПУ убеждало сдать ценности с помощью родных им еврейских мелодий, которые исполнял специально приглашенный музыкант, и говорят, это средство действовало почти безотказно![81] Но шутки в сторону, были у ОГПУ и откровенно кровавые методы. Например, «долларовая парилка» – ОГПУ держало жертву в тюрьме и пытало до тех пор, пока родственники и друзья за границей не присылали валютный выкуп[82]. Показательные расстрелы «укрывателей валюты и золота», санкционированные Политбюро, также были в арсенале методов ОГПУ[83]. Фактически страна вернулась к жесткой валютной политике периода Гражданской войны.

Массовые репрессии против владельцев ценностей, которые проходили в конце 1920 – начале 1930-х гг., не были подкреплены изменением общего валютного законодательства. Декреты и постановления правительства периода первой половины 1920-х гг., разрешившие владение и свободное обращение валютных ценностей частных лиц, формально сохраняли силу[84]. Прикрываясь «борьбой против валютной спекуляции», ОГПУ, таким образом, нарушало действовавшие в стране нормы права. Спорадические массовые кампании «кавалерийских атак» на валютчиков рубежа 1920–1930 гг. сменились планомерной текущей работой по выкачке валюты у населения, которая стала одной из основных задач Экономического управления. Началась агентурная разработка «социально подозрительных» – «бывших» и нэпманов, розыск тех, кто был «в бегах», сбор информации по вкладам в иностранных банках и получению наследства. В повторную разработку пошли даже те, кто уже был выслан в лагеря и ссылку[85].

Методы ОГПУ худо-бедно работали для извлечения крупных сбережений, но в стране были ценности и другого рода. Их не прятали в тайниках под полом, вентиляционных трубах или матрасах. На виду у каждого они блестели обручальным колечком на пальце, простенькой сережкой в мочке уха, крестиком на шее. Трудно представить человека, у которого не было хотя бы одной золотой безделицы, помноженные же на миллионы населения страны Советов, эти валютные россыпи составляли огромное богатство[86]. По мере истощения государственных золотовалютных резервов и роста потребностей индустриализации у руководства страны крепло желание собрать эти нехитрые ценности, разбросанные по всей стране по шкатулочкам, сервантам и комодам[87]. Проблема состояла в том, как это сделать. Силой вряд ли получится – агентов не хватит за каждым колечком гоняться.

В момент рождения Торгсина в 1930 г. страна уже жила на полуголодном пайке, уверенными шагами двигаясь к катастрофе – массовому голоду. Казалось бы, ответ на вопрос, что предложить людям в обмен на ценности, был очевиден. Люди «подсказывали» ответ руководству страны, но бюрократическая машина поворачивалась медленно. В мае 1931 г. Одесская контора Торгсина сообщала в Москву: *«У нас было несколько случаев обращения об отпуске продуктов* (подчеркнуто мной. – *Е.О.*) *с оплатой наличным золотом (10-ки, 5-ки) старой русской чеканки»*. Одесский Торгсин запросил местное ГПУ и фининспекцию горсовета, те не возражали. Оставалось получить санкцию руководства страны на продажу товаров в обмен на золото[88].

Торгсин в Одессе был не единственным, куда люди приносили золото[89]. Действия тех, кто первым, до официального разрешения, принес свои ценности в Торгсин и предложил их в уплату за товары, были сопряжены с риском, ведь в стране к этому времени уже свирепствовали валютные репрессии: ОГПУ гонялось за «держателя-

ми» ценностей. Советская повседневность была отмечена бытовым героизмом граждан. 14 июня 1931 г. Наркомфин СССР, наконец, разрешил Торгсину принимать монеты царской чеканки в уплату за товары. Монеты без дефектов шли по номинальной стоимости, дефектные – по весу из расчета 1 руб. 29 коп. за грамм чистого золота[90].

Случай с золотыми монетами, как и история с переводами из-за границы, рассказанная в первой главе, показывает механизм развития Торгсина. Валюта нужна была государству, но в условиях голода люди брали инициативу на себя. В этом смысле Торгсин, грандиозное предприятие по выкачиванию валютных средств у населения на нужды индустриализации, был более детищем народа, хотевшего выжить, чем постановлений и решений руководства страны, искавшего ценности.

Золотые царские монеты – лиха беда начало! Подлинная революция на «валютном торговом фронте» началась тогда, когда руководство страны разрешило советским людям сдавать в Торгсин бытовое золото – украшения, награды, нательные кресты, часы, табакерки, посуду и всякий золотой лом – в обмен не на рубли, как в скупке Наркомфина или Госбанка, а на дефицитные товары и продукты[91].

И что только ни найдешь в архивах. У идеи обмена товаров на бытовое золото, оказывается, есть автор! – Ефрем Владимирович Курлянд, проживавший в начале 1930-х гг. на Малой Дмитровке. На работу в Торгсин он пришел в сентябре 1930 г. Свое «рационализаторское» предложение Курлянд сделал, будучи директором столичного универмага № 1. В фонде Торгсина сохранилось его письмо в Наркомвнешторг, написанное в октябре 1932 г.[92], – время бурного развития Торгсина и подходящий момент, чтобы заявить свои авторские права. Ко времени написания письма Курлянд вырос до коммерческого директора Московской областной торгсиновской конторы.

По словам Курлянда, он сделал свое «кардинальное предложение» еще в марте 1931 г. Полгода (!), испытывая «бесконечные мытарства», он добивался его осуществления. Наконец-то, в декабре 1931 г., с устного разрешения председателя Правления Торгсина М.И. Шкляра, Курлянд первым в стране открыл в универмаге Торгсина № 1 продажу на бытовое золото. Через несколько недель после фактического начала операций в московском универмаге Наркомвнешторг узаконил их своим постановлением.

Архивные материалы позволяют точно определить дату официального разрешения на продажу товаров в Торгсине в обмен на бытовое золото. Шкляр, давая в декабре 1931 г. устное разрешение

Курлянду начать торговлю в универмаге № 1, не слишком рисковал, так как этот вопрос уже был в принципе решен «в верхах». 3 ноября 1931 г. Политбюро поручило Нарковнешторгу СССР организовать в магазинах Торгсина скупку золотых вещей в обмен на товары. Специальная комиссия, куда вошли руководители «валютных» ведомств – А.П. Розенгольц (Нарковнешторг), Г.Ф. Гринько (Наркомфин), А.П. Серебровский (Союззолото), М. И. Калманович (Госбанк), Т.Д. Дерибас (ОГПУ), должна была определить районы деятельности Торгсина по скупке бытового золота и методы расчета[93]. 10 декабря 1931 г. решение Политбюро было оформлено постановлением Совнаркома[94]. Текст постановления не подлежал опубликованию, так как по сути являлся официальным признанием плачевного состояния золотовалютных резервов СССР. Руководство страны, видимо, рассчитывало, что молва о Торгсине будет распространяться «из уст в уста». И не ошиблось. Еще до появления официального решения слухи о том, что Торгсин будет продавать советским гражданам товары в обмен на валютные ценности «ходили» по стране[95].

Согласно постановлению Совнаркома о начале торговли на бытовое золото, стоимость сдаваемых золотых предметов определялась исходя из содержания в них чистого золота и его цены, *выраженной в червонцах* по паритету[96]. «Цена, выраженная в червонцах», – эта фраза требует осмысления. Сдатчики бытового золота не получали за него червонцы. И в начале деятельности Торгсина и позже государство платило за сданные ценности не собственно деньгами, которые люди могли бы использовать в других магазинах или копить, а краткосрочными бумажными обязательствами, которые имели хождение только в Торгсине, да на «черном» рынке, разросшемся около него. Строго говоря, торгсиновский золотой рубль физически не существовал, а был условной расчетной единицей. Вначале в качестве платежных средств, удостоверявших сдачу валютных ценностей, в Торгсине использовались всевозможные суррогаты (квитанции Госбанка о переводе или размене валюты, а также рубли валютного происхождения, иностранная валюта, чеки иностранных банков и травелерс-чеки Госбанка, золотые монеты царской чеканки). Потом, в конце 1931 г., появились ТОТ – товарные ордера, или боны Торгсина, выдававшиеся в обмен на ценности. В 1933 г. ТОТ заменили именные книжки. Однако тот факт, что цена сданного бытового золота, а следовательно, и сумма, которую люди получали за свои ценности, *выражалась* в червонных рублях, придавал в глазах обывателя больше веса операциям Торгсина. Именно из-за этой особости торгсиновский рубль назывался «золотым» «валютным» рублем. Хотя развал денежного обращения уже шел полным ходом, черво-

нец пока сохранял репутацию обеспеченной золотом и товарами валюты. Постановление Совнаркома о начале торговли на бытовое золото, связав торгсиновский рубль с червонцем, как бы перенесло на него характеристики последнего – обеспеченность товарами, драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой по курсу на золото. Эти гарантии, однако, не были реальными, так как обменять торгсиновские «деньги» «назад» на золото, валюту и ценности было нельзя. Выполнение обязательств по товарному обеспечению торгсиновского рубля полностью зависело от порядочности государства.

Постановление Совнаркома о начале торговли на бытовое золото уравняло сдатчиков золота в правах с теми, кто платил в иностранной валюте, то есть... иностранцами! Вдумайтесь, правительство обещало, что советский человек может купить все то, что и иностранец! Забегая вперед, скажу, что это равенство потребителей не реализовалось в жизни. Специальные магазины Торгсина для иностранцев по внешнему виду, культуре обслуживания и ассортименту отличались от «простых» торгсинов. Разница между элитным Торгсином и Торгсином простым определялась и разницей спроса. Советский покупатель в своей массе шел в Торгсин от голода за самым насущным – хлебом, иностранцы же покупали антикварную экзотику и то, что позволяло им и в условиях Советской России иметь привычный для них уровень жизненного комфорта. Разумеется, были и среди советских посетителей Торгсина те, кто мог позволить себе деликатесы, предметы роскоши и прочие «излишества». Вспомните хотя бы «сиреневого толстяка» в Торгсине у Булгакова[97] или безголосую модницу Леночку – «дитя Торгсина» – из фильма Александрова «Веселые ребята». Но элитный Торгсин советского потребителя был явлением лишь нескольких крупных магазинов в немногих крупных городах. В крестьянской голодной стране Торгсин, как массовый феномен, мог быть только голодным крестьянским, а его магазины – столь непохожими на роскошный «зеркальный» торгсин Булгакова на Смоленском рынке.

Иногда полезно увидеть не только то, что есть в историческом документе, но и то, чего в нем нет. А ведь в постановлении Совнаркома о начале операций с бытовым золотом отсутствует классовый подход! Советская история 1930-х гг. – это история социальной дискриминации, история неравенства «бывших эксплуататорских» и «трудящихся» классов, деревни и города, привилегий чиновников и уничтожения «врагов народа». Правительству не составило бы большого труда провести социальное размежевание и в Торгсине. Ущемление прав «социально чуждых» было нормой того времени и

недопущение их в Торгсин, по сути лишение валютных прав, логично бы вписалось в иерархию 1930-х гг.

Но этого не случилось. В Торгсине все были социально равны. Правительство не стало делить его покупателей по социальному положению, происхождению, источникам получения дохода, их дореволюционной деятельности, национальности и даже – святая святых! – важности для индустриализации. О подобном разграничении нет ни слова ни в постановлении о создании Торгсина, ни в последующих документах, регламентировавших его деятельность. Не важно, кто приносил золото в Торгсин и какими путями оно досталось людям, лишь бы сдавали. Каждый, у кого были ценности, мог обменять их на товары в Торгсине, будь то хоть «лишенец», хоть «враг народа». В Торгсине правил не класс, а «золотой телец». Ни пролетариат, ни нарождавшийся «новый класс» – партийная бюрократия – официальных привилегий там не имели. Деление его покупателей было чисто экономическое. Нет золота – иди, мил человек, своей дорогой, есть золото – покупай; кто имел ценностей больше, мог и купить больше. В этом смысле в Торгсине не было ни грамма социализма, он был безжалостным «капиталистическим» (рыночным) предприятием. Но вместе с тем, в силу отсутствия социальной дискриминации, Торгсин был и наиболее демократичным социально-экономическим институтом того времени. Открывая Торгсин для советских граждан, государство в интересах индустриализации поступилось не только принципом валютной монополии, но и основополагающим идеологическим принципом марксизма – классовым подходом.

Интересно в этой связи провести параллель между Торгсином и существовавшей одновременно с ним государственной карточной системой. В ней тоже отсутствовал классовый подход. Распределяя продукты и товары по карточкам, правительство разделило население на группы не по классовому признаку, а по степени вовлеченности в индустриальное производство. В государственном пайковом снабжении христоматийные для марксизма классы – рабочие, крестьяне и интеллигенция – отсутствовали. Они были раздроблены на многочисленные подгруппы, перетасованы и объединены в новые группы по принципу – занят в промышленном производстве или нет. Лучшие пайки, если не считать небольшой группы советской элиты, полагались инженерам и рабочим на ведущих индустриальных объектах. Рабочие, занятые на неиндустриальном производстве, снабжались государством значительно хуже: нормы их пайка были ниже, ассортимент скуднее, а цены выше. В целом, в годы карточной системы первой половины 1930-х гг. город жил лучше деревни, а население индустриальных крупных городов снабжа-

лось лучше, чем население неиндустриальных городов, небольших городков и поселков. Крестьяне, которые хотя и работали на индустриализацию, но непосредственно не были вовлечены в промышленное производство, могли рассчитывать на символическое государственное снабжение только при выполнении планов государственных заготовок. В крестьянском снабжении существовала своя иерархия, которая определялась специализацией колхоза или совхоза, а в конечном счете, насколько их товарная продукция была важна для индустриализации. Особенно парадоксально отсутствие классового подхода проявилось в пайковом снабжении изгоев советского общества – «лишенцев», раскулаченных, ссыльнопоселенцев. В отношении них тоже действовал принцип экономической целесообразности. В случае, если лишенный избирательных прав или раскулаченный работал на крупном индустриальном объекте, Магнитке, например, то *по букве правительственных постановлений* он должен был получать такой же паек, как и вольный индустриальный рабочий. Правительство в пайковом снабжении приравняло «деклассированный», «социально чуждый» и «опасный элемент» к индустриальной элите![98]

В Торгсине, как и в карточной системе, классовый подход уступил место практической выгоде, «индустриальному прагматизму», при котором интересы промышленного развития были превыше всего. «Индустриальный прагматизм» доходил до цинизма: любой мог отдать свое золото в Торгсин на нужды промышленного развития, но получить государственный паек в те голодные годы мог далеко не каждый, а только тот, кого государство считало целесообразным кормить.

Согласно постановлению Совнаркома о начале торговых операций на бытовое золото, Торгсин должен был сдавать золото Госбанку по покупной стоимости. Иными словами, за что Торгсин покупал золото у населения, за то и продавал его государству. Этот факт важен для нас. Он свидетельствует о том, что Торгсин был всего лишь «насосом» в руках государства, который перекачивал золото из частных карманов в государственную казну. Торгсин работал не на себя. Он не мог нажиться на валютных операциях. Не Торгсин был удачливым предпринимателем, а советское государство. Оно получило золото в обмен на сомнительные бумажные обязательства, оно заставило людей платить за товары в Торгсине втридорога, с лихвой вернув в казну выплаченные за ценности деньги. Блистательность идеи состояла в том, что государство смогло получить валюту и золото, ничего не вывозя за границу, к тому же порой за товары сомнительного качества. Будь они вывезены за рубеж, удачей было бы

выручить за них десятую, да что там, сотую часть тех валютных ценностей, что отдали советские люди, спасаясь от голода.

Руководство страны стремилось создать льготные условия для Торгсина. Его операции и оборот освобождались от всех государственных, местных и иных налогов и сборов. Местное советское и партийное руководство, представительства ОГПУ, Наркомфина и Госбанка должны было оказывать всяческое содействовать в развертывании торгсиновской торговли – на это была дана специальная директива за подписью Сталина.

Комиссия Политбюро, состоявшая из руководителей «валютных» ведомств, определила районы деятельности Торгсина[99]. В добавление к Европейской части СССР, где уже существовала торгсиновская сеть, в постановлении были названы практически все крупные города Дальнего Востока, Сибири, Урала, Казахстана, Средней Азии и Закавказья. Торгсин должен был охватить своей торговлей городское и сельское население на всей территории страны. Но были и районы, где деятельность Торгсина вначале запрещалась: прииски, местности вблизи золотодобывающих комбинатов[100]. Запрет был понятен, ведь соседство Торгсина могло стимулировать хищения с государственных предприятий золотодобывающей промышленности. Дело Торгсина было забрать ценности у населения, а скупкой золота у частников-старателей занималось Главцветметзолото, в распоряжении которого была аппаратура для определения точного места добычи – залог предотвращения краж у государства. Торгсину также запрещалось скупать золото в пограничной полосе, там хозяйничало ОГПУ.

Вернемся, однако, к Ефрему Владимировичу Курлянду. Заявляя права на свое авторство, он с обидой писал, что остался в тени, что не получил никакого вознаграждения за свое изобретение, а ведь его идея принесла колоссальные результаты: продажа на бытовое золото превратилась в главную статью доходов Торгсина, ставшего одной из ведущих валютных организаций страны. Курлянд рассчитывал на вознаграждение «по принципу премирования ценных предложений».

Был ли Курлянд самозванцем? Думаю, что он, действительно, одним из первых «озвучил» идею продажи товаров на бытовое золото. Его служебное положение позволило ему «достучаться» до руководства Торгсина. Другое дело, что, как ни хороша была эта идея, она не реализовалась бы, если бы не работала в том же направлении, что и поиски «золотых» комиссий Политбюро. Два обстоятельства позволяют признать авторство Курлянда. Первое – имена свидетелей, которые он привел в своем письме. Среди них бывшие – в момент написания письма у них были уже другие должности – «член

Оргбюро и организатор Торгсина» И. Шуляпин, заместитель председателя правления Торгсина В. К. Жданов, начальник валютного отдела Экономического управления ОГПУ Г. Я. Геляров, заведующий отделом скупки золота и ювелирных товаров Мосторга Грунт, секретарь ячейки ВКП(б) Торгсина Евдокимов, а также сослуживцы Курлянда по универмагу № 1[101]. Вторым доказательством в пользу правоты Курлянда было то, что Наркомвнешторг поддержал его ходатайство. В архиве сохранился запрос Нарковнешторга в Правление Торгсина, в котором Курлянд признавался автором идеи продаж на золото и «актуальным борцом за введение указанной идеи в жизнь». Наркомвнешторг называл идею Курлянда «изобретением по линии торговли на инвалютные ценности внутри страны». Никаких сомнений по поводу авторства Курлянда Наркомвнешторг не высказал, более того, просил Правление Торгсина дать заключение о размере премии: *«Просьба указать, в какой сумме Вы полагали бы возможным премировать т. Курлянда, исходя из расчета экономического эффекта, полученного от проведения в жизнь этого мероприятия»* [102].

На этом переписка обрывается. А интересно было бы узнать, какую премию получил Ефрем Владимирович Курлянд. Валютный эффект от его предложения был огромен. Забегая вперед, скажу, что за недолгие годы своего существования Торгсин выкачал у населения ценностей на сумму около 300 млн золотых руб., что по официальному курсу того времени составляло почти 150 млн долл. США покупной способности 1930-х гг. Почти половину (44%) в этой выручке составило бытовое золото и монеты, сданные советскими гражданами. Таким образом, реализация идеи Курлянда принесла государству более 60 млн долл., сумму, в то время достаточную, чтобы купить импортное оборудование для Магнитки, Уралмаша, Днепростроя и Кузнецка, вместе взятых. Живи Курлянд при капитализме, где существует право частной собственности на идеи, он стал бы богачом, в СССР же он, вероятно, получил почетную грамоту, может быть, сто рублей и драповый отрез на пальто, а позже, в период террора, вполне мог быть и репрессирован[103].

Письмо Курлянда и переписка, связанная с ним, интересны не только тем, что позволяют вырвать из забвения имя еще одного человека в истории, но и удивиться тому, с каким трудом эта поистине золотая для государства идея преодолевала бюрократические препоны. С момента предложения Курлянда (март 1931 г.) до решения Политбюро об организации продаж на золото (ноябрь 1931 г.) прошло более семи месяцев, прибавьте сюда еще более месяца до выхода постановления Совнаркома и фактического начала операций в декабре! Лихорадочные поиски валюты, от которой зависело индустриальное развитие страны, в реальной жизни первой пятилетки уживались с волокитой практической реализации – результат бюрократизма и борьбы межведомственных интересов.

Есть еще один вопрос, который заслуживает внимания в связи с письмом Курлянда. Случайно ли, что идея продажи товаров на бытовое золото была высказана торговым работником, а не государственным бюрократом или политическим деятелем? Видимо, нет. Мышление у этих профессий разное. Для государственных и политических деятелей революционного времени товар, рынок, прибыль являлись понятиями другого, обреченного и побежденного, с их точки зрения, мира[104]. Им и думать в этих категориях казалось ересью, предательством. Так учила их теория, а практика революции и Гражданской войны сформировала привычку насилия и убеждение в том, что сила есть кратчайший путь к цели. Другое дело работники торговли – каждый день приходится деньги считать, думать о прибыли, проявлять гибкость. Только загнанное в тупик кризиса утопическими идеями политэкономии социализма и нагнетанием насилия большевистское руководство начинало действовать экономически целесообразно. В результате «красные атаки на капитал» чередовались с полурыночными реформами[105]. Торгсин – одно из лучших тому свидетельств. Он весь – отрицание марксизма, пример крупномасштабного предпринимательства, где государство показало себя бизнесменом. Антирыночная деятельность сталинского руководства стала хрестоматийным местом в современной историографии. Однако в случае с Торгсином государство, напротив, находясь в тисках валютного кризиса и движимое интересами индустриального развития, приняло активное участие в расширении легальных рыночных и валютных отношений. Рынок в плановом хозяйстве СССР являлся, таким образом, результатом активности не только людей, но и государства.

В плановой советской экономике любое частное предпринимательство, связанное с получением прибыли, считалось экономическим преступлением, спекуляцией. В этом смысле в Торгсине советское государство показало себя самым большим спекулянтом, а сам Торгсин *по букве закона* того времени являлся крупномасштабным экономическим преступлением.

Торгсин представлял своего рода второе пришествие легального валютного рынка в СССР. В отличие от валютного рынка нэпа, руководство страны в первой половине 1930-х гг. разрешило использовать золото и валюту в качестве средства платежа, хотя эта операция была ограничена рамками торгсиновских магазинов и завуалирована обменом ценностей на «деньги Торгсина». Однако во многих других аспектах легальные валютные операции первой половины

1930-х гг. были более жестко регламентированы, чем в период нэпа. Действительно, открыв Торгсин, государство подтвердило право людей иметь, без ограничения в размерах, в личном распоряжении валюту, золотые монеты и другие ценности. Однако, в отличие от периода нэпа, частные сделки купли-продажи золота и валюты не разрешались. В стране больше не работали биржи. Государство не проводило валютных интервенций, которые позволяли людям копить валюту и золотые монеты за счет государственных ресурсов. Иными словами, в период Торгсина у людей было меньше легальных способов пополнить свои валютные накопления. Практически единственным легальным источником пополнения валютных сбережений населения были переводы из-за границы.

За время существования легального валютного рынка нэпа Госбанк купил у населения золотых монет на сумму около 28 млн руб., а продал монет почти на 60 млн руб. (*табл. 1*). Более 30 млн руб. (по номиналу) во время валютных интервенций 1920-х гг. перекочевало из хранилищ Госбанка во владение частных лиц. Сумма валютных ценностей, которую население купило у государства в период валютных интервенций, окажется больше, так как ценности продавал не только Госбанк, но и Особая часть Наркомфина[106]. В то время как львиная часть иностранной валюты, купленной на бирже, уходила на оплату контрабанды и нелицензионного импорта, золотые монеты оседали в кубышках у населения, главным образом, у крестьян и нэпманов[107].

В отличие от валютных интервенций периода нэпа, Торгсин работал на поглощение, исчерпание валютных накоплений населения. Голод, разразившийся в стране, способствовал этому. За время существования Торгсин купил у населения монет старого чекана почти на 45 млн руб., побив таким образом вольную скупку Госбанка первой половины 1920-х гг. (*табл. 1*). Он вернул государству не только то золото, что было продано населению через биржевых агентов в период валютных интервенций, но и накопления более раннего времени. Торгсин побил Госбанк и в скупке бытового золота. В то время, как Госбанк за период 1921 – зиму 1928 гг. купил у населения лишь немногим более 11 т «весового золота» (*табл. 1*), Торгсин за четыре года работы (1932–1935) скупил почти в шесть раз больше – около 64 т.

Валютный рынок 1920-х гг. служил укреплению денежной системы страны и был частью более обширного рыночного комплекса нэпа. В централизованной плановой экономике 1930-х гг. Торгсин являлся рыночным *оазисом*. Он приносил прибыль, эксплуатируя недостатки и используя прорехи плановой системы. Он процветал за счет ее нестабильности и состояния острейшего кризиса.

Валютные отношения 1920-х гг. развивались в условиях относительно благополучной экономической и социальной жизни, именно поэтому люди видели смысл в том, чтобы менять валютные ценности на бумажные деньги, червонцы. Валютный рынок первой половины 1920-х гг. был по преимуществу предпринимательским, деловым. Торгсин же был рожден бедой. Для большинства людей он представлял способ выжить. Он и стал-то возможен лишь потому, что государство предложило людям в обмен на ценности не деньги, а продовольствие и товары.

И наконец, тогда как валютный рынок первой половины 1920-х гг. был уничтожен форсированной индустриализацией, Торгсин был рожден ею.

«Торгсиния» – торговая страна

Затухающая пятилетка. «От Москвы до самых до окраин»: Печаль победных реляций. Инспектора и информанты. Хождение в народ. «Правда, дело наше совсем не знает»: такая типичная история

Период торговли с иностранцами – всего лишь предыстория Торгсина, подлинная история началась тогда, когда Торгсин открыл двери советскому покупателю. Сонная жизнь закрытого элитного предприятия сменилась взрывоподобным развитием поистине всенародного размаха. Открывались сотни новых магазинов, охватывая все более отдаленные от центра территории, рос товарооборот, множились функции Торгсина и ширился круг принимаемых им валютных ценностей. Блистающие магазины в городах или неприглядные лавчонки в богом забытых селениях – торгсиновская сеть покрыла всю страну. В СССР каждый знал о Торгсине, но и за границей зазвучало – «Шлите доллары на Торгсин!» Валютные планы правительства подстегивали рост Торгсина, а быстрый рост его торговли раззадоривал аппетиты валютных планов.

Желание руководства страны забрать ценности населения на нужды индустриализации только отчасти объясняет молниеносный взлет торгсиновской торговли. Голод сыграл гораздо более важную роль в бурном развитии Торгсина в 1932–1933 гг., чем нужды страны и руководства. После относительного благополучия нэпа вернулась несытая жизнь. Люди жили впроголодь и в 1928-м, и в 1929-м, и в 1930-м, провальный же урожай 1931-го вкупе с государственными заготовками, коллективизацией и раскулачиванием стал смертным приговором миллионам людей. Люди понесли в Торгсин все

ценное, что имели, не в обмен на икру и меха, а за ржаную муку. Торгсину разрешалось принимать только валюту и золото, но голодные несли серебро, бриллианты, изумруды, картины, статуэтки... как-бы подсказывая неповоротливому руководству, что еще у них можно забрать и превратить в станки и турбины для строившихся индустриальных гигантов. Следуя «инициативе снизу», правительство в конце 1932 г. разрешило Торгсину принимать серебро, затем в августе 1933-го – бриллианты и другие драгоценные камни, а также платину. Со временем Торгсин стал принимать у населения антиквариат и произведения искусства. Но не будем забегать вперед. Посмотрим сначала, как малозначимая контора Мосторга превратилась в торговую страну «Торгсинию», чьи незримые границы далеко перешагнули географические рубежи СССР, а валютный вклад в дело индустриализации превзошел все ожидания.

Итак, в декабре 1931 г. постановлением Совнаркома Торгсин в уплату за товары стал принимать бытовое золото советских граждан. Первые же месяцы «золотых операций» показали ошеломляющие результаты. Если за весь 1931 г., обслуживая иностранных туристов и моряков, Торгсин выручил менее 7 млн руб.[108], то один лишь первый квартал 1932 г. принес более 75 млн[109]. Лишь треть этой суммы составили доходы от портовой торговли и переводы из-за границы, остальное же, львиную долю, обеспечили операции с золотом.

Эксперимент с продажей товаров на бытовое золото явно удался и выглядел столь обещающим, что руководство перешло от экспериментальной к плановой деятельности. В апреле 1932 г. появился пятилетний план работы Торгсина на 1933–1937 гг.[110] В отличие от планов развития народного хозяйства, которые шли по нарастающей, пятилетка Торгсина представляла затухающую кривую! После кратковременного взлета в 1933–1934 гг. ожидалось падение валютных поступлений. Авторы плана объясняли ожидаемый взлет Торгсина «известными затруднениями и перебоями в снабжении», а затухание – улучшением жизни в СССР. Таким образом, с самого начала Торгсин задумывался как «кампания голода»[111].

Планируемое затухание деятельности Торгсина как нельзя лучше показывает, что его создатели понимали, что главным источником его доходов будет не валюта иностранцев, а ценные накопления советских граждан. Поскольку они были ограничены и практически не пополнялись, опустошение золотых кубышек станет концом Торгсина. Интересная деталь: авторы пятилетнего плана считали, что «Торгсин должен в процессе своей деятельности извлечь всю массу золота», однако, по расчетам пятилетки, к 1937 г. у населения еще оставались золотые накопления. Значит, предполагалась и вторая

пятилетка? Жизнь показала, что планируемые темпы затухания оказались заниженными. В действительности массовый голод привел к более скорому исчерпанию ценных сбережений населения. Первая торгсиновская пятилетка была завершена досрочно. У Торгсина не оказалось не только второй пятилетки, он не дожил и до конца первой, его закрыли в феврале 1936 г.

Первый, он же и последний, торгсиновский пятилетний план подтверждает уже отмеченную ранее неповоротливость руководства страны. Вне сферы Торгсина авторы плана оставили многие ценности – бриллианты, платину, произведения изобразительного искусства, серебро. Жизнь позже внесла коррективы в план. Тем не менее шаг был сделан серьезный. Теперь не только иностранцы, но и советские граждане могли платить в Торгсине иностранными деньгами – долларами, фунтами, марками, тугриками. Следует, правда, оговориться. Советским людям разрешалось платить только той иностранной валютой, которую они получили легально по переводам из-за границы. Без этой оговорки выходило бы, что правительство не возражало и против покупки валюты «с рук» на «черном» рынке. В действительности, однако, Торгсин не чинил препятствий, если люди приносили валюту, не подтвержденную денежным переводом. Правительство закрывало на это глаза. Специальное секретное распоряжение требовало, единственно, чтобы подобные нарушения не афишировались.

Показателен в этой связи случай с объявлением на занавеси оперного театра в Одессе: *«ТОРГСИН» отпускает товар всем гражданам за инвалюту»*. Правление Торгсина телеграммой (!) потребовало объявление снять. И вовсе не потому, что оно было на занавеси в оперном театре. В разъяснении к телеграмме говорилось: *«Согласно имеющегося у Вас по этому вопросу секретного распоряжения, афишировать этот вид операций нельзя. Не возражая в принципе против рекламы на занавеси, срочно предлагаем изменить ее текст, указав примерно, что Торгсин производит выдачу товаров из своих магазинов в Одессе и др. крупных городах гражданам за инвалюту, поступающую на их имя через Торгсин из-за границы...* (подчеркнуто мной. – *Е.О.*)»[112].

Согласно пятилетнему плану золото, включая монеты, изделия и лом, должно было играть главную роль в Торгсине. Даже к концу затухающей торгсиновской пятилетки и исчерпания народных сбережений поступление золота не должно было опускаться ниже 60% в общей сумме привлеченных валютных ценностей. Торгсиновская пятилетка фактически подтвердила законность частного владения золотом. По логике плана иметь золото и хранить его дома не являлось преступлением. Не ограничивалось *и количество* золота в час-

тном владении. Более того, по смыслу написанного выходило, что чем больше золота было у людей, тем лучше – больше принесут в Торгсин. Следуя этой логике, хотя составители плана прямо и не говорили об этом, действия ОГПУ по изъятию золотых сбережений населения являлись незаконными.

В начале торговых операций на бытовое золото (ноябрь 1931 г.) у Торгсина было около 30 магазинов. Они работали в немногих наиболее крупных городах и портах. Но уже через год, к концу октября 1932 г., число торговых точек Торгсина выросло до 257, а к началу 1933 г. превысило 400! Это значит, что за осень 1932 г. был сделан скачок, равный предшествующему годовому развитию. Торговля Торгсина росла не только числом магазинов, но и территориально. В марте 1932 г. магазины Торгсина работали в 43 городах, в июле – в 130, в сентябре – в 180, а в конце октября 1932 г. – в 209 городах СССР[113]. Но это было только начало. Постановление Совнаркома предписывало Наркомфину отпустить в первом квартале 1933 г. 5 млн руб. на развитие деятельности Торгсина. К апрелю 1933 г. правительство планировало увеличить число торгсиновских магазинов до 600, затем подняло эту цифру до 1000[114]. Но и это повышенное задание было перевыполнено. В августе 1933 г. у Торгсина было 1500 торговых точек, а его руководство просило у правительства разрешения открыть еще 250 магазинов[115]. В ответ Совнарком ассигновал из своего резерва 2,5 млн руб. на расширение торговой сети Торгсина[116]. Казалось бы – победная статистика, но цифры эти печальные. За победными реляциями Торгсина в 1932–1933 гг. стоит голод.

Торгсин освоил сначала крупные города, которые стали форпостами для проникновения «в глубинку». По мере расширения географии Торгсина складывалась его структура. Открытие магазина в крупном городе, как правило, значило создание конторы Торгсина: открылся магазин в Киеве – появилась Киевская контора, открылся в Казани – Казанская. Конторы затем развивались, открывая новые отделения Торгсина на подведомственной территории, которые со временем могли получить более высокий статус и стать самостоятельными конторами. Структура контор Торгсина повторяла общее административно-территориальное деление СССР первой половины 1930-х гг. Следуя ему, конторы подразделялись на городские, областные, краевые и республиканские. Весной 1932 г. в Торгсине существовало 26 контор, через год их число выросло до 34, а к 1935 г. достигло 40[117].

Наиболее разветвленная сеть контор работала на территории Российской Федерации. Она сложилась уже к лету 1932 г. Помимо наиболее старых[118], Московской, Ленинградской и Северной (порт

Архангельск), были созданы Ивановская (Иваново-Вознесенск), Западная (Смоленск), Воронежская (позже Центрально-Черноземная), Нижегородская (позже Горьковская), Нижне-Волжская (Сталинград), Средне-Волжская (Самара), а также Башкирская (Уфа) и Татарская (Казань) конторы. К концу 1933 г. выделились самостоятельные Курская, Саратовская и Северо-Кавказская (Ростов-на-Дону) конторы[119].

На Дальнем Востоке Торгсин сначала существовал как спецотдел в местном госторге: первые магазины там были открыты еще летом 1931 г. В течение 1932 г. деятельность Торгсина в этом регионе активно развивалась, и число магазинов Дальневосточной конторы Торгсина к началу 1933 г. достигло 26. Из Дальневосточной конторы вскоре выделились самостоятельные Приморская (Владивосток), Хабаровская и Амурская.

В начале 1932 г. началось создание торгсиновской сети в Сибири, где появились две краевые конторы: Восточно-Сибирская с центром в Иркутске и Западно-Сибирская в Новосибирске. В Свердловске открылась Уральская контора. В 1933 г. из Уральской и сибирских контор выделились самостоятельные Кировская, Челябинская, Оренбургская, Омская и Якутская (Якутск) конторы.

Украина, после РСФСР, была второй советской республикой с наиболее развитой торгсиновской сетью. Еще в мае 1931 г. появилась Киевская контора, а в августе была открыта Харьковская. Осенью 1931 г. в Украине работало восемь магазинов. К лету 1932 г. сформировались Винницкая, Одесская, Днепропетровская, Донецкая (Мариуполь) и Черниговская конторы Торгсина, которые просуществовали вплоть до его ликвидации.

Осенью 1931 г. конторы Торгсина появились в Крыму (Симферополь) и Закавказье, где образовались Азербайджанская (Баку), Грузинская (Тифлис), Аджарская (Батум), а позже, в конце 1933 г., Армянская (Ереван) конторы. К лету 1932 г. уже действовала Белорусская контора с центром в Минске. В начале 1932 г. рассматривался вопрос об открытии контор Торгсина в Средней Азии[120]. Активное развитие Торгсина проходило в этом регионе летом–осенью 1932 г. и в 1933 г. В результате появились республиканские конторы в Узбекистане (Ташкент), Туркмении (Ашхабад), Таджикистане (Сталинабад), Киргизии (Фрунзе) и Каракалпакии (Турткуль). Казакская[121] контора с центром в Алма-Ате уже существовала к лету 1932 г., но ее активное развитие началось в конце 1932 г. В начале 1933 г. открылась Всемолдавская контора (Тирасполь).

Сеть торгсиновских контор и магазинов покрыла всю территорию Советского Союза от Смоленска до Владивостока, от Ашхабада

до Архангельска. Поистине, «от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей»! Развившись, она напоминала кровеносную систему размером в шестую часть земной суши: из Москвы, как от сердца, тянулись линии сосудов к столицам торгсиновских контор. Четко очерченные в начале, они затем ветвились, превращаясь в путаную сеть микроскопических капилляров, концы которых терялись в городках и поселках, чьи названия были известны разве что местному жителю. Организм этот жил лихорадочной жизнью, его пульс был то бешеным, то вялым – Москва спорадически выбрасывала деньги и товары, которые, пройдя сложную систему переплетения сосудов, поглощались конторами и потребителем; обратным же движением система несла в Москву мешки с монетами, золотым и серебряным ломом, бриллиантами и пачками разноязыких купюр.

Во главе контор стояли управляющие, которые подчинялись председателю Правления Торгсина в Москве. Со временем в республиках появились назначенные Правлением республиканские представители. Они работали в Украине (Харьков), Закавказье (Тифлис) и Средней Азии (Ташкент)[122]. Анализ материалов среднеазиатских контор Торгсина позволяет, однако, сказать, что республиканский представитель был фигурой безвластной. Правление наделило его лишь функциями контроля. Ни фондов, ни права решать торгово-оперативные вопросы он не имел. Подчинение ему республиканских контор выглядит номинальным. Фактически принимать решения, включая и оперативные, могла только Москва. В Средней Азии, например, в ноябре 1933 г. республиканские конторы требовали вместо безвластного всереспубликанского представителя создать Среднеазиатскую контору, наделенную торгово-оперативными правами и финансовыми средствами, которой стали бы подчиняться торгсины всех среднеазиатских республик[123].

Представительства Торгсина появились и за границей. Торговые агенты и реклама агитировали иностранных обывателей переводить деньги на счет Торгсина или заказывать через него продовольственные посылки для родственников и друзей в СССР.

Архивные материалы позволяют увидеть не только общую панораму развития Торгсина, но провести и микроанализ, посмотреть, как в реальной жизни проходило открытие его контор. После того, как комиссия Политбюро определила основные районы деятельности Торгсина, на места поехали инспектора Правления. Приезжая в республику, край или область, они прежде всего шли в местный комитет партии и представительство ОГПУ, заходили также в местный совет и отделение Госбанка. Цель визитов была не только в том, чтобы лично поставить в известность местных руководителей о начале валютных операций на их территории, но и получить сведения о ценных накоплениях населения, а также помощь в подборе кадров и поиске подходящих помещений. Правление Торгсина рассылало на места письма с призывами оказать содействие его посланцам[124].

Целесообразность открытия магазина в том или ином городе определялась многими факторами: близостью к железной дороге и удобством путей сообщения, наличием в округе снабженческих организаций, в первую очередь отделений Заготзерно и нефтескладов – мука, крупа и керосин были самыми ходовыми товарами. Но наиглавнейшим условием открытия торгсина был валютный потенциал населения. Информантами являлись ОГПУ – кому как не его сотрудникам было знать, сколько припрятано золотишка, – а также Госбанк с его сведениями о валютных переводах местному населению. Для определения валютного потенциала территории инспектора принимали во внимание, насколько богатым было в прошлом местное дворянство, промышленная буржуазия, купечество, мещане; а также количество иностранных рабочих и специалистов на местных предприятиях, близость границы, развитие золотодобычи, прежде всего частного старательского промысла, торговые пути караванов заморских купцов, поступление валютных переводов из-за границы и многое другое. Валютный потенциал мог быть определен «на глазок», по косвенным признакам: *«В городе нет ни одного заргара (туземного ювелира)»*, – писал инспектор из Узбекистана, делая вывод, что золота у населения нет[125]. Раскулачивание крестьян, которое в ходе коллективизации началось накануне развертывания торговой сети Торгсина, противоречило его интересам. В одном из отчетов инспектор приводил факт раскулачивания местного населения как довод против открытия Торгсина в этом районе[126]. То, что валютный потенциал территории был главным в решении об открытии магазинов Торгсина, подтверждает распоряжение Правления Торгсина закрывать магазины там, где запасы золота у населения исчерпаны[127]. На основе данных о валютном потенциале территории инспектор должен был приблизительно определить для нее план привлечения ценностей.

О результатах разведки инспектора доносили в Москву. Интересна в этой связи докладная записка по Средней Азии, составленная в самом начале деятельности Торгсина в этом регионе в феврале 1932 г.[128] Инспектор определил наиболее перспективные города и привел доводы в пользу их выбора: Ташкент – до революции самый крупный в Средней Азии торговый и административный центр с высоко оплачиваемым чиновничеством, в советское время – место притяжения состоятельных людей из других городов и значительных переводов из-за границы, к тому же, город посещали афганские

купцы. План привлечения золота для Торгсина в Ташкенте инспектор определил в 270 тыс. руб.; Бухара – в дореволюционное время сосредоточие «колоссальных сумм в золоте и золотых изделиях», активно торговала с соседними государствами, а значит, есть иностранная валюта. Начальное плановое задание для Торгсина в Бухаре инспектор определил в 90 тыс. руб.; Ашхабад – близость Персии и контрабандная торговля, значительные запасы бытового золота. Задание – 46 тыс. руб.; Коканд и Андижан – центры хлопководства, «в прежнее время имели весьма значительное число состоятельных лиц, от которых несомненно осталось и до настоящего времени золото». Здесь Торгсин, по мнению автора записки, мог рассчитывать на получение около 42 тыс. руб.; Самарканд – учитывая наличие состоятельных людей в прежнее время и возросшее значение этого центра при советской власти, инспектор рассчитывал получить 60 тыс. руб. А вот валютный потенциал города Фрунзе автор записки оценил низко: золотые операции не дадут больше 25 тыс. руб., поступление переводов из-за границы невелико, иностранцев нет. В ноябре 1932 г., однако, уже другой инспектор, занимавшийся организацией Киргизской конторы, опровергая это мнение, писал из Фрунзе: *«Из разговоров с начальником экономического отдела ГПУ выяснилось, что запасы золота у нас имеются в больших размерах и многие ждут открытия Торгсина, т.к. опасаются его конфискации соответствующими органами»*[129].

Открытие Торгсина в городах Наманган и Фергана (Узбекистан), а также в туркменских городах Термез, Керки и Кушка в 1932 г. автор докладной записки считал нежелательным, так как состоятельных лиц там было немного, торговля велась в основном на серебро, а также, что интересно, потому, что «в них мало лиц, которых можно было бы заинтересовать покупкою высокосортных товаров». Пессимистичную оценку валютного потенциала Туркмении находим и в другой докладной записке. По мнению автора, расчитывать на большое количество золота у советских граждан, русских, туркмен и армян, живших в Туркмении, не приходилось: русское население – в основном приезжие, есть у них кольца, перстни, серьги, брошки, но по мелочи; «туркмены сами являются с давних лет небогатым, эксплуатируемым населением, к тому же страсть у них была заводить вещи не из золота, а из серебра»; остаются армяне – «народ довольно развитой» и раньше занимались торговлей. Видимо, заключал автор, основными покупателями в Туркменском Торгсине будут армяне[130].

Изучение валютного потенциала Таджикистана показало, что открытие универмага в главном городе Сталинабаде могло оказаться рискованным – иностранцев всего лишь пара десятков человек, рас-

считывать приходилось только на советских людей, у которых могло быть царское и бухарское золото, но, по мнению инспектора, все зависело от ассортимента товаров. Более перспективным, с его точки зрения, выглядел Сарай–Камара, где было много иностранных рабочих и приезжих купцов[131].

Разведдонесения поступали со всех концов страны. Инспектор с Кубани просил организовать фургонную торговлю в станицы, так как у казаков были значительные старые золотые накопления[132]. Уполномоченный Торгсина писал из Украины, что в годы Гражданской войны и нэпа в республике осело большое количество золотых монет и валюты[133]. Из Восточной Сибири инспектор Торгсина сообщал, что в районе города Сретенска добрая половина крестьян занималась лотошничеством, мыли золото на брошенных приисках. Крестьяне, нуждаясь в советских деньгах, на рынке продавали это золото китайцам. Утечка за границу составляла порядка 30 кг золота в месяц. Следовал вывод о том, что надо бы Торгсину организовать скупку золота в этом районе[134]. Но инспектор отмечал и другую, в данном случае негативную особенность Восточной Сибири, – отсутствие до революции *«в большом количестве крупной промышленности и торговой буржуазии, помещичьих усадеб, родовой аристократии, крупного чиновничества и богатого мещанства, которые являлись главными держателями бытового золота, серебра, драгоценных камней и пр., поэтому этого вида ценностей не много»*[135].

Здесь следует остановиться и сделать небольшое, но важное отступление. В большинстве неперспективных городов и селений, забракованных инспекторами Правления, магазины Торгсина все же были открыты. Кроме того, первоначальные критерии открытия магазинов – дореволюционное богатство, иностранцы, близость границы перестали учитываться. Торгсиновские лавчонки появились в каждом более или менее крупном населенном пункте, а разъездная торговля и коробейники забирались в затерянные «медвежьи углы». Все это позволяет сказать, что облик Торгсина в процессе его развития изменился. Во время голода Торгсин перестал быть принадлежностью относительно благополучных городских центров и предприятием элитной торговли. Теперь он «подскребал по сусекам» все и у всех. Он собирал вроде бы понемногу, но широко, по приниципу «нитка к нитке – голому рубашка», а предлагал взамен в основном не предметы роскоши и деликатесы, а самое простое, жизненно необходимое. Торгсин шагнул в народ.

Развитие Торгсина, погоняемое окриками «сверху» и подстегиваемое инициативой «снизу», отставало от планов и не успевало за голодным спросом, о чем свидетельствовали длинные очереди, «с ночи» выстраивавшиеся у его приемных пунктов. В то же время

стремление охватить как можно больше населения и спешка привели к тому, что в период бурного роста Торгсина было открыто множество нежизнеспособных нерентабельных магазинов, которые бременем огромных издержек легли на бюджет государства[136]. Прогорев, они закрывались.

Торгсин был детищем Политбюро, и оно стояло на страже его интересов, ведь Торгсин работал на индустриализацию. В особых папках Политбюро первой половины 1930-х гг. решения по экспортным вопросам практически всегда содержат директивы по Торгсину[137]. Политбюро санкционировало прием в Торгсине того или иного вида ценностей[138]. По наказу из Кремля в прессе по всей стране была организована кампания с разъяснением задач и важности работы Торгсина. Вышло несколько правительственных постановлений, которые обязывали местное партийное и советское руководство оказывать содействие Торгсину. Так, в апреле 1932 г. появилась директива ЦК и письмо Сталина о срочном предоставлении Торгсину помещений[139]. Политбюро требовало от НКПС и руководителей наркоматов производить отгрузку товаров для Торгсина «вне всяких очередей». В августе 1932 г. Политбюро приняло директиву «предоставлять Торгсину имеющиеся на внутреннем рынке товары в неограниченном количестве» – вот оно, предчувствие голодного спроса[140]. Директивой Политбюро запрещалось расширять снабжение внутреннего рынка за счет уменьшения планов Торгсина[141]. Политбюро регулировало отношения между Торгсином и поставщиками, объединениями промышленности, в определении ассортимента (вплоть до обеспечения оберточной бумагой), цен, объемов поставок, сроков[142], а также регулировало отношения Торгсина с «валютными смежниками», «Антиквариатом», «Интуристом» и «Отелем»[143]. Политбюро утверждало планы Торгсина, определяло политику его цен. Оно давало разрешения на открытие счетов иностранных посольств в Торгсине[144]. Политбюро принимало решения о закупке для Торгсина импортных товаров[145]. В случае затруднений руководство Торгсина через Наркомат внешней торговли, а бывало и напрямую[146], обращалось в Политбюро, чтобы надавить на тех, кто специально или по нерадивости мешал его работе.

Однако «до бога – высоко, а до Москвы – далеко»: зависимость варягов-инспекторов и торгсиновских директоров от сталинов местного масштаба была велика. Административно-территориальный статус конторы определял уровень местных властных структур, с которыми приходилось иметь дело торгсиновскому руководству. Спектр был широк – от райкома до республиканского ЦК и Совнаркома. Местные партийные, советские руководители и полномочные

представительства ОГПУ рекомендовали и утверждали кандидатуры управляющих контор и торгсиновских директоров, санкционировали открытие магазинов Торгсина, отвечали за выполнение валютных планов. От местного руководства зависело выделение Торгсину необходимых помещений: Торгсин требовал для себя лучших зданий в центре города, а они уже все были заняты.

Несмотря на высокое покровительство Политбюро и директивы об оказании содействия Торгсину, местные власти по-разному реагировали на появление Торгсина в их «уделе». Туркменский ЦК и Совнарком, например, взяли республиканский Торгсин «под свое крыло», считая выполнение его валютных планов своим кровным делом[147]. Но были и случаи отторжения. ЦК КП(б) Таджикской ССР в декабре 1932 г. специальным постановлением отказался открывать магазины Торгсина в своей республике. Реакция Совнаркома Таджикской ССР также была отрицательной. Его постановление гласило: *«В связи с наличием в Сталинабаде самостоятельной организации Таджикзолото* (республиканское представительство Цветметзолота. – *Е. О.*), *которая наряду с промышленной добычей золота ведет работу по скупке золота, считать нецелесообразным создание параллельной организации "Торгсин"»*. Особенно замечательно по своей смелой независимости заключение этого постановления: *«Поручить Таджикзолото немедленно развернуть работу по организации торговых точек по районам, в первую очередь в Ходженте»*[148]. ЦК Таджикистана своей инициативой предложил Таджикзолото начать продажу товаров и на иностранную валюту.

Руководство Таджикистана фактически подменило решение Политбюро о развитии Торгсина своим постановлением о развитии Таджикзолото – рецидив республиканской политической и хозяйственной автономии, более типичной для 1920-х, чем для 1930-х гг. и последующих десятилетий. Кроме того, это – один из многих примеров конфликтов валютных интересов ведомств. По донесению уполномоченного Торгсина в Средней Азии С. Шилова, Таджикзолото препятствовало открытию магазинов и скупочных пунктов Торгсина и, «опасаясь потерять известную часть доходных статей от этой торговли», требовало покровительства республиканского руководства. Однако Таджикзолото, в распоряжении которого было всего три магазина, которые к тому же не принимали ни серебро, ни иностранную валюту, ни переводы, не могло тягаться с потенциалом Торгсина, как и республиканские власти не могли тягаться с политической силой Москвы. Шилов пожаловался в местное представительство Наркомата внешней торговли и Правление Торгсина в Москве, те обратились за помощью в ЦК партии. Судя по тому, что Таджикская контора Торгсина была создана, Политбюро «поправи-

ло» республиканских товарищей[149]. Примеры антиторгсиновских действий столь высокого уровня единичны, однако случаев повседневного саботажа Торгсина местными властями более чем достаточно. Неприязненное или безразличное отношение к Торгсину со стороны местных партийных и советских властей объяснялось как их загруженностью работой, так и корыстью и мстительностью. В обмен на помощь местная номенклатура требовала привилегий в Торгсине, пытаясь превратить его в «свой магазин». Руководство Торгсина при поддержке Политбюро боролось против превращения торгсиновских магазинов в «кормушку» местной власти, те отвечали саботажем – «раз нам нет ничего, так и о помощи не просите».

Приведу историю создания Крымской конторы Торгсина. Она является типичной и иллюстрирует процесс взаимодействия инспекторов Правления Торгсина и местной власти в период развертывания торгсиновской сети[150]. Осенью 1931 г. в Крым приехал инспектор Торгсина Л. С. Паллей с поручением Правления организовать областную контору с центром в Симферополе и подчиненными ей отделениями в Феодосии, Евпатории, Севастополе и других городах. До приезда Паллей в портах Крыма уже работали магазины Торгсина, которые подчинялись напрямую Москве. Предстояло существенно расширить торговую сеть и объединить старые «беспризорные» торговые точки под единым началом местного управляющего Торгсина. Донесение Паллей в Москву о перспективах работы обнадеживало: *«По собранным мной сведениям мне известно, что у населения Крыма вполне достаточно средств для нашего дела»*[151].

Областной партийный комитет предложил кандидатуру управляющего Крымской конторы. После согласования с инспектором Правления Торгсина обком утвердил ее на заседании своего бюро. Управляющим Торгсина в Крыму стал местный партиец Петр Митрофанович Новиков, 1895 г. рождения, из семьи рабочего-железнодорожника. Новиков был родом из Феодосии, вся его жизнь прошла в Крыму. Здесь он закончил городское училище, стал рабочим, с 1915 г. служил матросом на Черноморском флоте. В январе 1917 г. Новиков вступил в партию большевиков. Будучи бойцом Красной гвардии, защищал советскую власть в Крыму. После Гражданской войны работал в «особых отделах и органах» ЧК, а затем перешел на руководящую административную и хозяйственную работу.

Назначение революционера-партийца управляющим конторы Торгсина было обычной практикой тех лет. Как и везде в стране, в Торгсине партия расставляла на руководящие посты своих комиссаров. Анализ материалов Правления Торгсина, а также Московской, Ленинградской, Западной и Среднеазиатских контор свидетельствует, что все управляющие контор и республиканские уполномоченные, почти все директора магазинов и значительная часть их замов были партийцами. Коль речь шла о работе с валютными ценностями, при назначении на руководящие посты предпочтение отдавали людям с опытом работы в «органах». Недостаток образования и отсутствие экономических знаний не препятствовали назначению, ведь «не было таких крепостей, которые не могли взять большевики», а «каждая кухарка могла управлять государством». Новиков в этом – отличный пример. *«Правда, наше дело совсем не знает»*, – писал о нем инспектор Паллей в Москву.

Назначение местных партийцев управляющими контор в скором будущем обернулось для местной элиты преимуществами, а для Торгсина немалыми проблемами. «Свой» человек на этом посту был более сговорчив, когда к нему обращались с просьбами те, кто рекомендовал и утвердил его на эту должность. В таких просьбах, учитывая роскошный по тем голодным и раздетым временам ассортимент Торгсина, недостатка не было. Правление Торгсина тщетно вело борьбу с практикой продажи валютных товаров на советские рубли, а то и вовсе выдачи торгсиновских товаров даром по требованию местных властей. Правление увольняло провинившихся управляющих и директоров магазинов, в то время как местное руководство стремилось оставить на этих постах «своих» людей и избежать назначения «варягов».

Инспектор Паллей докладывал из Крыма в Москву и о своих контактах с местным ОГПУ: *«Кроме того, что т. Новиков рекомендован, как я уже писал выше, я не ограничился этим и согласовал его еще с соответствующей организацией* (догадываетесь с какой? – *Е. О.*), *с заместителем этого учреждения* (обратите внимание на конспиративный язык. – *Е. О.*). *Вообще я с ним очень долго беседовал о перспективах работы нашего крымского отделения. От него я узнал много подробностей, с которыми придется считаться и учитывать при организационном периоде. Он обещал также во всех моих затруднениях здесь оказать полную поддержку и содействие. Я не теряю с ними связь»*[152].

Одновременно шла работа «по мобилизации общественного внимания». Реклама являлась для большевиков делом новым и странным, но значение ее для торговли они понимали – жили ведь при капитализме. Главные проблемы в деле рекламы возникали не из-за того, что партийцы-руководители Торгсина считали ее бесполезной, а из-за отсутствия денег. Тем не менее по мере финансовых возможностей местная печать и радио информировали людей об открытии торгсинов в их городе или районе. Рекламные плакаты и листовки появлялись на тумбах рядом с театральными афишами и газетой «Правда», в трамваях, на вокзалах и станциях, на почте, в кинотеат-

рах и на рынках. Приведу объявление из архива Западной конторы Торгсина (сохранены орфография и пунктуация оригинала):

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
«ТОРГСИН»

Универмаг открыт в гор. Сычевке в бывшем магазине ГОРТ Отпускаются всем гражданам любые продовольственные и промышленные товары высшего качества без ограничения в любом количестве...

Граждане имеющие у себя золотые и серебрянные монеты старого чекана и разные золотые и серебрянные вещи (объявление появилось в 1933 г., Торгсин уже принимал серебро. – *Е. О.*), *могут таковое сдавать в ТОРГСИН в неограниченном количестве не боясь никаких преследований, слухи и разговоры о том, что за сдаваемые золотые и серебрянные монеты сдатчики привлекаются к ответственности, это ни на чем не обосновано, лож. Бытовое золото и серебро, это мещанские прихоти старого времени при помощи, которых люди достигали для себя известное положение в старом быту. В них больше советский гражданин ненуждается, их эти золотые и серебрянные вещи нужно в короткий срок обменять на лучшие товары в универмаге «ТОРГСИН». Подпись: «ТОРГСИН»*[153]

Это объявление позволяет судить об особенностях формировавшейся советской потребительской политики и культуры, равно как и специфике отношений Торгсина и «органов», но эти вопросы будут рассмотрены в специальных главах. В данный же момент важно передать «вкус» и настроение времени становления Торгсина.

И вот работа инспектора закончена: золотой потенциал населения определен, помещение для магазина найдено, кандидатуры работников согласованы и утверждены, плакаты развешены. Начиналась обыденная жизнь Торгсина. Каждый день приносил сотни вопросов, ответов на которые не было, ведь правительственные постановления очертили лишь общие контуры Торгсина. Где принимать ценности – в магазине или специальном помещении? Кто должен обеспечивать работников Торгсина пайками? – Вопрос не шуточный, дело ведь происходило в годы карточной системы, и неясность в этом вопросе стоила Торгсину текучки кадров. Как выполнить план, если снабжение идет с перебоями, да к тому же присылают неходовой, несезонный товар? Где хранить продукты, если своих холодильников у Торгсина нет? Можно ли самим регулировать цены в зависимости от спроса? Как бороться с хищениями и

подделкой документов? Можно ли брать выходной в базарный день? Кто должен охранять Торгсин, милиция или гражданские сторожа?.. Особенно болезненным был вопрос статистического учета. Ушло несколько лет, чтобы сложился порядок и формы отчетности Торгсина. В торгсиновской статистике первых лет, особенно на периферии, царил разнобой и хаос.

Директора торгсиновских магазинов и управляющие контор порой работали «вслепую». Кто-то брал инициативу на себя и принимал решения, другие постоянно оглядывались на Москву, по каждому вопросу теребя Правление срочными запросами. В местном руководстве Торгсина, конечно, были талантливые организаторы и «крепкие хозяйственники», но в большинстве случаев непрофессионализм, незнание торгового дела, да и окрики Москвы оборачивались многими огрехами, а партийная особость и зависимость от местной элиты – преступлениями. Так, властью Москвы, решениями директоров и управляющих, инициативой людей, путем проб и ошибок шло становление Торгсина.

С ростом Торгсина развивалась, усложнялась и менялась его структура. Со временем появилась, например, специализация замов председателя Правления в Москве[154], а также специализация отделов в аппарате его контор[155]. В 1933 г. отделения внутри контор были укрупнены и преобразованы в межрайонные базы, сформировалась «кустовая» структура магазинов[156]. Разрослись и обособились его транспортное и складское хозяйства, появилась своя «особая инспекция», свой печатный орган «Торгсиновец» и многое, многое другое[157].

Торгсин прибрал к рукам практически всю внутреннюю валютную торговлю[158], но в сложном механизме советского хозяйства Торгсин был всего лишь одним из винтиков. Его работа зависела от множества других предприятий и организаций. Среди них: Наркомат внешней торговли, в структуре которого он состоял и руководители которого утверждали планы Торгсина; Госбанк, через который шло кредитование Торгсина, обеспечение кассирами[159] и которому Торгсин сдавал «заготовленные» ценности; Наркомат финансов, регламентировавший валютные отношения в стране; экспортные организации отраслей промышленности (Союзплодовощь, Ковркустэкспорт, Союзмясо, Союзмука, Союзсахар, Союзпушнина и т.д.) и Наркомат снабжения, которые поставляли товары Торгсину; Наркомат путей сообщения, от которого зависела транспортировка и сохранность грузов Торгсина – вопрос исключительно болезненный во все годы советской власти; Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, который проверял деятельность Торгсина; Внешторгбанк, получавший денежные переводы из-за границы на счет Торгсина;

Совторгфлот, чьи суда Торгсин снабжал в советских портах, а также валютные «родственники и соперники»: «Интурист» и «Отель». ОГПУ, а затем НКВД по самому широкому кругу вопросов были связаны с Торгсином, начиная с транспортировки бриллиантов и кончая арестами покупателей и валютными переводами на Торгсин для арестантов ГУЛАГа. Наркомат иностранных дел тоже оказался вовлеченным – Торгсин обслуживал дипкорпус.

Во взаимодействии многочисленных организаций было много неразберихи, конфликтов интересов, обид и соперничества, но без этих ведомств Торгсин не мог состояться. Торгсин учился работать не только с местным партийным и советским руководством и с «держателями ценностей», но и со «смежниками». Несмотря на нерешенность многих вопросов и хаос начального периода, маховик был запущен и быстро набирал обороты. Ценности населения стали поступать в Госбанк.

«Красные директора» Торгсина: «Политкомиссар»

Ученик аптекаря. Профессия – партиец, образование – большевистско-политическое. Операция «Кредитбюро». Искушение изобилием. Счастливая отставка

Зачем нам знать, кто руководил Торгсином? Прежде всего, интересно разглядеть лица людей и почувствовать грандиозную и страшную эпоху, в которую им пришлось жить[160]. Кроме того, биографии его руководителей помогают понять суть Торгсина – он был не случайной удачей авантюриста, а партийным поручением, государственным заданием. Более того, масштаб личностей, поставленных Политбюро у руководства в Торгсине, служит измерителем важности его задач. Не случайно в период массового голода – решающий момент «мобилизации валютных ценностей» – председателем Правления Торгсина был легендарный Артур Сташевский: разведчик, доверенное лицо Сталина в Испании в годы ее гражданской войны и один из участников операции «Х», в результате которой золото испанской казны оказалось в Москве.

За годы его существования в Торгсине сменилось три председателя Правления[161]. В этой книге их биографии не объединены в общую главу, а даны в отдельных очерках. В структуре книги они расположены так, что каждый из трех руководителей Торгсина предстает на фоне определенного этапа жизненного цикла Торгсина: становление, «звездный час» и «закат» этой организации связаны с именем и личностью человека, который возглавлял ее в тот момент.

Все председатели Торгсина были профессиональными революционерами, партийцами. Образование, экономические знания и опыт торговой работы не имели главного значения при их назначении на этот пост. Они учили «диалектику не по Гегелю», а в огне революции и Гражданской войны. Профессиональными же знаниями овладевали по ходу самой работы. Назначение на руководящие отраслевые должности не специалистов, а профессиональных революционеров было нормой 1920–1930-х гг., так как главной обязанностью этих людей было проводить директивы партии в жизнь. Председатели Торгсина были политическими комиссарами партии на торговом валютном фронте. Партийный контроль в торговле был тем более необходим, что она была «засорена капиталистами, бывшими торговцами и нэпманами», которые и при советской власти зарабатывали на жизнь тем, что привыкли и умели делать. Поскольку Торгсин работал с валютными ценностями, особое значение при назначении на пост председателя имели такие факты биографии, как опыт жизни за границей, разведывательная работа и служба в органах безопасности. Все председатели Правления Торгсина были евреями, но они пришли туда не из частной дореволюционной торговли, а «из революции».

Первым председателем Правления Торгсина стал Моисей Израилевич Шкляр (1897–1974)[162]. Шкляр родился в 1897 г. в Белоруссии в городе Борисов Минской губернии. Мать занималась домашним хозяйством. Отец работал на спичечной фабрике. В автобиографии 1923 г. Шкляр назвал его чернорабочим, а в регистрационном бланке 1954 г. – рабочим-прессовщиком. В анкете 1933 г., несмотря на преимущества, которые давало рабочее положение отца, Шкляр определил свою сословную принадлежность «из мещан». До революции Шкляр закончил четыре класса городского училища, а при советской власти получил политическое образование: в 1925–1927 гг. прослушал курсы марксизма-ленинизма при Коммунистической академии, а позже, в 1948 г., был слушателем Университета марксизма-ленинизма в Москве.

На фоне вершившихся грандиозных исторических событий начало жизненного пути Шкляра выглядит бесцветно. После окончания училища, по словам автобиографии, «был безработным», «перебивался уроками». Затем в 1916 г. уехал в Тамбов и, «воспользовавшись знанием латинского языка», поступил учеником в аптеку. В революционном движении до 1917 г. участия не принимал – «был подростком». В Февральской революции, судя по автобиографии и анкете, также не участвовал, хотя возраст был вполне подходящий – почти 20 лет.

В марте 1917 г. Шкляр был мобилизаван в «старую» армию, но фронта избежал. Шесть месяцев служил рядовым в запасном пехотном полку в Тамбовской губернии. В эти революционные месяцы, видимо, и началась карьера политического агитатора Шкляра: по словам автобиографии, «развиваются его способности к публичным ораторским выступлениям» – предтече его будущего политкомиссарства.

В автобиографии 1923 г. Шкляр по вполне понятным причинам утверждал, что с самого начала своей политической деятельности проводил большевистскую линию. Но, видимо, это было не совсем так, поскольку после демобилизации из армии (по болезни) он, вернувшись в родной Борисов, вступил не в РСДРП(б), а в «Бунд», по версии 1923 г., с целью его раскола[163]. История изменила его партийный выбор. В мае 1918 г. Шкляр бежал из оккупированного немцами Борисова в Советскую Россию, ушел добровольцем в Красную армию и в октябре на Восточном фронте вступил в партию большевиков.

В Гражданскую войну Шкляр был политработником на Восточном и Туркестанском фронтах. Судя по автобиографии, опыт участия в боевых операциях имел небольшой, боевых наград не получил. Редактировал фронтовые газеты и журналы, заведовал фронтовыми школами, политически напутствовал красноармейцев, направлявшихся в бой, «обрабатывал материалы противника», проводил областные съезды советов и создавал ревкомы. В числе боевых соратников этого периода Шкляр в автобиографии назвал, в частности, В. В. Куйбышева и М. В. Фрунзе.

Приведу наиболее яркие истории из красноармейской жизни Шкляра, которые он сам выбрал для автобиографии. В январе 1919 г., будучи агитатором на боевом участке фронта на Урале, Шкляр попал в плен к белым, которые приговорили его к смерти – «живьем закопать в землю». Он чудом остался жив – в последнюю минуту его освободили подоспевшие красные отряды. «*Обработал 40 человек пленных казаков в одной школе*, – пишет он о другом событии, – *которые, окончив школу, влились в армию Колчака и разложили некоторые полки противника*». В 1920 г. в Туркестане был «комиссаром Агитпоезда имени тов. Сталина», с которым объездил Ферганскую область, «с оружием в руках» пробивался в кишлаки и распространял агитационную литературу для мусульман и красноармейцев.

В 1920 г. Шкляр обратился к Ленину с просьбой отозвать его с фронта для продолжения учебы. Последовал телеграфный ответ с разрешением приехать в Москву для поступления в Коммунистическую академию. Однако, приехав в столицу, Шкляр «в Академию

не вступил, ибо втянулся в партработу»: редактировал газету Наркомнаца «Жизнь национальностей» и читал лекции в партшколах.

Осенью 1920 г. Шкляр «по усталости и болезни» перешел... в ВЧК на «литературно-политическую обработку материалов». Несколько лет состоял ответственным секретарем партийной ячейки ВЧК/ОГПУ. «*Развертываю партийную работу в ГПУ, создаю партшколы*», – написал он об этом времени своей жизни. После кратковременного отрыва для учебы в Коммунистической академии, Шкляр вернулся в ОГПУ и до 1929 г. работал там оперативным работником. Документы не позволяют сказать, в чем именно состояла его работа в ОГПУ: в личном листке стоит безликое «разная руководящая работа». Среди своих коллег, которые знали его по работе в ОГПУ, Шкляр в автобиографии 1923 г. назвал Ф. Э. Дзержинского, П. В. Ксенофонтова, В. Р. Менжинского, И. С. Уншлихта, Я. Х. Петерса и Г.Г. Ягоду.

Из ОГПУ Шкляр перешел на хозяйственную работу, но его связь с «органами» не прервалась[164]. Он стал председателем правления Всесоюзного общества «Кредитбюро». В период обострения валютного кризиса в начале 1930-х гг. с санкции Политбюро под прикрытием «Кредитбюро» ОГПУ собирало у советских граждан полисы иностранных обществ и наследственные документы для предъявления исков за границей[165]. В случае удовлетворения иска государство забирало себе четверть (!) выигранной суммы, владельцы же полиса или наследства могли покупать товары в Торгсине на оставшуюся сумму валюты. «Кредитбюро» «оказывало содействие» и тем гражданам, которые желали получить валюту со своих счетов в иностранных банках, видимо, тоже с потерей значительной части валюты в пользу государства.

Следы «Кредитбюро» я неожиданно нашла в архиве американского посольства, в меморандуме о беседе с представителем берлинского банка[166]. Хотя меморандум был и без того секретным, имя берлинского банкира не разглашалось – некий «мистер Х». «Мистер Х» рассказал, что в период 1925–1930 гг. – время относительно свободных выездов за границу – советские граждане открывали валютные счета в его банке. При этом они строго наказывали держать информацию по вкладам в секрете и ни при каких обстоятельствах не пытаться искать их по месту жительства в СССР. Денежные операции велись через доверенных лиц за границей. Банк, по словам «мистера Х», строго соблюдал условие договора. Но недавно, – продолжал банкир, – работники банка получили серию нотариально заверенных требований советских вкладчиков перевести им в СССР деньги с их банковских счетов. Требования поступали через посредника, «Кредитное бюро» в Москве. Сотрудники берлинского банка

не сомневались, что ОГПУ заставило людей подписать нотариальные бумаги и что, будь деньги переведены в СССР, вкладчики их не увидят. Берлинский банк «в интересах своих вкладчиков» (и в своих собственных) отказался выплатить деньги по заявкам «Кредитбюро». Для немцев так и осталось загадкой, как советские власти смогли узнать имена и номера счетов вкладчиков.

В этой истории потрясает ирония жизненной ситуации. В конфиденциальном разговоре с берлинским банкиром обсуждались события 1933 г. Голод, а не ОГПУ, заставил людей рассекретить информацию об их валютных счетах за границей. Решив отдать государству значительную часть валютных сбережений, они рассчитывали использовать оставшуюся сумму в Торгсине, но оказались в ими самими же расставленной ловушке. Есть в этой истории и другое трагическое обстоятельство. «Кредитбюро» представлялось правительственной организацией. Не ведая о том, что на деле «Кредитбюро» было хозяйством ОГПУ, люди передавали информацию о своих валютных сбережениях точно по адресу – ведомству, которое занималось изъятием ценных частных накоплений и карало тех, у кого они были. Люди не только не получили денег, но и оказались «под колпаком» ОГПУ. В выигрыше остался лишь берлинский банк.

История с отзывом берлинских валютных вкладов произошла уже после того, как Шкляр покинул пост председателя «Кредитбюро». Он продолжил свою карьеру по торговой линии, став сначала директором Мосгосторга, а затем председателем Правления Торгсина.

Шкляр пришел в Торгсин в январе 1931 г., в «интуристский период» его работы, а оставил этот пост в октябре 1932 г., накануне массового голода в СССР. Шкляр не был специалистом в торговом и валютном деле. По его собственным словам, по своей единственной профессии он был партиец, а образование получил большевистское политическое. Его главной задачей на посту председателя Торгсина было направлять энергию людей на выполнение директив партии. Годы председательства Шкляра стали временем становления Торгсина, его роста из конторы Мосторга во всесоюзную организацию. Решающий поворот в судьбе Торгсина – допущение советского потребителя и начало продаж на золото – совершился в правление Шкляра.

Шкляр ушел из Торгсина не по своей воле и без почета, но его анкета молчит о причинах ухода[167]. Артур Сташевский, который сменил Шкляра на посту председателя Торгсина, как-то заметил, что тот «недостаточно последовательно проводил и разъяснял» директивы партии[168]. Фраза – огульная и мало что разъясняет. Однако есть материалы, которые позволяют считать, что Шкляр был уволен из Торгсина за разбазаривание, а возможно, и хищение государственной собственности. В июле 1932 г. уполномоченный Наркомата внешней торговли в Закавказских республиках, за что-то обиженный на Правление Торгсина, в запале писал: *«Вас всех разгоняют, Шкляра тоже снимают* (подчеркнуто мной. – *Е.О.*)»[169]. Заведующий секретной частью Московской областной конторы Торгсина Н. А. Королев в своей докладной записке упоминал Шкляра среди работников, совершивших крупные хищения[170]. Об изгнании с должности говорит и явное понижение по службе: после ухода из Торгсина осенью 1932 г. Шкляр несколько месяцев работал уполномоченным по скотозаготовкам в городе Малоузенске Нижне-Волжского края, а затем до весны 1936 г. был уполномоченным Наркомата торговли по Ивановской области и Белорусской ССР.

Возможно, политических знаний оказалось недостаточно, чтобы управлять растущим хозяйством Торгсина, но скорее всего случилась банальная вещь – Шкляр не выдержал искушения торгсиновским изобилием. В апреле 1932 г. нарком внешней торговли СССР А.П. Розенгольц гневно писал Шкляру: *«Указываю Вам на всю недопустимость перерасхода Вами из секретного фонда денег в 1931 г. Вместо отпущенных Вам 1000 руб., Вами израсходовано 5850 руб.»*[171] Поставленный сберегать и множить государственную валютную копейку, Шкляр разбазаривал экспортные товары. Ранее упомянутый уполномоченный внешней торговли Закавказья, требуя продать товары из Торгсина, обличал: *«Мне Шкляр обещал пальто привезти»*[172].

Причиной снятия Шкляра с должности председателя Правления, вероятно, было и то, что масштаб его личности больше не соответствовал грандиозной задаче, стоявшей перед Торгсином. Страна вступила в массовый голод, у Торгсина появился реальный шанс получить горы драгоценностей. Под стать этой задаче Торгсину нужен был крупный руководитель с опытом организационной и валютной работы. Таким человеком стал Артур Сташевский. Торгсин перерос Шкляра.

В годы репрессий 1937–1938 гг. одного знакомства Шкляра с Ягодой или его членства в Бунде, о чем он открыто писал в своих анкетах, было бы достаточно для ареста и расстрела. Однако судьба оказалась благосклонна к нему. Массовые репрессии Шкляр «переждал» в Китае, где он работал с мая 1936 г. до января 1939 г. вначале директором «Совсиньторга»[173], а затем торговым агентом в Синь-Цзяне. Видимо, никаких крупных разведывательных поручений Шкляр в Китае не выполнял, хотя логично было бы предположить, что бывший сотрудник ОГПУ, оказавшись в этой стране нака-

нуне Второй мировой войны, помимо легальных торговых, мог получить и «специальные» задания. Но ни одна книга по истории советской разведки не упоминает Шкляра[174].

Отдаленность от эпицентра событий, невысокий пост, а может быть, просто везение позволили Шкляру избежать репрессий. Второй раз в жизни, если верить его рассказу об избавлении из «белого» плена, он чудом остался жив. Вернувшись в 1939 г. в Москву, Шкляр продолжил работу в «Совсиньторге». Бóльшую часть войны Шкляр «отсидел» чиновником «Совсиньторга» в Алма-Ате. В конце войны он перешел на работу в Валютное управление Наркомата внешней торговли СССР и закончил свою трудовую карьеру на престижном и «хлебном» посту начальника отдела Валютного управления Министерства внешней торговли СССР. Из наград, полученных от советской власти, имел медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945» и «В память 800-летия Москвы». Умер Шкляр пенсионером в 1974 г., в счастливом неведении о будущей судьбе страны Советов.

Зачем Сталину был нужен Торгсин

Конец золотой казны Российской империи. Архивные тайны статистики советского экспорта. Безумство импорта, или Индустриализация в кредит. Разочарование в Америке. Золото уходит в Рейхсбанк. Догнать Трансвааль! «Валютный цех» на Колыме. Умел ли Сталин считать?

Российская империя была богатой страной. Государственный банк России накануне Первой мировой войны хранил золота на сумму около 1,7 млрд золотых руб. (*табл.* 2)[175], то есть около 1300 т чистого золота[176]. По мнению одних специалистов, это был самый большой золотой запас среди запасов центральных банков мира, по мнению других, он уступал лишь Банку Франции[177]. Еще до прихода большевиков к власти часть российской золотой казны – 643,4 млн руб. были вывезены за границу царским и Временным правительствами на получение военных кредитов[178]. В перипетиях Гражданской войны истратили, украли и потеряли золота на сумму около 240 млн руб.[179] Но даже с учетом этих потерь в распоряжении большевистского правительства к концу Гражданской войны из запасов Российской империи оставалась значительная сумма – около 1 млрд руб., включая золото Румынии, переданное на хранение в Кремль накануне Февральской революции[180], а также более 40 т чистого золота из сибирской добычи, которую не успели до Октябрьских событий включить в баланс Государственного банка[181].

Однако уже к началу 1920-х гг. от этого внушительного золотого запаса почти ничего не осталось (*табл. 2*). По Брестскому миру Советская Россия отдала Германии золота на сумму более 120 млн руб.[182] «Подарки» по мирным договорам 1920-х гг. прибалтийским соседям и контрибуция Польше превысили 30 млн руб. золотом[183]. Безвозмездная финансовая помощь Турции в 1920–1921 гг. составила 16,5 млн руб.[184] Огромные средства шли на поддержку коммунистического и рабочего движения за границей, шпионаж и подталкивание мировой революции[185]. Более того, значительная часть бывшего золотого запаса Российской империи была продана в 1920–1922 гг. для покрытия дефицита внешней торговли Советской России: при практически полном отсутствии доходов от экспорта и трудностях с получением кредитов советское руководство вынуждено было расплачиваться имперским золотом за импорт продовольствия и товаров. Траты наркоматов в первые годы советской власти были бесконтрольными и зачастую неоправданными – умение считать деньги считалось нереволюционным занятием, постыдным и классово чуждым[186].

В начале 1920-х гг. СССР был единственной европейской страной, правительство которой после окончания Первой мировой войны не накопило внешнего долга (не считая долгов царского и Временного правительств, сделанных до прихода большевиков к власти), но далось это ценой распродажи национального золотого запаса. По данным комиссии Сената США, которая в 1925 г. специально расследовала вопрос о советском экспорте драгоценных металлов, за период 1920 – 1922 гг. Советская Россия продала за границу золота как минимум на сумму 680 млн золотых руб. (более 500 т)[187]. Реальность этой цифры подтверждается «Отчетом по золотому фонду» комиссии СТО[188].

Золотой запас бывшей Российской империи таял быстро, а пополнялся мучительно медленно. За период с октября 1917 г. до февраля 1922 г. в казну поступило золота (массовые конфискации и золотодобыча) на сумму всего лишь 84,4 млн руб.[189] К 1 февраля 1922 г. свободная от платежных обязательств золотая наличность Советской России составляла около 115 млн руб.[190] Вот и все, что осталось от миллиардной золотой казны Российской империи. Золотой запас страны нужно было создавать заново.

Конфискации церковного имущества и ценностей граждан, экономические мероприятия по проведению денежной реформы червонца, рост экспорта сырья и продовольствия, медленно оживавшая после разрухи золотодобыча Урала и Сибири в 1920-е гг. лишь отчасти поправили положение с золотовалютными ресурсами страны Советов[191]. Первая же попытка форсировать промышленное разви-

тие в 1925/26 г. привела к валютному кризису и новым крупным продажам золота[192].

Индустриализация, особенно советского типа, с гипертрофированным развитием тяжелой и оборонной промышленности – чрезвычайно дорогостоящий проект. Нужно строить промышленные комплексы, покупать за границей промышленное сырье, технологии, машины и оборудование, оплачивать знания и опыт иностранных специалистов. Советское руководство начало индустриализацию, не имея для этого достаточных средств. В конце 1927 г. Госбанк предупреждал правительство о том, что стоял на грани нарушения установленной законом 25-процентной минимальной нормы «твердоценного» обеспечения эмиссии, которая, по мнению Госбанка, являлась и минимально допустимым пределом валютно-металлических резервов государства. До такого низкого уровня обеспечение эмиссии не опускалось с начала реформы червонца. Госбанк и Наркомфин рекомендовали руководству страны начать мероприятия по накоплению валюты и драгоценных металлов[193]. Но руководство страны решило не экономить. План на 1927/28 хозяйственный год предусматривал валютный дефицит, но его запланированный уровень оказался существенно ниже реального[194].

Статистика внешней торговли показывает, что 1927/28 г. стал рубежом, с которого началось «безумство импорта» [195]. Активное сальдо торгового баланса 1926/27 г. сменилось дефицитом внешней торговли. По данным таможенной статистики, затраты на импорт в 1927/28 г. превысили доходы от экспорта на 171 млн руб.[196] Оплата импорта была не единственной статьей валютных расходов советского государства[197]. Следовательно, дефицит платежного баланса СССР, то есть превышение расходов над доходами, был острее дефицита внешней торговли. Дефицит покрывался продажей золота и платины. Скудные золотовалютные резервы страны стали быстро таять (*табл. 3*)[198]. Оставшихся к концу 1928 г. драгоценных металлов и валюты – 131,4 млн руб. – не хватило бы даже, чтобы покрыть дефицит внешней торговли будущего хозяйственного года (*табл. 3*).

По замыслу ее творцов главным источником финансирования индустриализации должны были стать доходы от экспорта. Российский экспорт традиционно был продовольственным и сырьевым, его главными доходными статьями являлись хлеб, лес и нефть. Советское руководство начало индустриализацию во время относительно благоприятной конъюнктуры мирового рынка, но уже через год ситуация изменилась. В 1929 г. экономический кризис потряс Запад, началась затяжная депрессия. Государства стали резко сокращать экспорт и импорт, вводить санкции против торговой экспансии других стран, пытаясь защитить свои национальные экономики. Мировые цены на сырье и сельскохозяйственные продукты резко упали. В 1929/30 г., например, по сравнению с 1928/29 г., по данным Госбанка, экспортные цены на хлебопродукты снизились на 37%, на лесоматериалы – на 14, на лен – на 31, на пушнину – на 20, на нефть – на 4%[199].

Ситуация внутри страны тоже была неблагополучной. В конце 1927 г. разразился зерновой кризис: крестьяне из-за невыгодных цен отказывались продавать зерно государству. Нежелание руководства страны существенно повысить закупочные цены, так как это означало бы снижение темпов индустриализации, привело к повторению зернового кризиса в 1928 г. Для подавления сопротивления хлебозаготовкам с конца 1927 г. руководство страны стало применять репрессии против крестьян, а в конце 1929 г. началась насильственная коллективизация крестьянских хозяйств. С ее помощью Сталин пытался разрубить гордиев узел зерновых кризисов. Коллективизация сопровождалась развалом крестьянской экономики. Производственные показатели сельского хозяйства упали, страна теряла экспортные ресурсы. Сталинское руководство пыталось выполнить титаническую задачу – наращивать темпы индустриализации, ведя при этом войну на два фронта: на внутреннем – против крестьян, не желавших отдавать продукцию государству и идти в колхозы, на внешнем – с неблагоприятной конъюнктурой мирового рынка.

Сталин и думать не хотел об отступлении. В чрезвычайно неблагоприятной рыночной ситуации СССР пытался наращивать объемы вывоза сельскохозяйственной продукции, ценой огромных потерь и обострения дефицита на внутреннем рынке, однако доходы от экспорта не поспевали за быстро растущими валютными расходами на промышленный импорт[200]. Даже официально опубликованная таможенная статистика показывает дефицит внешней торговли СССР (*табл. 4*). Однако есть основания полагать, что таможенная статистика экспорта завышена, чтобы скрыть потери, которые СССР нес в условиях мирового кризиса и неблагоприятных цен на сельскохозяйственную продукцию и сырье.

В архиве сохранились засекреченные в 1930-е гг. данные Госплана СССР о динамике валютной выручки по экспорту за 1928/29 – 1935 гг. и данные Госбанка о выполнении валютного плана экспортными организациями. Они свидетельствуют о более резком ежегодном падении доходов от экспорта, чем то следует из таможенной статистики (*табл. 5*). Попробуем разобраться в тайнах архивной статистики экспорта.

Выручка от экспорта, высчитанная в ценах относительно благополучного 1928/29 г. (*табл. 5*), показывает, сколько валюты СССР

мог бы получить, если бы мировые цены на продовольствие и сырье хотя бы сохранились на уровне 1928/29 г.: руководство страны, наращивая физические объемы экспорта, ожидало значительный рост валютных поступлений. Однако реальная выручка от экспорта (*табл. 5*), по данным Госплана и Госбанка, составляла лишь половину, а то и треть ожидаемых валютных доходов. В 1929/30 г. «недовыручка» по экспорту составила порядка 125–160 млн руб., а в 1931–1933 гг. – порядка 600–700 млн руб. золотом (*табл. 5*). В эти годы СССР продавал миру зерно в половину или треть цены, тогда как миллионы собственных граждан умирали от голода.

Сравнение реальных доходов от экспорта (*табл. 5*) с расходами на промышленный импорт (*табл. 4, графа 2*)[201] свидетельствует, что с началом форсированной индустриализации и вплоть до 1933 г. каждый год был отмечен дефицитом внешней торговли. Апогеем кризиса стал 1931 г., однако дефицит внешней торговли составил не 293,8 млн руб., как следует из таможенной статистики, а почти в два раза больше – 430–460 млн руб. золотом![202] Случайно ли, что именно в этот год Торгсин открыл двери советским гражданам и стал принимать не только иностранную валюту и царские монеты, но и бытовое золото?

После пикового 1931 г. импорт, а вместе с ним и дефицит торговли стали резко сокращаться. По словам наркома внешней торговли Розенгольца, советские закупки промышленного оборудования за границей упали с 600 млн руб. в 1931 г. до 270 млн руб. в 1932 г., а в 1933 г. составили только 60 млн руб.[203] Равновесие между экспортом и импортом было восстановлено к 1933 г., хотя реальное положительное сальдо внешней торговли в тот год было гораздо скромнее показателей опубликованной таможенной статистики: около 27 млн руб. вместо 147 млн руб. (*табл. 4, табл. 5*).

Недостаток валютных средств определил внешнеторговую и финансовую тактику СССР – продавать за наличные, покупать в кредит. Страна залезала в долговую яму. В соответствии с валютным балансом за 1926/27 г., составленным Наркомфином СССР, внешняя задолженность страны Советов на 1 октября 1926 г. составила 420,3 млн руб.[204] К 1 октября 1927 г. она выросла до 663 млн руб., включая долгосрочный германский кредит в 180 млн руб., полученный в конце 1927 г.[205] Львиную долю этой задолженности (66%) представляли кредиты под импорт на нужды индустриализации. На 1 апреля 1928 г. задолженность СССР иностранным фирмам и банкам выросла до 781,9 млн руб.[206] Реальные золотовалютные ресурсы СССР в то время составляли лишь 213 млн руб. (*табл. 3*), они не покрывали и трети внешнего долга СССР. Это было лишь начало индустриальной гонки. Расходы на промышленный импорт быстро

росли в 1929–1930 гг. (*табл. 4, графа 2*). В апреле 1931 г. СССР получил от германских банков новый большой кредит, который не смог выплатить в срок[207]. По признанию Сталина задолженность СССР на конец 1931 г. составила 1,4 млрд руб.[208] По немецким источникам того времени, на 1 января 1933 г. СССР все еще был должен Западу 1,3 млрд руб. золотом[209].

Несмотря на ненависть к капитализму, большевистское руководство не скрывало восхищения перед техническими достижениями Запада. Определенно, была вера в то, что западные технологии, освобожденные от хаоса рынка и соединенные с преимуществами планового хозяйства, совершат чудо. Тысячи иностранных специалистов были приглашены на работу в Советский Союз. В конце 1920-х гг. США были главной страной, где СССР закупал промышленное сырье, оборудование и технологии, рекрутировал специалистов. Гиганты советской индустрии строились по американским калькам. Однако с начала 1930-х гг. закупки в США стали резко падать и к 1933 г. практически «сошли на нет»[210]. Разочарование в США, кроме психологических причин – ожидаемого быстрого чуда не произошло, можно объяснить и рядом других факторов. Надобность в автомобилях, тракторах и другой сельскохозяйственной технике, которая в 1931 г. составляла половину советского импорта из США, отпала с открытием заводов в Горьком, Харькове и Ростове-на-Дону. Резкое падение импорта из США объясняется также политическими и финансовыми причинами. До конца 1933 г. у СССР и США не было дипломатических отношений. Договоры американских фирм с советским правительством были их личным делом, американцы заключали их на свой страх и риск. Сотрудничество с Германией до прихода Гитлера к власти проходило в более благоприятном политико-экономическом климате. Германское руководство, заинтересованное в сотрудничестве с СССР, благодаря которому оно обходило запреты Версальского договора, выступало гарантом советских долгов. В случае советского банкротства германским банкам полагалась компенсация от своего правительства. Получение кредитов в Германии проходило более легко, и их условия были более выгодны для СССР, чем условия кредитов частных американских фирм.

В начале 1930-х гг. Германия утвердилась как главная страна промышленного импорта в СССР. Советский Союз был главным покупателем германского промышленного оборудования, запчастей и инструментов, металла, труб, проволоки. За этот дорогостоящий импорт СССР поставлял в Германию сельскохозяйственное сырье и продовольствие – пшеницу, рожь, ячмень, масло, яйца, лес и меха. По словам наркома внешней торговли Розенгольца, в 1930 г. импорт

из Германии составил 251 млн руб. при пассивном сальдо в 45 млн руб. В период наивысшего «безумства импорта» в 1931 г. СССР купил в Германии товаров на сумму более 400 млн руб. (более чем в два раза больше, чем в США), а пассивное сальдо советской торговли с Германией достигло огромных размеров – более 280 млн руб. В 1932 г. импорт из Германии все еще оставался значительным – более 320 млн руб. при пассивном сальдо в более 220 млн руб. В 1933 г. в связи с изменившейся в Германии политической обстановкой и общим снижением советского импорта стоимость советских закупок в этой стране снизилась до 150 млн руб. при пассивном сальдо около 60 млн руб.[211], но и в 1933 г. Германия все еще оставалась главным импортером товаров в СССР.

Германия стала и главным кредитором Советского Союза: в начале 1930-х гг. львиная доля внешней задолженности СССР была долгом Германии. Советский Союз тяжело расплачивался за кредиты, полученные в период «безумства импорта». По сведениям германских источников того времени, советский долг по германскому импорту в начале 1933 г. колебался в размере 620–557 млн руб. (не включая авансов под будущий экспорт и долгов по невыполненным заказам)[212]. В 1933 г. СССР выплатил Германии по долгу 750 млн рейхсмарок (более 340 млн руб.), но вместе с новыми заказами и продлением кредита общий долг СССР оставался высоким: на 1 января 1934 г. – более 300 млн руб.[213] На 1 октября 1934 г. СССР все еще оставался должен Германии около 310 млн рейхсмарок (более 140 млн руб.)[214]. Кроме Германии, на 1 января 1933 г. СССР был также должен (без авансов под будущий экспорт и долгов по невыполненным заказам) Англии 100 млн руб., Польше и США по 40 млн руб., Италии 35 млн руб., Франции 25 млн руб., Норвегии 15 млн руб., Швеции 15 млн руб. и более мелкие суммы другим странам, а в общей сложности (кроме Германии) 320 млн руб.[215]

Для оплаты долгов по кредитам СССР вынужден был продавать драгоценные металлы, главным образом, золото. По данным Госбанка, в 1926/27 г. было продано золота на сумму более 20 млн руб.[216] Лиха беда начало. Только за три с половиной месяца 1928 г. (с 1 января до 19 апреля), по данным Госбанка, было продано золота за границу иностранным банкам (Мидленд в Лондоне, а также Рейхсбанк и Дойчебанк в Берлине)[217] на сумму 65 млн руб. (более 50 т)[218]. Всего за 1927/28 г. и октябрь 1928 г. (то есть с 1 октября 1927 г. до 1 ноября 1928 г.), по данным Госбанка, за границей было продано 120,3 т чистого золота (более 155 млн руб.)[219]. Чтобы оценить размеры этих продаж, забегая вперед, скажу, что в 1927/28 г. золотодобыча СССР составила около 22–26 т чистого золота, а свободные валютно-металлические резервы к началу осени 1928 г. упали до 131,4 млн руб. (эквивалент 102 т чистого золота). Продажа 120 т чистого золота за рубеж фактически означала, что были использованы все добытое в тот год золото и практически все валютно-металлические свободные резервы страны[220]. Именно в тот год Политбюро, пытаясь свести концы с концами, начало распродавать музейные коллекции страны.

В начале 1930-х гг. главный маршрут, которым советское золото уходило на Запад, пролегал пароходами до Риги, а оттуда сухопутным путем в Берлин. Американское посольство в Риге, которое до открытия дипломатической миссии в Москве собирало информацию об СССР, пристально следило за перевозками золота[221]. Источником информации были латвийские газеты, которые трубили на весь свет о прибытии советского золота в Ригу. Журналисты сообщали о датах прибытия ценного груза, вес ящиков, маршрут и назначение золотых посылок. Американцы по своим каналам проверяли данные газет и делали сводки об общем количестве перевозок золота.

Материалы американского посольства в Риге свидетельствуют, что в 1931 г. золотые грузы из СССР прибывали в Ригу каждые две недели[222]. К 1934 г. интервалы несколько увеличились. За время с 1931 г. до конца апреля 1934 г. из СССР, по данным американцев, было вывезено через Ригу золота на сумму более 336 млн руб. (более 260 т чистого золота)! (*табл. 6*). Опубликованные данные советского торгпредства в Германии показывают схожую картину, существенно расходятся только данные за 1933 г. (*табл. 6*)[223]. По сведениям Розенгольца, СССР вывез в Германию золота (*вместе с валютой*) и того больше: в 1932 г. на 110 млн руб., а в 1933 г. – на 170 млн руб., то есть более 200 т чистого золота!

Откуда взялись эти тонны золота? Остатки казны Российской империи и скудная выручка советского экспорта составляли лишь часть золота, вывезенного через Ригу в Рейхсбанк. Но если в государственных кладовых не осталось золота, то оно было в достатке в недрах земли. Сибирь – природная кладовая несметных богатств, одно из лучших приобретений России. Могла ли золотодобывающая промышленность в начале 1930-х гг. обеспечить валютные нужды индустриализации?

Золотая промышленность России началась на Урале в 40-е гг. XVIII в. Березов был одним из первых золотых приисков. Сибирь долго оставалась «неоткрытой», о ее несметных золотых богатствах не знали. До начала XIX в. отрасль развивалась медленно, главным образом по причине государственной монополии золотодобычи. С ее отменой в 1814 г. развитие быстро пошло вперед и к началу XX в. Российская империя заняла четвертое место в мировой добыче зо-

лота после Трансвааля, США и Австралии (*табл. 10*). Золотодобыча России, которая в 1913 г. составила 60,8 т[224], к началу Первой мировой войны находилась в руках иностранцев. В отрасли подавляюще преобладал ручной труд.

Во время Первой мировой войны начался развал отрасли, который завершили революция и Гражданская война[225]. Частники-старатели понемногу продолжали мыть золото на сибирских реках, но оно уходило за кордон, к государству не попадало, да и какая власть представляла в Сибири российское государство в те годы, сказать было не просто. В Гражданской войне большевики отстояли все известные «золотоносные земли» Российской империи. В годы нэпа золотодобыча начала возрождаться, главным образом, силами частных старателей и иностранных концессий, у которых советское государство скупало золото [226] (*табл. 7*). К концу 1920-х гг. СССР вернул себе четвертое место в мировой золотодобыче (после Южной Африки, США и Канады), но не достиг довоенного уровня золотодобычи Российской империи. Разрыв между добычей золота в СССР и золотодобычей трех лидирующих держав был огромным *(табл. 10)*.

До 1928 г. руководство СССР много тратило золота, но мало заботилось о его добыче. По меткому замечанию Л. В. Сапоговской, в те годы государство было не промышленником, а хранителем амбаров: его роль состояла не в развитии золотодобычи, а в конфискации накопленного и скупке добытого[227]. Парадоксально, при острой нужде государства в золоте золотодобывающая промышленность считалась третьестепенной. Форсированная индустриализация и связанный с ней золотовалютный кризис привели к рождению советской золотодобывающей промышленности. Прежде всего государство забрало концессии из рук иностранцев[228], но этого было недостаточно. В конце лета 1927 г. Сталин вызвал к себе Александра Павловича Серебровского, большевика «ленинской гвардии», которая делала революцию. Серебровский к тому времени уже отличился на хозяйственной работе. По поручению Ленина он восстанавливал нефтяную промышленность Баку. С «нефтяного фронта» Сталин бросил Серебровского «на золотой фронт»[229], назначив его председателем только что созданного Всесоюзного акционерного общества «Союззолото»[230]. Задача была поставлена не простая – догнать и перегнать лидеров мировой золотодобычи.

Острая необходимость, граничившая с отчаянием, определила выбор тактики золотодобычи, поражавшей иностранных специалистов: добывать золото везде, где оно было, не считаясь с затратами. В разработку шли даже самые бедные, убыточные месторождения. На

Западе предприниматели не стали бы связываться с ними. Джон Литтлпейдж, американский инженер, который на протяжении десяти лет помогал советской власти создавать золотодобывающую промышленность, вспоминает слова руководителя одного из приисков: «В нашей системе Вам не надо волноваться о затратах» *(«Under our system you don't need to worry about costs»)*[231]. Лишь со временем по мере ослабления золотого кризиса руководство страны стало требовать снижения себестоимости добытого золота.

Серебровский и его соратники работали самоотверженно, не за страх, а за совесть. Несколько важных факторов определили быстрое развитие золотодобывающей промышленности СССР: покровительство Сталина, который взял отрасль под свой контроль, поддержка наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, свободы и льготы частным старателям[232] и отрасли в целом, а также механизация «хозяйской», то есть государственной добычи. По официальным данным, за период 1928–1931 гг. государство вложило в отрасль 500 млн руб. К началу 1930-х гг. более половины работ в отрасли было механизировано[233].

Золотодобывающая промышленность США стала моделью для советской золотой индустрии. В конце 1927 г. Серебровский, в качестве профессора Московской Горной академии, изучал технологии и оборудование на приисках Аляски, Колорадо и Калифорнии. Он приезжал в США еще раз в 1930 г., чтобы восполнить «пробел», отмеченный Сталиным в его изысканиях, – незнание общей структуры золотопромышленности и связи ее с финансирующими банковскими учреждениями. В свой второй приезд в США Серебровский проделал титанический труд, изучая работу банков в Бостоне и Вашингтоне, заводов в Детройте, Сэнт-Луисе, Балтиморе, Филадельфии, рудников в Колорадо, Неваде, Южной Дакоте, Аризоне, Калифорнии, Юте. Серебровского интересовали не только машины и финансовые системы, он вербовал инженеров[234]. Из-за расстройства здоровья поездка закончилась в больнице[235].

Ни один из годовых планов золотодобычи в 1930-е гг. в СССР не был, да, видимо, и не мог быть выполнен – астрономические директивы пятилеток играли скорее роль мобилизующего фактора, чем реального ориентира. Но добыча золота в СССР стабильно росла (*табл. 9*). С 1932 г. к «гражданским» производствам золотодобывающей промышленности, находившимся в ведении Наркомата тяжелой промышленности, прибавился Дальстрой – золотодобыча заключенных Колымы[236]. Дальстрой появился практически одновременно с началом скупки бытового золота у населения в Торгсине. Такое совпадение, конечно, не случайно: Дальстрой и Торгсин были звеньями

одной цепи – поиска золота для индустриализации. По архивным данным, в 1934 г., а по официальным заявлениям советских руководителей, на два года раньше СССР силами гражданской и лагерной золотодобычи превзошел показатели предвоенной добычи золота Российской империи (*табл. 9*). Доля СССР в мировой добыче золота повысилась с 5% в 1932 г. до 10% в 1935 г.[237]

Судьба Серебровского, отца золотодобывающей промышленности СССР, которая до сих пор кормит страну, сложилась трагически типично для сталинского времени[238]. В конце июля 1937 г. Серебровский вернулся из командировки в Москву больной, с гнойным плевритом. В тяжелом состоянии попал в больницу. В середине сентября ему сделали операцию и он стал поправляться. 22 сентября Сталин поздно вечером лично позвонил жене Серебровского домой, узнал, как здоровье Александра Павловича, пожурил, что та не пользуется наркомовской машиной, напоследок просил передать Серебровскому поздравления с назначением на должность наркома и пожелал скорого выздоровления. На следующий день Серебровского арестовали и прямо из больницы на носилках перевезли в тюрьму. 8 февраля 1938 г. он был приговорен к «высшей мере социальной защиты» по обвинению в контрреволюционной деятельности и через день расстрелян. Его жену, Евгению Владимировну, которая пыталась добиться правды, арестовали в ночь на 7 ноября – канун годовщины революции, она провела в заключении в общей сложности 18 лет[239].

В интервью газете «Нью-Йорк Таймс» Сталин заявил, что СССР в 1933 г. добыл 82,8 т чистого золота[240]. Это означало, что СССР перегнал США, чья добыча в тот год немногим превысила 70 т, и стал догонять Канаду, добывшую в тот год чуть больше 90 т чистого золота. Дальше – больше: согласно официальным заявлениям советских руководителей, в 1934 г. СССР по добыче золота вышел на второе место в мире, обогнав США и Канаду, уступая теперь только мировому лидеру золотодобычи – Южной Африке[241]. Хвальбы советских руководителей об успехах золотодобычи испугали мировое сообщество: что, если Советы и дальше будут так добывать, да выбрасывать золото на мировой рынок, – цены упадут, так можно великие державы и «по миру пустить». Мир всерьез ожидал, что к концу 1930-х гг. СССР перегонит Южную Африку, добыча которой превышала 300 т чистого золота в год, а к концу 1930-х приблизилась к 400-тонной отметке[242].

Архивы золотодобывающей промышленности свидетельствуют, однако, что советское руководство опережало события. По добыче золота, «гражданской» и гулаговской, СССР еще и в 1935 г. отставал от Канады и США (*табл. 9 и 10*). Золотодобыча СССР вышла

на второе место в мире, видимо, только в 1936 г. Однако нельзя сказать, что заявления руководителей СССР были абсолютным враньем. Сталинская цифра золотодобычи 1933 г. – 82,8 т – подозрительно близка к общей сумме золота, добытого гражданскими предприятиями золотодобывающей промышленности (50,5 т), Дальстроем (около тонны)[243], и золотого лома, скупленного в тот год Торгсином (30 т) (*табл. 9*)![244] Добавь Сталин сюда еще 15 т чистого золота от скупленных Торгсином в тот год царских монет, то «поднял» бы золотодобычу почти до 100 т. Причиной, по которой Сталин этого не сделал, вероятно, было то, что золотые монеты сразу не переплавлялись, а хранились в своем первоначальном «царском» виде, что не позволяло, в случае необходимости предоставления доказательств, выдать их за советское золото. Тайна сталинской золотодобычи 1933 г. состоит в том, что рекордный показатель был достигнут во многом благодаря золоту, которое советские люди принесли в Торгсин, спасаясь от голода[245].

Настал момент подвести итоги и ответить на заглавный вопрос – «Зачем Сталину был нужен Торгсин?» Анализ статистики внешней торговли, задолженности, золотовалютных ресурсов и золотодобычи СССР, проведенный в этой главе, свидетельствует о прямой и тесной связи между появлением Торгсина и валютными нуждами индустриализации. Начало крупномасштабных операций Торгсина по скупке у населения золота – 1931 г. – было временем апогея «безумства импорта». Страна залезла в долги, а отдавать было нечем: экспорт не приносил желаемой валютной выручки, а золотой запас Российской империи был истрачен. Острый золотовалютный кризис определил поворотную точку, с которой Торгсин стал превращаться из элитного магазина для иностранцев в «народное» торговое предприятие.

Долги, сделанные в начальный период индустриализации в 1928–1931 гг., предстояло еще платить и платить. 1933 г. стал пиком напряжения по выплатам кредитов – факт, который отмечали иностранные наблюдатели. В тот год для погашения долга СССР продал за границей «горы» золота. Тяжелыми были также платежи первой половины 1934 г. (*табл. 6*). Острейшая необходимость в Торгсине сохранялась вплоть до середины 1930-х гг. – времени, когда импортная и кредитная зависимость СССР от Запада резко снизилась. Ценные сбережения граждан, попавшие через Торгсин в кладовые Госбанка, сыграли важную роль в достижении валютной свободы СССР.

Острая потребность в Торгсине определялась и тем, что золотодобыча в стране только становилась на ноги. Она медленно набира-

ла обороты, проваливая один годовой план за другим. Вспомним о «золотых караванах», шедших из СССР через Ригу в Берлин: в период 1931 г. – апрель 1934 г., даже по наиболее низким американским подсчетам, СССР вывез в германские банки около 260 т чистого золота (*табл. 6*), в то время как промышленная добыча золота за период 1931–1933 гг. составила всего лишь около 121 т (*табл. 9*)[246]. Торгсин обеспечил недостающее: почти 90 т чистого золота в 1931–1934 гг.

Значение Торгсина не являлось секретом для современников событий. В марте 1934 г. латвийские газеты «Rigasche Rundschau» и «Jaunakas Sinas» писали, что золотой груз, пришедший из СССР в Ригу, представлял переплавленные золотые предметы, скупленные советским правительством через магазины Торгсина, и что это золото предназначалось в уплату за сырье и промышленные материалы, купленные в прошлом году в Англии[247]. Американское посольство в своих материалах тоже не раз упоминало Торгсин: *«...российские власти получили в свое распоряжение значительное количество золота, собранного у населения через продажу товаров в магазинах Торгсина на золотые монеты, золотые украшения, золотой лом и природное золото, которое было незаконно припрятано населением. Количество золота, собранное таким образом, очевидно, было значительным»*[248]. Другой аналитик американского посольства недоумевал, из каких средств СССР смог выплатить долги, если даже официальные, то есть завышенные, показатели золотодобычи не покрывали нужд страны. Видимо, собрали золото у населения, справедливо заключил он[249]. Германские эксперты считали, что в 1933 г. у СССР был отрицательный золотой баланс, то есть вообще отсутствовали резервы золота, однако, добавляли они, нам не известно, сколько золота поступило через Торгсин, а эта информация может изменить всю картину[250].

Торгсин без расходов на дорогостоящее импортное оборудование и сырье, без миллионных трат на иностранную техническую помощь принес горы золота, сравнимые с теми, что благодаря огромным денежным вложениям и неимоверному напряжению сил добыли на рудниках и приисках. Золото, скупленное Торгсином, в значительной степени покрыло растрату золотой имперской казны и оплатило промышленный импорт тех лет. Особенно выделяется голодный 1933 г. (*табл. 9*). В тот год люди принесли в Торгсин почти столько же золота, сколько огромным трудом «намыли» на «гражданских» предприятиях золотодобывающей промышленности!

К середине 1930-х гг. золотодобывающая промышленность СССР встала на ноги, и золотовалютный кризис был преодолен[251]

(*табл. 9*). Создав золотую промышленность, Сталин обеспечил канал постоянного притока золота в кладовые Госбанка. Золотые безделицы и семейные реликвии населения уже не интересовали его. Да и много ли их осталось после стольких голодных лет? Торгсин стал не нужен. 1935 г. был последним годом его существования.

Советский Союз при Сталине накопил значительный золотой запас. Золотодобыча росла, а продажа золота за границу после войны совершенно прекратилась. В 1953 г. – год смерти Сталина – золотой запас СССР составлял более 2 тыс. т чистого золота[252]. Н.С. Хрущев во все годы своего правления и Л.И. Брежнев в 1970-е гг. активно продавали «золото Сталина». Первый в основном тратил на закупки зерна за рубежом, второй – на поддержку «стран третьего мира». К концу правления Брежнева сталинский золотой запас подтаял более чем на тысячу тонн[253]. 1980-е гг. завершили процесс ликвидации сталинской золотой казны[254]. На момент распада СССР, по завышенным западным расчетам, золотой запас страны составлял немногим более 300 т, а по заявлению Г. А. Явлинского, в то время советника президента Горбачева по экономическим вопросам (сентябрь 1991 г.), он составлял порядка 240 т[255]. Для сравнения: золотой запас США в начале 1990-х гг. превысил 8 тыс. т[256]. «Черпая» из золотого запаса, советское руководство «достигло дна»: по признанию представителя одного из банков в Цюрихе, некоторые золотые бруски, поступившие в то время из России, имели символы царского времени[257]. Сталин не только создал советскую плановую экономику, он, запасая золото, накопил средства, которые обеспечили ее существование и влияние СССР в мире на несколько десятилетий вперед. Советское время закончилось вместе с золотой казной Сталина.

Золото

«Товарищ! Береги золотую государственную копейку!» Лом и чекан, или О замещении богатства. Испытание металла. В ожидании «с собачкой». Золотая пыль, вашбанк и клеенчатые нарукавники. Сделка не по совести. Золотая статистика голода. Где «гуляет» царский чекан?

Вопреки предсказаниям Маркса, судьба первого социалистического государства в конце 1920 – начале 1930-х гг. зависела не от мировой революции, а от презренного металла. Особые папки Политбюро свидетельствуют, что на рубеже десятилетий руководство страны было охвачено «золотой паникой»[258], ее пиком стали 1931 и 1932 гг.[259] Признаки «золотой паники» видел каждый исследователь, который занимался этим периодом: ужесточение кредитной

политики и контроля над расходами экспортных и импортных организаций, сокращение объемов непромышленного импорта[260]; расторжение договоров о технической помощи, заключенных ранее с иностранными фирмами[261]; резкое урезание валютной части зарплаты советских служащих за границей[262] и иностранных специалистов в СССР, а вскоре и вовсе отмена «золотой формулы» в оплате иностранцев[263]; кампании ОГПУ по изъятию золота у населения, операция «Кредитбюро» по сбору полисов иностранных обществ и наследственных документов у советских граждан для предъявления валютных исков за границей[264]; организация под эгидой ОГПУ валютных гостиниц[265]; замещение в обращении серебряной монеты никелевой[266]; изыскание новых «экспортных объектов»[267], обернувшееся распродажей национальных музеев и библиотек[268]; «сокращение отпуска золота на внутреннее потребление»[269]; покровительство Сталина нарождавшейся советской золотодобывающей промышленности, рождение золотодобычи ГУЛАГа... Список можно было бы продолжить. Руководство страны, собирая по-крупному и по крохам, заново создавало золотой запас России. Торгсин был одним из эпизодов «золотой паники», вызванной индустриализацией «с пустым карманом». Золото сыграло главную роль в истории Торгсина, обеспечив львиную долю его доходов. Всего за четыре года (1932–1935) люди отнесли в Торгсин почти 100 т чистого золота!

Торгсин принимал золото во всех видах: ломе, ювелирных, художественных и бытовых изделиях, монетах, слитках, песке (шлихт), самородках и даже в утиле, в отходах. Запрещалось принимать только золотую церковную утварь, так как имущество церкви было национализировано. Церковные предметы в частном владении считались украденными у государства и подлежали конфискации[270]. Все это разнообразие уничтожалось руками приемщиков Торгсина. Оставалась гора золотого лома[271]. Слово «лом» следует понимать буквально. Приемщик-оценщик (пробирер) выламывал драгоценные камни, механизмы, эмаль, дерево, ткань, кость и любые другие вставки, самородки разбивал молотком. О технике приемки говорит набор инструментов приемщика Торгсина: плоскогубцы, круглогубцы, кусачки, магнит, часовая отвертка, напильники, оптическое стекло, ножницы для металла и, наконец, – внимание! – наковальня, зубило и молоток на 4 – 6 кг веса для рубки больших слитков[272].

Но дело даже не только и не просто в том, что золотые изделия разрушались. Расставаясь с семьями, которым некогда принадлежали, они теряли свою особость, свою историю. В обезличенной куче лома уже не было семейных напутствий, передававшихся с кольцом прабабки от матери к дочери или невестке, воспоминаний о последних беззаботных довоенных именинах, что навевало подаренное мужем золотое колечко, или историй о подвигах прадедов в минувших войнах, рассказанных в их орденах. Отторгнутый от своих хозяев, золотой лом был свободен от человеческой памяти. Символично «лом» стал главной категорией в официальной статистике учета золота в Торгсине. Второй группой золотого учета были монеты царского чекана, или просто «чекан». С попаданием в кладовые Госбанка и эта примитивная классификация исчезала. Все переплавлялось в слитки[273]. Множество функций золота в итоге сводилось к одной – средство платежа: слитки переправляли в Европу для продажи на мировом рынке.

Взамен изымаемых из частного владения дореволюционных изделий из драгоценных металлов ювелирное объединение Наркомторга наполняло внутренний рынок советскими поделками из мельхиора, биметалла, легковесного серебра, искусственных и низкокачественных драгоценных камней[274]. Эта операция, которую можно назвать массовым замещением ценностей или даже богатства[275], имеет интересное социальное, историческое и художественное содержание.

Смертельный удар по «прежнему богатству» нанесла революция, но Торгсин продолжил процесс. Именно его стараниями оставшиеся в частном владении ценности – ювелирные, бытовые и художественные изделия из драгоценных металлов и камней XVIII – начала XX вв. – были не просто изъяты у населения, но уничтожены. Поменяйся власть, возвратить ценности и семейные реликвии было уже невозможно: снесено в Торгсин, разломано, переплавлено. Образцы прежнего богатства и достатка отныне можно было увидеть в музеях, в семьях же остались лишь единичные, разрозненные, уцелевшие реликвии. Может быть, кто-то, читая эти строки, и вспомнит одинокую золотую ложку в буфете – остаток некогда большого столового прибора.

Скупая ценности тоннами, Торгсин сыграл значительную роль в огосударствлении прежнего материального богатства и его антикваризации – превращении некогда массового в редкое, уникальное, а также в распространении нового, социалистического типа «материального достатка». В массе своей дешевые поделки, которыми теперь наводняла рынок государственная ювелирная промышленность, продавались дорого лишь по причине монопольного положения производителя. В результате массового замещения богатства общество материально опростилось.

Революция уничтожила резкое социальное и материальное неравенство старого общества, главным образом, ликвидировав его привилегированную верхушку. Однако пусть и потрепанный революцией, но от прежних времен в 1920-е годы сохранился реликтовый

средний класс. Статус среднего класса определялся в немалой степени и материальными ценностями, остатками прежнего благополучия в семейном владении[276]. Изъятие ценностей через Торгсин еще более нивелировало общество, опустило его к бедности и в этом смысле было новым ударом по среднему классу, сохранявшемуся от прежних времен. Социалистическому обществу предстояло создавать свой средний класс, чей статус определялся бы новыми видами материального достатка и новым пониманием привилегий и богатства[277].

Но вернемся в скупочный пункт Торгсина. В начальный период его истории, а также в большинстве случаев на периферии из-за недостатка помещений приемка ценностей проходила прямо в магазине, где располагались специальные столы оценщиков. Это создавало толчею в торговых залах, так что со временем скупочные пункты в городах стали располагаться в отдельных комнатах или зданиях[278]. По мере развития золотоскупка специализировалась и обособилась от скупки других ценностей[279]. В крупных городах оценщики-пробиреры, работавшие в Торгсине, были специалистами Госбанка[280], но в «глубинке» квалифицированных людей не хватало: ценности порой принимал директор магазина, он же и продавец, он же и курьер, который под свою ответственность возил их сдавать за много верст в ближайшее отделение Госбанка, оттуда ценности поступали в кладовую Эмиссионного отдела Госбанка в Москве.

Процесс приемки и оценки ценностей был трудоемким и долгим. Оценщикам запрещалось по внешнему виду «на глазок» определять подлинность металла или верить поставленному оттиску пробы: ходило много подделок. Металл должен был пройти испытание, во время которого оценщик царапал, колол, резал, а то и вовсе взламывал предмет, чтобы определить подлинность золота и его пробу[281]. Затем он взвешивал золото. Инструкция предписывала оценщику тщательно выверить и очистить от пыли весы и использовать только клейменые гирьки. Запрещалось – в практике таких случаев хватало – применять в качестве разновеса монеты, спички и другие предметы. Перед взвешиванием оценщик должен был удалить из изделия все постороннее: механизмы, вставки, впайки других металлов. Государство пыталось извлечь пользу из выломанных незолотых частей. На совещании Ленинградской областной конторы Торгсина один из ответственных работников, например, советовал *«обратить внимание на сбор мелких драгоценных камней и часовых механизмов, от которых отказываются сдатчики золота, необходимых для нашей промышленности»*[282].

При приемке шлихового золота оценщик должен был выбрать все подозрительные крупинки (песок, кусочки породы, грязь, посторонние металлы). Если примесь нельзя было легко удалить, то оценщик делал скидку на загрязненность, затем определял пробу и взвешивал. При приемке шлихового золота, которое собиралось не обычной промывкой, а с помощью ртути, оценщик должен был прокалить золотой песок на огне, чтобы оставшаяся в золоте ртуть улетучилась. При покупке самородков с вкраплениями породы оценщик разбивал их молотком и измельчал в ступке, чтобы удалить загрязненность[283]. Слитки и монеты перед взвешиванием также должны были быть очищены от пыли и грязи.

На основе веса предмета и пробы золота определялась цена. Следует сказать, что даже в случае сохранения в целости высокохудожественных и исторических предметов, их стоимость определялась не значимостью, а весом металла. Возможные незолотые вставки при этом не выламывались, но оценщик на глаз делал приблизительную скидку в весе. Торгсин платил 1 руб. 29 коп. за грамм химически чистого золота[284]. Золотые монеты старого чекана, если не было следов порчи, принимались по номинальной стоимости, а дефектные по весу[285]. Чтобы облегчить работу оценщика, Госбанк подготовил таблицы для расчета цен золота разных проб, но они появились только в 1933 г. В начальный же период оценщикам, особенно на периферии, приходилось полагаться на собственные арифметические расчеты.

Испытание золота было испытанием и для оценщика, который кошельком отвечал за ошибки[286]. *«На днях я убедился, насколько сложно идет процесс приемки»*, – говорил на совещании у управляющего Ленинградской конторы один из директоров скупочного пункта. – *«Одна знакомая попросила меня принять ее без очереди, я дал пробиреру* (кольцо. – *Е. О.*) *и остался посмотреть, что он делает. Он в семи местах пробовал пробированное обручальное кольцо, и на камне поскоблил*[287], *и по-всякому. Я спросил его – почему вы так смотрите, он отвечает: «Нам банк столько наговорил, что мы за все отвечаем, мы так напуганы, что иначе не можем принимать»*[288]. Дабы не потерять золото по причине перестраховки оценщиков, государство сделало их отказ от приемки золота затруднительным: за это оценщик мог быть административно и материально наказан. Даже в периоды, когда в обращении появлялись партии фальшивых золотых слитков, как это случилось, например, в 1934 г.[289], оценщик мог отказаться принять золото только в том случае, если был полностью уверен в подделке[290]. Правление Торгсина спешно разослало на места разъяснения, боясь, что известие о массовой фальсификации слитков и запрет Госбанка скупать подозрительные слитки без паспорта Пробирного управления, удостоверявшего пробу, вы-

зовет массовый отказ оценщиков принимать золото. Видимо, сигналы об отказах уже начали поступать с мест. Правление подчеркивало в своем письме, что ограничения по приему золота являются временными и призывало оценщиков не избегать ответственности в определении пробы. Для пущей уверенности за необоснованный отказ принимать золото Правление грозило оценщикам лишением пайка[291].

Испытание золота было и испытанием для его владельцев, на глазах у которых происходила оценка. Можно только догадываться, что чувствовали люди, глядя на изрезанные, исколотые, разломанные вещи: боль от утери семейных реликвий; разочарование, если золото оказалось низкой пробы или вообще не золотом; боязнь быть обманутым; колебания – сдавать или не сдавать по предложенной цене, разрешать ломать предмет для определения пробы или нет. Документы описывают случаи, когда люди, не доверившись оценщику, несли золото в другой скупочный пункт. Бывало, что оценки одного и того же предмета разными пробирерами расходились: плохие весы, отсутствие гирь, реактивы плохого качества позволяли определить вес и пробу лишь приблизительно[292]. Приблизительность оценки нарастала по мере продвижения от столиц в «глубинку», где пробиреры особенно плохо были обеспечены инвентарем и реактивами, да и квалификации не хватало.

Инструкции по приемке свидетельствуют, что государство не хотело потерять и пылинки золота, будь-то по причине воровства или неаккуратности. Стол приемщика должен был иметь по бокам и со стороны оценщика бортики, «предохраняющие от возможного отскакивания на пол камней, пружин и др. предметов при *взломе* (выделено мной. – *Е. О.*) изделий», а также раструски золотой пыли. Со стороны клиента стол должен был быть защищен стеклянной перегородкой, через которую сдатчик наблюдал работу оценщика. В правой плоскости крышки стола следовало вырезать отверстия, каждое для определенной пробы золота. Приняв предмет, оценщик опускал его в отделение, соответствующее пробе золота. Опустив предмет в ящик, он уже не мог достать его оттуда: ящик был опломбирован в течение всего рабочего дня. С левой стороны в крышке стола предписывалось сделать еще одно отверстие и под ним аналогичный опломбированный ящик для утиля (камни, металлическе отходы, бумага после вытирания реактивов, металлическая пыль и др.). Спиливание нужно было производить над специальным ящиком, дно которого покрывалось плотной белой бумагой. В конце рабочего дня пробирер должен был собрать золотую пыль, разлетевшуюся в результате испытания золота: смести со стола весь мусор в специ-

альный ящик, очистить щеткой пылинки с рабочей одежды, указать уборщику точное место, где «самым аккуратным образом подмести пол» и даже тщательно вымыть руки в особом рукомойнике, «вашбанке». Поверхность стола пробирера должна была быть покрыта стеклом или линолеумом или металлическим листом, то есть материалом, не позволявшим застрять ни одной пылинке золота, а сам пробирер должен был работать в клеенчатых нарукавниках.

Сдатчики ценностей ничего не получали за утиль, золотую пыль, выломанные небольшие драгоценные камни и незолотые вставки. Государство же стремилось и из золотых отходов извлечь пользу. В конце рабочего дня оценщик должен был сдать золотоносный утиль старшему приемщику или заведующему, те хранили его в несгораемом шкафу и раз в два месяца, предварительно взвесив и опломбировав ящик, сдавали в Госбанк в Управление драгоценных металлов и инвалюты. Кроме того, скупочные пункты обязаны были сдавать Госбанку бумагу, которая покрывала рабочий стол пробирера, дно ящиков, и ту, которой снимался жидкий реактив с металла, а также пришедшие в ветхость клеенчатые нарукавники. Для того чтобы пробирер собирал утиль не за страх, а за совесть, ему полагалась премия – 10 руб. за каждый грамм чистого золота, полученный из отходов.

Не везде и не всегда инструкции выполнялись: не у каждого оценщика был такой стол или даже бумага, чтобы покрыть его, не говоря уже о клеенчатых нарукавниках[293]. Но для нас важно отношение государства к золотым операциям – взять у населения все до последней пылинки. Настойчивость, окрики и угрозы делали свое дело – золотая пыль уходила в Госбанк. В огромной стране «распыление» золота было значительным[294]. В 1933 г. «припек», образовавшийся из неоплаченных людям излишков и отходов золота и серебра, составил 9 млн руб., или почти 7 т чистого золота![295] В погоне за золотом появилась новая профессия – «скользящий пробирер» – приемщик-оценщик, который выезжал в районы, где не было скупочных пунктов Торгсина[296]. Для проникновения в глухие уголки страны Торгсин не гнушался использовать и частных агентов по скупке золота[297].

В торгсиновской скупке постоянно толпились очереди. Особенно много неразберихи и толчеи было в начальный организационный период. Из Ленинграда, например, писали: *«Золотая касса не может в короткий восьмичасовой срок пропустить всех желающих сдать золото. Больше 70–80 человек не пропустить, а желающих 100 человек, приходится их разбивать по дням. Многие говорят: "Я больше не приду"»*[298]. В крупных городах, для того чтобы продлить

рабочие часы скупки и ликвидировать нарастание очередей, оценщики работали в две смены и, как свидетельствует приведенный документ, существовала «запись на сдачу»[299]. Но на этом мытарства сдатчиков не заканчивались. За сданное золото оценщик выдавал им не товары и не деньги, а квиток – ярлык с номером, в народе прозванный «собачкой»[300]. С «собачкой» бывшие владельцы ценностей направлялись в очередь к контролеру по приемке ценностей[301]. Пока сдатчики ждали в тесном и душном коридоре, контролер проверял квитанцию, которую получил от пробирера, – правильно ли назначена цена и произведен расчет[302]. Проверив квитанцию, контролер срезал с ее корешка контрольные цифры так, чтобы оставшаяся на квитанции сумма рублей и копеек соответствовала стоимости сданных ценностей. Затем по номеру «собачки» вызывал притомившегося сдатчика, отбирал у него квиток, а взамен вручал квитанцию с отрезанными цифрами[303]. Оставшийся у него экземпляр квитанции контролер под расписку отдавал в кассу, куда отправлялся и сдатчик. Здесь, наконец-то, он получал деньги Торгсина.

Форма денег в Торгсине с годами менялась. Вначале были боны или товарные ордера Торгсина, коротко ТОТ. Подделать ТОТ было не сложно, поэтому в 1933 г. ордера отменили, а вместо них ввели более защищенные от подделок именные товарные книжки, которые народ называл «заборными»[304]. Именная книжка состояла из отрывных талонов. При оплате за товар кассир магазина срезал талоны на сумму совершенной покупки. Полностью использованные книжки оставались в магазине в «мертвой картотеке». В 1934 г. товарные книжки образца 1933 г., так называемые купюрные, были аннулированы[305], а вместо них введены товарные книжки нового образца. Вместе с ними по всей стране был установлен и новый порядок, при котором покупатели прикреплялись к магазинам: они могли покупать товары только там, где сдали ценности.

Государство кнутом и пряником пыталось заставить скупку работать быстрее. По призыву Сталина летом 1933 г. оценщики Торгсина, как и другие работники страны, перешли на сдельщину. Их зарплата стала зависеть от количества обслуженных клиентов. Нормы были напряженными, что свидетельствует о масштабах скупки драгоценных металлов: для получения максимальной зарплаты оценщик должен был обслужить 4200 или больше «сдатчиков» в месяц, то есть более 150 человек в день! Даже обслуживая порядка 100 человек в день (2400 человек в месяц), – нагрузка немалая – оценщик мог рассчитывать только на минимальную зарплату[306]. Сдельщина больно ударила по оценщикам периферийных мелких скупочных пунктов, где число сдатчиков ценностей было ограничено, по сути

обрекая их на минимальную зарплату. В крупных же городах спешка в обслуживании клиентов в погоне за количеством была чревата ошибками. В годы карточной системы первой половины 1930-х гг. не столько зарплата, сколько паек играл роль главного стимула улучшения работы. Оценщики и контролеры Торгсина получали «золотые» пайки. В паек входили торгсиновские экспортные товары, но платить за них нужно было в простых рублях по кооперативным ценам[307]. В 1933 г. в Торгсине была введена дифференциация пайков: их величина стала зависеть от количества обслуженных «сдатчиков ценностей»[308].

Люди, приносившие ценности в Торгсин, чаще всего понятия не имели, сколько стоили на мировом рынке золото, платина, серебро или бриллианты. Они «примеряли» скупочную цену Торгсина к ценам на продукты: сколько на эти деньги можно купить муки[309] или сахара, дороже это или дешевле коммерческих магазинов[310], крестьянского или «черного» рынка. В условиях ограниченной экономической информации о состоянии мирового рынка государство могло назначить любую выгодную для себя скупочную цену, не боясь, что граждане уличат его в нечистоплотности. Прошло 70 лет, и пора разобраться в том, соответствовала ли скупочная цена Торгсина на золото мировой цене[311] и был ли обмен ценностей на товары равнозначным.

Поскольку Торгсин считался экспортным валютным предприятием, его цены исчислялись не в простых, а золотых рублях. Золотой рубль нельзя было ни подержать в руках, ни увидеть, он не имел физической формы. Золотой рубль был условной расчетной единицей, аналогом дореволюционного золотого рубля – условной расчетной и основной денежной единицы Российской империи[312]. Советское руководство заимствовало и царский обменный курс золотого рубля по отношению к доллару, существовавший до Первой мировой войны: 1 золотой доллар США равнялся 1,94 золотого рубля. Этот официальный обменный курс просуществовал в СССР до середины 1930-х гг., то есть фактически весь период работы Торгсина. Стоимостное содержание золотого рубля было выше, чем простого бумажного. Так, золотой рубль Торгсина официально был равен 6 руб. 60 коп. в «простых» советских денежных знаках[313].

За серебро, платину и бриллианты Торгсин платил населению существенно меньше их мировой цены. «Навар», который получало советское государство на разрыве между скупочной ценой и ценой последующей продажи этих ценностей на мировом рынке, особенно по бриллиантам, был значительным[314]. Сдатчики золота в Торгсине

находились в более выгодном положении. В соответствии с официальным обменным курсом доллара и рубля скупочная цена Торгсина на золото, 1 руб. 29 коп. за грамм чистоты, до февраля 1934 г. была рублевым эквивалентом мировой цены на золото[315]. Относительно высокая скупочная цена золота в сравнении с ценой скупки на серебро, платину и бриллианты – свидетельство жизненной важности золота для государства в первой половине 1930-х гг.

Однако не будем торопиться хвалить государство за порядочность. В начале 1934 г. мировая цена на золото изменилась. Тройская унция золота стала стоить почти на 15 долларов дороже прежнего[316]. По официальному обменному курсу, существовавшему в СССР, новая мировая цена золота в рублевом эквиваленте составила 2 руб. 18 коп. за грамм чистоты[317]. Торгсин тем не менее продолжал скупать золото у населения по прежней цене, 1 руб. 29 коп. Таким образом, в течение 1934 и 1935 гг. люди недополучали 89 коп. золотом за каждый сданный в Торгсин грамм чистого золота. С учетом того, что в эти годы Торгсин скупил у населения около 30–33 т чистого золота, недоплата, и только по этому признаку, составит около 27–30 млн золотых руб., или, в соответствии с официальным курсом обмена, около 15 млн долл. США![318]

Не следует также забывать, что обменный курс доллара и золотого рубля был заимствован советским руководством из «иного мира» – довоенной экономики Российской империи. В экономической жизни 1930-х гг. при острейшем товарном дефиците и инфляции этот курс был искусственным. Он ничего общего не имел с действительной покупательной способностью рубля и доллара[319]. По отзывам американских инженеров, работавших на стройках индустриализации в СССР, покупательная способность рубля в начале 1930-х гг. составляла 4–10 центов, то есть доллар был равен 10–25 руб.[320] Исходя из этого более правдоподобного соотношения покупательной способности рубля и доллара, сдатчики золота должны были бы получать за грамм чистоты от 5 до 13 раз больше того, что они получали в действительности, то есть не 1 руб. 29 коп., а от 6 руб. 50 коп. до 17 золотых рублей. С учетом того, что Торгсин за время своего существования скупил у населения порядка 100 т чистого золота, недоплата населению по причине искусственно заниженного обменного курса рубля по отношению к доллару составит астрономическую сумму – от 650 млн до 1,7 млрд золотых руб.!

При оценке адекватности обмена товаров Торгсина на золото необходимо учитывать и многие другие факторы. Так называемые золотые торгсиновские рубли были по сути простыми бумажками –

бонами или расчетными книжками. Официально обменять золотые рубли Торгсина «обратно» на иностранную валюту или ценности даже в период существования Торгсина было нельзя, разве что на «черном» рынке. Вне СССР золотые рубли Торгсина представляли интерес только для бониста-коллекционера. Они имели хождение в узкой среде – в Торгсине да на околоторгсиновском «черном» рынке. Золотые рубли Торгсина имели ценность только потому, что советское правительство гарантировало, к тому же в период довольно короткого времени, возможность покупки на них продуктов и товаров. Объяви руководство страны в одно дождливое утро, что Торгсин создали враги народа, которых уже и расстреляли, золотые торгсиновские рубли тут же бы превратились в ничто. В обмен на реальные ценности люди получали сомнительные бумажки, гарантию по которым давало преступное сталинское руководство. В этих условиях единственной защитой против полного обмана населения была только крайняя нужда в золоте самого советского государства, при которой здравый смысл не позволял забивать курицу, несущую золотые яйца.

Деньги Торгсина имели срок действия, по истечении которого, если покупатель не продлил действие именной книжки, ему оставалось выбросить «золотые рубли» в мусор. Если до истечения срока действия торгсиновских денег в магазине не было муки, крупы, сахара – товаров главного спроса, то приходилось брать то, что дают. Принудительность ассортимента была и в другом: чтобы получить желанный мешок муки, покупатель порой вынужденно брал «в нагрузку» пионерский горн или гипсовый бюст Калинина. Сдача золота не гарантировала, что человек мог купить необходимые для него продукты и товары. Люди недополучали, а то и вовсе не получали то, ради чего они жертвовали семейными ценностями[321].

Говоря о неравнозначности сделки «золото в обмен на товары», необходимо принять во внимание и то, что люди могли тратить деньги Торгсина только в его магазинах, так что приходилось покупать по *тем ценам*, которые диктовало государство. Анализ торгсиновских цен показывает, что государство сполна использовало свою монополию и «голодный» потребительский спрос. Советское руководство в Торгсине продавало товары своим голодным гражданам в среднем в 3,3 раза дороже того, что брало с иностранцев, экспортируя эти товары за рубеж[322]. Иными словами, советские люди платили в Торгсине более чем в три раза больше того, что они могли бы заплатить, если бы покупали советские экспортные товары на свое золото за границей. По отдельным товарам разрыв цен был значительно выше этого усредненного показателя. Так, в 1933 г. товары

«хлебной группы» стоили в Торгсине в 5 раз больше их экспортной цены. Особенно *экономически* невыгодно было менять золото на продукты в период зимы – начала весны 1933 г. – время наивысших цен на продовольствие в Торгсине и одновременно апогей голода, когда люди отдали государству львиную долю своих золотых сбережений[323].

Хотя Торгсин продавал и предметы роскоши, главным образом в своих специализированных и элитных магазинах, его главный и самый ходовой ассортимент состоял из простых жизненно необходимых товаров. Советские граждане платили золотом, да и втридорога, не просто за товары обычные, но за товары порой сомнительного и нередко далеко не экспортного качества. Правление Торгсина в финальном отчете призналось, что за время своего существования Торгсин продал около 40 млн руб. «неэкспортабельных товаров»[324] – цифра явно и сильно заниженная, если учесть гигантские порчи при перевозках и хранении продуктов в отсутствие холодильников, а также потери от безхозяйственности, характерной для плановой экономики, где не было радеющего за свое добро собственника. Материалы Торгсина пестрят описаниями порченых продуктов и ширпотреба низкого качества. Доля импортных товаров в Торгсине была незначительна, основную массу поставлял отечественный производитель[325]. Большинство товаров Торгсина не могло быть продано за границей за цену, которую платили советские люди, или быть продано вообще[326].

Анализ скупочных и продажных цен Торгсина, соотношения покупательной способности рубля и доллара, а также ассортимента и качества торгсиновских товаров, проведенный в этой и других главах, позволяет сказать, что советские люди не получили массы товаров и услуг, адекватной сданному ими золоту. Сделки по обмену серебра, платины и бриллиантов на товары Торгсина экономически были еще менее выгодны для советских людей, так как скупочные цены на эти виды ценностей были значительно ниже мировых цен.

Сколько золота люди принесли в Торгсин? Золотые операции, которые начались в самом конце 1931 г., развивались стремительно[327]. Если в первый месяц 1932 г. Торгсин купил у населения только 90 кг чистого золота, то летом его *месячная* скупка превышала 1 т, а в октябре перевалила за 2 т чистого золота (*табл. 11*). Руководство в определении перспектив скупки явно не поспевало «за голодом» и темпами, которыми население несло свои сбережения в Торгсин[328]. Первоначально план скупки валютных ценностей на 1932 г. был определен в 25 млн руб., но уже зимой увеличен до 40 млн, а к весне – еще на миллион рублей. Увеличение плана шло

исключительно за счет роста скупки бытового золота. По новым наметкам Торгсин должен был купить золота на 20,9 млн, из них лома на 14,9 млн и чекана на 6 млн руб.[329] Документы свидетельствуют, что валютный план Торгсина вновь пересматривался и к осени 1932 г. достиг 60 млн руб.[330] Торгсин перевыполнил и этот увеличенный план. За 1932 г. он скупил у населения золота на 26,8 млн руб., превысив плановые наметки почти на 6 млн![331] План скупки и по лому, и по чекану был превзойден, при этом бытовое золото лидировало: лом в скупке составил 19 млн, а монеты обеспечили 7,8 млн руб. (*табл. 12*)[332].

Структура золотых поступлений, то есть соотношение между бытовым золотом и монетами царской чеканки, имеет интересное социальное содержание. По мнению торгсиновских руководителей, царские монеты поступали в Торгсин в основном из глубинки от крестьян, в то время как бытовое золото, с их точки зрения, было индикатором вовлечения городского населения[333]. Это наблюдение работников Торгсина подтверждается сравнительным анализом золотоскупки преимущественно городской, Ленинградской, и подавляюще крестьянской, Смоленской, контор Торгсина[334] (*табл. 13*), которое показывает резкое – почти в 3 раза – превышение сдачи бытового золота над монетами по Ленинградской области и преобладание – очень редкое в статистике Торгсина, где город доминировал над селом, – царских монет над бытовым ломом по Смоленской конторе[335].

Деление «лом – город, чекан – деревня» является, конечно, относительным: крестьяне тоже приносили в Торгсин золотые украшения и предметы, а в городе в кубышках сохранялись царские монеты. Но все-таки оно позволяет судить о тенденциях в социальном развитии Торгсина: хотя доля чекана в скупке Торгсина не является точным показателем удельного веса «деревенского золота», не вызывает сомнения то, что увеличение притока царских монет в Торгсин свидетельствует о росте участия крестьян в торгсиновской золотоскупке. Возвращаясь к соотношению лома (19 млн руб.) и чекана (7,8 млн руб.) в золотоскупке 1932 г., можно сказать, что Торгсин в тот год оставался еще в значительной степени городским. Крестьяне его пока плохо знали.

Абсолютным лидером в скупке золота в 1932 г. была Московская контора. За 9 месяцев 1932 г. она «заготовила» золота на 4,6 млн руб., или около 3,6 т чистого золота. Это более четверти всей годовой золотоскупки Торгсина[336]. Ленинградская контора за то же время скупила золота почти на 2 млн руб. и заняла второе место, Харьковская (1,5 млн руб.) – третье. По скупке золота выделялись также

Северо-Кавказская (1 млн руб.), Закавказская (0,9 млн руб.), Одесская (0,8 млн руб.), Киевская (0,6 млн руб.), Горьковская и Центрально-Черноземная (по 0,5 млн руб.) конторы. Существенно отставали Казакская (17 тыс. руб.), Дальневосточная (111 тыс. руб.), Башкирская (144 тыс. руб.), Восточно-Сибирская (151 тыс. руб.), Западная (167 тыс. руб.) и другие конторы.

Результаты золотоскупки 1932 г. уже отражали географию и хронологию голода: высокие показатели по украинским конторам[337], наивысшие показатели выполнения плана по наиболее голодным месяцам – апрелю, маю, июню[338]. Но в значительной степени итоги 1932 г. – свидетельство неравномерности развития сети Торгсина. «Старые», столичные и украинские, конторы с развитой сетью магазинов были впереди, «молодые», находившиеся в стадии образования, отставали.

В 1932 г. люди принесли в Торгсин почти 21 т чистого золота – эквивалент более половины промышленной добычи золота в тот год[339]. С учетом того, что сдавали не чистое, а золото разных и преимущественно низших проб, показатель реального физического тоннажа принесенного в Торгсин ценного металла вырастет в несколько раз. 1932-й стал первым годом массового мора в СССР. Второй кряду неурожайный год и продолжавшийся в ходе коллективизации развал крестьянского хозяйства сулили Торгсину золотые горы. Понимать это следует буквально. На 1933 г. окрыленное руководство назначило Торгсину валютный план в два раза больше прошлогоднего: скупить золота на 48 млн руб. (*табл. 12*). Общий план привлечения ценностей Торгсином на 1933 г. составил 122 млн руб., таким образом, золотоскупка должна была обеспечить почти 40% его выполнения.

Установив для Торгсина столь высокий план, руководство страны расписалось в том, что меры для облегчения продовольственного положения в стране не будут приняты, а голод будет использован для выкачивания ценных сбережений граждан. Тот факт, что Торгсин по плану должен был скупить монет почти в четыре раза больше, чем в 1932 г. (*табл. 12*), свидетельствует о том, что в 1933 г. ожидался массовый приход крестьян в Торгсин. Руководство осознавало, какие регионы будут голодать. По плану 1933 г. в Украине должно было быть скуплено ценностей на 28 млн руб. – фактически столько же, сколько и в элитной Москве (29 млн руб.) с ее огромным столичным валютным потенциалом. Даже вторая по значимости после Москвы Ленинградская контора получила план почти в два раза меньше украинского (15 млн руб.). Высокий план скупки

ценностей на 1933 г., по 6 млн руб., имели также Северный Кавказ, Закавказье и Белоруссия[340].

Действительность превзошла самые страшные ожидания: деревня умирала; город влачил полуголодное существование. 1933 г. стал «звездным часом» Торгсина, его скорбным триумфом. В тот год люди снесли в Торгсин золота на 58 млн руб., перевыполнив гигантский валютный план. Это почти 45 т чистого золота, в два раза больше того, что Торгсин скупил в тоже голодном 1932 г.[341] Золотоскупка Торгсина в 1933 г. лишь немногим уступила промышленной золотодобыче[342], при этом затраты Торгсина были несравнимо ниже затрат капиталоемкой золотодобывающей промышленности! Золото по стоимости покрыло половину ценностей, скупленных Торгсином в 1933 г. (*табл. 12*). Поистине, статистика голода была золотой[343].

Скупка царских монет в 1933 г. по сравнению с 1932 г. выросла в два с половиной раза (*табл. 12*), причем темпы поступления золотых монет существенно обогнали темпы поступления бытового золота[344]. Аналитик Торгсина определил этот процесс как «усилившийся приток золотой монеты из крестьянских «земельных банков»»[345]. 1933-й стал годом «коренного перелома»: крестьяне массой попли в Торгсин. Ожидания руководства оправдались. Именно в 1933 г. Торгсин стал в значительной степени крестьянским[346]. «Коренной перелом» в истории Торгсина оставил след в литературе. Виктор Астафьев, вспоминая 1933 г. в своем сибирском селе, пишет: *«В тот год, именно в тот год, безлошадный и голодный, появились на зимнике – ледовой енисейской дороге – мужики и бабы с котомками, понесли барахло и золотишко, у кого оно было, на мену, в "Торгсин"»*[347].

Структура золотоскупки 1933 г. показывает, что бытовое золото (лом), хотя по темпам поступлений и отставало от монет, по абсолютным показателям оставалось лидером (*табл. 12*). Бытовое золото по стоимости превысило треть общей суммы ценностей, скупленных Торгсином в тот год. Значительную часть этого лома составило «городское» золото, но вряд ли преобладание лома над чеканом в золотоскупке Торгсина в 1933 г. следует напрямую объяснять тем, что город «побил» в Торгсине деревню. Количество сохранившихся у населения царских золотых монет было ограничено и в 1930-е гг. не пополнялось. Ужас голода и состоял в том, что люди снимали с себя обручальные кольца, нательные кресты, серьги. Крестьяне не были исключением. Одними царскими монетами они спасти себя не могли. Вспомним историю семьи Виктора Астафьева, крестьян сибирского села на берегу Енисея. Единственная золотая вещь в доме –

золотые серьги его трагически погибшей матери, бережно хранимые в сундуке бабушки на память или на черный день, были в тот голодный год снесены в Торгсин[348].

Показатели сдачи золота во всех кварталах 1933 г. очень высокие, но особенно выделяются апрель, май и июнь – апогей голода (*табл. 14*). Только за эти три месяца люди снесли в Торгсин золота более чем на 20 млн руб. или около 16 т чистого золота (*табл. 14*), то есть почти столько же, сколько за весь предшествующий и тоже голодный год! II квартал лидирует и по скупке бытового золота, и по поступлению «золота из крестьянских земельных банков» – царских монет (*табл. 14*).

В архиве Торгсина не сохранилось полных региональных данных о скупке золота в 1933 г. Но даже то фрагментарное, что удалось собрать, отражает географию голода. Украинский Торгсин в 1933 г. скупил золота на 10,7 млн руб., причем перевес бытового золота (5,9 млн) над чеканом (4,7 млн) был незначительным, что косвенно свидетельствует о высокой доле крестьянского участия[349]. Элитная Москва и умиравшая украинская деревня почти на равных обеспечили треть золотоскупки 1933 г.[350]

С хорошим урожаем 1933 г. голод отступил, но план золотоскупки на 1934 г. оставался высоким – 45,2 млн руб. (*табл. 12*). Руководство, видимо, рассчитывало на «инерцию голода»: жестоко голодавший будет закупать впрок. Возможно, и полной уверенности в том, что «продовольственные затруднения» в стране кончились, не было. Кроме того, материалы Торгсина свидетельствуют, что руководство надеялось удержать высокие темпы скупки ценностей, превратив Торгсин из «голодного» предприятия, механически отпускавшего мешками муку, крупу и сахар, в валютный универмаг модных товаров[351].

В 1934 г. Торгсин провалил свой план, что в значительной степени было результатом работы золотоскупки (*табл. 12*). Провал плана скупки *монет* позволяет говорить о том, что интерес крестьян к Торгсину упал сильнее, чем предполагало руководство, а может, «земельные банки» уже опустели. В 1934 г. Торгсин, казалось, вернулся на год назад, на уровень золотоскупки 1932 г. (*табл. 12*). Однако, если в 1932 г. в Торгсине работало (в зависимости от периода времени) от 100 до 400 магазинов, то в 1934 г. – более тысячи. Торгсин становился нерентабельным[352]. В 1934 г. началось свертывание его работы.

«Звездный» час Торгсина миновал вместе с породившим его голодом. Продовольственная ситуация в стране улучшилась. С 1 января 1935 г. отменили хлебные карточки. Вслед за ними с 1 октября

были отменены карточки на мясные и рыбные продукты, жиры, сахар и картофель, а с 1 января 1936 г. – карточки на непродовольственные товары[353]. Открывались новые специализированные продовольственные магазины и образцовые универмаги, в которых ассортимент товаров был не хуже торгсиновского, а цены – в простых советских рублях. Валютный план Торгсина на 1935 г. после головокружительного 1933 г. выглядел очень скромно – 40 млн руб. Видимо, руководство похоронило надежды превратить Торгсин в массовый валютный универмаг модных товаров. Золотоскупка в 1935 г. должна была обеспечить всего лишь 13 млн руб. (около 10 т чистого золота) – явная перестраховка после неудачно определенных ориентиров 1934 г. Торгсин перевыполнил этот план (*табл. 12*), но ликвидация его сети продолжалась. По постановлению правительства 15 ноября 1935 г. Торгсин прекратил прием драгоценных металлов и камней[354]. «Золотые» голодные страсти по Торгсину утихли.

Золотой «урожай» Торгсина не просто оправдал ожидания советского руководства, он потрясал! За четыре с небольшим года работы золотоскупки, согласно финальному отчету Торгсина, он скупил у населения золота на 127,1 млн руб., или 98,5 т чистого золота (*табл. 12*) – эквивалент порядка 40% промышленной золотодобычи в СССР за период 1932–1935 гг.[355] Золото Торгсина по стоимости составило почти половину (44%) всех ценностей, скупленных им за годы работы. Анализ статистики Торгсина показывает, что золото более чем другие ценности спасало людей в период голода: в 1932 и 1933 гг. скупка золота по стоимости превысила половину всех ценностей, скупленных Торгсином. Львиную долю торгсиновского золота – более 80 млн руб. (*табл. 12*), или более 60 т чистого золота, – составлял лом: украшения, нательные кресты, ордена и медали, часы, табакерки, посуда и прочие бытовые предметы. В структуре золотоскупки на долю бытового золота приходилось почти две трети (65%), а в структуре всех скупленных ценностей – немногим менее трети (29%) общего объема. Бытовое золото по праву можно назвать главной ценностью Торгсина. Ни серебро, ни платина, ни бриллианты, ни иностранная валюта не сыграли в истории Торгсина столь большой роли, как золотой лом. Монеты царской чеканки по стоимости составили около 45 млн руб., а по весу почти 35 т чистого золота, или более трети всей золотоскупки Торгсина, – косвенное свидетельство активной вовлеченности крестьян в его торговлю. Доля монет в скупке всех ценностей также была относительно высокой (около 16%).

Голод стал главным фактором «золотого» успеха Торгсина. Страшный 1933 г. лидирует в золотоскупке (*табл. 12*). Груды золота, принесенные людьми в тот год в Торгсин и обращенные руководством страны в машины, турбины, сырье и патенты, – своеобразный памятник голоду. Начни Торгсин скупать золото на год раньше, так, чтобы уже к 1932 г. у него была развитая торговая сеть на периферии, результаты золотоскупки оказались бы и того выше. И кто знает, сколько бы еще людей выжило в голодные годы благодаря Торгсину. Тот факт, что основная масса золота от населения поступила именно в наиболее тяжелые голодные годы, свидетельствует, что Торгсин как массовый социальный феномен был способом выживания, а его успехи – знаком бедственного положения общества. Элитный Торгсин роскоши и деликатесов – лишь небольшая страничка в его истории.

Относительно высокие показатели скупки золота 1934 г. (27,5 млн руб.) можно объяснить его рубежным положением: продовольственная ситуация в стране начала улучшаться, но оставалась неопределенной вплоть до получения нового урожая. Кроме того, в 1934 г. карточная система, при которой большие группы населения – крестьяне, «лишенцы», жители небольших городков и работники неиндустриальных производств – либо вовсе не снабжались государством, либо снабжались впроголодь, еще не была отменена, а значит, потребность в Торгсине оставалась высокой. Только с отменой карточной системы в 1935 г. и с развитием торговли «свободного доступа» значение Торгсина резко и безвозвратно упало.

Ответить на вопрос, насколько сильно Торгсин «почистил» золотые сбережения граждан, сложно из-за невозможности точно оценить, сколько золота было у людей до начала торгсиновских операций, но некоторые предположения на этот счет можно сделать. Начнем с царского чекана. Руководители Торгсина, приступая к золотым операциям, пытались определить народную кубышку царских монет. Именно на основе этих подсчетов они определили задачи первой валютной пятилетки Торгсина[356]. В своих видах на «золотой урожай» царских монет авторы пятилетнего плана предполагали, что «к моменту отмены золотого стандарта в России (это произошло в годы Первой мировой войны. – *Е. О.*) на руках населения осталось до 400 млн золотых рублей». Это предположение перекликается с оценками представителей финансовых кругов России и СССР, которые определяли сумму золотых монет на руках у населения накануне Первой мировой войны в 460–500 млн руб.[357] Они единодушно считали, что попытки царского правительства в начале

войны изъять это золото из обращения призывами к патриотизму населения и пожалованиями льгот лицам, платившим золотом, не дали существенных результатов. С началом Первой мировой войны золотой царский чекан быстро исчез из обращения и осел в «земельных банках» населения. *«Все изучающие этот вопрос,* – пишет Новицкий, – *пришли к заключению, что большая часть этого золота находится в тайниках у крестьян, откуда нет никакой возможности его извлечь»*[358]. В последнем утверждении бывший товарищ министра финансов ошибся. Советское руководство нашло способ, с помощью которого изъяло у крестьян спрятанные царские монеты, – Торгсин.

С момента отмены золотого стандарта в России и до начала 1930-х гг., по мнению авторов торгсиновской пятилетки, *«было изъято* (царских монет. – *Е. О.*) *до 200 млн рубл. До 50 млн руб. было вывезено разными путями за границу. Из оставшихся 150 миллионов до 50, надо полагать, настолько «надежно» спрятаны владельцами, бежавшими и погибшими, что их надо сбросить со счетов».* Следовательно, согласно расчетам руководителей Торгсина, к началу его операций у населения оставалось на руках около 100 млн руб. золотым царским чеканом[359]. Насколько оправданны эти расчеты? Для ответа на этот вопрос посмотрим, соответствовал ли «урожай» золотых монет, собранный Торгсином, плановым ожиданиям.

В своих видах на «золотой урожай» руководители Торгсина рассчитывали, что за первую торгсиновскую пятилетку люди отдадут львиную долю оставшихся у них царских монет: в плане 76 млн руб. от руки исправлено на 82 млн руб. Но их ожидания не оправдались. Торгсин купил у населения монет старого чекана на сумму менее 45 млн руб. (*табл. 12*)[360]. Если руководители Торгсина не ошиблись в своих расчетах народной кубышки, то следует признать, что люди, несмотря на голод, придерживали монеты и до сих пор в стране зарыты или «гуляют» значительные суммы золотого царского чекана. Однако трудно представить, что во время голодного мора, державшего в тисках страну в течение двух лет, люди думали не о выживании, а о сбережении накоплений. Определенную часть этих недостающих миллионов золотых монет в первой половине 1930-х гг. изъяло ОГПУ, но, принимая во внимание распыленность и мелкость сбережений населения, трудно представить, что ОГПУ могло собрать всю недостающую сумму в 55 млн руб. О малой вероятности подобного масштаба конфискаций золотых монет свидетельствуют отрывочные опубликованные данные из архивов органов госбезопасности[361]. Вероятнее всего, оценка народной кубышки золотых монет в сумму 100 млн руб. на начало 1930-х гг. – завышена, советское руководство ошиблось[362]. Предположение авторов

первой торгсиновской пятилетки, что монеты будут лидировать в золотоскупке Торгсина, также оказалось ошибочным. Торгсин скупил бытового золота почти в два раза больше, чем царского чекана (*табл. 12*). В значительной степени именно бытовое золото – украшения, посуда и утварь, часы, табакерки, нательные кресты и всяческий лом – спасало людей и финансово обеспечило индустриализацию. Масштаб продажи личных золотых вещей и семейных реликвий также косвенно свидетельствует о том, что сбережения царских монет были исчерпаны.

Как сильно Торгсин «почистил» накопления бытового золота у населения? Авторы пятилетнего плана Торгсина считали, что к началу 1930-х гг. запасы бытового золота у населения составляли ориентировочно 100 млн руб. Они признавались, что цифра эта приблизительная, так как золото, «которое накапливалось веками, не поддается учету»[363]. Создатели Торгсина ожидали, что люди отдадут золотого лома на сумму 55–60 млн руб. Торгсин легко перевыполнил этот план (*табл. 12*), и неудивительно. Даже если предположить, что в каждой семье имелась хоть одна золотая безделица, то в стране с населением 160 млн человек запасы бытового золота превысят осторожную оценку в сотню миллионов рублей[364].

При всей приблизительности расчетов первого пятилетнего плана Торгсина и ошибок в оценках соотношения золотых монет и лома общая сумма скупленного им золота (около 127 млн руб., *табл. 12*), на удивление, оказалась близка к плановым наметкам (130–140 млн руб.). Только выполнен этот план был на два года раньше срока, не в 1937 г., а в 1935 г. Принимая во внимание размах, длительность и жестокость голода, а также большую вероятность того, что расчеты советского руководства объемов народных сбережений золотых монет оказались завышенными, можно предположить, что Торгсин скупил основную массу золотых накоплений граждан. Золото, которое из владения семей через Торгсин ушло на переплавку, а затем на продажу за рубеж, было в основном золотом XVIII–XIX вв.

После закрытия Торгсина государство продолжало скупать золото у населения. Этим занимался Госбанк. Была установлена новая скупочная цена – 6 руб. 50 коп. за грамм чистоты[365]. Рубли эти были уже не золотые, а простые, и покупать на них можно было везде в СССР. Продолжала работать на приисках и скупка Главзолота, стимулируя старательскую и сверхплановую добычу ценного металла. Люди продавали золото государству, но эта новая золотоскупка была так непохожа на полные трагизма золотые голодные страсти по Торгсину.

«Красные директора» Торгсина: «Разведчик»

Есть такая профессия – валюту добывать. Безрассудство юности. «Меховая» эмиграция. Он же Верховский, он же... Во благо РККА и рейхсвера. Берлинская резидентура. Разведчики и купцы. Переполох в пушном мире. Звездный час Торгсина. Операция «Х». Гибель Артура Сташевского

Имя Артура Карловича Сташевского (1890–1937) – одно из многих, потерявшихся в советской истории. Я открыла его для себя, когда работала над этой книгой. Чем больше я узнавала об этом человеке, тем больше поражалась его удивительной биографии. По описанию современника это был «крепкий большевик», «закоренелый сталинист и твердый партийный ортодокс» и вместе с тем «походивший на бизнесмена» человек. Красный командир и советский военный разведчик, сталинский комиссар в раздираемой гражданской войной Испании и в то же время основатель такой мирной меховой индустрии и председатель торговой конторы «Торгсин». Назначения Сташевского могут показаться случайными и даже противоречивыми, но есть в них одно неизменное: он был «бойцом валютного фронта». Человек огромной энергии и работоспособности, Сташевский осуществил несколько крупных операций, добывая валюту на нужды СССР. Среди людей, сыгравших решающую роль в советской индустриализации, его имя должно быть в первом ряду.

Артур Карлович Сташевский (настоящая фамилия Гиршфельд, также известен под псевдонимами Верховский и Степанов) родился в 1890 г. в Митаве Курляндской губ. в семье мелкого торговца-еврея[366]. Мать вела домашнее хозяйство. Хорошего образования он не получил. К 17 годам «за плечами» имел лишь начальную школу и четыре класса мужской гимназии экстерном. Да и не до учебы ему было, с 14 лет зарабатывал на жизнь конторщиком. Но уже с 16 лет (1906) Сташевский участвовал в революционном движении и в выборе партии, как показали Октябрьские события, не ошибся: не в Бунд вступил, а в Социал-Демократическую Партию Королевства Польского и Литвы (СДКПЛ). Молодой Сташевский по всему был отчаянная голова!

Однако похоже, что вскоре его революционный пыл поостыл. После двух арестов (1906, 1908) и кратковременного пребывания в Либавской тюрьме Сташевский в 1909 г. эмигрировал за границу. В самом факте эмиграции не было бы ничего особенного – то был период реакции и спада революционного движения в России, и многие социал-демократы, включая Ленина, отсиживались за границей. Но Сташевский в отличие от других в эмиграции подзадержался, про-

пустив и Февральскую революцию, и Октябрьские дни. Несмотря на то, что формально до 1912 г. он продолжал состоять членом СДКПЛ, никакой информации о политической работе Сташевского в эмиграции в его личном деле нет.

Чем же Сташевский занимался за границей? До 1914 г. – почти пять лет! – работал в Париже на красильной фабрике Гиршовича, где вырос от чернорабочего до мастера меховщика-красильщика. Затем переехал в Лондон и еще три года до октября 1917 г. работал мастером-красильщиком в компании «Фрэнчфэр» (видимо, «French Fur» – «Французские Меха»). Многолетний опыт работы на меховых производствах Парижа и Лондона без преувеличения, ну просто буквально, оказался на вес золота. Знания, полученные в Европе, – технологии выделки и окраски мехов, рецептуры красителей и многое другое – Сташевский использовал в 1920-е гг. в создании советской меховой промышленности. В отрасли даже ходило выражение – «рецепты Сташевского». Благодаря ему «облагороженные» меха стали одной из основных статей советского валютного экспорта. Столь высоко ценимая в мире советская пушнина была в определенной мере детищем французских и английских засекреченных технологий, которые Советскому Союзу удалось заполучить, не потратив ни одной государственной копейки и не прибегая к промышленному шпионажу. В середине 1930-х гг. Сташевский опубликует двухтомный труд «Основы выделки и окраски мехов».

Сташевский вернулся из эмиграции в Россию в ноябре 1917 г. Большевики только что пришли к власти в Петрограде и в ряде других промышленных центров. Вначале он вроде бы как осматривался, работал мастером на красильной фабрике «Шик» в Москве. Весной 1918 г. Сташевский сделал решающие шаги: поступил на курсы красных командиров в Лефортово и вступил в партию большевиков. В Гражданскую воевал на Западном фронте и с лихвой «отработал» за революционное бездействие в эмиграции: был уполномоченным «революционного правительства Литвы» в Двинске и Вильно; в занятом немцами Ковно был арестован и посажен в тюрьму, но через три недели освобожден и выслан. В начале 1919 г. Сташевский сформировал партизанский отряд, который возглавил под псевдонимом Верховский. Отряд влился затем в Красную армию. До начала 1921 г. под той же фамилией Верховский воевал на Западном фронте комиссаром 3-й бригады Литовской дивизии, потом комиссаром 4-й стрелковой дивизии, а затем начальником разведывательного отдела Западного фронта. За боевые заслуги Сташевский получил золотые часы от ВЦИКа «За храбрость в боях с белополяками» (Вильно, 1919) и орден Красного Знамени «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» (1922). Он был также награжден почетным оружием.

Сташевский, судя по анкете, владел немецким, французским, английским и польским языками, долго жил за границей и Гражданскую войну закончил в разведке. Не удивительно, что после окончания войны партия направила его на «дипломатическую» службу. С января 1921 г. до июня 1924 г., формально состоя секретарем советского полпредства в Берлине, он фактически руководил советской военной разведкой в Западной Европе[367]. Пост резидента в Германии в силу относительной свободы для советских представителей – побочный результат Рапалльского договора[368] – считался в военной разведке в 1920-е гг. самым важным. На него назначались люди, пользовавшиеся особым доверием.

Берлинский руководящий центр, созданный в 1921 г. Сташевским и его соратниками, должен был объединить имевшиеся агентурные группы и резидентуры в Европе, создать агентурную сеть в Германии и других европейских странах, а также подготовить условия для организации агентурной сети в США. Помимо чисто разведывательных задач, через Берлинский центр, в обход запретов Версальского договора, шло нелегальное военное сотрудничество рейхсвера[369] и Рабоче-Крестьянской Красной армии. Сташевский отвечал за связь представителей двух армий и научно-технический обмен в военной промышленности. Так, Сташевский внес свой вклад в восстановление и наращивание военного потенциала Германии, о чем он, вероятно, не однажды пожалел во время гражданской войны в Испании.

Берлинский центр выполнил свою задачу. К середине 1920-х гг. советские резидентуры существовали во всех наиболее значимых в той международной ситуации государствах Европы. До 1924 г. европейские резидентуры подчинялись напрямую Берлинскому центру, а следовательно – Сташевскому. В 1924 г. из-за громоздкости и угрожавшей самостоятельности Берлинского центра он был ликвидирован. Все европейские резидентуры, включая и Берлинскую, стали непосредственно подчиняться Разведупру РККА[370]. С ликвидацией Берлинского центра Сташевский был отозван в Москву. Всего несколько месяцев он занимал пост начальника отдела в Разведупре, а затем был переведен на работу... в советскую торговлю! После краткого пребывания в правлении Советского торгового флота он шесть лет (до октября 1932 г.) занимался мехами – был членом правления и директором Пушногосторга, а затем заместителем председателя правления Пушносиндиката (Союзпушнина). Оттуда он перешел в Торгсин.

Столь резкое изменение карьеры – из разведчиков в купцы – на первый взгляд выглядит «ссылкой», понижением по службе. Возьму, однако, смелость предположить, что торговое назначение Сташевского не являлось наказанием и что работа Сташевского-разведчика и Сташевского-меховщика-купца тесно и органично связана. И дело здесь не просто в том, что Сташевский был меховщиком-красильщиком с большим стажем, прошедшим «стажировку» в фирмах Парижа и Лондона. Его профессиональное знание меха лишь отчасти объясняет это назначение. В первой половине 1920-х гг. из-за недостатка валюты у государства военная разведка находилась на самофинансировании: разведчики добывали валюту на содержание своего зарубежного аппарата собственными коммерческими операциями, главным образом продажей драгоценностей и пушнины[371]. В те годы разведчики, собственно, и были купцами по совместительству, а советские «купцы» вели разведку[372]. В бытность Сташевского резидентом в Западной Европе у него завязались обширные связи в торговом, в том числе и пушном, мире и накопился опыт добывания валюты.

С началом форсированной индустриализации в конце 1920-х гг. «валютный фронт» стал для страны решающим. Русские меха, это «мягкое золото», славились в мире и до революции занимали важное место в экспорте. В годы войны и революции кустарная меховая промышленность царской России развалилась, а экспорт меха практически прекратился. Сташевскому предстояло не восстанавливать мелкое кустарное производство, а создавать меховую индустрию и налаживать сбыт советского меха за границей. Если, будучи разведчиком, он добывал валюту только для одного ведомства – военной разведки, то теперь решал валютную проблему в масштабе всей страны. В этом смысле его назначение из разведчиков в купцы выходит даже повышением по службе.

По словам Вальтера Кривицкого, советского разведчика-нелегала, работавшего в Западной Европе[373], Сташевский «сумел восстановить русскую торговлю мехами на всех мировых рынках»[374], а говоря языком его наградного дела, «встряхнул весь пушной мир»[375]. Поистине советская меховая промышленность – это детище Сташевского. Она началась в 1926 г. с опытной лаборатории в развалившейся бане на окраине Москвы. Сташевский имел в своем распоряжении всего лишь 70 тыс. руб. (для сравнения: оборот Госторга в то время составил 0,5 млрд руб.) и около 10 человек без всякого опыта работы с мехом. Несмотря на неверие чиновников Госторга и обвинения в фантазерстве, он добывал оборудование, учил химиков, писал рецепты красителей. Через пять лет в стране работало уже 12 предприятий Союзпушнины (Москва, Казань, Вятка). Сташевский создал и первый в СССР Центр научной и исследовательской работы в области меховой промышленности. Он считал, что индустриализация приведет к сужению пушного промысла и поэтому приступил к созданию промышленного звероводства. На благо индустриализации послужили не только дорогие благородные меха, но и шкурки «второстепенных видов» и «вредителей социалистического земледелия», которых «заготавливали» миллионами – кроты, хомяки, суслики, водяные крысы, бурундуки, а также многие миллионы кошек и собак[376]. Кстати сказать, в магазинах Торгсина иностранцы охотно покупали советские дешевые пальто из «неблагородных» мехов.

Упорный труд принес результаты. Производство пушных товаров в стоимостном выражении выросло с 9 млн руб. в 1925/26 г. до 130 млн руб. в 1931-м. Вырос и экспорт, причем изменилась его структура. В 1925 г. СССР вывозил только меховое необработанное сырье, а облагороженные меха составляли всего лишь 4% продукции. В экспорте совершенно не было окрашенных мехов[377]. В 1931 г. более трети советского мехового экспорта составляла выделанная пушнина, а крашеный мех – 45%. В 1933 г. выделанная пушнина превысила половину (56%) мехового экспорта СССР[378]. А ведь экспорт облагороженного меха, в отличие от вывоза необработанного мехового сырья, как справедливо отмечалось в наградном деле Сташевского, – это миллионы рублей дополнительной валюты[379]. Советский крашеный каракуль будто бы даже потеснил с рынка «лучшую монополистическую фирму Германии – Торрера в Лейпциге». Об успехах советской меховой промышленности свидетельствовала «антидемпинговая» нервозность на Западе.

В ноябре 1932 г. «за исключительную энергию в деле организации и развития меховой промышленности» Президиум ЦИК СССР наградил Сташевского орденом Ленина – в то время высшей наградой Советского Союза[380]. Читая материалы наградного дела, трудно отделаться от мысли, что в меховой промышленности сложился культ личности Сташевского: «лучший специалист не только Союза, но и за границей», «лучший хозяйственник, лучший ударник и практик», «первый пионер и организатор нашей экспортной меховой промышленности», «герой социалистической стройки». Однако факт остается фактом – советская меховая индустрия началась с приходом Сташевского в Госторг. Следующим валютным партийным заданием Сташевского стал Торгсин.

Сташевский пришел в Торгсин в октябре 1932 г. Второй год подряд в стране был неурожай, но размеры государственных заготовок сельскохозяйственной продукции и ее экспорта тем не менее повышались. Город жил на скудном пайке, и даже индустриальные рабо-

чие, несмотря на опеку государства, бедствовали, а в обобранной до нитки деревне начался массовый голод. Момент для «мобилизации валютных ценностей населения» был решающий, и партия послала в Торгсин человека с немалым опытом добывания валюты. Назначение Сташевского – легендарного участника Гражданской войны, советского военного разведчика, основателя советской меховой промышленности – на пост председателя Торгсина говорило о том значении, которое Политбюро придавало битве за валюту. Сташевский воспринял назначение, казалось бы, в простую торговую контору очень серьезно. *«Вы сами отдаете себе отчет, какая совершенно исключительно тяжелая работа предстоит мне по Торгсину»*, – писал он[381].

При голоде и Сташевском Торгсин прожил свой «звездный» час: его конторы работали практически во всех крупных городах страны, число магазинов достигло 1,5 тыс. При Сташевском Торгсин, кроме валюты и золота, стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты и другие драгоценные камни. В 1933 г. Торгсин собрал свой самый большой валютный урожай: по всей стране голодные люди меняли ценности и семейные реликвии на хлеб. В тот год голодного мора люди сдали в Торгсин почти 45 т чистого золота и более 1 420 т чистого серебра[382]. Сташевский ушел с поста председателя Торгсина в августе 1934 г.: голод отступил, Торгсин вступил в полосу своего заката, начался период его ликвидации. Торгсин блестяще выполнил свою валютную миссию во время председательства Сташевского: в 1933–1934 гг. ценности, «заготовленные» Торгсином, покрыли почти треть затрат на промышленный импорт. По объемам валютной выручки в 1933 г. Торгсин занял первое место в стране, обогнав экспорт зерна, леса и нефти[383].

После Торгсина Сташевский на два года вернулся в меховую промышленность, проработав до июня 1936 г. начальником Главпушнины Наркомвнешторга. Видимо, его не забыли в разведке, – а может быть, он и не порывал с ней связь даже тогда, когда работал в валютных торговых организациях, – так или иначе, но он вновь оказался на секретной работе за границей. Осенью 1936 г. Политбюро командировало Сташевского в Испанию, где шла гражданская война.

Кривицкий, который работал в разведке Иностранного отдела НКВД в Европе и встречался со Сташевским в Барселоне, писал: *«Пока армия Коминтерна – Интернациональные бригады – приобретала все больший вес и известность на первом плане событий, чисто русские части Красной армии тихо прибывали и занимали свои позиции позади линии испанского фронта. ... Эта специальная экспедиционная сила состояла в прямом подчинении генерала Яна Берзина – одного из двух советских начальников, поставленных Сталиным во главе его интервенции в Испании*[384]. *Другим был Артур Сташевский, официально занимавший пост советского торгового представителя в Барселоне. Это были тайные люди Москвы за кулисами испанского театра военных действий; в их руках были сосредоточены все нити контроля над республиканским правительством в Испании, в то время как об их миссии ничего не было известно вовне и она была окружена совершенной тайной»*[385].

По мнению Кривицкого, Сташевский в Испании исполнял роль сталинского политкомиссара[386]. Сферой его деятельности была испанская экономика. Недавно рассекреченные испанские донесения Сташевского свидетельствуют, что он пытался «лепить» экономику Испании по типу сталинской – социалисты у руководства, централизация и плановость. По мнению Кривицкого, а также многих западных и ряда российских исследователей, Сталин уготовил Испании, в случае победы республиканцев, роль не просто социалистического государства № 2, но государства, созданного по образу и подобию СССР[387]. Сташевский, преобразуя военную промышленность Испании на плановых централизованных началах, по сути, создавал главный модуль будущего социалистического хозяйства[388]. Именно в Испании военный разведчик и советский торговый атташе Сташевский выполнил свою последнюю валютную миссию. Он был одним из главных участников операции «Х»[389], в результате которой львиная доля (510 т[390]) золотого запаса Испании оказалась в центре Москвы в хранилищах Госбанка СССР.

Безмятежные слова «над всей Испанией безоблачное небо», переданные радиостанцией города Сеута в испанском Марокко 17 июля 1936 г., стали сигналом к военному мятежу, во главе которого оказался генерал Франко. В Испании началась гражданская война. Мятеж был активно поддержан Гитлером и Муссолини[391]. Республиканское правительство, представленное коалицией левых партий, оказалось в кольце бойкота. Республика не могла – ни напрямую, ни через посредников – купить оружие: мировые державы не только отказались дать кредиты, продать оружие или стать посредниками в его закупке, но и заморозили вклады республиканской Испании в своих банках[392].

Республиканская Испания обращалась за помощью ко всем ведущим западным странам. С самого начала войны республиканцы неоднократно и упорно просили и Сталина продать оружие[393]. Тот, однако, в течение двух месяцев холодно реагировал на их просьбы. Затем холодная отстраненность вдруг сменилась горячей заинтересованностью. В середине сентября 1936 г. Сталин назначил комиссию из выкопоставленных чинов военной разведки и Иностранного

отдела НКВД для разработки плана оказания военной помощи Испании. Этот план был рассмотрен Политбюро и в целом утвержден 29 сентября 1936 г. в нарушение уже принятой Советским Союзом в августе Декларации о невмешательстве в дела Испании[394].

Ясно, что республиканцы разыграли козырную карту – они предложили Сталину что-то такое, от чего он не смог отказаться. Но что? – Почти весь золотой запас Испании, четвертый по величине в мире: золото ограбленных испанцами ацтеков и инков, слитки и бруски, золотые испанские песеты, французские луидоры, английские соверены – ценности, копившиеся со времен объединения Кастилии и Арагона. Думаю, что исследователи правы: договоренность между Сталиным и республиканским руководством была достигнута уже в сентябре 1936 г.[395] Обмен официальными письмами и подписание документов в октябре носили формальный характер[396]. Практически все исследователи этой темы согласны с тем, что инициатива сделки принадлежала испанскому руководству – премьер-министру Ларго Кабальеро и министру финансов Хуану Негрину, которые действовали с согласия президента Республики Мануэля Асанья[397]. По словам Альвареса дель Вайо, министра иностранных дел и военного комиссара республиканской Испании, то был шаг отчаяния, безысходности[398]: националисты Франко вплотную подошли к Мадриду. Судьба Республики висела на волоске.

Почему Сталин решил ввязаться в испанскую драку? Историки приводят тому много причин – тут и угроза расползания фашизма, и недоверие к лидерам европейских держав, и стремление получить международный престиж борца с фашизмом и приглушить протесты в мире против террора в СССР. Историки вспоминают и о когда-то страстно желанной, но не сбывшейся мечте большевиков о мировой революции. Другие считают, что мировая революция уже давно перестала занимать Сталина, что в Испании он руководствовался интересами внешней политики СССР: убедить Запад в необходимости коллективной безопасности или использовать просоветскую Испанию в случае победы над Франко, как объект торга с мировыми лидерами – Великобританией и Францией, а если те окажутся несговорчивыми, то с Германией. Не отвергая этих доводов, считаю, что в решении Сталина помочь Испании золото как таковое играло не последнюю роль.

У Сталина было немало комплексов, в том числе, как представляется, и страх перед пустыми золотыми кладовыми. Он пришел к единоличной власти в конце 1920-х гг., когда большевики практически полностью израсходовали попавший к ним в руки золотой запас Российской империи[399]. Тратили не считая, полагая, что золото и деньги нужны при капитализме, а социализм обойдется без них.

На фоне пустых золотохранилищ Госбанка форсированная индустриализация выглядит аферой. Ввязавшись в нее, Сталин в полной мере ощутил силу золота. В конце 1920 – начале 1930-х гг. советское руководство пережило «валютный стресс», о чем свидетельствуют лихорадочные, экстраординарные, а порой преступные и безрассудные действия: «золотушные» кампании ОГПУ, экспорт зерна из голодавшей страны, распродажа музейных ценностей. К этому можно добавить Торгсин, зэковский Дальстрой, разрешение эмиграции[400] за большие деньги и многое другое. Поговаривали даже о выпуске государством фальшивых долларов[401]. Все было подчинено одной цели – любыми средствами найти золото и валюту. Не брезговали ничем. Подобно тому, как человек, переживший голод, будет всю жизнь впрок запасать продукты, так и Сталин, однажды пережив государственное золотое банкротство, до конца своей жизни наращивал золотой запас страны. К концу его правления, по официальным данным, золотой запас СССР достиг рекордной цифры – более 2 тыс. т. Сталин не только собирал золото, где только было возможно, но и создал базу для его постоянного притока в государственные кладовые: в годы его правления в СССР появилась золотодобывающая промышленность и началась промышленная разработка, в том числе и силами ГУЛАГа, золотых богатств Сибири. При последующих советских лидерах страна жила за счет «золота Сталина» и фактически полностью израсходовала созданный им золотой запас[402].

Вряд ли во второй половине 1930-х гг. кто-то сомневался в том, что дело идет к мировой войне. Хотя золотая проблема в СССР уже не стояла так остро, испанское золото, «если завтра война», могло оказаться кстати. Сталин, конечно, получил его не в подарок, а в уплату за военную помощь. Предполагалось, что все до последней монеты должно было быть потрачено на нужды республиканской Испании. Однако, представляя характер Сталина, думаю, что он смог использовать золотой запас Испании с выгодой для своего режима. Документы отчасти подтверждают это[403]. Возвращать испанское золото он, по-видимому, ни при каких обстоятельствах не собирался[404]. Историки продолжают спорить, пошло ли золото Испании исключительно на военную помощь республиканскому правительству или что-то «прилипло к сталинским рукам»[405]. Интересно было бы заглянуть в кладовые Госбанка сегодня – не там ли все еще золотые песеты и луидоры[406]. Грустно думать, что весь этот нумизматический раритет переплавили в однообразные бруски[407].

Все исследователи операции «Х» согласны в том, что оказание помощи Испании было коммерческой сделкой. СССР ничего не покупал для Испании за свой счет и, как правило, действовал по

принципу монтера Мечникова: «утром деньги – вечером стулья». Сталин был прагматичнее последующих советских лидеров, оставивших после себя не выплаченные Советскому Союзу «за оказание интернациональной помощи» долговые обязательства на сотни миллиардов долларов[408]. Сталин не верил словам и слезам. Ему нужны были гарантии. Не думаю, что он вообще стал бы вести переговоры с республиканцами, если бы золото оставалось в осажденном Франко Мадриде. Сами переговоры стали возможны во многом потому, что золота в Мадриде уже не было. 13 сентября 1936 г. министр финансов Негрин получил от президента и премьер-министра Республики картбланш на переправку в случае необходимости золота из Банка Испании в любое (!), по мнению Негрина (!), безопасное место. Уже на следующей день, 14 сентября, ценности стали вывозить из Мадрида в Картахену. По мнению С. Пайна, именно в этот день и вряд ли случайно Сталин, оставив колебания, назначил комиссию для разработки операции «Х»[409]. И вряд ли случайно Негрин выбрал местом хранения золота именно Картахену – этот своеобразный «советский сектор», порт, где разгружались советские суда. Там золото и серебро испанской казны отвезли в старые пещеры, служившие когда-то пороховыми погребами[410].

За погрузку и транспортировку золота в СССР отвечал НКВД. Ответственным за выполнение этой миссии нарком Н.И. Ежов назначил Александра Орлова, который с сентября 1936 г. находился в Испании в качестве заместителя военного советника по контрразведке и партизанской борьбе в тылу франкистов[411]. В течение трех ночей, 22–25 октября 1936 г., в кромешной тьме советские танкисты, ожидавшие в Картахене прибытия боевой техники, на грузовиках перевозили золото в порт и грузили на советские суда[412]. Благополучно пройдя маршрут (у каждого судна он был свой), советские суда «Нева», «КИМ», «Кубань» и «Волголес» 2 ноября доставили золото в Одессу[413], а оттуда спецпоездом под усиленной охраной НКВД оно проследовало в Москву в хранилища Госбанка[414].

Кривицкий красочно описал прибытие испанского золота в СССР: *«По указанию Сталина разгрузка прибывавших партий доверялась только офицерам тайной полиции, по личному выбору Ежова, во избежание распространения малейших сведений об этих операциях. Однажды я заметил в печати список высших представителей ОГПУ, награжденных орденом Красного Знамени. Среди них были известные мне имена. Я спросил у Слуцкого[415], в чем состояла заслуга награжденных. Он объяснил, что это список руководителей специального отряда численностью 30 человек, который был послан в Одессу для разгрузки ящиков с золотом: офицеры ОГПУ использовались на этой работе в качестве докеров. Операции по разгрузке золота из*

Испании проводились в величайшей тайне – это было первым случаем, когда я услышал о них. Один мой сотрудник, оказавшийся участником упомянутой экспедиции в Одессу, описывал мне потом сцены, которые там увидел: вся территория, примыкающая к пирсу, была очищена от людей и окружена цепью специальных отрядов. Через все освобожденное пространство, от пристани до железнодорожного пути, высшие чины ОГПУ изо дня в день переносили на спине ящики с золотом, сами грузили их в товарные вагоны, которые отправлялись в Москву под вооруженной охраной. Я пытался узнать, каково количество доставленного золота. Мой помощник не мог назвать какой-либо цифры. Мы переходили с ним через Красную площадь в Москве. Указав на пустое пространство вокруг нас, он сказал: "Если бы все ящики с золотом, которые мы выгрузили в Одессе, положить плотно друг к другу на мостовой Красной площади, они заняли бы ее полностью, из конца в конец"»[416].

Удача играла на стороне Сталина. Но и секретность соблюдалась исключительная, что объясняет гладкое прохождение операции «Х» – ни налетов авиации, ни попыток остановить и проверить суда не было. О времени проведения операции знали с обеих сторон лишь несколько человек[417]. Даже в сверхшифрованной переписке золото называли просто металлом. Для страховки в документах, выданных ему Негриным, Орлов в момент перевозки и погрузки золота на суда фигурировал как господин Блэкстоун, представитель Банка Америки, выполнявший поручение американского президента Рузвельта вывезти золото в США. Испанским добровольцам, которые на советских судах сопровождали золото в СССР, разрешили вернуться на родину только после падения Республики[418], двое из них к тому времени уже успели жениться в Москве. Сверхсекретность, отсутствие информации плодили слухи и легенды о том, что золото в СССР перевозили в карманах испанские дети, а другие утверждали, что для этого использовали подводные лодки.

Сталин получил и золото и престиж. Ну, а что же бывший директор Торгсина? Какова роль Сташевского в операции «Х»? В Испании он занимал пост торгового атташе, а главный товар во время войны – это оружие. Одной из основных обязанностей Сташевского была организация доставки оружия в Испанию. Факты свидетельствуют о том, что это была не просто покупка, доставка, разгрузка [419]. Как и все другие советские военные советники, Сташевский пытался взять бразды правления в свои руки – не советовать, а руководить. Кривицкий, например, считал, что Сташевский фактически контролировал испанскую казну, подчинив себе министра финансов Негрина. *«В нашей среде* (разведчиков. – *Е. О.*), – пишет он, – *Сташевского тогда в шутку называли "богатейшим человеком в*

мире" за то, что ему удалось взять в руки контроль над испанской казной»[420]. Более того, по мнению Кривицкого, именно при участии Сташевского, выполнявшего директивы Сталина, Кабальеро в мае 1937 г. ушел в отставку, а главой мадридского правительства стал бывший министр финансов Негрин. Два человека, Берзин и Сташевский, как считал Кривицкий, прочно «держали» в своих руках правительство республиканцев[421].

Именно Сташевский, по мнению Кривицкого, который и сам не был сторонним наблюдателем и занимался закупками оружия для Испании, являлся главной фигурой в операции «Х». Якобы он по заданию Сталина предложил Негрину заключить сделку – отвезти испанское золото в Москву в обмен на поставки оружия. На версию Кривицкого, казалось бы, работает и то, что Сташевский и Негрин были в хороших отношениях. Участник событий тех дней Альварес дель Вайо пишет: *«Русский, с кем Негрин имел наибольшие контакты, был Сташевский, у них сложилась настоящая дружба»*. Дружба эта, правда, не была панибратством. *«Даже Сташевский*, – продолжает дель Вайо, – *обращаясь к Негрину, всегда называл его полным официальным титулом»*[422]. Пайн вносит в эту историю новые детали: *«Негрин сам развивал более тесные коммунистические контакты. Его личный секретарь, Бенино Мартинес, с которым он был в доверительных отношениях, был членом Коммунистической партии и быстро установил близкие личные отношения с человеком, занимавшим в советском посольстве пост, аналогичный посту его босса, Артуром Сташевским, торговым атташе; они часто обедали вместе»*[423].

Между тем другой активный участник операции «Х» А. Орлов и те, кто писали с его слов или использовали его показания[424] (Газур, Костелло и Царев, Брук-Шеферд), вообще не упоминают имени Сташевского. По их версии, Орлов являлся главной фигурой операции «Х» – он лично получил телеграмму Ежова с поручением Сталина организовать отправку золота и вместе с послом СССР Розенбергом встретился с Негрином, именно Орлов уговорил Негрина отдать золото и руководил погрузкой. Где же истина?

Как уже было сказано выше, архивные документы свидетельствуют, что инициатива сделки «оружие в обмен на золото» шла от республиканского руководства, оказавшегося перед выбором: «кошелек или смерть». Не думаю, что кому-либо вообще пришлось уговаривать Негрина. Кроме того, время прибытия Сташевского в Испанию заставляет отказаться от версии Кривицкого о том, что это Сташевский подтолкнул Негрина к принятию решения о золоте: принципиальная договоренность о транспортировке золота в СССР была достигнута уже в сентябре, Сташевский же, как свидетельствуют особые папки Политбюро, был командирован в Испанию в конце октября 1936 г., уже после того, как 15 октября Кабальеро и Негрин официальным письмом обратились к Сталину с предложением принять на хранение 510 т золота[425].

Однако и версия Орлова, а также тех, кто, следуя его показаниям, вообще не упоминают Сташевского в деле об испанском золоте, отдавая все лавры операции НКВД, требует пересмотра. Сташевский прибыл в Испанию сразу же по достижении принципиального согласия между Сталиным и республиканским руководством о передаче золота. Это может свидетельствовать о том, что он был послан довести начатое дело до конца. Сташевский не был автором идеи о передаче золота Испании СССР и не уговаривал Негрина отдать золото[426], но он тем не менее был активным участником этой сделки.

Воспоминания участников операции «Х» свидетельствуют, что переговоры о золоте велись по линии двух ведомств – Наркомата иностранных дел через советского посла в Испании и Наркомата внешней торговли через торгового атташе. По мнению Кривицкого, торговое ведомство выполнило главную задачу. *«Здесь находился официальный советский посол Марсель Розенберг, но он только произносил речи и появлялся на публике. Кремль же никакого значения ему не придавал»* – пишет Кривицкий[427]. Участие торгового ведомства в сделке было решающим, так как золото передавалось СССР не на хранение, а в уплату за торговые операции с оружием. Негрин вел переговоры со Сташевским именно как с торговым атташе, отвечавшим за поставки оружия. О том, что Сташевский не просто знал о сделке, но контролировал ее проведение, свидетельствует его шифротелеграмма от 24 апреля 1937 г., посланная из Валенсии – новой резиденции республиканского правительства, покинувшего опасный Мадрид, в Москву наркому внешней торговли Розенгольцу: *«Выяснил точно, что московский акт приемки золота был передан Кабальеро, а он, в свою очередь, передал его Барайбо – заместителю военного министра; человек весьма сомнительный»*[428]. За участие в операции Сташевский был награжден орденом Ленина, в то время высшей наградой СССР.

НКВД же и его представитель в Испании Орлов не вели переговоров о совершении сделки, а отвечали только за транспортировку золота в Москву. Телеграмма Ежова, полученная Орловым 20 октября 1936 г., с указаниями «хозяина» приказывала организовать *вывоз* золотой казны. Встретившись с Негрином, Орлов обсудил практические детали погрузки и вывоза золота из Картахены. Замалчивание им роли Сташевского в операции «Х»[429] может объясняться личными мотивами, а также распрями между разведками двух ве-

домств. Сташевский в Испании представлял военную разведку и в своих докладах открыто критиковал действия НКВД в Испании и его представителя Орлова[430].

С НКВД связаны последние трагические дни Сташевского. При отсутствии доступа к его личному делу книга Кривицкого остается практически единственным источником информации о конце жизни этого человека[431]. По мере нарастания репрессий в Красной армии тучи сгущались и над Сташевским[432]. В апреле 1937 г., как пишет Кривицкий, Сташевского вызвали из Испании в Москву для доклада Сталину. Более месяца прошло со времени злосчастного пленума ЦК ВКП(б), и маховик репрессий уже набирал обороты, но Сташевский, видимо, не считал нужным осторожничать. В своем разговоре со Сталиным, по свидетельству Кривицкого, который виделся со Сташевским в те дни в Москве[433], он критиковал репрессии НКВД в Испании и пытался склонить Сталина к мысли о необходимости изменить курс. По словам Кривицкого, Сташевский вышел от Сталина окрыленным. Затем он встретился с М.Н. Тухачевским, положение которого уже становилось непрочным, и критиковал грубое поведение советских военных советников в Испании. Этот разговор, как пишет Кривицкий, породил много толков. Тогда Сташевского не арестовали и позволили вернуться в Испанию, но он, по мнению Кривицкого, своим поведением ускорил свой арест.

Здесь следует сказать несколько слов об отношении Сташевского к репрессиям. Без сомнения, он был человеком Сталина. Нет свидетельств тому, что Сташевский критиковал репрессии в СССР. Кривицкий отзывался о нем как о «закоренелом сталинисте» и «твердом партийном ортодоксе», который «без всякого снисхождения относился к троцкистам в Советском Союзе и одобрял методы расправы с ними». В своих испанских донесениях Сташевский писал об организованном саботаже, вредительстве и предательстве в высшем командовании, как причинах неудач республиканских сил: *«Я уверен, что провокаций кругом полно и не исключено, что существует фашистская организация среди высших офицеров, занимающихся саботажем и, конечно, шпионажем»*[434]. Однако мне представляется, что здесь Сташевский говорит о необходимости репрессий против реальной «пятой колонны», которая есть в любой стране и всегда активизируется в годы войны. Документы свидетельствуют, что Сташевский не был противником сотрудничества с некоммунистическими испанскими партиями левого толка. Так, он считал возможным работать в правительстве с анархистами, когда те предпринимали шаги к сотрудничеству с коммунистами[435]. По свидетельству Кривицкого, испанцы и Испания нравились Сташевскому, который заново пережил там свою революционную молодость. То,

что Сташевский наблюдал в Испании, – спецтюрьмы НКВД, убийства, пытки, похищения людей – было не актом правосудия, а преступлением, злоупотреблением властью, «колониальным рукоприкладством». Как умный человек, он не мог не видеть, что репрессии НКВД вредили делу, дробя единый фронт антифашистов, подрывая его силу, оскорбляли традиции испанцев, настраивали их против Советского Союза. У меня не вызывают сомнения слова Кривицкого о том, что Сташевский, который в принципе не был против репрессий как метода политической борьбы, выступал против произвола НКВД и лично Орлова в Испании. Сташевский уехал из СССР осенью 1936 г., еще до разгула ежовщины. Кто знает, будь Сташевский в СССР, не занял ли бы он в отношении ежовщины ту же позицию, что и в отношении преступлений НКВД в Испании. Но времени на это ему отпущено не было.

Для того чтобы выманить Сташевского из Барселоны в Москву, пишет Кривицкий, в заложники взяли его 19-летнюю дочь. Она вместе со своей матерью, Региной Сташевской, работала в советском павильоне на Всемирной выставке в Париже. В июне 1937 г. дочери Сташевского предложили отвезти в Москву экспонаты выставки. Она уехала и исчезла. Вскоре после этого в Москву был вызван Сташевский. Он выехал, как сообщает Кривицкий, вместе с Берзиным и проехал через Париж в невероятной спешке, даже не повидавшись с женой. Кривицкий разговаривал по телефону с женой Сташевского, и та была очень встревожена, что телефон в их московской квартире не отвечал. Через несколько недель она получила от мужа короткую записку с просьбой срочно приехать в Москву. Решив, что муж в тюрьме и нуждается в помощи, Регина Сташевская немедленно выехала из Парижа в Москву. *«Больше ничего мы о ней и ее семье не слышали»*, – заключает Кривицкий.

Регина Сташевская выжила, но Кривицкому, который погиб в 1941 г. в эмиграции в США, об этом узнать не удалось. У меня нет информации о том, что случилось с ней после приезда в Москву. Если она и ее дочь были арестованы, то их следственные дела должны быть в архиве НКВД. Но именно Регина К.(?) Сташевская в 1956 г. во время наступившей после XX съезда КПСС оттепели обратилась в Комитет партийного контроля с просьбой о реабилитации мужа. Из материалов архива ФСБ и справки КПК о реабилитации А. К. Сташевского мы узнаем некоторые обстоятельства его гибели. По приезде в Москву, Сташевский 8 июня был арестован НКВД. Ему было предъявлено обвинение в том, что он являлся членом «Польской организации войсковой», которая в 1920–1930-х гг. якобы вела диверсионно-шпионскую деятельность против СССР в интересах польской разведки. По этому сфабрикованному НКВД

делу были арестованы многие польские политэмигранты и поляки в органах госбезопасности и армии, а также руководящие работники других национальностей, имевшие связи с Польшей[436]. В закрытом письме ГУГБ НКВД СССР «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной и террористической деятельности польской разведки в СССР» от 11 августа 1937 г., подписанном Ежовым, Сташевский, в частности, обвинялся в том, что использовал свое пребывание в Берлине в 1923 г. для срыва Гамбургского восстания[437]. Материалы следственного дела, которые изучали в КПК в 1956 г., свидетельствовали, что Сташевский, очевидно, под пытками, признал свою «вину». Военная коллегия Верховного суда СССР 21 августа 1937 г. приговорила его к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведен в исполнение[438]. Сопоставление дат свидетельствует, что в момент расстрела и несколько месяцев после него Сташевский все еще числился членом партии. Комиссия партийного контроля исключила Сташевского из партии только 1 ноября 1937 г. Партийная бюрократия не поспевала за темпами расстрелов.

По заключению Главной военной прокуратуры Военная коллегия Верховного суда СССР 17 марта 1956 г. отменила приговор, вынесенный А.К. Сташевскому в 1937 г., и «дело о нем прекратила»[439]. Вслед за этим последовала посмертная партийная реабилитация[440]. Настало время восстановить имя Артура Сташевского и в истории...

Серебро

Серебро в ожидании скупки: расчет или недальновидность? «Серебряный прорыв»: Власть и общество в противоборстве. Торгсин как «лагерь для перемещенного антиквариата». Припек. Серебряный урожай. Разочарование

...Конец 1932 года. Уже более года Торгсин обслуживал советского потребителя[441], но принимал только валюту и золото. Люди же несли в Торгсин все, что имели, – бриллианты, рубины, платину, серебро, картины, статуэтки, умоляя обменять их на продукты. Они как бы подсказывали правительству, что еще у них можно забрать и обратить в станки и турбины. Конторы Торгсина сообщали в Правление о потоке «неразрешенных» ценностей, то докладывало правительству, но санкции свыше все не было. Почему, несмотря на острую нехватку валюты, Политбюро задерживало решение?

Видимо, изначально Торгсин задумывался как исключительно валютное и «золотодобывающее» предприятие. Иначе как объяснить, что в пятилетнем плане Торгсина на 1933–1937 гг., который был принят в начале 1932 г., нет ни слова о возможной в будущем приемке незолотых ценностей. Решение принимать в Торгсине все ценности было результатом не только острого валютного кризиса, но и настойчивости людей: Торгсин был детищем как решений «сверху», так и чрезвычайно активной в условиях голода инициативы «снизу».

Документы позволяют сказать, что руководство страны хотело в первую очередь «снять золотые сливки» – заставить людей сдать именно золото. Опасения, что разрешение принимать другие виды ценностей, особенно менее ценное и более распространенное серебро, приведет к падению поступлений золота, имели основания[442]. Чтобы стимулировать сдачу золота в условиях конкуренции с другими ценностями, государству требовалось увеличить и качественно улучшить снабжение магазинов Торгсина – трудновыполнимая задача в условиях острого товарного дефицита первой половины 1930-х гг.[443] Доводом в пользу версии о сознательном ограничении скупки ценностей золотом является и тот факт, что Политбюро, разрешая в ноябре 1932 г. начать скупку серебра в Торгсине, рекомендовало «на первое время не проводить это мероприятие в районах, где имеется значительное количество золота»[444]. Скупка незолотых видов ценностей в Торгсине начиналась не повсеместно, а как эксперимент в самых крупных городах с целью посмотреть, какие последствия это будет иметь для скупки золота[445]. Кроме того, разрешение принимать серебро конторы давали не всем своим магазинам одновременно, а выборочно и в первую очередь тем, где поступление золота начинало резко снижаться[446].

Объясняя медлительность в принятии и реализации решений о скупке серебра и других незолотых ценностей, необходимо принять в расчет и бюрократическую волокиту, и безхозяйственность, и недостаток средств: нужно было искать пробиреров, открывать новые скупочные пункты, давать рекламу, выбивать товары, выяснять межведомственные проблемы. Между появлением идеи и ее воплощением в жизнь могли лежать долгие месяцы. Государственная машина не поспевала за требованиями общества. Так, вопрос о скупке серебра в Торгсине обсуждался в Наркомвнешторге осенью 1932 г.[447], Политбюро дало добро в ноябре, в декабре серебряная скупка открылась в отдельных крупных городах[448], в январе Торгсин должен был начать скупку серебра повсеместно[449], однако в действительности по всей стране она развернулась только весной – летом 1933 г.[450]

Торгсин покупал бытовое серебро в ломе и изделиях, а также монеты царской чеканки и слитки. Как и в случае с золотом, Торгсину

запрещалось принимать церковную утварь, которая по закону и без того принадлежала государству и подлежала конфискации[451]. Однако крестьяне несли ризы с икон[452], и в реальной жизни Торгсин, случалось, не только нарушал этот запрет, но и брал под защиту своих клиентов. Один из документов рассказывает историю «неизвестного гражданина», который в октябре 1933 г. принес в Торгсин ризу с иконы весом почти 3,5 кг. Торгсин принял у него серебро, заплатив гражданину 48 руб. 47 коп. Местное отделение ОГПУ потребовало задержать сдатчика за расхищение государственной собственности, но Торгсин отказался это сделать, чтобы не отпугивать покупателей[453].

Торгсин не имел права принимать советские серебряные монеты, однако люди нашли способ обойти запрет. И об этом – целая история. В конце 1920-х гг., по выражению председателя правления Госбанка Г.Л. Пятакова, в стране случился «серебряный прорыв»: из-за частых и значительных денежных эмиссий, с помощью которых Политбюро пыталось покрыть дефицит госбюджета, бумажные деньги быстро обесценивались и люди стремились держать сбережения в серебряных монетах[454]. Крестьяне на базаре и нэпманы назначали двойную цену – на серебро продавали дешевле, чем на бумажные деньги. Госбанк выпускал серебряные монеты в обращение, откуда они мгновенно исчезали, оседая в кубышках у населения. Работники в магазинах «зажимали» серебро в кассах. Трамваи из своей выручки не сдавали государству ни одной серебряной монеты. Огромные очереди собирались у касс размена денег в отделениях Госбанка, люди надеялись получить серебро. «Серебряный кризис» развивался с 1926–1927 гг., но достиг своего апогея в 1929–1930 гг. В мае 1929 г. Наркомфин докладывал в Политбюро, что советские серебряные рубли и полтинники почти исчезли из обращения[455].

Серебряной проблемой занимались самые высокие инстанции – комиссии Политбюро и СНК СССР. В ход пошли репрессии[456]. За укрывательство серебра можно было получить от 3 до 10 лет лагерей, а по показательным случаям – расстрел[457]. К концу сентября 1930 г. для ликвидации «серебряного прорыва» ОГПУ провело около 490 тыс. обысков и 9,4 тыс. арестов, выслало в лагеря более 400 «спекулянтов и укрывателей серебра»[458]. В кампании участвовали даже школы: юные павлики морозовы разоблачали спекулянтов-родителей. Но остановить «серебряный прорыв» не удалось. Правительство приняло решение о замене серебряной монеты никелевой и медной. В 1931 г. чеканка советской серебряной монеты прекратилась[459]. Но несмотря на репрессии, у населения остались значительные запасы советского серебра. Из общей стоимости 240 млн руб.[460] серебряных монет, выпущенных в обращение с начала реформы червонца, в результате репрессий к осени 1930 г. было изъято монет только на 2,3 млн руб.[461] По данным Госбанка, к лету 1934 г. все еще числились неизъятыми из обращения 65 млн банковской (рубли и полтинники) и 165 млн мелкой разменной серебряной монеты советского чекана.

С началом серебряных операций в Торгсине припрятанное серебро неожиданно объявилось и стало возвращаться в Госбанк, но как! Поскольку Торгсин не принимал советские монеты, люди переплавляли их в слитки. Предприятие было очень выгодным: за слиток Торгсин давал цену, значительно превышавшую покупательную способность расплавленных серебряных монет. Судите сами, после переплавки 50 советских серебряных рублей получался слиток весом в 1 кг (в каждой монете было 20 гр лигатурного веса). За него в Торгсине можно было получить до лета 1933 г. 12,5 руб., а с лета – 14 руб. По официальному курсу торгсиновский рубль равнялся 6,6 простым советским рублям, на «черном» же рынке он был значительно выше: во время голода 1933 г. за торгсиновский рубль давали 60–70 простых советских рублей. «Прокрученные» через Торгсин 50 серебряных советских рублей, даже по официальному обменному курсу торгсиновского и простого рубля, повышали свой номинал почти в два раза, а с учетом курса «черного» рынка в 10–15 раз, превращаясь в 500, а то и 900 руб.

Конторы доносили в Москву, что серебряные слитки, которые люди приносили в Торгсин, имели явные признаки переплавки советских монет: серп и молот и надпись «Пролетарии всех стран соединяйтесь». По сообщению астраханского торгсина, выплаты по таким слиткам достигали 500 руб. в день[462]. Астрахань была не единственным местом, где население отличалось вынужденной сообразительностью. Руководство страны стало бить тревогу и объявило войну народным умельцам. В апреле 1933 г. Наркомфин и Госбанк выпустили секретный формуляр, который запретил Торгсину принимать слитки, имевшие признаки переплавки монет[463]. В ответ, как свидетельствует донесение, «деклассированный и преступный элемент умудрился улучшить свою работу» и явные признаки происхождения слитков исчезли, но переплавка не прекратилась. Наркомфин не сдавался и запретил Торгсину принимать слитки серебра низкой пробы (советское разменное серебро было низкопробным)[464]. Умельцы ответили тем, что приспособились к фабрикации слитков более высокой пробы. Нашлись и другие пути проникновения советских серебряных монет в Торгсин: пользуясь тем, что Торгсин принимал серебряные изделия любой пробы, ювелиры

и самоучки стали сдавать не слитки, а простенькие ювелирные изделия, сделанные из переплавленных советских серебряных монет[465].

Руководство страны не могло остановить народное предпринимательство и вынуждено было отступить. В конце 1933 г. Госбанк смягчил ограничения по приему серебра в Торгсине. Его секретный циркуляр требовал, чтобы оценщики беспрепятственно принимали серебряные слитки высокой пробы, если отсутствовали *явные* признаки переплавки советской серебряной монеты[466]. Циркуляр Госбанка был компромиссом в «серебряном противоборстве» государства и общества: правительство не хотело поощрять переплавку советских монет, поэтому циркуляр был секретным, но в то же время, раз уж деньги были переплавлены, было лучше принять слитки, чем дать им уйти на «черный» рынок. За нарушение циркуляра чересчур разборчивые директора магазинов и оценщики могли быть наказаны. То, что «порча» советских серебряных монет со временем не прекратилась, ясно из письма председателя Торгсина Сташевского, который весной 1934 г. вновь поставил перед Наркомфином вопрос о мерах против скупки сфабрикованных слитков[467]. В начале 1935 г. скупка в Торгсине слитков и грубых изделий из серебра без пробы была запрещена[468].

Серебро и золото в Торгсине, как правило, принимал один и тот же оценщик[469]. Инвентарь для приема серебра был увесистый и грубый – зубило, молоток, коммерческие весы на 8 кг, под столом – большой ящик, куда оценщик бросал скупленное. Ящик крепился к полу болтами и запирался на замок. Как и в случае с золотом, в обязанности оценщика входило установление пробы, запрещалось полагаться на ту, что имелась на изделиях[470]. В приемке серебра было больше простоты и меньше предосторожностей. Так, серебряную пыль, в отличие от золотой, оценщику не приходилось собирать. Торгсин принимал серебро по весу, и перед взвешиванием оценщик выламывал все несеребряные вставки.

Торгсин был своеобразным перевалочным пунктом, «лагерем для перемещенного антиквариата», где дешевый лом соседствовал с подлинными шедеврами. Руководство Торгсина пыталось бороться с варварскими методами приемки и сохранять художественные ценности от переплавки, правда, не для российских музеев, а для продажи за валюту. В декабре 1932 г., в начале операций по скупке серебра, Наркомвнешторг разработал инструкцию, которая разъясняла приемщикам Торгсина, как отличить высокохудожественные серебряные изделия от лома[471]. Торгсин должен был играть роль антикварного фильтра: инструкция требовала сохранять в целости серебро XVIII в. и старше, изящные серебряные изделия наиболее известных фирм XIX–начала XX вв., а также серебро, принадлежавшее царственным российским особам, высокохудожественные серебряные предметы «русского, еврейского и кавказского национального искусства». Отобранные вещи следовало бережно упаковать отдельно от лома, положить в ящик записку с информацией о приемщике и стоимости вещей и отправить на Главный сборный пункт. Оттуда серебряный антиквариат шел на продажу в магазины Торгсина и за границу.

Оценщики Торгсина знали о необходимости сохранять антикварное серебро[472], за эту работу им полагалась премия, но есть все основания полагать, что в серебряной скупке Торгсина погибло много шедевров. Сотни тысяч тонн серебряных изделий XIX – начала XX вв. были уничтожены, переплавлены в слитки. В феврале 1933 г. Правление Торгсина ругало оценщиков за то, что они не выполняли инструкцию по приему антикварного серебра, сваливая его в одну кучу с простым[473]. Порой приемщику было безразлично либо он, в силу своей неграмотности или низкой квалификации, не мог определить ценность предметов. Вот лишь один из примеров. Управляющий Таджикской конторы Торгсина писал в Москву: *«При отгрузке сданного серебра в декабре были по неопытности оценщика-приемщика в общем мешке отгружены две вазы, совершенно одинаковые, прекрасной гравированной работы. Фигуры, имеющиеся на них, всевозможные звери и фигуры гладиаторов, вступающих, видимо, с ними в бой. Считаем эти вазы весьма ценными и, узнав о их приемке и сдаче лишь сегодня, сообщаем об этом для Вашего сведения для проверки получения»*[474]. Неизвестно, были ли найдены эти вазы и сколько произведений искусства превратилось в руках приемщиков Торгсина в лом. Как и в случае с золотом, антикварное, историческое и художественное значение серебряных изделий не влияло на их скупочную цену в Торгсине – они принимались по цене серебряного лома. Вставки, украшавшие антикварные изделия, сдатчику не оплачивались.

Владельцы серебра проходили в Торгсине ту же процедуру оформления документов, хождения по инстанциям и стояния в очередях, что и владельцы золота[475]. Но в отличие от золота, скупочная цена на которое в Торгсине представляла официальный рублевый эквивалент мировой цены, скупочные цены Торгсина на серебро были существенно ниже мировых. Документы Наркомторга говорят об этом открыто, объясняя разрыв цен неустойчивой рыночной конъюнктурой: к началу 1930-х гг. по сравнению с довоенным временем мировая цена на серебро упала в несколько раз[476]. Подстраховав-

шись на случай ее дальнейшего падения, Наркомвнешторг вначале установил скупочные цены на серебро в изделиях на 15–20% ниже мировых, а на монеты и того ниже[477]. Впоследствии скупочные цены на серебро в Торгсине повышались, но так и не догнали цены мирового рынка.

В январе 1933 г. скупка серебра в Торгсине только начала разворачиваться, и за серебряный царский рубль люди получали 23 коп.[478] Исходя же из мировой цены на серебро, по признанию самих работников Торгсина, царский серебряный рубль должен был стоить 33–34 коп. Валютные расходы, связанные с пересылкой, аффинажем, страховкой, по расчетам работников Торгсина, составляли 5–6 золотых коп. на один серебряный рубль. Таким образом, от продажи на мировом рынке каждого переплавленного царского рубля – а их скупили миллионы – советское государство в первой половине 1933 г. «наваривало» около 5 коп. в валюте[479].

За серебро в изделиях и слитках Торгсин платил их владельцам больше, чем за серебро в царских монетах[480], поэтому для людей было выгоднее переплавить царские монеты и сдать их в Торгсин слитком. Однако и скупочные цены на серебро в изделиях и слитках отставали от мировых. В начале 1933 г. за килограмм чистого серебра Торгсин платил людям 14 руб. 88 коп.[481] По котировке же Нью-Йоркской биржи на 8 октября 1932 г. стоимость килограмма чистого серебра в рублевом эквиваленте составляла 18 руб. 66 коп[482]. В августе 1933 г. – скупочная цена, видимо, была повышена в июне – Торгсин стал платить людям за килограмм чистого серебра 16 руб. 67 коп.[483] По котировкам же Лондона и Нью-Йорка в тот же период времени килограмм чистого серебра стоил 17 руб.[484] Казалось бы, разница между скупочной и мировой ценой на серебро стала незначительной. Но дело в том, что люди сдавали не чистое, а лигатурное серебро, то есть смесь серебра с другими металлами. По данным Промэкспорта, в каждой тонне лигатурного серебра содержалось 1,2 кг золота (а также 230 кг меди)[485]. Видимо, из-за примесей золота Торгсин пытался стимулировать сдачу серебра в изделиях и слитках более высокой, по сравнению с монетами, скупочной ценой. Это «скрытое золото» Торгсин покупал у населения по цене серебра, а затем после очистки продавал на мировом рынке в несколько раз дороже, по цене золота. По расчетам Промэкспорта, получалось, что летом 1933 г. чистая выручка государства (после вычета валютных расходов Промэкспорта) по серебру 76-й пробы составляла 18 руб. 50 коп. за килограмм чистого серебра, что было на 1 руб. 83 коп. выше существовавшей в то время скупочной цены Торгсина на серебро[486].

В 1934 г. мировая цена на серебро быстро росла. Руководители Наркомвнешторга объясняли это закупками, которые проводили США для пополнения национальных запасов[487]. По котировкам Лондона на 19 ноября 1934 г. килограмм чистого серебра стоил 19 руб. 50 коп., а на 24-е – 20 руб. 40 коп. – 20 руб. 50 коп. Торгсин же продолжал скупать серебро по цене 16 руб. 67 коп. за килограмм чистоты. Председатель Торгсина Левенсон в записке наркому торговли Розенгольцу, а тот – в СНК СССР Рудзутаку сообщали, что с учетом содержания золота в лигатуре серебра и роста мировых цен Торгсин не доплачивал людям 35–40% (около 6 руб. 75 коп.) за каждый килограмм чистоты. Левенсон, а за ним и Розенгольц просили Совнарком повысить скупочную цену до 23 руб. за килограмм чистоты, чтобы остановить падение поступления серебра в Торгсин. Но и при новой цене, по признанию Левенсона, владельцы серебра в Торгсине все равно находились бы в значительно худшем положении, чем владельцы золота[488]. Скупочные цены на серебро в Торгсине были повышены, но только в самом конце 1934 г. и не до 23 руб., как просил Наркомвнешторг, а лишь до 20 руб. за килограмм чистоты[489]. «Навар», который получало государство, уменьшился, но сохранился.

Зампредседателя Торгсина М.Н. Азовский в июне 1933 г., выступая на совещании директоров универмагов Западной области, с циничной откровенностью признал прибыльность серебряных операций: *«Ряд работников считает, что нечего принимать серебро, если стоит очередь с золотом. Очень вредная теория. Неправильная теория. И я вам скажу почему. Если хотите знать, то нам выгоднее принимать серебро, чем золото... Мы серебро продаем дороже, чем золото за границей, мы на нем зарабатываем больше, чем на золоте»*[490]. Откровение, вырвавшееся в запале выступления, было вычеркнуто при подготовке стенограммы к публикации: зачем рассказывать людям, что их обманывают. Азовский в своем выступлении подметил еще одно важное значение серебра: *«... серебро тянет за собой золото. Мы говорим, что у нас есть золотой покупатель и серебряный покупатель, и золотой сдатчик и серебряный сдатчик. И нужно сказать, что серебряный покупатель тащит за собой золотого. В самом деле, если сегодня он принес пару вилок и ложек и узнает, что такое Торгсин, то через некоторое время он понесет и колечко и серьги* (золотые. – *Е. О.*)*... легче начинать с вилочки, с серебра...»*[491]

Большие планы по скупке серебра, а также оброненные в документах признания руководителей свидетельствуют, что руководство Торгсина считало серебряные ресурсы населения огромными и рассчитывало на значительные поступления. Сташевский, например, в письме в Наркомторг называл 500 т серебра, поступившего в Торг-

син в мае–июле 1933 г., «совершенно ничтожным» количеством[492]. Динамика поступления серебра, как и в случае с золотом, отражала развитие и отступление голода. Начав принимать серебро в декабре 1932 г., Торгсин за оставшиеся до конца года несколько недель скупил 18,5 т чистого серебра, заплатив сдатчикам 254 тыс. руб.[493] В начале голодного 1933 г. поступление серебра быстро росло: в январе люди снесли в Торгсин 59 т, в феврале – 128 т, в марте – 155 т, в апреле – 162 т чистого серебра. В мае и июне голод достиг своего апогея: Торгсин купил у населения соответственно 173 т и 170 т серебра. Затем голод пошел на убыль, и поступление серебра в Торгсин начало падать: в июле люди продали 149 т чистого серебра[494]. Всего за 1933 г. люди снесли в Торгсин 1730 т серебра (84-я проба), получив за него 23, 4 млн руб. (*табл. 15)*. С учетом содержания золота в лигатуре серебра и разницы между скупочной и мировой ценой, по которой государство продавало серебро за границей, действительная стоимость серебра, сданного населением в 1933 г., составила 27,7 млн руб., а «навар» государства – 4,3 млн руб. в валюте[495].

Несмотря на внушительность серебряного тоннажа, итог 1933 г. разочаровал руководство, ведь рассчитывали получить около 3 тыс. т[496]. Торгсин едва выполнил половину намеченного плана. Активная сдача бытового серебра населением в начале открытия серебряной скупки стала быстро ослабевать. Относительно низкие показатели серебряной скупки 1933 г. объяснялись ее поздним началом: развертывание серебряной сети захватило самый конец массового голода. Но недобор серебра с лихвой покрыло перевыполнение плана по золоту, скупочная сеть которого в 1933 г. была хорошо развита. Начни Торгсин скупать серебро раньше, то получил бы десятки тысяч тонн, но горы золота могли бы быть меньше.

Столица лидировала в географии скупки серебра. В 1933 г. Московский Торгсин купил серебра почти на 3 млн руб., а вместе с Московской областью – на 3,8 млн, что составило более 16 % общих закупок серебра Торгсином в тот год[497]. Ленинград шел следом за Москвой: 2 млн руб. серебра в 1933 г.[498] Среди союзных республик лидировала Российская Федерация, где сеть Торгсина была наиболее развитой. За ней следовала Украина, где и сеть Торгсина была разветвленной, и голод свирепствовал[499]. В 1933 г. украинские конторы Торгсина скупили серебра на 4,3 млн руб.[500] Москва и Украина в 1933 г. обеспечили более трети серебряной скупки. В скупке серебра в 1934 г. сохранялась та же иерархия контор[501].

Руководство Торгсина объясняло неудовлетворительные результаты скупки 1933 г. низкой ценой на серебро и просило о ее повышении, но правительство назначило новую цену лишь в декабре

1934 г. Сдача серебра в Торгсине в 1934 г., в связи с улучшением продовольственной ситуации в стране и его низкой скупочной ценой, продолжала падать: за I кв. Торгсин «заготовил» серебра на 4,2 млн руб., за II кв. – 3,7 млн руб.; за III кв. – 2,4 млн руб., а всего за 1934 г., по данным Госбанка, – на 12,9 млн руб. (*табл. 15*), или более 900 т серебра 84-й пробы (около 780 т чистого серебра)[502]. Так, в 1934 г. Торгсин не выполнил даже, казалось бы, скромный план[503]. Однако неоплаченный населению «припек», который получило государство от продажи этого серебра на мировом рынке, компенсировал недобор: по далеко не полным данным он составил 5,3 млн руб.[504]

План скупки серебра на 1935 г. выглядел ничтожным – 7,5 млн руб., или, исходя из новой скупочной цены в 20 руб. за килограмм чистоты, порядка 375 т[505]. Торгсин провалил и этот план[506]. В 1935 г. он купил у населения серебра только на 4,5 млн руб. (порядка 225 т). В конце 1935 г., в связи со свертыванием его деятельности, серебряная скупка Торгсина закрылась.

Структура серебряных поступлений свидетельствует, что люди несли в основном бытовое серебро – предметы домашнего обихода и украшения: запасы бытового серебра превышали накопления царского серебряного чекана, а голод заставлял расставаться с семейными ценностями. В целом в 1933 г. монеты составляли только 1,5 т (около 3 млн руб.) в серебре Торгсина, в то время как бытовое серебро – 17 т (порядка 20 млн руб.)[507]. В 1934 г. Торгсин скупил серебряных монет на сумму около 800 тыс. руб., а бытового серебра на более чем 12 млн руб.[508] В подавляющем большинстве случаев, по словам последнего председателя Торгсина Левенсона, люди сдавали серебро на мелкие суммы до 1 руб. и сразу же покупали продукты.[509]

За все время серебряной скупки Торгсин «заготовил» серебра (не считая «припека») на сумму более 40 млн руб., или около 3 тыс. т (84-й пробы). Правительство надеялось на большее, но просчиталось по причине запоздалого начала скупки и низких скупочных цен. Серебро сыграло значительно меньшую роль в истории Торгсина, советской индустриализации и повседневной жизни людей, чем золото. В то время как скупка золота обеспечила (по стоимости) в 1932–1933 гг. более половины, а в 1934–1935 гг. около трети поступлений ценностей в Торгсин, серебро в лучшие годы скупки (1933–1934 гг.) покрыло только их пятую часть, в 1935 г. – менее 10%, а в общем итоге – 14%. Из-за относительной незначительности серебро не было выделено почетной отдельной строкой в финальном отчете Торгсина, а дано в сумме с драгоценными камнями и платиной[510].

Бриллианты и платина

Бриллиантовая скупка в элитных городах. Розы, голландки, мелле, меланж и «разложистые». Оценщик за работой. Случай в Ташкенте, или Воры в Гохране. Провал?

«Недавно нам был предложен шестикаратный бриллиант за 100 рублей, стоимость подобного бриллианта 2000–3000 руб. в довоенное время. Платина чистая... Мы вынуждены отказаться. Фактически гнать клиентов на черную биржу», – сообщали в августе 1933 г. из Приморской конторы Торгсина[511]. Во время лютого голода 1932–1933 гг. похожие письма приходили в Правление Торгсина из разных концов страны. Ценности сами текли государству в руки, но бюрократическая машина поворачивалась медленно. Вопрос о скупке Торгсином бриллиантов начал обсуждаться в Наркомате внешней торговли лишь в апреле 1933 г., но разрешение начать скупку пришло и того позже – в августе, когда голод уже отступил[512]. К тому же, правительство разрешило скупать бриллианты вначале только в трех городах – прежде всего в Москве, а затем – в Ленинграде и Харькове. Первые результаты скупки обнадеживали, и в сентябре 1933 г. Торгсин открыл Центральный приемочный пункт бриллиантов (позже преобразован в Центральную бриллиантовую базу)[513].

С началом скупки в элитных городах просьбы контор разрешить и им операции с бриллиантами стали настойчивыми. Из Воронежа, например, писали (ноябрь 1933 г.): *«Как только в Москве, Ленинграде и Харькове Торгсин начал принимать бриллианты, население города Воронежа ежедневно предлагает нашим скупщикам много бриллиантов»*. Не имея разрешения, Воронежский Торгсин вынужден был посылать людей в другие города[514]. Местное руководство порой воспринимало отказ разрешить скупку бриллиантов, как умаление значимости их города, а то и как личную обиду: *«Ростов исстари принято считать самым крикливым городом в смысле нарядов и безделушек, а также ношения бриллиантов, кроме того, он является самым спекулятивным городом»*, а между тем, – с обидой писал автор письма, – разрешения принимать бриллианты он не получил[515].

В сентябре 1933 г. руководство Торгсина просило правительство разрешить скупать бриллианты в Киеве, Горьком, Ростове-на-Дону (видимо, обиженное письмо дало результаты), Баку, Тифлисе, а в начале 1934 г. надеялось начать операции с бриллиантами и в других крупных городах[516]. В феврале 1934 г. пункты по скупке бриллиантов, помимо перечисленных, работали в Одессе, Казани, Минске, а также в Крыму[517]. Тогда же руководство Торгсина просило

разрешить скупать бриллианты повсеместно[518]. В течение 1934 г. число скупочных пунктов, покупавших бриллианты у населения, достигло почти трехсот[519]. Там, где не было скупочных пунктов Торгсина, «заготовка» бриллиантов шла бригадным методом – головная контора посылала группу оценщиков в командировку по близлежащим городам. Под охраной НКВД бриллианты поступали со скупочных пунктов страны на Центральную базу в Москве[520], оттуда после сортировки Торгсин передавал их Коверкустэкспорту, государственной экспортной организации, которая продавала их за границей[521]. Руководство страны медленно принимало решение о скупке бриллиантов, но, приняв его, начало подгонять – каждые пять дней местные торгсины должны были присылать отчеты о ходе бриллиантовых операций. В октябре 1934 г. правительство разрешило Торгсину покупать у населения и другие драгоценные камни[522].

Разрешение скупать бриллианты «потянуло» за собой вопрос о скупке платины, так как бриллианты в изделиях обычно были в оправе из этого металла. Сообщения с мест о том, что люди просят купить у них платину, поступали в Правление Торгсина едва ли не с его открытия. Так, в апреле 1932 г. из Уральской конторы Торгсина писали, что после закрытия в городах Урала скупочных пунктов золотоплатиновой промышленности население стало приносить платину в Торгсин, причем в весьма значительных количествах. Контора просила разрешить скупку платины[523]. Однако только в октябре 1933 г. Наркомат внешней торговли обратился в Валютную комиссию СНК СССР с проектом постановления о скупке платины в четырех городах: Москве, Ленинграде, Харькове и Свердловске (район платиновой промышленности)[524]. Госбанк поддержал предложение Наркомвнешторга, Наркомфин тоже не возражал, но требовал принять меры против утечки ценного металла с государственных предприятий: Торгсин мог покупать только платиновые изделия бытового характера. Пока СНК рассмотрел проект и дал добро, ушло время. Скупка платины началась только в 1934 г.

Во время приемки оценщик выламывал драгоценные камни, а оправу принимал отдельно по цене лома. Стоимость бриллиантов определялась по прейскуранту, который Правление разослало своим конторам. По признанию оценщика Ленинградского Торгсина, первые прейскуранты были составлены плохо: расценки не учитывали особенностей камней – «не подходили бриллиантам», поэтому оценщикам приходилось работать «на обум», а порой, «чтобы крупные камни не уходили» на сторону, под свою ответственность завышать цены. Зампредседателя Торгсина Азовский признал несовершенство прейскуранта, но самовольное повышение цен запретил[525]. Оценщики Ленинграда были не единственными, кто ругал первые

прейскуранты, так что весной 1934 г. Правление Торгсина вынуждено было разработать новые, в которых стремилось учесть как можно больше характеристик бриллиантов в определении их цены: форму камней, их цвет, «порочность», а также объяснить, как определить «жаргон» (подделки). Классификация бриллиантов была основана на их весе и огранке: крупные камни, меланж, мелле, голландская грань и розы[526]. В новый прейскурант не вошли так называемые «разложистые» бриллианты «американской» и по тем временам новой огранки, по которым оценщики совершали массовые ошибки, переплачивая владельцам крупные суммы денег[527].

Оценка бриллиантов представляла более сложную задачу, чем оценка золота или серебра, поэтому квалификация оценщика-приемщика была исключительно важна: даже самые детальные инструкции не могли предусмотреть всего богатства комбинаций форм и цвета, а также пороков, созданных природой. В начале бриллиантовых операций в Торгсине оценщики работали под руководством экспертов Коверкустэкспорта, но потом этот порядок отменили[528], и оценщики Торгсина стали нести единоличную ответственность за ошибки. Даже директор пункта или магазина не имел права вмешиваться в их работу. Для стимулирования их работы оценщики бриллиантов получали высокую зарплату и полный «золотой» паек[529]. Из-за нехватки знающих специалистов Правление разрешило районным пунктам Торгсина покупать только камни до одного карата: розы, меланж, мелле и голландки. Камни весом выше карата могли быть оценены в районном торгсине, но деньги по ним выплачивали только областные и краевые скупочные пункты, где работали старшие приемщики. Особо ценные или спорные камни нужно было отправлять для окончательной экспертизы в Москву, владельцу же выдавали справку, с которой ему приходилось долгие месяцы ждать решения вопроса и возможности купить продукты и товары.

Для предотвращения воровства и махинаций инструкция требовала, чтобы оценщик сейчас же, в присутствии бывшего владельца, положил купленный камень в конверт, заклеил его, подписал по линии заклеенного шва, а на конверте указал всю информацию: вес камня, его характеристики, цену. Оценщик лично должен был отнести ценный конверт контролеру и там положить его в специальный опломбированный ящик. В конце рабочего дня приемщики в присутствии контролера вскрывали каждый свой ящик, сверяли его содержимое с реестром, упаковывали и пломбировали свою пачку конвертов.

Оценщики Торгсина получили указание Правления сохранять в целости особо ценные изделия с драгоценными камнями. Государство затем продавало их в антикварных магазинах Торгсина иностранцам за валюту. То ли руководство считало, что высокоценные изделия могут встречаться лишь в крупных городах, то ли не доверяло знаниям приемщиков на периферии, но только торгсины Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Одессы, Ростова-на-Дону, Тифлиса, Баку, Свердловска, Ташкента, Иваново и Минска получили право покупать целые изделия с бриллиантами. К числу особо ценных относились высокохудожественные предметы, а также изделия с крупными камнями. В частности, существовало указание сохранять предмет в целости, если стоимость бриллиантов превышала, не менее чем в 3 раза, стоимость ценного металла в изделии. Инструкция Торгсина «о порочности» бриллиантов требовала, чтобы оценщик, даже в случае сохранения в целости изделия, с разрешения сдатчика вынимал камни для осмотра цвета, а затем вправлял их обратно[530].

Правила приемки целых изделий свидетельствуют, что Торгсин стремился оплачивать сдатчику только стоимость металла и камней, фактически не принимая во внимание историческую и художественную ценность изделий. Золото и серебро в целых изделиях с бриллиантами оплачивались по скупочной цене этих металлов, но по платине ясности не было. В проекте Наркомвнешторга о начале операций по скупке платины Розенгольц *предлагал* установить скупочную цену на платину в половину цены на золото – 64,6 коп за грамм чистоты[531], но наиболее раннее распоряжение (август 1934 г.) требовало оплачивать платину в изделиях по цене золота. Месяцем позже, однако, вышло новое указание – скупать платину в изделиях по цене 72 коп. за грамм чистоты (сентябрь 1934 г.), то есть существенно дешевле золота[532]. В ноябре 1934 г. установился порядок, по которому платина в изделиях с драгоценными камнями вовсе не оплачивалась владельцу, оценщик лишь делал надбавку к скупочной цене на изделие в размере от 3 до 10% стоимости имевшихся в нем бриллиантов[533]. Небольшая надбавка к цене (2–3% от стоимости металла) полагалась за высокое качество ювелирной работы. Мелкие изумруды, сапфиры, рубины и другие камни, украшавшие изделия из платины и бриллиантов, владельцу не оплачивались. Оценщикам запрещалось сохранять в целости именные изделия. Вероятно, наличие имени собственника затрудняло продажу.

Скупка бриллиантов и платины была прибыльной для государства, а для населения – в убыток. Начиная операции по бриллиантам, Наркомвнешторг планировал установить скупочные цены на них в среднем на 40% ниже мировых[534]. Есть основания полагать, что в начале скупки цена была и того ниже. Огромный разрыв между скупочными и реализационными ценами на бриллианты под-

утверждается документами: за бриллианты, купленные в период с 12 сентября 1933 г. до 14 января 1934 г., Торгсин заплатил владельцам 340 тыс. руб., тогда как их продажная стоимость была почти в 2,5 раза выше, 802,8 тыс. руб.[535] Сами руководители Торгсина называли прибыль первых месяцев скупки бриллиантов «чрезмерной». Оправданием низкой скупочной цены служила неустойчивая конъюнктура мирового рынка драгоценных камней. Правление требовало от оценщиков работать так, чтобы у владельцев ценностей не создавалось впечатления, что Торгсин «занижает их камни», однако, по признанию руководителей Торгсина, из-за неопытности приемщики страховались тем, что занижали и без того низкую цену. Вскоре победные реляции сменились сетованиями на падение интереса людей к сдаче бриллиантов. В декабре 1933 г. скупочные цены на бриллианты в Торгсине были повышены на 50%, но и после этого, по признанию руководства, разрыв скупочных и реализационных цен был значительным – средний размер прибыли государства по бриллиантам составлял 50 – 60%[536]. Так, к марту 1934 г. Торгсин заплатил людям, сдавшим бриллианты, 672 тыс. руб., в то время как реализационная стоимость этих камней, по подсчетам Коверкустэкспорта, была более чем в два раза больше – 1,4 млн. руб.[537]

Люди сдавали, главным образом, мелкие камни весом до одного карата, но руководство считало, что «с точки зрения мобилизации массы валютных ценностей» мелкие бриллианты представляли не меньший интерес, чем крупные[538]. Каждый бриллиант, сданный в Торгсин, имел свою житейскую историю. Ташкентский случай, о котором пойдет речь, свидетельствует о разнообразии путей, которыми ценности попадали в торгсиновскую скупку. В октябре 1934 г. в Ташкенте за три недели неизвестный человек «через спекулянтов» сдал в Торгсин 5,5 тыс. мелких брилллиантов, общим весом около 350 карат, на огромную по тем временам сумму 2,4 тыс. руб. золотом. Приемщика ташкентского скупочного пункта Драбкина насторожил тот факт, что все бриллианты имели одинаковую и редкую огранку – американскую грань[539]. По словам Драбкина, эта огранка появилась около 1910 г., и в СССР таких камней было завезено немного. До «ташкентского случая» на Центральную базу Торгсина поступали только одиночные камни такой огранки. Настораживал и тот факт, что камни столь высокого качества не были характерны для среднеазиатского рынка, где, по словам того же Драбкина, купцы продавали в основном желтые «порочные» бриллианты. Судя по тому, что Драбкин послал директору Центральной бриллиантовой базы в Москве не одно, а целых три письма, он был не на шутку встревожен, однако продолжал принимать подозрительные камни. Руководство Торгсина в декабре 1934 г. оповестило о ташкентских

бриллиантах НКВД. Неизвестно, предпринял ли НКВД какие-либо меры, но в мае – июне 1935 г. крупные партии бриллиантов американской огранки вновь появились на скупочном пункте Торгсина в Ташкенте. На этот раз неизвестный сдал почти 7 тыс. бриллиантов весом около 500 карат на сумму 3,7 тыс. руб. золотом.

Расследование, проведенное полномочным представителем НКВД в Узбекистане и инспектором Торгсина, которому «удалось войти в доверие к ташкентским спекулянтам», показало, что камни приносил «местный шофер Саша». Пакеты бриллиантов по 30 и 60 штук он продавал спекулянтам, роившимся вокруг приемного пункта Торгсина. За каждый пакет «Саша» получал соответственно по 1000 и 2000 руб. советскими деньгами. Спекулянты тут же сдавали бриллианты в Торгсин и, перепродавая деньги и товары Торгсина, «зарабатывали на каждый пакетик по 1000 руб. и более». В деле также фигурировали жена «шофера Саши», его брат и теща – кассирша местной столовой. Сашу найти не удалось. По словам спекулянтов, он «сильно кутил» и в Москве якобы за растрату его арестовал Угрозыск, хотя вроде бы потом освободили за отсутствием улик.

Что стало с «шофером Сашей» и его предприимчивым семейством и откуда появились бриллианты американской огранки в Ташкенте – так до конца и осталось неясным. Но заслуживает внимания предположение, которое сделал специалист Центральной бриллиантовой базы Торгсина А. М. Брук. Он когда-то работал в Гохране СССР. По его мнению, совершенно исключалась возможность, что владельцем такого большого количества бриллиантов могло быть частное лицо. «Шофер Саша» был всего лишь посредником. Похоже, обворовали государственное хранилище. Но какое? – Брук припомнил, что подобные камни находились в Гохране в период 1918–1926 гг. Откуда они там появились, он доподлинно не знал, но предположил, что эти камни были выломаны из вещей, принадлежавших «царскому двору или эмиру Бухарскому». Действительно, после революции груды конфискованных ценностей царской семьи, церкви, дворянских фамилий, музеев прошли через руки мастеров Гохрана, которые вынимали из оправ драгоценные камни и жемчуг. Серебро и золото уходили Наркомфину, камни и жемчуг на продажу за границу или в Алмазный фонд, который в значительной степени создавался именно таким варварским путем. Фотографии того времени показывают сотрудников Гохрана за работой: склоненные головы, на столе шила, плоскогубцы, ножницы, зубила, весы, коробки с разломанными диадемами, венцами, коронами и сортированными камнями и жемчугом[540]. Такие бриллианты, утверждал Брук, хотя и не в столь большом количестве, использовала фирма Фаберже[541]. Если предположение Брука верно, то, значит, кто-то

обокрал казенную кладовую и заставил государство купить ему же принадлежавшие камни, хорошенько «погрев на этом руки»[542].

Операция по скупке бриллиантов, осторожно начатая в августе 1933 г., набирала обороты. К концу года Торгсин купил бриллиантов на сумму 446 тыс. руб. (по скупочной стоимости, *табл. 16*)[543]. Хорошие результаты первых месяцев определили высокий план 1934 г.: 7,3 млн руб., что составляло около 7% общего плана привлечения ценностей в тот год[544]. Российская Федерация должна была обеспечить львиную долю выполнения плана скупки бриллиантов – 4,8 млн руб., в том числе Москва – 2 млн руб., Ленинград – 1,5 млн руб., да и Ростов на этот раз не обошли – 800 тыс. руб.[545] Первоначальный план для Украины в 550 тыс. руб. был повышен до 1,3 млн руб.[546] Закавказские республики в 1934 г. должны были скупить бриллиантов на 1 млн руб., Белоруссия – на 250 тыс. руб.[547].

Полных данных о скупке бриллиантов в 1934 г. не удалось найти, но результаты первого полугодия – 1,7 млн руб., или 23% выполнения плана – свидетельствуют о провале. Крайне низкие по сравнению с плановыми результаты, как и в случае с серебром, объясняются поздним началом скупки: главный подручный Торгсина – голод – уже не мог помочь. Российская Федерация в первой половине 1934 г., хотя и опережала другие республики, скупила бриллиантов лишь на 671 тыс. руб., в том числе Москва – 353 тыс. руб., Ленинград – около 200 тыс. руб.[548], Ростов-на-Дону был на третьем месте, но с мало впечатляющим результатом – около 19 тыс. руб. Украинская скупка бриллиантов составила 107 тыс. руб. Закавказский Торгсин добыл бриллиантов еще на 63 тыс. руб. Узбекистан, единственная республика Средней Азии, где Торгсин скупал бриллианты, дал всего лишь 18 тыс. руб., и то в значительной степени благодаря спекуляциям «шофера Саши». Торгсин в Белоруссии в первом полугодии 1934 г. купил бриллиантов только на 4,5 тыс. руб.[549] Если экстраполировать результаты первого полугодия на вторую половину года и принять во внимание, что сдача бриллиантов, как и других ценностей, с нормализацией продовольственной обстановки в стране снижалась, то скупочная стоимость бриллиантов в 1934 г. вряд ли превысит 3 млн руб. (*табл. 16*).

В связи со свертыванием деятельности Торгсина и низкими результатами 1934 г. план скупки бриллиантов на 1935 г. был скромным – 2,5 млн руб., или около 6% общего плана привлечения ценностей[550]. Но и этот план был провален. По отчетным данным, в 1935 г. Торгсин купил бриллиантов только на 1,6 млн руб.[551] В среднем в квартал люди продавали бриллиантов на сумму 200–300 тыс. руб. Исключением стал последний квартал года, когда Торгсин скупил бриллиантов на 775 тыс. руб.: весть о том, что Торгсин закрывается, заставила людей «сбросить» ценности, но в этот раз не от голода и отчаяния, а от желания успеть купить приглянувшиеся в Торгсине товары. В иерархии контор с огромным отрывом лидировали (по данным за первое полугодие 1935 г.) Москва (243 тыс. руб.) и Ленинград (186 тыс. руб.)[552].

По ориентировочным подсчетам (*табл. 16*), за 1933–1935 гг. Торгсин купил у населения бриллиантов на сумму порядка 5 млн руб., что составило менее 2% в общей сумме скупленных ценностей. Ни один из годовых планов скупки не был выполнен. «Бриллиантовая» перспектива не была полностью реализована, так как идеальное время для выкачивания ценностей – голод – было упущено. Но руководству страны не следовало сетовать на неудачу, ведь эти бриллианты были проданы на мировом рынке по крайней мере в два раза дороже того, что государство заплатило за них людям, да к тому же не за рубли или торгсиновские боны, а за валюту.

Сложнее оценить итоги работы Торгсина по скупке платины: она считалась второстепенной и даже побочной деятельностью, и материалов о ней сохранилось мало. Однако некоторые предположения сделать можно. В финальном отчете говорилось, что в скупке Торгсина серебро, бриллианты и другие драгоценные камни, а также платина по скупочной стоимости составили 71 млн руб. С учетом того, что Торгсин купил серебра приблизительно на 41 млн руб., бриллиантов на 5 млн руб., а скупка других драгоценных камней вряд ли превысит несколько миллионов рублей, то на долю платины останется немногим более 20 млн руб., или порядка 30 тонн чистоты[553]. Не так уж и мало, особенно если учесть, что на мировом рынке советское государство продало эту платину намного дороже цены торгсиновской скупки.

«Yours Faithfully Torgsin»[554]

Фабрики – рабочим, землю – крестьянам, антиквариат – буржуям. Арманд Хаммер и другие любители антиквариата. «Кантик огневого золоченья», или Антикварный портрет ушедшей эпохи. Вермеер как средство выживания. Тайники и «неценные ценности»: несостоявшаяся глава

За коротким словом «ТОРГСИН» скрывались социальные антиподы: голодные, злые и грязные лабазы, где крестьяне выменивали на золото мешки муки, и зеркальные столичные оазисы деликатесов и антиквариата. Бессмысленно было искать художественные ценности в торгсинах крестьянской Смоленской области. Антикварная торговля была привилегией столичных городов – Москвы, Ленин-

града, Киева... Ленинград в особенности был «переполнен» антиквариатом[555]. Антикварный Торгсин мало интересовал советских граждан, но для иностранцев представлял уникальную возможность купить предметы исторической и художественной ценности. Взрыв революции разметал по стране веками копимое во дворцах и имениях художественное богатство. Не часто история дает коллекционерам подобный шанс.

С самого начала своего существования Торгсин был комиссионером Всесоюзного общества «Антиквариат», печально известного продажами за границу шедевров из лучших музеев страны[556]. В антикварной торговле Торгсин получил особый статус: он должен был продавать внутри страны «предметы чисто экспортного значения». С появлением Торгсина на долю прочих организаций, занимавшихся антикварной торговлей в СССР – ГУМ, Мосторг, Деткомиссия ВЦИК, – остался «второсортный» антиквариат, «предметы небольшой ценности, реализация которых за границей была сомнительна» [557].

Заграничные туристы и иностранцы, длительно проживавшие в СССР, были завсегдатаями антикварных торгсинов на Петровке в Москве и в гостиницах «Октябрьская» и «Европейская» в Ленинграде. Для удобства покупателей Торгсин предлагал разнообразные услуги. Если не хватило денег, иностранец мог оставить задаток, а затем доплатить в советском торгпредстве в своей стране, а товар получить по почте. Купить антиквариат можно было и не приходя в магазин: достаточно было за границей перевести деньги на счет Торгсина. Можно было покупать и через доверенных лиц в СССР. В случае заочных сделок транспортировкой и расчетами занимались советские торгпредства и консульства в Европе или Амторг[558] и Ам-Дерутра[559] в Америке[560]. Ящики со старинными вещами – серебром, украшениями, картинами, коврами, иконами, церковной утварью, фарфором, миниатюрами, часами – из антикварного Торгсина отправлялись в Швецию, Германию, Польшу, Чехословакию, Францию, Швейцарию, США...[561] Переписка, которую Торгсин вел с иностранцами, не имела подписи конкретного административного лица. Вместо этого просто – «Торгсин» или даже «Преданный Вам Торгсин» («Yours Faithfully Torgsin»). В такой подписи видится не маленький советский чиновник, а фигура солидного торгового предприятия.

Иностранцы покупали анитиквариат в Торгсине за «живую» валюту или рубли валютного происхождения, то есть полученные в результате легального обмена ввезенной в СССР валюты. Поскольку внешне рубль валютного происхождения ничем не отличался от простого, продавцы Торгсина в начальный период его деятельности

должны были проверять происхождение рублей, дабы не допустить утечки валюты на «черный» рынок[562]. В магазинах висели валютные правила, но продавцы должны были и на словах предупреждать клиентов о последствиях нарушения «валютного режима», а то и вовсе требовать предъявить документы, подтверждавшие легальный обмен денег[563]. На проданный антиквариат Торгсин выдавал счета-лицензии со штампом «в счет обратного вывоза валюты», без которого таможня задерживала на границе купленные в СССР ценности. Руководство Торгсина просило освободить его от полицейских функций, отпугивавших клиентов, ссылаясь на подрыв прибыльной торговли[564]. Иностранцы жаловались, а торгсиновское руководство хвалилось правительству высокими ценами в своих антикварных магазинах. Средняя цена на золото и серебро в изделиях в Торгсине была выше мировой[565]. Именно высокие цены продажи стали основанием для пересмотра драконовских таможенных правил и разрешения иностранцам беспрепятственно вывозить за границу валютные ценности, купленные в Торгсине.

Вместе с художественными изделиями в антикварных магазинах Торгсина продавались и обычные товары повседневного спроса: мыло, зубная паста, туалетная вода. Покупательская карточка Алдонны Уайт, которая оказалась в моей коллекции, свидетельствует, например, что та купила в антикварном магазине Торгсина в Москве две грелки и скатерть. При пустых полках советских магазинов начала 1930-х гг. и эти обыденные предметы являлись подлинными ценностями. Иностранцы, жившие в СССР, платили валютой за необходимые для жизни товары.

Среди клиентов антикварного Торгсина были как простые обыватели, так и крупные антикварные фирмы и известные коллекционеры. Заместитель Правления Торгсина Ю. С. Бошкович в июне 1932 г. писал управляющему Ленинградской конторы: *«По полученным из соответствующих источников сведениям в конце июня или начале июля текущего года прибудет на своей яхте в Ленинград крупный финансист и любитель антикварных вещей и художественных предметов господин Ротшильд из Парижа*[566]*. Он предполагает провести в Ленинграде 8–10 дней для ознакомления с художественными ценностями города».* В надежде на крупную сделку Бошкович просил показать Ротшильду «все ценности». В документах Торгсина мелькает также имя Арманда Хаммера – американского предпринимателя, первого концессионера в Советской России и коллекционера.

Арманд Хаммер всегда представлял свое путешествие в Россию, где только недавно прогремела революция, как рискованное предприятие, совершенное на свой страх и риск, а собрание коллекции произведений искусства и антиквариата – делом случая и удачи[567].

Открытие советских архивов стало открытием и тайной стороны жизни Хаммера, которую он всячески скрывал[568]. Арманд был приглашен в Россию и получил концессии благодаря заслугам своего отца, Джулиуса (Юлия) Хаммера, который был одним из основателей, руководителей и финансистов коммунистического подполья в США. Имя, которое Джулиус дал своему первенцу (Arm and Hammer – «рука, держащая молот») являлось символом пролетарской революции[569]. Арманд Хаммер, будучи студентом, и сам вступил в Коммунистическую партию США – факт, который он сам и советское руководство тщательно скрывали. Для привлечения западных предпринимателей было выгоднее представлять Арманда преуспевающим американским бизнесменом, который увидел в Советской России выгодного торгового, а не политического партнера.

С началом форсированной индустриализации и связанной с ней распродажей произведений искусства и антиквариата в конце 1920-х гг. нарком торговли Микоян предложил Хаммеру работу торгового агента на условии получения комиссионных[570]. Хаммер согласился: в 1931–1933 гг. по договору с Правлением Торгсина через Амторг[571] он получал из антикварного магазина в Ленинграде «старинные и художественные вещи», изделия из серебра и драгоценных камней для продажи в США[572]. Хаммер представлял их публике как часть своей коллекции, собранной в России. Предварительно он издал книгу «В поиске сокровищ Романовых», которая работала на легенду о ценностях, вывезенных им из страны большевиков[573]. Кроме того, по словам самого Хаммера, его брат Виктор регулярно ездил «за товаром» в Берлин – в то время центр, через который художественные ценности поступали из СССР на мировой рынок[574]. Для продажи антиквариата братья Хаммеры открыли галерею «Эрмитаж» в Нью-Йорке.

Предприятие, однако, оказалось под угрозой срыва. Экономический кризис и депрессия парализовали антикварный рынок в США. Галерея «Эрмитаж» давала мало шансов на успех. Кроме того, антиквариат, который Торгсин посылал Хаммеру, не привлекал миллионеров: за исключением небольшого количества ценных предметов фирмы «Фаберже»[575] и дворцового имущества, это были остатки и обломки былой обстановки российских гостиниц, ресторанов, монастырей и магазинов. В этих условиях Хаммер сделал ставку на обывателя и на американскую глубинку, не избалованную событиями и зрелищами. Он разослал письма в универмаги Среднего Запада, предлагая им организовать выставки–продажи «сокровищ Романовых», привезенных им из России. Письма изобиловали историями из жизни Хаммера в России и предлагали универмагам половину выручки от продажи «сокровищ». Первым откликнулся

универмаг в Сэнт-Луисе: в январе 1932 г. он прислал телеграмму из двух слов: «Немедленно приезжайте». Хаммер упаковал товар в сундуки разорившейся театральной компании и под лозунгом «сокровища – в массы» совершил революцию в антикварной торговле. Зная психологию американского обывателя, который мечтал по дешевке купить царские ценности, Хаммер грамотно подготовил выставку-продажу в Сэнт-Луисе. В местных газетах он напечатал истории о своих приключениях в России, а также фотографии, которые не оставляли у читателя сомнения в том, что в продажу по бросовой цене поступили настоящие художественные и исторические ценности. В день открытия у магазина собралась пятитысячная толпа. Продажа шла так бойко, что магазин продлил ее на неделю.

Вслед за Сэнт-Луисом антиквариат из Торгсина пошел в универмаги Чикаго, Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Питтсбурга, Вашингтона... «передвижной цирк» Хаммера (по его собственному определению) путешествовал по Америке. К этому времени, однако, покупательский ажиотаж, вызванный новизной и необычностью продаж, упал. Хаммер был вынужден свернуть торговлю в универмагах и вернуться в Нью–Йорк, где на смену его «Эрмитажу» была создана «Галерея Хаммера». Продажи в ней сопровождались лекциями о России и придворном искусстве, а также концертами русских песен, которые исполняла жена Арманда Хаммера – Ольга. Для колорита Хаммер якобы нанял в галерею разорившегося русского князя.

Торгсин уже закрыли, но товар из СССР продолжал поступать Хаммеру до конца 1930-х гг. Многие предметы все еще имели ярлыки и штампы государственных хранилищ и музеев. Под маркой Фаберже из СССР теперь поступал новодел, для чего использовали материалы и штамп бывшей фирмы. Штамп Фаберже якобы был и у самого Хаммера, который часто пускал его в ход. Однако не все «фаберже» были подделками. По договоренности с Микояном Хаммер получил и уникальные произведения искусства Фаберже, изготовленные для царской семьи[576].

Вряд ли, однако, советско-американское предприятие «Микоян, Торгсин, Хаммер и К°» оказалось доходным. Хаммеру оно не принесло богатства. Он работал за комиссионный процент, а вырученные средства под прикрытием других торговых сделок, оформленных через Амторг, возвращал в СССР[577]. Хаммер был «связан» ценой, которую назначало советское руководство. Порой, чтобы выплатить деньги Амторгу, Хаммер был вынужден продавать художественный товар универмагам «вперед», еще до прибытия его из СССР. Кроме того, половину доходов от продажи ценностей Хаммер выплачивал банку, давшему ему кредит по возвращении в

Америку. В 1936 г. на банковском счету «Галереи Хаммера» было менее двух тысяч долларов. По мнению Эдварда Эпстайна, биографа Хаммера, тот смог выплатить долг Амторгу только после того, как получил финансирование от правительственного фонда, который президент Рузвельт создал для поддержки предприятий, пострадавших в период депрессии.

О том, насколько прибыльной для советского правительства оказалась кампания по массовой продаже торгсиновского антиквариата в Америке, можно судить лишь косвенно. С учетом того, что продажи проходили в очень неблагоприятное для антикварного рынка время депрессии, а также, если иметь в виду условия контракта Хаммера с универмагами, по которому они получали как минимум половину доходов, а в случаях продажи товара «вперед» – и того больше, за вычетам комиссионных самого Хаммера, транспортных расходов и расходов на посредническую деятельность Амторга, можно с уверенностью сказать, что распродажа не стала для советского руководства золотым Клондайком[578].

В отношениях с западным деловым миром антиквариат служил неплохой взяткой. В 1928–1930 гг. за помощь в проталкивании дешевой советской неочищенной нефти на мировой рынок советское руководство продавало художественные ценности Эрмитажа бизнесмену и коллекционеру Калусту (Галуст) Гюльбенкяну[579]. Документы Торгсина подтверждают торгашеское отношение советского руководства к произведениям искусства. Торгпред СССР в Великобритании А. Озерский, например, писал:

«В августе–сентябре этого (1932. – *Е. О.) года Советский Союз посетил сэр Артур Стилмэйтленд, а с ним вместе был председатель Правления Банка Юнайтед Доминион Трест Гибсон Джарвей. Их потом принимал Розенгольц.*

Считаю обе эти фигуры в достаточной степени влиятельными в деловых кругах, особенно интересным представляется последний, этот Гибсон Джарвей. Хотя он формально – председатель вышеуказанного банка, но по существу он тесно связан с "Биг Файв" и Бэнк оф Ингланд и, кроме того, является своим человеком в финансовом сити, так же как и Стилмэйтленд. Он несколько раз публично выступал на тему о Советском Союзе, призывая финансовые круги переменить свою точку зрения и пойти на развертывание более тесных финансовых взаимоотношений с Советским Союзом.

Я с ним встречался дважды и в последнюю встречу он, вспоминая о Советском Союзе, между прочим заметил, что единственным разочарованием, которое он вынес из Москвы, это свою неудачу у Торгсина. Он торговал какую-то золотую лампочку, не то лампаду, подаренную Николаем II, когда он был еще наследником, какому-то

московскому монастырю. За эту лампочку или лампаду Торгсин просил у него 120 фунтов, а он больше 100 дать не соглашался.

Я считал бы полезным уступить эти 20 фунтов и дать возможность Гибсону купить эту лампочку, если она не продана. Отсюда у меня к тебе просьба – выясни, пожалуйста, в Торгсине, имеется ли эта лампочка еще в наличии, и если да, договорись с кем следует о том, чтобы она была продана Джарвею за 100 фунтов. Если можно, телеграфно (! – *Е.О.) сообщи мне об этом. Хотя это пустяк* (! – *Е. О.), но я придаю ему некоторое значение в деле укрепления большей связи с этим полезным для нас человеком. С товарищеским приветом А. Озерский»*[580].

Столь небрежно названная в письме «лампочка», якобы принадлежавшая Николаю II, на деле оказалась золотой лампадой: шестигранная «с изображениями и орнаментом выемчатой синей эмали», она была сделана мастером Зеффтингеном по рисунку художника Солнцева. В 1850 г. лампада была вложена в Чудов монастырь в Московском Кремле Александром II, тогда еще наследником, в ознаменование рождения сына Алексея[581]. Оставим в стороне морально-этические соображения по поводу взятки, но поражает отношение советского торгпреда к национальному достоянию: он считал, что имеет право продавать то, что ему не принадлежало, притом за любую цену и не имея представления о действительной ценности предмета. Торгсин купил эту лампаду у «Антиквариата» за 819 руб. 60 коп. Без учета художественной и исторической ценности общая стоимость золота (550 г) и серебра (почти 700 г) в лампаде составила почти 530 руб. Руководство Торгсина дало согласие на продажу лампады за 100 ф., что по официальному советскому курсу обмена первой половины 1930-х гг. составляло порядка 760 руб.

Размах антикварной торговли в Торгсине был немалым: инвентарная ведомость ленинградского магазина летом 1932 г. насчитывала 15 тысяч предметов[582]. По сохранившимся спискам проданных в Торгсине антикварных товаров трудно судить об их исторической и художественной ценности[583], но представляется, что на продажу в Торгсин «Антиквариат» посылал хоть и добротные, но в массе своей «рядовые» ценности. Главные шедевры из Эрмитажа и других музеев и библиотек страны «Антиквариат» продавал сам на аукционах за границей, через посредничество западных дилеров или напрямую крупным коллекционерам.

Поставки от «Антиквариата» были не единственным источником пополнения антикварных фондов Торгсина. На Торгсин работали известные кустарные артели народного промысла. Интересная деталь – оренбургские платки, оказывается, делали из импортного козьего пуха[584]. Одним из основных каналов снабжения антиквар-

ных магазинов Торгсина была его собственная скупка. Оценщики Торгсина должны были сохранять в целости наиболее ценные золотые, серебряные и платиновые изделия, выбирая их из того «лома», что люди сдавали в Торгсин. Как было отмечено ранее, эта операция была выгодной для государства, так как владельцу оплачивался только вес металла и лишь в исключительных случаях оценщик делал небольшую надбавку за качество художественной работы, но продавал эти ценности Торгсин по цене высокохудожественных и редких антикварных изделий[585].

Специальные инструкции Правления, разъясняя оценщикам, какие предметы следовало сохранять в целости, фактически описывают разнообразие «металлического» антиквариата, который люди приносили в Торгсин. По этим описаниям в завалах золотого, платинового и серебряного лома, переплавленного затем в одинаковые бруски, можно разглядеть конкретные вещи со знаками эпох, стран и владельцев, ощутить их былую прелесть. Приведенный в инструкциях словесный антикварный портрет ушедшей эпохи, исчезнувших сословий и материального достатка заставляет задуматься об изменчивости исторического содержания антиквариата и относительности понятия «старина», а также путях выживания и исчезновения художественных и исторических ценностей.

В понимании специалистов 1930-х гг. старина заканчивалась XVIII в. Не полагаясь на искусствоведческие познания оценщиков, инструкции Правления перечисляли признаки старины: «орнамент вроде пояска», «кантик из головок и фигур», гравировка, чеканка, «ручки в форме лапок животных и птиц», «кантик огневого золоченья», «гравированный герб», клейма мастеров и знаки – корона, виноградная кисть, крест, церковь. Инструкции учили отличать высокопробное серебро английской и французской работы от низкопробного восточного.

Все «старинное» следовало сохранять в целости: золотые табакерки с чеканными украшениями, мозаикой, портретами и ландшафтами, писанными по эмали, с миниатюрами на слоновой кости, камнями и геммами, резанными по агату, сердолику, кораллу; пудреницы и флаконы для духов, несессеры, пенальчики для шпилек и иголок; изделия из горного хрусталя, нефрита, малахита, яшмы, агата, орлеца, отделанные золотом; диадемы, колье, подвески, браслеты, броши, серьги, кольца с бриллиантами, изумрудами, рубинами, геммами, уральскими камнями; старинные карманные часы с золотыми крышками и механизмами[586], часы в виде подвесок в форме корзиночек, медальонов, мандолин, ягод; золотые нательные кресты, чеканные и украшенные эмалью, бриллиантами, розами, рубинами и другими камнями; серебряные ковши, кружки, кубки, стопки, бокалы, чарки, ящички, фигуры, вазы, подсвечники, тарелки, сервизы, подносы, черневое серебро Устюга Великого и Вологды, кавказские серебряные пояса, кинжалы, сабли и поволжские украшения («за исключением мордовских и чувашских»). Инструкции особо обращали внимание оценщиков на золоченое серебро известных российских фирм с разноцветной эмалью в русском стиле, а также белое филигранное (плетеное) серебро.

Читаешь описание этого великолепия и невольно думаешь: красивый антиквариат оставила имперская эпоха русской истории, что же оставит после себя наше время? Приходит на ум и другая мысль: инструкции по отбору антикварных вещей появились поздно, лишь в 1933 г., значит, немалая часть антикварного великолепия была уничтожена в Торгсине в начальный период его скупки. Золотой и серебряный лом проходил пересортировку на центральных пунктах в Москве и Ленинграде, но к тому моменту многие из ценных вещей уже были разломаны областными и районными приемщиками.

В представлениях людей 1930-х гг. XIX в. еще не стал стариной и принадлежность к нему сама по себе не делала предмет антикварным или ценным. Дореволюционные работы начала XX в. считались новыми и заслуживающими мало внимания. Согласно инструкциям Торгсина, золотые изделия фирм «Фаберже» и «Болин»[587] подлежали сохранению лишь в случае высокохудожественной работы. Все массивные серебряные предметы только что минувшего века по инструкции шли в переплавку. Из серебряных изделий до 1880 г. оценщикам следовало сохранять только небольшие (до килограмма) вещи домашнего обихода – чайные сервизы, сахарницы, молочники, солонки, ложки (если их было не менее шести штук) стиля ампир, рококо и «черневой работы». Из серебряных изделий конца XIX – начала XX вв. – детский возраст по меркам 1930-х гг. – инструкции требовали сохранять только исключительные по качеству мелкие изящные и редкие по форме изделия известных фирм Хлебникова, Овчинникова и других: вазочки, чарки, принадлежности для письменного стола с монетами или эмалью, а также довоенные предметы дамского туалета – диадемы, кольца, пояса, брошки, серьги (даже со стеклянными камнями). В то же время серебряные «вещи с графскими или княжескими гербами и коронами» XIX в., а также столовое и чайное серебро фирмы «Фаберже», даже чеканной работы, считалось ширпотребом и шло в переплавку. Описание предметов в инструкциях Правления Торгсина дает основания считать, что на Северном Кавказе, в Крыму и Украине люди приносили в Торгсин золото из раскопанных курганов: литые, кованые и чеканные женские украшения. Археология тоже становилась средством выжива-

ния. К таким вещам, учили инструкции, следовало относиться с особым вниманием[588].

В отборе антиквариата правил рыночный интерес: сохранять то, что могло быть продано иностранцам в СССР или за границей. Прагматизм брал верх над идеологией. По инструкции Внешторга, следовало сохранять в целости все золотые вещи и *«серебро, принадлежавшее раньше русским царям до Николая II включительно, великим князьям и их семьям»*, а также все вещи, подаренные ими в свое время разным лицам[589]. Вопрос о том, каким образом этот идейно чуждый антиквариат попал в руки «сдатчика», видимо, не интересовал руководство Торгсина, но ОГПУ, которое следило за торгсиновскими операциями, могло озаботиться этим вопросом.

Люди несли в Торгсин не только драгоценные камни, золото, платину и серебро, но и «неметаллический» антиквариат – картины, статуэтки, произведения народного и прикладного искусства. Среди них попадались подлинные шедевры: *«На днях в московский магазин* (Торгсина. – *Е. О.*) *были принесены две картины фламандской и голландской школы, за которые собственник желал получить 50 рублей. За границей же они могли быть проданы за тысячу марок»*[590]. Этот случай произошел в голодном апреле 1933 г. Торгсин, несмотря на выгодность сделки, вынужден был отказать.

Решение принимать антикварные и художественные ценности населения для продажи на комиссионных началах в магазинах Торгсина было тесно связано с ростом массового советского экспорта художественных ценностей. Еще весной 1932 г. руководство Ленинградского Торгсина обратилось в Наркомвнешторг с просьбой разрешить принимать на комиссию антиквариат от учреждений и частных лиц[591]. В ноябре 1932 г. состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждался доклад комиссии Молотова[592]. Комиссия считала, что выделенные для экспорта фонды антикварных ценностей не обеспечивали плановых заданий на 1932 и 1933 гг. и требовала «новых жертв». Для покрытия валютного прорыва Политбюро разрешило «Антиквариату» более широко проводить распродажу музейных шедевров. Торгсин должен был оказать посильную помощь, покупая аниквариат у населения и продавая его иностранцам внутри страны. Реализация антикварных ценностей отныне должна была стоять специальной строкой в плане Торгсина. По заведенному в СССР порядку решение Политбюро в декабре 1932 г. было оформлено постановлением СНК СССР[593]. Однако в реальности прием у населения на комиссию антикварных ценностей в Торгсине начался только в августе 1933 г.[594] До того времени люди напрасно несли «неметаллический» антиквариат в Торгсин.

Руководством антикварной деятельностью занималась Художественно-антикварная контора Торгсина. По решению СНК для

улучшения «ассортимента предметов» Торгсин принимал не только антикварное имущество учреждений и населения, но и картины у современных советских художников. Кроме того, Торгсин получил право, наравне с «Антиквариатом», изымать из обыкновенных комиссионных и антикварных магазинов художественные ценности, которые могли быть проданы за валюту[595]. Невалютным магазинам запрещалось продавать картины западных и русских художников, «пригодных к экспорту»[596]. Наркомвнешторг для этой цели составил список «особо ценных русских художников». Даже их «малозначительные работы» могли продаваться за рубли только по специальному разрешению Торгсина[597].

В случае обнаружения антиквариата валютного качества на аукционах, в невалютных комиссионках, ломбардах и других государственных учреждениях Торгсин платил «по себестоимости»[598]. От частных граждан Торгсин принимал художественные ценности на продажу сроком на месяц из расчета 30% комиссионных[599]. Владельцы могли получить за свои проданные сокровища либо рубли, либо деньги Торгсина[600]. Оценку антиквариата производили приемщики Торгсина. Следует подчеркнуть, что Торгсин не покупал, а принимал на комиссию антикварные ценности населения, не рискуя потерять деньги, если вещи не будут проданы[601]. Молодые советские художники сдавали свои работы на комиссию в Торгсин на менее благоприятных условиях по сравнению с проверенными временем шедеврами западной и русской живописи: в бонах Торгсина они могли получить только 20% продажной стоимости, остальное – в рублях.

Как и в случае с бриллиантами и платиной, разрешение Торгсину принимать на комиссию художественные ценности населения пришло слишком поздно. Валютные возможности голода были упущены, а с этим была упущена для многих людей и возможность выжить благодаря продаже семейных художественных реликвий. Валютный эффект антикварной торговли Торгсина оказался незначительным. В 1932 г. Московский Торгсин продал антикварных товаров на 105 тыс. руб., а Ленинградский – на 73 тыс. руб. (в сумме это эквивалент 140 кг чистого золота), львиную долю (62%) этих продаж составляли предметы из золота и серебра[602]. В 1933 г. Торгсин ожидал выручить от продажи антикварных и художественных ценностей 200 тыс. руб.[603] В 1934 г. Ленинградский Торгсин продал товаров, полученных от «Антиквариата», на сумму 17,3 тыс. руб. Со свертыванием деятельности Торгсина его магазины перешли ко Всесоюзному обществу «Антиквариат».

Наряду с ценным антиквариатом население сдавало на комиссию в Торгсин и обычные вещи. Туда же поступало и имущество, кон-

фискованное у арестованных и высланных: Торгсин предвосхитил появление «магазинов конфискатов», которые в 1937–1938 гг. распродавали вещи репрессированных[604]. Материалов о валютных комиссионках Торгсина мало, но есть две истории, которые нельзя не рассказать. Они позволяют увидеть связь между Торгсином и началом массовых репрессий в стране. В марте 1935 г. в Ленинграде в комиссионном отделе универмага Торгсина № 4 в основании напольной лампы, которая поступила с имуществом арестованного, был найден тайник. В нем оказались не золото и бриллианты, а обрывки «Вестника Ленинградского Совета» от 1 января 1934 г. Почему и какую информацию хозяин прятал в лампе, осталось не ясно. Находка повлекла обыск всего имущества арестованного, поступившего в комиссионный магазин Торгсина. Ленинградское УГРО при обыске нашло и изъяло личную переписку бывших владельцев, в том числе и «письмо из Харбина», а также «тетради с записями»[605]. Показательно, что работники магазина, обнаружив обрывки «Вестника», не выбросили их как ненужный хлам, а приостановили «выемку» и вызвали органы госбезопасности. Другой показательный факт: имущество не было обезличенным – комиссионный магазин знал имя бывшего владельца.

Лепта, которую внесли массовые репрессии в валютную торговлю Торгсина, была и другого свойства. В феврале – марте 1935 г. руководство Ленинградской конторы Торгсина сообщало о резком росте спроса на муку. В документах покупатели, скупавшие муку, были определены как «лица, выезжающие из Ленинграда»[606]. Видимо, речь идет о «кировском потоке» – массовых арестах и высылке «неблагонадежных» из города после убийства С.М. Кирова. Продлись работа Торгсина до 1937–1938 гг., можно было бы написать специальную главу о влиянии массовых репрессий на его торговлю, но истории Торгсина суждено было закончиться раньше.

«Шлите доллары на Торгсин»

Гениальное решение кризиса валютных переводов. Международная спекуляция и чистка агентурной сети. Астрономия таможенных пошлин. «Сегодня советская селедка – завтра донос в ГПУ»: Идейно-гастрономическая дилемма белого эмигранта. «Общество заказанных продуктов», или Посылки как оружие пролетариата. Мешок муки – лучший подарок к празднику. Еврейская помощь. Деньги пахнут! Сумма, достойная Магнитки

Денежные переводы из-за границы в Россию приходили испокон веков. В предвоенный год в Россию поступило около 40 млн руб. Переводы продолжали поступать и при большевиках. В 1928 г.

в Советский Союз из-за границы переводами пришло около 30 млн руб.[607] Затем поток денег из-за границы резко иссяк: по данным правления Госбанка и Внешторгбанка, в 1930 г. в СССР по переводам из-за границы поступило менее 10 млн руб, а в 1931 г. и того меньше[608]. Одной из причин столь резкого падения стал мировой экономический кризис и депрессия на Западе, которая, прежде всего, ударила безработицей по эмигрантам: именно от них в основном и приходили деньги родственникам и друзьям, оставшимся в СССР.

Изменилась ситуации и в советской стране. Из-за острой нехватки валюты на нужды индустриализации с конца 1920-х гг. государство стало «зажимать» валютные выплаты частным лицам, пытаясь превратить частные денежные переводы из-за границы в статью государственных валютных доходов. Людям стало труднее получить по банковским переводам «эффективную валюту» – доллары, фунты и другие полноценные деньги. Госбанк взамен предлагал им советские рубли по принудительно низкому обменному курсу[609]. В такой ситуации люди все чаще стали отказываться от переводов, стремясь получить валюту из-за границы, минуя банковские каналы: по почте или контрабандой. Ужесточение валютного режима вместо прибыли обернулось для советского государства потерями – число «отказных» переводов росло, желанные доллары приходилось возвращать на Запад.

В начале 1930-х гг. руководство страны столкнулось с дилеммой: как увеличить поток денежных переводов из-за границы, но при этом не отдавать советским получателям переводов ни цента в «живой валюте». Голод и Торгсин подсказали решение: мольбы голодающих о помощи заставляли родственников и друзей за границей посылать деньги в СССР, но вместо валюты советские люди получали боны Торгсина и вынуждены были покупать товары в торгсиновских магазинах по монопольно высоким государственным ценам. Вся наличная валюта по денежным переводам уходила в карман государства. Торгсин был поистине гениальным решением кризиса валютных переводов – «и волки сыты, и овцы целы».

Инициатива, шедшая от голодных граждан, ускорила развитие переводных операций в Торгсине: лишь только летом 1931 г. разнеслись слухи о том, что Торгсин будет продавать товары соотечественникам, те явочным порядком стали требовать от банков перечислять предназначенные им валютные переводы на Торгсин. В местных отделениях Госбанка летом 1931 г. возникла растерянность и даже паника[610]. Не дожидаясь разрешения свыше, Наркомфин вынужден был дать секретную санкцию местным отделениям Госбанка перечислять валютные переводы на Торгсин. В августе 1931 г. эти опера-

ции уже шли полным ходом, официальное же постановление о разрешении переводов на Торгсин вышло лишь в сентябре[611].

С началом нового вида деятельности в Торгсине появилось Управление переводо-посылочных операций (УПО), позднее преобразованное в Управление заграничных операций (УЗО)[612]. Управление возглавил заместитель председателя Торгсина И.Я. Берлинский[613]. Советские торгпредства за границей через своих деловых и идейных партнеров начали рекламу новых операций: в офисах банков и фирм, в автобусах и трамваях появились рекламные плакаты Торгсина. Не все шло гладко: торгпредство в Лондоне, например, доносило, что английские банки не соглашались вывешивать плакаты о приеме переводов на Торгсин[614]. Но не реклама, а голод подстегивал рост валютных переводов. Призыв – «Шлите доллары на Торгсин» был не столько строчкой из рекламной листовки, сколько криком о помощи. Благодаря голоду молва о Торгсине за границей распространялась быстро.

В начальный период новых операций получатели переводов имели особый статус в Торгсине: они покупали товары в специальных магазинах по более низким ценам, чем остальные клиенты. Их не коснулось, например, повышение цен в Торгсине весной 1932 г. Причину следует искать в том, что Торгсин пока не стал монополистом в посылочном деле: иностранцы могли сами купить продукты за границей и отправить посылку в СССР через иностранную фирму. Именно из-за этой конкуренции Торгсин в его отношениях с получателями валюты вынужден был придерживаться цен западного рынка, более низких, чем цены на товары в Торгсине. По мере того как Торгсин монополизировал посылочные и переводные операции, привилегии советских получателей переводов сходили на нет[615].

Деньги из-за границы поступали в Торгсин разными путями, и сбор валюты сопровождался межведомственной борьбой. Советские валютные монополисты, Госбанк и Внешторгбанк, считали, что Торгсин, не являясь банковским учреждением, должен был стать просто получателем валюты, которая поступала бы исключительно через их банковские каналы. Торгсин же пытался избавиться от посредничества Внешторгбанка и Госбанка[616]: без согласования и к их большому неудовольствию он напрямую заключал договоры с агентами за границей о приеме переводов на свой счет[617].

В начальный период новых операций сеть агентов, принимавших денежные переводы на Торгсин, была пестрой и путаной: Торгсин, Внешторгбанк и Управление иностранных операций Госбанка заключали договоры с советскими торгпредствами, заграничными филиалами Совфрахттранспорта[618], советскими банками за границей и акционерными обществами с советским участием, а те – договоры с

иностранными банками, пароходными, туристическими фирмами, универмагами и благотворительными обществами о приеме переводов на Торгсин. Кроме того, иностранные банки и фирмы имели сеть своих собственных агентов, которые рекламировали деятельность Торгсина и принимали денежные переводы на его счет[619].

Неконтролируемый и быстрый рост числа агентов привел к тому, что среди партнеров Торгсина оказалось много белоэмигрантских фирм, подвизавшихся на денежных переводах в СССР[620]. Враждебное отношение к советскому строю не мешало им зарабатывать за советский счет. Вокруг переводов на Торгсин расцвела спекуляция. В соседних с СССР Финляндии, Польше, Прибалтике, а также в Париже и Харбине, где осело значительное число эмигрантов из России, развелись фирмы по доставке валюты в СССР. Эмигрантские газеты того времени пестрели объявлениями-обещаниями: *«Переводы денег в Россию из расчета действительной стоимости червонца, но разрешенным путем»*. Откровенные признания в контрабанде: «23 франка за червонец – разрешенным путем, 20 франков за червонец – частным способом»[621] – соседствовали с предостережениями не верить более заманчивым предложениям, *«памятуя о том, что отправитель, пользуясь услугами учреждений или лиц, мало ему известных, и сам, не рискуя ничем, может, совершенно этого не желая, доставить неприятности находящимся в России своим близким»*[622].

Для преодоления хаоса, царившего в агентурной сети, Правление Торгсина усилило экономический и идейный контроль. Оно рекомендовало торгпредствам не заключать договоров «с иностранными контрагентами», а если договора было не избежать, не брать на себя длительных обязательств и сохранять за собой право в любой момент его расторгнуть[623]. Торгпредства по заданию Правления стали собирать информацию не только об экономической состоятельности, но и о политической благонадежности партнеров, прекращая отношения с теми, кто скомпрометировал себя деловой нечистоплотностью или антисоветскими настроениями[624]. Донесение советского торгпредства в Париже дает представление о методах работы Правления и его деловых партнерах в начальный период новых операций:

«В ответ на В/запрос о «Банк Контуар дю Сантр» сообщаем, это белогвардейский банчок, занимающийся различными мелкими спекуляциями... Банк этот имеет 3–4 человека служащих, принадлежит эмигранту Зильберштейну. Как дополнительную характеристику этого «банка», приводим следующий эпизод из его жизни: недавно группа «клиентов» банка устроила в помещении избиение дирекции (очевидно, за соответствующие «дела»), причем сам

Зильберштейн получил ножевую рану в шею. Сыну Зильберштейна принадлежит другой банчок – «Банк Эдюстриель дю Сантр», который также сейчас занимается собиранием переводов на Торгсин»[625].

Одновременно с чисткой агентурной сети шла централизация операций по денежным переводам из-за границы. Зарубежные филиалы Совфрахттранспорта и торгпредства должны были прекратить прием денег на Торгсин. Правление Торгсина требовало ограничить сеть иностранных агентов наиболее крупными банками, признав, таким образом, приоритет банковских каналов перевода денег и верховенство Госбанка и Внешторгбанка. В целях прекращения «спекуляции вокруг переводных операций», Правление Торгсина запретило своему УПО вести прямые переговоры с иностранными фирмами (туристическими агентствами, пароходными компаниями и т. п.), которые в начальный период активно рекламировали Торгсин за границей и способствовали расширению его клиентуры. Торгсин, однако, сохранял право заключать через советские торгпредства договоры с советскими и иностранными банками за границей о приеме переводов на свой счет[626]. С осени 1934 г. Торгсин стал выплачивать советским контрагентам за границей вознаграждение в зависимости от суммы переводов на Торгсин[627].

Уполномоченные Торгсина в советских торгпредствах были «связными» между Правлением в Москве и агентами по приему денежных переводов за границей[628]. В США в отсутствие торгпредства переводами на Торгсин занимались Амторг[629] и Ам-Дерутра[630]. Сохранившийся в архиве договор Торгсина с Ам-Дерутрой свидетельствует, что советские акционерные общества и советские банки, принимавшие денежные переводы на Торгсин за границей, находились в сфере действия советских законов и отношений[631]. Все споры по договорам решались в Наркомате внешней торговли в Москве. Торгсин осуществлял идейный контроль, утверждая тексты рекламы. В задачи советских партнеров Торгсина за границей входил экономический шпионаж: так, Ам-Дерутра должна была информировать Торгсин о работе не только своих агентов, американских банков и фирм, связанных с Торгсином, но и конкурирующих с ним. В обязанности Ам-Дерутры входили также сбор информации о конкурентной способности цен Торгсина и «ослабление позиций спекулятивных посредников» путем создания более благоприятных тарифов на «свои» переводы[632].

Иностранные партнеры Торгсина, в отличие от советских банков и акционерных обществ, работавших на него за границей, не подчинялись советскому диктату и окрику, что оборачивалось для торгсиновского руководства неразрешимыми проблемами. Так, до середины 1934 г. банковская ставка в США составляла 50 центов за

денежный перевод в размере до 5 долл. Попытка представителя Торгсина в США добиться от своих агентов снижения ставки до 40 центов провалилась из-за сопротивления американских банков. Только зависимые советские акционерные общества Ам-Дерутра и «Юнион Турс»[633] подчинились, но тут же американские банки потребовали наказать штрейкбрехеров. В 1934 г., пытаясь стимулировать приток переводов, Торгсин потребовал снизить банковскую ставку до 25 центов за перевод до 15 долл. По словам Гордеева, главы отделения Торгсина при Амторге, американские банки подняли крик. В советской системе приказ высокого чиновника и репрессии решали проблему подчинения, но за границей Торгсин должен был играть по правилам рынка, в полной мере ощутив бессилие перед властью монополий и прибыли. Не имея возможности влиять на позицию крупных иностранных банков и фирм, Торгсину оставалось только одно – отказаться от их услуг[634].

Через разветвленную сеть агентов и субагентов Торгсин проник не только в крупные центры, но и в отдаленные провинции многих иностранных государств. В 1933 г. в США и Канаде на Торгсин работали 24, в 1933 – 1934 гг. – 33, а в первой половине 1935 г. – более 40 организаций[635]. В 1933 г. Амторг вел рекламу Торгсина в 75 городах США[636]. В 1935 г. представительство Торгсина в США даже использовало новшество – радиорекламу. По словам того же Гордеева, из-за сопротивления американских банков, которые «поднимали вой о конкуренции», он ограничил круг своих партнеров наиболее крупными компаниями и фирмами, которые сами затем расширяли на периферии сеть своих субагентов по приему переводов на Торгсин. Например, партнер Торгсина в Канаде «Canadian Pacific Express Company» имел две тысячи своих собственных агентов, которые принимали от населения поручения на переводы денег[637]. Через субагентов американских партнеров торгсиновское дело проникло даже на Кубу и в Мексику[638].

Советские граждане разными способами использовали денежные переводы, которые поступали им из-за границы на счет Торгсина[639]. В случае «нецелевого перевода» денег – люди лично приходили в торгсиновский магазин и покупали товары по своему выбору на причитавшуюся им сумму. По «целевому переводу» клиенты Торгсина не имели права выбора – их родственники и друзья за границей оплачивали готовые стандартные товарные и продовольственные посылки, которые предлагал прейскурант Торгсина[640]. Торгсин обязывался доставить посылки по указанному адресу и в срок. Отправкой иногородних посылок по валютным переводам из-за границы занимался отдел Торгсина в ГУМе[641]. По терминологии Торгсина целевые денежные переводы назывались потребительскими.

Они были особенно важны для тех людей, кто жил к городах и поселках, где не было торгсиновских магазинов. Операции с товарными посылками, таким образом, были тесно связаны с операциями по зарубежным денежным переводам, в структуре Торгсина ими занималось одно и то же управление.

Советское государство с первых лет своего существования старалось контролировать поток товарных посылок из-за границы, установив государственную монополию внешних посылочных операций. На практике это означало, что человек за рубежом не мог прийти в любое отделение почтовой или транспортной службы и отправить посылку в СССР. Право отправлять посылки в СССР имели только те фирмы, которые получили лицензию советского правительства. До появления Торгсина посылками из-за границы, кроме таможни, занимались Совфрахттранспорт и Совторгфлот: первый ведал выдачей лицензий-разрешений иностранным фирмам, второй – обеспечивал перевозки[642]. 20 сентября 1931 г., через два дня после разрешения принимать валютные переводы из-за границы, Торгсин принял от Совфрахттранспорта и посылочные операции[643].

Посылки из-за границы представляли одну из важных статей валютных доходов государства, которые складывались из таможенных пошлин, почтовых сборов и комиссионных отчислений иностранных агентов от стоимости товаров в посылках[644]. Таможенные пошлины среди этих начислений представляли наиболее весомую сумму. Они были столь высоки, что государство пыталось их не афишировать. В декабре 1931 г. директор Управления по посылочным операциям Берлинский писал Франсфрахту (отделение Совфрахттранса) в Париж: *«Немедленно изъять из употребления и уничтожить штамп с обозначением "Взимание пошлины в инвалюте"... Взимание пошлины в инвалюте ни в коем случае не должно быть расшифровано перед кем бы то ни было и таковую пошлину надлежит взыскивать в виде дополнительного процентного начисления на каждый отдельный товар»*[645]. Пошлины взимались с иностранного отправителя посылки в виде обезличенной части ее стоимости, скрываясь под рубрикой «комиссия». Но этот «секрет» за границей быстро разгадали. Из-за высоких таможенных пошлин общая, так называемая аккордная, стоимость посылок в несколько раз превышала стоимость находившихся в них товаров[646]. Посылка из Риги женских туфель и двух пар шерстяных чулок, общей стоимостью 53 руб. 75 коп., стоила отправителю 112 руб. 30 коп., а посылка с плюшевым медвежонком и парой детских ботинок, стоимостью 65 руб. 60 коп., после начисления пошлин и прочих расходов – 134 руб. 50 коп (месячная зарплата многих рабочих в начале 1930-х гг.)[647].

Советское государство регламентировало количество посылок из-за рубежа и нормы «вложения». Основные продукты питания и товары первой жизненной необходимости относились к лицензионным товарам и находились под особым контролем. Без лицензий разрешалось посылать только товары второстепенной важности и «излишества». Наркомвнешторг совместно с Наркомфином и Наркоматом почт и телеграфов определял их список[648]. Однако в связи с валютным и продовольственным кризисом в 1931 г. правительство приняло ряд мер, которые облегчили для советских граждан получение из-за границы товаров личного потребления, особенно продовольствия. Нормирование продуктов, которые поступали советским людям в посылках из-за границы, было отменено[649]. Изменены были и правила уплаты таможенных пошлин: до осени 1931 г. пошлину уплачивал получатель в СССР, теперь ее должен был платить иностранный отправитель. Это было выгодно не только советскому человеку, но и государству, которое теперь получало пошлины не в рублях, а в столь нужной для индустриализации иностранной валюте[650]. Кроме того, Совнарком установил на «потребительские» посылки ставки таможенных пошлин ниже, чем на товарные, которые приходили по заказам организаций. Сравнительно низкими (35% от цены посылки) были ставки таможенных пошлин на муку, рис, крупу[651]. Наркомвнешторг также просил Таможенное управление дать добро на зарубежные посылки с ношеными вещами, которые ранее не разрешалось посылать в СССР[652]. Об этом просили иностранцы, соглашаясь платить за них пошлины как за новые вещи: в условиях экономической депрессии и безработицы на Западе эмигрантам было легче поделиться старыми вещами, чем покупать новые[653].

По словам современника, белоэмигрантские газеты Нью-Йорка, Парижа, Берлина, Риги, Харбина и Шанхая пестрели объявлениями «предприимчивых спекулянтов» об отправке продовольственных посылок в СССР[654]. Принимая заказы по высоким ценам Парижа, фирмы закупали продукты и отправляли посылки из Риги или Берлина, выгадывая на разнице товарных цен и почтовых расходов. Навар, по мнению советского руководства, мог составлять до четверти стоимости посылок[655]. Появление Торгсина представляло угрозу посылочному бизнесу белоэмигрантских фирм. Иностранцы могли теперь перевести деньги на Торгсин, предоставив своим близким в СССР самим выбрать продукты и товары в его магазинах. Количество частных посылок из-за границы с появлением Торгсина упало. По словам директора Управления посылочных операций Торгсина, белоэмигранты ответили агитацией против Торгсина, якобы завышая его цены против установленных в торгсиновских прейскуран-

тах[656]. Призывы к бойкоту советских товаров «играли» на патриотических и идейных настроениях эмигрантов. Листовка «Русский позор» Российского Имперского Союза, обосновавшегося в Париже, являет образец гастрономического измерения политической борьбы. Она перегружена лозунгами и призывами типа *«Кто НЕ ПРОТИВ большевиков, тот ИХ СООБЩНИК!», «Право на отдых имеют только мертвые», «Помогите Имперцам закрыть советскую лавочку», «КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН НАМ ПОМОЧЬ»*[657]:

«Русские люди!

Знаете ли вы, как вы помогаете чекистам? За истекший 1930 год вы внесли в кассу Торгпредства 18 миллионов франков, покупая Советские продукты.

На эти деньги содержится во Франции ГПУ. Генерал Кутепов был похищен на Ваши деньги.

Каждый ваш франк – пуля в голову Ваших братьев, отцов, матерей, сестер, родных и близких.

Ваша мягкотелость, Ваше безволие и недомыслие создают силу Вашему врагу и заставляют сомневаться в Вашей пригодности к борьбе за национальную Россию, о которой на словах Вы мечтаете.

Если вы не способны отказаться от нежинскаго огурчика, советскаго консерва, красной или даже зернистой икры, то вы не способны ни на какой подвиг героической творческой борьбы с врагом.

Каждое крымское яблочко, каждый кусок балыку пропитаны русской кровью. Каждый советский продукт – это ритуальный хлеб из русской крови на алтарь Сатанинской власти.

За рюмкой водки – Вы, русские эмигранты, разделяете кровавое пиршество русских палачей».

Да, прочитаешь такую листовку, и «кусок балыку» в горле застрянет. Хотя другой современник, тоже эмигрант, но не в Париже, а в Харбине, сомневаясь в гастрономическом патриотизме борцов с Советской властью, писал, что *«ни один порядочный белогвардеец не откажется от настоящей русской выпивки и закуски, какие бы «идейные» мотивы его к этому не побудили»*[658].

Покончив с укорами, листовка Имперского Союза призывала действовать:

«Компромисса и самооправдания быть не может. Вы все, каждый должен это понять. Из малого складывается большое; сегодня советская селедка – завтра донос в ГПУ.

ПОЭТОМУ Русский эмигрант!

Если ты считаешь себя русским, честным человеком – ты с сегодняшнего дня не будешь больше участвовать в этом позорище.

ТЫ НИКОГДА не купишь ничего Советскаго.

Ты потребуешь, чтобы твой лавочник перестал бы быть советским торговым агентом, предупредив его в противном случае о БОЙКОТЕ.

Ты убедишь родных и знакомых делать то же самое.

Мы зовем всех помочь нам словом и делом.

Всякий желающий принимать участие в реальной работе по борьбе с советчиками должен начать с малаго. Это малое здесь – больше чем платоническия мечтания о свержении власти в Москве и гадания в Парижских кафэ о сроках возвращения в Россию.

БЕЗ БОРЬБЫ ничего не делается – ОСОБЕННО РОДИНА.

Будет сделано только то, что ты сделаешь сам.

Посещайте открытыя собрания Российского Имперского Союза

Наш принцип – Слово и Дело.»

Призывы бойкотировать советские товары соседствовали с приглашением к доносительству: *«Сообщайте нам адрес ресторанов, где Вы видели советские продукты», «Сообщайте нам, что Вам было отвечено на Ваш протест»*. Призывая русских эмигрантов поддерживать тех, кто не торгует с большевиками, листовка сообщала адреса их магазинов и ресторанов, превращаясь из политического рупора в торговую рекламу.

«Очнись!» – члены Имперского Союза обращались к совести и чести «русских торговцев и рестораторов», призывая их прекратить иудино дело закупки советских продуктов, перестать поддерживать тех, кто их ограбил и лишил Родины и близких. *«Честный торговец имеет чистый товар, торгаш – любой»:* листовка призывала вернуться в «эмигрантскую семью, неприявшую советчиков» и, продавая местные продукты, помочь «гостеприимно приютившей стране», которая, не без помощи большевиков, к тому же переживала экономический кризис. Призывы сопровождались прозрачными угрозами: *«Не удивляйтесь увидеть ваши имена в позорных списках; мы не отвечаем за последствия, которыя вызовут эти списки в возмущенной вами эмигрантской и патриотически настроенной французской среде»*. Торговцам-патриотам листовка обещала место в списках «не потерявших РУССКУЮ ЧЕСТЬ» и рекламу.

Торгсин тоже агитировал, но не клиентов и продавцов, а советское правительство, требуя прекратить выдачу иностранным фирмам лицензий на отправку посылок в СССР[659]. Идейно-политические причины – большое количество враждебных делу социализма эмигрантов в посылочном бизнесе – имели вес, хотя более важными в то время были валютные доводы. До появления Торгсина значительная часть доходов от посылочных операций, включая и стоимость товаров в посылках, оставалась за границей. Ограничив от-

правку посылок в СССР каналами Торгсина, государство получило бы значительный валютный эффект[660]: иностранцы будут платить и за посылочные расходы и за стоимость советских отечественных товаров, цены на которые устанавливало советское правительство. Истина была проста: гораздо более выгодно было продавать *за валюту* муку голодным дома, чем выбрасывать ее за бесценок на мировой рынок в условиях экономической депрессии на Западе.

Наркомвнешторг взял курс на замену посылок из-за границы продажей стандартных посылок из магазинов Торгсина в счет валютных денежных переводов[661]. Осознавая, что прямой запрет на частные посылки в СССР будет расценен на Западе как нарушение международных торговых соглашений, Наркомвнешторг планировал убрать иностранных соперников ужесточением выдач лицензий и запретительно высокими таможенными пошлинами. В ноябре 1931 г. Наркомвнешторг предписывал торгпредствам сокращать операции по договорам с иностранными фирмами, но «умело и без осложнений», с тем чтобы инвалютные переводы постепенно «уничтожили и заменили» посылки в СССР из-за границы[662]. В декабре директор Управления посылочных операций приказывал советским агентам за рубежом: *«Договоры на продовольственные посылки больше не заключайте, только на вещевые с солидными национальными фирмами по определенной номенклатуре»*[663]. Наркомвнешторг просил правительство отменить установленный им в начале 1930-х гг. режим относительного благоприятствования для получения личных потребительских посылок, шедших в СССР из-за границы, установив на них максимальный тариф[664]. Удовлетворение валютных интересов государства в очередной раз достигалось ценой ущемления интересов советских людей.

Наркомвнешторг не был единоличным автором идеи о замене посылок из-за границы валютными переводами на советское торговое предприятие типа «Торгсин». О пользе подобной посылочной монополии в июле 1931 г. писал некто Эли (Илья) Евелевич Магарам, живший в Шанхае. Он прислал в Наркомвнешторг любопытное письмо[665]. Отрекомендовавшись советским гражданином и литератором и сославшись на якобы знавших его А.В. Луначарского[666] и Л. М. Карахана[667], Магарам высказал озабоченность по поводу расцвета белоэмигрантских контор, занимавшихся отправкой пищевых посылок в СССР. *«Если подобные продовольственные посылки находили свое оправдание в голодные годы, во время гражданской войны, то в настоящее время они являются полнейшим абсурдом»*, – писал он. В самом деле, недоумевал Магарам, зачем Советскому Союзу, который весь мир обвиняет в демпинге продовольствия – хлеба, сахара, крупы, – разрешать замаскированно ввозить «назад» эти

продукты тысячами тонн в виде посылок, к тому же позволяя наживаться своим идейным врагам. Но судя по тому, – продолжал Магарам, – что россияне за границей согласны платить на вес золота за небольшую посылку в СССР, потребность в этих посылках велика. Старательно избегая логичного вывода о голоде в СССР, Магарам примирительно соглашался: ну что ж, если советское правительство не против, пусть эмигранты подкармливают своих родственников в СССР, освободив советские организации соцобеспечения от ненужных расходов, ведь большинство получателей посылок в СССР, по его мнению, являлись «элементом престарелым, деклассированным, нетрудовым». Но зачем давать наживаться врагам, если можно взять «золотую валюту» себе! – почти кричал он.

То, что Магарам предложил советскому руководству, было предвосхищением посылочных операций Торгсина: Наркомвнешторг должен составить типовые посылки из отечественных продуктов и продавать на них ордера за границей тем, кто хочет помочь своим родственникам в СССР. Получателю ордера в СССР останется лишь легко и просто обменять его на продукты в любом пункте страны. Реализация этого предложения, по мнению Магарама, принесла бы советской стране миллионы рублей в валюте. Кроме практической выгоды, есть и политическая – белой эмиграции придется раскошелиться и, помогая родственникам, отдавать валюту на индустриализацию, укрепление СССР. Продовольственные посылки становились оружием политической борьбы. Кроме того, продолжал Магарам, иностранцам будет удобней и надежней иметь дело с советским государством, чем с проходимцами из белоэмигрантских контор, да и «деклассированный и престарелый» потребитель в СССР получит свежими скоропортящиеся продукты – яйца, мясо, рыбу. Эх, знать бы Магараму, который по привычке считал дефицитными экзотические кофе и какао, что теперь обыденных продуктов – хлеба, яиц, мяса, рыбы – в советской стране не найдешь «днем с огнем».

Перечисляя выгоды, Магарам упустил один важнейший довод в пользу замены посылок из-за границы валютными переводами на Торгсин. В условиях голода и монополии государственного снабжения советское правительство могло назначать в Торгсине цены выше мировых или советских экспортных цен. Об этом в Наркомвнешторг писал другой добровольный советчик и адвокат замены заграничных посылок денежными переводами на Торгсин. В архиве сохранилось его безымянное письмо. Оно напечатано на машинке с дореволюционным шрифтом, что может свидетельствовать о том, что его автор, как и Магарам, был сочувствовавшим Советскому Союзу эмигрантом. Вероятно, он жил в Германии, так как исчислял

цены в немецких марках. Автор письма предлагал советскому правительству то же, что и Магарам, – продавать за границей ордера на посылки, которые составлялись бы из отечественных продуктов в СССР. В подтверждение выгодности предприятия, он привел интересную статистику цен: тонна муки за границей стоила 206, а в СССР в три с половиной раза больше – 750 марок[668]. Не зная о Торгсине, но предвосхищая его, автор письма назвал предприятие по продаже ордеров на продовольственные посылки «Обществом заказанных продуктов». Он намекнул, что мог бы взять на себя продажу ордеров за границей. Оба письма, Магарама и анонимное, остались в архиве Торгсина – значит, на них обратили внимание.

Правлению Торгсина и Наркомвнешторгу не удалось уговорить руководство страны *совсем* запретить товарные посылки из-за границы в СССР, но из-за астрономически высоких таможенных пошлин иностранцам стало выгоднее перевести валюту на Торгсин и там заказать товары для друзей и родственников: с началом новых операций в Торгсине валютные переводы на его счет в значительной степени заместили частные посылки из-за границы. Переводо-посылочные операции в Торгсине продолжались вплоть до его закрытия. Западные архивы и иностранные журналы первой половины 1930-х гг. хранят его прейскуранты, бланки денежных переводов и рекламные объявления[669]:

«Для Ваших Родственников в России –

Три Вида Услуг Торгсина – Все Совершенны:

Услуги А *– Долларовые Переводы на Торгсин,*

на которые ваши родственники покупают товары в магазинах Торгсина

Услуги В *– Заказы на Товары,*
которые вы выбираете здесь из официального прейскуранта Торгсина

Услуги С *– Стандартные Посылки,*
подготовленные нами, чтобы сберечь ваше время

НАДЕЖНАЯ И БЫСТРАЯ ДОСТАВКА
В ЛЮБУЮ ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ РОССИИ
ВАШИМ РОДСТВЕННИКАМ НЕ НУЖНО НИЧЕГО ПЛАТИТЬ
НИКАКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ – НИКАКИХ ПЛАТ В РОССИИ»

Реклама Торгсина усиливалась в дни праздников, неважно, что они были религиозными:

ЕВРЕЙСКАЯ ПАСХА

МЕШОК МУКИ
ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА – ОТЛИЧНЫЙ ПОДАРОК
К ПРИБЛИЖАЮЩИМСЯ ПРАЗДНИКАМ

ПОШЛИТЕ ЗАКАЗ НА ТОРГСИН ПО РАДИО
ИЛИ ТЕЛЕГРАФУ

ЦЕНЫ ***выгоднее, чем в Америке***

Реклама пугала суровой зимой:

ЗИМА в СССР (РОССИЯ)

ДЕНЕЖНЫЙ ПЕРЕВОД НА ТОРГСИН
позволит вашим родственникам и друзьям в СССР купить теплую одежду, обувь, белье, продукты... Эти подарки будут вдвойне ценны в приближении долгой Русской зимы

... и играла на настроениях людей, переживших долгую зиму:

«США Торгсин СССР
ВЕСЕННИЕ ***ПОДАРКИ***
для ваших
РОДСТВЕННИКОВ
и ДРУЗЕЙ в СССР».

В голодные годы первой пятилетки продукты были главной приманкой рекламы денежных переводов на Торгсин. Правду говорила реклама – мешок муки *был* в то время лучшим подарком советскому человеку, не случайно слова «мука» и «продукты» в рекламе шли жирным шрифтом и заглавными буквами. С улучшением продовольственной ситуации в стране и отменой карточек в середине 1930-х гг. Торгсин стал искать новые соблазны для привлечения валютных переводов из-за границы. Реклама «специальных предложений» Торгсина гласила: *«Торгсин предлагает услуги, которые не могут дать универмаги: он обеспечит получателю перевода отдых на курорте или в санатории, покупку театральных билетов, перевозку предметов домашней обстановки. Цены – разумные. Месячный отдых на курорте Крыма стоит 65 долларов, в Кисловодске, Железно-*

водске, Ессентуках на Кавказе – 70 долларов, а в Сочи и Мацесте на Черном море – 80 долларов. Выбор курорта определяется требованием и желанием клиента». Далее – фотография черноморского курорта и обещание-утверждение, что Кавказ не уступает по красоте Калифорнии.

Правление Торгсина требовало создать наилучшие условия для получателей переводов – бронировать для них товары, обслуживать в кассах вне очереди, но заманчивые обещания и клятвенные заверения рекламы не могли одурачить человека, знакомого с советской сферой услуг и быта. Переводы и посылки задерживались на месяцы или вовсе терялись. По свидетельству официального документа, более 260 посылок, отправленных в августе 1933 г. в СССР из Риги, были потеряны[670]. В конце 1933 г. представитель Торгсина в США писал о сотнях невыполненных заказов по переводам 1931 и 1932 гг. [671] Торгсин порой просто не имел товаров, на которые поступали денежные переводы из-за границы, мука была главным и наиболее дефицитным из них. Люди вынужденно выжидали, а срок действия ордера денежного перевода – три месяца с момента выписки – истекал. Чтобы не потерять деньги, приходилось брать то, что дают. Вначале получатели переводов могли отоварить их в любом магазине Торгсина, но с 1934 г. их стали «прикреплять» к определенным магазинам, что сузило возможность выбора товаров, вызвало поток жалоб клиентов и нарекания на неудобства.

Порой случались и вовсе курьезы, достойные пера Зощенко. В апреле 1932 г. в Ленинградский торгсин пришла некто Соня Лейзеровна Горелик и предъявила извещение о переводе на ее имя денег из Нью-Йорка[672]. Два месяца спустя в тот же магазин пришла другая Соня Лейзеровна Горелик. Она принесла письмо от родственников из Нью-Йорка, которые сообщали, что уже несколько месяцев назад отправили ей денежный перевод. Выяснилось, что извещение о переводе пришло не к той Соне Горелик и что деньги ей были выданы по ошибке. Агент Торгсина тут же направился к Соне Горелик № 1 домой. Там он узнал, что она уже потратила деньги, купив в Торгсине две плиссированные юбки, жакет и отрез вельвета. Жакет Соня Лейзеровна уже успела поносить. Торгсин забрал и юбки, и отрез, и ношеный жакет[673]. В этой истории обращает внимание не столько существование полной тезки, сколько то, что Соня Лейзеровна № 1 не удивилась переводу денег из США. У какого еврея нет там родственников?

Вопреки заверениям рекламы, цены на товары в Торгсине вовсе не были выгоднее западных цен на продукты. Представители Торгсина за границей признавались в этом и просили о снижении цен[674]. Кроме того, советское руководство для «увеличения валютного эффекта» при расчете цен в зарубежных прейскурантах Торгсина манипулировало новым паритетом доллара к золоту, установленным в США в начале 1934 г.: внутри СССР доллар приравнивался к 1 руб. 94 коп., что составляло 51–52 цента за рубль, а в прейскурантах Торгсина в США в 1934 г. цены были определены из расчета 86 центов за рубль. Так, шоколадка стоимостью в 20 коп., будь куплена в Торгсине в СССР, стоила бы иностранцу 10 центов, в посылке же он платил за нее Торгсину – 17 центов[675].

Точный и полный валютный эффект посылочных операций Торгсина трудно определить. Для этого нужно знать, сколько валюты советское государство потеряло на таможенных пошлинах в связи с сокращением числа товарных посылок из-за границы и сколько валюты выиграло на разнице мировых, внутренних и экспортных цен, а также экономии расходов по экспорту, и многое другое. Кроме того, в архивах не сохранилось данных ни об общем количестве посылок, посланных Торгсином, ни об их суммарной стоимости. О валютном эффекте посылочных операций можно судить только косвенно по размерам зарубежных денежных переводов на Торгсин.

Архивная статистика валютных переводов на Торгсин учитывает деньги, поступившие через Внешторгбанк, где Торгсин имел свой валютный счет, и Госбанк[676], а также те деньги, что приходили по ордерам и чекам, выписанным непосредственно на Торгсин[677]. Однако приток денег из-за границы был больше того, что показывает статистика переводных операций Торгсина, так как валюта поступала в СССР и «неорганизованным порядком» – ценными пакетами по почте и контрабандой. В этой связи интересно письмо Главного таможенного управления, которое пришло в Торгсин в октябре 1931 г.: *«По фактуре лицензии за № 14614 Рижского филиала Совфрахттранспорта прибыла почтовая посылка на имя гражданки Трифсик, гор. Витебск, Орловская 9, содержащая 4,4 кг муки, 3 кг рису, 2 кг крупы. Посылка направлялась через фирму М. Рурари – Рига. При таможенном досмотре в посылке обнаружено в муке 8 штук по 5 червонцев соввалюта, всего 400 рублей. Посылка вместе с деньгами конфискована... С такими фирмами заключать договора не желательно»*[678]. В данном случае вместе с мукой прислали советские деньги, но что помешало бы переслать подобным способом доллары или марки? Главное таможенное управление, Торгсин и советские торгпредства признавали значительный размах подобных «неорганизованных переводов»[679].

Оценить сумму валюты, которая попала к советским людям, а затем в Торгсин контрабандой, можно лишь приблизительно. Общая сумма *наличной* иностранной валюты, поступившей в Торгсин за время его существования (*без денежных переводов*) составила

42,4 млн золотых руб., или около 15% всех ценностей, скупленных Торгсином[680]. В этой «живой» валюте, которую люди принесли в Торгсин, есть и наличные деньги зарубежных туристов и иностранцев, проживавших в СССР, но в ней содержится и та, что поступала к советским гражданам нелегально.

В статистике Торгсина денежные переводы из-за границы учитывались не в национальных валютах – польских злотых, американских долларах или монгольских тугриках, а переведены в рубли по официальному обменному курсу, установленному советским руководством, что позволяет сравнить объемы денежных поступлений по годам и странам[681]. Деньги на Торгсин начали поступать из-за границы в сентябре 1931 г. Благодаря быстро распространявшейся молве о новом виде операций Торгсин легко перевыполнил план, намеченный на остаток года, собрав 1,3 млн руб. (*табл. 17*)[682]. Средний размер перевода составлял 60 руб.[683] Деньги поступали, главным образом, из США.

План Торгсина на 1932 г. требовал значительного роста операций по денежным переводам. Главным препятствием к его выполнению стала Великая депрессия на Западе. В те годы жизнь за границей была не сладкой, но, несмотря на собственные трудности, люди старались помочь своим друзьям и родственникам в СССР. В сентябре 1932 г. Наркомвнешторг отмечал, что *ежедневно* на Торгсин поступало 700–800 переводов из-за границы[684]. Посылали в основном мелкие суммы, так что общий итог года оказался не столь уж значительным – 10,5 млн руб. (*табл. 17*)[685]. По данным торгпредств наибольшее число переводов в 1932 г. пришло из США: за первую половину года переводы из этой страны составили 40% общей суммы денег, поступивших из-за границы на счет Торгсина [686].

В 1933 г. руководство Торгсина сделало ставку на голод: первоначальный план переводов в 14 млн руб. был увеличен до 18 млн[687], но ожидания на существенный рост помощи с Запада голодавшим в СССР не оправдались. Новый план не был выполнен (*табл. 17*)[688]. Наибольшая сумма переводов поступила во втором квартале – весной – в начале лета голод свирепствовал с особой силой[689]. Регионами наибольшего притяжения денег в 1933 г. были Белоруссия и Украина, особенно Винница, Киев и Одесса, где переводы составляли от 25 до 50% общей суммы ценностей, скупленных этими конторами[690] (в среднем по стране переводы колебались на уровне 12%). В 1933 г. в Украину из-за границы через Торгсин пришло 6,3 млн руб. – почти половина всех переводов по стране! В общей сумме ценностей – 24,5 млн руб., скупленных украинскими конторами Торгсина в 1933 г., переводы стали самой весомой группой (26%), обогнав даже золото[691]. Для сравнения: в 1933 г. в Москву и область

пришло из-за границы денежных переводов всего лишь на 1,8 млн руб.[692] География переводов определялась не только географией голода, но в большой степени и эмиграционными потоками из России, ведь деньги в основном приходили от родственников. Денежные переводы в Белоруссию и Украину были в значительной степени еврейскими[693] – помощь от тех, кто уехал из этих регионов в США и Канаду еще до революции, спасаясь от погромов. В 1932–1933 гг. более половины (60%) денег из США поступали из Нью-Йорка[694]. Существенная помощь – тоже в основном еврейские деньги – в 1933 г. пришла из Польши и с Ближнего Востока[695]. Казахстан, Черноземный центр России и другие регионы, которые тоже голодали, но не были связаны массовой эмиграцией с заграницей, не могли рассчитывать на существенную денежную помощь.

В географии переводов на Торгсин в 1933 г. абсолютно лидировал США (с Канадой). Затем, значительно отставая от Северной Америки, шла Германия, откуда помощь поступала в основном немцам Поволжья. Третью позицию занимала Франция – российские беженцы от революции помогали оставшимся в СССР родственникам и друзьям. Выделялись также Китай и Монголия – оттуда на Торгсин шли деньги «белых» эмигрантов и советских граждан, работавших на КВЖД[696]. В группу лидеров входила и Англия[697].

Определяя план на следующий, 1934 год руководство Торгсина рассчитывало на сумму, бóльшую, чем та, что поступила в голодном 1933 г. – 19 млн руб.[698] Трудно сказать, были ли эти расчеты основаны на ожидании новых «продовольственных затруднений» или же руководство до конца не осознало, что рост денежных переводов в 1933 г. имел чрезвычайный и вынужденный характер – в условиях повальной безработицы эмигранты за границей «отрывали от себя» совсем не лишнее, пытаясь спасти умиравших в СССР. План 1934 г. во многом был слепком результатов 1933 г.: главная ставка делалась на российскую эмиграцию Северной Америки, Германии, Польши, Франции, Англии и Китая[699]. Основными получателями денег по плану оставались украинцы и евреи Украины и Белоруссии, а также немцы Поволжья[700]. Хороший урожай и стабилизация продовольственного положения в СССР предопределили провал плана 1934 г. Торгсин получил в денежных переводах только 11 млн руб. (*табл. 17*)[701]. Наибольшее падение суммы денежных переводов произошло по Северной Америке. Группа лидеров среди стран-переводоотправителей была предсказана верно, хотя в их иерархии в 1934 г. произошли небольшие перестановки[702].

В период заката деятельности Торгсина, в связи с резким падением сдачи населением драгоценных металлов, денежные переводы должны были стать главной валютной статьей Торгсина[703]. Правле-

ние надеялось в 1935 г. получить из-за границы денег больше, чем в прошлом году – 14 млн руб. (*табл. 17*). Однако уже первые месяцы нового года показали несбыточность этих надежд. План был уменьшен[704]. В 1935 г. Торгсин получил в денежных переводах из-за границы 9,7 млн руб., не дотянув даже до сниженного годового плана[705]. Вместе со стабилизацией продовольственного положения в стране произошла и стабилизация валютных переводов из-за границы: ни резких всплесков, ни неожиданных падений – ежеквартально в СССР поступало около 2,5 млн руб.[706] В 1935 г. по-прежнему лидировала Северная Америка (3,5 млн руб.), далее шли Франция (800 тыс. руб.), Ближний Восток (720 тыс. руб.) и Польша (700 тыс. руб.). Германия, которая традиционно занимала вторую, после Северной Америки, позицию по переводу денег в СССР, уже в 1934 г. уступила свое место Польше, а в 1935 г. стремительно переместилась на несколько позиций вниз, уступив теперь также и Франции, и Китаю, и сравнявшись по переводам с Ближним Востоком[707]. Почему это произошло?

В отличие от римского императора Веспасиана, который считал, что деньги не пахнут, советских руководителей порой беспокоил антисоветский «душок», шедший от заграничной помощи. В середине 1930-х гг. золотовалютная проблема в СССР уже не стояла так остро, как в начале десятилетия, и государство могло позволить себе идейно-политическую разборчивость. В 1934 г. правительство запретило Торгсину принимать переводы из Германии и Швейцарии, приходившие в основном в Республику Немцев Поволжья через организацию «Братья в нужде». Запрет на переводы объяснялся тем, что сбор денег в помощь советским немцам сопровождался антисоветской пропагандой, заявлениями о притеснении немцев в СССР и голоде: валютный экстремизм советского руководства имел «идеологические» пределы. Все переводы, шедшие через Внешторг и Госбанк, просматривались в Москве для установления личности отправителя, а те, что приходили, минуя банковские каналы, могли оплачиваться только после запроса иностранных агентов о личности отправившего деньги. После 20 мая 1935 г. такие переводы вообще подлежали аннулированию[708]. Госбанк требовал от своих отделений не оплачивать переводы из Германии и Швейцарии и не посылать адресатам извещений о получении денег. Партийные комитеты проводили среди крестьян работу, разъясняя, что деньги являются «гитлеровской помощью». В Республике Немцев Поволжья НКВД организовал показательные кампании отказа от «фашистских» денег, пусть даже они приходили от родственников. Неподчинившихся крестьян выгоняли из колхозов. В ответ западная пресса разразилась кампанией против посылки переводов на Торгсин, ссылаясь на

многочисленные случаи вынужденных отказов советских граждан от получения денег и преследования людей, получавших переводы[709]. Падение денежных переводов из Германии в 1934–1935 гг., таким образом, не было неожиданностью для советского руководства, оно было не только ожидаемо, но и запланировано[710].

После того, как по решению правительства Торгсин прекратил скупку драгоценных металлов и камней[711], прием денежных переводов из-за границы наряду с обслуживанием иностранных моряков в советских портах оставались его единственными и последними валютными операциями. План по переводам на 1936 г. был определен в 8 млн руб., что составляло половину общего валютного плана Торгсина на тот год[712]. Найти данные о выполнении этого плана не удалось. Думаю, что их и не существует: Торгсин прекратил свое существование уже в феврале 1936 г. Денежные переводы из-за границы в СССР продолжали поступать, но уже не на Торгсин, а на счета Госбанка и Внешторгбанка, которые выплачивали получателям сумму в рублях. Всего за время своего существования Торгсин получил из-за границы в переводах валюты на сумму почти 47 млн руб. (*табл. 17*), что составило более 16% всей суммы ценностей, скупленных Торгсином. Этих денег хватило для покупки импортного оборудования для Магнитки[713].

Шипчандлеры и портовое хозяйство

«Отречемся от старого мира?» Крепостные клиенты. Советские бордели и пролетарские проститутки. Война миров: Интерклубы против портовых торгсинов. Кошелек или идея? Слуга двух господ. Будни советского шипчандлера. Бар-мышеловка. Советский сервис как оружие массового уничтожения. Безналичная валюта

Не будет большим преувеличением сказать, что Торгсин вырос из портовой торговли – шипчандлерства. Названия его контор начала 1931 г. повторяли список портов Советского Союза: Архангельск, Владивосток, Новороссийск, Одесса, Херсон, Николаев, Поти, Феодосия, Таганрог...[714] По мере переориентации Торгсина на ценности советских граждан, шипчандлерство, некогда бывшее основной, превратилось во второстепенную операцию Торгсина. Валютные доходы от портового хозяйства оказались невелики, но шипчандлерство, пожалуй, ярче, чем другие операции Торгсина, раскрыло суть этого уникального государственного предприятия – отказ от идейно-классовых принципов в угоду чистогану.

До появления Торгсина портовая торговля находилась в ведении акционерного общества «Совторгфлот». В то время снабжение иностранных судов в советских портах носило случайный характер: капитаны покупали товары только в экстренных случаях. Создание портовых торгсинов было частью общего процесса мобилизации и централизации валютных средств на нужды промышленного развития. Торгсин призван был превратить портовую торговлю в канал стабильного притока валюты государству. В октябре 1930 г. Совторгфлот передал свое небогатое шипчандлерское хозяйство Портовому сектору Торгсина (позднее реорганизован в Портовый директорат)[715]. Споры валютных ведомств о том, какие деньги принимать от капитанов, закончились запретом торговать за рубли[716]. Государство интересовала только «эффективная», то есть иностранная валюта.

По словам его руководителей, Торгсин представлял первый мировой опыт «централизованного снабжения иностранных пароходов», что, по их мнению, требовало особых социалистических форм работы[717]. Анализ документов, однако, показывает, что обслуживание иностранных моряков в советских портах во многом повторяло дореволюционную практику. Значительное число работников портовых торгсинов были шипчандлерами частных фирм царского времени. Они принесли с собой в Торгсин «пороки капитализма» – взятки, социальную сегрегацию, спаивание моряков, использование проституток для раскрутки клиентов. Хотя и советской специфики – безхозяйственность, низкое качество продуктов и услуг, а также вездесущность ОГПУ – было хоть отбавляй.

По прибытии иностранного судна в советский порт на его борт поднимался шипчандлер Торгсина и предлагал капитану сделать заказ на пополнение запасов продовольствия, горючего, топлива и стройматериалов. Чтобы заинтересовать капитана, шипчандлер платил ему «гратификационные» – благодарственную сумму, премию, составлявшую процент со сделанного заказа. Гратификационные были «срисованы» с практики капиталистических портов и представляли легализованную взятку. Советская специфика нашла выражение в идейно-классовом оправдании взятки: торгсиновские руководители подчеркивали, что они платили деньги не капиталисту – владельцу парохода, эксплуататору и гноителю рабочих, а наемному работнику, каким, по их мнению, был капитан[718].

Прибыв на иностранный пароход, шипчандлер Торгсина оповещал моряков и о том, что к их услугам в порту работали бар или ресторан Торгсина, а также магазин, где можно было купить сувениры, антиквариат, меха и другие товары. Капитан судна решал, какую сумму денег судовая команда могла потратить на берегу, и чтобы

сделать его пощедрее, шипчандлер Торгсина вновь платил ему премиальные – процент с разрешенной суммы. Тут начиналось самое интересное: ОГПУ запрещало иностранным морякам брать на берег валюту. Капитан должен был запереть ее в опломбированном сейфе на судне[719]. На руки команда получала боны Торгсина, по сути превращаясь в его крепостных клиентов: на все время стоянки они прикреплялись к портовому торгсину, другие магазины не принимали торгсиновские деньги[720].

Моряк мог избежать крепостного права и обзавестись рублями, дававшими экономическую свободу, только став спекулянтом. Фарцовщики, валютчики и проститутки, которые, несмотря на пропускной режим в портах, роились около торгсинов, объясняли моряку нехитрые азы жизни в условиях экономики дефицита – «нет ли чего продать?» Интерклубы – центры революционной пропаганды среди моряков в советских портах – жаловались на «крепостное право» Торгсина[721]. По словам бюро фракции Одесского райкомвода, чтобы посетить «культурное учреждение» – театр или кино, или «попить чаю и скушать бутерброд» в буфете интерклуба, моряку порой приходилось продавать что-то из своей одежды или спекулировать товарами и бонами Торгсина. В 1933 г. после продолжительного разбирательства в верхах дела о «крепостном хозяйстве» Торгсина иностранным морякам, наконец, разрешили переводить кредит, открытый для них в Торгсине, на буфеты интерклубов. Однако Торгсин, не желая терять валюту, не афишировал новшество. Один из моряков жаловался, что только после «долгих и тяжелых усилий» узнал о возможности перевода денег[722].

Торгсины плодили портовую мафию, где в доле были шипчандлеры, директора магазинов и ресторанов, сутенеры и проститутки, да порой и сами капитаны иностранных судов. Мирок советского порта был далек от идеалов новой жизни, которую иностранные моряки, социалисты и коммунисты, ожидали увидеть на родине победившего пролетариата. Их разгневанные и недоумевающие письма в Совбюро Интернационала моряков и портовых рабочих (ИМПР) свидетельствовали, что портовые торгсины были низкоразрядными борделями. В своих письмах иностранные моряки показали больше политической зрелости и идейной выдержанности, чем местные работники Торгсина, да и его центральное руководство, которое отказывалось от радикального решения проблемы проституции, боясь потерять валюту. Некто тов. Коли, коммунист, руководивший итальянской работой в интерклубах Туапсе, Новороссийска, Поти и Батума, в январе 1933 г. писал: *«Крупнейшим препятствием в нашей работе является проституция. Явление это одинаково во всех портах... Официальным домом проституток является Торгсин. В это*

помещение проститутки ходят как к себе домой, здесь ждут клиентов. Моряк не платит наличными, а продуктами. За один килограмм сахару, стоящего несколько копеек золотом, моряк проводит целую ночь с женщиной, которая уверяет его при этом, что в России умирают с голоду, едят черный хлеб, и то в недостаточном количестве... Видя, как проститутки действуют свободно, моряк начинает верить, что такое положение вещей существует с полного согласия власти. С 6 часов вечера до часу ночи как внутри ресторана Торгсина, так и снаружи нельзя буквально пройти, не пробивая себе дорогу сквозь толпу проституток, сутенеров и спекулянтов. Обо всем этом докладывалось властям письменно и устно, но несмотря на обещания принять меры, положение еще больше ухудшается. На днях несколько моряков пригласили меня зайти в Торгсин, чтобы убедиться. Там были пьяные проститутки, которые танцевали в зале и на столах, как в настоящем публичном доме в буржуазных странах... Несколько судовых офицеров-фашистов, спокойно выпивавших там, уходя заявили, что здесь полагалось бы больше серьезности. Фашистская судовая администрация использует эти факты для всякой клеветы. Так, например, старший помощник капитана Тамбуриони – фашист на все 100 % – иронически сказал мне, что без сомнения нами сделаны известные достижения, но что Россию лучше всего характеризует зрелище проституток и сутенеров»[723].

Во всех черноморских портах политическая работа интерклубов была парализована торгсиновскими оргиями[724]. Товарищ Коли был не одинок в своих жалобах. По словам интернационалистов, «пропаганда по соцстроительству натыкалась на вопрос моряков, почему допускается гной проституции». В письме в президиум Коминтерна греческие моряки описали устройство торгсиновского борделя (в архиве сохранился лишь его корявый перевод):

«Товарищи! Мы греческие моряки посетили многие порты СССР и с гордостью видим сдвиги отечества трудящихся всего мира и продвижение переходного периода к социализму. Но существуют еще многие остатки царского режима, и прежде всего проституция, насчет которой в торгсине Херсона, где мы теперь находимся, и хотим донести до вашего сведения... Сначала входишь в магазин, который продает разные товары, а потом – дверь в коридор. В коридоре есть другие двери, где особые комнаты, одни первого класса, роскошные для чинов, а остальные второстепенного класса для команд.

После покупок завторгсином говорит: мы имеем и девочек, маленькие и красивые, которых можно найти в комнатах, о которых мы выше говорили. Это случилось и с нами (подчеркнуто в документе. – *Е. О.) Мы слушали с удивлением слова заведующего и вошли в комнату для команд и действительно мы очутились в кругу хуже чем в*

худших домах терпимости, которые существуют в капиталистических странах. Несколько проституток находились в объятиях моряков, распевая хриплым от пьянства голосом и похабничали. На столах стояли бутылки пива и т.п.

Возмущенные этим мы вышли и спросили заведующего «кто эти женщины», а он спокойно ответил «проститутки»... а когда мы спросили, как это допускаются такие безобразия, он сказал, что здесь это ему разрешают. А эта торговля человеческим телом делается так: проститутка покупает в торгсине сахар после уплаты моряками нужной суммы, а этот сахар она продает на рынке по цене 15–20 рубл. кило»[725].

Даже те немногие документы, что удалось найти, позволяют разглядеть иерархию проституток – привилегированные красавицы на «чистой» и обеспеченной работе в баре и уличные девки, приходившие к торгсину в надежде поймать клиента, который пригласит провести вечер. Наряду с девушками-«иди сюда», для которых проституция была профессиональным занятием и основным источником дохода, документы позволяют говорить о существовании «пролетарской проститутки по совместительству»: днем – работа на заводе, вечером – к бару, чтобы заработать несколько копеек золотом. Видно среди проституток и политическое размежевание: одни «стучали» в ГПУ, другие избивали политических активистов портовых интерклубов. Для многих в те годы проституция была средством выживания, как и тесно связанная с ней спекуляция, – все проститутки перепродавали валюту и дефицитные товары.

Одесский порт вызывал особо сильное негодование интернационалистов. Там в местном торгсине заправлял некто Гольдштейн, по одним сведениям, владелец гостиницы «Лондон», по другим, что, впрочем, не противоречит первому, содержатель дома терпимости в Одессе до революции. Его имя постоянно мелькает в материалах Торгсина, как символ распущенности и вседозволенности[726]. Гольдштейн был мастером своего дела. Листовки-зазывалки – *«У нас сегодня вечер-кабаре. Спиртные напитки»* – появлялись не только на судах, их разбрасывали даже в интерклубе, благо до него от торгсиновского бара было всего 50 м. В заведении Гольдштейна всё и все работали на то, чтобы обобрать клиента. Бар был открыт всю ночь. Играли фокстроты. По приказу Гольдштейна кельнерши (официантки) – на работу принимали только красивых девушек – присаживались за столики иностранных моряков. Отказываясь от пива и других дешевых напитков, они заставляли моряков покупать ликеры, шампанское, коньяк, а также подарки: тут же в буфете Гольдштейн устроил витрину, где были выставлены для продажи «женские принадлежности» – пудра, духи, шелковые чулки и панта-

лоны. Подвыпивших моряков обсчитывали. Отсутствие у клиентов денег не было помехой: торгсин отпускал морякам напитки и товары в кредит, а счет потом предъявлял к оплате капитану судна. Гольдштейн учитывал и запросы капитанов: чтобы не портить им настроение, в залы, где сидела «белая кость», не пускали кочегаров и прочую матросню. Когда дело дошло до проверки его хозяйства, Гольдштейн спокойно признал все факты «антисоветских методов работы», включая и «зазывание моряков в отдельные кабинеты», и «физическую связь»[727]. В портовых торгсинах мечты революции о создании нового мира разбивались о власть чистогана.

В разгневанном письме «Мое впечатление о Торгсине» некто Джонс, посетивший Одесский порт, писал о хозяйстве Гольдштейна: *«Я знаю, что главной функцией Торгсина является сбор валюты для выполнения пятилетнего плана. Вольность операций Торгсина дает впечатление первоклассного публичного дома в капиталистических странах... Когда шипчандлер первый раз пришел на наш пароход, он сказал морякам, что девочки в кафе ожидают их... Одна девушка, темная на вид, и которая в поведении не уступила бы барной служанке, выделялась своим поведением среди других. Я думаю, что она хорошо оправдала себя, завлекая моряков и продавая им шампанское для большого сбора денег для выполнения пятилетнего плана, но она оправдала себя и в другом виде: она объясняла нескольким морякам систему, как доставать рубли. Она говорила, что нужно покупать сигареты «Москва» по 10 коп. (золотом) в кафе и продавать их на улице хулиганам по 3 руб. Когда подходишь к дверям Торгсина, всегда там можно видеть молодых хулиганов, которые останавливают моряка и просят его, чтобы он им купил сигарет. Товарищи, я считаю, что это возмутительно. Может быть валюта для пятилетки, но это действует на рабочих города Одессы. Каждый моряк может пробыть здесь с прихода парохода до его ухода и не узнать о существовании пятилетнего плана, о соцстроительстве, о положении советских моряков, рабочих и т.д. В Торгсине нет ни одной открытки, ни одной карточки с изображением соцстроительства и т.д., которые дали бы возможность узнать об индустриализации Советского Союза»* [728].

В декабре 1932 г. работник интерклуба моряков товарищ Россетти, разделяя возмущение Джонса, сообщал: *«В других портах Черного моря проститутки и полупроститутки (?– Е. О.) многочисленны, но здесь, в Одессе, их тысячи и среди них имеется тайная организация с разделением труда и поля действия. Проститутки имеют даже разрешение на вход в порт, на суда, а несколько десятков привилегированных составляют красу и гордость бара, представляющего собой настоящий публичный дом... В конце концов проституткинам говорят: вы работаете для клуба* (интерклуб моряков. – *Е.О.), а мы для бара и для Торгсина; клуб – политическое учреждение, Торгсин и бар – советские учреждения, разрешенные дома терпимости»* [729].

«Разрешенные»? – Кем? Анализ архивных материалов позволяет сказать, что одно из главных валютных ведомств страны – Наркомфин – в интересах получения валюты ратовало за развлечения в портах. Осенью 1931 г. член главной коллегии Наркомфина Рейхель сетовал на то, что в некоторые портовые кафе не допускали женщин и пили исключительно в мужском обществе. *«Слишком строгие нравы местной власти,* – считал он, – *нужны развлечения, музыка, кегельбан»*[730]. Заведующие портовых контор Торгсина, которым надо было выполнять валютный план, также защищали свободу нравов: заведующий Батумской конторой Грюнберг послал в Правление Торгсина протест против ареста милицией, по настоянию интерклуба, трех проституток в баре торгсина. Проститутки были приглашены иностранными капитанами и, по мнению Грюнберга, «вели себя вполне корректно», не давали повода для ареста. Он угрожающе предупреждал Правление: *«Такой поступок местных властей я считаю неправильным, ибо при повторении подобных явлений в будущем иностранцы могут отказаться от посещения бара, что будет отражаться на нашей торговле»*[731]. Валютный экстремизм портовых торгсинов, при котором все средства были хороши для получения валюты, процветал при содействии или бездействии милиции и местных представительств ОГПУ[732]. Упоминавшийся ранее товарищ Россетти из Одессы писал в 1932 г.: *«Однажды я арестовал двух проституток, избивавших нашу активистку на центральной улице, обвиняя ее перед моряками в том, что она работает в клубе в качестве консульского шпиона. В милиции мне заявили, что проститутки занимаются своим ремеслом, чтобы заработать несколько копеек и что я ошибаюсь, если думаю, что милиция может вести борьбу с проституцией»*[733].

Оправдания проституции и спекуляции необходимостью добывать валюту для пятилетки, которыми местное руководство и заведующие портовых торгсинов пытались защитить свои методы работы, были прикрытием их личных интересов. Доходы от торговли портовых магазинов были не велики[734], значительная часть денег, которые приносила проституция, уходила в карманы директоров-гольдштейнов, сутенеров и на поддержание хороших отношений с местной администрацией. ОГПУ имело свой интерес в торгсиновских притонах, используя проституток и спекулянтов для сбора информации среди иностранцев. Спаивание и интимные услуги кельнерш, по словам Гольдштейна, служили делу «политической и

разведывательной работы»[735]. Не покровительством ли местного ГПУ объясняется его уверенное спокойствие, и случайно ли, что начатый интерклубом еще в 1931 г. шум вокруг «хозяйства Гольдштейна» вплоть до 1934 г. не давал результатов? Другие шипчандлеры тоже прикрывали свои не вполне советские действия именем ОГПУ[736]. По свидетельству документов, местное ГПУ «советовало» проверяющим и недовольным не ходить в Торгсин[737].

В документах есть упоминания о том, что местные партийные организации противились расширению торгсиновских баров из-за процветавшей в них проституции[738]. Именно «противились расширению», а не требовали закрытия, ведь партийные руководители несли ответственность за выполнение валютного плана своего региона[739]. Местные советские и профсоюзные организации, несмотря на поступавшие многочисленные сигналы, также бездействовали. Следует сказать, что и Правление Торгсина в Москве довольно долго не предпринимало решительных мер против методов работы портовых торгсинов. – Зачем резать курицу, несущую золотые яйца? В январе 1933 г. в ответ на шум, поднятый Интернационалом моряков вокруг порядков в Одесском порту, зампредседателя Торгсина Бошкович предлагал управляющему Одесской конторы всего лишь «принять ряд оздоровительных мероприятий, могущих обеспечить поступление инвалюты, не дискредитируя при этом наше учреждение»[740]. В феврале 1933 г. новый председатель Правления Сташевский в директивном письме местным конторам предлагал провести в портах опять-таки лишь частичные меры – заменить обслуживающий персонал баров мужскими работниками и «не открывать там горячих кухонь, ограничившись продажей исключительно холодных закусок»[741]. Требование Сташевского «не отказываться от максимума извлечения инвалюты от иноморяков» предопределило провал частичных «оздоровительных мер» в борьбе с валютным экстремизмом портовых торгсинов.

Интерклубы были единственной организацией, которая объявила войну портовым торгсинам. Лекции о преимуществах социализма и бедный буфет слабо привлекали моряков, которые охотнее посещали злачный Торгсин[742]. Пустующие интерклубы вынуждали политработников действовать. Совбюро Интернационала водников забрасывало ВЦСПС и Профинтерн тревожными письмами, требуя призвать зарвавшийся Торгсин к «советскому порядку». Благодаря поднятой интерклубами шумихе, дело о проституции и спекуляции в портовых торгсинах достигло партийных верхов[743]: в 1933 г. ЦКК РКИ обсуждал методы работы портовых баров. В апреле 1933 г. наконец-то последовали радикальные меры. Замнаркома внешней торговли Логановский, по своей ли инициативе или по окрику сверху,

приказал конторам Торгсина оставить в портах только магазины[744]. Бары и буфеты теперь могли работать только при интерклубах, под присмотром политработников. После окрика чиновники стали перестраховываться, так что не обошлось без перегибов: вместе со злачными местами были запрещены и выступления оркестров в ресторанах для интуристов[745]. Летом 1933 г. пришла очередь Гольдштейна и других «бывших» и «чуждых», работавших в системе Торгсина. В рамках общей кампании по чистке торгсиновского аппарата, проводившейся по решению Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ, Сташевский приказал портовым конторам уволить всех бывших торговцев, кулаков, административно-высланных, меньшевиков, эсеров, бывших троцкистов, дворян, полицейских, а также лиц духовного звания, лишенных избирательных прав и осужденных за уголовные преступления[746]. Материалы 1934 г. свидетельствуют, однако, что валютная проституция в портах продолжалась и после закрытия торгсиновских баров. Шипчандлеры продолжали выполнять роль сводников-сутенеров, по заказам иностранных моряков отправляя проституток на пароходы[747]. Валютные доходы от торговли телом теперь полностью шли частнику: в деле о проституции в портовых торгсинах идейно-политические принципы для советского правительства оказались важнее валютных интересов.

Замирение Торгсина и Совбюро Интернационала моряков было оформлено генеральным договором, по которому Торгсин обязался обеспечивать культурную торговлю в портовых интерклубах. Однако сохранявшиеся в Торгсине методы раскрутки клиентов вновь и вновь вызывали нарекания интернационалистов. В конце 1935 г. заведующий интерклуба в Потийском порту некто Вилкс жаловался в НКВД: *«Англичане меня ругают, что это за безобразие, когда человек, придя с моря, не может получить стакан пива... им чуть ли не говорят «Пейте водку»... Ввиду этого большинство моряков-англичан ушли из клуба искать себе проституток»*. Не было, по словам Вилкса, в торгсиновском буфете и других дешевых товаров: лимонада, безделушек-сувениров, «которые моряки всех стран покупают ради шутки». *«Думают,* – в сердцах писал Вилкс, – *что можно торговать только мехами и тканями, а чтобы человек мог купить себе напиться воды, этого нет»*[748].

В поисках валюты портовые торгсины расширяли список своих услуг: катание на катерах и мототрамваях, доставка пресной воды, разъездные катера-лари, прокат, экскурсии, билеты в театр, стирка белья, стрижка, ремонт тары и зарядка батарей. В документах несколько раз упоминалась продажа за валюту собак судовой команде – штрих к бытовому портрету оторванных от дома и родных моряков. Но из-за их фрагментарности валютный доход от оказания

бытовых услуг оставался низким. Снабжение горючим, маслами, лесоматериалами, которые предлагал Торгсин, тоже не давало ощутимого эффекта. Иностранные суда отказывались от них из-за высоких цен, превышавших как советские цены экспорта этих продуктов, так и цены на них в иностранных портах.

Торгсин предлагал валютные услуги и по ритуальному обслуживанию похорон моряков. Одна история особо привлекла мое внимание как квинтэссенция конфликта революционных идеалов с реалиями валютного экстремизма. Она замечательно выражает сущность Торгсина. Случай произошел в 1934 г. и разбирался в НКВД. На турецком пароходе убился матрос. Капитан парохода заказал доски, мануфактуру и другие предметы, чтобы похороны прошли «по турецкому обряду». Советские моряки по инициативе интерклуба решили политически грамотно проводить своего товарища по классу: они оплатили оркестр, венки и знамена. Руководство же портового торгсина видело в похоронах лишь возможность заработать валюту: в счет капитану были включены не только заказанные им товары, но и стоимость земли и даже оркестра, уже оплаченного интерклубом. По сообщению местного отдела НКВД, при предъявлении счета капитану «произошла безобразная торгашеская сцена»: капитан протестовал, ссылаясь на то, что земля была предоставлена бесплатно и что «по обряду мусульман с оркестром нельзя хоронить». Торгсин торговался, пытаясь получить деньги за революционную музыку и советскую землю. После того как Торгсин заявил капитану, что деньги все равно насильно вычтут из фрахтовых сумм, он вынужденно заплатил за революционные атрибуты. Дело, однако, обернулось политическим скандалом, потому что возмущенные турецкие моряки написали в газету, а турецкое пароходное начальство обратилось в Наркомат иностранных дел СССР.

В этой истории блюстителем чистоты революционных принципов выступил НКВД. По мнению начальника городского отдела НКВД, Торгсин «забыл», что советская торговля должна была иметь идейно-политический характер, что она не могла быть просто средством зарабатывания денег, а призвана была проводить в жизнь классовые принципы, в данном случае – пролетарский интернационализм. Если Торгсин не мог взять на себя расходы по революционным похоронам, – продолжал начальник городского отдела НКВД, – то он хотя бы не должен был обворовывать свой интерклуб и заставлять капиталистов платить за революционную солидарность. Следует подчеркнуть, что сотрудник НКВД говорил не о честности и порядочности в проведении сделки, а именно о *политических* принципах, ибо, по его мнению, «нельзя было капиталистическую торговую фирму заставлять платить деньги за церемонии...

выражающие революционные стремления советских моряков» (подчеркнуто мной. – *Е. О.*) [749]. Дилемма, однако, состояла в том, что соблюдение идейно-политических принципов вело к ограничению валютного дохода. Погоня за валютой для нужд индустриализации требовала пересмотра, а то и вовсе отмены многих принципов Октября: построение социализма в СССР оборачивалось потерей чистоты классовой идеологии. История с похоронами турецкого матроса, как и почти легальная проституция в портовых торгсинах – свидетельство идейной беспринципности, продажности Торгсина, который был слугой двух господ – служа делу построения социализма, он служил капиталу. *В этом смысле* Торгсин, как в своем портовом хозяйстве, так и в своих общих принципах работы, являлся предательством революции. Это заключение особенно важно потому, что Торгсин был не частной лавочкой, а государственным предприятием.

Советский шипчандлер 1930-х гг. заслуживает специального внимания. Галерея портретов портовых работников включала как неудачников и опустившихся пьяниц, которые нашли в порту последнее профессиональное пристанище, так и мастеров, преданных своему делу, а также преуспевавших воров и жуликов. Среди шипчандлеров практически не было коммунистов[750]. Костяк составляли шипчандлеры с дореволюционным стажем, которые продолжали и при Советской власти делать то, что знали и умели[751]. Пытаясь освободиться от «чуждых», а также из-за острой нехватки портовых работников, руководство Торгсина предприняло попытку создать штат «своих» пролетарских шипчандлеров, в 1934 г. запоздало организовав краткосрочные курсы в Одессе и Ленинграде[752]. ОГПУ проводило проверку и зачисление курсантов. Несмотря на ощутимые государственные затраты (5 тыс. руб. на каждого курсанта), эксперимент не удался. Комсомольский порыв к наведению порядка в портах разбился о советскую бесхозяйственность и круговую поруку старых профессионалов, которые выживали молодых и неопытных. По отзывам с мест, недостаток и текучесть кадров в портах оставались высокими, а приходили «все больше неудачники»[753]. По словам ленинградского руководства, в 1934 г. порт был прибежищем «неполноценных, лодырей и бюллетенщиков», уволенных из городского торгсина [754]. Даже Ленинградский порт испытывал трудности с подбором людей, владевших иностранными языками, что уж говорить о «глубинке». В Мурманском порту, например, до самого закрытия Торгсина никто из шипчандлеров не знал иностранных языков, а многие и по-русски были неграмотны[755].

По сообщениям из Евпатории, зарплата местного шипчандлера составляла всего 30 руб. в месяц, а пайка ему не полагалось[756].

Даже в Ленинградском порту шипчандлер получал относительно низкий оклад – 100 руб. – плюс мизерные проценты от стоимости сделанных капитанами заказов[757]. А ведь работа была не из легких. В разгар сезона на одного шипчандлера в Ленинградском порту приходилось более десятка пароходов[758]. При обширной территории порта (25 км) линия обслуживания судов достигала 7–14 км, а автобус ходил два раза в час, к тому же нерегулярно. При транспортной бедности шипчандлерств их работникам приходилось ходить пешком. К тому же на работу в Ленинградский порт нужно было добираться из города на трамвае, а потом еще топать 3 км от трамвайной остановки.

Документы позволяют увидеть, как облагораживался облик советского шипчандлера по мере того, как портовые торгсины набирали валютные обороты. В декабре 1930 г. – Торгсин всего как два месяца принял портовое хозяйство от Совторгфлота – заведующий портового хозяйства Новороссийска некто Языков в письме в Правление Торгсина описывал своих работников: *«Один ходит в обтрепанной или еще лучше в рваной кожаной тужурке, без подметок ботинки, подозрительного цвета и фасона фуражка, другой – в пиджаке, сделанном из 4-го срока старой шинели без подкладки, с обтрепанными рукавами и, если воротник этого пиджака вытопить, то мыльный завод может получить пуда два сала, или еще хуже, в темно-синих брюках, сзади серая заплата»*. «Весьма печальное настроение» получается, заключал Языков[759]. Видя шипчандлеров в поношенной одежде, иностранные капитаны из жалости порой покупали им одежду[760].

Шипчандлер был не только раздет, но и как большинство населения страны, он голодал. Впрочем, через его руки каждый день проходили бесценные по тем временам деликатесы. Как писал тот же Языков: *«Не имея возможности совершенно оторваться пообедать* (шипчандлер. – *Е. О.), вынужден это делать почти на ходу, и в этом случае ручаться за то, что он не отломит кусок сыра, колбасы, окорока, печенья или масла, конечно, нельзя. Кроме этого, ведь он человек и все эти продукты у него на глазах, вместе с тем желудок его голоден. Полное основание предполагать – в его мозгах создается мнение, что он будет для себя преступник, если не возьмет – он берёт и ест»*. Путем нехитрых арифметических подсчетов заведующий Новороссийского портового торгсина заключал, что, если каждый отломит хотя бы по 50 г сыра в день, то за год семь его сотрудников съедят 130 кг этого валютного продукта. Прибавьте к этому «еще и другие ласкающие глаза и желудок» деликатесы, и из сотен могут получиться тысячи [761]. Увольнять за такие нарушения было нельзя – не с кем будет работать, поэтому Языков просил Портовый

сектор Торгсина создать специальный товарный фонд, чтобы приодеть и подкормить шипчандлеров, ведь они являлись чуть-ли не первыми советскими представителями, кого видели иностранные моряки.

Видимо, не один Языков жаловался. В ноябре 1932 г. Правление Торгсина разрешило шипчандлерам для представительства раз в год покупать в Торгсине один костюм, одно пальто, одну пару обуви, головной убор и три пары носков – товары по тому времени бесценные, кроме того, шипчандлер платил за них низкие кооперативные цены. Получить эту одежду можно было только после трех месяцев работы[762] – мера против ловкачества, иначе немало нашлось бы желающих по тем раздетым временам наняться в портовый торгсин с целью приодеться, а приодевшись тут же уйти. Кроме новой одежды, шипчандлерам полагались папиросы – а то ведь курят в капитанской каюте махорку! – и деньги на угощение капитанов. Сумма была небольшая, максимум 20 руб. в месяц, из которых на личные представительские нужды шипчандлер мог потратить только 5 руб.[763] Жалобы шипчандлеров свидетельствуют, что и эти 5 рублей приходилось выпрашивать у заведующего[764]. Унизительное безденежье было уделом советского шипчандлера: быстро потратив отпущенную сумму, он «старался избегать моментов, требующих угощения» или ловчил, включая потраченную на угощение капитана сумму в счет парохода[765].

В профессии шипчандлера были и приятные стороны. Он был предоставлен сам себе и, пользуясь свободой и отсутствием контроля, а также подстегиваемый нуждой, находил способы улучшить свое материальное положение. Предприимчивость и обман могли превратить порт в доходное место. Шипчандлеры присваивали часть или все гратификационные, полагавшиеся капитану: иногда путем прямого подлога (фиктивные счета, подделка подписи капитана), а порой капитаны сами не полностью забирали товары в счет гратификационных[766]. Махинации достигли такого размаха, что в 1934 г. Правление запретило гратификационные[767]. Шипчандлеры вымогали у капитанов чаевые, мелкие подарки и угощение. Одни брали резиновыми сапогами, другие импортными граммофонными пластинками[768].

Документы позволяют говорить о «преступной спайке», которая порой возникала между шипчандлером и иностранным капитаном. Сообща они воровали у судовой команды (даже плохое знание иностранного языка не было помехой!): по договоренности шипчандлер оформлял меха, бинокли, антиквариат и другие товары, купленные капитаном для себя, как траты на хлеб, масло, мясо для команды. Обман облегчался тем, что в 1933 г. руководство Торгси-

на, с целью маскировки высоких цен[769], заменило посортовые счета на проданные товары суммарными. Портовые работники оправдывали свое воровство пресловутой валютной необходимостью. *«Такой метод работы,* – писал один из них, – *сильно стимулировал забор капитанами наших товаров»*. Помнили они и уроки политэкономии: подобное воровство, по их мнению, подрывало капиталистическую систему, так как прибыль капитана была расходом хозяина судна[770]. Капитан не забывал отблагодарить шипчандлера за услуги – частная прибыль советского шипчандлера, да и прибыль самого Торгсина, таким образом, достигалась за счет ухудшения питания матросов-пролетариев. Есть основания полагать, что Правление Торгсина закрывало глаза на махинации со счетами, лишь бы шла валюта[771]. К 1934 г. шипчандлеры уже не ходили в заплатанной, засаленной, перешитой из старой шинели одежде. На пароходах они появлялись одетые в новенькие кожаные тужурки торгсиновского происхождения.

Несколько слов о внешнем виде и самих портовых торгсинов. В материалах их проверок эпитеты «красиво», «уютно», «чисто» встречаются крайне редко (к числу внешне респектабельных относился, например, одесский бордель Гольдштейна). Даже в документах Ленинградского, ведущего, портового хозяйства страны нередки были резолюции типа: *«...в самый кратчайший срок привести в порядок двор и уборные», «повести решительную борьбу с мухами»*[772]. Не трудно представить, что творилось за пределами столиц. *«Я объехал все порты Белого моря,* – писал инспектор, – *и нашел, что шипчандлерства не отвечают своему назначению и не оправдывают марку Торгсина. Помещения представляют из себя простой сарай с самым примитивным оборудованием. Шипчандлерский аппарат ниже всякой критики»*[773]. А вот описание портового торгсина в Феодосии: *«Буфет открыт в маленькой комнате. Его зовут «мышеловкой». Когда скопляется 10–15 человек, то дышать нечем и самое помещение неудачно расположено, кому не лень, тот и заходит, попрошайничает. Уборной нет. Распаренные моряки снуют по соседним домам и ищут уборную»*[774]. В Батуме портовый торгсиновский буфет располагался «в маленькой, скучной, неприветливо обставленной комнате», торговал исключительно пивом, и то, в один день пиво стоило 25 коп., а в другой – 35 коп. (в эти дни играло пианино)[775]. Вот описание портового Торгсина в Поти: *«Стойка в буфете высотой с табуретку покрыта старым куском линолеума, каким обычно в Англии покрывают полы в уборных. От этого получается, что англичане преспокойно садятся на эту стойку и, повернувшись к буфетчице спиной, занимаются разговорами друг с другом»*[776].

Иностранные суда просили у Торгсина парную телятину, овощи, икру, фрукты, молочные и диетические продукты, а получали «заплесневелые конфеты выпуска 1929 г.», «свинину, пахнувшую рыбой» (моряки выбросили ее за борт), гнилые овощи. Отчеты упоминают случаи отравлений и дизентерии среди моряков[777]. Но не во всем был виноват Торгсин: снабженцы пытались сбыть портам залежалый товар, транспортных средств не хватало, холодильники отсутствовали. Царил обычный советский бардак: «...есть машина – нет катера, есть катер – нет машины, есть и то и другое – нет бензина, есть бензин – нет моториста, есть моторист – нет матроса»[778]. Особо радивые шипчандлеры для обслуживания пароходов порой были вынуждены закупать продукты на крестьянском рынке[779]. Работе Торгсина мешало и то, что советские цены превышали цены ближайших заграничных портов[780]. Из-за государственной монополии ценообразования портовое начальство не могло само маневрировать ценами: руководство Торгсина постоянно уговаривало правительство разрешить их снизить, ссылаясь на более низкие цены в Стамбуле, Риге и Гамбурге[781]. Проигрывая своим иностранным конкурентам, Торгсин стремился сделать отоваривание в советских портах принудительным для иностранных судов. Так, Ленинградское портовое хозяйство требовало при фрахтовании иностранных судов включать в договор пункт об обязательном снабжении в советских портах – чтобы не оставлять выбора[782].

Капитаны порой отказывались от закупок в Торгсине и по идейным соображениям. От политических склонностей капитана мог зависеть и размер суммы, разрешенной команде для трат на берегу[783]. Из Петрозаводска жаловались, что капитаны не отпускали команду на берег[784]. Шипчандлер порта Кемь писал в отчете за 1934 г.: *«Все инопароходы, может быть, кроме латвийских, по возможности, бойкотировали наши товары, покупая у нас только самое необходимое или только то, что дешевле, чем в Англии, в которую, кстати сказать, многие скандинавы влюблены»*. Худшими покупателями, по его мнению, были датчане, и не только потому, что товары в Дании стоили дешевле советских, но и из-за запретов хозяев на покупки в СССР[785]. О датском бойкоте в 1935 г. сообщали и из Мурманского порта: *«Датский пароход «Герда Торф» по политическим убеждениям отказался от покупки товаров в Торгсине для парохода и не разрешил кредита для команды»*[786]. В том же 1935 г. из Ленинграда писали, что *«Латвийский пароход «Хелена Фаульбаумс», капитан Цухгауз, бывший офицер царского военного флота на английском чартере купил* (товаров. – *Е.О.) на 30 руб. для личного потребления. Для парохода ничего не купил и не дал кредита команде, сказав, что все обязаны покупать в Англии»*. Английский «Торстон» по политичес-

ким убеждениям тоже категорически запретил команде, даже за собственные наличные деньги, покупать что-либо в Торгсине[787].

Политические принципы тесно переплетались с экономической конкуренцией: летом 1935 г. из Мурманска тревожно сообщали, что *«почти все иносуда всех флагов имеют запрещение расходовать валюту в чужих портах и особенно это чувствуется в портах СССР»*. Английские капитаны, по мнению мурманчан, были особенно антисоветски настроены[788]. Ленинградский порт подтверждал существование валютных ограничений: из-за введенного в Германии запрета на покупки за границей сократились индивидуальные покупки германских моряков[789]. На германских судах шла усиленная слежка, и капитаны просили держать в секрете их покупки, а при наличии в магазине соотечественников вообще ничего не покупали. Месяцем позже, впрочем, из Ленинграда ободренно рапортовали, что германские суда *«наладили способы обхода валютных ограничений, а торгсин стал учитывать требуемую конспиративность, как при разговорах, так и по доставке индивидуальных закупок на судно»*[790].

Правление Торгсина определяло валютный план для портовых торгсинов на основе сведений Совторгфлота об ожидаемом заходе судов в советские порты, длительности стоянки и средних размерах закупок товаров. Надежды на значительный приток валюты от обслуживания иностранных судов не оправдались. Иностранные капитаны по возможности старались не связываться с советской службой портовых услуг из-за царивших там безхозяйственности, обманов, скудного выбора, высоких цен, перебоев в снабжении и низкого качества товаров, а также по идейным соображениям[791]. Многие капитаны предпочитали до выхода в рейс дома запастись соленым мясом и сухофруктами. В 1933 г., например, руководство Торгсина планировало в среднем получить около 1,3 тыс. руб. с каждого иностранного судна в Ленинградском, Мурманском и Беломорских портах, а на деле получило только немногим более 100 руб.![792]

Портовые торгсины выполняли свои товарные планы, главным образом, за счет обслуживания советских судов заграничного плавания, а также индивидуального снабжения их команд и семей моряков[793]. Появление портовых торгсинов привело к жестким ограничениям валютных расходов советских судов и их команд за границей: уходя в плавание, они должны были запасаться отечественными товарами через Торгсин. Моряки жаловались об угрозе голода, так как портовое дело в Торгсине налаживалось медленно и плохо[794]. В 1933 г., по данным Ленинградского шипчандлерства, иностранное судно в среднем покупало в Торгсине товаров на 106 руб., в то время как снабжение советского судна в среднем составляло 1664 руб. В первом полугодии 1934 г. в советские порты зашло почти в три раза больше иностранных судов (1536), чем советских судов загранплавания (513). Однако средняя выручка на одно иностранное судно составила лишь 270 руб., в то время как снабжение каждого советского судна в среднем превысило 770 руб.[795] Схожую картину рисуют и данные за 1935 г.[796] Однако снабжение советских судов загранплавания не приносило государству «живую» валюту, а было экономией государственных валютных расходов[797]. Так, в общей сумме 857 тыс. руб., полученной в 1933 г. шипчандлерствами Ленинграда, Мурманска и портов Белого моря, наличная валюта составила всего лишь 84 тыс. руб., остальные тысячи оставались на бумаге, представляя безналичные расчеты советских организаций[798].

В первом и, как оказалось, последнем пятилетнем плане Торгсина, портовая торговля являлась единственной статьей, доходы от которой со временем должны были нарастать как в абсолютном, так и долевом исчислении[799]. Сбылись ли эти предсказания и каким был валютный «урожай» портовых торгсинов? Торгсин начал обслуживать порты с октября 1930 г. Данные на конец 1930 г. и за 1931 г. не удалось найти, но исходя из последующей статистики портовой торговли Торгсина (*табл. 18*), можно предположить, что вряд ли доходы портовых торгсинов за этот период времени превысили миллион рублей золотом[800]. В 1932 г. портовая торговля обеспечила немногим более 1,4 млн руб. Абсолютным лидером был Ленинградский порт, за ним следовало скандальное хозяйство Гольдштейна в Одессе. Правление Торгсина определило валютный план на 1933 г. в 3 млн руб., но получило только около 2 млн руб. (*табл. 18*). Несмотря на провалы, руководство не теряло веры в расцвет портовой торговли и наметило на 1934 г. значительный план – 5,3 млн руб.[801] Выполнить его удалось лишь наполовину – 2,6 млн руб. (*табл. 18*), из которых львиная доля (1,6 млн) приходилась на обслуживание советских судов[802]. План 1935 г. был относительно низким – 3,9 млн руб.[803], но и этот план портовые торгсины не выполнили, добыв только около 2,7 млн руб. (*табл. 18*)[804]. В этой сумме обслуживание иностранных судов составило лишь около 1 млн руб.[805]

Общий итог портовой торговли Торгсина вряд ли превысит 10 млн руб.[806] Объемы портовой торговли, как и предполагали составители торгсиновской пятилетки, росли в абсолютном исчислении, но этот рост был незначительный, а их доля в общей сумме валюты, которую советское руководство получило через Торгсин, оставалась низкой – всего лишь порядка 3,5%. Важно и то, что значительную часть портовых доходов Торгсина составила не реальная валюта, а экономия государственных валютных средств за счет безналичных расчетов по снабжению советских судов загранплавания отечественными товарами.

«Красные директора» Торгсина: «Эсер»

Из сибирских купцов. «Сдержанный человек, в котором жил чертик». Политика или медицина? Расстрельный приговор Колчаку. «Ла Скала» и самовар для министра Муссолини. Председательство на «закате» Торгсина. Казнь. Где же рукопись?

С уходом Артура Сташевского председателем Правления Торгсина стал Михаил Абрамович Левенсон. Он был третьим и последним руководителем этого торгового предприятия. Левенсон занимал пост председателя Торгсина в период «заката» его деятельности, с ноября 1934 г. до начала 1936 г.[807]

Михаил Левенсон родился в 1888 г. в Иркутске. Он происходил из семьи «выкрестов» – крещеных евреев. Дед Михаила, простой солдат Соломон Левенсон, отслужив при царе-Освободителе[808] положенные 25 лет, получил землю в Сибири, там и осел. Сын Соломона Абрам, отец будущего председателя Торгсина, до революции продавал продукты старателям на золотых Ленских приисках, разбогател, имел бляху купца первой гильдии, дома в Иркутске и восемь человек детей, из которых четверо ушли в революцию. Революционер Михаил Левенсон не скрывал свое буржуазное происхождение. В регистрационном бланке члена ВКП(б) в 1936 г. в графе «занятие родителей» он написал «*крупный* торговец» (выделено мной. – *Е. О.*). Казалось бы, маленькая деталь, а тем не менее – важная черточка к портрету: судя по биографии, решительности и принципиальности этому человеку было не занимать.

В отличие от других председателей Торгсина Михаил Левенсон получил превосходное образование. Отец, видимо, готовил сына себе в преемники и отдал в Иркутское промышленное училище, но Михаил имел другие интересы. Интересоваться политикой он стал «с молодых ногтей». Но марксистом молодой Михаил не был – в 1905 г. он вступил в партию эсеров[809]. Будучи профессиональным революционером, Михаил Левенсон, однако, не пожалел времени на высшее образование и приобретение «гражданской» профессии. Оказавшись в эмиграции за границей, он изучал высшую математику в Сорбонне и получил, с денежной помощью отца, медицинское образование во Франции и Швейцарии (из-за преследований полиции пришлось переехать из Парижа в Женеву). Выбор профессии врача, видимо, был определен народническими идеями полезности для общества, но в своей жизни Михаил Левенсон проработал врачом меньше двух лет, только оказавшись в самовольном изгнании в Иркутске после разрыва с товарищами по партии эсеров. Профессия врача навсегда осталась для него запасной, главным же делом жизни были революция и советская работа.

По воспоминаниям, Михаил Левенсон был суховатым и сдержанным в общении человеком. Но в тихом омуте черти водятся: в 17 лет – начало Первой русской революции – Михаил Левенсон порвал с купеческой семьей, стал эсером, был арестован по обвинению в подготовке убийства генерала Райненкампа, совершил вооруженный побег из иркутской тюрьмы; в 20 лет – попытка экспроприации банка, которая чуть не стоила ему головы[810]. После неудачи с банком в 1909 г. Михаил Левенсон бежал за границу. Эмиграция затянулась на восемь лет. Особо крупных дел в тот период, похоже, не было, учился. По воспоминаниям семьи, будучи в эмиграции, Михаил вместе с товарищами издавал журнал «На чужбине» для русских военнопленных в Австрии и Германии – шла Первая мировая война.

После победы Февральской революции Михаил Левенсон в мае 1917 г. в числе многих других политических эмигрантов вернулся в Россию, но не в родной Иркутск, а в эпицентр событий – Петроград. Видимо, «чертику» надоело бездействие – Михаил Левенсон примкнул к левым эсерам, одной из наиболее радикальных партий тех лет. Он принял самое активное участие в Октябрьском вооруженном восстании. В те дни Левенсон являлся членом ВЦИК и Штаба Обороны Петрограда, а также членом Президиума Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Удивительно, как порой переплетаются судьбы людей: под началом Михаила Левенсона в Петроградском Совете работал Вячеслав Молотов, в недалеком будущем – «правая рука» Сталина в расправах над старыми революционерами, в которых погибнет и Михаил Левенсон.

Бурная революционная деятельность в союзе с большевиками, которую левый эсер Левенсон вел в Петрограде, через полгода неожиданно оборвалась. В марте 1918 г. ленинское правительство заключило сепаратный мир с Германией. Ценой огромных территориальных и денежных потерь Россия вышла из мировой бойни. Брест вызвал раскол среди самих большевиков, а левые эсеры приняли его в штыки. Они вышли из советского правительства и подняли мятеж. Разругавшись с товарищами по партии, в апреле 1918 г. Левенсон уехал в Иркутск. Там он начал семейную жизнь провинциального врача с женой и 7-летним сыном, который до того времени жил с родителями Михаила. В Иркутске врач Левенсон работал в детских приютах. Но уйти от политики не удалось. Шла Гражданская война, в ноябре 1918 г. в Сибири установилась диктатура адмирала Колчака, провозгласившего себя Верховным правителем России. В ноябре

1919 г. Левенсон создал в Иркутске автономную группу «Сибирские левые эсеры», которая вела партизанскую борьбу против Колчака. В январе 1920 г. – власть в Иркутске уже перешла к большевикам – как лидер этой группы Левенсон вошел в Иркутский революционный комитет и подписал приказ о расстреле Колчака. Бывшего Верховного правителя России казнили в феврале 1920 г., а его тело бросили под лед в приток Ангары[811]. Тогда же в феврале Иркутский губком принял Михаила Левенсона в партию большевиков.

Начался извилистый карьерный лабиринт на службе у советской власти. Весной 1920 г. Левенсон получил назначение в Москву. Три года он работал в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), где был членом коллегии и управляющим Инспекции труда и здравоохранения – назначение явно было связано с медицинским образованием и врачебным опытом Левенсона. Начальником Левенсона в Рабкрине был Сталин[812]. Затем год Левенсон состоял членом правления в Сольсиндикате. Оттуда в 1923 г. перешел на работу в Госторг РСФСР, где до 1928 г. был заместителем председателя правления. На торговом поприще, меняя посты, Левенсон оставался до конца своей жизни.

После Госторга последовало назначение в Италию, в Милан, сначала замом, а потом торгпредом СССР. В 1930-е гг. причины назначения на работу за границу могли быть разными – разведка, опала, попытка затеряться. Советское представительство в Италии по размеру уступало лишь германскому, да и с точки зрения международной обстановки того времени не было малозначимым. Однако возьму смелость предположить, что назначение Левенсона в итальянское торгпредство не было повышением по службе. Думаю, что отъезд из СССР был вынужденным. В ноябре 1927 г. на собрании партийной ячейки Госторга РСФСР Михаил Левенсон, будучи одним из руководящих работников этой организации, выступил против исключения из партии Троцкого и Зиновьева. Уже в январе 1928 г. он вынужденно публично покаялся, но роковой шаг был сделан. Либо Левенсону кто-то посоветовал «отсидеться» за границей, пока история забудется, либо «его ушли» с руководящего хозяйственного поста, но осенью того же года он уехал в Италию, где оставался почти шесть лет, до ноября 1934 г.

Семейные предания сохранили несколько историй «итальянского периода» жизни Михаила Левенсона. Среди них посещения «Ла Скала», где торгпред Левенсон в компании с советским послом слушали оперу... с галерки, одевшись попроще, чтобы не выделяться в просто одетой толпе. Смета посольства не предусматривала расходы на оперную ложу, где советские руководители такого ранга официально обязаны были сидеть, не роняя свой авторитет. Итальянскому периоду принадлежит и история о дружбе Левенсона с личным шофером, автогонщиком и социалистом, скрывавшимся от преследований фашистов. Или случай с самоваром для министра Муссолини: в советском павильоне на ярмарке в Милане Левенсон подарил министру торговли Италии тульский самовар. Не зная, как им пользоваться, министр во время организованного им приема приказал лить кипяток в трубу для растопки. Кипяток, хлынув из нижнего отверстия топки, ошпарил светских львов. Хотелось бы узнать побольше о работе Левенсона в Италии и не только истории из жизни, но и о тех секретных операциях, которые торгпред Левенсон наверняка выполнял в этой стране. «За исключительно энергичную и инициативную работу в области внешней торговли» ЦИК СССР в апреле 1933 г. наградил М. А. Левенсона орденом Трудового Красного Знамени. Награды такой значимости без веских причин не давали. Италия, хоть и под властью Муссолини, осталась солнечным временем в жизни Михаила Левенсона, которому предстояло возвращение в холодную серую Москву накануне массового террора.

Если мое предположение, о том, что назначение Левенсона на работу в Италию было опалой или мерой предосторожности, верно, то получение ордена Трудового Красного Знамени могло означать прощение. Именно из Италии, из советского торгпредства, Левенсон и попал в кресло председателя Правления Торгсина. Там он проработал немногим более года, остававшегося до закрытия этого торгового предприятия. Председатель Торгсина Левенсон энергично искал новые источники валюты, в числе которых были продажа квартир, дач, путевок на курорты и билетов в театр, но покупательский спрос неумолимо падал. Главный подручный – голод, который когда-то гнал людей в Торгсин, теперь был не у дел. Торгсин не мог конкурировать с открывавшимися повсюду новыми магазинами, где ассортимент был не хуже торгсиновского, а продавали не за золото, а за простые рубли. Несмотря на все усилия, росло затоваривание, Торгсин был убыточным. Да и свою роль он уже выполнил, основательно почистив валютные сбережения населения, скупив миллионы семейных реликвий и ценностей. В конце 1934 г. «в верхах» пошли разговоры о ликвидации Торгсина. В течение 1935 г. его торговля сворачивалась – магазины закрывали, товары передавали в обычную торговую сеть. С закрытием Торгсина последовало новое и последнее служебное назначение Михаила Левенсона. В январе 1936 г. он стал заместителем Израиля Яковлевича Вейцера, народного комиссара внутренней торговли СССР[813].

С началом массовых репрессий в СССР судьба М. А. Левенсона, учитывая его социальное происхождение, длительное эсеровское прошлое, относительно высокий государственный пост и особенно публичные выступления в поддержку Троцкого и Зиновьева, была предрешена. К тому же, он и не пытался замолчать свое участие в оппозиции и указал факт троцкистского выступления 13-летней давности во время обмена партдокументов в июне 1936 г., то есть всего за два месяца до судебного процесса над так называемым «троцкистско-зиновьевским террористическим центром»! По этому сфабрикованному НКВД делу было расстреляно 16 крупных деятелей партии большевиков.

Регистрационный бланк члена ВКП(б) Михаила Левенсона заканчивается рукописной пометкой: «п/д (партийные документы. – *Е. О.)* 1936 г(ода) – погашены. Исключен». «Исключен» – в данном случае то же, что и «арестован». Михаила Левенсона расстреляли в Лефортовской тюрьме 22 августа 1938 г. Его имя под номером 148 стоит в одном из сталинских расстрельных списков[814]. Видимо, Левенсон проходил по так называемому делу «контрреволюционной организации правых в системе Наркомторга»[815], по которому было расстреляно и остальное руководство внутренней торговли СССР, включая и самого наркома Вейцера[816]. Судя по материалам, к которым удалось получить доступ, никто из родственников Михаила Левенсона не обращался с просьбой о его посмертной реабилитации.

Сын Михаила Левенсона – Евгений – в 1935 г. закончил Бронетанковую академию и поступил работать на Завод им. Лихачева (ЗИЛ). Как сын «врага народа», в 1938 г. он был исключен из комсомола. Против него свидетельствовал бывший однокашник Андрей Свердлов – сын одного из основателей советского государства Якова Свердлова, а в 1930-е гг. – офицер НКВД. Евгений Михайлович Левенсон избежал заключения. Он проработал на ЗИЛе 60 лет, занимал пост заместителя главного конструктора, написал 15 технических книг. Его сын и внук Михаила Левенсона, Андрей, ныне, к сожалению, уже покойный, написал книгу об истории своей семьи «Память». Судя по всему, она не была издана – я не смогла ее найти ни в каталогах библиотек, ни в Интернете. Из всей огромной семьи сибирского купца Абрама Левенсона в России осталась лишь ветвь Михаила. Остальные разъехались по свету – Израиль, Франция, США. До недавнего времени в России жила лишь жена Андрея – Ирина. Возможно, рукопись книги у нее.

Хлеб и плимсоли, или О том, что люди покупали в Торгсине

Золото – на Запад, мука – на Восток. Сколько товаров продал Торгсин? Этапы большого пути: сувенирная лавка → мучной лабаз → валютный универмаг. Метаморфозы покупательского спроса. Все ли деньги Торгсина были потрачены?

До сих пор книга рассказывала о том, что люди приносили в Торгсин. Настало время посмотреть, с чем они выходили из его магазинов. Торгсин, как мифологический Янус имел два лица. Одно смотрело на Запад по направлению уходящего из страны на мировой рынок потока золота и других валютных ценностей. Второе лицо было обращено на Восток к собственному народу. В то время как «поток на Запад» золотился, серебрился и переливался бриллиантами, «Восток» был голодным и злым. Вопреки булгаковскому хрестоматийному образу «лососево-миткалевого» зеркального магазина, более точной метафорой Торгсина является сермяжный мучной лабаз: «на входе» в Торгсин было золото, «на выходе» – мешки с мукой.

Торгсин за годы существования пережил несколько превращений. До того, как он открыл двери советскому покупателю, Торгсин был сувенирной лавкой. Объемы его торговли были незначительны: в 1931 г. Торгсин продал товаров всего лишь на сумму 6,9 млн руб. (*табл. 19*)[817]. Но тот год стал рубежным в его истории – летом начались операции с царским чеканом, в начале осени правительство разрешило советским гражданам получать на Торгсин денежные переводы из-за границы, а в ноябре началась продажа товаров на бытовое золото. После допущения в Торгсин советских потребителей обороты его торговли начали стремительно расти [818] (*табл. 19*).

Стала меняться и товарная структура продаж Торгсина. В первом полугодии 1931 г. продукты составляли 80% проданных товаров. Однако продовольственная специализация в тот момент не определялась спросом голодных: главной операцией Торгсина в первой половине 1931 г. было снабжение иностранных пароходов в советских портах, а те покупали преимущественно продовольствие. С появлением в торгсинах советских покупателей во второй половине 1931 г. доля продовольствия в торговле Торгсина вначале резко упала (до 20 – 25%)[819]: магазины Торгсина работали пока только в крупных индустриальных городах, пользовавшихся приоритетным государственным снабжением, благодаря которому горожане в полной мере еще не ощутили «продовольственные затруднения»[820].

В 1931 г. деревня о Торгсине пока не знала. Список товаров, пользовавшихся главным спросом в торгсиновских магазинах во второй половине 1931 г., отражал рубеж между относительным и шатким городским благополучием и наступавшим голодом – наряду с обувью, трикотажем, готовым платьем, бельем и текстилем высокий спрос имели мука и сахар[821].

Результаты 1931 г. свидетельствовали, что у Торгсина существовала потенциальная возможность стать городским элитным магазином ширпотреба улучшенного качества, но голод перечеркнул эту перспективу. В 1932 г. – первый год массового голода в СССР – доля продовольствия в продажах Торгсина выросла с 47% (I кв.) до 68% (IV кв.)[822]. В районах с преобладанием крестьянского населения, обобранного до нитки государственными заготовками, удельный вес продовольствия в структуре продаж Торгсина был и того выше. В мае 1932 г. из Башкирии, например, сообщали, что Торгсин на 80% торговал мукой, остальные товары продавались слабо[823]. С Северного Кавказа в декабре 1932 г. доносили, что спрос в Торгсине существовал только на муку, крупу, растительное масло и сахар. По словам донесения, «громадное количество покупателей» толпилось у универмагов Торгсина, в основном сельские жители, которые «пришли исключительно за мукой», а «промтоварами покупатель за последнее время не интересуется почти совершенно»[824].

По мнению комиссии ЦКК ВКП(б) и НК РКИ, которая проверяла работу Торгсина в конце 1932 – начале 1933 г., ажиотажный спрос на продовольствие объяснялся неправильной политикой торгсиновских цен – слишком высокими ценами на промышленные товары и слишком низкими на продукты. Комиссия рекомендовала повысить цены на продукты питания, после чего приняла оптимистичный, но нереальный план продаж на 1933 г. – в нем продовольствие и промтовары должны были иметь почти равный удельный вес (соответственно 55 и 45%)[825]. Следуя рекомендациям свыше, руководство Торгсина в начале 1933 г. повысило цены на продукты, но характер покупательского спроса не изменился. Напротив, в I кв. 1933 г. доля продовольствия в продажах Торгсина выросла до 85%! Больше половины (60%) продуктов, проданных Торгсином зимой 1933 г., составляла «хлебная группа»[826]. Сравнение материалов преимущественно крестьянской Западной (Смоленской) и городской Ленинградской контор свидетельствует, что и в городе и в деревне продовольствие лидировало в продажах[827]: люди меняли ценности на муку. НК РКИ, проводивший проверку Торгсина, сообщал: *«Если нет муки и крупы, то нет и очередей»*[828]. Структура продаж кричала о голоде, но чиновники упорно пытались объяснить происходившее

политикой цен. Голод привел к резкому скачку торгсиновской торговли: в 1932 г. люди купили в Торгсине товаров на сумму более 50 млн руб. (*табл. 19*). Региональная сеть магазинов Торгсина в 1932 г. только начала разворачиваться, будь она создана раньше, объемы торговли Торгсина в тот голодный год оказались бы значительно больше.

План Торгсина по продаже товаров на 1933 г. – 100 млн руб. – явно рассчитывал на продолжение голода. В начале года зампредседателя Правления Азовский цинично-триумфально заявил, что ни одна другая организация «не располагала такими благоприятными условиями для работы, какие имел Торгсин»[829]. Масштабы трагедии оказались больше пугающе-смелых плановых наметок: продажа товаров населению в 1933 г. достигла рекордной суммы 106,5 млн руб. (*табл. 19*). Счастлив был тот, у кого было что снести в Торгсин в тот страшный год. Продукты составили львиную долю (более 80%) всех проданных Торгсином товаров. Мука, преимущественно дешевая ржаная и пшеничная низких сортов, лидировала, составляя более 40% в общей массе продуктов, проданных Торгсином в 1933 г.[830] По неполным данным, в 1933 г. люди вынесли из Торгсина около 235 тыс. т муки[831], 65 тыс. т крупы и риса, 25 тыс. т сахара[832]. Эти основные продукты питания были главными в спросе голодных. Продажа товаров «сытого» спроса была незначительной: в 1933 г. Торгсин продал рыбо-икорных товаров на сумму 1,1 млн руб. (немногим более 3 тыс. т), фруктов на сумму около 0,6 млн (1,7 тыс. т), мяса на 1,2 млн руб. (2,8 тыс т), шелковых тканей на сумму около 0,8 млн руб. [833], обуви на 2,7 млн руб., мехов и винно-водочных изделий (каждого) на сумму 0,7 млн руб., а антиквариата всего лишь на 0,3 млн руб.[834] Зеркальные магазины деликатесов терялись среди дерюги мешков с мукой. Из всех контор в Правление Торгсина в Москве неслись просьбы прислать больше муки – торговля, не поспевая за голодным спросом, шла с перебоями[835]. Директора торгсиновских магазинов повсеместно объясняли срывы планов продаж своих магазинов плохими поставками муки. Продажа «товаров хлебной группы» в Торгсине в период голода была ограничена не покупательским спросом, а недостаточным государственным снабжением его магазинов.

Голод начал стихать с началом лета и сошел на нет с получением хорошего урожая[836]. Статистика Торгсина отразила нормализацию продовольственного положения в стране: повсеместно число людей, сдававших ценности, снизилось, а средняя величина суммы ценностей, сданных одним человеком, выросла[837] – показатель того, что среди «сдатчиков» начали преобладать люди более состоятельные,

продававшие ценности Торгсину не из нужды и не по мелочи, а чтобы купить дорогостоящие товары элитного спроса. Торгсиновские работники стали незаконно включать в свои пайки вино, фрукты, какао и шоколад, значит, хлеб и масло теперь были в достатке[838]. Изменилась и структура спроса. Планы продажи муки в Торгсине больше не выполнялись, так как с хорошим урожаем правительство завалило хлебом коммерческие магазины, и вообще спрос на продукты резко упал. Осенью 1933 г. продажа продовольствия в Торгсине составила 40% от уровня весенней торговли[839]. Руководство Торгсина вынужденно и резко стало снижать цены на продукты, чем вызвало недовольство правительства[840]. С отступлением голода вырос спрос на промышленные товары. Даже из крестьянской Западной конторы зимой 1934 г. сообщали, что за последний месяц вдруг продали 2 фотоаппарата, велосипед и патефон, которые полтора года лежали невостребованными на Смоленской базе [841]. Вновь появилась надежда превратить Торгсин в валютный образцовый универмаг.

Несмотря на то что голод отступил, в 1934 г. Торгсин получил очень высокий план – продать товаров на 100 млн руб. (столько же, сколько и в страшном 1933 г.)[842]. Торгсиновское руководство надеялось выполнить план за счет ширпотреба, однако итоги продаж первой половины года – 34 млн руб. – свидетельствовали о провале[843]. Всего в 1934 г. Торгсин продал товаров на сумму 60,7 млн руб. (*табл. 19*). Как и ожидалось, удельный вес промышленных товаров в продажах вырос, но продовольственная группа в 1934 г. все же продолжала лидировать.

В 1935 г. в стране отменили продовольственные карточки[844]. На месте пайковых закрытых распределителей и орсов[845] появились магазины «свободного доступа». По всей стране в городах открывались специализированные магазины одежды и обуви, гастрономы, бакалеи и образцовые универмаги. Оживился и крестьянский рынок. Люди теперь могли купить хлеб, мясо, крупу, сахар, масло и другие продукты за рубли, не жертвуя фамильными ценностями. Развитие торговли «свободного доступа» привело к дальнейшему усилению «сытого» спроса[846]. Селедка – один из основных продуктов пайка первой половины 1930-х гг. – надоела, люди требовали свежую рыбу. В городских торгсинах покупатели теперь хватали не муку, а модные плимсоли (пляжные туфли), меха, патефонные пластинки, филигранную бумагу. Люди сдавали ценности, чтобы купить бижутерию и галантерейные товары, причем, как сообщал Ленинградский торгсин, простые пуговицы не брали, спрашивали крупные импортные перламутровые. Торговля галантереей, по при-

знанию того же отчета, шла за счет импортных остатков, залежавшихся в годы бесцветного пайкового снабжения[847]. Вернулось разнообразие ассортимента и спецификация: вместо не поддающегося определению вида и сорта «мяса» теперь прейскуранты перечисляли говядину, баранину, свинину «жирную или средней упитанности», венские сосиски, сардельки, колбасу краковскую, полтавскую, московскую... вместо обезличенного пайкового «кондитерские изделия» – «конфекты» «Фуши-Сан», «Директорские», «Весна», «Дерби», ирис «Кошечка»; не просто обувь – а «туфли светлых тонов»; вместо огульного «мануфактура» – подзабытые за годы бестоварья лионез, зефир, драп, бостон, крепдешин, крепжоржет. От прочтения прейскурантов почему-то запомнились «галстухи летних расцветок». Ажиотажный спрос на шелковый подкладочный материал свидетельствовал о возвращении к шитью нарядной одежды на заказ.

Все говорило о том, что период мучной лабазной торговли в Торгсине закончился. Торгсины превращались в магазины элитного валютного спроса, а такой спрос не мог быть массовым: полугодовой отчет Торгсина отмечал снижение в 1935 г. продаж по всем товарам, кроме текстильно-обувных[848]. По предварительным и, видимо, немного заниженным оценкам, в 1935 г. Торгсин продал населению товаров всего лишь на сумму 41,1 млн руб. Впервые продажа промышленных товаров в Торгсине обогнала продажу продовольствия (51% против 49%)[849]. Едва начавшись, трансформация мучного лабаза в валютный элитный магазин была оборвана закрытием Торгсина: в последние недели торговли люди «расхватывали» дефицитный ширпотреб[850] .

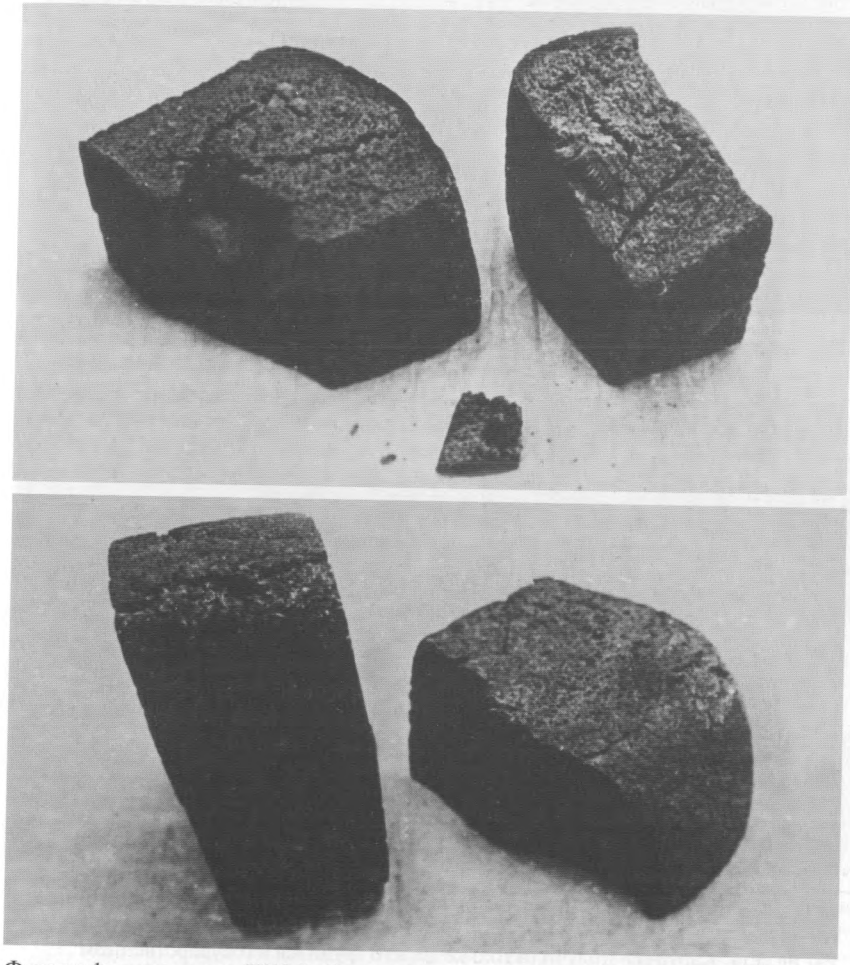
В соответствии с его финальным отчетом, в период с 1931 г. по февраль 1936 г. Торгсин за сданные ценности выплатил населению 278,2 млн руб. (*табл. 19*), а продал товаров на сумму 275 млн руб.[851] Сравнение выплат и трат показывает, что на руках у населения осталось нереализованных денег Торгсина на сумму около 3 млн руб., или, говоря образно, люди даром отдали государству около 2, 3 т чистого золота[852]. С закрытием Торгсина эти деньги пропали, став ненужными клочками бумаги. Конечно, даже одно напрасно отданное обручальное кольцо было досадой для семьи, а то и упущенным шансом выжить, но в статистике, которая оперирует сотнями миллионов, разницу в три миллиона можно считать незначительной: покупая продукты и промышленные товары в Торгсине, люди фактически вернули государству *все* торгсиновские деньги, что получили за свои ценности.

Близость выплаченных населению и потраченных им в Торгсине сумм не удивляет. Торгсиновская копейка была на вес золота не только потому, что люди пожертвовали за нее ценности, но и пото-

му, что служила спасению жизни. Естественно, каждый стремился потратить торгсиновские деньги быстро и без остатка, тем более что они были ограничены сроком действия. Период массового голода 1932–1933 гг. обращает на себя внимание (*табл. 19*): казалось бы, вопреки здравому смыслу, в эти годы люди потратили в Торгсине денег больше, чем получили от государства за свои ценности. Возможно, что этот казус объясняется несовершенством статистики Торгсина: 1932–1933 гг. были временем бурного развития торгсиновской сети и бумажный учет не поспевал за оборотами Торгсина; возможно, сыграли роль «переходящие остатки», которые зачислялись со старого на наступающий новый год. Но вероятно и другое объяснение: в период массового голода подделка денег Торгсина достигла апогея. 1932 г. показывает наибольшее превышение сумм, потраченных людьми в Торгсине, над суммой выплат населению за сданные ценности (2 млн руб.). В то время в Торгсине использовали бумажные ордера – ТОТ, которые было несложно подделать. Борясь с «фальшивомонетчиками», в начале 1933 г. Торгсин перешел на более защищенные от подделок именные товарные книжки[853]. Если превышение сумм денег, потраченных людьми в Торгсине, над суммами, которые они получили за сданные ценности, было результатом широкого хождения поддельных ордеров, то можно считать, что *средняя статистическая* справедливость восторжествовала: подделки в определенной мере компенсировали населению даром сданные ценности, деньги за которые так и остались нереализованными.

Благополучный 1934 г. показывает изменение соотношения выплат и трат: на руках у населения к концу года осталась значительная сумма не потраченных торгсиновских денег – 5 млн руб. (*табл. 19*). Главной причиной, видимо, являлся отложенный спрос. С отступлением голода и переориентацией валютного спроса на деликатесы и дефицитный ширпотреб люди стали более требовательными и разборчивыми. Покупатели теперь менее охотно шли на компромисс между желаемым и предлагаемым: в поисках желанного товара они колебались, откладывая покупку. С объявлением осенью 1935 г. о скором закрытии Торгсина начался интенсивный «сброс» населением товарных книжек: откладывать покупку становилось рискованно. Соотношение выплаченных и потраченных сумм стало выравниваться: в середине ноября 1935 г. остаток не отоваренных книжек составил 3,5 млн руб., более половины этой суммы приходилось на Москву и Ленинград[854]. В феврале 1936 г. Торгсин официально прекратил свое существование, но вплоть до лета правительство погашало долги, продолжая отоваривать оставшиеся у людей деньги Торгсина.

Торгсин родился в отчаянное время. В конце 1920-х гг. руководство страны взяло курс на форсирование промышленного развития. Не желая конкурировать с частником, государство начало ликвидацию частного предпринимательства, которое существовало в стране в период 1920-х гг.
Это привело к товарному и продовольственному кризису. С 1927 г. в стране стихийно распространялись продовольственные нормы и карточки, а в январе 1931 г. была введена всесоюзная карточная система на основные продукты питания и промышленные товары. Карточки отменили только в 1935 г., в последний год жизни Торгсина.



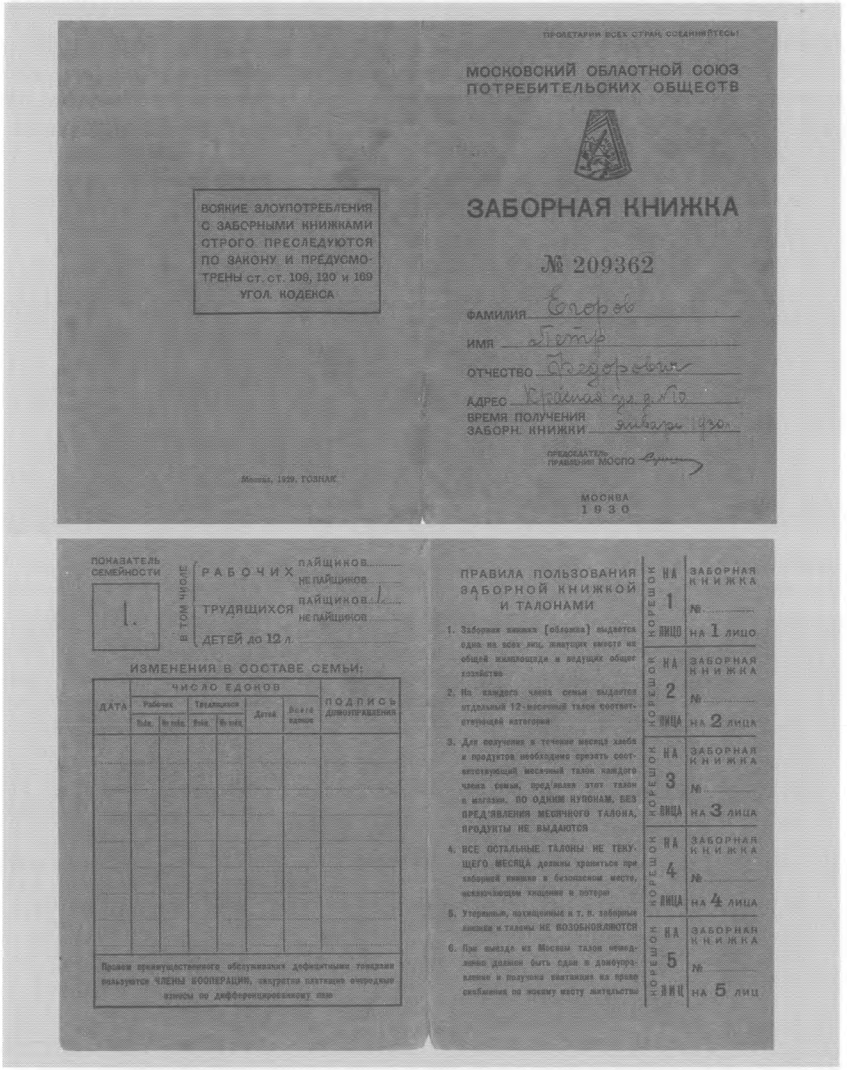
Фотографии из архива НКВД. Несмотря на относительно благополучный 1935 г. (время этих фотографий), хлеб с запеченными в нем болтами возвращает нас в голодное время первых пятилеток. Не случайно говорили: «Пятилетка – это значит отказаться от белого хлеба»

Торговля в первый день введения хлебных карточек в столице. Продавца заменил резчик, чьей обязанностью стало быстро нарезать пайки хлеба. Москва, 1929

Революционный лозунг «Кто не работает, тот не ест» в годы первых пятилеток получил индустриальный подтекст: «Кто не работает на индустриализацию, тот не ест». Карточки получили только те, кто трудился в государственном секторе экономики, а также члены их семей. Люди должны были отоваривать карточки в ведомственных закрытых распределителях (ЗР), закрытых рабочих кооперативах (ЗРК) и отделах рабочего снабжения (ОРС).
На фото – ЗРК завода «Манометр», 1930

ЗРК завода им. Сталина, 1932. Мясной отдел.
В момент введения карточек на мясо (июль 1930 г.) их получили только индустриальные рабочие – 14 млн человек в более чем 160-миллионной стране. Но даже мясные нормы снабжения рабочих были скудными

Москва ,1929. Страна уже живет на хлебном пайке. Крестьяне, составлявшие львиную долю населения страны, не получили карточек. Они приезжают в города менять молоко на хлеб. На снимке: подмосковные крестьяне возвращаются домой с пустой молочной тарой и закупленным продовольствием. Москва, 1929



ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОЮЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ

ЗАБОРНАЯ КНИЖКА

№ 209362

ВСЯКИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ С ЗАБОРНЫМИ КНИЖКАМИ СТРОГО ПРЕСЛЕДУЮТСЯ ПО ЗАКОНУ И ПРЕДУСМОТРЕНЫ ст. ст. 109, 120 и 169 УГОЛ. КОДЕКСА

ФАМИЛИЯ Егоров
ИМЯ Петр
ОТЧЕСТВО Федорович
АДРЕС Красная ул. д. 10
ВРЕМЯ ПОЛУЧЕНИЯ ЗАБОРН. КНИЖКИ января 1930

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ МОСПО

Москва, 1929. ТОЗНАК

МОСКВА 1930

ПОКАЗАТЕЛЬ СЕМЕЙНОСТИ: 1.

В ТОМ ЧИСЛЕ: РАБОЧИХ пайщиков ..... не пайщиков ..... ТРУДЯЩИХСЯ пайщиков 1 не пайщиков ..... ДЕТЕЙ до 12 л. .....

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ СЕМЬИ:

ДАТА	ЧИСЛО ЕДОКОВ: Рабочих (Взр. / Не взр.)	Трудящихся (Взр. / Не взр.)	Детей	Всего едоков	ПОДПИСЬ ДОМОУПРАВЛЕНИЯ

Правом преимущественного обслуживания дефицитными товарами пользуются ЧЛЕНЫ КООПЕРАЦИИ, сверхсрочно платящие повышенные взносы по дифференцированному паю

ПРАВИЛА ПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАБОРНОЙ КНИЖКОЙ И ТАЛОНАМИ

1. Заборная книжка (обложка) выдается одна на всех лиц, живущих вместе на общей жилплощади и ведущих общее хозяйство.
2. На каждого члена семьи выдается отдельный 12-месячный талон соответствующей категории.
3. Для получения в течение месяца хлеба и продуктов необходимо сдавать соответствующий месячный талон каждого члена семьи, предъявляя этот талон в магазин. ПО ОДНИМ КУПОНАМ, БЕЗ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ МЕСЯЧНОГО ТАЛОНА, ПРОДУКТЫ НЕ ВЫДАЮТСЯ
4. ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ТАЛОНЫ НЕ ТЕКУЩЕГО МЕСЯЦА должны храниться при заборной книжке в безопасном месте, исключающем хищение и потери.
5. Утерянные, похищенные и т. п. заборные книжки и талоны НЕ ВОЗОБНОВЛЯЮТСЯ.
6. При выезде из Москвы талон немедленно должен быть сдан в домоуправление и получена квитанция на право снабжения по новому месту жительства.

КОРЕШОК		ЗАБОРНАЯ КНИЖКА
НА 1 ЛИЦО		№ ..... НА 1 ЛИЦО
НА 2 ЛИЦА		№ ..... НА 2 ЛИЦА
НА 3 ЛИЦА		№ ..... НА 3 ЛИЦА
НА 4 ЛИЦА		№ ..... НА 4 ЛИЦА
НА 5 ЛИЦ		№ ..... НА 5 ЛИЦ

В стране уже ввели всесоюзную карточную систему на хлеб, а в промышленных центрах – карточки на все основные продукты питания.
На фото: заборная книжка на имя Егорова Петра Федоровича.
Выдана в январе 1930 г. Центральным рабочим кооперативом (ЦРК) города Подольска, Московской области **Документ из коллекции автора**

ЯНВАРЬ БЛАНК II МОСПО

ШТАМП МАГАЗИНА

ТАЛОНЫ к ЗАБОРН. КН. № 209362 ЯНВАРЬ
ФАМИЛИЯ Егоров ИМЯ Петр Отч. Федор.
АДРЕС Красная ул. д. 10 кв. 9
Подольский городской, поселковый совет

ШТАМП МАГАЗИНА

ЯНВАРЬ БЛАНК I МОСПО

ЯНВАРЬ МОСПО 6	ЯНВАРЬ МОСПО 12	31 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	30 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	24 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	18 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	12 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	6 ЯНВАРЬ ХЛЕБ
ЯНВАРЬ МОСПО 5	ЯНВАРЬ МОСПО 11	ЯНВАРЬ МОСПО 17	29 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	23 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	17 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	11 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	5 ЯНВАРЬ ХЛЕБ
ЯНВАРЬ МОСПО 4	ЯНВАРЬ МОСПО 10	ЯНВАРЬ МОСПО 16	28 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	22 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	16 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	10 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	4 ЯНВАРЬ ХЛЕБ
ЯНВАРЬ МОСПО 3	ЯНВАРЬ МОСПО 9	ЯНВАРЬ МОСПО 15	27 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	21 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	15 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	9 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	3 ЯНВАРЬ ХЛЕБ
ЯНВАРЬ МОСПО 2	ЯНВАРЬ МОСПО 8	ЯНВАРЬ МОСПО 14	26 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	20 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	14 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	8 ЯНВАРЬ ХЛЕБ	2 ЯНВАРЬ ХЛЕБ
ЯНВАРЬ	ЯНВАРЬ	ЯНВАРЬ	25 ЯНВАРЬ	19 ЯНВАРЬ	13 ЯНВАРЬ	7 ЯНВАРЬ	1 ЯНВАРЬ

ТРУДЯЩИЕСЯ ПАЙЩИКИ

ТАБЛИЦА № 1.								ТАБЛИЦА № 2.		ТАБЛИЦА № 3.					
3	6	9	12	15	18	21	24	27	30/31	2	4	8	12	16	20	24	28
2	5	8	11	14	17	20	23	26	29			7	11	15	19	23	27	31
1	4	7	10	13	16	19	22	25	28	1	3	6	10	14	18	22	26	30
												5	9	13	17	21	25	29

ВНОСИ В СРОК ПЛАТЕЖИ ПО ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМУ ПАЮ.
ПРОПУСТИШЬ СРОК – ПОТЕРЯЕШЬ ПРЕИМУЩЕСТВА ПАЙЩИКА.

БЕРЕГИ ЭТОТ ТАЛОН ОТ ПОТЕРИ И ХИЩЕНИЯ – НОВОГО ТАЛОНА НЕ ПОЛУЧИШЬ.

Продовольственные талоны, которые ЦРК г. Подольска выдал П.Ф. Егорову на январь 1930 г. «Береги этот талон от потери и хищения – нового талона не получишь» – в этой жесткой фразе заключена правда того времени.
Но ни один из талонов не был использован. Трудно поверить, что рабочий в то голодное время отказался от покупки продуктов.
Может быть ,Егоров поменял место работы или место жительства? В этом случае он должен был получать паек в другом закрытом кооперативе.
Документ из коллекции автора

ТОРГСИН РОДИЛСЯ

**В начале – малозначительная конторка Мосторга, Торгсин продавал за валюту антиквариат иностранным туристам в Москве и Ленинграде и снабжал иностранных моряков в советских портах.
Но индустриализация требовала средств, и в июне 1931 г. Торгсин открыл двери советским гражданам, которые могли покупать товары в его магазинах сначала в обмен на царский золотой чекан, а затем и в обмен на бытовое золото, серебро, драгоценные камни, наличную валюту и в счет денежных переводов из-за границы.**

Смоленская площадь – угол Садового кольца и Арбата.
Неизвестный фотограф навсегда остановил время на уличных часах.
Совсем скоро в этом здании откроется самый известный торгсин.
Михаил Булгаков увековечит его в романе «Мастер и Маргарита»

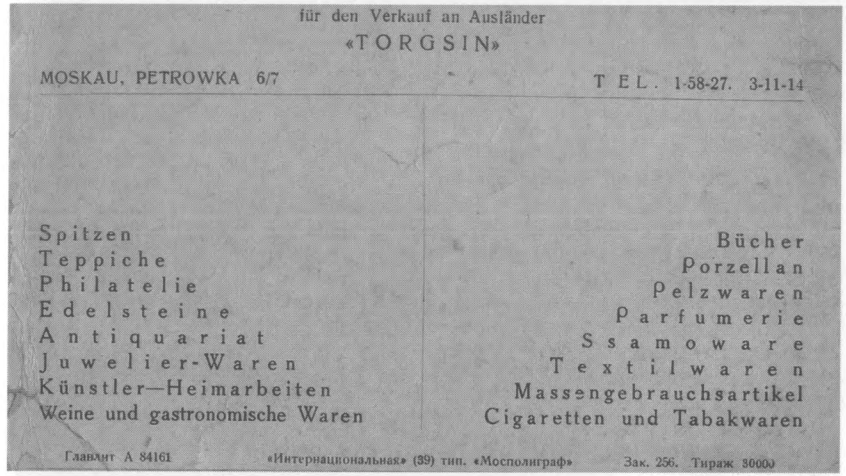
В Москве в период своего расцвета Торгсин имел 38 магазинов.
На фотографии—один из лучших в стране – магазин Торгсина на Петровке.
Автор этой замечательной фотографии И. Шагин назвал ее
"Первый регулировщик на улицах Москвы". Мастер поймал мгновение встречи времен: лошадь, везущая дрова, – символ доиндустриальной Москвы,
и тут же рядом –постовой милиционер и современное авто.
Время идет быстро. Торгсин – пока новшество, но скоро и он станет историей.
Фото из коллекции Льва Бородулина. Публикуется с разрешения Л. Бородулина

Москва, Петровка, 1930. Антикварный торгсин для иностранцев.
Руководство страны пытается решить валютную проблему за счет иностранных туристов. Торгсин пока еще закрыт для советских граждан

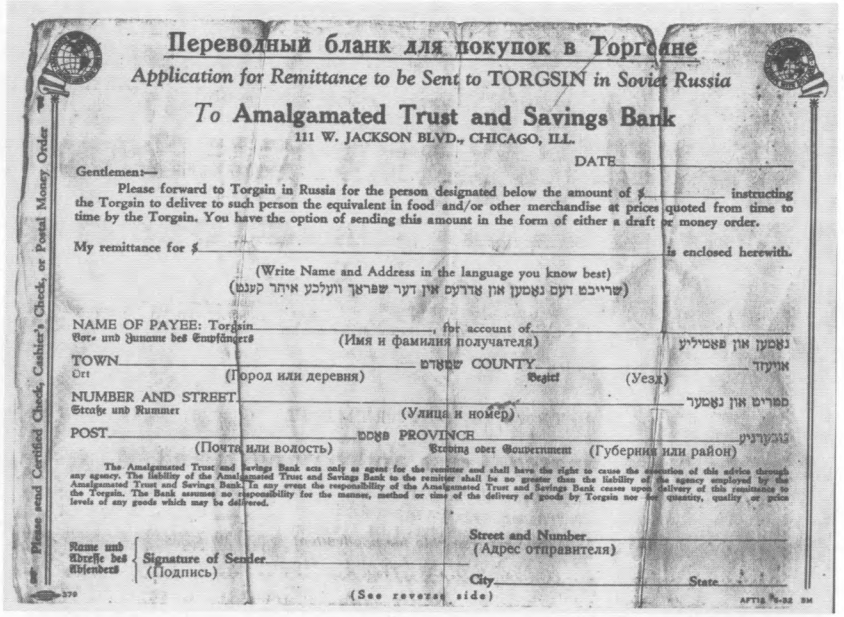
За коротким словом «ТОРГСИН» скрывались социальные антиподы: голодные, злые и грязные провинциальные лабазы, где крестьяне
меняли царский золотой чекан на мешки с мукой,
и зеркальные столичные оазисы деликатесов и антиквариата.
На фото: антикварный отдел одного из московских торгсинов (1932)

Москва, 1932. Меховой отдел магазина «Торгсин». Глядя на это рекламное фото, трудно поверить, что страна уже стоит на пороге массового голода, который унесет миллионы человеческих жизней

Москва, 1934 г. Отдел тканей в одном из торгсинов. Продавец-мужчина – явление обычное для Торгсина, который был мужским предприятием. Приглядитесь к покрывалам на верхней полке. Не напоминают ли они вам те, что были у вас в доме в 1960–1970-е гг.? Живя в послесталинское время, мы не осознавали, что при Сталине были заложены не только социально-экономические и политические основы нашей жизни, но и ассортимент привычных для нас товаров появился при нем – то же мороженое, те же конфеты, то же шампанское



Советская почтовая открытка с видом на Кремлевскую набережную и рекламой товаров Торгсина на немецком языке. Выпущена тиражом 30 тыс.экземпляров.
Из коллекции автора



Переводный бланк для покупок в Торгсине

Application for Remittance to be Sent to TORGSIN in Soviet Russia

To **Amalgamated Trust and Savings Bank**
111 W. JACKSON BLVD., CHICAGO, ILL.

DATE

Gentlemen:—

Please forward to Torgsin in Russia for the person designated below the amount of $ instructing the Torgsin to deliver to such person the equivalent in food and/or other merchandise at prices quoted from time to time by the Torgsin. You have the option of sending this amount in the form of either a draft or money order.

My remittance for $ is enclosed herewith.

(Write Name and Address in the language you know best)
(שרייבט דעם נאמען און אדרעס אין דער שפראך וועלכע איהר קענט)

NAME OF PAYEE: Torgsin, for account of
Vor- und Zuname des Empfängers (Имя и фамилия получателя) נאמען און פאמיליע

TOWN COUNTY
Ort (Город или деревня) Bezirk (Уезд) אויבער

NUMBER AND STREET
Straße und Nummer (Улица и номер) נומער און נאמען

POST PROVINCE
(Почта или волость) Kreis oder Gouvernement (Губерния или район) גאווערניע

The Amalgamated Trust and Savings Bank acts only as agent for the remitter and shall have the right to cause the execution of this advice through any agency. The liability of the Amalgamated Trust and Savings Bank to the remitter shall be no greater than the liability of the agency employed by the Amalgamated Trust and Savings Bank. In any event the responsibility of the Amalgamated Trust and Savings Bank ceases upon delivery of this remittance to the Torgsin. The Bank assumes no responsibility for the manner, method or time of the delivery of goods by Torgsin nor for quantity, quality or prices levels of any goods which may be delivered.

Name und Adresse des Absenders — Signature of Sender (Подпись)
Street and Number (Адрес отправителя)
City State

(See reverse side)

Please send Certified Check, Cashier's Check, or Postal Money Order

В общем валютном «урожае» Торгсина денежные переводы из-за границы составили 46,7 млн руб., или, в соответствии с официальным курсом валют, существовавшим в СССР, более 20 млн долларов США.
На фото: бланк поручения иностранному банку на перевод денег в счет Торгсина с тем, чтобы тот отправил продовольствие и товары по адресу, который будет указан в поручении. Текст поручения написан на русском, английском языках и идиш. Архив Института Гувера, Стэнфорд, США

Фрагмент почтовой открытки-извещения на имя жителя г. Очакова о том, что на его счет в Торгсине поступил денежный перевод из Германии.
Февраль 1934 г.
Из коллекции Михайлы Харитонова

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

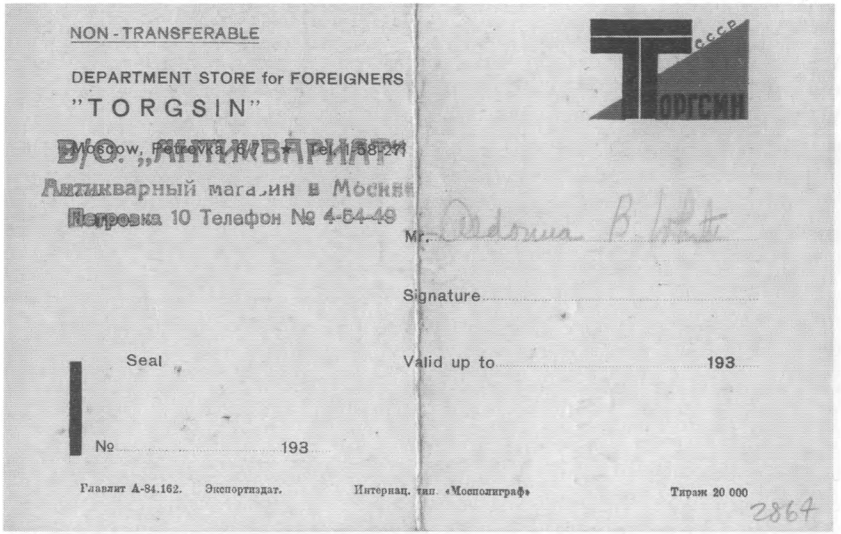
Извещение Торгсину в: Очаков

№

Банк для Внешней Торговли СССР
Правление: Москва 16, Неглинная, 12, 1-й этаж

В Агенство В/О „Торгсин" поступил через Рейхсбанк перевод от фирмы Fast & Co., Berlin W 62 в В/польву. По договоренности с Торгсином просим Вас явиться в Агенство Торгсина: (см. на обороте)

Банк для Внешней Торговли СССР в вашем городе, с документом, при Государственном Банке СССР удостоверяющим Вашу личность.



NON-TRANSFERABLE

DEPARTMENT STORE for FOREIGNERS
"TORGSIN"
Moscow, Petrovka 10 Tel. 4-54-49

В/О. „АНТИКВАРИАТ"
Антикварный магазин в Москве
Петровка 10 Телефон № 4-54-49

Mr. Aldonna B Wait

Signature

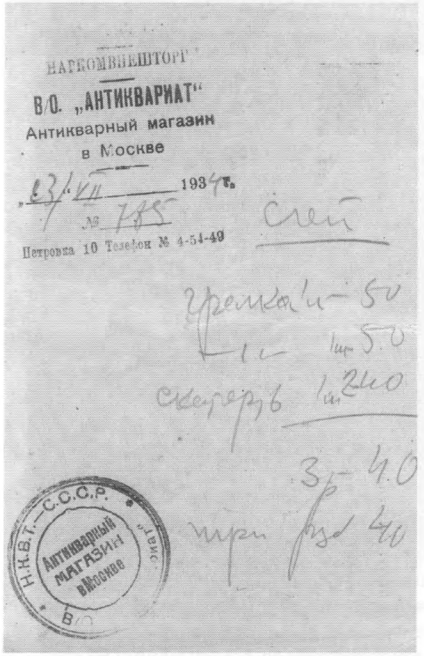
Seal

Valid up to 193

№ 193

Главлит А-84.162. Экспортиздат. Интернац. тип. «Мосполиграф» Тираж 20 000

2864



НАРКОМВНЕШТОРГ
В/О. „АНТИКВАРИАТ"
Антикварный магазин
в Москве
„23" VII 1934 г.
№ 785
Петровка 10 Телефон № 4-54-49

Н.К.В.Т. — С.С.С.Р. — Антикварный магазин в Москве — В/О

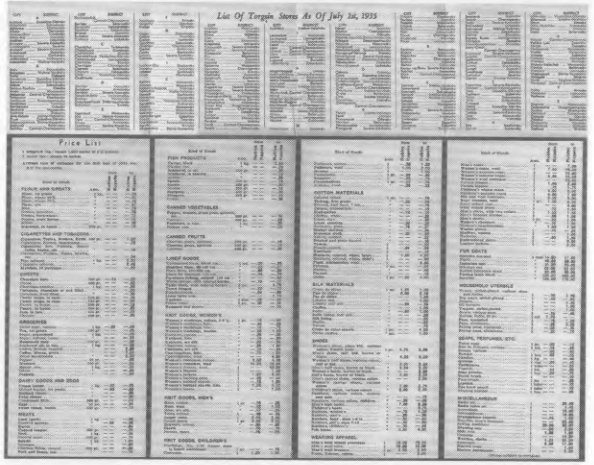
Слей

Грелки — 5р
1 шт 5.0
скатерть 1 шт 2.40
3-40
при рз 40

Торгсин был комиссионером Всесоюзного общества «Антиквариат», печально известного продажами за границу шедевров лучших музеев страны. Но вместе с художественными изделиями в антикварных магазинах Торгсина продавались и обычные товары повседневного спроса.
Покупательская карточка Алдонны Уайт, которая оказалась в моей коллекции, свидетельствует, например, что в 1934 г. она купила в антикварном магазине в Москве две грелки и скатерть.
При пустых полках советских магазинов и эти обыденные предметы являлись ценностями. Иностранцы, жившие в СССР, платили за них валютой

«ТОРГСИНИЯ»—ТОРГОВАЯ СТРАНА

Блистающие магазины в городах или неприглядные лавчонки в богом забытых селениях – торгсиновская сеть покрыла всю страну. В СССР каждый знал о Торгсине, но и за границей зазвучало – «Шлите доллары на Торгсин!»



Рекламный проспект на английском языке (1935 г.) призывал американцев посылать денежные переводы на Торгсин для друзей и родственников, живших в СССР. Обратите внимание, что среди главных форпостов Торгсина на карте показан Биробиджан – с 1934 г. административный центр Еврейской автономной области. Львиная доля валютных переводов, поступавших в адрес Торгсина из-за границы, являлась еврейскими деньгами. На обратной стороне карты – перечень городов, в которых работали торгсины, а также прейскурант.
Из коллекции автора

Через разветвленную сеть агентов и субагентов Торгсин проник не только в крупные центры, но и в отдаленные провинции многих иностранных государств. Так, в 1933 г. в США и Канаде денежные переводы на Торгсин принимали 24, в 1933–1934 гг. – 33, а в первой половине 1935 г. – более 40 организаций. В 1933 г. Амторг рекламировал Торгсин в 75 городах США. В 1935 г. представительство Торгсина в США даже использовало новшество – радиорекламу

Цены в Торгсине

Ценообразование под окрики правительства. Дефицитность, сезонность, монопольность. «Прошляпил» ли Торгсин голод? Снижение цен как вредительство. Застой торговли и ажиотаж «под занавес». Был ли Торгсин дорогим магазином?

Осенью 1933 г. буханка ржаного хлеба в Торгсине стоила 5 коп., а в магазине Мостропа[855] – 2 руб. 50 коп.[856] На первый взгляд, Торгсин мог показаться дешевым магазином, но не стоит торопиться с заключениями, ведь торгсиновские копейки были «золотыми». Правительство создало Торгсин не для того, чтобы помочь голодным, а для того, чтобы помочь индустриализации. Это положение и определило политику цен на товары в Торгсине. В период голода руководство страны не только не сдерживало рост торгсиновских цен, но требовало их значительного повышения. Оно ругало Торгсин за то, что тот «проглядел основной вопрос о ценах», «прошляпил голод»[857]. Пытаясь извлечь максимальную прибыль, правительство использовало голодный ажиотаж, когда же интерес к Торгсину ослаб, оно приказами пыталось удержать цены на высоком уровне: в 1934 г., вопреки падению покупательского спроса в условиях нормализации товарного положения в стране, правительство запретило Торгсину снижать цены и лишило его права ценообразования. Так, рынок и правительственный диктат формировали цены Торгсина. Погоня за валютой предопределила неравнозначность обмена ценностей на товары[858].

Утверждение о ценовом диктате советского руководства не означает того, что цены в СССР назначались произвольно. Напротив, огромные штаты научных институтов и правительственных учреждений в 1930-е и последующие годы бились над проблемой ценообразования в плановом хозяйстве. Они пытались решить грандиозную задачу регулирования соотношения количества денег в обращении, скорости денежного обращения, объемов товаров и цен. Иными словами, при социализме путем расчетов приходилось добиваться того эффекта, который при капитализме достигался стихийной работой рыночных механизмов. Исследователи советского ценообразования 1930-х гг. считают, что наряду с задачей сбалансирования денежного обращения, товарной массы и цен экономисты СССР решали еще и проблему изменения структуры стоимости товаров с тем, чтобы она обеспечивала накопления для индустриализации. Этим объясняется тенденция к повышению цен, которая особенно проявилась в первой половине 1930-х гг.[859] Советское ценообразова-

ние того времени, так же как и Торгсин, во многом определялось нуждами промышленного скачка.

Цены на товары в Торгсине прошли несколько фаз развития. Начальные 1931 – 1932 гг. были временем относительной вольницы. Формально Правление Торгсина должно было представлять прейскуранты цен на утверждение в Наркомвнешторг, но этот порядок не соблюдался. Замнаркома торговли Логановский «в интересах гибкости» своей властью разрешил Правлению Торгсина самостоятельно регулировать цены – немалая привилегия в плановой директивной экономике и свидетельство того, что правительство создавало для Торгсина режим наибольшего благоприятствования[860]. Торгсин широко пользовался правом самостоятельного ценообразования: на основе конъюнктурных обзоров о спросе на товары и ценах на местных рынках, поступавших в Москву из региональных контор Торгсина, ответственные исполнители Правления принимали решения о повышении или понижении цен[861]. Порой и сами директора магазинов оперативно регулировали цены, но с такой вольницей Правление Торгсина боролось.

В конце 1932 г. ЦКК – РКИ и Комитет Товарных Фондов и Регулирования Торговли при СТО, которые проверяли цены Торгсина, посчитали, что тот в полной мере не использовал ситуацию голодного спроса. Эти обвинения имели основания. Единственное крупномасштабное повышение цен было проведено в Торгсине вместе с развертыванием торгсиновской сети весной 1932 г., еще до наступления массового голода[862]. 1932 год стал временем наибольшего разрыва между продовольственными ценами Торгсина, с одной стороны, и ценами государственной коммерческой торговли и рынка – с другой. Так, с началом массового голода в конце 1932 г. торгсиновские цены (в золотом исчислении по номиналу) на ржаную муку и сливочное масло были в 40 раз, а на растительное масло в 60 раз ниже цен коммерческих государственных магазинов[863]. В то же самое время промтовары в Торгсине были значительно дороже, чем в коммерческих магазинах или на рынке. Так, весной 1932 г. сапоги в Торгсине стоили столько же, сколько и 5 пудов муки. Продав эту муку на вольном рынке, можно было на эти деньги купить в коммерческой торговле 2–3 пары сапог[864].

В начале 1933 г., когда миллионы людей умирали от голода, комиссия ЦКК – ВКП(б) и НК РКИ потребовала повысить цены на основные продукты питания в Торгсине и обязала Наркомвнешторг усилить контроль[865]. Правление Торгсина пыталось отстоять свое право «в *отдельных* случаях, по отношению к *отдельным* областям или *отдельным* товарам, *в виде исключения* из общего правила, в интересах более быстрого маневрирования товарами, изменять установленные расценки путем внутренних распоряжений, доводя *немедленно* об этом до сведения наркомата» (выделено мной. – *Е.О.*), но диктат цен стал набирать силу[866]. Во исполнение требований правительства в декабре 1932 г. при Правлении появилось Бюро цен: отныне не любой ответственный исполнитель, а только председатель Торгсина, в то время им был Сташевский, имел право изменять цены. Правительство требовало, чтобы Торгсин стал дороже всех других магазинов открытого доступа и даже рынка: к ценам, существовавшим на аналогичные товары в коммерческой и рыночной торговле, Торгсин должен был делать надбавку за «дефицитность, сезонность и монопольность»[867]. Рекомендовалось также принимать во внимание и цены, существовавшие на эти товары за границей. Дальше – больше. В мае 1933 г. по приказу наркома внешней торговли Розенгольца при Наркомвнешторге был организован Совет цен, который должен был диктовать цены Правлению Торгсина. Бюро цен Торгсина не менее двух раз в квартал должно было отчитываться перед Советом цен НКВТ об изменениях цен и конъюнктуре рынка[868].

Создание Бюро и Совета цен сделало процесс ценообразования менее маневренным. Однако в тот момент определение торгсиновских цен по-прежнему находилось в юрисдикции Наркомата внешней торговли при активном участии самого Торгсина. Хотя время реакции ценообразующих органов на конъюнктуру рынка удлинилось из-за бюрократизации и многоступенчатости процесса, но тот факт, что ценами занимались сами торговые организации, а не оторванные от торговли центральные директивные органы, типа СТО или НК РКИ, являлось определенным залогом рыночной оправданности цены. Кроме того, Наркомвнешторг был для Торгсина «домашним ведомством», что допускало неформальные отношения между ними. По изобличающему свидетельству комиссии СТО, которая в 1934 г. проверяла цены Торгсина, Совет цен НКВТ работал нерегулярно, Торгсин обращался в Совет цен «только по некоторым товарам», причем Торгсин мог затем и поменять утвержденные Советом цены[869]. Фактически Правление Торгсина под сурдинку продолжало само устанавливать цены в своих магазинах.

Под окрики правительства зимой 1933 г. – голод свирепствовал – Правление Торгсина дважды (!) повысило продажные цены на товары массового, а лучше сказать, повального спроса – муку, хлеб и крупу. Период голода стал единственным временем в истории Торгсина, когда его продажные золотые цены на основные продукты питания *в номинальном выражении* сравнялись или даже превзошли соврублевые цены промышленности, у которой Торгсин покупал товары[870] – факт вопиющий, ведь даже по официальному

курсу обмена золотой рубль Торгсина был в 6,6 раз дороже простого советского рубля, а по рыночному курсу голодного 1933 г. он был дороже соврубля в 60–70 раз! Несмотря на резкое повышение цен, спрос на продукты питания не упал[871]. Период зимы – начала весны 1933 г. в Торгсине был самым *экономически* неблагоприятным для обмена ценностей на товары: за «одну условную единицу ценностей» человек получал наименьшее во всей истории Торгсина количество продуктов. Именно в это время люди снесли в Торгсин львиную долю своих валютных сбережений.

Достигнув апогея весной, голодный спрос стал стихать: продукты появились на крестьянском рынке и люди уже не хотели покупать в Торгсине по инфляционным золотым ценам. Для поддержания спроса, начиная с апреля 1933 г., Торгсин стал постепенно снижать цены на продукты[872]. Тогда же были снижены цены и на некоторые промышленные товары[873]. Защищая свою политику цен, Сташевский писал, что есть сотрудники, которые считают снижение цен вредительством, между тем один такой сотрудник, *«продавая всего лишь по 1–2 флакона одеколона в день и выручая по 1–2 рубля, стоил Торгсину до 40 коп. в форме пайка плюс расходы по зарплате, аренде помещения и проч.»*[874] В августе 1933 г. с хорошими видами на урожай Совет цен НКВТ принял решение о новом и резком снижении цен на продовольствие (проведено в сентябре), в том числе продажная цена на основной товар в Торгсине, ржаную муку, была снижена на 40%[875]. До конца года цены на продукты в Торгсине продолжали падать, отражая улучшение продовольственного положения на потребительском рынке[876]. Осенью были также снижены цены на обувь, швейные изделия и другие промышленные товары. Эта мера была вызвана конкуренцией между Торгсином и открывавшимися новыми специализированными коммерческими магазинами, в которых цены выгодно отличались от торгсиновских и не имели «золотой начинки»[877]. В соответствии с отчетом Торгсина, если принять цены I кв. 1933 г. за 100, то во II кв. «средневзвешенный уровень цен» составил 80, в III кв. – 53, а в IV кв. 1933 г. – только 43[878]. Килограмм ржаной муки зимой 1933 г. стоил 20 коп. золотом, а в конце года – 5 коп.[879]; цена на сахар-рафинад к концу года упала почти в два раза, цена на сливочное и растительное масло – в три раза (*табл. 20*)[880].

Руководство страны не беспокоилось, пока цены на товары в Торгсине росли, но их резкого снижения не стерпело: ведь скупочные цены на драгоценные металлы и камни не изменились, а это значило, что теперь, со снижением продажных цен, за «одну условную единицу ценностей» государство отдавало людям в несколько раз больше товаров и продуктов. Так, голодной зимой – весной

1933 г. в приисковых районах за килограмм шлихового золота старатели получали в Торгсине 3,2 т муки, летом – более 4 т, а в конце года – 9,2 т![881] Весной 1934 г. относительной вольнице ценообразования в Торгсине, а также ориентации на конъюнктуру рынка был положен конец. Начался период жесткого правительственного диктата. Специальная комиссия СТО в марте 1934 г. проверяла цены Торгсина и признала их снижение неоправданным[882]. Комиссию особенно возмутил расцвет частного предпринимательства: люди с выгодой для себя использовали разницу цен в разных видах торговли. Они перепродавали на вольном рынке купленные в Торгсине продукты и использовали «навар» от продажи для покупок ширпотреба в коммерческой торговле[883]. Наказание не заставило долго ждать: Наркомвнешторг, а вместе с ним и Торгсин, потеряли право самостоятельно определять цены на свои товары[884]. Отныне СТО устанавливал, а СНК утверждал минимальный и универсальный для всех контор уровень цен на каждый (!) товар, ниже которого цены Торгсина не могли опускаться[885]. Торгсин имел право лишь повышать минимальные цены, если к тому располагала конъюнктура рынка – пожелание, которому в условиях улучшения товарной ситуации в стране вряд ли суждено было осуществиться. По требованию комиссии СТО весной 1934 г. цены на все основные виды продовольствия в Торгсине были повышены (*табл. 20*)[886]. Как и следовало ожидать, в условиях нормализации снабжения и развития торговли открытого доступа это привело к дальнейшему снижению спроса на продукты в Торгсине, затовариванию и падению рентабельности его торговли. Но руководство страны не сдавалось. В 1935 г., несмотря на просьбы региональных контор Торгсина снизить не отвечавшие спросу цены, правительство обвиняло управляющих контор в том, что те хотели идти «по пути наименьшего сопротивления»[887].

Голод уже не помогал Торгсину, а директивами заставить людей покупать по инфляционным ценам было нельзя. Из региональных контор в Москву, в Правление Торгсина и Наркомвнешторг, пошли тревожные телеграммы о резком падении оборотов торговли, а в некоторых случаях и о полном ее прекращении. Из Казахстана, например, писали, что после повышения весной 1934 г. цен на основные продукты в Торгсине их продажа «день за днем падает сломя голову»: раньше мука расходилась по 1–2 т в день (Чимкент), а теперь продавали 1 т в пятидневку, животного масла продавали («когда было») от 100 до 180 кг в день, теперь не более 1 кг, мяса по старым ценам продавали от 100 до 150 кг в день, «теперь совсем не берут», растительное масло покупали по 5–6 л в день, а теперь по пол-литра, и то не каждый день, – «по такой цене будем реализовывать до

1936 года»; «имеется водочных изделий большой запас» – но после повышения цены и водку не берут. *«Одним словом, после наценки,* – заключал руководитель Казахского Торгсина, – *получился полный застой»*[888].

Резкое падение покупательского интереса к Торгсину заставило правительство сначала выборочно (*табл. 20*), а затем почти повально снизить цены на основные продовольственные товары[889]. Эта фаза вынужденного снижения продовольственных цен продолжалась до декабря 1935 г.[890] Однако мера оказалась запоздалой, а снижение недостаточным. Состояние торгсиновской торговли радикально не улучшилось. Спрос на продукты в Торгсине продолжал падать. В отличие от продовольствия, в течение 1935 г. правительство повышало цены на наиболее дефицитные промтовары, пытаясь аккумулировать валюту за счет «сытого спроса»[891]. С отступлением голода спрос на ширпотреб, действительно, вырос, но люди теперь могли купить практически те же товары и в универмагах за рубли. Падение покупательского спроса и затоваривание в Торгсине в 1934 и 1935 гг. стали одними из основных причин его закрытия. Законы потребительского рынка оказались сильнее директив правительства.

«Ажиотаж под занавес» стал заключительной фазой ценообразования в Торгсине. В декабре 1935 г. правительство опубликовало постановление о скором закрытии Торгсина. Оно мало изменило спрос на продукты, но началась почти паническая скупка промышленных товаров – свидетельство существовавшего отложенного спроса и относительно сытой жизни. Правление Торгсина сигнализировало: *«Целесообразно дальнейшее усиленное выкачивание находящейся на руках у населения иностранной валюты»*[892]. В последние недели работы Торгсина, когда люди торопились потратить оставшиеся на руках деньги, правительство повысило торгсиновские цены: на продовольствие в среднем на 20%, на промышленные товары в среднем на 40%[893]. Цена хозяйственного мыла (1 кг), например, выросла с 22 до 36 коп.; на несколько золотых копеек увеличилась цена разных сортов туалетного мыла; существенно, от 5 до 15 золотых коп., выросли цены парфюмерных и косметических товаров, на 6–10 золотых рублей – цены на патефоны, радио и сервизы[894] (*табл. 20*). Повысив цены в тот момент, когда население не могло больше откладывать покупку, советское руководство вновь доказало, что рыночная предприимчивость не была чужда социализму, если бизнесменом являлось само «пролетарское» государство.

Проведенный анализ свидетельствует, что в Торгсине правительство стремилось к монопольно высоким ценам, а его аппетиты ограничивались лишь потребительским спросом. Однако в то время в

СССР и в других видах открытой торговли (коммерческие магазины, рынок) цены «кусались». Чем от них отличался Торгсин? Главным преимуществом Торгсина был его ассортимент. Магазины Торгсина предлагали товары, которых не было в другой торговле. С появлением образцовых универмагов и специализированных магазинов Торгсин стал терять это преимущество, а вместе с ним и клиентов. В Торгсине покупки не ограничивались нормами, что выгодно отличало его от пайковых распределителей и даже от государственных коммерческих магазинов, в которых во время голода вводились «нормы отпуска в одни руки». Главным недостатком Торгсина по сравнению с остальной торговлей было то, что расплачиваться в нем надо было валютными ценностями. Именно эта валютная особость Торгсина после отмены карточек стала главной причиной падения покупательского спроса и его закрытия.

Были ли торгсиновские цены выгоднее цен других видов торговли? На этот вопрос не просто ответить. В Торгсине за мешок муки человек отдавал горсть драгоценностей[895]. Как сравнивать кольца и серьги с бумажными рублями? Добавляет сложности и то, что в первой половине 1930-х гг. в СССР существовало несколько уровней цен: чрезвычайно низкие пайковые, высокие цены государственных коммерческих магазинов и астрономические цены рынка. Кроме того, в то время цены, за исключением пайкового снабжения, быстро менялись – достигнув апогея голодной весной 1933 г., к концу года они резко упали. Более того, цены рынка значительно отличались по регионам страны. В зависимости от ситуации на потребительском рынке менялся и вольный обменный курс торгсиновского и простого рубля. Официальный курс обмена (1 : 6,6) оставался на бумаге, в реальной жизни люди, да и торгсиновские работники, пересчитывали цены Торгсина в цены «черного» рынка, который был чутким камертоном изменения спроса и предложения. В период голода торгсиновский золотой рубль на рынке шел за 60–70 бумажных[896]. Осенью 1933 г. обменный курс по регионам колебался от 45 до 57 простых рублей за золотой торгсиновский[897]. С учетом всех этих сложностей ценообразования вряд ли возможно установить точную разницу стоимости товаров в различных видах торговли в СССР в первой половине 1930-х гг., но выявить общую динамику соотношения цен возможно.

Сравнение цен советской торговли (*табл. 21*) позволяет говорить о чрезвычайной дороговизне Торгсина в период массового голода зимы – весны 1933 г. Особенно высоки были цены на товары главного спроса того времени: муку, сахар, масло, мясо (*табл. 21*). Пересчет золотых цен Торгсина в простые рублевые по существовавшему в то время обменному курсу вольного рынка показывает,

что цены Торгсина на основные продукты питания, кроме муки, превышали и без того астрономические цены рынка – свидетельство того, что государственную политику цен в Торгсине определял голодный спрос, а не забота о человеке. Бьет в глаза колоссальная разница торгсиновских цен с протекционистко-низкими ценами пайка (*табл. 21*). Покупать по пайковым ценам в период голода было куда как выгоднее, но паек был доступен лишь избранным группам населения. Кроме того, даже тем, кто его получал, за исключением советской элиты, паек обеспечивал лишь существование впроголодь: его нормы и ассортимент были скудны, приходилось все равно докупать товары в Торгсине, коммерческих магазинах и на рынке по высоким ценам голодного времени.

Ранее уже было сказано, что период голода был временем наивысших цен на продовольствие в Торгсине и, следовательно, временем *экономически* наименее благоприятного для населения обмена ценностей на товары. Однако, говоря о невыгодности обмена, не стоит забывать об особенностях исторической ситуации. Вопрос не стоял так: «захочу – куплю в Торгсине, а не захочу в Торгсине, пойду в коммерческий магазин или на рынок». Реальность заключалась в том, что есть было нечего. Паек, если он полагался, был скуден, на рынке – пусто, коммерческие магазины – только в крупных городах, да и там не было достатка. Много ли историзма или просто здравого смысла в том, чтобы рассуждать о невыгодности покупать продукты в период голода в Торгсине, если нигде больше их купить было нельзя? Кто в такой ситуации будет смотреть на ценники? Цена человеческой жизни всегда выше цены на товар. Голод не оставлял людям выбора. Они покупали везде, где случилось быть продовольствию. Торгсин в то время не был альтернативой пайку, рынку или коммерческой торговле, он был их дополнением. Без сомнения, были те, кто в голодные годы наживался на перепродаже торгсиновских денег и товаров, но все же большинство покупателей Торгсина действовали не в интересах выгоды, а в целях выживания. Определение выгоды более характеризует позицию государства, которое, используя голод, выкачало у населения тонны ценностей.

С улучшением продовольственной ситуации в стране вопрос о выгодности или невыгодности покупок в Торгсине получил не только экономический, но и житейский и исторический смысл. Начиная со второй половины 1933 г. и вплоть до закрытия Торгсина люди покупали в Торгсине лишь то, что было в дефиците в других видах торговли или выгодно отличалось по цене. В результате изменилась социально-экономическая природа Торгсина. Если во время голода для большинства населения он являлся способом выживания, то с улучшением ситуации в стране в Торгсин стали ходить «от достатка» за деликатесами и модными новинками. Резкое снижение цен на продукты, проведенное Правлением Торгсина во второй половине 1933 г., создало благоприятные возможности для расцвета спекуляции в Торгсине. Правительственная комиссия, которая проверяла Торгсин, весной 1934 г. писала: «*Сравнение цен Торгсина, коммерческой торговли, колхозного рынка показало, что держателю золота и валюты выгоднее купить в Торгсине продовольственные товары, реализовать их по существующим ценам на рынке и на вырученные червонцы купить промтовары в коммерческом магазине*».

Люди играли и выигрывали на разнице цен разных видов советской торговли. Так, в начале 1934 г. пуд ржаной муки в Торгсине стоил 96 коп., а пара галош – 95 коп. Цена пуда ржаной муки на рынке в то время была 52–55 руб. Предприимчивый человек, продав по рыночной цене пуд торгсиновской муки, на вырученные деньги мог купить в Мосторге две пары самых дорогих галош, там они стоили 25 руб.[898] Период лета 1933 – весны 1934 г. (до вмешательства правительства) был временем наиболее низких продовольственных цен в Торгсине и наиболее выгодного обмена ценностей на продукты[899]. В этот период времени покупки продовольствия в Торгсине давали его клиентам наибольшие преимущества перед другими видами открытой торговли. Однако, как свидетельствуют документы, покупать промышленные товары в то время было выгоднее в коммерческих магазинах. Из Горького в ноябре 1933 г., например, сообщали, что в специализированном коммерческом магазине, который недавно открылся рядом с Торгсином, цены на промышленные товары (по номиналу) были всего лишь в 20–23 раза выше торгсиновских, при том, что золотой торгсиновский рубль был более чем в 50 раз дороже простого советского. При таком соотношении цен торговля в горьковском торгсине почти прекратилась[900]. Осенью 1933 г. золотые цены Торгсина (по номиналу) были в среднем ниже цен коммерческой торговли Мостропа в 48 раз, в то время как рыночный обменный курс золотого и простого рубля доходил до 1 : 57[901].

Во время директивного повышения цен с весны 1934 г. до конца 1935 г. покупки основных видов продовольствия в Торгсине стали невыгодны населению. Именно тогда из регионов в Правление Торгсина в Москву и полетели панические телеграммы о резком сокращении или полном прекращении торговли продуктами. Как писали из Казахстана, «продуктов на базаре много, торговля свободная, колхозный хлеб подвозится возами», «масло животное хорошего качества в неограниченном количестве», «пшено на рынке хорошее, а у нас даже такого нет». По всем районам Казахстана цены рынка были ниже цен Торгсина[902]. Директор Казахского Торгсина сетовал:

«...покупатель наш капризный, идет к нам только тогда, когда на базаре нет продуктов или для своей выгоды продать драгметаллы с расчетом 1 руб. (торгсиновский. – *Е.О.*) *за 60 руб. и выше в совзнаках. Иначе к нам не приходят».* В этот период времени люди в основном покупали в Торгсине продовольственные деликатесы и ширпотреб, которые отсутствовали в других видах торговли. Накануне закрытия Торгсина, когда правительство, используя покупательский ажиотаж, резко повысило цены, его магазины отличались особой дороговизной. В конце 1935 г. торгсиновские цены в их номинальном выражении лишь в 10–20 раз были меньше цен невалютных образцовых универмагов и специализированных продуктовых магазинов. Но соображения выгодности или невыгодности покупок в Торгсине в то время для людей вновь отошли на второй план – Торгсин закрывался, нужно было торопиться потратить оставшиеся на руках деньги.

Анализ соотношения цен свидетельствует, что правительство постепенно «подтягивало» золотые цены Торгсина (в их номинальном выражении) к ценам открытой государственной невалютной торговли, то есть к ценам коммерческих магазинов, а затем образцовых универмагов и специализированных магазинов, появившихся с отменой карточной системы. Если в период голода 1932–1933 гг. по основным товарам золотые цены Торгсина (в номинальном выражении) были от 40 до 60 раз меньше цен коммерческой торговли, то в период директивного вмешательства государства в 1935 г. это соотношение снизилось до 20–40 раз, а накануне закрытия Торгсина – до 10–30 раз. Золотые цены Торгсина в сравнении с ценами других государственных видов торговли (кроме пайка) все больше приближались к своему официальному курсу обмена: 1 золотой руб. за 6,6 простых советских[903]. Таким образом, к концу 1935 г. цены разных видов государственной открытой торговли (в их номинальном выражении) несколько выровнялись – свидетельство того, что правительство сводило на нет золотую составляющую торгсиновских цен. Люди продолжали сдавать драгоценности, чтобы купить товары в Торгсине, но «золотые» рубли, которые они получали, все более обесценивались.

Настало время ответить на один из заглавных вопросов этого сюжета: был ли Торгсин дорогим магазином? В ноябре 1935 г. председатель Торгсина Левенсон в записке наркому внешней торговли Розенгольцу представил расчеты покупательной способности доллара в Польше, во Франции и в Торгсине в СССР. В то время как на доллар в Польше можно было купить от 1,3 до 1,8 кг сливочного масла, а во Франции – 600–750 г, в СССР – только 250–400 г. По мясу покупательная способность доллара составляла в Польше – 1,8–3,8 кг,

во Франции – 0,5–2,3 кг, а в СССР – лишь 0,6–1 кг. Похожее соотношение существовало и по другим основным продуктам[904]: Торгсин был дороже не только магазинов Варшавы, но и Парижа.

Маслины для голодных

Привилегия импорта. Где купить «Форд»? Безделицы благополучной жизни. «Пир во время чумы». Узаконенное воровство. Последний импорт

В первой половине 1930-х гг. импортные продукты питания и товары ширпотреба попадали в советскую торговлю только или преимущественно через Торгсин. Только в магазинах Торгсина, например, можно было купить импортные мясо, жиры, консервы, оливковое масло. Торгсин расплачивался за импортные товары по ценам закупки и был освобожден от уплаты пошлины на импорт[905]. Право импорта потребительских товаров, которое получил Торгсин, – немалая привилегия, если учесть, что в начале 1930-х гг. руководство страны запрещало тратить валютные средства на неиндустриальный импорт, направляя практически всю валюту на закупки за границей сырья, машин и оборудования для промышленных гигантов. Но импорт Торгсина, как и все его операции, преследовал не гуманитарный, а экономический интерес – Торгсин втридорога перепродавал заграничные товары покупателям в СССР[906].

Сельдь из Голландии, рис, сафьян и козий пух из Персии, красители, эфирные масла и косметика из Франции, подошвенная кожа, медикаменты и часы из Германии, американские «Форды», химтовары, шерсть, обувь и зубоврачебные инструменты из Англии, галантерея из Польши, маслины и лимоны из Греции – таков далеко не полный список импортного ассортимента Торгсина, а также его партнеров. Покупки у соседей – прибалтийских государств, Финляндии, Румынии, Польши, Турции – считались политическими, они работали на укрепление дружеских отношений. Кроме соседей, основными странами импорта были Германия, Франция, Англия, Дания и Голландия. К 1934 г. вырос импорт потребительских товаров из США, а закупки в Германии по политическим причинам резко упали. В середине 1930-х гг. Япония стала превращаться в одну из главных стран торгсиновского импорта[907]. В 1936 г. – год заключения Японией и Германией направленного против СССР Антикоминтерновского пакта – Торгсин планировал закупить в Японии треть своего импорта, в том числе более половины импорта готовых изделий[908].

Торгсиновский импорт в сравнении с потребностями страны выглядел экзотически-штучным. В условиях государственной монополии внешней торговли и валютных ограничений он и не мог быть иным. Валютные ценности, которые Торгсин скупал у населения, шли на нужды индустриализации, а не на закупки импортного ширпотреба для людей. За время своего существования Торгсин потратил на закупку импортных товаров около 14 млн руб. (*табл. 22*) или менее 5% стоимости скупленных им ценностей[909]. Доля торгсиновского импорта в общем импорте страны была ничтожной[910].

Несмотря на мизерность, импорт играл огромную роль в создании привлекательности Торгсина для советских покупателей. Он придавал видимость валютной особости его ассортименту и ореол элитарности его магазинам. Для государства же продажа импортных товаров была способом заработать, она носила ярко выраженный спекулятивный характер. Цены продажи импортных товаров в Торгсине в 1932 г. превышали закупочные цены импорта в 1,5 раза, в 1934–1935 гг. – в 2–3 раза, а в 1933 г. – в 5 раз! (*табл. 22*). По плану 1936 г. Торгсин должен был продавать импортные готовые изделия почти в три раза дороже их закупочной цены[911]. По отдельным импортным товарам превышение цен продажи в магазинах Торгсина над ценами их закупки было существенно выше этих усредненных показателей[912]. Польские береты, столь модные в 1935 г., Торгсин продавал в шесть раз дороже цены импорта. По причине монопольно высоких цен на импортные товары в Торгсине их доля в общей сумме продаж оказалась весомой – более 15% (*табл. 22*).

В повседневной жизни первой половины 1930-х гг. были и периоды относительного благополучия и затишья, были и трагические годы массового голода. Отразилось ли это на ассортименте импортных закупок Торгсина? Из тех скудных данных, что удалось найти об импорте 1931 г., можно заключить, что Торгсин в то время закупал за границей в основном промтовары элитного (в понимании того времени) спроса – безделицы благополучной жизни. В документах перечисляются велосипеды, швейные машины, иглы, маникюрные наборы, зонты и трости, принадлежности для живописи, пенсне[913]. С массовым приходом в Торгсин советского потребителя и голодом в торгсиновском импорте появилось больше продовольственных товаров, но их ассортимент не «кричал» о трагедии. Человек, не знающий, что происходило в то время в СССР, по спискам товаров, которые Торгсин купил за границей в 1932–1933 гг., никогда бы не догадался, что миллионы людей умирали от голода. В импорте 1932 г. около 70% составляли промышленные товары, в том числе импортные лыжи и пьексы[914], обувь, трикотаж, шерстяные ткани, которые оказались мало кому нужны. С наступлением массового голода товаром главного спроса в Торгсине стала мука – люди хватали ее мешками, Торгсин работал с перебоями, магазины умоляли Правление увеличить поставки. Импортный план Торгсина на 1933 г. был значительным – 10 млн руб.[915], но муки в нем не было – СССР в то время сам заваливал западный рынок зерном, а из круп в импортном плане предполагались лишь незначительные закупки риса. В плане 1933 г. импорт продовольствия, в основном мяса и животных жиров, составлял всего лишь 16%. Больше половины (55%) импортных средств должно было пойти на закупки текстильных товаров – тканей, трикотажа, галантереи, остальное – на импорт обуви, кож, а также всякой всячины – патефонов, фотоаппаратов, часов, пишущих машинок, американских авто[916].

Структура торгсиновского импорта 1932–1933 гг. свидетельствует, что он не имел цели облегчить массовый голод в стране. Главные продукты того времени – муку, крупу, растительное масло – Торгсин не покупал за границей, а брал из внутренних скудных источников снабжения за счет оголения пайковой и государственной коммерческой торговли. В феврале 1933 г., например, председатель СНК и СТО СССР В.М. Молотов телеграммой санкционировал выдачу муки, крупы и риса для Торгсина из *местных* фондов снабжения и запасов командного резерва[917]: правительство не доснабжало одних, чтобы использовать эти товары для выкачивания валюты у других. То продовольствие, что Торгсин импортировал в голодные годы, было крохами для голодавшей страны: в 1933 г. планировалось закупить 425 т масла, 1 тыс. ящиков яиц, 300 т сыра, 1 тыс. т свинины, 500 т говядины[918]. Разделите это на 160 млн человек населения, чтобы оценить ничтожность торгсиновского импорта[919]. Более того, 10-миллионный план импорта 1933 г. так и остался на бумаге. Комиссия ЦКК и НК РКИ, которая проверяла Торгсин весной 1933 г., потребовала умерить его импортные аппетиты. Обвинив Торгсин в том, что тот продавал отечественные продукты по бросовым ценам, что ширпотреб на его складах лежал без движения, а хищения достигли колоссальных размеров, комиссия потребовала ограничить импорт до 2 млн руб., в том числе 500 тыс. руб. следовало потратить на закупку промышленных товаров[920]. В результате вмешательства «свыше» план импорта был значительно урезан.

В 1933 г. Торгсин купил за границей товаров только на 4 млн руб.[921], но зато продал их голодавшему населению за 21 млн золотых руб.! (*табл. 22*). Так, молоко за границей покупали по 5 коп. (л), а продавали населению по 16–20 коп.; сыр покупали по 45 коп. (кг), а продавали по 1 руб. 90 коп., кофе, купленный по 50 коп., продавали по 3 руб. 50 коп.–4 руб.[922] По товарам голодного спроса «на-

вар», полученный государством на разнице продажных и закупочных цен импорта, был еще более вопиющим. Так, мясо, купленное за границей по 13 коп. (кг), продавали по 1 руб. 75 коп., то есть почти в 14 раз дороже![923] В 1933 г. накидка к себестоимости импортных товаров по шпигу и шерсти составляла 150%, по цитрусовым – 200, специям – 400, галантерее – 300, рису и какао-бобам – 500, хлопку, часам, патефонам – 250%[924].

План 1934 г. разрешал Торгсину купить импортных товаров на сумму 2,4 млн руб.[925] Он был выполнен за девять месяцев и, видимо, Торгсин выторговал у правительства еще полмиллиона рублей на дополнительный импорт. Заграничными товарами руководство пыталось удержать потребительский интерес к Торгсину, который после отступления голода стал стремительно падать. По данным первых трех кварталов 1934 г., больше половины импорта составляли продукты, главным образом деликатесы: кофе, какао, инжир, миндаль, оливковое масло, специи, цитрусовые, а также шпиг, свинина, молоко, сливки, сыр, яйца[926]. В 1934 г. Правление Торгсина взяло курс на «индустриализацию импорта»: считая, что для экономии валюты выгоднее производить готовые товары дома, Торгсин стал закупать за границей преимущественно сырье и полуфабрикаты[927]. В числе мер по перестройке работы Торгсина в новых условиях нарком торговли Розенгольц приказал копировать импортные образцы, по сути воровать у Запада: *«Завести на предприятиях, работающих на Торгсин, специальные уголки образцов, по которым должна изготовляться продукция. Для импорта указанных образцов* (подчеркнуто мной. – *Е. О.*) *выделить из импортного плана 5 тыс. руб.»*[928] Для собственного производства товаров «импортного качества» Торгсин начал покупать за границей и оборудование, например, машины для выработки модных в середине 1930-х гг. беретов.

В 1935 г., несмотря на резкое сокращение торговой сети и свертывание деятельности Торгсина, его импорт остался на уровне предыдущего года (*табл. 22*). Структура импорта отражала развитие «сытого спроса»: доля продуктов питания, которые теперь можно было купить в обычных магазинах, не жертвуя ценностями, сократилась, но выросла доля дефицитного ширпотреба. Продолжалась «индустриализация импорта» – сырье и полуфабрикаты составили почти треть закупок 1935 г. В 1936 г. Торгсин планировал дальнейшее сокращение и «индустриализацию импорта»[929]. Решение о закрытии Торгсина к этому времени уже было принято, и этот последний импорт должен был пойти на отоваривание оставшихся на руках у населения денег Торгсина, а также снабжение получателей валютных переводов из-за границы.

Торгсин и ОГПУ

Валютное соперничество. «Кто нам мешает, тот нам поможет». «Золотые камеры» и «деньги спасения». Жизнь между молотом и наковальней. Советская повседневность: обыденность приключения, привычность риска

Объединенное Государственное Политическое Управление, коротко ОГПУ, с самого начала считало Торгсин «ненужной инстанцией» и выступало против допуска советских граждан в его валютные магазины. Однако после того как Политбюро приняло решение открыть Торгсин для советского покупателя, ОГПУ не осталось ничего другого, как смириться. Представители ОГПУ работали в составе правительственной комиссии, которая в конце 1931 г. определила районы деятельности Торгсина и методы его работы[930]. Именно в местные представительства ОГПУ приходили эмиссары Правления Торгсина за информацией о «золотом и валютном потенциале» района и целесообразности открытия там торгсиновских магазинов. Торгсин пользовался услугами ОГПУ для давления на нерадивых поставщиков, транспортировки ценностей и секретной почты, розыска получателей валютных переводов среди ссыльных и заключенных, чисток торгсиновского аппарата от «чуждых элементов», пресечения хищений и других экономических преступлений.

Наряду с этим «нормальным» для 1930-х гг. сотрудничеством двух ведомств между Торгсином и ОГПУ существовало и нездоровое соперничество: источник выполнения государственных планов по «добыче золота и валюты» у них был один и тот же – сбережения советских граждан. Со времен революции конфискация валютных ценностей у населения была одной из главных функций репрессивных органов. Революция отгремела, но валютные планы остались, и ОГПУ должно было их выполнять. В особых папках заседаний Политбюро в записи от 10 мая 1930 г. находим, например, такую директиву: *«Обязать ОГПУ в течение 10 дней добыть (! – Е. О.) от 1 до 2 млн рублей валюты»*[931]. Сумма немалая, а срок дан небольшой. У Торгсина был свой собственный валютный план, и тоже немалый.

И ОГПУ, и Торгсин трудились на благо индустриализации, но при общности валютных задач они использовали разные методы. В короткий период существования легального валютного рынка в первой половине 1920-х гг. советские граждане могли практически свободно купить и продать золото и валюту[932]. Начало форсированной индустриализации привело к краху легальных валютных отношений. Хотя в стране продолжали работать пункты золотоскупки, где

добровольцы могли продать свои ценности государству по «твердому курсу», но в условиях развивавшейся инфляции немногие хотели обменивать реальные ценности на обесценивавшиеся рубли: в период карточной системы и натурализации «черного» рынка на них мало что можно было купить. Слабость экономических стимулов восполнялась насилием против «укрывателей валюты»: ОГПУ проводило аресты, обыски, конфискации и расстрелы. Торгсину не нужно было применять насилие – в обмен на золото он предлагал населению бесценные в условиях голода продукты и товары. Поэтому в то время, когда сотрудники ОГПУ с наганом в руке гонялись за «держателями золота» и «валютными спекулянтами», те осаждали магазины Торгсина, умоляя принять драгоценности в обмен на продукты. Эта «вынужденная добровольность» превращала Торгсин в удачливого соперника ОГПУ.

А что если превратить соперника в помощника? Неизвестно, кому первому в ОГПУ пришла идея использовать Торгсин для выполнения плана «добычи» валюты. Скорее всего определенного автора не было, а практика развивалась стихийно – ее воплощение в жизнь не заставило ждать. Агенты ОГПУ стали следить за покупателями Торгсина, выискивая «держателей золота», а затем привычными методами – угрозы, аресты, обыски и конфискации – заставляли их отдать ценности государству. Одни агенты соблюдали конспирацию: следили за покупателями скрытно, устанавливая место жительства, а потом приходили с обыском. Другие работали «топорно»: с оружием в руках врывались в магазин, арестовывали людей прямо у прилавка, у кассы или на выходе, отбирали наличную валюту, а вместе с ней и купленные в Торгсине товары. В таких случаях в магазине начиналась паника, покупатели разбегались кто куда и некоторое время в магазин носа не показывали, а те немногие храбрецы, кто остался, требовали вернуть их ценности. Со всех концов страны в Правление Торгсина поступали жалобы его контор на действия местных представительств ОГПУ.

Наиболее ранние из найденных мной жалоб на противоправные действия ОГПУ относятся к осени 1931 г., то есть самому началу работы Торгсина с советскими покупателями. Так, Новороссийское отделение Торгсина жаловалось на увеличение числа случаев конфискации милицией[933] товаров, купленных в Торгсине, несмотря на то, что люди предъявляли квитанции, подтверждавшие легальность покупки. Пользуясь разрешением своего Экономического управления, сотрудники ОГПУ изымали золотые и серебряные предметы домашнего обихода[934]. Конторы Торгсина требовали, чтобы Правление добилось от правительства приказа о прекращении антиторгсиновских акций ОГПУ[935]. Действия ОГПУ в начальный период работы торгсинов можно списать на плохую информированность его местных представителей, инерцию, неразбериху и шок, которые сопровождали создание необычной организации «Торгсин». По сути ведь произошло неслыханное: Политбюро фактически поступилось принципом государственной валютной монополии, разрешив людям использовать ценности и валюту в качестве средства платежа. Даже валютный рынок нэпа не имел подобной привилегии! Столь резкий поворот валютной политики застиг врасплох не только местные органы ОГПУ – финансовая инспекция также отбирала товары, купленные в Торгсине, о чем сообщалось в одном из докладов[936]. Требовалось время для того, чтобы местная власть свыклась с мыслью о законности валютных операций Торгсина.

Шло время. В начале 1932 г. ЦК разослал в регионы директиву и письмо Сталина о содействии Торгсину[937]. Вышло правительственное постановление, требовавшее, чтобы ОГПУ проводило свои операции, не подрывая работы Торгсина[938]. Руководство Наркомата торговли, в чьем ведении находился Торгсин, провело переговоры с Экономическим управлением ОГПУ, то разослало на места циркуляры, разъяснявшие, что Торгсин имел право продавать на «эффективную», то есть несоветскую валюту[939]. Наркомат финансов, Госбанк и Наркомат юстиции отправили разъяснения о валютной деятельности Торгсина в свои местные отделения, секции рабоче-крестьянской инспекции и прокурорам[940]. Торгсин из диковинки превратился в обыденное явление советской жизни. Трудно поверить, что в 1932 г. – тем более в 1933 г. – местные органы ОГПУ могли не знать о том, что государство разрешило людям покупать товары в обмен на валюту и другие ценности. Однако жалобы на действия сотрудников ОГПУ – аресты покупателей в Торгсине, обыски их квартир, конфискацию валюты и товаров – продолжали поступать в Правление[941].

Председатель Торгсина Сташевский в докладной записке наркому торговли Розенгольцу в декабре 1932 г. сообщал, что Правление располагало *«обширными материалами с мест, из которых видно, что местные органы ОГПУ, угрозыска и милиции, вопреки циркулярного письма ЭКУ ОГПУ, совершают незаконные аресты лиц, покупающих товары в Торгсине или получающих валюту из-за границы»*[942]. Сташевский жаловался: *«27 августа 1932 года в наш магазин № 3 в Киеве явился работник Киевской областной милиции, т. Бейгул Семен Георгиевич, и тут же в конторе магазина подверг личному обыску застигнутых им наших покупателей, прекратив обыск лишь после настойчивых требований зав. магазином... В Вознесенске пекаря в числе 9 человек сдали Торгсину 2000 рублей валюты, за что были арестованы ГПУ. Операция ГПУ морально повлияла на сдатчиков*

инвалюты... Одесса. В наш магазин вбежали с обнаженным оружием два сотрудника 26 погранотряда ГПУ и арестовали неизвестного гражданина в магазине»[943].

Жалобы граждан подтверждали правоту Сташевского. В своем заявлении в Ленинградскую контору Торгсина некто Р.И. Пинчук возмущалась: *«3 октября с. г.* (1932 г. – *Е. О.) в 2 часа ночи (подчеркнуто мной. – Е. О.) была арестована моя дочь, Ида Давидовна Пинчук, 5-ым отделением милиции. Причина ареста – изъятие инвалюты. Никакой инвалюты, кроме получаемой мной из Америки от моих детей, у нее нет и все переводы поступали в Ваш адрес непосредственно, а также в адрес Государственного Банка... Прошу Правление Торгсина принять меры к освобождению моей дочери, иначе я вынуждена буду отказаться от получаемых мною из Америки денег»*[944]. Письмо Пинчук показывает довод, который советские граждане приводили в свою защиту, – законность получения валюты, а также угрозу впредь отказаться от валютных переводов из-за границы. Многие грозили сообщить родственникам за границей об инциденте, что было чревато не только снижением притока валюты, но и давало повод для антисоветской пропаганды.

Заведующий магазином некто Полиновский в рапорте в Киевскую контору Торгсина сообщал о случае, произошедшем 13 декабря 1932 г.: *«К магазину подошли трое неизвестных граждан, остановили выходящего в это время из магазина покупателя и приказали следовать за ними. Покупатель передал муку тут же стоявшей жене и пошел с ними. В это время стояла на улице большая очередь и я заметил, что среди публики началась паника и в магазине и около магазина не стало ни одного человека. Я выбежал на улицу, побежал к ним и на мой вопрос, куда и зачем они ведут покупателя, они ответили, что они отвечают за свои действия. На мое требование предъявить документы, они ответили, что они агенты ГПУ и отказались предъявить документы. Я пригласил их до выяснения личности в магазин и вызвал ГПУ. После всего Пом.[ощник] Нач.[альника] Милиции т. Крайзерт составил протокол и вызвал меня и т. Тверского и продавца Гуревича»*[945]. Судя по тому, что «агенты» не пытались бежать, а директору магазина пришлось писать рапорт, объясняя свои действия, люди, проводившие арест, действительно были сотрудниками местного ГПУ. В 1932 г. управляющий Псковского отделения Ленинградской конторы Торгсина сообщал, что *«потребители отдаленных районов не приезжают, боясь репрессий»*, а из Ташкента писали, что «сдатчики» ценностей всячески пытаются скрыть свою настоящую фамилию и адрес[946]. На совещании коммерческого отдела Ленинградского Торгсина один из сотрудников предложил выпустить специальные афиши, которые успокоили бы население, дав гарантии в том, что Торгсин не следит за людьми, которые сдают золото, *«а то публика боится нести свои несчастные кольца и часы»*[947]. Афиша, впрочем, скорее подлила бы масла в огонь, обнародовав и растиражировав ходившие слухи.

Инциденты не прекращались и в следующем, 1933 г. Некто М.Б. Коен в заявлении директору Киевской конторы Торгсина сообщал: *«27 июня с.г.* (1933 г. – *Е. О.) я вынул зуб у врача* (видимо, речь идет о золотой коронке. – *Е. О.*), *который проживает по ул. Пятакова, 24 и занес в магазин, там, где принимают лом. Я взял книжку* (товарную книжку Торгсина. – *Е. О.) и получил 140 кг муки ржаной в магазине № 2 и в магазине № 3 купил 70 кг муки. Выдали мне справку на право провоза в Проскуров и Умань*[948]. *Отняли муку и справку, а потому прошу директора дать распоряжение отдать мне 3 мешка муки – 210 кг»*[949]. По сообщению из Херсона крестьянин (имя не указано) получил ценным пакетом 25 долл. и зашел в Торгсин. Там он купил товаров на 11 долл., остальные оставил у себя. По дороге домой его арестовала милиция, отобрала продукты и доллары, несмотря на то, что Торгсин подтвердил легальность покупки[950]. Из Валдайского района сообщали, что налоговый инспектор конфисковал у жительницы села Загорье товарные ордера и товары, купленные в Торгсине: сахар, рыбные консервы и водку, всего на сумму 7 руб. 55 коп. После этого «к указанной гражданке нагрянуло ОГПУ и отобрало у нее несколько золотых царской чеканки»[951]. Из Узбекистана жаловались на действия милиции, которая отбирала муку у покупателей Торгсина в момент их выхода из магазина[952]. Управляющий Туркменской конторы Торгсина в 1933 г. также жаловался Правлению на действия местных политорганов: в Мерве клиента увели из магазина в ГПУ; в Чарджуе «гражданин» почти открыто установил пост на улице напротив магазина, наблюдая за теми, кто туда заходил; в Керках работника электростанции уволили с работы за покупку и, видимо, перепродажу, торгсиновской муки. По словам донесения, «потерпевший начал ходить по профсоюзам и кричать». В тех же Керках ГПУ требовало от оценщика торгсина фамилии тех, кто сдавал золото в больших количествах, о чем узнал весь город. *«Все работники г. Керки, с которыми пришлось беседовать,* – писал управляющий, – *заявили, что никто в Торгсин не сдает золото, потому что ГПУ арестовывает и отбирает золото»*. В Ашхабаде ГПУ провело обыск у только что принятого на работу оценщика, в прошлом ювелира. На другой день принятый на работу сбежал, даже не забрав своих документов[953].

Сотрудники ОГПУ могли действовать не напрямую, а через работников самого Торгсина: выведывали у оценщиков фамилии людей, сдававших золото, «приглашали на разговор» директоров магазинов и управляющих контор[954], а то и вовсе принуждали

оценщиков выдавать людям фиктивные квитанции, а затем сдавать полученное по ним золото в ОГПУ. В ход шли запугивание и насилие. По сообщению из Валдайского края: *«На днях в универмаг Торгсина явился один из агентов ОГПУ тов. Исаенко. Несмотря на то, что на нем было штатское пальто, всё же его все знают, кроме того, из-под воротника торчат петлицы... здесь же в универмаге при посторонней публике он пристал к пробиреру*[955] *с вопросом: "А у тебя где спрятано золото?" – Пробирер ему ответил: "Если тебе думается, что оно у меня есть, иди ищи". Поговорив с кассиршей и повертевшись минут 15 у кассы, он ушел»*[956]. Агент ушел, но дело свое сделал, посеяв страх среди работников магазина и покупателей.

Воспоминания тех, кто пережил голод в Украине, подтверждают свидетельства архивных документов о преследованиях ОГПУ клиентов Торгсина. Борис Хандрос в своем интервью Институту Фонда Шоа[957] рассказал о том, что происходило в его родных Озаринцах:

« – Это были очень богатые магазины. Там все было в этих магазинах, но за все надо было платить золотом. Они же еще и превратились в ловушки, в мышеловки... если мама принесла там кусочек, перстенек, там, или что, к ней не придирались, тем более что хорошо знали нашу семью. А если приходил какой-то еврей[958]*, скажем, Мойша, так, Кацев, и принес пятерку...*

– Монетку, да?

– Пятерку, это, монету. Тут же он попадал в список, его забирали. Эти камеры так и назывались «золотые камеры» (камеры, где ОГПУ держало арестованных, требуя отдать золото. – *Е.О.*). *Набивали эти камеры, стоя там, простаивали люди неделями, и выбивали из них золотые монеты. Выбивали то, что люди прятали еще в годы Гражданской войны...»* [959]

Другой житель Озаринцев, Лазарь Лозовер, подтверждая слова Хандроса о «золотых камерах», вспоминал:

«Я помню, когда в 33-ем году, то-ли в 34-ом году, брали многих людей за золото. НКГБ (ошибка, правильно НКВД. – *Е. О.*) *было такое у нас. Помню, как сегодня, взяли моего отца. Взяли моего отца тоже за золото. Ну, а, так как был у нас один, фамилия его была Энтин. Вроде бы по наслышимости он был как стукач. Понимаете, как "стукач"? – Мама и мы жили бедно. У нас ничего не было. Пол у нас был земляной, знаете, как в селе. И она пришла к нему и сказала* (далее рассказчик переходит на идиш. – *Е. О.*):

– Хаим, что это? Почему они забрали моего мужа?

– Не волнуйся. Завтра он будет дома. (Рассказчик переходит на русский язык – *Е. О.*) *Вы знаете нашу жизнь, наше это вот. Не волнуйтесь.*

Завтра, правда, наутро отец приехал домой. Побитый. Ему ставили пальцы между дверьми, чтобы он признавался, или у него что-то есть. А если у него – нема, чтобы он сказал, у кого есть. Понимаете?... были такие, что имели. Косов. Он занимался скотом, у него было (золото. – Е.О.). Так у него все забрали, и его забрали уже. Его забрали и так никто не знал, куда он делся. Ну, были слухи такие, что его убили, что, мол, он уже не нужный. Его уже использовали для этого дела, его расстреляли[960]*...*

– Много было таких евреев, которых забирали за золото?

*– Было. Было у нас. Было. Было. Было. Вообще-то, очень много забирали, но это все было несправедливо. Может, было 2–3 человека таких, что у него было (*золото. – *Е. О.), во. А в основном, не было. В основном, были такие, что просто брали на испытание или чтобы у него что-то выжать. Или чтобы он либо на кого-то что-то сказал, что он знает»*[961].

ОГПУ было не занимать изобретательности. Сотрудники политического управления требовали, чтобы клиенты Торгсина перенаправляли полученные из-за границы валютные переводы на счет ОГПУ или делали «добровольные» пожертвования в фонд индустриализации или МОПР[962]. В ход шла нехитрая логика: если у человека нашлась валюта для себя самого, то он, конечно, должен иметь ее и для страны[963]. В анонимном письме, посланном летом 1933 г. из Ленинграда на имя председателя ОГПУ В. Р. Менжинского (копии ушли прокурору СССР Катаньяну, Наркому финансов СССР Г.Ф. Гринько и заместителю наркома иностранных дел Г.Я. Сокольникову), сообщалось: *«ОГПУ в Ленинграде вынуждает граждан трудящихся, имеющих торгсиновские книжки, списывать с текущих счетов в Торгсине большую часть их сбережений под видом добровольного пожертвования. Иногда эти пожертвования достигают почти всей суммы текущего счета в Торгсине. Граждане под влиянием репрессий, а некоторые, боясь репрессий, отдают все, что с них требуют, а иногда и больше, лишь бы их не преследовали»*[964]. ОГПУ могло получить валюту и без согласия владельца банковского счета. В одном из документов Правление Торгсина описало такой случай: *«В Запорожье директора н[ашего] универмага пригласили в ГПУ и предложили сделать перевод в фонд индустриализации, 30 долларов по заборной книжке одного арестованного покупателя»*[965]. Охота за валютными переводами оставила след и в архивах ОГПУ. Циркуляр № 203 Экономического управления от 26 февраля 1932 г. сообщал об участившихся случаях ареста местными органами ОГПУ людей, в адрес которых поступали валютные переводы из-за границы[966]. Арестованные выдавали ОГПУ расписки о получении валюты, после этого их освобождали, но валюта оставалась у

органов государственной безопасности. В иностранные банки поступали жалобы на действия ОГПУ.

Воспоминания людей и письма 1930-х гг., посланные из СССР за границу, упоминают «деньги спасения» – выкуп за освобождение арестованных в СССР родственников. В одном из писем, пришедшем в США из местечка в Подолии в 1932 г., очевидец писал сыну: *«... у нас возобновилась болезнь прошлогодней зимы – арестовывают людей и требуют от них "деньги спасения"»*. А некто Глузгольд, проживавший в 1930-е гг. в США в г. Эльма, штат Айова, написал редактору еврейской газеты «Тог» о том, что в их город и соседние местности приходили телеграммы из Подольской и Волынской областей СССР от родственников с просьбами как можно скорее выслать денежные переводы: ОГПУ, с целью получить выкуп, арестовывало и пытало людей, у кого были семьи за границей. После получения денежного перевода местное ГПУ отпускало людей, но затем вновь следовал арест и вымогательство новой суммы валюты: по словам Глузгольда, телеграммы приходили от одних и тех же лиц каждые две недели. Родственники в СССР просили немедленно телеграфировать о высылке денег, чтобы избавить их от лишней недели пребывания в тюрьме[967].

ОГПУ оправдывало конфискацию золота и валюты у клиентов Торгсина тем, что отбирало *припрятанные* ценности, которые государство в противном случае не получило бы. Конфискация валютных переводов не укладывается в это объяснение. В случае с валютными переводами ОГПУ забирало деньги, которые уже находились на счету государственной организации «Торгсин». Люди не получали эти деньги на руки и, следовательно, не могли их спрятать. Валютные переводы из-за границы не просто были законными и совершались открыто, руководство страны их всячески поощряло[968]. Конфискация валютных переводов раскрывает истинную, *ведомственную* природу антиторгсиновских операций ОГПУ – Политическое Управление радело о выполнении валютного плана своего ведомства. Число жалоб Торгсина на действия ОГПУ возрастало в последнем квартале года, когда Политическому Управлению нужно было рапортовать к важнейшим советским праздникам – Дню революции (7 ноября) и Дню сталинской конституции (30 декабря), а также отчитываться о выполнении годового валютного плана.

Руководство ОГПУ знало о злоупотреблениях и, следуя рекомендациям руководства страны не подрывать работу Торгсина, пыталось регламентировать кампании по изъятию валюты. ЭКУ, например, требовало отбирать переводы только в случае наличия доказательств о перепродаже полученной валюты, что считалось спекуляцией. Аресты «валютчиков» должны были проводиться

только с поличным во время совершения противозаконных сделок. Конфискация золотых и серебряных предметов домашнего обихода разрешалась только в тех случаях, когда их накопление носило «явно спекулятивный характер», то есть ценности шли на перепродажу. Запрещалось обезличивать изъятое ценное имущество вплоть до решения Особого совещания при коллегии ОГПУ о «задержании ценностей» или возврате их владельцам[969]. Однако цифры валютного плана давили сильнее регламентаций, и злоупотребления ОГПУ продолжались, благо «эластичное» определение спекуляции открывало простор для нарушений. ОГПУ, кроме того, чувствовало поддержку руководства страны, которое больше доверяло чекистам, чем «торгашам» Торгсина: *«Надо сказать спасибо чекистам»*, – с восторгом воскликнул Сталин после доклада о росте валютной кассы ОГПУ[970].

Действия ОГПУ приводили к тому, что население начинало настороженно относиться к Торгсину. Распространялись слухи о том, что Торгсин был «организован в помощь ОГПУ», являлся его «подсобным хозяйством», «ловушкой сдатчиков золота»[971], что покупателей в Торгсине фотографировали и давали о них сведения «в органы»[972]. Ассоциация с ОГПУ отпугивала покупателей. Заведующий Валдайского отделения Торгсина, например, объяснял невыполнение валютного плана универмага тем, что в его кассе работала жена агента ОГПУ, «которую все население знает и задает вопрос, зачем она здесь посажена?»[973] Правление Торгсина информировало правительство, что во все его конторы поступали запросы населения о том, не являлось ли опасным получать переводы, «в связи с производимой ОГПУ выемкой» золота[974]. Страхи были настолько распространены, что случаи, когда сдача ценностей проходила без последствий, могли вызывать удивление: *«Гражданка деревни Чекуново зашла в магазин утром в 7 часов 30 мин., купила на 20 рублей и была удивлена, что ничего нет страшного и рассказывает: "У нас все говорят, что как зайдешь в Торгсин, здесь тебя и арестуют. Теперь приду домой и расскажу, что совсем не так, и наших много придет покупать"»*[975].

В глубинке работники Торгсина, радея за выполнение валютного плана, пытались публично отмежеваться от ОГПУ. Объявление об открытии универмага Торгсина в Сычевке (Западная контора), зазывая в магазин, уверяло будущих покупателей, что *«слухи и разговоры о том, что за сдаваемые золотые и серебряные монеты сдатчики привлекаются к ответственности, есть ни на чем не основанная ложь»*[976]. Правление Торгсина взяло на карандаш столь бесцеремонное разглашение засекреченных сведений об арестах покупателей. Кроме того, упоминание о репрессиях во всенародном документе

было медвежьей услугой Торгсину – оно настораживало людей, ведь дыма, как известно, без огня не бывает.

Во многих случаях ОГПУ изымало у покупателей Торгсина незначительные суммы, а рейды носили спорадический характер, но в конечном счете было не важно, что отняли всего лишь несколько монет или бутылку «торгсиновки»[977]. Слухи и страхи распространялись быстро, парализуя население. Так, в Херсоне в ноябре 1931 г. в результате операций местного ГПУ против «валютчиков» ежедневная выручка Торгсина упала с 700 до 100 долл.[978] В Котласе после арестов, проведенных ОГПУ в декабре 1932 – январе 1933 г. (было арестовано 100 человек), торгсиновская торговля практически прекратилась[979]. Ежедневная выручка Торгсина в Тифлисе с октября по декабрь упала с 800–900 руб. до 200–300 руб. в день[980]. Ранее упоминавшийся управляющий Туркменской конторы Торгсина жаловался, что, едва начав налаживаться, торговля в Керках из-за репрессий ГПУ развалилась – поступление ценностей упало с 300–400 руб. до 50–70 руб. в день[981].

Торгсин бил тревогу и подсчитывал урон, нанесенный рейдами ОГПУ: падение валютных поступлений, негативное моральное воздействие на покупателей и международная политическая огласка, которая была на руку врагам СССР. Валютные потери Торгсина из-за паники населения ставят под сомнение экономическую целесообразность операций «политоргана». Каков был валютный эффект операций ОГПУ? Недоступность архивов этого ведомства не позволяет ответить на этот вопрос, в научную литературу «просочились» лишь фрагментарные сведения. В мае 1932 г. зампредседателя ОГПУ Ягода докладывал Сталину, что в кассе ОГПУ находилось ценностей на сумму 2,4 млн. золотых руб.[982] Ягода сообщал, что вместе с ценностями, которые были «ранее сданы Госбанку», сумма составляла 15,1 млн руб. Известно, что за 1930 г. ОГПУ сдало Госбанку и Союззолоту ценностей на сумму около 10,2 млн золотых руб.[983] Если принять эту цифру в качестве возможной «средней нормы» ежегодных конфискаций ОГПУ, то можно предположить, что из 15,1 млн руб. на долю 1931 г. придется около 10–12 млн руб, а остальные 3–5 млн руб. можно отнести на начало (до мая) 1932 г.[984] А что же Торгсин? В 1930 г. Торгсин работал только для иностранцев и не мог представлять серьезной конкуренции ОГПУ. В 1931 г. он, хотя и открыл двери советским гражданам, но пока работал вполсилы: принимать золотые монеты старого чекана он стал летом, валютные переводы на Торгсин – в начале осени, а главные операции по скупке бытового золота начались только в декабре. Но даже вполсилы в 1931 г. Торгсин добыл ценностей на 7 млн золотых руб. – немногим меньше «добычи» ОГПУ, но без репрессий и экс-

цессов. Стоило же его сети развернуться, а голоду набрать полную силу, Торгсин побил ОГПУ: в 1932 г. Торгсин скупил ценностей на 49,3 млн золотых руб. – сравни с 3–5 млн руб., предположительно добытыми ОГПУ за январь–апрель 1931 г., а в 1933 г. – ценности Торгсина составили 105,4 млн золотых руб.! Не будь паники и паралича, вызванных антиторгсиновскими действиями ОГПУ, Торгсин, возможно, получил бы и того больше.

Основанный на заинтересованности покупателей, Торгсин представлял более эффективный (и гуманный) способ изъятия валютных ценностей у населения, чем карательные операции ОГПУ. Ущерб Торгсину являлся ударом по планам индустриализации. В погоне за выполнением валютного плана ОГПУ ставило свои ведомственные интересы выше государственных. Его действия шли вразрез с экономической целесообразностью и противоречили принципу индустриального прагматизма, одного из центральных в государственной политике тех лет. Политбюро вполне могло бы освободить Политическое Управление от валютной повинности на время существования Торгсина. Дублирование функций при «специфичности» методов, применяемых ОГПУ, не помогали, а скорее вредили делу. Политбюро, однако, стремилось к недостижимому – чтобы «волки были сыты и овцы целы». Не запрещая действий ОГПУ, оно требовало проводить кампании по насильственному изъятию валюты осторожно, не подрывая работы Торгсина.

Почему Политбюро, несмотря на успехи Торгсина, продолжало пользоваться «валютными» услугами ОГПУ, невзирая на их очевидные отрицательные последствия?[985] Возможно, сработал стереотип: чем больше организаций занимались поиском валюты, тем лучше – больше получим. Однако важно и то, что Политбюро рассматривало Торгсин как временную и экстраординарную меру. Несмотря на очевидную полезность этого предприятия для государства, Политбюро *вынужденно терпело* Торгсин. Деятельность Торгсина шла вразрез с идейными убеждениями руководства страны и догмами политэкономии социализма: в Торгсине государство отказалось от классового подхода, у советских граждан появились «валютные права», иностранная валюта и золото превратились в средство платежа, а в плановой распределительной экономике легально расцвело рыночное крупномасштабное предпринимательство, пусть даже предпринимателем и выступало само государство! Помогая индустриализации, Торгсин обеспечивал советскому государству движение вперед, но в своих главных принципах, с точки зрения политизированного сознания того времени, он был «отступлением к капитализму»: чистота идеи или промышленный рывок – в этом и состояла для советского руководства дилемма Торгсина. Как в свое

время нэп, Торгсин мог быть только «на время». Он был тактическим маневром – еще одно доказательство уже утвердившегося в нашей историографии вывода о том, что «красные атаки на капитал», вогнявшие страну в кризис, сменялись рыночными послаблениями. Коль Торгсин был лишь на время[986], то зачем было вносить изменения в работу ОГПУ, ведь оно – навсегда? Более того, именно потому, что руководство страны рассматривало предоставление валютных прав населению как ситуацию аномальную, экстраординарную и даже патологическую, значение политического контроля возрастало. А кто как не ОГПУ обязан был следить, чтобы валютные операции не вышли за дозволенные пределы?

Объясняя, почему Политбюро сохранило валютные функции ОГПУ в период работы Торгсина в ущерб экономическим интересам государства, не следует забывать, что СССР в 1930-е гг. уже в полной мере *был* полицейским государством. Обширная сеть штатных агентов и внештатных «добровольных» осведомителей пронизывала общество. Полицейский характер советского государства вряд ли был случайностью. Помимо определенных объективных обстоятельств (длительный период военных конфликтов – войн и революций, враждебное окружение и пр.), повлиявших на усиление роли карательных органов, он отражал тип мышления советских руководителей поколения революции и Гражданской войны. Необходимость вездесущей политической полиции не ставилась под сомнение. Мне не встретилось ни одного документа, свидетельствовавшего о том, что в центральных партийных и государственных органах обсуждался вопрос о целесообразности прекратить валютные операции ОГПУ на время действия Торгсина. Торгсин был всего лишь эпизодом, тогда как политическая полиция – одним из государственных оснований. Зачем же ущемлять ее в правах? Антиторгсиновский беспредел ОГПУ, в котором ведомственные интересы побили государственные, – доказательство возросшей силы органов госбезопасности в сталинские 1930-е гг.

До этого момента мы рассматривали валютное соперничество Торгсина и ОГПУ с точки зрения интересов государства: оба ведомства «добывали ценности» на нужды индустриализации. Оставим теперь государственные интересы в стороне и посмотрим на ситуацию глазами людей. Что может рассказать нам о повседневной жизни 1930-х гг. валютное соперничество политического и торгового ведомств?

До появления Торгсина ситуация с валютными правами населения была более-менее ясна. После развала валютного рынка нэпа единственной операцией с золотом, разрешенной для советских людей, была его продажа государству за рубли по установленному правительством твердому курсу. Операции по обмену валюты разрешались въезжавшим в СССР иностранцам, а также советским гражданам, выезжавшим за рубеж, через строго установленные государственные каналы. В первой половине 1930-х гг. в СССР только иностранцы и в строго определенных местах могли расплачиваться валютой. Все остальные *частные* сделки с наличной валютой и золотом – продажа, обмен, использование их в качестве платежного средства – считались экономическим преступлением, валютной спекуляцией. За этим следило ОГПУ.

Хотя никаких изменений в законодательстве не было сделано, но появление Торгсина «явочным порядком» предоставило населению более широкие валютные права. Валютные операции, хотя и ограниченные рамками Торгсина, признавались законными. Запрещались только частные операции с валютой и золотом за пределами Торгсина, там начинался «черный» рынок. Однако сосуществование Торгсина и «валютных зачисток» ОГПУ создавало хаос и неопределенность. Человек не понимал, где кончаются функции одной организации и начинаются функции другой. У него не было уверенности в том, что разрешено законом, а что нет. До конца не понимая правила игры, он относился к Торгсину с недоверием. Даже совершая разрешенные законом операции в Торгсине, человек 1930-х гг. не чувствовал, что его «валютные права» защищены. Не случайно во время арестов покупателей в магазинах Торгсина, люди, как правило, не пытались отстаивать свои права, а разбегались кто куда. В конечном счете, идя в Торгсин, каждый действовал на свой страх и риск.

Путаница усиливалась тем, что аресты ОГПУ были избирательны и непоследовательны. Создавалось впечатление, что кому-то разрешалось иметь валюту и золото и платить ими в Торгсине, а кому-то – и они были арестованы – нет. В таком случае логично было задуматься о том, где проходила грань, которая отделяла одну группу людей от другой. Документы свидетельствуют, что люди, действительно, пытались понять логику арестов и рационально объяснить их. Может быть, причина арестов кроется в социальном положении покупателя и источнике получения золота? В одном из писем в ОГПУ автор-партиец писал: *«Как я понял и понимаю, к аресту подлежат, по-видимому [те], у кого имеется золото, бывшие купцы, торговцы, спекулянты, мародеры, бывшие чиновники старого режима, полиция* (царская. – *Е.О.*) *и кулачество, но не трудовой, видно, элемент, пролетарский слой и средняки, и бедняки, которые действительно должны* (то есть действительно имеют право. – *Е.О.*) *сдать золото в Торгсин, если есть, без страху и боязни»*[987]. Логика этого человека проста: эксплуататоры, нажившие богатство

неправедным путем, должны быть лишены валютных прав. Именно их ОГПУ и арестовывало.

Провести подобное классовое разделение в Торгсине для Политбюро не составило бы большого труда. «Бывшие» были на учете у государства. Они составляли категорию «лишенцев», то есть лишенных избирательных прав. Требовалось лишь указать в правительственном постановлении о Торгсине, что «лишенцам» в его магазины вход закрыт. Мало бы кто удивился такому решению: ущемление социальных, политических и экономических прав «бывших» было нормой того времени и лишение их валютных прав логично бы вписалось в социальную иерархию 1930-х гг. Однако в случае с Торгсином Политбюро не стало делить граждан по социальному положению, источникам получения доходов, их дореволюционной деятельности и т. п. О подобном разграничении нет ни слова ни в постановлении о создании Торгсина, ни в последующих документах, регламентировавших его деятельность[988]. Двери Торгсина были открыты каждому, у кого были валютные ценности. Не важно, кто приносил золото в Торгсин и какими путями оно досталось людям, лишь бы сдавали: оценщикам-приемщикам запрещалось требовать документы у людей; писать фамилию и другие данные они должны были со слов самого человека. Сдававший ценности мог получить товарную книжку Торгсина, вообще не называя никакого имени, на предъявителя[989]. Торгсин, таким образом, был социально-экономическим институтом, где все покупатели были *социально* равноправны. Возвращаясь к раздумьям советского человека 1930-х гг. о том, где проходила грань между людьми, которых ОГПУ арестовало в Торгсине, и теми, кто избежал этой участи, следует сделать вывод, что социальное положение покупателей здесь было ни при чем. Безусловно, среди арестованных покупателей Торгсина попадались «бывшие», но хватало там и трудящихся – рабочих, служащих и колхозников. Материалы Торгсина подтверждают это, да и сам партиец, автор цитированного ранее письма, возмущаясь действиями ОГПУ, признал, что «и пролетарий и колхозник» заходили в Торгсин в опаской.

В поисках логики в действиях ОГПУ можно предположить, что оно арестовывало в Торгсине только владельцев крупных валютных сумм. Но и эта гипотеза не выдерживает проверки. Появление Торгсина фактически означало, что ОГПУ потеряло право арестовывать кого-либо за хранение валюты и золота, будь то крупные или мелкие суммы. В соответствии с правилами работы Торгсина, наличие валюты или золота само по себе не делало человека преступником. ОГПУ могло преследовать людей только за незаконное их использование – операции на «черном» рынке. Более того, с точки зрения логики работы Торгсина, чем больше человек приносил золота и валюты в его магазины и, следовательно, чем больше у него было ценностей, тем лучше. Постановления, регламентировавшие деятельность Торгсина, не делали разграничения в валютных правах владельцев мелких и крупных сумм. «Мелкий держатель ценностей», «крупный держатель ценностей» – эти категории, хотя и встречаются в документах Торгсина, не имеют признаков социальной дискриминации, а носят чисто экономический характер. Анализ архивных документов также опровергает гипотетическое предположение о том, что арестованные покупатели Торгсина были только или в основном владельцами крупных ценностей. Конторы Торгсина жаловались, что ОГПУ проводило аресты огульно и жертвами массовых кампаний становились в основном «мелкие держатели ценностей». Приводимые в документах конфискованные суммы являются зачастую чисто символическими – несколько золотых монет, несколько рублей бонами Торгсина. Среди конфискованных товаров – не меха, икра и антиквариат, а обычные продукты – банка консервов, бутылка водки, мешок муки.

И наконец, еще одно возможное объяснение арестов клиентов Торгсина. ОГПУ оправдывало свои действия борьбой со спекуляцией на «черном» рынке, то есть настаивало на том, что пресекает валютные сделки вне зоны легальных операций Торгсина. Рассматривая гипотезу о том, что в Торгсине были арестованы только спекулянты, прежде всего следует сказать, что валютная спекуляция являлась сугубо советским преступлением. В странах с рыночной экономикой львиная доля операций с валютой, за которые преследовались советские граждане (обмен валюты, покупка и продажа за валюту, минуя государственное посредничество и т.п.), не считались бы преступлением. Однако более важно другое. Вокруг Торгсина, действительно, существовал обширный «черный» рынок, и ОГПУ задержало немало людей за проведение запрещенных советским законодательством валютных сделок, но эти материалы не являлись предметом рассмотрения в данной главе. Приведенные в ней факты свидетельствуют, что *под видом борьбы* со спекуляцией ОГПУ регулярно и осознанно в интересах выполнения валютного плана своего ведомства использовало Торгсин для выявления владельцев ценностей. Аресты часто проводились во время совершения легальных операций – покупки товаров в самом магазине, что и давало Правлению Торгсина право протестовать против действий ОГПУ. Истинной причиной арестов было то, что у людей было *что* забрать – валюта и золото. В этом и состояла логика действий ОГПУ, которую пытались постичь советские граждане, решая, идти им в Торгсин или нет. Ни пролетарское происхождение, ни мизерное

количество валюты, ни законность совершаемых операций не гарантировали людям того, что они смогут избежать слежки, обыска, конфискации имущества или ареста.

Не будет открытием сказать, что жизнь в СССР в 1930-е гг. была отмечена произволом карательных органов. Но история Торгсина позволяет увидеть и другие черты советской повседневности. Логика арестов покупателей Торгсина свидетельствует, что бояться приходилось всем, у кого были валюта и золото. Все решал слепой случай: совпадет *поход* в Торгсин с очередной «валютной зачисткой» ОГПУ или нет. Любое посещение Торгсина было сопряжено с риском, никто не имел полной гарантии безопасного возвращения домой. Речь шла лишь о *степени вероятности* ареста. История валютного соперничества ОГПУ и Торгсина свидетельствует о том, что даже рутинное событие покупки хлеба в магазине могло стать рискованным предприятием и обернуться слежкой, обыском, конфискацией имущества и даже арестом. Советская повседневность имела авантюрный характер.

Позволю себе сделать отступление в будущее послесталинское время. Обыденно-приключенческий характер советской повседневности, при котором любое, даже самое незначительное дело становилось СОБЫТИЕМ – свершением или трагедией – не было лишь исключительной чертой сталинского правления. Политическая и социально-экономическая система, а также тип культуры, определявшие характер советской повседневности, сформировались при Сталине, но они пережили создателя. Острый дефицит товаров, беззаконие, бюрократическая волокита и многие другие факторы продолжали воспроизводить авантюрно-приключенческий характер советской жизни. Со смертью Сталина элемент опасности и риска в повседневной жизни советского человека резко снизился, но ее авантюрно-приключенческий характер сохранялся. Видимо, не случайно в русском языке для вполне обыденного события – покупки в магазине – используется термин *поход*, слово, которое подразумевает лишения, трудности и риск.

В советской жизни была *обыденность приключения* и в том смысле, что приключения случались каждый день, и в том, что они случались по самому обыденному поводу. Этот событийно-авантюрный характер повседневности был изматывающим, ибо любая мелочь – починить дверной замок, добиться, чтобы в химчистке не испортили пальто, купить мебель, оформить паспорт при отсутствии у государства необходимых для этого бланков и т. д. и т. п. – превращалась в проблему. Кто-то возразит, что уж очень убого выглядят эти «приключения». Однако «изнутри» советской жизни эти повседневные приключения-события не воспринимались как незначительные или

убогие, потому что временные и душевные затраты на них шли огромные. В западном рыночном мире для решения подобных проблем было бы достаточно телефонного звонка – вопрос решался быстро и безболезненно, только плати: не оставаясь в памяти, СОБЫТИЕ не свершалось. В советской повседневности на «мелочи жизни» уходили дни, недели, месяцы, да, что там, сама жизнь! По поводу незначительных по западным меркам проблем разыгрывались трагедии и праздновались победы. Отстоял человек шесть часов в очереди, а пальто или ботинки его размера закончились – трагедия! Провел в ОВИРе[990] вместо трех дней три часа – победа! Люди вспоминали эти события: горевали по поводу провала или хвалились удачно проведенной операцией.

Именно этот событийно-приключенческий характер повседневности делал советскую жизнь насыщенной эмоциями и, решусь сказать, своеобразно нескучной. Феномен событийности подмечали иностранцы, которым приходилось длительное время жить в СССР. В их воспоминаниях и ощущениях советская действительность предстает мелочно-изматывающей, но в то же время и эмоционально-насыщенной. Советский человек, уехавший на Запад, может с содроганием вспоминать сверхнагрузки и напряжение повседневной жизни в СССР, однако тем не менее ему может недоставать ее эмоциональной насыщенности и событийности. «Наркотик» обыденности приключения у советского человека был в крови.

Но вернемся в Торгсин. Свершения и приключения подразумевают риск, самопожертвование и героизм. Казалось бы, что может быть героического в покупке хлеба или штанов? Но как свидетельствуют документы Торгсина, требовалась решимость – напряжение воли, преодоление сомнений и боязни, – чтобы войти в Торгсин. Кто знает, сколько бессонных ночей провели люди перед тем, как решиться переступить порог предприятия с загадочной вывеской «Торгсин».

Поскольку идти в Торгсин все-таки было необходимо, ведь голод не тетка, люди прибегали к разным хитростям. Уезжали в другой город, где их никто не знал, сдавать ценности и покупать товары. Во время сдачи золота, если видели знакомого, немедленно уходили из магазина, иногда даже оставляя ценности, а возвращались назад только через несколько часов[991]. Опасения, что знакомые донесут «куда следует» об имевшемся золоте, были сильнее боязни его потерять. Особенно осторожничали крестьяне или, как выразился автор одного донесения, «особенно из деревень публика боится»[992]. В отчете Нижегородской конторы Торгсина сообщалось, что прежде чем купить, крестьяне вели наблюдение и даже провожали покупателей до их квартир, затем снова возвращались в магазин наблюдать. Не-

редко на ухо продавца спрашивали: «А меня не арестуют? У меня монеты»[993].

Людская изобретательность не знала границ. Нашлись «умельцы», которые взяли на вооружение опыт ОГПУ. Маскируясь под агентов ОГПУ, они грабили покупателей Торгсина (действия ОГПУ тоже являлись грабежом, но грабежом ведомственным): поистине, криминальная мимикрия! Управляющий Московской городской конторы Торгсина в своем письме предупреждал директоров подведомственных универмагов: *«За последнее время вокруг н.[аших] торговых точек работает шайка аферистов, которые под видом сотрудников ГПУ и МУРа заранее в магазине при сдаче ценностей или покупке товаров намечают себе жертву и по выходе н.[аших] клиентов из универмагов задерживают их и отбирают ценности (тов.[арные] книжки и пр.)»*[994] Слово «ОГПУ» оказывало на людей парализующий эффект и позволяло безнаказанно грабить среди бела дня на глазах покупателей и работников Торгсина[995].

Есть основания полагать, что и действительные сотрудники ОГПУ могли использовать антиторгсиновские операции своего ведомства в личных целях. Приведу рапорт заведующего магазином № 4 О. М. Файнштейна управляющему Киевской конторы Торгсина: *«Довожу до В.[ашего] сведения, что в день В.[ашего] отъезда произошел следующий казус в магазине: Сотрудник розыска Казимиров ворвался в магазин с наганом в руке вслед за одним покупателем. Я предложил Казимирову вложить в карман оружие и пошел сговориться по телефону с Нач.[альником] Петровского района милиции... Придя в магазин, я предложил Казимирову принести ордер Экономотдела или Оперода* (оперативный отдел. – *Е.О.*) *на право ареста в н.[ашем] магазине. Мы пошли в район милиции по этому делу и там договорились на том же. Казимиров ушел за ордером и больше в магазин не являлся. Задержанный был в магазине до закрытия его, после чего его отпустили. Описывать панику не приходится. Ставлю Вас в известность, что задержанный гражданин не пошел с сотрудником розыска из-за того, что боялся за содержимое карманов. По его словам, Казимиров забрал у него за два дня до этого 1200 рублей совзнаками в проезде у одного еврея. Считаю, что это похоже на истину, т.к. Казимиров идет со своим отцом на операцию. В данном приключении я сам видел старика на углу, дожидающимся результатов. Об этом я также сообщил сотруднику Облрозыска т. Шапу. 9.12.32»*[996]. Сын-чекист и престарелый отец вместе выходят «на дело» – чем не семейный бизнес?

Торгсин, радея о выполнении валютного плана, защищал своих покупателей. В документах встречаются упоминания об освобождении людей от ареста и возвращении им конфискованных товаров и

денег Торгсина. Однако следует сказать, что опасения людей о том, что Торгсин работал на ОГПУ, были не без оснований. В 1935 г. последний председатель Торгсина Левенсон в письме управляющим контор и отделений сообщал: *«Работники НКВД имеют право в нужных случаях требовать от Вас справки о количестве сданных отдельными лицами бытовых ценностей, а также о фамилиях и адресах этих лиц, однако за получением такого рода справок они должны обращаться исключительно к администрации магазинов и скуппунктов»*[997]. Это письмо свидетельствует о компромиссе между Торгсином и «органами», достигнутом в результате их почти четырехлетнего валютного соперничества и трений. Торгсин не возражал быть информатором-доносчиком, если эти действия оставались в секрете от его клиентов. Администрация магазинов, как следует из этого письма, становилась внештатным агентом «органов». У ОГПУ/НКВД имелись в Торгсине и платные агенты, специально туда внедренные или завербованные из числа торговых работников. Они также поставляли «органам» информацию о валютных сбережениях клиентов Торгсина. Риск и непредсказуемость последствий посещения Торгсина сохранялись для советских людей. Жизнь в СССР требовала повседневного героизма.

Тайны Торгсина

Философский камень. Скрытая конвертация рубля. Обогнав экспорт хлеба и нефти. Парадокс убыточности. Дешевле золота ГУЛАГа

Торгсин ничего не вывозил за рубеж, но тем не менее считался экспортной организацией, потому что так же, как Экспортхлеб, Экспортлес, Экспортнефть и другие советские экспортные объединения, он обращал товарные ресурсы страны в валюту. Условия, в которых работал Торгсин, благоприятствовали его валютному успеху. Во-первых, в отличие от других экспортеров, он экономил на издержках обращения (расходы по перевозке товаров за границу, их страховке, хранению, содержанию экспортного аппарата и пр.)[998]. Во-вторых, цены продажи на товары он назначал, не оглядываясь на мировой экономический кризис и не боясь конкуренции на мировом рынке, ведь продавал Торгсин у себя дома, где царил дефицит и голод, а монополия ценообразования находилась в руках государства. Советский покупатель не привередничал.

Сравнение Торгсина с другими советскими экспортерами раскрывает одну из его главных тайн. Секретный финальный отчет, подготовленный в декабре 1935 г., сообщал: *«Если бы проданные*

Торгсином товары были бы экспортированы за границу, то за них можно было выручить максимум (подчеркнуто мной. – *Е. О.*) *по реализационным ценам "фоб"*[999] *83,3 млн руб.*»[1000] Торгсин же продал эти товары покупателям за 275 млн руб. Составители финального отчета, бахвалясь тем, что продавали товары в СССР в несколько раз дороже их экспортной цены, по сути признались, что обманули покупателей. В обмен на золото, серебро, платину, бриллианты и валюту, которые по цене скупки стоили 287,2 млн руб., – их реализационная стоимость на мировом рынке была выше – люди получили товаров (в ценах советского экспорта) всего лишь на 83,3 млн руб. Иными словами, за каждые три с половиной золотых рубля ценностей покупатель в Торгсине получал товаров только на один рубль! Разрыв немалый. Но даже если бы Торгсин за каждый рубль ценностей отдавал своим клиентам товаров на несколько рублей, государство все равно выгадало бы, потому как ни при каких обстоятельствах за эти рубли не могло бы купить за границей горы драгоценностей и валюты: Торгсин, подобно философскому камню, обращавшему в золото неблагородные металлы, превращал в валюту неконвертируемые советские рубли, черный хлеб и селедку да нехитрый ширпотреб.

Финальный отчет Торгсина также сообщал, что для получения той суммы валютных ценностей, которую собрал Торгсин, потребовалось бы дополнительно продать за границей экспортных товаров на сумму 17,6 млрд руб. (в розничных ценах внутренней советской торговли)[1001]. Представьте масштабы возможного вывоза сырья и продовольствия из голодавшей страны. У медали, как всегда, оказалось две стороны: бесспорная валютная заинтересованность и нужда государства в Торгсине, но и, несмотря на хищнический характер сделки, полезность Торгсина для общества. Если бы государство попыталось вместо Торгсина, добывать валюту, выбрасывая за бесценок все больше товаров за границу, – масштабы голодной трагедии оказались бы еще больше.

Документы позволяют оценить валютную эффективность Торгсина. Для этого сравним рублевые расходы государства на Торгсин с полученным им валютным приходом (*табл. 23, п. 6*). Как и следовало ожидать, период массового голода стал временем наивысшей рентабельности: в 1933 г., чтобы получить золотой рубль ценностей, государство затрачивало немногим более 4 простых советских рублей[1002]. С нормализацией продовольственной ситуации в стране и падением важности Торгсина для населения страны стала снижаться и его валютная рентабельность: чтобы получить один золотой рубль ценностей, в 1934 г. государство затрачивало более 6 руб., а в 1935 г. – около 10 руб. (*табл. 23, п. 6*)[1003]. В среднем за период

1932–1935 гг. «добыча» одного золотого рубля в Торгсине обходилась государству в 6 руб. затрат.

Для образности проведем еще одно сравнение. Скупочная стоимость ценностей, которые Торгсин купил у населения в 1933 г., после вычета расходов на импорт являлась эквивалентом 86,2 т чистого золота (*табл. 23, п. 4в*). Исходя из существовавшей в то время мировой цены золота (66,5 центов за грамм чистоты)[1004] стоимость этих ценностей составит 57,3 млн долл. США. Сопоставьте эту сумму с рублевыми затратами государства в тот год на Торгсин – 452,8 млн руб. (*табл. 23, п. 3*): благодаря Торгсину в 1933 г. советское руководство обратило мало кому нужные на Западе[1005] советские рубли в валюту по курсу около 8 руб. за доллар США. Хотя это было выше официального обменного курса, установленного советским правительством «для внутреннего пользования», но кто бы на Западе стал менять Сталину рубли на доллары по этому или другому сколь угодно высокому курсу? Торгсин сделал подобную конвертацию рубля возможной.

Значение Торгсина для индустриализации огромно. Ценности, которые купил Торгсин, покрыли (по их скупочной стоимости) более пятой части затрат на импортные закупки 1932–1935 гг. – решающих лет промышленного скачка (*табл. 24*). В голодном 1933 г. ценности Торгсина позволили государству оплатить треть, в 1934 г. – более четверти, а в 1935 г. – почти пятую часть советского импорта промышленного оборудования, сырья и технологий. Вклад Торгсина в оплату импортных промышленных поставок на деле был и того больше, так как СССР продавал ценности Торгсина на мировом рынке выше их скупочной стоимости. Торгсин стал огромным подспорьем для буксовавшего советского экспорта: в голодном 1933 г. валюта, добытая Торгсином, равнялась почти трети валютной выручки страны от экспорта хлеба, нефти, леса и другого сырья и продовольствия (*табл. 24*). К тому же Торгсин ничего и не вывозил за рубеж, а продал эти товары голодавшему населению в СССР. По признанию финального отчета, «привлеченной» через Торгсин валюты хватило, чтобы покрыть стоимость импортного оборудования для десяти гигантов социалистической промышленности: Горьковского автозавода (43,2 млн руб), Сталинградского тракторного (35 млн руб.), Автозавода им. Сталина (27,9 млн руб.), Днепростроя (31 млн руб.), Господшипника (22,5 млн руб.), Челябинского тракторного (23 млн руб.), Харьковского тракторного (15,3 млн руб.), Магнитки (44 млн руб.), Кузнецка (25,9 млн руб.) и Уралмаша (15 млн руб.)[1006].

Торгсин был единственным экспортным объединением Наркомвнешторга, от которого руководство страны ожидало получить ва-

лютную отдачу существенно выше капитальных вложений[1007]. В 1932 г. по объемам валютной выручки Торгсин занимал 4-е место среди советских экспортеров, уступая лишь главным статьям советского экспорта – нефти, зерну и лесу (*табл. 25*). В 1933 г., благодаря голоду в стране, он вышел на первое место, обогнав и эти, по замыслу творцов, главные валютные источники финансирования индустриализации. Финальный отчет Торгсина утверждал, что в 1934 и 1935 гг. Торгсин стабильно сохранял 2-е место среди экспортных объединений Наркомвнешторга СССР, уступая только экспорту нефти[1008].

В 1933 г. Торгсин был впереди всех советских экспортных объединений не только по сумме полученной валюты, но и по «валютной эффективности экспорта» – показателю отношения экспортной цены товаров к их себестоимости[1009]. В 1933 г. советский экспорт зерна был убыточен, а в Торгсине хлеб среди товаров имел самую высокую валютную рентабельность: в первом полугодии 1933 г. выручка Торгсина по хлебо-фуражным товарам (39,2 млн зол. руб.) превысила их экспортную цену (7,6 млн руб.) более чем в пять раз! По остальным продовольственным товарам выручка Торгсина (12 млн руб.) в 4,6 раз превышала их экспортную цену (2,6 млн руб.). Во второй половине 1933 г. с отступлением голода и резким снижением цен на продовольствие в Торгсине разрыв сократился[1010], но оставался значительным: в среднем в тот год по хлебофуражным товарам Торгсин выручил 62,6 млн руб. при их экспортной цене 14,2 млн руб., по остальным продовольственным товарам соотношение было (соответственно) 20,6 млн руб. и 6 млн руб. Сопоставление цен на товары в Торгсине с ценами экспорта позволило его экономистам утверждать, что в 1933 г. Торгсин получил на 78 млн золотых руб. больше, чем могли бы получить за эти товары советские экспортеры, продав их за рубежом[1011]. Но с улучшением товарной ситуации в стране, падением цен в Торгсине и интереса к его торговле «валютная эффективность» продаж продовольствия в 1934 и 1935 гг. упала[1012].

Руководство Торгсина утверждало, что в 1933 г. на каждый рубль затрат Торгсин приносил государству валюты больше, чем другие экспортные объединения. Существенно больше![1013] По данным Валютно-финансового сектора Наркомвнешторга, в 1933 г. советский экспорт (по всем объединениям НКВТ) в среднем приносил не более 15 золотых коп. на 1 руб. затрат, а без нефти – только 13 коп.[1014] По подсчетам его экономистов, валютная рентабельность операций Торгсина за первые три квартала 1933 г. составила 34 золотые коп., то есть была более чем в 2 раза выше средней рентабельности советского экспорта. В среднем за 1933 г., по моим расче-

там (*табл. 23, п. 7*), валютная отдача операций Торгсина составила 25 золотых коп., в 1934 г. – 16, а за 9 месяцев 1935 г. – 10 золотых коп. на 1 руб. затрат. Согласно финальному отчету, в среднем за период 1932–1935 гг. на каждый рубль затрат Торгсин принес государству 17,6 зол. коп. валютных ценностей[1015]. Относительно высокая, в сравнении с другими экспортными объединениями, валютная рентабельность Торгсина служила оправданием его огромных рублевых затрат и позволила руководителям Торгсина в 1933 г. даже требовать от правительства разрешить ему издержки обращения[1016] в размере до 420 % выручки![1017]

Настало время огорошить читателя. Несмотря на его относительно высокую валютную рентабельность, Торгсин как торговое предприятие было убыточным. В этом – еще одна из многих его тайн. Для понимания феномена убыточности необходимо разграничить «экспортную» валютную и торговую рублевую деятельности Торгсина. Валютная эффективность Торгсина, которую мы обсуждали до сих пор, либо определялась тем, насколько цены на товары в его магазинах превосходили их экспортные цены, либо тем, сколько ценностей – золота, серебра, бриллиантов и иностранной валюты – Торгсин собрал на каждый советский рубль, потраченный на него государством. Но ведь Торгсин был не только организацией, собиравшей валюту, но и предприятием внутренней торговли – он продавал товары населению. Эффективность Торгсина как торгового предприятия определялась соотношением расходов по торговой деятельности и доходов от его торговли.

Будь Торгсин частным предприятием в капиталистическом мире, его владельцы обогатились бы. Скупленного золота, серебра, бриллиантов, валюты с лихвой хватило бы, чтобы покрыть расходы этого торгового предприятия и обеспечить прибыль владельцам. Но советская действительность определялась другими законами. Торгсин работал не на себя, а на государство, на индустриализацию. Он не имел права использовать скупленные ценности на покрытие расходов своей деятельности и свою прибыль как торгового предприятия. Все ценности уходили в Госбанк, то есть государству. Госбанк начислял на счет Торгсина лишь рублевую стоимость скупленных ценностей, которую Торгсин должен был использовать для закупки товаров у промышленности. На покрытие издержек обращения Торгсина также шла его выручка от продажи товаров населению. Запрет использовать валютные ценности для покрытия расходов его деятельности стал главной причиной торговой нерентабельности Торгсина. Опережая по валютной рентабельности экспортные объединения страны, по торговой эффективности Торгсин отставал от других видов советской торговли.

Анализ статистики свидетельствует, что затраты на Торгсин (*табл. 23, п. 3*) существенно превышали доходы от его торговли (*табл. 23, п. 5*). «Как же так, – спросит читатель, – люди платили за товары втридорога, в несколько раз больше экспортных цен, но тем не менее Торгсин торговал себе в убыток?» Да, это так, и свидетельство тому – что советское сырье и продовольствие в условиях мирового экономического кризиса уходили за границу за бесценок. Не случайно в 1933 г. правительство запретило публиковать в печати сведения о стоимости экспортных товаров[1018]. Торговая убыточность Торгсина была результатом его раздутого аппарата, ограниченного круга покупателей и закрытого характера его торгово-денежного обращения, а также неизбежного в условиях нормализации товарной ситуации в стране снижения цен. Поговорим о каждой из этих причин.

В результате развертывания «глубинной торговой сети» Торгсин стал нести бремя огромных издержек обращения. В I кв. 1933 г. у Торгсина было 684 торговых точки, а к осени – уже 1400. Значительную их часть составляли небольшие магазинчики и лавчонки, разбросанные по огромной стране и отдаленные от центров и железных дорог порой сотнями тысяч километров[1019]. Обороты торговли этих крошечных магазинов оставались низкими, в то время как одна лишь доставка им товаров преобладавшим в то время гужевым транспортом «влетала в копеечку»[1020]. В 1933 г. накладные расходы в Туркмении, например, достигали 57%, а в Западной Сибири – 74% к обороту торгсинов[1021]. Прибавьте сюда расходы на содержание сотен мелких магазинов, хранение товаров и зарплату торговым служащим[1022]. Для борьбы с астрономическими издержками обращения правительство начало кампанию по переводу контор Торгсина и его магазинов на хозрасчет. Кампания наделала много шума и оставила в архивах тонны переписки и отчетов, но в конечном итоге закончилась без особых положительных результатов: локальная экономическая свобода вряд ли могла выжить в условиях диктата централизованной экономики. С нормализацией товарной ситуации в стране и ослаблением валютной проблемы огромные издержки обращения заставили государство в 1934 г. начать сокращение торгсиновской торговой сети, которое активно продолжалось в 1935 г. и вплоть до ликвидации Торгсина.

Факторами торговой нерентабельности Торгсина также были закрытый характер его денежной системы и ограниченный контингент покупателей[1023]. Сумма денег, которую Торгсин мог вернуть государству, продавая свои товары населению, была ограничена его денежными выплатами «сдатчикам ценностей». Единственным внеторгсиновским источником пополнения массы торгсиновских денег

в обращении была их подделка народными умельцами, но ОГПУ, а затем НКВД боролись с фальшивомонетчиками. Недоплачивая населению за золото, серебро, бриллианты и платину, по сравнению с их мировой ценой и реальным обменным курсом валют, Торгсин сокращал и без того небольшой объем торгсиновских денег в обращении. Ограниченность контингента покупателей замедляла товарооборот в Торгсине по сравнению с другими видами торговли, а замедление товарооборота вело к росту издержек обращения (расходы на складские помещения, персонал и пр.)[1024].

Снижение цен продажи на торгсиновские товары, неизбежное в условиях нормализации продовольственного положения в стране, при одновременном росте массы товаров в обращении, обширной торговой сети и высокой себестоимости товаров, стало еще одним фактором падения рентабельности торгсиновской торговли. Зимой 1933 г. – время наиболее высоких продажных цен в Торгсине – на одного его торгового работника в среднем приходился оборот в 2014 руб., тогда как в IV кв. – после резкого снижения цен и роста торговой сети – 1008 руб.[1025]

Рублевые убытки от торговой деятельности Торгсина бременем ложились на бюджет страны. Наркомфин СССР оплачивал «разрывы» между соврублевыми ценами промышленности, по которым Торгсин покупал товары, и продажными ценами в Торгсине, выраженными в золотых рублях. Оперативные документы Торгсина свидетельствуют, что при отсутствии средств у Торгсина Наркомфин мог оплачивать не только «разрывы», но и полную стоимость товаров, купленных Торгсином у промышленности[1026], так что Торгсину оставалось покрывать доходами от торговли только свои издержки обращения. Такая система финансирования способствовала накоплению товаров и хроническому затовариванию в Торгсине, а значит, дальнейшему росту убыточности его рублевой торговой деятельности. Из-за отсутствия противозатратных механизмов в системе финансирования Торгсин превращался в «черную дыру», где исчезали миллионные суммы дотаций. С нормализацией товарной ситуации в стране и падением цен на товары в Торгсине «разрывы» между выручкой (в зол. руб.) от торговой деятельности Торгсина и соврублевой стоимостью товаров по ценам промышленности, которые должен был оплачивать Наркомфин, становились все больше: так, если в 1933 г. соврублевые цены промышленности в среднем были в 3,2 раза выше продажных цен Торгсина, выраженных в золотых рублях, то в 1934 г. они были в 4,6 раза, а в 1935 г. – более чем в 9 раз выше[1027].

По утверждению Наркомфина, доходов Торгсина от продажи товаров населению не хватало даже для покрытия его издержек обра-

щения, так что приходилось выплачивать Торгсину дотации на восполнение средств[1028]. Дотации были рублевыми, следовательно, государство не расходовало валютные ценности на покрытие убытков Торгсина, но дыра в рублевом бюджете страны становилась еще больше. Наркомфин и Внешторгбанк СССР в 1933 и в 1934 гг. требовали поставить бюджетное финансирование Торгсина в зависимость от результатов его торговой деятельности[1029], но Торгсин при поддержке Наркомвнешторга успешно отбивался. Руководство страны, видимо, не поддержало Наркомфин[1030], возможно опасаясь, что резкое изменение порядка работы Торгсина может привести к падению или даже остановке в поступлении валютных ценностей[1031]. Да и к чему изменения? – Торгсин был задуман как чрезвычайное кратковременное предприятие, а, как известно, «коней на переправе не меняют».

До этого момента наш анализ работы Торгсина строился на разделении его валютно-экспортной значимости и его эффективности как предприятия внутренней торговли. Анализ показал парадокс сосуществования относительно высокой валютной рентабельности Торгсина по сравнению с советским экспортом тех лет и его убыточности как торгового предприятия. Настало время свести вместе валютную и торговую деятельности Торгсина и оценить общий эффект его работы. Показателем эффективности выберем не условные золотые рубли или иностранную валюту, а золото.

Во сколько рублей обходился государству грамм чистого золота, «добытого» Торгсином? Для ответа на этот вопрос из совврублевых затрат на Торгсин (*табл. 23, п. 3*) вычтем его выручку от продажи товаров (*табл. 23, п. 5б*), которая шла на покрытие издержек обращения его торговли, а затем соотнесем полученный результат с золотым тоннажем скупленных ценностей (*табл. 23, п. 4в*). Эти расчеты показывают, что на каждый вложенный в Торгсин советский рубль государство получало в 1932 г. 0,2 г чистого золота, в 1933 – 0,8 г, в 1934 г. – 0,4 г, в первые три квартала 1935 г. – 1 г, а в среднем за весь рассмотренный период примерно полграмма (0,47 г) чистого золота.

Согласно этим расчетам, самыми рентабельными в истории Торгсина оказались 1933 и 1935 гг. (*табл. 23, п. 8*). Грамм чистого золота, «добытого» Торгсином в 1933 г., стоил государству 1 руб. 25 коп., а в первые три квартала 1935 г. – 1 руб., то есть был дешевле официального рублевого эквивалента мировой цены на золото[1032]. Однако, если в 1933 г. высокая рентабельность Торгсина была результатом массового голода и гор сданного драгоценного лома, то в 1935 г. – следствием резкого сокращения его торговой сети и, следовательно, издержек обращения, при скачке цен на товары в Торгсине и росте

потребительского ажиотажа «под занавес». На первый взгляд вызывает удивление то, что голодный 1932 г. оказался самым нерентабельным, а «добытое» в тот год золото – самым дорогим (более 4 руб. за грамм чистоты). Относительно низкая рентабельность 1932 г. объясняется тем, что Торгсин только начал разворачивать свою сеть на периферии, он был еще мало известен населению «глубинки» и добытый им «золотой тоннаж» в тот год был не велик, а издержки обращения значительны. Относительно низкая рентабельность 1934 г. – грамм золота обходился государству в 2 руб. 58 коп. – следствие падения интереса населения к Торгсину в условиях улучшения продовольственной ситуации в стране: Торгсин запоздало отреагировал на изменение конъюнктуры рынка: поступление ценностей в Торгсин в 1934 г. по сравнению с прошлым годом упало почти в два раза, а издержки обращения остались практически на том же уровне. Исходя из этих расчетов, в период 1932–1935 гг. «добыча» грамма чистого золота в Торгсине обходилась государству в среднем в 2 руб. 13 коп. (*табл. 23, п. 8*) [1033].

Дорого или дешево было золото Торгсина? Сравним себестоимость торгсиновского золота и промышленной добычи того времени. В соответствии с пятилетним планом золотодобывающей промышленности на 1928/29 – 1932/33 гг., себестоимость 1 г чистого золота, добытого промышленным механизированным способом, была запроектирована на начало пятилетки в 1 руб. 76 коп., а на конец пятилетки – 1 руб. 42 коп.; для старательского золота проектная себестоимость составила(соответственно) 1 руб. 98 коп. и 2 руб. 05 коп.[1034] В действительности себестоимость добычи золота оказалась значительно выше плановой. О том, что государство бралось за разработки любого, даже убыточного месторождения, не считаясь с затратами, писали, в частности, американские инженеры, работавшие в золотодобывающей промышленности 1930-х гг.[1035] По материалам Дальстроя, опубликованным А.И. Широковым, средняя себестоимость грамма золота, добытого в период 1932–1937 гг., составляла 4 руб. 57 коп.[1036], в то время как грамм чистого золота, «добытого» Торгсином в 1932–1935 гг., стоил государству в среднем 2 руб. 13 коп. Выходит, что Торгсин по эффективности «побил» золотодобычу ГУЛАГа.

Особо стоит вопрос о том, как соотносилась себестоимость «добычи» золота в Торгсине и себестоимость промышленной золотодобычи в СССР с мировой ценой на золото. Российский ученый А.Н. Пилясов, посвятивший монографию вопросам освоения Северо-Востока России, пришел к заключению, что золотодобыча в Дальстрое (в отличие от добычи других цветных металлов) была экономически эффективной, то есть себестоимость добычи золота

там до 1940 г. была ниже его мировой цены. Это заключение затем повторил и А.И. Широков в своем исследовании Дальстроя[1037]. Вывод Пилясова трудно как принять, так и отвергнуть по причине искусственного валютного курса рубля того времени. Пилясов оперирует директивным обменным курсом рубля второй половины 1930-х гг. – более 5 руб. за доллар США[1038]. При таком валютном курсе себестоимость добычи грамма чистого золота в Дальстрое (4 руб. 57 коп.) составит порядка 80–86 центов (*табл. 26, п. 3а*), тогда как его мировая цена, установленная в начале 1934 г. Золотым резервным актом Рузвельта, была 1 долл. 12 центов[1039]. При том же валютном курсе рубля себестоимость грамма торгсиновского золота (2 руб. 13 коп.) составила *бы* всего 37–40 центов, то есть была бы почти в три раза ниже мировой цены и более чем в два раза дешевле золота Дальстроя. Однако Торгсин закрыли в начале 1936 г., он не работал в период нового директивного валютного курса рубля, поэтому эти расчеты имеют аналитико-сравнительный, но не исторический смысл.

Если же исходить из обменного курса рубля первой половины 1930-х гг., то вывод Пилясова и Широкова об эффективности добычи золота в Дальстрое нельзя принять. В то время мировая цена золота составляла 66,5 центов за грамм чистоты, а официальный валютный курс рубля был равен 1 руб. 94 коп. за доллар США (*табл. 26*). При таком курсе себестоимость добычи грамма золота в Дальстрое (4 руб. 57 коп.) составит 2,36 долл. и будет в 3,5 раза выше его мировой цены. Себестоимость «добычи» грамма чистого золота в Торгсине (2 руб. 13 коп.), исходя из валютного курса рубля первой половины 1930-х гг., являлась эквивалентом 1,1 долл., то есть «добыча» золота в Торгсине тоже была дороже его мировой цены, хотя торгсиновское золото обходилось государству значительно дешевле дальстроевского (*табл. 26*).

Но и на этом нельзя поставить точку, ведь, упражняясь в подобных расчетах, не следует забывать об их условности: они основаны на искусственном валютном курсе рубля, который директивно устанавливался советским руководством «для внутреннего пользования». Как было уже отмечено ранее (см. главу «Золото»), этот обменный курс не имел ничего общего с действительной покупательной способностью рубля по отношению к доллару. Если принять во внимание оценки иностранцев, живших в то время в СССР, которые считали доллар равным от 10 до 25 советских рублей, то себестоимость добычи грамма золота в Дальстрое в 1932–1937 гг. будет колебаться от 18 до 46 центов США, а себестоимость «добычи» грамма золота в Торгсине – от 8,5 до 21 цента. Иными словами, при учете реальной покупательной способности рубля по отношению к

доллару себестоимость и золота Торгсина, и золота Дальстроя *может оказаться* дешевле его мировой цены.

Острая нужда в драгоценном металле, относительно низкая себестоимость «добычи» торгсиновского золота и слабость нарождавшейся советской золотодобывающей промышленности объясняют, почему государство до поры мирилось с миллионными рублевыми дырами в бюджете от убытков торговой деятельности Торгсина. Однако, когда золотодобывающая промышленность страны встала на ноги, заработал и разросся Дальстрой ГУЛАГа, золотая проблема была решена, а сбережения населения изрядно почищены, правительство закрыло Торгсин.

У Торгсина была еще одна тайна. Но об этом – в следующей главе.

«Закат»

Нелюбимое детище, или Почему закрыли Торгсин? Лебединая песня советского валютного рынка. Продажа ненужных людей. Торговый ренессанс. Сколько иностранной валюты «гуляло» на «черном» рынке? «Торгсовлюд»

Составители пятилетнего плана Торгсина рассчитывали, что он будет работать по крайней мере до 1938 г. Но закат Торгсина наступил раньше. Свертывание его торговой сети началось вскоре после отступления голода. В 1934 и 1935 гг. оно шло полным ходом. Сокращая деятельность Торгсина, правительство, однако, вначале не планировало его полной ликвидации. Задумка состояла в том, чтобы, прекратив прием драгоценностей от советских граждан, оставить Торгсину обслуживание портов, продажу товаров за иностранную валюту и в счет денежных переводов из-за границы[1040]. Иными словами, у руководства страны было намерение сохранить в СССР оазис легальных валютных операций, хотя Торгсин должен был ориентироваться исключительно на внешние источники поступления валюты. Этому плану не суждено было осуществиться.

Прием ценностей у населения и выдача товарных книжек прекратились с момента публикации 15 ноября 1935 г. постановления СНК «О ликвидации В/о "Торгсин"»[1041]. Валютные переводы на Торгсин продолжались до 15 декабря 1935 г., а операции по отовариванию оставшихся на руках у населения «денег» Торгсина, которые официально должны были закончиться 1 февраля 1936 г., затянулись до лета[1042]. После закрытия Торгсина все денежные расчеты на территории СССР, включая обслуживание иностранцев, должны

были вестись исключительно в рублях[1043]. Валютные переводы из-за границы отныне поступали в Госбанк СССР и выплачивались получателям также в простых рублях. Госбанк продолжал покупать у населения слитки и изделия из драгоценных металлов, но платил рублями, да и расценки изменились[1044]. Реформа легального валютного рынка включала также корректировку обменного курса рубля – правительство, наконец-то, признало, что со времени падения Российской империи золотой рубль – условная единица валютных расчетов – значительно «отощал»[1045]. Вступая в 1936 г., страна оставила позади короткий период валютных послаблений и вернулась к принципам государственной валютной монополии. В предыдущих главах подробно рассматривались социально-экономические и идейные причины закрытия Торгсина. Остается их подытожить.

Хороший урожай и резкое снижение экспорта продовольствия привели в 1934 г. к нормализации ситуации в стране. В 1935 и 1936 гг. снабжение населения продовольствием и товарами продолжало улучшаться. С 1 января 1935 г. отменили карточки на хлеб, а в октябре – карточки на мясо, сахар, жиры и картофель. Вместе с карточками исчезли закрытые пайковые распределители с принудительным и скудным ассортиментом. На их месте появились гастрономы, универмаги, бакалеи, специализированные магазины обуви и одежды, которые были открыты для всех. Хотя цены в них были выше цен бывшей пайковой торговли[1046], но ассортимент был несравненно лучше, а продажа не ограничивалась пайковыми нормами[1047]. К тому же, покупая в таких магазинах, не нужно было жертвовать семейными ценностями, как в Торгсине. С отступлением голода улучшился ассортимент и упали цены на крестьянских, так называемых колхозных рынках. Торгсину было трудно конкурировать с открытой торговлей. Он продавал в обмен на ценности, а ассортимент товаров уже мало чем отличался от невалютных магазинов. Покупательский интерес к Торгсину ослаб: поступление валютных ценностей и обороты его торговли резко упали, цены на товары в Торгсине пришлось снижать. Издержки обращения, которые и в лучшие годы Торгсина были значительны, но оправдывались горами поступавших ценностей, теперь тяжелым бременем легли на бюджет страны.

К середине 1930-х гг. не только у населения, но и у государства уже не было острой нужды в Торгсине. Как было показано ранее, одной из основных причин появления Торгсина был острый дефицит внешней торговли СССР: доходов от экспорта, несмотря на рост его физического объема, не хватало на оплату импорта промышленного оборудования и сырья. Но «безумство импорта», достигнув апогея в 1931 г., к 1933 г. закончилось. За счет резкого снижения

промышленного импорта СССР вернулся к активному сальдо внешней торговли: с 1933 г. доходы от экспорта превышали затраты на импорт (*табл. 4*) и «работали» на погашение внешнего долга СССР, накопленного в годы промышленного скачка[1048]. К тому же с конца 1920-х гг. сталинское руководство серьезно занималось созданием современной золотодобывающей промышленности. С 1932 г. заработал гулаговский Дальстрой. К середине 1930-х гг. стабильный ежегодный рост промышленной добычи золота вывел СССР в группу мировых лидеров. Сталинское руководство решило золотую проблему, валютный кризис начала 1930-х гг., вызванный индустриализацией «с пустым карманом», был преодолен. СССР заявил о достижении золотовалютной независимости. Да и Торгсин уже выполнил свою задачу: учитывая продолжительность и накал массового голода, а также то, что сеть торгсинов охватывала практически всю территорию страны, можно утверждать, что к середине 1930-х гг. руководство страны «выкачало» основные валютные сбережения советских граждан[1049].

Говоря о причинах закрытия Торгсина, не следует забывать и об идейных мотивах. Торгсин представлял рецидив крупного рыночного валютного предпринимательства, более того, предпринимателем являлось само пролетарское государство. Допущение Торгсина шло вразрез с постулатами ортодоксального марксизма и политэкономии социализма: разрешив Торгсин, сталинское руководство поступилось принципами классового подхода, государственной валютной монополии и безрыночной государственной экономики. Кроме того, легальная деятельность Торгсина обросла сонмами нелегальных валютных операций. Ежедневно в его торговых залах, вокруг магазинов, на городских рынках и барахолках бойко шла незаконная купля-продажа валюты, торгсиновских денег и товаров. Валютный Торгсин зиял бельмом в глазу советского государства. После того как золотовалютная проблема страны была решена, у сталинского руководства не было больше причин мириться с валютно-идейными послаблениями.

Нелюбимое детище сталинского руководства, порождение валютной паники начала 1930-х гг. – Торгсин был обречен. Однако руководство Наркомата внешней торговли трудно расставалось со своим валютным предприятием и тешило себя надеждами, что Торгсин можно сохранить, превратив в элитный валютный универмаг. Материалы 1934–1935 гг. свидетельствуют, что наряду с бесконечными призывами наладить культурную торговлю деликатесами и высококачественным ширпотребом, Наркомвнешторг и Правление Торгсина продолжали поиск новых альтернативных источников

валюты, которая для правительства являлась наиболее веским доводом в пользу сохранения Торгсина.

Еще на заре истории Торгсина, пока его будущий подручный, голод, не приступил к работе, Правлению приходилось быть изобретательным, чтобы заставить население расстаться с ценностями. Так, в октябре 1932 г. Правление Торгсина предлагало открыть в крупных городах валютные ателье мод, аптеки, «зубоврачебные амбулатории» и поликлиники, комиссионные магазины, дамские парикмахерские, а также продавать за валюту путевки в санатории и дома отдыха, театральные билеты и строительные материалы. Инициаторами расширения валютной торговли во многих случаях были сами люди. Советские граждане, например, настойчиво просили продавать им квартиры за валюту: по свидетельству документа, кто-то даже предлагал «взнос в 5 тыс. долларов США»[1050]. Подталкиваемое «снизу» в 1932 г. Правление Торгсина неоднократно обращалось к правительству с просьбой разрешить торговлю жильем[1051]. Другой пример: в декабре 1932 г., отвечая на запросы иностранцев, правительство рассматривало вопрос о передаче Торгсину обслуживания вагонов-ресторанов в поездах дальнего следования[1052].

Кое-что из задуманного удалось сразу воплотить в жизнь. В 1932 и 1933 гг. с одобрения Сектора валюты и международных расчетов Наркомфина Торгсин продавал путевки на курорты страны. Валютные курортные услуги предназначались исключительно для советских людей, так как уровень сервиса, по словам Наркомфина, не привлекал иностранцев. Стоимость курортного места, от 60 до 80 долл. США, по свидетельству документа, была ниже его рублевой стоимости и не покрывала себестоимости услуг, но ради получения «живой» валюты Наркомфин согласился нести рублевые убытки[1053]. С одобрения Наркомфина с 1931 г. Торгсин продавал за золото и валюту театральные билеты в Москве и Ленинграде, а также железнодорожные билеты[1054]. Отвечая на просьбы иностранных специалистов, работавших в СССР, Торгсин тогда же начал продавать за валюту автомашины и запчасти к ним: в 1932 г. СТО забронировал для Торгсина 100 машин и запасных частей на сумму 30 тыс. зол. руб. Машины собирались на Московском заводе «КИМ» из деталей, закупленных в США у Форда. Себестоимость такой машины для государства составляла 460 долл., а продажная цена – как минимум 725–750 долл. США. «Навар» Торгсина на продаже запчастей был и того выше[1055].

В поисках валюты все средства были хороши, даже «продажа» за границу людей, ненужных советской власти. Александр Горянин в очерке «В Новом Свете у русских», рассказывая о судьбах российских эмигрантов в США, пишет о Елене Алексеевне Слободской,

вдове священника. Родня, жившая в Эстонии, в 1935 г. выкупила ее со всей семьей «через систему «Торгсина»», заплатив советскому правительству за выдачу заграничных паспортов по 500 руб. золотом[1056]. Архивные документы подтверждают рассказ Горянина. Формальная инициатива о разрешении эмиграции за валюту принадлежала Сектору валюты и международных расчетов Наркомфина. В июне 1932 г. его руководство писало в СТО: *«В СССР имеется довольно значительная группа лиц, совершенно ненужных для страны и желающих эмигрировать за границу к своим родственникам. Поскольку последние берут на себя расходы по их переезду, а также по оплате сборов, связанных с разрешением на выезд, такая эмиграция могла бы явиться для нас довольно серьезным источником валютных поступлений»*[1057]. Обращает внимание постановка вопроса: не они, уезжавшие, не хотят оставаться в СССР, а это мы, советская власть, в них не нуждаемся. В октябре 1932 г. Совнарком, непривычно быстро для советской бюрократии отреагировав на запрос, – свидетельство того, что инициатива Наркомфина была исполнением решения Политбюро, – принял постановление о валютной эмиграции[1058].

Для тех, кто соглашался платить валютой, иностранные отделы исполкомов местных советов оформляли выездные паспорта «в облегченном порядке». Сумма «выкупа» определялась социальным статусом потенциального эмигранта и была астрономически большой: одно лишь оформление загранпаспорта в 1932 г. стоило для «трудового элемента» 500, а для «нетрудового» – 1000 зол. руб. К 1933 г. стоимость паспорта выросла и составила соответственно 550 и 1100 руб. золотом[1059]. Для сравнения: в начале нэпа за оформление загранпаспорта люди платили государству 38 руб.[1060] Помимо паспорта, эмигранты оплачивали в валюте услуги «Интуриста» по «организации выезда», а также услуги Наркомата путей сообщения и Совторгфлота за доставку «до портов посадки». Наркомфин признался, что цена валютной эмиграции скрывала в себе компенсацию потери для СССР валютных переводов, которые могли бы поступить уехавшим в случае их неотъезда за границу. Наркомат иностранных дел, который тоже оказался вовлеченным, опасался, что высокие ставки на загранпаспорта снизят число валютных эмигрантов, а значит, не позволят получить существенного дохода. Эти опасения в определенной степени оправдались. Мало кто из «нетрудового элемента», даже при поддержке родственников за рубежом, мог воспользоваться возможностью валютного выкупа. В 1933 г. руководство «Интуриста» просило вообще отменить эту категорию из-за незначительного числа лиц, которые могли осилить выкуп.

В момент обсуждения вопроса о возможности валютной эмиграции Наркомфин с подачи ОГПУ предполагал, что ежегодное число

тех, кто сможет заплатить валютный выкуп, составит от 3 до 5 тыс. человек. Сколько людей воспользовались возможностью валютного побега? «Подмазанное» валютой облегченное оформление выездных документов привело к росту числа эмигрантов из СССР. В 1932 г., до разрешения валютной эмиграции, от советских граждан поступило 478 заявлений на выезд, из них только 259 были выполнены: никому не было отказано, следовательно, невыполнение остальных заявлений объяснялось бюрократической волокитой. В 1933 г. работа шла в три раза быстрее: из 1249 заявок на выезд за рубеж было удовлетворено 804 заявки и выдано 104 отказа[1061]. Но, несмотря на рост, валютная эмиграция оказалась ниже ориентиров Наркомфина и ОГПУ и не только по причине запретительно высокой цены на загранпаспорт. Руководство страны даже во имя валюты не пустило эмиграционный процесс на самотек: план валютной эмиграции на 1933 г. разрешал «Интуристу» вывезти за границу только тысячу человек[1062]. Наибольшие поступления валюты по эмиграции ожидались из США, Канады и Южной Америки, но география будущих стран проживания бывших советских граждан покрывала всю Европу, Ближний Восток и Южную Африку[1063].

По свидетельству архивных документов, валютная эмиграция осуществлялась через «Интурист», хотя, если верить рассказу Горянина, семья Слободских была выкуплена через Торгсин. Как объяснить эту неувязку? Первоначальное предложение Наркомфина не предусматривало ни участия «Интуриста», ни участия Торгсина в организации валютной эмиграции. Валютный выкуп должен был поступать напрямую в исполкомы местных советов, которые выдавали паспорта на выезд. Иными словами, желавший уехать должен был заплатить за это самой советской власти. Наркоминдел, боясь международной огласки, стал возражать, считая, что *«мероприятие должно быть замаскировано участием «Интуриста» как коммерческой организации»*[1064]: одно дело, если торговлей эмиграцией занимаются органы советской власти, другое – какое-то акционерное общество. Запад ведь мог и не знать, что акционерное общество «Интурист» тоже являлось государственной, более того, правительственной организацией, ведь его учредителями были Наркоматы внешней торговли и путей сообщения[1065]. В результате вмешательства НКИД сложился порядок, при котором валютные переводы в уплату стоимости загранпаспортов поступали на счет Торгсина как торговой валютной организации, а «Интурист» отвечал за организацию процесса выезда. Стремление советского руководства получить валюту не вызывает удивления. Любопытно другое: торгуя паспортами на выезд, оно пыталось сохранять патерналистский тон. Постановление СНК, разрешившее валютную эмиграцию, позволяло ис-

полкомам местных советов «в особо уважительных случаях взимать паспортный сбор в пониженном размере». Интересно было бы узнать, какие именно причины бегства из страны Советов правительство считало уважительными. В материалах 1933 г. есть свидетельства о существовании льготной цены на эмиграцию для стариков и, что особенно удивительно, детей – всего лишь 275 руб. золотом[1066].

В 1933 г. правительство рассматривало вопрос о продаже за валюту советским гражданам разрешения на временное пребывание за границей: на этот вид «валютных услуг» поступало много заявок от населения. Как решился вопрос – не знаю, но не думаю, что руководство страны даже за валюту облегчило получение разрешений на временный выезд. Можно ведь было и продешевить: а что если визитеры останутся за границей навсегда, не оплатив сполна своего права на эмиграцию?

Начавшийся голод затормозил поиск Торгсином дополнительных источников валюты. Его магазины легко выполняли план, продавая мешками муку и крупу, – вряд ли соблазны в виде квартиры или машины могли стимулировать сдачу ценностей сильнее, чем угроза голодной смерти. С отступлением голода и падением валютных оборотов Торгсина вопрос об альтернативных источниках поступления валюты вновь стал актуальным[1067]: руководство Наркомвнешторга и Торгсина пыталось убедить правительство, что их предприятие имело право на долгую жизнь, а главным доводом к тому были размеры валютных поступлений[1068]. Выживание Торгсина было вопросом качества его услуг, товаров и ассортимента: нововведения в Торгсине стали частью более широкой кампании «борьбы за культурную торговлю», развернувшейся в стране после отмены карточной системы.

В условиях «сытого времени» спрос переместился на промышленные товары[1069]. Покупатели теперь гонялись за парфюмерией и косметикой, а не за мукой[1070]. Рассматривая перспективы 1934 г., председатель Торгсина Сташевский сделал ставку на специализированные магазины обуви, модной одежды, бытовых товаров. Неудовлетворенный низким качеством отечественного ширпотреба, Сташевский требовал задействовать лучшие кустарные артели для пошива обуви и одежды для Торгсина[1071]. В Ленинграде Торгсин предлагал новую валютную услугу – просмотр модных журналов и копирование рисунков моделей[1072]. Среди новшеств были и валютные комиссионные магазины импортных товаров[1073], а также «американские базары». Опыт недавно открытой валютной комиссионки в Москве обнадеживал, и Сташевский призывал управляющих контор приехать в столицу познакомиться с постановкой дела, с тем

чтобы затем развернуть комиссионную валютную торговлю у себя в регионах. «Базары» были срисованы с западных универсальных магазинов дешевых товаров по стандартной цене. «Коварство» заключалось в том, что, завлекая покупателей импортными товарами по фиксированной цене от 10 коп. до 1 руб., «американский базар» подсовывал им и залежавшийся на полках Торгсина отечественный ширпотреб. Сташевский писал: *«Американский базар мыслится нами как своего рода постоянно действующая отдушина, при помощи которой мы сможем очищать систему от неходовых и малоходовых товаров гораздо быстрее и лучше, нежели путем формального снижения цен и устройства всякого рода распродаж»*[1074]. В отличие от западных магазинов подобного рода, которые размещались в дешевых помещениях, Сташевский отвел под советский «американский базар» один из лучших московских универмагов и планировал закупить для него за границей специальный ассортимент товаров. Для экономии валюты он также требовал, чтобы конторы на местах начали поиск хороших артелей, которые могли бы копировать импортную продукцию. *«Торгсин,* – писал Сташевский, – *в таком случае сыграет роль не только насоса, выкачивающего валюту, но также и серьезного толкача, способствующего качественному улучшению ширпотреба в том смысле, как это понимает наша Партия»*[1075]. При благоприятных результатах эксперимента в Москве Сташевский планировал открыть «американские базары» во всех крупных городах СССР[1076]. Кроме того, он требовал охватить глубинку разъездной и коробейной торговлей. «Подбор коробейников» следовало проводить из числа местных жителей, пользовавшихся «большим доверием» у населения [1077].

Чтобы удержаться на плаву, Торгсин расширял свой ассортимент. Конторы приступили к торговле живым скотом за валюту[1078]. Простая алюминиевая посуда уже не привлекала покупателей, они искали эмалированную. По словам Сташевского, «предстояла серьезная работа по граммофонным пластинкам»: люди хотели танцевать. В 1934 г. специально для Торгсина отечественная промышленность должна была выпустить 2 млн пластинок. Особым спросом пользовался джаз Утесова. В 1935 г. Наркомпрос обязан был в кратчайшие сроки отобрать для записи и продажи в Торгсине 100 грампластинок «соответствующих жанров»[1079]. Торгсин торговал и импортными грампластинками, но тут можно было попасть впросак. НКВД сигнализировал: *«При проигрыше патефонных пластинок импортного происхождения была обнаружена пластинка, возбуждающая подозрения»*. На ней были записаны марши «Кадеты высшей школы» и «Под двуглавым орлом»[1080]. В конце 1933 г. Торгсин получил эксклюзивное право на продажу высших сортов вин и коньяков, а также экспортных свежих и сухих фруктов[1081]. Мука, крупа и хлебные изделия – недавно главные товары Торгсина – не исчезли из его ассортимента, но теперь они должны были быть только высшего качества. Предстояло также «усилить продажу» забытых в годы карточной системы парного мяса, колбасы, пирожных, сливочного масла. В пайковые годы кто бы стал задавать вопрос о сорте мяса? – Теперь расширение и усложнение ассортимента продовольственных товаров требовало открытия специализированных магазинов мяса, рыбы, зелени и овощей и др. В продуктовых магазинах Торгсина открывались кафе с горячими завтраками, закусками, кофе и кондитерскими изделиями[1082].

На закате деятельности руководство Торгсина пыталось поправить свое валютное дело и за счет советских художников и писателей. Это был не новый для Торгсина источник поступления валюты, но договорные условия изменились, дабы лучше стимулировать авторов. До 1934 г. художники и писатели, продавшие за границей свои произведения, могли купить в Торгсине товаров на 20% полученной суммы. По признанию документа, это часто составляло не более 10–20 золотых руб. С 1934 г. по распоряжению Валютной комиссии СНК выплаты на Торгсин достигли половины суммы, вырученной авторами от продажи своих произведений за рубежом. Художники, продавшие свои работы через комиссионные магазины Торгсина, могли теперь использовать 40% вырученной суммы на покупки в Торгсине, остальное, после вычета комиссионных, получали в рублях[1083].

Торгсин собирал валюту, где мог. В сентябре 1934 г. завершились переговоры о вынужденной продаже советским руководством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) правительству недавно «испеченного» государства Маньчжоу-Го, а уже в ноябре, несмотря на то, что соглашение о продаже еще не было подписано сторонами, зампредседателя Торгсина Азовский подсчитывал валютный эффект – 5 млн руб. золотом, – который Торгсин мог получить от возвращения на родину советских граждан, работавших на КВЖД[1084].

В апреле 1934 г. специальное постановление правительства обязало Торгсин расширить валютное обслуживание дипломатических миссий в Москве. Для этого было создано Бюро обслуживания посольств при магазине № 2 (так называемый Посольский). Отныне за всё, включая и те услуги, которые ранее были невалютными, – продукты, канцелярские принадлежности, топливо и горючее, книги, газеты, журналы, медицинское обслуживание в элитной поликлинике ЦЕКУБУ[1085], лекарства и аптекарские товары из специальной аптеки им. Семашко, а также абонементную плату за телефон, стро-

ительные материалы и ремонтные работы, театральные и железнодорожные билеты – дипломаты должны были платить в валюте через Торгсин. Торгсин начал проводить постановление в жизнь и в апреле уже просил Госбанк выделить средства для покупки театральных билетов с целью их последующей перепродажи иностранным дипломатам[1086].

В числе нововведений была и продажа летом 1935 г. в комиссионках московского Торгсина ценных вещей, которые по призыву газеты «Правда» советские патриоты отдавали на постройку самолетов-гигантов[1087]. Еще в октябре 1933 г. Торгсин, отмечая «значительный интерес» к иностранным звуковым фильмам, просил НКВТ разрешить их показ в Москве за валюту и ценности[1088]. Средства на покупку иностранных картин должны были поступать от продажи советских фильмов за рубежом[1089]. Кроме того, для иностранцев, проживавших в Москве, Торгсин был готов организовать закрытые просмотры советских экспортных фильмов. Управляющий Московской конторы просил Моссовет для этой цели передать Торгсину малый демонстрационный зал (вместимостью до 60 чел.) по адресу площадь Свердлова, д. 1/3 [1090]. В 1934 г. с разрешения СНК Торгсин начал продавать за валюту и книги[1091]. Правительство рассматривало вопрос о расширении практики выплаты иностранными концессионерами зарплаты своим сотрудникам через Торгсин[1092]. С отступлением голода вернулся спрос на санаторные и курортные путевки, которые Торгсин продавал за валюту. В Торгсине они стоили дешевле, чем в «Интуристе»[1093]. Продолжалась и валютная продажа автомашин Горьковского завода.

Жилищная проблема в СССР, уступавшая по остроте разве что угрозе жизни, с отступлением голода вновь вышла на первый план. В конце 1934 г. Торгсин обратился в Валютную комиссию СНК с просьбой утвердить подготовленный им проект о продаже за валюту квартир и дач[1094]. Право покупки квартир принадлежало исключительно советским гражданам, которые становились членами жилищных кооперативов. Валютный эксперимент с жильем должен был проходить только в крупных городах, главным образом, в Москве, но были названы также Ленинград, Тифлис, Харьков, Ростов, Киев, Минск и Винница. Руководство Торгсина брало обязательство продать в 1935–1936 гг. до 200 квартир на сумму 350–400 тыс. золотых руб. Спрос на жилье исчислялся миллионами квартир, но возможности Торгсина были ограничены, да и связываться с организацией своего собственного строительства Торгсин не хотел[1095] – строить для него должны были на договорных началах строительные кооперативные организации. Торгсин брал на себя лишь обязанность обеспечивать их стройматериалами, которые надеялся получать от правительства в порядке льготного снабжения. Кроме того, Торгсин просил правительство разрешить ему покупать жилье у владельцев и застройщиков с правом последующей перепродажи за валюту. При себестоимости одного кв. метра жилплощади в 500 руб. его продажная цена должна была составить 35–40 руб. золотом[1096], так что двухкомнатная квартира стоила бы 1,2–1,4 тыс., а трехкомнатная – 1,7– 2,0 тыс. золотых руб.

Одновременно с вопросом о продаже советским гражданам квартир за валюту Торгсин обсуждал вопрос о сдаче квартир иностранцам в аренду. Каждый случай аренды рассматривался специально, и решение принималось по согласованию с НКВД и НКИД. Срок аренды не мог превышать три года. На протяжении всего срока аренды Торгсин обязывался оплачивать квартплату и коммунальные услуги. Право собственности на жилье оставалось за Торгсином. Арендная плата в Москве составляла без меблировки 2 руб. золотом, а при сдаче в аренду квартиры с мебелью – 2 руб. 50 коп. золотом за квадратный метр жилой площади в месяц[1097]. Ленинградская контора Торгсина выступила с предложением оборудовать валютные дачи для иностранцев[1098].

«С миру по нитке – голому рубашка»: из мелочей могут сложиться крупные суммы, но этого не случилось в истории Торгсина. Несмотря на новшества, поступление ценностей в Торгсин в течение 1934 и 1935 гг. неуклонно падало. В условиях сытого разборчивого элитного спроса невозможно было повторить злой и голодный «звездный» 1933 г. Снизилось и число валютных переводов из-за границы – в письмах, шедших из СССР, уже не было голодного отчаяния, а мировое внимание теперь было приковано к судьбе евреев в Германии. Политика цен в Торгсине также не стимулировала покупательский спрос – вопреки экономической конъюнктуре, правительство не разрешало Торгсину понижать цены. Из регионов сообщали о затоваривании[1099]. Правительство вынужденно снижало валютные планы и все более свертывало деятельность Торгсина[1100]. В течение 1934 и 1935 гг. Торгсин поэтапно сокращал численность сотрудников и торговую сеть, что в первую очередь коснулось нерентабельных мелких магазинов (*табл. 27*)[1101]. Из полутора тысяч торговых предприятий, что работали на Торгсин в 1933 г., к июлю 1934 г. было закрыто около трехсот[1102]. Дальше – больше: на 1 января у Торгсина оставалось 702, а на 1 июля 1935 г. всего лишь 493 магазина[1103]. Бывшие магазины Торгсина становились невалютными: вместе с залежавшимися на полках и складах товарами они переходили в распоряжение Наркомата снабжения[1104], который отвечал за внутреннюю торговлю страны. Работники Торгсина теряли статус привилегированных «валютных», превращаясь в обычных торговых

служащих. Так, с 1 октября 1935 г. СТО отменил выдачу «золотых пайков» торговым работникам Торгсина и уравнял их в зарплате с работниками общей торговой сети, что, по словам его руководства, на треть снизило их реальную зарплату[1105].

В ходе реорганизации Торгсина изменился и порядок расчетов с покупателями. Действовавшие «деньги» Торгсина были заменены квитанциями и именными книжками нового образца[1106]. Правительство требовало закончить обмен «денег» до июля, но он затянулся до конца осени 1934 г. Другим нововведением было прикрепление покупателей к магазинам, при этом получатели валютных переводов и владельцы наличной валюты были выделены в особую группу, что свидетельствовало о переориентации торгсиновской торговли с внутренних на внешние источники поступления валюты: как было замечено в начале главы, в 1934 г. правительство предполагало, что Торгсин не будет ликвидирован, а только реформирован, что он будет продолжать продавать товары за наличную валюту и по переводам денег из-за границы[1107].

За богатое наследство Торгсина развернулась межведомственная борьба. Согласно решению СНК, торгсиновские магазины отходили к Наркомснабу «со всеми потрохами»: штатом, товаром, имуществом, инвентарем и оборудованием. Однако Наркомвнешторг сопротивлялся разорению своего хозяйства и грозил срывом валютных планов[1108]. И. Я. Вейцер, нарком снабжения, а затем внутренней торговли СССР, который старался забрать у Торгсина как можно больше[1109], жаловался правительству, что Наркомвнешторг сокращал Торгсин «для себя», то есть пытался оставить квалифицированных работников в системе внешней торговли. Вейцер требовал отдать его ведомству все, вплоть до директоров бывших торгсиновских магазинов. Не дремали и местные исполкомы, которые пытались вернуть когда-то отданные Торгсину по распоряжению Политбюро лучшие городские помещения[1110].

Многие «погрели руки» на закрытии Торгсина и неразберихе, которая сопровождала этот процесс. Так, Торгсин передавал товары в образцовые универмаги, тогда как сами универмаги порой еще не были открыты. «По дороге» в невалютные магазины значительная часть торгсиновских товаров «оседала» в спецраспределителях номенклатуры. Комиссия советского контроля, которая по заданию СНК контролировала передачу торгсиновской сети Наркомснабу, отмечала многочисленные злоупотребления и извращения. Государственные коммерческие магазины, куда поступали торгсиновские товары, оказывались размещенными на территории ведомств с пропускным режимом. Пересчет бывших цен Торгсина в цены коммерческой торговли также частенько осуществлялся в интересах советской номенклатуры. Махинации вокруг Торгсина стали предметом обсуждения на самом высоком уровне – в центральных комитетах и совнаркомах союзных республик. Комиссия советского контроля требовала изъять торгсиновские товары из закрытых ведомственных распределителей и передать их в «настоящие» коммерческие магазины по ценам коммерческой торговли[1111].

Решение о закрытии Торгсина было принято Политбюро, и это предопределило поражение Наркомвнешторга в борьбе за сохранение Торгсина. За первую половину 1934 г. по постановлениям СТО Торгсин «сдал на внутренний рынок» товаров на сумму 24,7 млн золотых руб.[1112] Его товарные остатки сократились с 45 млн руб. на 1 апреля 1934 г. до 19 млн руб. по расчетам на 1 октября[1113]. Государству это было в убыток, так как бывшие экспортные товары, за которые можно было бы получить валюту, после передачи в обычную торговую сеть продавались по рублевым ценам внутренней торговли[1114]. В конце 1935 г. СНК обязал Торгсин отдать весь оставшийся аппарат, включая работников центральной и областных контор, Наркомату внутренней торговли СССР[1115].

Хотя слухи о закрытии Торгсина ходили по стране, население, видимо, до конца не верило, что это произойдет. Постановление правительства о ликвидации Торгсина многих застало врасплох. На момент публикации постановления более 80 тыс. человек в стране имели неиспользованные книжки на сумму 3,5 млн золотых руб.[1116] Больше половины этих людей были жителями Москвы и Ленинграда[1117]. С конца ноября 1935 г. и до закрытия Торгсин переживал торговый ренессанс: региональные конторы в донесениях Правлению сообщали о «паническом отоваривании». Показателем паники был и «сброс» на «черном» рынке неиспользованных торгсиновских денег, что привело к снижению обменного курса торгсиновского рубля[1118]. Правительство тоже не хотело упустить свой шанс и, как уже отмечалось ранее, «под занавес» резко повысило цены на товары в Торгсине[1119].

В декабре 1935 г. руководство Торгсина, отмечая неслыханный ажиотаж населения, просило правительство поддержать их товарами[1120]. С середины ноября Торгсин уже не принимал чекан, драгоценные металлы и камни: высокие показатели валютных поступлений в последние месяцы торговли были *исключительно* результатом сброса населением *иностранной валюты*. После официального объявления о закрытии Торгсина число «сдатчиков» наличной валюты резко выросло. До середины ноября 1935 г., то есть до публикации постановления о закрытии Торгсина, среднемесячное поступление наличной иностранной валюты составляло 528 тыс. руб., а после публикации выросло почти в 5 раз, составив в среднем 2,6 млн руб.

в месяц[1121]. За последние два с половиной месяца работы Торгсина люди сдали наличной иностранной валюты на миллион золотых рублей больше (6,5 млн руб.) чем за десять с половиной месяцев его работы с начала 1935 г. (5,5 млн руб)![1122] Похоже, что «под занавес» работы Торгсина население сбросило, если не всю, то почти всю оставшуюся в кубышках иностранную валюту: закрытие Торгсина радикально ограничивало возможность легального использования долларов, фунтов, марок и прочих иностранных денег, накопленных населением в период валютных послаблений – надо было торопиться потратить их с пользой.

За время своего существования Торгсин собрал *наличной* иностранной валюты на сумму 42,4 млн золотых руб. (без переводов из-за границы). В этой сумме была и валюта иностранцев, находившихся в СССР, но, учитывая их относительно небольшое число, а также то, что у иностранных граждан было больше возможностей для приобретения продуктов и товаров вне Торгсина («Инснаб»[1123], товарные посылки, поездки за границу), можно утверждать, что львиная доля этой «живой» валюты поступила в Торгсин из личных накоплений *советских* граждан[1124]. Цифра – более 42 млн руб. *наличной* иностранной валюты, собранной Торгсином, или, исходя из официального обменного курса, более 20 млн долл. США – может служить мерилом масштабов работы «черного» валютного рынка первой половины 1930-х гг. «Живая» иностранная валюта, поступившая в Торгсин из «внутренних источников», то есть из сбережений советских граждан и иностранцев, проживавших в СССР, по сумме лишь немногим уступила денежным переводам из-за границы (46,7 млн руб., *табл. 17*).

Настало время оценить общие итоги работы Торгсина. Индустриализация и голод определили его историю: валютные нужды промышленного скачка привели к рождению Торгсина, голод объясняет бурный, но короткий расцвет его торговли. Торгсин выполнил свой долг перед индустриализацией: он добыл ценностей на сумму более 287 млн руб. (по цене скупки), что было эквивалентом 220 т чистого золота. Ценности Торгсина, выраженные в мировых ценах золота, стоили без малого 200 млн долл. США (покупательной способности 1930-х гг.)! Но не переводы из-за границы и не валюта иностранцев, пребывавших в СССР, определили валютный успех Торгсина[1125]: бытовые ценности советских граждан (украшения, предметы утвари и безделицы, старые монеты) составили более 70% всей его скупки, а с учетом иностранной валюты, попавшей в Торгсин из советских карманов, «гражданский вклад» превысит 80% (*табл. 28*). Название «Торгсин» – «Торговля с иностранцами» – звучит фальшиво. Следовало назвать это валютное предприятие

«Торгссовлюд» – «Торговля с советскими людьми» или «Торгссоо» –«Торговля с соотечественниками»[1126]. В этом и заключается еще одна, возможно, главная тайна Торгсина. Он был не только порождением советского руководства, но и детищем советских людей, которые, спасая себя от голода, порой неосознанно, а порой и против своей воли, помогали делу индустриализации. Печально рекордным стал страшный 1933 г. (*табл. 29*). Валютный урожай двух голодных лет, 1932–1933, составил почти половину (45%) стоимости ценностей Торгсина, выраженной в мировых ценах золота, и почти 60% скупки Торгсина, выраженной в золотом тоннаже! Для поколения 1930-х гг. – заложников индустриальных амбиций сталинской власти – значение Торгсина состояло в том, что он дал миллионам людей возможность выжить.

Портрет покупателя в интерьере

За зеркальной дверью Торгсина. Рыба тухнет с головы: номенклатура в борьбе за Торгсин. Что русскому хорошо, то немцу смерть: дипломаты в Торгсине. Крестьянские универмаги: «Затаились. Ждут муку». Жители страны Лихославля. «Утром купит, а днем опять идет покупать»: спекулянты

«...жирная плачущая розовая лососина», бочки с «сельдью керченской отборной», пирамиды из мандаринов, хитрые сооружения из шоколадных плиток в золотых обертках и другие кондитерские соблазны, «сотни штук ситцу богатейших расцветок», «миткали и шифоны, и сукна фрачные», «штабеля коробок с обувью», «...пение патефонов» – таким увидели Торгсин булгаковские герои[1127]. «Америкой в миниатюре» был назван Торгсин в одном из писем 1930-х гг. Пережившие голод в Украине вспоминают магазины Торгсина, как «богатые», «гарние», «великие», «где все было». Миф о зеркальном Торгсине жив и в наши дни.

Однако великолепия, подобного тому торгсину на Смоленском рынке, что Булгаков описал в «Мастере и Маргарите», было немного[1128]. Да и в лучших торгсинах в крупных городах лоск зачастую служил фасадом, который скрывал все то же бескультурье, пренебрежение к покупателю, безхозяйственность. Достаточно почитать описания магазинов Торгсина в Ленинграде, чтобы увидеть, что его зеркала были «замусолены и засижены мухами»[1129]. Проверки контор Торгсина свидетельствовали, что он был плоть от плоти советской торговли. Большинство городских торгсинов были заурядными универмагами. Материалы Западной, Ленинградской областной,

среднеазиатских контор Торгсина, с которыми мне пришлось работать, полны описаний скудного ассортимента. Чем дальше от столицы и крупных городов – тем хуже: маленькие грязные темные лавочки, драки в огромных очередях, привычные для советской жизни всесилие продавца, грубость и хамство; в торговых помещениях и складах – наваленный кучами товар и нежелательное соседство: колбаса и куры на бочках с селедкой, на полках продукты вперемешку с нехитрым ширпотребом. Только голодный и раздетый советский покупатель мог увидеть в торгсинах райское изобилие:

«Мусор и грязь. Без отвращения нельзя войти, хотя здание большое и прекрасное» (Батуми).

«Темная лавочка, которую не посещает не только иностранец, но и местный житель, рискующий при сырой погоде разбиться, спускаясь с крутой горы в ту яму, в которой сидит Торгсин» (Владивосток).

«Торгсин ютится в тесном неказистом помещении в стороне от главной торговой артерии города...» (Баку).

«Содержится помещение грязно, много пыли, мусора, паутины. Окна и стекла в тамбуре – грязные. Товар в полках лежит в беспорядке, часть лежит под полками на полу. Витрины в окнах и наличниках в момент обследования отсутствовали, есть следы, что таковые были» (Сухиничи).

«...сельпо являются образцами безобразно скверной работы, как внешний, так и внутренний вид магазинов не только не привлекает покупателей, а отталкивает их, грязь, темнота, холод, товары находятся в беспорядке в грязи» (о магазинах Торгсина Западной области).

« ...в витрине выставлены две пишущие машинки и вверху бутылка водки» (Осташково, Западная область).

«...на Алтайском базаре, где принимают ценности, окошечко кассы сделано такое маленькое и очень низкое, и для того, чтобы сдать драгметаллы, сдатчик должен стоять на коленях – иначе не может сдать... Публике приходится стоять на коленях на глазах всего города, т.к. рядом – сотни народа (стоят. – Е. О.) за коммерческим хлебом». «...на Воскресенском базаре кассир сидит на витрине, которая гораздо выше его роста, а окошечко еще выше... При мне один дядя пытался дотянуться, но не мог, а если кто пониже, то приходится подставлять камушки. Я посмотрел, а камушков маленьких около магазина нет, есть только пуда по три на расстоянии шагов десяти от кассы. Изволь тащи их и подставляй» (Ташкент).

«...в наших торговых точках витрины не убраны, товар разбросан на полках в беспорядке, за прилавком и на прилавке валяются крошки и обрывки бумаги, окурки, стекла не вымыты, полы чрезвычайно грязны, повсюду следы пыли. Из числа наших предприятий лишь портовый розничный магазин добился нужных результатов» (Ленинград и область).

«Грязь в магазинах и грубое отношение к покупателям существуют почти везде» (Украинская контора Торгсина) [1130].

Торгсин как явление советской торговли был полон противоречий: зеркала и грязь – лишь одно из них. Острый недостаток товаров не мешал затовариванию и не только по причине малого интереса голодных людей к дорогому ширпотребу и деликатесам. Залеживалось и бесценное продовольствие, и ходовые товары. Причиной тому была механическая засылка товаров без учета сезона, спроса, национальных особенностей[1131]: в магазины поступали партии ботинок одного размера или только на правую ногу; в нищую деревню шли ненужные там шелка и балык, в среднеазиатскую глубинку – свиные консервы и дорогие иностранные рояли, на Крайний Север к лесорубам – детские купальники, а на Кавказ – валенки. «Посылают дрова, а вокруг леса»: эта фраза из архивного документа – отличная метафора снабженческой деятельности Торгсина.

Голод и острый недостаток продовольствия уживались в Торгсине с тем, что тонны испорченных продуктов выбрасывали на помойку. Заплесневевшее пшено; сахар в грязных мешках; разложившееся мясо; макароны, зараженные тараканами[1132]; «вторично замороженная телятина»; каша из сыра и битых яиц, которые прислали, упаковав в один ящик; сгнившие гуси; более года пролежавшее и забракованное врачами сало; «зачистка» заплесневелой колбасы и «тешка куреная с плесенью»; гнилые фрукты в витрине; шоколод, который «отдает сальной свечкой»; чай с запахом парфюмерии; окаменевшие глыбы муки, которые надо было разбивать кувалдой; ржавые консервы; покрытая пылью карамель... – места не хватит, чтобы описать изобилие испорченных в Торгсине продуктов, которые, несмотря ни на что, все же шли в продажу. Запомнилась фраза из описания торгсина в Ленинграде: «...гастрономическим товарам *придана свежесть* декорированием их цветами»[1133]. Покупатели не сдавались: возвращали в магазин недоброкачественные товары, требовали их обмена или возврата денег.

Изыски и новшества торговли соседствовали в Торгсине с недостатком самого примитивного и необходимого. Ленинградский торгсин писал о продаже живой рыбы из аквариума и тут же в соседнем магазине не было гирь, продавцы пользовались одним на всех сломанным совком для фасовки круп; в одном магазине – договаривались с ЛЕ ЖЕТом[1134] о выпуске парфюмерии в фирменной целлулоидной упаковке, а рядом – не было упаковочной бумаги,

шпагата[1135]. В декабре 1933 г., подводя итоги, Ленинградский Торгсин жаловался, что из заказанных 245 т оберточной бумаги дали только 33 т[1136]. На периферии и того хуже – заворачивали покупки в газету (если была), сахар насыпали «голыми и потными руками»[1137]. «Скорняцкие мастерицы», «пошив готового платья и белья» – и тут же рядом в одном из лучших магазинов в Ленинграде, известном как «краса Торгсина», не было обыкновенных овощей – моркови, лука, чеснока[1138]. Мелкой разменной монеты не хватало, поэтому в убыток покупателю либо давали сдачу в совзнаках, либо заставляли подгонять покупку под сумму. Квалификация приемщиков на периферии была низкой, а образцов и рисунков валюты не было. Где-то вдали от Москвы кассир зарисовывал карандашом в тетрадь попавшую в руки монету или иностранную купюру, тем и руководствовался[1139]. Стоит ли удивляться случаям, когда кассир принимал за настоящие деньги фотографии банкнот, вырезанные из справочных материалов[1140].

Перебои в снабжении – бич советской торговли – лихорадили и Торгсин. Материалы контор изобилуют жалобами на срывы поставок. Из Нижнего Новгорода, например, писали, что в январе–феврале 1932 г. универмаг Торгсина находился практически без товаров, но зато с середины марта до конца апреля его буквально завалили – прислали 1,5 тыс. ящиков и 7 вагонов товара: *«Все склады забили, новых складов взяли два и их заполнили, в универмаге кругом наложили кипы, ящики, почти закрыли проход покупателям»*. Мука и сахар, конечно, не залежались, но что творилось! – То продавцы без дела простаивали, а теперь выстроились «колоссальные очереди, пришлось даже конной милицией разгонять», – жаловались нижегородцы[1141]. Торгсин снабжался из тех же скудных государственных фондов, что и остальная советская торговля, поэтому, если мука и сахар пропадали из коммерческих магазинов, то и в Торгсине с ними были перебои, а как только в торгсины с получением нового урожая начинали активно поступать мука, крупа и другие главные продукты, то, как правило, они вскоре в изобилии появлялись и в невалютных магазинах. Торгсин, хоть и был немного впереди, но, по большому счету, хромал «в ногу» со всей советской торговлей.

Сдача ценностей и обладание книжкой Торгсина не давали людям гарантии покупки желанных продуктов и товаров. Мука, крупа, сахар, спрос на которые во время голода был особенно велик, быстро исчезали из магазинов. В Петрозаводске, например, в торгсине в конце августа 1932 г. в продаже были лишь перец и горчица[1142]. Коканд просил 2 вагона муки в месяц, а получил лишь 30 мешков – их хватило на один день торговли; месячная потребность в рисе составляла полтора вагона, а получили только 40 мешков, которые в Коканде продали в течение двух дней (май 1932 г.)[1143]. Весной 1932 г. рапорт из Киева сообщал об огромных очередях, в которых люди *«простаивали днями и ночами в продолжение недель, запруживали улицы и стимулировали развитие сыпного тифа... ежедневные драки в самом помещении Торгсина и на улице»*[1144]. Таким было преддверие массового голода. С его наступлением огромные очереди, которые выстраивались с 4–5 часов утра, и хронический недостаток продуктов стали общим местом в донесениях с мест. В крупных городах конная милиция усмиряла отчаявшиеся толпы.

Люди не могли купить то, за чем пришли в Торгсин и сдали ценности, так что приходилось откладывать покупку[1145], но при этом верно и то, что покупатели старались как можно быстрее использовать каждую торгсиновскую копейку – еще один парадокс жизни Торгсина. В декабре 1932 г. в Харькове по ордерам денежных переводов торгсин задолжал покупателям продуктов на 76 тыс. руб., а по бытовому золоту – на 15 тыс. руб. Существовало негласное распоряжение не давать покупателям обещаний на быстрое получение продуктов[1146]. Из Средней Азии в 1933 г. писали: объявят по городу, что в Торгсин поступили сахар и рис – начинается активная сдача ценностей, а потом оказывается, что товаров так мало, что отпускают лишь по килограмму в руки – кстати, одно из свидетельств существования норм продажи даже в валютном Торгсине. Не случайно крестьяне, отличавшиеся особой осторожностью и практичностью, предпочитали сдавать ценности небольшими партиями, отпиливая золото маленькими кусочками. Это явление автор одного из донесений назвал «измельчанием сдатчиков»[1147]. «Отложенный спрос», по мнению руководителей посылочной деятельности Торгсина, был причиной «непрерывного роста невыбранных сумм заказов»[1148]. Гражданин Кутесман из Волочиска, подтверждая это, весной 1932 г. жаловался: *«Мне 70 лет. Дети мои в Аргентине. Живу исключительно помощью, посланными деньгами... Уже прошло четыре месяца, как мне дети прислали 35 долларов... из них после приезда в Киев насилу получил продуктов на 40 рублей, а остальные до сего времени не могу получить. Дети мои каждый раз запрашивают, получил ли я? Не знаю, что ответить. Ответить, что 4,5 месяца не получал – не хочется, чтобы враги наши знали. Писать, что да – так не могу, ибо обречен на голод...»* [1149]

Положение покупателей осложнялось и тем, что срок торгсиновских денег был ограничен[1150], кроме того, использовать их нужно было в пределах города, где они были выданы, – до введения именных книжек на обезличенные боны Торгсина ставили штамп с названием города (см. илл.). Для перевода книжки в другой город требовалось пройти бюрократическую процедуру переоформления.

Разовые талоны и однодневные книжки на мелкие суммы должны были быть использованы в день сдачи ценностей, поэтому человек должен был прежде удостовериться, что в магазине есть нужный для него товар. – Иначе, пиши пропали... фамильные ценности! В условиях постоянного недостатка, а то и длительного отсутствия продуктов и товаров главного спроса, эти ограничения временем и местом покупки приводили к тому, что люди вынуждены были брать то, что дают. *«Круп мне не дали, сахару – тоже.* – Писал разочарованный покупатель. – *Зато пришлось взять материи на рубаху, но шить ее нечем, так как ниток в продаже нет. Хорошо, что хоть муки дали пять кило»*[1151]. Некто А. И. Мамон из Самарканда жаловался в Правление Торгсина, что директор местного торгсина предлагал ему в счет перевода из-за границы вместо муки, сахара и масла купить мед, шоколад и мармелад. Не то чтобы Мамон не любил шоколад, но дело было зимой 1933 г. – разгар голода, когда жизнь зависела от куска хлеба. Мука, сахар и крупа в Самаркандском торгсине отсутствовали, и директор не знал, когда они поступят[1152]. В дело шел принудительный ассортимент: чтобы получить муку и крупу, нужно было в нагрузку купить залежавшийся товар. Комбинации получались неожиданные: к чаю прилагались синька, вазелин, гребенки, мыльный порошок[1153]. Письма-жалобы шли в газеты и родственникам за границу. Жалобы советских немцев, например, дошли до германского консула, который обратился в Торгсин с протестом против принудительного ассортимента, съедавшего значительную часть денежных переводов для голодавших[1154]. Из-за идиотизма централизованного снабжения залежавшийся на полках одних торгсинов товар в других местностях мог быть в дефиците.

Переводы и посылки в Торгсине задерживали и теряли, товары не докладывали, из-за плохой упаковки продукты приходили испорченными. В документах сообщалось, что покупатели порой предпочитали не ждать посылки, а ехать за ней самим[1155]. Некоторые истории похожи на анекдоты: одного клиента, которому были переведены деньги через Торгсин, вызвали из Новороссийска в Ростов-на-Дону для получения посылки. Вызванный гражданин здорово издержался на дорогу, а когда приехал, то вместо посылки получил советские рубли, которые не покрыли проездных расходов. Или: получатель перевода через два месяца со дня перевода умер, не дождавшись получения денег, которые были предназначены для поддержки его здоровья [1156]. Из Госбанка СССР, через который на Торгсин шли переводы из-за границы, гневно писали: *«Торгсин, не розыскав адресата по переводам, не только не возвращает денег обратно, но даже не сообщает Госбанку о том, что адресат не розыскан. Количество рекламаций растет»*. Иностранцы, отправившие переводы в СССР, подавали в суд – тот назначал Торгсину штрафы, в Госбанке же вынужденно завели специального сотрудника для приема устных и письменных жалоб на Торгсин[1157]. Наркомат иностранных дел собрал выдержки из сообщений советских консулов в разных странах мира, которые под напором разгневанных иностранцев вынуждены были жаловаться в Москву. Консулы сообщали, что даже телеграфные переводы шли несколько недель, а ожидание почтовых доходило порой до девяти месяцев[1158]. *«С каждым переводом что-нибудь да случится»*, – заключал НКИД.

В условиях голода мало кто волновался о культуре торговли: голодный сам найдет торгсин и все стерпит за мешок муки. Но с улучшением продовольственной ситуации Торгсину пришлось конкурировать с образцовыми невалютными универмагами – тут-то и зазвучали призывы наладить культурную социалистическую торговлю, заняться рекламой, изучать потребительский спрос, следить за модой, проводить декадники чистоты и т. д. и т. п. Как высказался один из руководителей: *«...нам нужны не распределительные пункты, а культурные, по-советски торгующие предприятия»*[1159]. Вежливость и уважение к потребителю, однако, давались тяжело. Хамство начиналось у самого входа. *«Наши сторожа, которые стоят около дверей,* – говорилось на собрании работников Узбекской конторы Торгсина, – *привыкли толкать публику, прямо как немые... хватают за пояс и тащат»*[1160]. Отгоняя пинками тех, кто был не «при валюте», заискивали перед завсегдатаями, стреляли у них торгсиновские папиросы.

Этика профессионального поведения с трудом утверждалась в экономике дефицита, где торговый работник был фигурой властной, а покупатель – заискивающим ничтожеством. Документы описывают самодурство приемщиков, которые кидали владельцам непринятые вещи[1161]. Типичным был продавец, который либо не обращал внимания на просьбы и жалобы покупателя, либо грубил, грозил и приказывал. *«Работают криком, кулаками и руганью... азиатчина»* – сообщалось в одном из актов проверки Торгсина[1162]. В торгсинах, как и везде в СССР, царила презумпция виновности покупателя – *«чуть что, сразу за рукав хватают»*. Обычный для советского магазина, в том числе и для торгсиновского, плакат «Проверяйте деньги, не отходя от кассы» – хорошая к тому иллюстрация[1163].

Флирт, хохот, обсуждение личных и не относящихся к работе проблем на глазах у покупателей, доходившее по словам документа до митингов, раскуривание табаку и распитие алкоголя на рабочем месте (*«замечается уход с работы в пьяном виде»*), долгое отсутствие за прилавком (*«меры по ликвидации очередей принимаются*

лишь при появлении начальства») – продавцы в Торгсине жили своей жизнью. Торгсин был преимущественно мужским предприятием[1164], поэтому продавцы в кепках, шапках и с папиросой во рту были распространенным явлением, несмотря на запреты Правления – не курить и не носить головные уборы на работе. Справедливости ради следует сказать, что и покупатели курили в магазинах[1165]. Любопытный случай-зарисовка из жизни зеркального Торгсина сохранился в архиве. Дело было в ноябре 1935 г. В Ленинграде в магазине Торгсина на улице Желябова к продавщице музыкального отдела Кутуевой подошел покупатель, некто гражданин Дудников Б.Л., и попросил проиграть на патефоне одну из имевшихся у него пластинок. Продавщица «из любезности» согласилась. Прослушав пластинку, Дудников стал просить проиграть еще. Получив отказ, *«гр. Дудников оскорбил продавца, бросив в него* (у слова продавец в советских документах не было женского рода. – *Е.О.) горящей папироской, в чем проявил явное хулиганство»*[1166].

Торгсин – не отдельные зеркальные магазины в крупных городах, а Торгсин как феномен крестьянской страны, не стал образцом культурной торговли, но все же, несмотря на все родимые пятна и изъяны, он был шагом к современной культуре торговли и потребления. Спрос в Торгсине отражал изменение потребительских вкусов. Покупатели расставались с XIX в., XX в. формировал новые пристрастия. Так, некогда популярные романсы и цыганские песни уже не привлекали людей, но стремительно рос спрос на современные пластинки с джазом и танго[1167], на смену женским широкополым шляпам пришли вязаные береты, повседневной обувью становились удобные спортивные туфли – «торгсинки», летом горожане гонялись за пляжными плимсолями. Советские покупатели в Торгсине пытались следовать веяниям нового времени. Торгсин, пусть с огрехами и «топорно», но приобщал советских потребителей к новым видам торговли и услуг, открывал для них новые товары. Показательна история о том, как туркменский потребитель открыл для себя хозяйственное мыло. В докладе о работе Торгсина в Туркмении сообщалось, что вначале хозяйственное мыло было не в ходу, так что приходилось даже перебрасывать его запасы в Узбекистан, где потребитель уже хорошо знал этот товар. В середине 1933 г. произошел перелом, и спрос на хозяйственное мыло стал быстро опережать его поставки в Среднюю Азию[1168].

К разочарованию социального историка, материалы Торгсина содержат не так уж много описаний его клиентов. Информацию о них приходится собирать по крохам, по отдельным словам и предложениям. Но все-таки архивы позволяют написать, если и не портрет, то наброски к социально-поведенческому портрету групп покупателей в Торгсине.

Верно заметил народ – рыба тухнет с головы. В начальный период работы Торгсина руководство страны выделяло фонды («лимиты») торгсиновских товаров для обеспечения представительских нужд местной власти. Товары предназначались в основном для официальных сборищ – съездов, юбилейных собраний, приема знатных гостей. Твердых размеров «лимитов» не было, они зависели от времени, региона и целевого назначения. Документы 1931 г. из Архангельска упоминают лимит в 1 тыс. руб., тогда как в распоряжение начальника Дальстроя в конце 1932 г. правительство разрешило ежемесячно выдавать 5 тыс. руб. бонами Торгсина[1169]. «Лимиты» были единственной легальной возможностью для местного руководства, не сдавая ценностей, покупать товары в Торгсине на обычные советские рубли по официальному обменному курсу. Но, видимо, разрешенных представительских «лимитов» не хватало для насыщения аппетитов местной власти, к тому же Наркомвнешторг и Правление Торгсина старались сокращать размеры невалютных продаж. Местная элита – работники комитетов партии, исполкомов местных советов, органов суда и прокуратуры, сотрудники ОГПУ/НКВД[1170], пользуясь властью, стремились превратить Торгсин в «свой» магазин. Невзирая на запреты Москвы, они получали товары из Торгсина на советские рубли, а то и вовсе бесплатно. «Разбазаривание валютного фонда» достигло таких размеров[1171], что руководство страны стало принимать жесткие меры. В начале 1932 г. вышло постановление ЦК и Президиума ЦКК, которое запрещало выдавать какой-бы то ни было организации товары из Торгсина за советские деньги[1172]. Даже товары, потерявшие «экспортабельность» (экспортное качество), следовало уценять, но продавать за валюту. Запрещался и широко развившийся на местах бартер между Торгсином и организациями[1173]. Председатель Правления Сташевский требовал *«беспощадно расправляться с руководящими и рядовыми работниками, нарушавшими директивы правительства»*[1174].

Местное руководство сопротивлялось распоряжениям Центра, настаивая на своей исключительности. Одни просили, как, например, председатель ЦИК Аджаристана Лорткипанидзе: ссылаясь на то, что Батум находится на пути следования в Европу и на Восток, и что ЦИКу часто приходилось принимать иностранные делегации, он просил продавать ответственным работникам ЦИКа и обкома торгсиновские товары по кооперативным ценам на 300 руб. в месяц[1175]. Другие брали угрозами, силой и вымогательством: из Средней Азии, например, писали, что партийные организации за свою

помощь требовали взятки товарами Торгсина[1176]. Управляющий Закавказской конторы Торгсина Аскаров в июне 1932 г. жаловался председателю Торгсина Шкляру и председателю Закавказского ОГПУ Агрбе: *«Заместитель председателя Азербайджанского ОГПУ – тов. Штепа вызвал к себе управляющего бакинским отделением Торгсина тов. Аванесова и потребовал выдачи ему из магазина Торгсина товаров на соввалюту. При отказе тов. Аванесова тов. Штепа прибег к угрозам, в силу чего Аванесов товары отпустил»*[1177]. Торгсин потребовал, чтобы ОГПУ заплатило валютой за покупку Штепы. Сохранилась записка со списком товаров, которые Штепа затребовал из Торгсина, она звучит как приказ: *«Подателю настоящего немедленно отпустите на советские знаки следующие товары: 1. папиросы в[ысший] с[орт] – 100 коробок; 2. трубочного табака – 10 коробок; 3. шоколад в плитках – 50 плиток; 4. шоколад французский – 10 коробок; 5. конфекты разные в/сорта – 5 кг; 6. какао «Золотой якорь» – 1 коробка; 7. печенья разного – 5 кг; 8. сухарей – 5 кг. Зам. Пред. Аз. ГПУ Штепа»*[1178]. Похоже, что руководство Азербайджанского ГПУ устраивало банкет и ожидались дамы.

Сообщения о невалютных продажах товаров местным властям, вплоть до полного разбазаривания торгсиновских магазинов, поступали из многих регионов[1179]. В Хабаровске за период с августа по октябрь 1932 г. Торгсин «невалютно» выдал местному руководству товаров на сумму 2 тыс. руб., в основном папиросы, – и это не считая разрешенных 26 пачек в месяц на представительство, «себе и угощать». Не дешево обходилось государству курение элиты! Уральская и Свердловская конторы Торгсина продавали товары за советские рубли руководителям местного обкома, горсовета, исполкома и ГПУ. В Закавказье Торгсин, подчиняясь приказу СНК республики и ГПУ, также «разбазаривал золотой фонд». На Дальнем Востоке, судя по «ведомости отпуска товаров на соввалюту», внушительное число организаций и комиссий «кормились» в Торгсине за рубли. Из Центральной Черноземной области (Воронеж) поступили сведения о том, что Торгсин передал товаров на 240 тыс. руб. в закрытый распределитель ответственных работников. В Архангельске возник спаянный союз секретаря по снабжению крайкома (была такая должность!) Шайкевича, уполномоченного Наркомвнешторга и управляющего Северной конторы Торгсина Беды. Прямо с квартиры секретаря крайкома, не прерывая застолья, уполномоченный Наркомвнешторга «присылал записочки в Торгсин», требуя срочно доставить на квартиру Шайкевича продукты, «пиво и другие напитки». Официант приносил заказанное на дом. Оказавшись под следствием, собутыльники пытались покрыть растрату закупкой напитков в Москве по коммерческим ценам, но, возвращаясь в

Архангельск, в поезде выпили почти половину купленного. Секретарь крайкома был снят с работы со строгим выговором и предупреждением и сослан на низовую работу[1180].

Управляющие местных контор и директора магазинов Торгсина оказались между молотом и наковальней. Правление Торгсина, которое выполняло директиву ЦК, кричало – «не продавать», местная власть угрожала – «дай, а то хуже будет!» Не подчиниться приказам местных совнаркомов, циков, горсоветов, представителей ОГПУ и прочих начальников директора торгсиновских магазинов боялись: откажешь – тут же вызовут «для разговора». Управляющий Архангельского отделения Лановский жаловался председателю Торгсина Шкляру: *«Я... категорически запретил отпускать кому-либо без моего распоряжения. Через час (! – Е. О.) меня пригласили к нашим друзьям»*[1181]. «Друзья» – местное ГПУ – мгновенно отреагировали на несговорчивость управляющего торгсиновской конторы и решили показать ему, кто в городе хозяин. Случайно ли, что при утверждении кандидатур управляющих контор Торгсина местное руководство пыталось поставить туда своего человека? Однако потакание капризам местной власти для директоров Торгсина было чревато последствиями – Правление снимало их с работы. Невалютный отпуск продуктов из Торгсина даже для приема турецкого паши в Севастополе вызвал гнев Правления: по чьему распоряжению выданы продукты? Указать фамилию, должность, партийный стаж руководителя, а заодно и фамилию заведующего магазином, который выдал товары![1182] Бывало, местное ГПУ помогало опальным директорам. Из Семипалатинска сообщали, что директор торгсина, Монин, который продавал местному руководству товары за соввалюту, скрылся при содействии ГПУ[1183].

Местная элита, наряду с просьбами и угрозами, изыскивала и другие способы заполучить валютные товары. В числе их была спекуляция дешевым пайковым хлебом из распределителей номенклатуры. Так, в 1933 г. «ответственные работники» Черниговской области продали спекулянтам за золото и иностранную валюту 3,6 т хлеба, а затем на эти ценности купили в Торгсине промтовары для областного партийного руководства[1184]. В результате обысков и конфискаций в сейфах ОГПУ скапливались драгоценности. По заведенному порядку их нужно было сдавать золото-платиновой промышленности. Нашлись, однако, в ОГПУ предприимчивые руководители, которые хотели отоваривать конфискованное золото в Торгсине. Они действовали не для себя лично[1185], а от имени и в интересах своей организации – еще одна страница истории выживания, на этот раз *выживания ведомственного*. Подобная практика, однако, противоречила принципам работы Торгсина. Конфискован-

ное ОГПУ золото принадлежало государству. Правление Торгсина по запросу своей Дальневосточной конторы, где попытка подобного отоваривания имела место, разъясняло, что ОГПУ не могло пускать в оборот конфискованное золото, так как Торгсин принимал только ценности, находившиеся в частном владении[1186].

Разумеется, были среди местных руководителей люди, которые покупали товары в Торгсине на законных основаниях в обмен на свои собственные ценности, но в этом случае их следует отнести к категории обычных посетителей Торгсина. Сохранилось письмо уполномоченного ЭКУ ОГПУ в г. Зиновьевске Слитинского. В конце 1931 г. в обмен на американские доллары он просил прислать ему товары из Торгсина: муку, сахар, табак, масло, чай, рис, изюм и гильзы № 9. Судя по списку, сумма получалась немалая. Слитинский объяснял: *«Доллары мною покупаются непосредственно из Америки* (интересно было бы узнать, как. – *Е. О.*), *а не скупаются на месте»*[1187]. Наивный 1931 год! Слитинский более опасался обвинений в валютной спекуляции – скупке долларов на «черном» рынке, чем обвинений в связях с заграницей и шпионаже на США. Вряд ли бы он сделал такую приписку в 1937 г., а сделал бы, то исход мог оказаться трагическим для автора. В 1931 же году реакция на письмо была чисто деловой: Правление Торгсина отослало копию этого письма в ЭКУ ОГПУ и просило разъяснить Слитинскому, что для получения товаров он должен перевести доллары на счет Торгсина.

Суета вокруг Торгсина, в которую оказались втянуты центральная и местная власть, свидетельствует о конфликте их интересов. Местная номенклатура добивалась расширения своих личных и групповых привилегий, центральная же власть их ограничивала, руководствуясь государственными интересами: стране нужна была валюта и разбазаривать экспортные товары за рубли, пусть даже и на нужды местных руководителей, Центр не хотел. Таким образом, в случае с Торгсином Центр ставил государственные приоритеты выше корпоративных. Местная номенклатура, которая считала себя частью правившей элиты, очевидно, видела в действиях Центра своего рода предательство, нарушение групповой солидарности и считала это незаслуженным и нечестным, тем более что жертвовать *своими* привилегиями центральное руководство явно не собиралось.

Местная номенклатура находилось перед дилеммой: согласиться с ограничением своих привилегий или саботировать распоряжения Центра. Центр стоял перед дилеммой: пренебречь государственными интересами в угоду корпоративным или преодолевать сопротивление местных руководителей, что неизбежно вело к расколу номенклатуры. Развитие отношений центральной и местной власти во второй половине 1930-х гг. показало выбор, сделанный обеими сто-

ронами[1188]. В борьбе с местной властью центральное руководство использовало как бюрократические административные методы (кадровые перестановки и должностные наказания), так и физическое истребление в годы большого террора. Местное руководство в основном ограничилось пассивными методами, в числе которых были круговая порука и саботаж распоряжений Центра. Пассивность и слабость оппозиции местной номенклатуры во многом определялись ограниченностью ее конфликта с центральной властью. Ведь в этой борьбе провинциальные сталины отстаивали всего лишь свои личные и корпоративные привилегии, грубо говоря, шкурные интересы. Это было желание всего лишь получить кусок хлеба побольше и кусок масла потолще. В политическом отношении местная власть и Центр были «одной крови особи». Их конфликт не имел политической сути, а был возней за расширение и перераспределение привилегий правившей элиты.

К числу привилегированных покупателей в Торгсине относились и иностранцы, хотя их особость определялась не принадлежностью к власти, а тем, что всегда и в достатке были «при живой валюте». Строго говоря, среди иностранцев существовала иерархия. Для работников дипломатического корпуса советское правительство открыло особые, закрытые для других покупателей, торгсины, которым надлежало выполнить не только снабженческую, но и политическую миссию. В ноябре 1932 г., принимая от «Инснаба» снабжение дипкорпуса, Правление Торгсина в специальной телеграмме обязывало конторы выделить для дипломатов лучшие магазины, «организовать продажу зелени, мяса, молока, молочно-кислых продуктов», а также «обеспечить лучшее обслуживание»[1189]. «Дипторгсины» принимали заказы с доставкой на дом.

Магазины дипкорпуса, действительно, были одними из лучших в Торгсине, но и советское лучшее 1930-х гг. часто оказывалось непригодным для западного потребителя. В Москве и Ленинграде[1190] дело обстояло относительно хорошо, а вот германский консул во Владивостоке жаловался в НКИД: из свежего мяса в Торгсине бывает иногда только свинина, которая, однако, всегда жирная, поэтому «не является подходящей для еды». Консулы отказывались покупать мороженое мясо, *«свежего же воловьего мяса, что особенно важно, свежей телятины, подходящей для еды, свежей свинины или другого свежего мяса в Торгсине не имеется. Свежей дичи (фазанов, диких уток, косуль, оленей, зайцев), которых в большом количестве стреляют профессиональные охотники в окрестностях Владивостока, в Торгсине также нет»*. Нет кур, свежей рыбы какого бы то ни было сорта, – консул продолжал свой скорбный список. В продаже, правда, были гуси, но они не выпотрошены и «настолько плохо за-

морожены, что при «вскрытии пахнут и плохи на вкус. Масло, из-за своего плохого качества, «может едва служить для кухни, но ни в коем случае не для стола». Поистине, что русскому хорошо, то немцу – смерть! Значительную часть продуктов – белую муку, крупу, рис, жиры, сахар, колбасу и даже овощи – германское консульство выписывало из-за границы. Скоропортящиеся же продукты вынуждено было покупать на местном крестьянском рынке, но «мероприятия власти» его дезорганизовали, оставив консульство «без питательной мясной пищи». В заключение германский консул просил снабжать дипмиссию свежим мясом и рыбой из гостиниц для иностранцев или дома ГПУ (!)[1191].

В отличие от дипломатов, иностранные туристы интересовались в основном антикварными торгсинами, а иностранные специалисты, работавшие в СССР, ходили в торгсины «общего пользования» наравне с советскими покупателями. В конъюнктурном обзоре Нижегородской конторы сообщалось, что американцы – их было много на автомобильном заводе, который строился и работал при участии Форда, – являлись «основными потребителями бакалейно-гастрономических и винных товаров и меховых манто»[1192]. В Нижнем Новгороде (позже г. Горький) иностранцев в Торгсине обслуживали специальные продавцы, знавшие иностранные языки. По отзову сотрудников нижегородского торгсина, за исключением нареканий на недостаток мелкой разменной инвалюты, иностранцы были довольны. Архивные материалы других контор рисуют менее радужную картину. Качество и ассортимент товаров были не единственными причинами для недовольства. Иностранцы жаловались на грязь[1193] и на дороговизну[1194]. Председатель Торгсина Левенсон, подтверждая это, в 1935 г. сообщал в Наркомвнешторг о том, что товары в Торгсине стоили дороже не только чем в Польше, но и во Франции[1195].

По отзывам работников все той же Нижегородской конторы (осень 1932 г.) большинство покупателей в местном торгсине были крестьяне, а в документах Западного (Смоленского), преимущественно деревенского, Торгсина даже встречается название – крестьянские универмаги. Крестьяне покупали в основном на золотую монету, которую сберегли с царских времен, пополнили в годы военного коммунизма, выменивая у горожан на продукты, а также купили у государства в годы валютных интервенций нэпа. Почти все крестьяне сдавали ценности на мелкие суммы и сразу же отоваривали разовые квитанции. Спрашивали дешевую мануфактуру, чулки, сапоги, подметки, хром, сахар, керосин, денатурат. В Средней Азии в этот нехитрый деревенский ассортимент входил рис[1196]. Но главным крестьянским товаром была ржаная мука. «Сапожник без

сапог» – Торгсин в полной мере отразил этот парадокс советского времени. Сеявший хлеб – не ел его вдоволь, растивший скот – не видел мяса. *«Затаились. Ждут муку»* – эта фраза выражает суть поведения покупателя-крестьянина. *«Несколько дней мы работали без муки,* – писали из Кара-Калпакии в декабре 1933 г. – *и это обстоятельство резко сказалось на обороте скуппункта и еще резче на реализации магазина. Значительное количество книжек осело у населения, которое ожидает поступления муки... без муки не продаются и остальные товары и по существу оборот сходит на нет»*[1197]. Крестьяне в Торгсине были явлением голода. С нормализацией положения в стране они ушли из его магазинов.

Среди покупателей крестьяне были самыми практичными, недоверчивыми и осторожными. Разъяснительная работа о политическом значении торговли в условиях социалистического строительства, за которую так ратовало Правление Торгсина, не могла убедить их в необходимости расстаться с золотом. Голод и нужда лучше агитировали за финансирование индустриализации. До получения урожая крестьяне в Торгсине покупали почти исключительно продовольствие – не бросали на ветер золотую копейку. Прежде чем купить, вели наблюдение за покупателями и даже провожали их до квартир, чтобы удостовериться в безопасности. Приносили ценности, но просили позвать работника магазина, которого знали лично, отказываясь сдавать незнакомым[1198]. Редко можно было увидеть крестьянина, сдававшего целые золотые вещи: несли обломки колец, ломаные сережки. Эти наблюдения работников нижегородского торгсина осенью 1932 г. подтверждаются материалами других контор. О том, что крестьяне осторожничали, сдавая золото понемногу отпиленными кусочками, писали и из Средней Азии[1199]. По признанию ленинградского документа: *«...крестьянин по месту своего жительства золото сдавать не понесет»*[1200]. В пограничной полосе, где еще совсем недавно существовал запрет на хранение царского чекана, крестьяне вначале приносили в Торгсин лом, «как не вызывающий опасения»[1201].

При всей их осторожности, однако, именно крестьяне, вероятно, в силу низкой грамотности и незнания тонкостей работы Торгсина, оказывались наиболее легкой добычей мошенников, которые «с рук» продавали им негодные торгсиновские книжки. Зампредседателя Торгсина Азовский в мае 1935 г. спешной почтой сообщал конторам: *«Из ряда мест к нам поступают сведения о том, что наши товарные книжки с фальсифицированными записями (исправления первоначально проставленных сумм на бóльшие суммы) препровождаются злоумышленниками «доверчивым клиентам», которых задерживают в н[аших] магазинах, так как сделанные подделки*

легко обнаруживаются. Эти доверчивые клиенты чаще всего оказываются приезжими единоличниками и колхозниками»[1202].

В деревенской кубышке была и иностранная валюта: нижегородский обзор сообщал о притоке в июле 1932 г. 5-, 10- и 100-долларовых купюр от крестьян. *«...характерно то,* – продолжали составители обзора, – *что, принося доллары, они* (крестьяне. – *Е.О.*) *идут справляться в кассу, принимают ли их и просят написать на бумажке, как они называются, так как выговорить не могут и обязательно начинают объяснять в кассе, откуда они имеют эти доллары (хотя их об этом никто и не спрашивает). Многие объясняют наличие долларов тем, что раньше они жили и работали в Америке и привезли их оттуда, иные – получили в период военного коммунизма в уплату за продукты»*[1203]. Ссылки на работу и житье в Америке – скорее всего защитная ложь: если бы жили там, то, наверно, знали бы, как называются эти зеленые бумажки. А вот ссылки на сбережения периода «военного коммунизма» да переводы от родственников из-за границы соответствовали исторической правде.

Поскольку торгсины находились в основном в городах, крестьянам нужно было еще туда добраться. В Средней Азии, Сибири, на Дальнем Востоке им приходилось ехать порой даже не десятки, а сотни километров. Случалось, что магазинчик встречал их амбарным замком. Автор фельетона о работе торгсина в городе Ломов Восточно-Сибирского края писал, что покупатели преодолевали сотни километров, чтобы по прибытии узнать, что ломовский торгсин был открыт лишь три дня в неделю. Остальное время единственный продавец либо подсчитывал ордера, либо ездил в Сретенск в банк, либо *«отдыхал или хватил горького»*[1204]. Приходилось приспосабливаться. Из Средней Азии сообщали, что крестьяне наезжали в города только в базарные дни и *заодно* посещали Торгсин. Бывало, что «командированные» отоваривались для всей деревни. Как уже было сказано ранее, крестьяне не торопились сдавать ценности, не удостоверившись, что в продаже есть нужные им товары. Если покупали впрок, то делили продукты на части. Кто-то из переживших голод в Украине вспоминал, как мать, приехав с продуктам из Торгсина, поделила их и часть заперла в сундук.

«Городское население, – сообщалось все в том же нижегородском обзоре, – *является покупателем изящной обуви, трикотажа, шелка, посудо-хозяйственных товаров, кондитерских, гастрономических, крупяных товаров, муки всякой».* Горожане первыми узнали о Торгсине и быстрее освоились в нем. Документы описывают универсальные покупательские тактики. Люди искали лучшие цены, сравнивая торгсиновские с ценами других видов торговли, оценивали товар как «выгодный» или «невыгодный». Решение о продаже ценностей, как правило, принимали на семейном совете. Город жил лучше деревни, но голод повлиял и на городской спрос. При поступлении пшеничной муки, признавались работники нижегородского торгсина, «городские покупатели создают колоссальные очереди и покупают муку мешками». Горожане несли и золотые вещи: часы, цепи, браслеты, кольца, медали, кресты, иконы... Монета старого чекана и иностранная валюта водились у горожан-нижегородцев, но поступали в незначительных количествах. Среди завсегдатаев, покупавших «по-крупному», были горожане с золотишком – ювелиры и зубные врачи. В Нижнем Новгороде они почти ежедневно посещали торгсин, приносили расплавленные монеты, шлиховое и другое «ценное золото», покупали гастрономические и бакалейные товары, сладости. Среди городской элиты были и получатели крупных валютных переводов из-за границы; эти покупали предметы роскоши – меха, шелка, изящную обувь, вино, деликатесы[1205].

Напуганные арестами ОГПУ, осторожничали и горожане. В только что открывшийся универмаг в Ташкенте (март 1932 г.) жители на первых порах несли только золото-лом, «так как этот вид ценностей не вызывал опасений у сдатчиков»[1206]. Документы упоминают факты ухода людей из магазина, если туда входили их знакомые. Иногородние приезжали сдавать ценности в Москву или Ленинград, а товарные книжки просили переводить в их города. Работники Ленинградского Торгсина признавались, что введение именных товарных книжек вызвало падение сдачи драгоценностей, несмотря на то что при оформлении книжки не требовалось предъявлять документы, удостоверявшие личность[1207].

Городской покупатель, говоря языком того времени, находился на переднем крае борьбы за потребительскую культуру. Следование современной моде было преимущественно городским явлением, так же как относительное разнообразие ассортимента и услуг в Торгсине было исключительной чертой крупных городских универмагов. Но городские торгсины были не только оазисами развивавшейся культурной торговли. Подделка денег и других документов Торгсина, массовое воровство с прилавков и полок магазинов, по признанию документов, были городскими явлениями, хотя и не обязательно, что ворами были только горожане. В маленьких сельских лавочках и магазинчиках в небольших городках, где люди знали друг друга, воровать покупателям было опасней и позорней. Документы свидетельствуют о масштабности злоупотреблений в городских торгсинах. В одном из докладов, например, упоминалась «фабрика» за пределами Москвы, которая целый год подделывала торгсиновские книжки и распространяла их через сеть агентов[1208]. По данным отчета Торгсина, только в одном московском магазине за

семь месяцев 1935 г. кассиры задержали 198 подозрительных книжек, из них лишь 17 были возвращены владельцам. Тот же отчет сообщал, что всего в Москве «за последние месяцы» было арестовано 390 поддельных и ворованных книжек[1209].

В магазинах больших городов существовал многоступенчатый порядок оформления покупок[1210]. Покупатель вначале стоял очередь в отдел товаров, где продавец выписывал квитанцию, которая указывала, какой товар выбран, его количество и стоимость. С этой квитанцией покупатель шел в кассу. Там опять надо было стоять в очереди, чтобы оплатить покупку. Кассир ставил штамп на квитанцию об оплате. После оплаты в кассе покупатель с чеком и квитанцией с печатью шел в отдел получения покупок (там опять стоял в очереди). Контролер сверял квитанцию покупателя с контрольной, которая была выписана при выборе товара, и выдавал покупку. Столь сложная система документации позволяла лучше вести учет проданных товаров и была направлена в первую очередь против злоупотреблений работников магазина. Покупатели, однако, пользовались этой длинной цепочкой, в которой продавец, который отобрал для них товар, и тот, который выдал его после оплаты покупки, были разными людьми. Люди подделывали квитанции, штамп «уплачено» и чеки – благо сделать это было не сложно, вторично использовали чеки и получали товар, не сдавая ценностей. Управляющий Московской областной конторы Торгсина Дорон писал в московскую милицию (июнь 1935 г.): *«За последнее время по нашим универмагам усилились случаи хищения товаров по поддельным квитанциям Торгсина. Злоумышленники настолько тонко подделывают штампы и шифр универмагов, что работники универмагов не всегда в состоянии отличить правильную квитанцию универмага от поддельной. Подделка выявляется только после проверки бухгалтерией кассы против чека отпуска товаров. От поддельных товарных квитанций Торгсин несет колоссальные убытки. Все наши усилия ликвидировать подобные злоупотребления без Вашей помощи бессильны»*[1211].

Те, у кого не было своих ценностей, тем не менее находили способы попасть в Торгсин. Исаак Тартаковский, переживший голод в Украине, вспоминал беспризорников, которые охотились за хорошо одетыми женщинами: на бегу они вырывали золотые серьги из уха жертвы. Поджидали и выходивших из Торгсина покупателей: следовало прятать купленный хлеб или держать буханку обеими руками – иначе вырвут[1212]. Акты задержания свидетельствуют, что воровство было одним из распространенных способов заполучить торгсиновские товары. Гражданка Петрова, не имея бонов Торгсина[1213], зашла в универмаг № 4 в Ленинграде «посмотреть жакеты и прицениться». Попросив показать ей два жакета, она вернула продавцу

только один. При досмотре второй жакет был найден на полу у нее под ногами. Видимо, «гражданка-покупательница» спрятала ворованное под одеждой, а когда поняла, что уйти не удастся, «уронила» его на пол. Гражданин Андреев Иван Андреевич, 13 лет, разбил стекло в витрине и вытащил две пары чулок (январь 1934 г.). Одну пару удалось отобрать, а вторую пару, ценой 40 руб. совзнаками, он успел передать сообщнику. Это было уже не первое задержание Ивана Андреевича, ранее он уже наведывался в универмаг № 4 с 13-летним товарищем, Щаповым Иваном. В тот раз, взломав витрину, он вытащил кофточку ценой 120 руб. совзнаками. При обыске у Андреева нашли бритву «жилет» и торгсиновские запонки[1214]. Пользуясь занятостью продавца при наплыве покупателей, умельцы вырезали часть стекла из витрины и вытаскивали приглянувшееся крючком – именно так были украдены часы из универмага № 2 в Ленинграде и множество других ценных вещей по всему Советскому Союзу[1215]. Воришки шарили по карманам и крали из «чемоданов у публики». Только за октябрь в универмаге № 4 было отобрано 12 ворованных книжек. В этих случаях воришкам не повезло: истинные владельцы уже объявили свои книжки в розыск[1216].

В торгсиновском универмаге № 4, что был на улице Желябова в Ленинграде, гражданка Л.Э. Чистозвонова заметила у прилавка текстильного отдела женщину, которая что-то прятала в мешок. С ней были еще две напарницы. Бдительная покупательница задержала вора и отвела в дирекцию. Украдено было 7 м отечественного бостона. При допросе оказалось, что задержанная не имела бонов Торгсина, а в магазин пришла якобы «посмотреть». Документов при ней не оказалась, – идя воровать, люди не брали паспорта, – но назвалась Казанской Евдокией Федоровной из города Лихославля! Придуманное имя многого стоит – боярыня, да и только, а уж город – лучше не скажешь! Кто в те годы был не из Лихославля? Однако заметили ли составлявшие акт о задержании эту злую издевку?[1217]

К той же группе непрошеных посетителей относились и грабители. В начальный период магазины Торгсина охраняла ведомственная военизированная милиция, но в ноябре 1932 г. их заменили «гражданские» сторожа[1218]. Если милиционеры получали за работу 150 руб., то сторожа – всего лишь 95 руб. (такой же была и зарплата уборщиц). На такую оплату шли старики-пенсионеры и женщины – плохая защита против вооруженных банд. Видимо, это понимали и сами сторожа: в материалах по Узбекистану описаны случаи, когда охрана торгсиновского универмага уходила на ночь спать в ближайшую чайхану[1219]. Торгсин становился легкой добычей грабителей. Директора магазинов, а вслед за ними и Правление Торгсина жаловались в ОГПУ, которое должно было раскрывать преступления, на

участившиеся случаи ограблений торгсинов, убийства сторожей, поджоги магазинов. Истории рассказывали о проникновениях в магазин через вентялиционные трубы и проломы крыш, о подкопах и вырезке полов, одурманивании покупателей наркотическими платками, самоубийствах сторожей, испугавшихся ответственности...[1220] Некоторые грабежи выглядят до простого будничными. В торгсине в Одессе, например, грабители не спешили. Спокойно выпили, закусили дорогими гастрономическими продуктами. Потом погрузили на тачку два мешка шелковой мануфактуры, накрыли листьями дикого винограда. Но тачка подвела: на улице выпало колесо. Сторож почти было нагнал воров, но подошел трамвай и грабители, успев прихватить один мешок, укатили[1221]. Торгсин просил ОГПУ вернуть ему военизированную милицейскую охрану, однако ОГПУ отказало[1222]. Чем был мотивирован отказ, не ясно. Испортил ли Торгсин отношения с ОГПУ из-за жалоб на незаконные аресты его покупателей? Был ли это отказ из зависти к более успешному валютному предприятию? Или то была одна из очередных правительственных кампаний по экономии государственных средств?

Особую группу покупателей в Торгсине составляли профессиональные спекулянты. Спекуляция – покупка и перепродажа с целью получения прибыли, по советской терминологии «наживы», являлась одним из наиболее распространенных экономических преступлений советского времени. Признание спекуляции преступлением являлось феноменом социализма, так как в условиях рыночной экономики она представляет основополагающий вид экономической деятельности[1223]. Провозгласив на заре Советской власти спекуляцию преступлением, государство преследовало определенные социально-экономические и политические цели – в первую очередь это была мера борьбы с частником в конкуренции за ресурсы и влияние[1224]. Репрессии практически уничтожили *легальное частное* предпринимательство в СССР, но спекуляция не только осталась, она расцвела в стране хронического дефицита.

В советской теории и практике спекуляция определялась расширительно. Под статью о спекуляции подпадали перепродажа по более высоким ценам товаров, купленных в государственных и кооперативных магазинах, и даже продажа собственно произведенных товаров по ценам, превышавшим установленные государством[1225]. Пример подобной спекуляции находим и в материалах Торгсина: *«На улицах Москвы (особенно в районах Большого театра и Кузнецкого моста) за последнее время появилась группа женщин, которые продают береты из импортной пряжи. Такая пряжа находится в Торгсине»*[1226]. Скупка пряжи в Торгсине с целью частного производства беретов и их продажи по прибыльным ценам считалась экономическим преступлением.

В экономике дефицита спекуляция была исключительно выгодным предприятием, но не только в этом заключался секрет ее неистребимости. Спекулянты выполняли важные функции в социалистической экономике. Они «латали» прорехи централизованного распределения. В СССР шутили, что государству надо лишь направить все товары в Москву, а уж спекулянты сами развезут их по городам и весям. Развозя товар по стране и продавая всем, у кого были деньги, спекулянты перераспределяли государственные товарные фонды на принципах рыночной экономики, являясь главным источником снабжения тех групп населения, которые плохо снабжались государством или не снабжались вовсе. Рыночная деятельность спекулянтов формировала социальную иерархию, основанную на деньгах, в отличие от государственного распределения, основанного на принципах принадлежности к власти и близости к индустриальному производству. «Спекулятивная деятельность», насыщая потребительский спрос, в определенной степени гасила социальное недовольство, примиряла людей с ситуацией, позволяя им приспособиться к социализму, и тем способствовала стабильности режима[1227]. Однако, развивая запросы потребителей, спекуляция готовила могильщиков экономики дефицита. Неудовлетворенные покупатели, разочаровавшись в советском социализме, стали все чаще смотреть в сторону заваленного товарами Запада.

Спекуляция была частью обширного «черного» рынка[1228], который развивался инициативой людей. Зажатый в тиски плановой централизованной экономики, «черный» рынок приспособился к ней, превратившись в ее неизбежную и необходимую часть. Плановое хозяйство уродовало рынок, обрекая предпринимательство развиваться в форме мелкого, распыленного, нестабильного подпольного бизнеса, но «черный» рынок брал реванш. Он паразитировал на плановом хозяйстве, выкачивая с помощью буйно цветущего воровства ресурсы из государственных предприятий. Однако как ни парадоксально это звучит, именно благодаря «черной» экономике плановое хозяйство просуществовало столь долго. Без «черного» рынка жизнь в экономике хронического дифицита для львиной доли населения была бы невозможна[1229].

Спекуляция стала неотъемлемой частью повседневной жизни Торгсина. Проверки его контор показывали, что в каждом магазине имелся постоянный штат торговцев-спекулянтов[1230]. В одном из писем покупатель назвал Торгсин «бандитски-спекулятивным и экономически-контрреволюционным учреждением», где спекулянты получали муку и крупу по 30 руб. за пуд, а владельцы торговых кни-

жек томились долгие сутки в очередях[1231]. *«Эта группа покупателей,* – докладывал о профессиональных спекулянтах уже известный читателю нижегородский отчет, – *быстрее всех освоилась с товарами в Торгсине... В январе месяце усиленно покупали перчатки, мужские и женские, по 10–20 пар, по несколько раз в день, мануфактуру дешевую, жакеты трикотажные, носки. Февраль месяц: муку пшеничную, сахар, макароны, воблу копченую, одеяла импортные. Март месяц: чулки детские, тюль, монпасье в корабках, сельдь, воблу копченую, пшено, посуду эмалированную. Апрель месяц: сахарный песок, сахар, муку, сухофрукты, орехи, брюки, платки головные бумажные* (хлопчатобумажные. – *Е.О.*), *галоши. Май месяц: рис, пшено, муку, туфли брезентовые, плимсоли, монпасье, папиросы «Пушка», платки головные и платки носовые. Июнь месяц: песок сахарный, орехи, туфли брезентовые, папиросы «Пушка», посуда алюминиевая. Июль месяц: туфли брезентовые, монпасье, сахарный песок, крупа манная, платки головные, платки оренбургские...»*[1232] Иными словам, вместе с вечными русскими продуктами – мукой, сахаром и воблой спекулянты скупали в Торгсине все, что было завезено в упомянутые месяцы. *«Зная рынок, ежедневно посещая Торгсин, группы спекулянтов постоянно выбирают выгодные для спекуляции товары. Эти люди обычно покупают на ровные 10, 20, 30 и иногда 50 руб., платят иногда ломом, а в большинстве чеканкой. Купит утром, а днем опять идет покупать»*, – подводил итог нижегородский отчет.

Купленные в Торгсине товары спекулянты перепродавали на «черном» рынке за советские рубли. Вырученные совзнаки затем пускали в оборот: скупали ценности и торгсиновские книжки, а также товары в государственной торговле с целью последующей перепродажи. В начале 1932 г. монпасье, коробка которого в Торгсине стоила 20 коп. золотом, на «черном» рынке шло за 6 руб., головной платок, стоимостью 20 коп. золотом, спекулянты продавали за 5 руб. По данным нижегородской конторы (осень 1932 г.), спекулянты перепродавали пшеничную муку в 40 раз дороже торгсиновской цены, а рис, пшено, сахар – в 25–30 раз дороже[1233]. Соотношение цен определялось рыночным обменным курсом золотого торгсиновского рубля, который рос вместе с развитием голода в стране[1234].

Исследование «черного» рынка 1930-х гг. свидетельствует, что социальный состав спекулянтов был пестрым. «Профессионалы», для которых перепродажа стала ремеслом, работали в одиночку или организованными группами. Многие из них имели «крышу» – постоянное место работы с относительно свободным графиком (сторожа, гардеробщики и т.д.). К группе «профессиональных спекулянтов» власть относила и кустарей, которые продавали на рынке свою продукцию по ценам, превышавшим кооперативные. Кроме профессионалов, в сделках на «черном» рынке спорадически участвовали и миллионы «дилетантов». Среди них были и рабочие, и крестьяне, и творческая интеллигенция, и представители советской элиты[1235]. По данным Правления Торгсина (весна 1934 г.), треть получаемых из-за границы переводов (200 тыс. из 700 тыс.) перепродавалась «для удовлетворения потребительских нужд переводополучателей». По мнению Правления, косвенным доказательством спекуляции были покупки товаров в количестве, превышавшем нормальные потребности семьи. Правление затруднялось указать точные размеры этой практики, но считало, на основе донесений из Москвы и Украины, что этим занимались в основном крестьяне. Однако с повышением цен на товары, отмечало Правление, крестьяне значительно сократили закупки для перепродажи.

Работники магазинов не только знали профессиональных спекулянтов в лицо. Не будет большим преувеличением сказать, что практически все работники торговли, в силу своей близости к дефицитному товару, занимались спекулятивной перепродажей. По свидетельству документа, в Торгсине произошла «тесная спайка работников универмагов со спекулянтами»[1236]. Продавцы выдавали товары по заведомо подложным чекам или вообще без чеков, информировали спекулянтов о времени поступления и переоценки товаров, а то и искусственно задерживали переоценку – оборот магазинов подскакивал в несколько раз накануне повышения цен[1237]. Продавцы позволяли «своим» покупать без очереди, с «черного хода» и из-под прилавка, принимали от них недействительные талоны и книжки[1238]. Председатель Торгсина Сташевский после поездки по Украине признался: *«У меня создалось впечатление, что в Киеве и Одессе между продавцами и покупателями-спекулянтами стерлась всякая грань»*[1239].

Для тех, кто не имел ценностей, покупка торгсиновских денег с рук была способом проникнуть в магазин. Шли к спекулянтам и умиравшие от голода, и те, кто хотел купить модные импортные товары, отсутствовавшие в невалютных магазинах, а также многие кустари, чтобы достать необходимое для их ремесла сырье: сапожникам нужны были шевро и хром, мыловарам – каустик и стеарин. К спекулянтам обращались и нуждавшиеся в медикаментах: в Торгсине были лекарства, которые отсутствовали в аптеках. Докупали торгсиновскую валюту на «черном» рынке и те, у кого собственных валютных сбережений не хватало[1240].

Купля-продажа денег Торгсина, его товаров, царского чекана и иностранной валюты бойко шла у входа и в самих магазинах, на прилегавших к ним улицах, в скверах и подворотнях домов. Спрос был огромен. Акты задержания и сопроводительные записки в ми-

лицию говорят, что спекулянты «собирали толпы народа» и вели себя агрессивно[1241]. Руководство Торгсина рассылало директорам магазинов циркуляры, требуя применять решительные меры в борьбе со спекуляцией: развесить у касс плакаты, предупреждавшие об ответственности, пойманных сдавать в милицию и уголовный розыск, сообщать обо всех фактах отказа «органов» привлекать виновных к ответственности[1242]. Периодически милиция проводила облавы. Арестованные спекулянты препровождались в участок, но частенько, бывало, убегали от конвоиров. Видимо, откупались – милиционеры ведь «тоже есть хотят»[1243].

Еще одним методом борьбы со спекуляцией было «усовершенствование» денег Торгсина. В начальный период деятельности товарные ордера Торгсина были обезличены, кроме того, с них выдавалась сдача, что облегчало их размен и перепродажу. В феврале 1933 г. постановление СНК ввело именные торгсиновские книжки. Эта мера вызвала протесты некоторых директоров Торгсина, которые боялись, что не выполнят валютный план: по их мнению, опрос и запись личной информации отпугивали людей, да к тому же делали процедуру громоздкой, создавали очереди. Но Наркомфин настоял на мерах против превращения «книжек в обезличенный денежный знак»[1244]. В борьбе со спекуляцией Правление Торгсина запретило обращение оторванных от именных книжек отрезных талонов. Кассиры подлежали уголовной ответственности за нарушение этого указания. Но люди находили обходные пути – ведь можно было купить не именную книжку, а уже оплаченные в магазине чеки на получение товара.

Введение именных товарных книжек несколько затруднило спекуляцию. Владельцы боялись их продавать, а те, кто покупал именные книжки, делали это с опаской и старались их побыстрее реализовать. Но как справедливо отметил один из руководителей Торгсина, несовершенство товарной книжки не являлось решающим фактором спекуляции. Способ обогащения для одних, средство выживания для других – спекуляция была неистребима. Спекулятивная деятельность нарастала в периоды острого недостатка товаров и падала с насыщением потребительского спроса. За первую половину 1934 г. в Торгсине было заведено почти 6 тыс. дел о спекуляции, арестовано более 58 тыс. человек. Наивысшие показатели имели Украина (более 5 тыс. дел), ЦЧО (более 4 тыс. дел), Горьковский край (почти 4 тыс. дел) и Средне-Волжский край (немногим более 3 тыс. дел). В Москве и области было заведено более 4,5 тыс. дел и арестовано более 5 тыс. человек, в Ленинграде и области – 1,6 тыс. дел и примерно столько же арестованных «спекулянтов»[1245]. Эти данные, однако, скорее показывают активность ре-

гиональной милиции, чем истинные размеры или географию спекуляции.

В сентябре 1934 г. по инициативе Наркомфина Верховный суд на специальном совещании рассмотрел вопрос об уголовной ответственности за спекуляцию документами Торгсина, что свидетельствовало о масштабах противозаконной деятельности. По результатам обсуждения было составлено директивное письмо. Разовые сделки не преследовались, но арестованное имущество подлежало конфискации в пользу государства. За неоднократное нарушение закона, в зависимости «от признаков промысла», виновные подлежали наказанию или по статье 105 (нарушение правил торговли), или по статье 107 УК (спекуляция). Верховный суд колебался, следует ли публиковать директивное письмо, – странная позиция, а как же еще люди могли узнать о новом законе?[1246]

Продавец всегда прав

О коммунизации, кореннизации и безграмотности. Торгсин крестьянский. Еврейский вопрос. Страсти по «золотому» пайку. «Не можем так работать!» Усушка, утруска, примаз, распыл и впитывание. Сытые и голодные. Зачем на рубашке пришит карман? На пороге большого террора

Хозяйство Торгсина было большим и беспокойным. Если в конце 1932 г. в нем работало всего лишь около 2,6 тыс. человек[1247], то в 1934 г. в одной только торговой сети было занято почти 22 тыс. человек[1248]. Даже накануне закрытия штат Торгсина все еще оставался многолюдным: в октябре 1935 г. в торгсиновской торговле работало 11,6 тыс. человек и еще более тысячи было занято в центральном и региональном административно-управленческом аппарате[1249]. Кадровый вопрос был больным местом Торгсина. Правительство и Правление бились над дилеммой – политическая надежность или профессиональная квалификация. Как правило, эти характеристики не совпадали: если верный партиец – то без образования и профессионального опыта работы в торговле, если профессионал, да еще и с образованием, – то «из бывших». Весной 1933 г. Сташевский писал: *«Подбор социально подходящих работников в наших предприятиях – проблема не менее важная, чем выявление замаскировавшихся кулаков в совхозах и колхозах»*[1250]. Недаром поступавшие на работу в Торгсин проходили проверку в ОГПУ. В попытке примирить партийность и профессионализм в Ленинграде, например, создали кружок для подготовки пробиреров из членов ВКП(б),

комсомольцев и членов семей рабочих[1251]. Но вряд ли проблему с кадрами можно было решить быстро. Приходилось обращаться к непартийным специалистам.

Кадровая статистика показывает, что руководство Торгсина пошло на компромисс в проблеме профессионализма и партийности. Его управленческий и административный аппарат состоял из партийцев с низшим образованием, выполнявших роль политкомиссаров в торговле[1252]. Хотя они были в меньшинстве, именно в их руках была власть в Торгсине. Исполнители-спецы (экономисты, бухгалтеры, товароведы и пр.), а также торговые работники (продавцы и кассиры) были почти сплошь беспартийными, но в большинстве своем с образованием и опытом. Так, все председатели Правления Торгсина, как свидетельствуют их биографии, были профессиональными революционерами со значительным партийным стажем. Заместители председателя Торгсина также являлись партийцами рабоче-крестьянского происхождения, вступившими в партию в наиболее тяжелые для нее годы Гражданской войны[1253]. В 1935 г. (данные по другим годам отсутствуют) из 18 руководящих работников центрального аппарата Торгсина[1254] только двое были беспартийными: директор импортной конторы и главный бухгалтер. В то же время в числе остальных работников центрального аппарата прослойка партийцев была чрезвычайно тонкой: из 518 человек, работавших в нем, только 94 были членами ВКП(б) и 15 комсомольцами. Похожее соотношение партийцев и спецов существовало и в региональных конторах Торгсина. Управляющие контор и уполномоченные Торгсина в регионах в 1935 г. все были членами партии, в большинстве своем они вступили в партию в годы Гражданской войны[1255]. Но из 13,8 тыс. остальных работников региональных контор Торгсина партийцы вместе с комсомольцами едва превышали 2 тыс. человек[1256]. Например, более 80% работников Ленинградского Торгсина были беспартийными[1257]. Весной 1932 г. во Всеукраинской и Харьковской конторах Торгсина (включая магазины) из 187 штатных работников только 20 были членами партии и 9 комсомольцами[1258].

Материалы Ленинградской конторы дают представление о социальном происхождении и уровне образования работников Торгсина[1259]. Весной 1935 г. среди 1,5 тыс. работников этой конторы почти тысяча человек (более 60%) имели низшее образование, включая самого управляющего конторы, его зама, ответственных руководителей групп, а также практически всех директоров магазинов и баз, их замов и почти всех заведующих отделов в магазинах и на базах. Большинство продавцов (почти 80%) также имели лишь низшее образование. Менее трети работников Ленинградской конторы (около

500 человек, или 34% общего состава) получили среднее образование. Это были, главным образом, бухгалтеры, кассиры и экономисты. И всего лишь 14 работников, или менее 1% общего состава, Ленинградской конторы Торгсина в 1935 г. имели высшее образование: два старших бухгалтера, три кассира, инспектор, четверо экономистов и юрист[1260]. Низкий уровень образования работников элитной Ленинградской конторы, у которой возможности найти и привлечь подготовленных людей были несравненно лучше, чем на периферии, позволяет сказать, что в «глубинке» картина повальной необразованности, а то и элементарной неграмотности работников будет еще более удручающей. Например, в руководящем составе среднеазиатских контор Торгсина (управляющие контор, уполномоченные Правления в республиках, директора агентств и магазинов) не было ни одного человека с высшим образованием. Только двое закончили реальное училище, остальные (22 чел.) имели низшее образование. Высшее образование в руководящем аппарате среднеазиатского Торгсина имели лишь два специалиста: экономист и юрисконсульт, который закончил юридический факультет еще при царе [1261]. Председатель Сташевский, признавая крайне низкий уровень образованности работников Торгсина, требовал пересмотреть весь состав директоров универмагов[1262].

В кадровом составе Торгсина как в зеркале отразились все основные социальные процессы 1930-х гг. Львиную долю работников Ленинградской конторы составляли бывшие крестьяне: 850 человек, или почти 60% общего кадрового состава. Они работали кассирами (239 чел.), продавцами (232 чел.) и в счетном аппарате (71 чел.). Это была крестьянская молодежь, которая, спасаясь от коллективизации и пользуясь возможностями индустриализации и облегченного доступа к обучению, переехала в город и получила среднее специальное образование[1263]. Значительное число бывших крестьян (214 чел.) были занято в Торгсине на неквалифицированной работе обслуживающего персонала. Второй по величине группой были выходцы из мещан: 375 чел., или около четверти всего кадрового состава Ленинградского Торгсина. На первый взгляд поражает, что почти половина их (186 чел.) работала в обслуживающем персонале. Видимо, это были «лишенцы», которые по причине своего социального происхождения не могли получить работу получше. Присутствие «лишенцев», возможно, объясняет, почему в обслуживающем персонале – наиболее низкой группе торговых работников – оказалось так много людей со средним и даже высшим образованием (144 чел., из них трое с высшим образованием). Выходцы из рабочих составляли около 20% (299 чел.) в Ленинградском Торгсине. Они работали продавцами или подсобными рабочими. Из бывших дворян в Ленинград-

ской конторе работало три человека, а из бывших кустарей – 24. Тот факт, что состав работников даже такой, преимущественно городской Ленинградской конторы оказался преобладающе крестьянским, подтверждает ранее сделанные выводы о социальной природе Торгсина. Торгсин как массовое явление в значительной степени был не элитным, а крестьянским феноменом, и могло ли быть иначе в крестьянской стране? Голод гнал крестьян в ряды покупателей Торгсина, коллективизация и индустриализация вели крестьян в ряды его продавцов[1264].

Торгсин имел не только партийное, социальное и профессиональное, но и этническое лицо, а лучше сказать – лица. Он был многонациональным предприятием; конторы Торгсина работали во всех союзных и во многих автономных республиках СССР. Провозглашенные принципы равенства и расцвета национальностей, а также острая нехватка рабочих рук требовали широко привлекать к работе в Торгсине национальные кадры. Руководство Торгсина стремилось к тому, чтобы директора магазинов и значительная часть работников аппарата его региональных контор были представителями коренной национальности[1265]. Однако укомплектование национальных контор Торгсина «коренниками» представляло задачу не из легких – недоставало коммунистов, не хватало и образованных специалистов. Приходилось ловчить. Руководитель торгсина в Ашхабаде, русский по национальности, писал: *«По местному закону якобы во главе должен стоять туркмен как директор, поэтому наша Среднеазиатская контора меня уполномочила как заместителя* (читай: не могла назначить выше должности заместителя. – *Е. О.*), *а директора до сего времени не видать»*. Он же жаловался, что уполномоченный Наркомвнешторга приказывал проводить туркменизацию, *«то есть в аппарате мы должны иметь 40% коренного туркменского населения. Мы прямо здесь по этому вопросу озадачены... из нацменов грамотных мало и нет людей соответствующей квалификации»*. Автор письма также указал еще на одну трудность работы с коренным населением: *«К ним нельзя предъявить резкое требование: они – туркмены. Это считается шовинистический подход, а, следовательно, политический скандал»* [1266]. «Кореннизации» национальных контор порой мешали кичливость и амбиции торгсиновского руководства, которое стремилось создать элитный контингент продавцов. Приведу один пример. Комиссия райкома партии по результатам проверки торгсина в Узбекистане привлекла к ответственности некого Ноздрачева, заведующего магазином и по совместительству зама уполномоченного представителя Правления Торгсина в Средней Азии. Ноздрачев обвинялся в великодержавном шовинизме. Он якобы заявил, что «грязных узбеков на работу

брать не будет», равно как «и коммунистов без галстуков», потому как Торгсин *«торгует на иностранную валюту, и ему нужен особый контингент служащих, по преимуществу выхоленных на советский лад»*[1267].

Анализ руководящего состава среднеазиатских контор Торгсина свидетельствует, что самое высшее руководство республиканских контор было смешаным. Так, в начале 1932 г. – период развертывания деятельности Торгсина в регионах – управляющим Среднеазиатской конторы Торгсина был русский Верещагин, но после ликвидации конторы и создания полномочного представительства его руководителем стал узбек Махмудов, однако его замом был назначен русский Лютиков. В 1933 г. управляющим главной в Средней Азии Узбекской конторой был М. Н. Райков, а его заместителем М. Ходжаев. Вниз по должностной лестнице – среди руководителей отделений и директоров магазинов, хотя и были люди коренной национальности, русские преобладали. Так, в списке управляющих и директоров Узбекской конторой Торгсина в 1933 г. из 24 фамилий «коренных» только 7, а среди заведующих секциями и специалистов – их и вовсе нет[1268]. Весной 1935 г. – до закрытия Торгсина оставалось меньше года – люди соответствующей коренной национальности возглавляли восемь контор Торгсина: Северо-Кавказскую, Казанскую, Киевскую, Азербайджанскую, Грузинскую, Армянскую, Узбекскую и Таджикскую. Учитывая кадровые трудности, это можно считать немалым достижением.

Коль скоро речь идет о сфере торговли, исследователь изначально мог ожидать значительное число евреев среди работников Торгсина. Это предположение подтверждается анализом материалов. Однако евреи в Торгсине были разными: одни пришли туда «из революции», другие – «по бизнесу». Все председатели Торгсина были евреями. Из четырех замов первого председателя Шкляра двое были евреями[1269]. Из 18 руководящих работников центрального аппарата Торгсина в 1935 г., судя по фамилиям, 11 были евреями, включая и председателя Правления М.А. Левенсона. В 1935 г. евреи возглавляли почти все украинские конторы, хотя для таких областей, как Винницкая и Одесская, они представляли значительную, если не преобладающую там часть населения[1270]. Большинство евреев среди руководящих работников Торгсина вступили в партию в годы Гражданской войны. Они были большевиками – руководителями среднего звена. Другая группа евреев в Торгсине – заведующие секций в магазинах, экономисты, юрисконсульты и пр. – в большинстве были беспартийными, а в Торгсин пришли по своей профессии, во многих случаях продолжая заниматься тем, что делали до революции[1271]. Судя по найденным материалам, у руковод-

ства страны не было ни озабоченности по поводу значительного числа евреев в Торгсине, ни стремления усилить еврейскую прослойку. Ситуация воспринималась как естественная – результат объективных причин: высокой доли евреев в торговле в царское время и значительного их числа в рядах большевиков-революционеров. Во время чисток аппарата Торгсина «чуждых» определяли не по этническому, а по классово-социальному признаку.

Торгсин был преимущественно мужским предприятием: его центральное и региональное руководство, а также директора магазинов, заведующие секциями почти поголовно были мужчины[1272]. В Средней Азии в 1935 г. среди руководителей высшего и среднего звена в Торгсине работала только одна женщина – заведующая секретной частью[1273]. Осенью 1933 г. в Ленинграде среди 46 директоров было только 2 женщины, среди 86 завотделений в магазинах было всего лишь 7 женщин, среди более чем 70 ответственных продавцов – только 2 женщины. Даже среди рядовых продавцов в Ленинграде преобладали мужчины: на 448 продавцев приходилось всего 136 женщин. Только состав кассиров в Ленинграде был преимущественно женским (323 из общего числа 352 человек)[1274]. Преимущественно женщины работали и уборщицами. Правление Торгсина высказывало озабоченность положением дел, призывая активнее и смелее привлекать женщин к руководству, но призывы не успели изменить положения до закрытия Торгсина[1275].

В 1930-е гг. государство распределяло материальные блага, основываясь на двух основных принципах – близость к власти и степень вовлеченности в индустриальное производство. Наилучшее положение в государственной системе снабжения получили советская элита (партийная, государственная, военная, научно-культурная) и индустриальные кадры[1276]. Торгсин являлся валютным предприятием и непосредственно работал на индустриализацию, благодаря этому его работники получили государственные привилегии. Особый «золотой» паек и относительно высокая зарплата свидетельствуют, что руководство страны расценивало работников Торгсина как минимум не ниже индустриальных рабочих. Обратимся к фактам.

Наиболее существенной из привилегий торгсиновских работников был паек. Его называли «золотым», и не без причины. В паек входили валютные экспортные товары, преимущественно продукты: мука, масло, копчености, макароны, рис, сыр, сахар, рыба, чай. В то время как остальное население платило за эти товары в Торгсине золотом, его работники получали их за простые советские рубли по кооперативным ценам[1277]. Правительство разрешило выдавать валютные пайки не из щедрости, а по необходимости. Этим оно пыталось остановить массовые хищения в Торгсине. Вначале пайки полагались только продавцам, оценщикам и валютным кассирам, то есть тем, кто по работе «держал в руках» валютные ценности и, следовательно, испытывал больше соблазна и имел больше возможности украсть[1278]. Сотрудники управленческого аппарата, администрация, а также уборщицы, подсобные рабочие, работники складов, водители, шипчандлеры и охрана «золотой» паек вначале не получали[1279]. Деление работников по «золотому» пайку вызвало много обид и жалоб, вражду и текучку кадров. *«Скоро так все разбегутся»*, – писал один из директоров.

В августе 1931 г. председатель Правления Торгсина Шкляр просил Наркомвнешторг разрешить выдавать паек и предметы одежды всем тем сотрудникам, которые «соприкасаются с иностранцами», иначе затрапезный вид работников Торгсина отпугивал покупателей и давал пищу для антисоветских разговоров[1280]. Слова Шкляра подтверждали письма с периферии. *«У нас, например,* – писали из Батума в 1931 г., – *бухгалтер сидит тут же в магазине перед всеми клиентами почти босый, оборванный, и очень нехорошее впечатление оставляет у посетителей»*[1281]. Постепенно из-за давления «снизу» Правление Торгсина расширяло пайковую систему, включая новые категории работников. Хотя официального разрешения правительства на это не было, к осени 1932 г. «золотой» паек получали уже все работники магазинов и складов, включая директоров, бухгалтеров и швейцаров. Ограничения сохранялись только в отношении управленческого аппарата контор и Правления, но во многих случаях управляющие контор были по совместительству директорами магазинов и по директорской должности получали «золотой» паек[1282]. Вскоре и управленцы были официально включены в список получавших паек: в декабре 1932 г. Наркомвнешторг обратился с просьбой в ЦКК и НК РКИ разрешить выдавать продовольственные пайки лучшим работникам управленческого аппарата, на что было получено согласие председателя ЦКК и наркома РКИ Я. Э. Рудзутака[1283]. Однако в 1933 г. продовольственный кризис потребовал регламентации слишком разросшейся валютной пайковой системы. НК РКИ разрешил выдавать пайки только продавцам, кассирам, бухгалтерам, заведующим магазинов и их помощникам[1284]. То, что паек представлял одну из основных причин, по которой люди хотели работать в Торгсине, подтверждали сообщения с мест: при снятии с пайка работники немедленно увольнялись[1285].

Работники Торгсина получали высокую по тем временам зарплату. В 1932–1933 гг. зарплата управляющих контор составляла от 350 до 500 руб. в месяц[1286]. Главный бухгалтер получал 500 руб., заведующий магазином (Саратовская контора) 250–300, товаровед – 250, продавцы – 100–200, счетоводы и бухгалтеры – около 200 руб.

в месяц[1287]. В 1934 г. средняя зарплата по торговой сети Торгсина составляла около 160 руб. в месяц[1288]. Для того чтобы оценить значительность торгсиновских зарплат, сравним их с зарплатой неторгсиновских работников. В октябре 1933 г. в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР твердый оклад высших работников центральных советских органов (председатели и секретари ЦИК и союзных республик, СНК СССР и союзных республик, их замы, председатели Верховного суда СССР и РСФСР, прокуроры СССР и союзных республик, ректор Института Красной Профессуры и др.) составлял 500 руб. в месяц. Наивысшие персональные зарплаты доходили до 800 руб. Средняя зарплата рабочего в то время была 125 руб., лишь небольшой слой высокооплачиваемых рабочих имел заработок в 300–400 руб. в месяц. Врачи получали от 150 до 275 руб., учителя начальной и средней школы – 100–130 руб.[1289], зарплата полномочного представителя ОГПУ в регионах и начальника управления в аппарате ОГПУ составляла 350 руб., оперуполномоченного – 275 руб. в месяц[1290]. Наиболее низкими в стране были месячные оклады в 30–50 руб., которые, например, получал средний и младший медперсонал.

Однако, говоря о привилегированных условиях работы в Торгсине, не следует забывать о различии центра и «глубинки». Социальная иерархия 1930-х гг. определялась не только властной принадлежностью и вовлеченностью в индустриальное производство, но и географией проживания. Жалобы управляющих контор и директоров магазинов свидетельствуют, что чем дальше от столиц, тем больше привилегий работников Торгсина оставалось на бумаге. Зарплата задерживалась[1291]. Пайки выдавались нерегулярно и не всем, их ассортимент и качество на периферии существенно уступали пайкам торгсиновских работников в крупных городах. Иначе и быть не могло, ведь «золотые» пайки составлялись из тех продуктов, что были в наличии в самом магазине, а снабжение «глубинных» торгсинов было повально плохим. Кроме того, голодных мало прельщали торгсиновские деликатесы: вместо дорогой пшеничной муки, сыра, копченостей, туалетного мыла, которые «съедали» львиную долю стоимости пайка, но не могли накормить семью, люди просили дать им побольше дешевой ржаной муки[1292]. В 1933 г. правительство ввело в Торгсине дифференциацию пайков, которая зависела от выполнения плана[1293]. Теперь для того, чтобы получить полный 12-рублевый паек, приемщик ценностей должен был «пропустить» 4,2 тыс. «сдатчиков» в месяц! При каждом последующем уменьшении нормы «сдатчиков» на 600 человек, стоимость пайка понижалась на 2 руб., так что при обслуживании 2,4 тыс. человек – огромная норма! – приемщик получал только половинный 6-рублевый

паек[1294]. Сдельщина больно ударила по работникам мелких магазинов в отдаленных районах, где из-за ограниченного числа покупателей валютный план хронически не выполнялся. *«Как можно перевести пробирера на сдельщину, если его работа зависит от сдатчиков ценностей?* – восклицал один из директоров. – *Есть сдатчики – работает, нет – сидит без дела»*[1295]. Положение усугублялось и тем, что торгсиновский паек не полагался членам семьи-иждивенцам. Поскольку по правилам существовавшей в то время карточной системы иждивенцы должны были снабжаться тем предприятием, на котором работал главный «кормилец», при отказе Торгсина их снабжать они оказывались вообще без пайка. В 1933 г. работники универмага Торгсина в Жиздре жаловались на то, что «недоедают», «медленно убивают себя» и просили перевести их на общее централизованное снабжение, установленное для государственных предприятий. Просьбы перевести с торгсиновского пайка на паек невалютных государственных предприятий приходили и из других регионов страны[1296].

Материалы региональных контор, с которыми мне пришлось работать – Западной, среднеазиатских и Северо-Западной, свидетельствуют о высокой текучести и кризисе кадров «на периферии»[1297]. Из-за нехватки людей брали на работу кого придется: престарелых учили отмерять и считать, колбасники работали в парфюмерии[1298]. Пытаясь поправить положение, Правление присылало на подмогу работников из Москвы, но удержать их «в глубинке» из-за плохих условий работы и трудностей с жильем было почти невозможно. В этой связи интересен случай с управляющим Туркменской конторой Торгсина Чижовым, который по путевке Правления приехал с группой москвичей налаживать дело Торгсина в Средней Азии. Вскоре в Правление понеслись донесения о провале. Они сообщали об «упадочном настроении» москвичей и «желании всех вернуться в Москву». Но особое возмущение вызывал сам новоиспеченный туркменский управляющий – Чижов, который отказался заниматься делами, со всеми переругался, запугивал подчиненных «подвалом», а то и вовсе грозил «покончить с собой или кого-нибудь зарезать». По мнению доносивших, своим поведением Чижов хотел ускорить отзыв из Туркмении, заявляя недовольным, *«что если я Вам не нравлюсь, как руководитель, то отправьте меня обратно в Москву»*. Он якобы даже просил чернить его перед Правлением, доказывать его несостоятельность, чтобы поскорее сняли с работы[1299]. Не все дурили подобно Чижову – кто-то уходил в запой, кто-то просился на лечение. Архивные документы объясняют причины отчаянного поведения людей: огромная нагрузка ложилась на плечи организаторов Торгсина в регионах – работа на износ, нервное исто-

щение, обострение болезней. Из-за нехватки жилья – Чижов, например, должен был «сожительствовать» в комнате с другим москвичом – посланцы Правления не могли привезти с собой семьи[1300]. В конце 1933 г. некоторые региональные конторы стали открывать краткосрочные курсы, чтобы готовить для себя кадры на месте, но Торгсину не хватило времени, чтобы решить кадровую проблему[1301].

Условия работы в Торгсине, особенно в период стремительного развертывания его торговли, были тяжелыми. Наплыв покупателей, огромные очереди, нехватка работников, а в результате – многосменная работа, сверхурочные. Работники воевали за выходные дни. Правление запрещало директорам, кассирам, продавцам, оценщикам, контролерам брать выходные в общегражданские дни отдыха и в «базарные дни»[1302], потому что именно в эти дни шел массовый поток покупателей[1303]. Однако сотрудники самовольно не выходили на работу, невзирая на наказания. Будни Торгсина состояли из изнуряющих производственных совещаний и политучебы, авралов по составлению детальных и частых отчетов, во время которых бухгалтеры вообще не уходили с работы домой. Директор одного из ленинградских торгсинов писал, что его сотрудники работали с утра до поздней ночи: *«Часто просишь остаться – слезы, истерические слезы: "Мы больше не можем, забыли о семье, не можем так работать"»*[1304].

Недостаток помещений представлял хроническую проблему: специалисты ютились в комнатушках под лестницами, в чуланах, на чердаках, за картонными перегородками[1305]. Вот, например, в каких условиях работали сотрудники универмага № 4 в г. Ленинграде. Центральная часть бухгалтерии располагалась в комнатушке под лестницей, прозванной из-за тесноты «крольчатником». Душная комнатка высотой 2 метра была рассчитана максимум на 9 человек/столов, ютилось же в ней 18 чел. Если кому-то нужно было встать с места, то непременно со своих мест должны были встать еще несколько человек. Другие сотрудники бухгалтерии располагались на первом этаже за фанерной перегородкой в проходной комнате. Здесь, в помещении, рассчитанном на 10–13 столов, работали 32 чел. Тут же за перегородкой в проходе располагалась общая раздевалка, на подоконнике шли многочасовые чаепития, сновали грузчики, которые вносили товар и выносили мусор, ютились уборщицы со своими орудиями производства, рядом, за другой перегородкой, располагался скупочный пункт с очередями и склоками. Шум, разговоры, дым от постоянного курения. К тому же, в бухгалтерию все время бегали сотрудники магазина позвонить по телефону, так как на весь магазин телефонов было только два – у

директора, которого старались меньше беспокоить, и у главного бухгалтера [1306].

Материалы позволяют нарисовать групповой психологический портрет работников Торгсина. Доминирующей чертой в нем было ощущение особости и даже элитарности, но оно не было основано на причастности к делу строительства социализма. Источником этого чувства были привилегии, связанные с работой в Торгсине, близость к валютным ценностям и дефицитным товарам. Приведу высказывание руководящего работника Ленинградской конторы Торгсина: *«Вне всякого сомнения, работа Торгсина непохожа ни на работу кооперации, ни госторговли. Торгсин представляет собой организацию совершенно новую, никто не может взять на себя смелость сказать, что он большой специалист по торгсиновским вопросам. Это не то, что продавать на совзнаки или заниматься рабочим снабжением по распределению имеющихся фондов продуктов и товаров. Мы здесь имеем дело и с золотом, и с безналичными расчетами, и с эффективной валютой, и с бонами»* [1307].

Ощущение особости на практике проявлялось по-разному. Правление Торгсина требовало от своих работников соответствия высокому статусу – квалификации, достоинства, культурного поведения. Работники же Торгсина, от директоров до уборщиц, в массе своей не воспринимали особость своего предприятия как необходимость дополнительных требований к себе. Они ожидали социального почитания. Работники торговли в стране хронического дефицита всегда имели особый социальный ореол, ну а работники валютной торговли – тем более. Причастность к элитной торговле становилась источником кичливости, хамства, презрительного отношения и к зависимому покупателю (и без того сильного в советской торговле), и более того, к тем, кто не имел доступа в Торгсин. Особый социальный статус, который давала валютная торговля, становился источником власти над людьми. Не случайно швейцары у зеркальных дверей Торгсина чувствовали себя вправе толкать зазевавшуюся публику.

Внутренний мир магазинов Торгсина, воссозданный в архивных документах, – подобен миру героев Зощенко: склоки, пьянство, интриги, адюльтер на работе, доносительство, подсиживание, семейственность. Ну и, разумеется, воровство[1308]. Вопрос о хищениях в Торгсине часто обсуждался в ЦКК и НК РКИ[1309], а также и в самом Наркомвнешторге. Комиссии этих организаций проверяли конторы и магазины Торгсина. В январе 1934 г. в помощь существовавшей торговой инспекции Наркомвнешторга в Торгсине была создана собственная Особая инспекция по борьбе со злоупотреблениями и хищениями[1310]. Каждая республиканская, краевая и областная кон-

тора, а также межрайонная база, склад и крупный универмаг должны были ввести штатную должность особого инспектора, который был призван следить за материально-ответственными лицами – продавцами, кассирами, пробирерами, кладовщиками, выявляя *«преступные элементы со стороны обслуживающего персонала и их сообщников извне»*. Судя по списку обязанностей, инспектор, подобно Фигаро, должен был быть вездесущим и ловким, отличаться пристальным оком и быстротой мысли, одновременно находиться и в торговом зале магазина, и в его складских помещениях, и в бухгалтерии, и в кабинете администрации[1311]. Долгая переписка свидетельствует, что конторы не торопились вводить у себя должность этого штатного осведомителя. Правление вынуждено было подстегивать их угрозами и окриками[1312]. В помощь инспектору в конторах работали совещания «о технике борьбы с мошенничеством».

Однако ни кнут (репрессии), ни пряник («золотые» пайки и высокая зарплата) не остановили хищений. Воровали поставщики при паковке и отгрузке товаров, а также перевозчики и грузчики при их транспортировке. При вскрытии в отгруженных ящиках оказывались камни, кирпичи, старые гири и другие тяжелые предметы, которые компенсировали вес украденного[1313], так что конторы просили ни в коем случае не указывать на грузах, что они предназначены Торгсину[1314]. На складах и в магазинах воровали и сами торгсиновские работники. Злоупотребления в Торгсине попали на полосы центральных газет[1315]. Воровали и сытые руководители и голодные подчиненные. Спектр преступлений в Торгсине колебался от тысячных хищений до кражи яблока или куска колбасы[1316]. Воровство порождали обычные человеческие мотивы – голод и нужда, жадность и корысть. Наряду с классическими методами преступлений в торговле, люди изобрели новые способы обогащения и выживания, специфические для Торгсина.

Руководители Торгсина – герои революции и Гражданской войны, выдержав голод тифозного времени, не могли устоять в испытании «сытостью». Среди особо нашумевших дел было увольнение осенью 1932 г. председателя Торгсина Шкляра – «за разбазаривание золотого фонда». По тому же делу были привлечены к ответственности заместители управляющего Московской областной конторы Чубайск и Лебедев[1317]. По меркам того времени Шкляр отделался легким испугом: после валютного Торгсина отправился заготавливать скот в Нижне-Волжский край. Можно сказать – повезло, что проворовался в 1932-м, а не в 1937 г.[1318] Разбазаривание государственных средств продолжалось и при Сташевском[1319]. В начале 1935 г. Г.И. Муст, в тот момент заместитель председателя Торгсина, был снят с работы, исключен из партии, арестован и отдан под суд

за хищение государственных средств в размере 15 тыс. руб.[1320] В Правлении Торгсина он не был «белой вороной». Аналогичные обвинения были предъявлены секретарю парткома Торгсина Костко, председателю месткома Ефремову, руководителям управлений и отделов (Сабельману, Шухатовичу, Азовскому, Юргенсону, Закрочинскому и др.).

Высокая зарплата и «золотой» паек позволяли администрации Торгсина (руководители контор, директора магазинов, главные бухгалтеры, товароведы) жить относительно безбедно. Привилегии, однако, не останавливали этих людей от совершения преступлений. Арсенал методов организованных хищений, которые совершались с ведома или при участии администрации, был разнообразен: подделка цифровых записей о количестве товаров, фиктивное увеличение или уменьшение остатков при переоценке, продажа низших сортов товаров за высшие (пересортица). Подобные хищения облегчались плохо организованной системой учета, причинами чего были не только халатность и разгильдяйство, но и особенности торговли – в начале 1930-х гг. в магазинах применялся суммарный учет товаров вместо сортового.

Инспекционные проверки свидетельствовали, что основным методом хищений в торговле Торгсина являлось фиктивное актирование: расхитители или, по терминологии того времени, «хищники» списывали товар как потерявший экспортное качество, порченый и якобы уценяли или уничтожали его. Мнимое уничтожение подтверждали фиктивные счета, а «уничтоженный» и «порченый» товар присваивался участниками аферы. В одной из докладных записок отмечалось, что удивительным образом в магазинах портилось количество товаров, кратное количеству сотрудников, – по две банки повидла, по 5 кг муки и т. д. на человека. Акты сообщали о «симуляции порчи товаров крысами», «сомнительной порче апельсин»[1321]. Недостачи оформлялись бухгалтерией как просчеты и естественная убыль – усушка, утруска, примаз, распыл, впитывание. При крупных растратах следы преступлений порой уничтожались с помощью «случайных» пожаров или ограблений – бандитские нападения и грабежи в Торгсине не были редкостью, но непричастность к ним администрации вызывала сомнения в тех случаях, когда «несчастья» случались во время переучета товаров или инспекций[1322]. Чего только не придумывали, чтобы скрыть растраты: в Ленинграде один завмаг во время инвентаризации завозил товары к себе в магазин из других магазинов города[1323]. Ревизоры подкупались. В архиве сохранилось описание инспекторской проверки одной из контор Торгсина: «(Инспектора. – *Е. О.*) *нагрузили полные сани всякого рода товарами и продуктами. Если бы рабочая бригада так обследовала*

рабочую кооперацию, то после такой ревизии потребителю ничего бы не осталось. Как акцизные чиновники, которые поедут по селам и местечкам монополькы проверять, а оттуда везут полные подводы свинины, масла и всякого рода хабора. Все эти контролеры хорошо усвоили лозунг т. Бухарина "Обогащайтесь"»[1324].

Нашумело дело Палей, директора московского универмага № 1 (Петровка, $^{6}/_{7}$), который был исключен из партии и отдан под суд «за полное разложение, выразившееся в самоснабжении». По свидетельству документов, в течение года работы в Торгсине (осень 1931 – осень 1932) Палей совершил хищения на сумму 70 тыс. золотых руб.[1325] Были также сняты с работы управляющий Московской областной конторой Торгсина Хейфец (член ВКП(б) с 1917 г. – !) и директора магазинов № 3 (Кузнецкий мост, 14), № 6 (Арбатская пл.) и № 10 (ул. Тверская-Ямская, 1)[1326]. Материалы проверок региональных контор свидетельствуют, что в 1932 г. растраты и кражи, совершенные администрацией Торгсина, произошли в Украине, Узбекистане, Казахстане, на Дальнем Востоке[1327]. В 1933 г. в материалах Торгсина фигурирует дело Северной конторы в Архангельске[1328]. В Костроме были арестованы пять человек (замдиректора, старшие продавцы, старший бухгалтер и замбухгалтера) за недостачу около 500 руб. золотом (1932 – октябрь 1933 г.)[1329]. В мае 1934 г. начальник Особой инспекции Торгсина Бабинчук докладывал в Наркомвнешторг статистику арестов за хищения в краевых конторах: *«В Иванове арестовано 8 чел., в Рыбинске – 13 чел. В Татарии привлечено к ответственности 42 чел., из коих арестовано 17 чел., а с остальных взята подписка о невыезде, и привлекаются по закону от 7 августа*[1330]. *В Ростове привлечено 27 чел., на Украине (Днепропетровск, Одесса, Чернигов, Харьков и т. д.) арестовано 127 чел. По Харькову бухгалтер Федорович осужден на 5 лет, по Виннице зав. промбазой Киль на 10 лет, Вайнштейн тоже на 10 лет. По Казахстану директор одного из отделений растратил 1800 руб. зол. и привлечен к ответственности»*[1331]. В 1934 г. в Саратовской краевой конторе недостача составила более 600 золотых руб.[1332] В апреле 1934 г. обком ВКП(б) в Одессе снял с работы и отдал под суд директора конторы и несколько заведующих магазинов за связь со спекулянтами и злоупотребления[1333]. В 1935 г. Особая инспекция Торгсина вскрыла крупномасштабные хищения в Харькове с целью перепродажи товаров на рынке по «спекулятивным» ценам. Арестованным инкриминировались подделка цифровых записей о количестве товаров, фиктивное увеличение или уменьшение товарных остатков при переоценке, продажа низших сортов за высшие. Из привлеченных к суду 27 работников конторы и магазина № 2 в Харькове двое были приговорены «к высшей мере социальной защиты» – расстрелу, остальные осуждены на разные сроки заключения. В том же документе приводятся и другие факты хищений, совершенных заведующими универмагов, складов и баз в Украине, Западной области и Средней Азии. Особая инспекция в заключение отмечала, что, несмотря на строгие меры, число преступлений в Торгсине выросло и приняло массовый характер[1334].

От относительно сытой администрации спустимся по иерархической лестнице к рядовым работникам Торгсина – продавцам, кассирам, приемщикам ценностей. Архивные документы представляют полный арсенал классических методов хищений в торговле, которые создавали «излишек» в пользу продавца: обвес, обмер, обсчет, пересортица, чрезмерная «зачистка» испорченных продуктов, смешивание продуктов, например, муки с сахаром или добавление воды в сметану и пр.[1335] Но в ходу были и специфические способы махинаций, порожденные особенностями Торгсина. Приемщики ценностей могли занизить вес сдаваемых предметов и присвоить разницу в цене. В документах упоминаются случаи (а сколько осталось невыявленных!), когда покупатель недополучил стоимость нескольких граммов золота, приемщик утаил крышку от часов или «отщипил» кусочек от сдаваемого металла[1336]. Валютные кассиры срезали лишние талоны «для себя» или отбирали книжки у малолетних, требуя привести родителей, но при этом «забывали» оформить акты изъятия. Книжка чаще всего так и оставалась у кассира, так как дети боялись сказать родителям, что стащили ее[1337]. Распространенным нарушением в Торгсине была продажа «по ошибке» знакомым и родственникам товаров на сумму бóльшую, чем было указано в их товарной книжке[1338].

Одним из наиболее распространенных способов в арсенале махинаций работников Торгсина было вторичное, а точнее, многократное использование товарных книжек и отрезных талонов. При оплате товара кассир срезал с товарной книжки контрольные талоны на сумму покупки, а после полного использования суммы денег на книжке она погашалась. В конце рабочего дня кассир сдавал выручку, отоваренные отрезанные талоны и погашенные книжки счетчику. Тот пересчитывал их, а потом вместе с кассиром запечатывал книжки и талоны в бандероль и пломбировал ее. Оба расписывались за сданную сумму. Бандероли направлялись затем в тиражную комиссию конторы, в которую, к слову сказать, входил и представитель ЭКУ ОГПУ. После очередного пересчета погашенные книжки и талоны в присутствии членов тиражной комиссии сжигались в котельной[1339]. Однако по мере продвижения по этой длинной цепи из магазинов в топку отрезанные талоны и погашенные товарные книжки исчезали из бандеролей и мешков. Воровали кассиры, счет-

чики, члены тиражной комиссии, подсобные рабочие. При личном обыске у контролера магазина Торгсина некто Сапонджянц, например, было обнаружено девять торгсиновских книжек, в том числе погашенные, а также отрезанные талоны[1340]. После кражи отслужившие книжки и талоны начинали вторую жизнь: штамп универмага «подлежит обмену» позволял обменять старые книжки на новые; бывшие в употреблении талоны продавцы и кассиры использовали как только что отрезанные (товар на эту сумму присваивался) или искусно подклеивали их к действовавшим товарным книжкам. Подделка раскрывалась позже, в счетной части магазина при сличении приклеенных талонов с подлинным, который хранился в качестве образца[1341]. Ворованные книжки и талоны для вторичного использования отсылали в те города, где их можно было продать по более высокой цене.

Воровство облегчалось безхозяйственностью и отсутствием контроля. «В глубинке» порой положение было таково, что, как говорится, «лишь ленивый не возьмет». Вот, например, описание порядков в Хабаровске: *«Приемка золота производится кассиром Госбанка, но каждый день золото в банк не сдается, а собирается по 10 дней и хранится в магазине Торгсина в несгораемом сундуке, который запирается очень плохо, и, по заявлению кассира, при таком запоре золото может уплыть. Золото шлих принимается разных проб, ссыпается в коробочки из-под папирос. Есть случаи россыпи шлиха и смешения проб... Учет и отчетность в очень плохом состоянии, товары не учтены по ассортименту, количественно, а по группам и в суммах. Товары на складе и холодильнике бухгалтерски совсем не учитываются и на 1.11 Хабаровское Отделение не знает, сколько и каких товаров оно имеет у себя. Документы хранятся безобразно. Часть (денежн.) – у бухгалтера на дому, часть – в конторе Уполномоченного НКВТ и часть – на окне магазина»*[1342]. Похожее положение было и в Благовещенске[1343]. А вот описание торгсина в Никольск-Уссурийске: *«Магазин Торгсина не имеет хороших запоров или даже дверей. Запирается замочком и печатается сургучем, так что в любой момент может постичь несчастье... Приемка золота производится зав. магазином на его доброе усмотрение (не спец. по золоту), золото собирается по две недели и больше и хранится в магазине в маленькой выданной Госбанком шкатулочке... Потом собранное золото везется во Владивосток без всякой охраны и без печати, что создает также угрозу к хищению»*[1344].

В арсенале выживания и обогащения работников Торгсина были и другие методы. В недавнем прошлом, в годы брежневского застоя, в валютных «Березках»[1345] одним из основных способов махинаций была двойная, или «черная» касса. Работники «Березки» покупали

на свои деньги товар в обычной торговой сети, а потом перепродавали его за валюту в своем магазине[1346]. Будучи уверена, что «двойная валютная касса» – изобретение предпринимательского ума – появилась задолго до «Березки», я искала ее описание в материалах Торгсина и, наконец-то, нашла. Управляющий Узбекской республиканской конторой в числе прочих правонарушений привел случай, в котором работники лабаза и мясного отдела торгсина на свои деньги скупали мясо, ворованное с местного мясокомбината, а затем перепродавали его в Торгсине за золотые рубли[1347].

Основным способом самоснабжения в советской системе было мелкое воровство. Люди, воровавшие на работе или «с работы», даже получили специальное имя – «несуны», что свидетельствует о массовом характере явления. «Несунство» было неотъемлемой частью советской экономики. В стране хронического товарного дефицита любой, даже, казалось бы, самый бесполезный хлам мог быть использован с пользой. Зачем, например, воровать с работы перегоревшие лампочки? Кому они нужны? Оказывается, нужны – их можно было продать на рынке за копейки. Тот, кто покупал эти перегоревшие лампочки, затем относил их к себе на работу, выкручивал хорошие лампочки и уносил их домой, а на их место на работе ввинчивал принесенные перегоревшие. Таким образом хорошие лампочки для дома обходились ему почти даром.

Времена были голодные и раздетые, а в магазинах Торгсина: шоколад, вино, колбаса – глаза разбегаются. Люди украдкой подъедали запасы Торгсина на работе, особенно штучный, фасованный товар, «варили обеды из отходов», «стреляли» торгсиновские папиросы, распивали вино в кладовке, устраивали чаепития с торгсиновскими «конфектами» (списки уволенных пестрят подобными случаями). Что могли, уносили домой, благо дело, сторожа с осени 1932 г. были свои, гражданские, часто сами входили в долю. Кто-то нес домой в кармане пару шоколадных конфет, яблоко, «три французские булочки (маленькие)», кто-то – товар покрупнее: мороженую рыбу, ветчину и сыр, опоясывался метрами торгсиновских тканей. При «личном досмотре» в одном из магазинов в Ленинграде у уборщицы, например, нашли две устрицы[1348]. Другой пример из акта инспекции: *«8 апреля в 11 часов утра рабочий товарищ Коробков Егор Никитович (работал в универмаге № 8) был задержан с поличным. В сумке обнаружено 2,5 кг кускового сахара, 600 г сливочного масла и 1 распечатанная коробка папирос "Стормонг"»*[1349].

Администрация магазинов пыталась бороться с «несунами». «Отряды легкой кавалерии» – Гражданская война закончилась, но ее образы и мышление сохранялись – проводили неожиданные проверки шкафов-раздевалок, где хранились личные вещи сотрудников,

а также обыскивали людей при выходе с работы[1350]. Интересная сцена описана в документах ленинградского торгсина. Потерпевший некто Тумасов жаловался заместителю управляющего Ленинградской городской конторы: *«Вчера, т. е. 21.09.34 г., вечером, я, как производитель работ заехал в магазин «Торгсин» по Советскому проспекту (продмаг № 6) для проверки хода ремонтных работ. Дав необходимые указания рабочим, я вышел из магазина, и не успев пройти несколько шагов, как ко мне подошел неизвестный гражданин и, остановив меня, спросил "являюсь ли я сотрудником магазина". На мой вопрос "в чем дело" неизвестный гражданин назвал себя представителем "легкой кавалерии" и показал какое-то удостоверение. Я ему ответил, что я не сотрудник магазина и вообще не торговый работник "Торгсина", а производитель работ по ремонту данного магазина. Тогда неизвестный гражданин потребовал, чтобы я с ним прошел в подворотню за угол дома для производства личного обыска. Не понимая в чем дело и не видя никаких оснований для своего задержания вообще, а тем более для обыска, и полагая, что, очевидно, гражданин меня в чем-то подозревает, я предложил последнему пройти со мной в помещение магазина и там выяснить интересующий его вопрос. Гражданин в магазин зайти отказался и стал уговаривать меня зайти с ним под ворота и разрешить ему осмотреть мои карманы. Тогда я вторично спросил его: "Вы меня в чем-либо подозреваете?" Последовал ответ в грубой форме: "Это Вас не касается, или подчинитесь моему требованию (т.е. обыску) или я Вас отправлю в отделение милиции"».*

Читаешь – и одолевают подозрения, а не мошенник ли этот представитель «легкой кавалерии»? Может быть, он обманом завлекал испуганных покупателей Торгсина в подворотню и там грабил? Но продолжение жалобы опровергает сомнения. Был вызван постовой милиционер, и гражданина Тумасова препроводили в отделение милиции. Представитель «легкой кавалерии» настаивал на проведении обыска на основании того, что у Тумасова «имеются торгсиновские боны». В отделении милиции Тумасов узнал, что правила Торгсина разрешают «легкой кавалерии» проводить обыски сотрудников. Однако Тумасов не позволил себя обыскивать, заявив, что это «оскорбляет его гражданскую честь». В заключение он добавил, что *«не представляет себе положения* (подчеркнуто мной. – *Е. О.*), *по которому он вынужден был бы разрешить выворачивать свои карманы под воротами зданий г. Ленинграда»*[1351]. На дворе стоял сентябрь 1934 г. – Пройдет немногим более двух месяцев и там же, в центре Ленинграда, Леонид Николаев застрелит С.М. Кирова. Казавшееся невозможным станет реальностью: тысячам людей придется вывернуть свои карманы, и не только – пойдут массовые аресты, обыски и расстрелы.

Акты налетов «легкой кавалерии» представляют длинный список изъятого ширпотреба и гастрономических продуктов[1352]. «Несуны» отнекивались и оправдывались: «сумка не моя», «нашла в мусоре», «взял судака, так как все равно нельзя продать», «взяла поносить»[1353] или «взяла в счет пайка», «мандарины и орехи для больного ребенка», «дома жена ругалась, что есть нечего, пришел пьяный, взял кусок мяса», «принесла с собой из дома». Продавцы, у которых были собственные торгсиновские книжки, вызывали подозрение, так как книжки могли служить прикрытием хищений на работе. Таким приходилось оправдываться за каждую покупку в своем магазине. Работникам магазина требовалось разрешение директора и на то, чтобы сдать ценности в своем магазине. Те, кто приносил «обеды» из дома, получали выговор.

По итогам налетов «легкой кавалерии» в магазине проходил товарищеский суд, который решал судьбу «несунов». Приговоры были разные – от выговора и внушения до увольнения, лишения пайки, исключения из профсоюза, отдачи под суд. Приведу протокол одного из таких судов. Он иллюстрирует характер и методы краж, а также механизм и логику наказаний. Суд проходил 7 июля 1935 г. в московском торгсине № 4 (Покровка, 55). Отряд «легкой кавалерии» несколько дней назад обнаружил при обыске 215 г колбасы на сумму 10 коп. золотом в личном шкафу у уборщицы продовольственного отдела Сократовой (ее обыскали и при выходе из продовольственного отдела по окончании работы, но ничего не нашли). Сократова признала себя виновной в хищении. Свой поступок она объяснила тяжелым материальным положением: на ее иждивении было двое детей, 7 и 10 лет, и престарелая мать[1354].

Вот вопросы, заданные Сократовой:

«Тов. Люшин (председатель суда. – *Е. О.*) *к Сократовой: сколько раз совершала хищения, какая цель была оставить колбасу в шкафу и зачем был пришит карман на рубашке?* (подчеркнуто мной. – *Е. О.*)

«Сократова: Кражу совершила первый раз. Колбасу оставила в шкафу, потому что не было времени поесть, работала, на рубашку пришит не карман, а заплата.

Тов. Фишкина (свидетель) говорит суду о том, что при обыске Сократовой был обнаружен аккуратно пришитый карман на рубашке вместимостью на 2 килограмма».

Вместимость кармана впечатляет. Здесь же и новый штрих – карман маскировался под заплату. Комментируя приведенный фрагмент документа, хочется спросить, кому придет на ум спраши-

вать – зачем на одежде пришит карман? Однако в 1930-е гг. карман мог быть не просто деталью одежды, а изобретением в борьбе за выживание. По логике того времени наличие кармана могло стать и преступлением. Другой вопрос, который приходит на ум после прочтения документа: Сократову поймали, а сколько человек успели съесть украденную колбасу или другие продукты, вместо того, чтобы оставлять их в шкафу «на потом»? В продовольственном отделе этого магазина на момент товарищеского суда была растрата в 200 золотых руб. Кража Сократовой составила всего лишь 10 коп., значит, были и другие «несуны».

Приговор товарищеского суда в отношении Сократовой был довольно мягким и не без курьезности. Она получила строгий выговор и была переведена из продовольственного в другой отдел, подальше от головокружительно пахнущих деликатесов. Щадящий приговор объяснялся тем, что Сократова хорошо работала в магазине в течение двух лет, была ударницей (за этот проступок ее из ударниц исключили) и ранее не имела взысканий. Судьи проявили человечность, приняв во внимание и ее тяжелое материальное положение[1355]. Мягкое наказание Сократовой являлось исключением. Как свидетельствуют другие акты «легкой кавалерии», в большинстве подобных случаев людей увольняли с работы и отдавали под суд. Судебные дела по Торгсину должны были рассматриваться в течение 20 дней[1356]. По уголовным делам о хищении порой выносили и показательные расстрельные приговоры[1357].

Из-за фрагментарности данных трудно оценить общие материальные потери по причине воровства в Торгсине. Можно провести лишь приблизительные расчеты. Отчетный баланс Наркомата торговли за 1933 г. свидетельствует, что потери от хищений, недостач и списания пришедших в негодность товаров *по всей системе* наркомата составили 3,6 млн руб.[1358] Сколько из этих миллионов приходилось на долю хищений в Торгсине? Данные за 1932 г. дают некоторое представление об этом. Докладная записка о результатах проверки работы Торгсина сообщала, что «по неполным данным, в 1932 году недостачи превысили 800 тыс. руб.» [1359]. Исходя из этого, можно предположить, что в результате крупных хищений и «несунства» Торгсин терял порядка миллиона рублей в год.

В официальных документах Торгсина голод никогда не рассматривался в числе причин массового воровства[1360]. Власти винили в этом «засоренность торгового аппарата социально чуждыми и уголовными элементами», этим и объясняли необходимость чисток. Первая массовая чистка Торгсина прошла по постановлению Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ весной – летом 1933 г. Время ее проведения указывает на то, что она была «эхом» генеральной партийной чистки, объявленной в стране в декабре 1932 г. и продолжавшейся весь следующий год – руководство Торгсина шло в ногу со сталинским временем. В соответствии с приказом Наркомата торговли «вычищению» подлежали «политические противники» (меньшевики, эсеры, троцкисты), уголовные элементы, а также «бывшие» и «социально чуждые» (кулаки, административно высланные, бывшие торговцы, дворяне, полицейские, лица духовного звания, «лишенцы»)[1361]. Аттестационные комиссии в составе уполномоченного Правления, секретаря местной партячейки и месткома все лето – а некоторые захватили и осень – чистили магазины Торгсина. Списки уволенных с краткими характеристиками, порой похожими на доносы, сохранились в архивах[1362]. Но этим дело не закончилось. Зимой 1934 г. в Торгсине прошла «самопроверка аппарата». В начале января 1935 г. Правление Торгсина, отмечая значительное число злоупотреблений, вновь инициировало проверку кадров, грозя наказать не только «чуждых», но и тех руководителей, которые приняли их на работу – «за потерю бдительности»[1363]. Кроме политически вредных и социально чуждых в 1933 – 1935 гг. значительное число работников Торгсина было «вычищено» за должностные преступления: обман покупателей, недостачи, чаевые и взятки (*«получение 10 долларов от прислуги американского посольства»*), присвоение забытых клиентами предметов, пьянство, прогулы и опоздания, семейственность, грубость с покупателями, сокрытие судимостей, а также за плохие показатели работы, непрофессионализм (*«уволен как не имеющий квалификации и сомнительный»*), непринятие мер против антисоветских разговоров (*«анекдоты в бухгалтерии о тов. Сталине, критика отмены карточной системы, пуска метро и о банкетах у тов. Литвинова»*), связь с заграницей (*«имеет родственников в САСШ»*), а также без всякой причины – по «освежению» кадров. Исполнители руководствовались словами наркома внешней торговли Розенгольца о том, что при малейшем сомнении в том или ином работнике лучше удалить его из системы без явных доказательств вины, нежели оставить, не будучи уверенным в честности и добропорядочности этого человека[1364]. Правление порой вмешивалось и пересматривало результаты решений местных проверочных комиссий, требуя объяснить, почему уволены партийцы, а порой, в результате доносов, инициируя процессы против тех работников, которым удалось благополучно пережить чистку[1365]. Основными видами наказаний были увольнение и запрет впредь работать в системе Торгсина[1366], но встречаются и решения о привлечении к партийной и уголовной ответственности и передаче дела в ОГПУ.

Протоколы проверочных комиссий напоминают судебные процессы – свидетельские показания, улики, результаты обысков, только роль адвокатов выполняли сами обвиняемые. Протоколы иллюстрируют и основные способы социальной самозащиты того времени: люди скрывали свое происхождение, утверждали, что якобы не знали о судьбе арестованных супругов или других родственников, отказывались от них, подавая на развод или переезжая на другое место жительства. Одной из мер социальной и политической реабилитации был выход замуж за ответственного работника[1367].

Торгсин не дожил до большого террора, его закрыли накануне. Однако репрессии не обошли людей, которые когда-то работали в нем или некогда покупали товары в его магазинах. Имена одних, как Сташевский и Левенсон, нам известны, но множество других навсегда затерялось в истории.

«Красные директора» Торгсина: «ВРИД»

Потомственный рабочий. Снабженец Первой конной. Мечта пожить за границей. Вор. Письмо Сталину. Анатомия экономического преступления

Эта глава – о Григории Ивановиче Мусте (1889–1938?)[1368]. В течение длительного времени (август 1933 г. – январь 1935 г.) он был заместителем председателя Правления Торгсина. Кроме того, кратковременно, в «пересменок» между правлениями Сташевского и Левенсона (август – ноябрь 1934 г.), Муст исполнял обязанности председателя Торгсина. Жизненная история Муста привлекла мое внимание тем, что заставляет задуматься о природе экономических преступлений при Сталине – одной из центральных проблем современной историографии сталинизма.

Г. И. Муст родился в Украине, в г. Елизаветграде, в русской семье. Отец был слесарем, мать занималась домашним хозяйством. Образование получил среднее: окончил городское трехклассное училище и низшее техническое училище в Елизаветграде. В 15 лет пошел работать слесарем в мастерские депо Гришино, а затем помощником машиниста на Екатеринославскую железную дорогу. Если верить автобиографии, Григорий Муст, несмотря на юный возраст, принимал участие в Горловском вооруженном восстании в годы Первой русской революции, несколько раз был арестован, находился под надзором полиции. С 1910 г. до марта 1914 г. служил в царской армии в артиллерии Карской крепости (нестроевой). После ухода в запас (за несколько месяцев до начала Первой мировой войны!) работал в депо Привислинской железной дороги, потом на Русско-Балтийском вагонном заводе в Риге. Дослужился до мастера. После эвакуации завода в 1915 г. Муст сначала работал на ж/д станции Люблино в Москве, а потом мастером на вагонном заводе в Твери. В 1916–1917 гг. – мастер на автомобильном заводе в Филях, а затем – «снарядном заводе» в Москве.

Со своей партийной принадлежностью Григорий Муст определился не сразу. К социал-демократам он примкнул в 1914 г., но, видимо, сначала был с меньшевиками. В апреле 1917 г. перешел в группу социал-демократов–интернационалистов. В партию большевиков вступил сравнительно поздно – в 1918 г. Пытаясь сгладить этот политический «промах», Муст в автобиографии подчеркнул, что с большевиками начал работать в период Октябрьской революции, то есть еще до вступления в РСДРП(б). В качестве свидетеля, который мог подтвердить этот факт его биографии, Муст назвал М.И. Томского и, как показали последующие события, вновь совершил политический промах[1369].

Муст не отличился в боевых операциях Гражданской войны: он был администратором – заместителем, а затем комиссаром снабжения Южного и Юго-Восточного фронтов, где служил под руководством Сталина, чрезвычайным уполномоченным по снабжению Первой конной армии С.М. Буденного, а затем Украины и Крыма. После окончания Гражданской войны занимал руководящие посты на Октябрьской, Северо-Кавказской и Средне-Азиатской железных дорогах, был начальником административного управления в Наркомате путей сообщения.

В начале 1931 г. партия «перебросила» Григория Муста «с транспорта в торговлю»: до августа 1933 г. – почти три года – он работал заместителем торгпреда в Чехословакии, пережив голод в благополучной заграница. Интересно, что Муст сам добивался командировки за рубеж: в конце 1920-х гг. он просил партийное руководство дать возможность *«подучиться за границей новейшим методам управления и организации производства»* для того, чтобы стать знающим руководителем завода. Следует обратить внимание на это стремление попасть за рубеж. Профессиональные революционеры «ленинской гвардии», которые стояли у государственного руля в конце 1920-х гг., рассматривали заграницу либо как место подрывной работы, либо как место высылки, отстранения от политических дел. Молодой Григорий Муст, видимо, являл новый тип партийца. Длительное пребывание за границей, а, возможно, и опыт снабженца оказали разлагающее влияние на его характер. Это предположение основано на фактах последующей биографии Муста.

Григорий Муст не стал руководителем заводского производства. Из пражского торгпредства в августе 1933 г. он был направлен на работу в валютный Торгсин на пост заместителя председателя Правления, а в 1934 г. кратковременно являлся председателем этого торгового предприятия. Муст занимал эти «хлебные» должности в период относительно благополучной жизни – голод уже отступил, и Правление пыталось превратить торгсины в валютные образцовые универмаги культурной торговли. Григорий Муст не выдержал испытания материальным благополучием. В начале 1935 г. он был снят с работы, исключен из партии, арестован и отдан под суд «как разложившийся».

Находясь в Таганской тюрьме под следствием, Григорий Муст написал письмо Сталину. Тот не оставил его без внимания и, видимо, поручил Бюро Комиссии партийного контроля проверить решения по «делу Муста», принятые Наркомвнешторгом, Дзержинским райкомом и прокуратурой[1370]. Материалы дела, которые сохранились в фонде КПК, позволяют не только рассказать факт личной биографии Муста, но и рассмотреть мотивы должностных преступлений, совершенных руководителями Торгсина, а также увидеть процесс разложения сталинской элиты.

Муст обвинялся в разбазаривании государственных фондов: премиального, а также так называемого «секретного», из которого руководящие работники получали дотации для оплаты квартирных расходов, пособий на лечение, отдыха в санаториях и на курортах, покупки книг и обедов в специальных столовых[1371]. Государство оказывало помощь руководящей элите не по причине ее бедственного положения: в 1930-е гг. материальное обеспечение советских руководителей было наилучшим в стране. Прошли времена, когда партиец на руководящей работе не мог получать больше средней зарплаты рабочего – пресловутый партмаксимум. Зарплата того же Муста составляла порядка 500 руб. в месяц, являясь одной из наиболее высоких в стране[1372]. В годы карточной системы первой половины 1930-х гг. советская элита получала лучшие пайки по наиболее низким ценам. В иерархии распределения других материальных благ – квартиры, дачи, путевки, медицинское обслуживание, пенсии и т. п. – советская элита также занимала верхнюю ступеньку социальной лестницы[1373].

Дотации из «секретных» фондов и высокие премии являлись частью привилегий советской элиты, санкционированных центральной властью. Вина Муста и других проворовавшихся руководителей Торгсина состояла в том, что они «не уложились» в разрешенную сумму. Так, в 1934 г. Наркомвнешторг выделил на лечение руководства Торгсина 45 тыс. руб. К октябрю эти деньги уже были истрачены, и Муст самовольно добавил в лечебный фонд еще 9 тыс. руб. Из этих денег Муст взял себе огромную по тем временам сумму – около 6,5 тыс. руб. Размеры премий и характер их распределения, по определению КПК, свидетельствовали «о прямом рвачестве» руководителей Торгсина. Секретарь парткома, председатель месткома, начальник финансовой группы получили более 4 тыс. руб. каждый, что равнялось их зарплате за восемь месяцев. Себе Муст выдал премию в размере 5-месячного оклада (около 3 тыс. руб.). Всего в 1934 г. работники центрального аппарата Торгсина получили в виде премий, на оплату квартир, лечение и прочую помощь 349 тыс. руб., из них около 245 тыс. руб. – по личному распоряжению Муста.

Торгсин, как и многие другие учреждения в период карточной системы, имел право самостоятельно закупать продукты для улучшения снабжения своих работников и расширения ассортимента торговли (децентрализованные заготовки)[1374]. Для этого в Торгсине существовал специальный денежный фонд и уполномоченный, некто Бурштейн. Деньги были отпущены немалые – более 79 тыс. руб. Заготовили же незначительное количество мяса, яблок и овощей, да еще умудрились и убытки понести. Ясно, что деньги «утекли» в частные карманы. По показаниям Бурштейна, который, как утверждают документы, в ходе следствия сошел с ума и был отправлен в психбольницу, присвоенные средства оформлялись в смете как организационные расходы. Часть денег Бурштейн взял себе, но львиная доля фиктивных орграсходов – около 7–8 тыс. руб. – досталась Мусту. Никаких оправдательных документов для подтверждения орграсходов по децентрализованным заготовкам Правление Торгсина предъявить не смогло.

Дело Муста показывает еще один и довольно своеобразный метод хищений. В Правлении Торгсина был кабинет-выставка образцов товаров, которые отечественные производители и иностранные фирмы предлагали для продажи в его магазинах. Учет поступавших товаров отсутствовал, выставку не раз обворовывали, так что, по словам документа, «образцы продовольственных посылок исчезали бесследно». Ценные товары, например, часы и патефоны, которые подлежали возврату иностранным фирмам, задерживались на многие месяцы – сотрудники забирали их «попользоваться». Документы описывают и другой способ самоснабжения: *«...сотрудники Торгсина предварительно отбирали для себя образцы из кабинета и покупали их по чрезмерно пониженным ценам»*. Сам Муст, если верить документу, таким образом присвоил себе *«значительное количество парфюмерных товаров, а также брал в личное пользование радио, патефон, пластинки и т.д.»*.

Распределение продовольственных пайков, предназначавшихся для работников Торгсина, также находилось в руках Правления – еще одни источник злоупотреблений. «Перерасход» пайков носил хронический характер. Другой канал самоснабжения – покупка торгсиновских товаров за советские деньги. Хотя работники Правления непосредственно не имели доступа к товарам Торгсина – они работали в конторе, а не в магазинах, но, используя подчиненное положение директоров магазинов, получали дефицитные товары за советские рубли. Муст, например, отоваривался в элитном магазине Торгсина, предназначенном для снабжения дипломатического корпуса в Москве.

В общей сложности примерно за год и только по тем статьям, которые выявило следствие, Муст присвоил громадную сумму – 15 тыс. золотых руб., что составляло 2,5 его годичных оклада. Как только началось следствие, Муст начал распродавать свое имущество и смог возместить 6,5 тыс. руб.: значит, было что продать у товарища Муста!

В современной историографии довольно прочно утвердилась тенденция представлять любое неповиновение сталинскому режиму, включая и экономические преступления, сопротивлением власти (пассивное, повседневное и т.д.)[1375]. Дело Муста показывает абсурдность подобных обобщений. Для определения природы экономических преступлений, совершенных Мустом и ему подобными, важно отметить два момента. Руководящие работники Торгсина по меркам советского общества 1930-х гг. были очень хорошо обеспечены государством. Они не голодали. Муст, например, объяснял хищения денег из «секретного» фонда тем, что он «в последнее время сильно пил (коньяк)». Главный мотив, который двигал людьми, совершавшими подобные хищения – жадность, либо их собственная, либо тех людей, под влиянием которых они находились. Люди, хорошо знавшие Муста, – В. И. Межлаук, З. М. Белень-кий[1376] – характеризовали его как работника добросовестного, толкового и честного, но человека слабохарактерного, находившегося под влиянием «жены-мещанки».

Кроме того, проворовавшиеся руководители Торгсина не были оппонентами советской власти или ее вынужденными и ненадежными попутчиками. Они делали революцию, защищали советскую власть в Гражданскую, затем представляли эту власть на своих постах. Эти люди были кровь от крови, плоть от плоти существовавшей системы. Они и были сама советская власть. Муст – потомственный рабочий-железнодорожник, участвовал в революционном движении с 1905 г., социал-демократ с дореволюционным стажем, комиссар в годы Гражданской войны, после ее окончания налаживал

работу на крупнейших железных дорогах страны. За все время пребывания в партии он никогда «не отклонялся от генеральной линии», не привлекался к партийной ответственности, не подвергался административным или судебным наказаниям. Кто знает, не окажись он в Торгсине с его валютными соблазнами, не женись он «на мещанке», может и дальше продолжал бы верно служить. В своем письме Сталину Муст заверял, что не хотел идти на работу в Торгсин, так как это – не то дело, которое он знает и любит, он – производственник и хотел продолжать работать на транспорте. Муст просил Сталина использовать его «по назначению» и за допущенные ошибки послать работать мастером цеха.

В своем письме Муст ни разу не назвал истинные мотивы совершенных им проступков – рвачество, жадность, корысть, слабоволие. Расхищение государственных средств он именовал «премированием в повышенном размере лучших работников-ударников за перевыполнение планов». Огромную сумму, взятую из фонда, предназначенного для лечения руководящих кадров, Муст назвал «поздней сдачей остатка, имеющегося у него спецфонда». Фиктивные расходы по децентрализованным заготовкам проходили в его письме как «утвержденные без документов орграсходы», а свою долю вины в разграблении кабинета фирменных образцов Муст видел лишь в том, что «недостаточно оформлял выдачу образцов парфюмерии». Как оценивать эту словесную мимикрию? Была ли она сознательным враньем или искренней убежденностью в своем праве? Другими словами, осознавал ли Муст, что из революционера превратился в казнокрада, и, прикрываясь благообразной фразеологией, сознательно врал, чтобы спасти свою жизнь? Или его заявления были искренними, и Муст был убежден (и убеждал Сталина), что по-прежнему оставался коммунистом и ничего преступного не совершил?

Думаю, что последнее верно. Муст чувствовал себя частью руководящей советской элиты и поэтому считал, что имеет право на бóльшее, чем простые обыватели. Его отношение к советской власти было утилитарным: «Я тебе отдал годы жизни, ты мне дай привилегии и прости ошибки». Похоже, он искренне считал, что с ним поступили несправедливо и жестоко: «*Мой жизненный путь, моя преданность партии и ее ЦК говорит, что нельзя меня бить до бесчувствия и что я принадлежу к тем кадрам, к которым необходимо применить заботу и внимание*» (подчеркнуто мной. – *Е. О.*).

Среди людей, которых Муст в письме к Сталину назвал своими поручителями, были крупные деятели советской власти – С. М. Буденный, А. И. Микоян, В. Я. Чубарь, Р. С. Землячка. Да что говорить, сам Сталин знал его по польской кампании, он лично послал Муста в Первую конную к Буденному (видимо, поэтому Муст и ре-

шился обратиться к «хозяину» с письмом). Судя по тому, что Сталин не оставил заявление Муста без внимания, он помнил его. Бюро КПК, которое пересматривало дело Муста по заданию Сталина, подтвердило правильность исключения Муста из партии, однако, вопреки решениям Наркомата торговли, Дзержинского райкома партии и прокуратуры, считало нецелесообразным предание его суду. Этот факт может свидетельствовать об определенной благосклонности вождя: шел 1935 г. и КПК вряд ли стал бы принимать решение, которое противоречило настроениям Сталина. Рекомендация комиссии КПК *«послать Муста на работу по специальности в порядке принудительных работ на одну из строек НКВД сроком на 3 года»* не прошла на Бюро. Документы не позволяют сказать, что случилось с Мустом после разбора дела в КПК. Характер решений Бюро позволяет предположить, однако, что Муста освободили и дали возможность работать на «воле». Видимо, через некоторое время он был восстановлен в партии[1377]. В таком случае не только Муст считал себя носителем советской власти, но и партия признала своего «блудного сына».

Личные материалы Г. И. Муста, сохранившиеся в архивах, обрываются на событиях лета 1935 г., когда КПК рассматривал его дело. Однако штамп в его личном листке по учету кадров «снят с учета 19.09.1938 г.» может свидетельствовать о том, что ему не удалось пережить «большой террор». В этом случае информацию о конце его жизненного пути следует искать в архиве НКВД. Сведений о посмертной реабилитации Г. И. Муста в партийном архиве нет.

Были ли экономические преступления, совершенные руководителями Торгсина, сопротивлением режиму? Ущерб государству эти, по терминологии тех лет, «двуногие грызуны социалистической собственности» принесли ощутимый. Нанесенный власти моральный ущерб был так же существенен – такие партийцы компрометировали советскую власть, их действия подрывали основы пресловутой коммунистической морали, которая превозносила неподкупность, требовательность к себе, самоотверженность. Однако микроанализ преступлений Муста, проведенный в этой главе, свидетельствует, что, по сути, эти преступления были не сопротивлением власти, а злоупотреблением властью, извращением властью. Это было *саморазложение, гниение власти изнутри.* Анализ «дела Муста» свидетельствует, что хищения были совершены именно потому, что он и ему подобные считали, что принадлежность к власти давала им особые права. Ни характер действий, ни их мотивация, ни восприятие поступков самими расхитителями не позволяют признать подобный тип *экономического неповиновения* сопротивлением режиму.

Вместо заключения: Торгсин – имя нарицательное

Парадокс № 1: Героизм и обывательщина. Парадокс № 2: Социальное равенство как квинтэссенция классового подхода. Парадокс № 3: Социалистическое предприятие капиталистической торговли. Парадокс № 4: Золото – мещанская прихоть и оружие пролетариата. «Потому ты жива»: Парадоксы исторической памяти. «Торгсин» сегодня. «Былое нельзя воротить – и печалиться не о чем»?

История Торгсина полна парадоксов. Рыночные, с точки зрения политэкономии марксизма – капиталистические, методы в Торгсине служили победе социализма. В угоду валютному чистогану Торгсин принес в жертву священный для марксизма классовый подход: в Торгсине выигрывал не пролетарий, а социально чуждый – тот, у кого водилось золотишко. Но не только цели и методы находились в Торгсине в идейном противоречии, парадоксы существовали и в восприятии Торгсина руководством страны и рядовыми современниками.

Правительственные документы того времени всячески подчеркивали политическое значение Торгсина: что от его успеха зависела судьба индустриализации, а, следовательно, и судьба дела Октября. Каждый вырученный золотой рубль укреплял СССР, а каждый потеряный замедлял построение социализма. По мнению руководства страны, враждебное мировое окружение и запрет на ввоз советских товаров, который установили многие государства, еще более усиливали политическое значение миссии укрепления валютной независимости СССР, которую выполнял Торгсин. Торгсин внес немалую лепту в строительство первенцев-гигантов советской индустрии – Уралмаша, Кузбасса, Магнитки, которыми гордилась страна. Казалось бы, на службе у пролетарского государства Торгсин заслужил орден, а его имя в устах советского руководства должно было звучать героически. Этого, однако, не случилось.

В политическом языке советского руководства 1930-х гг. имя «Торгсин» стало нарицательным, но оно было не синонимом героизма, а символом обывательщины, мещанских вкусов, мелкобуржуазности, слащавости, вещизма, стяжательства – иными словами, антитезой революционности. Как не вспомнить безголосую никчемную модницу Леночку – «дитя Торгсина» – из фильма Г. Александрова «Веселые ребята». А вот еще один пример нарицательного политизированного применения имени «Торгсин». В 1934 г. на первом Всесоюзном съезде советских писателей, громя доклад Бухарина о поэ-

ства, а не Торгсин работал для покупателя. В этом смысле обвинение Торгсина современниками в том, что он «проморгал свою роль», так и не став предприятием социалистической культурной торговли, не имеет основания. Миссия Торгсина, с точки зрения руководства страны, состояла в другом, и он не упустил свой шанс, выполнил роль, которую ему отвели отцы-создатели – получить валюту, используя нужду населения и не гнушаясь при этом и обманом. Провозглашенные цели и методы социалистической культурной торговли не были определяющими в истории Торгсина[1383]. В соответствии с политическим языком и идейным восприятием того времени Торгсин был предприятием капиталистической торговли – валютным монополистом, который в интересах прибыли использовал благоприятную конъюнктуру потребительского спроса. Парадоксально, оправданием тому служила революционность его цели – построение социализма в СССР.

Диктатура революционности над обывательщиной, которая являлась идейным обоснованием методов работы, да и самого существования Торгсина, видна и в официальном толковании природы и функций золота. Прочтение материалов Торгсина не оставляет сомнения в том, что и руководство страны, и работники Торгсина осознавали значимость золота. Однако это было признание важности золота для государства, для индустриализации. По мнению руководства страны, советским людям золото было ни к чему, так как их социальный статус определялся не материальным достатком, а вкладом в дело построения социализма: *«Бытовое золото и серебро – это мещанские прихоти старого времени, при помощи которых люди достигали для себя известное положение в старом быту. В них больше советский гражданин не нуждается. Эти золотые и серебряные вещи нужно в короткий срок обменять на лучшие товары в универмаге «Торгсин»»* [1384]. Независимо от того, искренне ли руководство страны верило в то, что золото сохраняло значение лишь в отношениях с капиталистическим миром, или кривило душой, используя пропагандистские приемы в прагматических целях, это отрицание социальной роли золота при социализме еще раз показывает, что идейное восприятие Торгсина был основано на противопоставлении ушедшего и грядущего миров.

В определенной мере можно согласиться с тем, что социальный статус людей при социализме, как и их материальный достаток, зависели от признания государством их заслуг, но Торгсин доказал, что значение золота и других ценностей не ограничивалось их важностью для выполнения индустриальных планов страны. В годы

Торгсина от золота зависело больше, чем социальный статус людей, от него зависела их жизнь. В этой связи интересно узнать, как общество воспринимало Торгсин. Для этого я решила обратиться к «библии нашего времени» – Интернету. Анализ размещенных там материалов показал, что общественное восприятие отличалось от политического видения Торгсина руководством страны.

Коротенькое слово «торгсин» обрушило на меня лавину информации – почти 9 тысяч ссылок в Интернете! Значительная их часть – воспоминания людей[1385]. Имена известные и никому не знакомые, люди разных национальностей – практически все они, рассказывая о жизни в голодные годы первых пятилеток, упоминали Торгсин. Социальная память о Торгсине хранит и пиетет, и чувство неразгаданности, непонятости и даже таинственности. Вспомним астафьевское «заведение под загадочным названием Торгсин». Аббревиатура «Торгсин» – торговля с иностранцами – озадачивала людей, так как не соответствовала тому, что они видели в жизни, ведь в Торгсине покупали в основном советские граждане. Не от этого ли противоречия с действительностью пошла *ошибочная* расшифровка слова «Торгсин» как «торговый синдикат», которую скороспешно подхватили и современные исследователи?[1386] Действительно, в ней больше логики и смысла. Кроме того, она по стилю языка уподобляет Торгсин торговым предприятиям 1920-х гг., периоду нэпа. По своей предпринимательско-рыночной природе Торгсин и в самом деле был ближе смешанной экономике нэпа, чем планово-распределительному сталинскому хозяйству 1930-х гг.

Для многих своих современников Торгсин так и остался неразгаданным. Интервью, проведенные уже в наши дни с теми, кто пережил голод в Украине, свидетельствуют, что многие люди считали Торгсин гуманитарной помощью Запада, уподобляя его американской помощи голодавшим в Советской России в 1921 г. При этом они ругали Запад за то, что на этот раз помощь не была бесплатной. Борис Хандрос, например, сказал: *«Словом получилось, что Америка, сделала это или нет, как-то принимала в этом деле постыдном участие. Потому что продукты, которые были в этом Торгсине, были американские товары – американская мука, американская тушенка*[1387]*. И все это, значит, вместо того, чтобы безвозмездно помочь голодающим, шла еще и торговля. Конечно, это было некрасиво и с той, и с другой стороны. Советская власть таким образом зарабатывала деньги на индустриализацию».* Другой свидетель, Лев Бондарь, в интервью рассказал, что отец отнес золотые коронки матери

плуатирует валютный элитный образ Торгсина прошлого, его особость. Призыв к покупателю, закодированный в этом имени, понятен: «Если Вы хотите купить товары мирового класса, Вам не нужно платить за них золотом и валютой, достаточно прийти в наш магазин и получить все это за рубли»[1396]. Что делать, «каков приход, таков и поп», или, как сказал поэт, «у каждой эпохи свои подрастают леса».

«Былое нельзя воротить – и печалиться не о чем»? Но как историку, мне жаль, что нельзя «хоть на четверть часа» заглянуть в *тот*, навсегда ушедший Торгсин из детства моих родителей.

ЧАСТЬ 2. ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ (историография, источники, концепции)

«Да, был какой-то там Торгсин»

Бедность историографии при изобилии источников. Региональные архивы в ожидании исследователей. Какое ведомство не участвовало в работе Торгсина? Шпиономания и источниковедение. Жертвы голодомора свидетельствуют

Обычно главы, посвященные теоретическим вопросам исследования, как и историографические и источниковедческие, стоят в начале книги. Я решила пойти против этой традиции и поставить их в конец. Одной из причин такого решения была боязнь отпугнуть неискушенных историческими дебатами читателей. Мне хотелось, чтобы они увлеклись темой Торгсина и, как *следствие*, захотели узнать, о чем спорят историки сталинизма. Но была и другая причина подобного решения. Каждый исследователь знает, что все вступительные главы пишутся в самом конце работы, когда материал уже осмыслен, книга написана, а выводы кристаллизовались. Следуя этой логике, мне хотелось, чтобы читатели «с фактами в руках» подошли к заключительной части книги и выводам автора. В этой главе рассматриваются специальные вопросы историографии Торгсина и источниковой базы этого исследования.

Сотни книг и статей написаны о советской индустриализации, но в них нет Торгсина. В лучшем случае вскользь упомянут: мол, был такой Торгсин. В многотомном фундаментальном труде «История социалистической экономики СССР» Торгсину уделено две строчки[1397]. Столь же немногословно о Торгсине сообщали и советские экономисты – первые исследователи советской торговли[1398]. В лучшем случае, отмечая роль Торгсина в достижении валютной независимости СССР, они приводили итоговый показатель его работы по скупке ценностей. Западным исследователям советской индустриализации Торгсин до недавнего времени и вовсе не был известен[1399]. Торгсин часто упоминается в мемуарах о сталинских 1930-х гг. и в художественной литературе, основанной на личных воспоминаниях о том периоде времени. Эти работы сильны эмоциальной насыщенностью и незаменимы как источник изучения личного восприятия. Однако люди, жившие в 1930-е гг., понимая значение Торгсина в спасении от голода их самих и близких им людей, вряд ли могли оценить экономическую роль Торгсина для промышленного разви-

тия страны и его значимость для общества в целом: для них Торгсин так и остался эпизодом *личной* биографии, трагедией или победой *отдельной* семьи. Для последующих поколений советских людей Торгсин превратился в курьезный эпизод из похождений Коровьева и Бегемота в булгаковской Москве[1400].

Первая специальная научная статья о Торгсине появилась лишь в 1995 г.[1401], а первое региональное исследование социальной истории Торгсина вышло в Украине в 2003 г.[1402] То, что именно Украина среди бывших республик СССР первой обратилась к этой теме, вряд ли случайно. Во время массового голода 1932–1933 гг. в Украине погибли миллионы людей, но десятки тысяч выжили благодаря Торгсину. Торгсин для живших и живущих в Украине – часть национальной трагедии, именно поэтому в первом украинском исследовании о Торгсине столь силен эмоционально-обличительный тон.

В момент расцвета своей деятельности Торгсин имел более полторы тысячи магазинов по всей огромной советской стране. Конторы Торгсина работали во всех союзных республиках, а также краях и областях РСФСР, а значит, остаются десятки неподнятых архивов. Мои запросы в архивы Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии, Ленинградской и Смоленской областей свидетельствуют об обилии материалов, которые ждут исследователей. Хочется верить, что эта книга вдохновит новых авторов на создание регинальной истории Торгсина.

Эта книга – первое социально-экономическое и социально-культурологическое исследование деятельности Торгсина в масштабе всего Советского Союза. Главным для работы стал фонд Правления «Всесоюзного объединения "Торгсин"» в Российском государственном архиве экономики. Небольшой по объему – всего несколько сот дел – он представляет концентрацию материалов (приказы, протоколы, циркуляры, переписка, планы и отчеты, распоряжения, материалы проверок, прейскуранты, конъюнктурные обзоры, справки, жалобы и др.), где практически нет «пустых», неинтересных или малозначимых документов. Состав этого фонда многоведомственный: он включает материалы партийных и правительственных органов, регулировавших деятельность Торгсина; наркоматов, связанных с решением валютных и импортно-экспортных вопросов, документы Правления Торгсина. Этот фонд показывает не только работу центрального руководства, но, будучи средоточием материалов, поступавших в Правление из региональных контор, он позволяет исследовать и развитие событий на местах. В фонде также содержатся письма советских людей о Торгсине, материалы публикаций о нем в СССР и за рубежом, переписка с его иностранными представительствами и др.

В дополнение к материалам, сохранившимся в центральном фонде Правления Торгсина в Москве, в этой книге использованы и архивы некоторых его региональных контор: Московской областной (Центральный государственный архив Московской области), Ленинградской/Северо-Западной (Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге), Западной/Смоленской (Государственный архив Смоленской области) и среднеазиатских (Центральный государственный архив Республики Узбекистан[1403]). Выбор контор определили как значительность объема архивных фондов, так и возможность получить к ним доступ. Состав контор оказался очень удачным: в нем есть и столичные городские (Москва и Ленинград) и преимущественно крестьянская (Западная/Смоленская контора), а также обширный материал с национальной спецификой (Средняя Азия). Привлечение республиканских и областных архивов позволило усилить социальный и региональный аспекты исследования деятельности Торгсина и даже показать некоторые национальные особенности его работы.

Документальный состав архивных фондов региональных контор Торгсина отчасти отражает структуру центрального фонда его Правления: там есть директивные документы правительства и руководства Торгсина, которые рассылались на места, а также текущие материалы, которые конторы собирали по требованию Правления. Естественно, фонды региональных контор, взятые в отдельности, неполно показывают общую картину по стране, но они превосходят материалы Правления по количеству документов, детальности и масштабу показа работы Торгсина в данном регионе. Иными словами, если в центральном архиве Правления сохранилось понемногу по всем вопросам и обо всех конторах, что позволяет увидеть целое, то региональные архивы его контор показывают частное и особое, присущее этому региону.

Трудно назвать центральное партийное или государственное ведомство первой половины 1930-х гг, которое не участвовало бы в работе Торгсина. Политбюро и Совнарком, промышленные, торговые и финансовые наркоматы, банки, суды, комиссии партийного и государственного контроля, дипломатические службы, ОГПУ/НКВД и многие другие организации внесли свою лепту в работу Торгсина и сами испытали его влияние. Эта книга показывает историю Торгсина в системе многосторонних и взаимозависимых связей партийных, государственных и общественных организаций. Для этого использованы многие, в том числе уникальные и ранее неизвестные документы, сохранившиеся в центральных архивах России: материалы особых папок заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) и советского

правительства, наркоматов внешней торговли и финансов, Государственного банка и золотодобывающей промышленности СССР и др.

В архивах Политбюро и Совнаркома меня прежде всего интересовали директивные документы, которые определили параметры деятельности Торгсина и его взаимоотношения с другими организациями, а также материалы рассмотрения руководством страны валютных вопросов, проблем развития золотодобывающей промышленности, экспорта и импорта. Архивы руководящих органов партии и правительства были использованы и в написании биографий «красных директоров» Торгсина, их замов, а также руководителей Наркомата внешней торговли.

Особое значение для этой книги имели документы Наркомата внешней торговли, в чьем ведомстве находился Торгсин. Наркомвнешторг непосредственно регулировал и контролировал деятельность Торгсина. Проведенная архивная работа показала, что состав фондов Наркомвнешторга и торгсиновского Правления во многом дублируют друг друга: наркомат и Торгсин сохраняли у себя экземпляры директивных, отчетных и текущих материалов, которые направляли друг другу. Однако найти торгсиновские документы в фонде Наркомвнешторга довольно трудно, так как они «распылены» и перемешаны с тысячами других, не имеющих отношения к Торгсину. В книге использована валютная статистика Наркомвнешторга: показатели общего товарного экспорта и импорта СССР, а также деятельности наиболее значимых экспортных объединений, «добывавших» валюту для страны. Эти материалы, в частности, позволили показать одну из главных причин появления Торгсина – резкий дисбаланс внешней торговли, при котором расходы на промышленный импорт значительно превышали валютные доходы от экспорта сельскохозяйственной продукции и сырья.

Торгсин был валютным предприятием и работал в тесном взаимодействии с центральными валютными ведомствами, Госбанком и Наркоматом финансов СССР. Из архивных фондов этих учреждений в книге использованы документы, которые регулировали валютные отношения в стране и определили степень валютной свободы и несвободы организаций и общества, а также данные о золотовалютных резервах СССР и его внешних долгах. Быстрое «таяние» золотого запаса Российской империи, который унаследовали большевики; начало индустриального рывка при пустых золотых кладовых и стремительный рост валютных долгов по промышленному импорту – все эти причины сделали появление Торгсина неизбежным. Материалы Госбанка СССР о скупке и продаже населению иностранной валюты и золотых монет в годы нэпа – так называемые валютные интервенции – позволили показать один из основных ис-

точников накопления валютных ценностей у людей. Спустя всего несколько лет после развала нэпа правительство изъяло эти ценности через Торгсин. Огромное значение в этом исследовании Торгсина имели материалы Госбанка и Наркомфина о выполнении валютных планов советскими экспортными организациями, которые позволили сравнить работу Торгсина с такими основными добытчиками валюты, как Экспортхлеб, Экспортлес и Экспортнефть. Из фондов Госбанка и Наркомфина, в дополнение к данным Наркомвнешторга, в книге использованы и материалы о валютном эффекте советского товарного экспорта и импорта.

Следует сказать, что данные Госбанка и Наркомфина СССР о скупке золота у населения, продажах его населению, золотовалютных запасах страны, валютной выручке экспортных организаций и валютных расходах на импорт, засекреченные еще при ленинском и сталинском руководстве, до сих пор находятся в архивах на спецхранении. Поэтому в книге указаны только названия этих документов без их точных архивных реквизитов. Затянувшуюся секретность этих материалов можно объяснить только бюрократическими причинами. В наши дни правительство России не скрывает сведения о нынешних золотовалютных резервах страны, во всеуслышание объявляя их в прессе и телевизионных информационных программах. Почему же золотовалютная статистика 1920–1930-х гг. до сих пор недоступна исследователям и читателям?

Ценности, купленные у населения, Торгсин сдавал в Госбанк, который вел свой учет валютных поступлений. Сопоставление статистических данных Госбанка и Торгсина стало одним из основных методов определения их достоверности и точности: статистика поступления ценностей, которую вели Торгсин и Госбанк, хотя порой и не совпадает полностью, показывает очень высокую степень близости, что является гарантом ее надежности. Роль материалов Госбанка для этой книги не ограничивается сказанным. Через Госбанк в адрес Торгсина шли валютные переводы из-за границы. Сохранившиеся в фондах Госбанка материалы о валютных переводах в СССР, в дополнение к данным самого Торгсина, позволили показать общий размах, а также структуру поступлений валюты из-за границы по странам-отправителям и регинальным конторам Торгсина – получателям.

Торгсин родился, в частности, потому, что в стране бездействовала разрушенная войнами и революциями золотодобывающая промышленность. Сталин стал активно заниматься ее созданием только с 1928 г. В отсутствие промышленной добычи золота правительство для финансирования индустриализации вынуждено было использовать ценные сбережения граждан, которые скупало через Торгсин.

Создание золотой индустрии, «гражданской» и ГУЛАГа, во второй половине 1930-х гг. решило золотую проблему в СССР. Стабильно растущая золотодобыча и наполнявшиеся золотом государственные кладовые стали одной из причин закрытия Торгсина. Сопоставление данных о золотоскупке Торгсина с данными о промышленной добыче золота в первой половине 1930-х гг. позволили показать огромный вклад золотых сбережений населения в финансирование индустриализации. Засекреченная при Сталине статистика «гражданской» золотодобычи в СССР взята из архивных фондов золотодобывающей промышленности, а показатели золотодобычи ГУЛАГа – из работ А.И. Широкова и Дэвида Нордлэндера, которые использовали материалы Государственного архива Магаданской области[1404]. Анализ архивных данных о золотодобыче в СССР, проведенный в этой книге, позволил сказать, что подсчеты золотого фонда СССР, которые велись на Западе на основе опубликованных материалов, оказались сильно завышенными.

Увы, мне не удалось получить доступ в архив Экономического управления ОГПУ (Центральный архив Федеральной службы безопасности), которое, как показывает эта книга, активно участвовало в создании и работе Торгсина. К счастью, в архивах Торгсина оказалось достаточно материалов, чтобы написать специальную главу о взаимоотношениях валютного торгового и силового ведомств. Особо интригующий и важный сюжет – аресты покупателей Торгсина органами ОГПУ/НКВД, охотившимися за ценными сбережениями населения, написан на основе жалоб торгсиновских контор и населения, сохранившихся в центральном и региональных фондах Торгсина, а также на основе воспоминаний людей. Информация о вмешательстве ОГПУ/НКВД в работу Торгсина подтверждается исследованием Олега Мозохина – на сегодняшний день единственной специальной научной работой, написанной почти исключительно на архивах ЭКУ ОГПУ[1405]. Однако и данные книги Мозохина, в части антиторгсиновских операций ОГПУ/НКВД, носят фрагментарный характер. Вопрос об экономической эффективности валютной деятельности «органов», в частности, валютный эффект, полученный от конфискаций ценностей у покупателей Торгсина, остается открытым и требует более широкого привлечения материалов этого политико-экономического ведомства.

Читатель нашел в этой книге ссылки на Национальный архив США (г. Вашингтон). Об этом источнике информации следует сказать особо. Американский консулат в Риге (до установления дипломатических отношений между СССР и США[1406]), а затем посольство США в Москве собирали «стратегическую» информацию о Советском Союзе. В Национальном архиве США хранятся обширные экономические обзоры, составленные в 1930-е гг. аналитиками этих дипмиссий. Особое значение для этой книги могли бы иметь обзоры, которые показывают динамику промышленной золотодобычи в СССР, тем более что из всех американских служб, собиравших информацию о добыче золота в СССР[1407], расчеты американского посольства в Риге и Москве считались наиболее точными. Однако сравнение американских аналитических обзоров с засекреченными при Сталине архивами золотодобывающей промышленности показывает, что советскому руководству удалось заставить западных экспертов принять завышенные данные о советской добыче золота. С 1928 г. официальные публикации абсолютных данных золотодобычи в СССР были прекращены, а в печати мелькали только процентные показатели. Американским аналитикам пришлось довольствоваться тем, что появлялось в печати[1408]. Одной из точек отсчета для них стали слова Сталина о добыче в 1933 г. 82,8 т золота. Однако анализ, проведенный в этой книге, позволил сказать, что Сталин слукавил, включив в эту сумму не только промышленную добычу, но и скупку золота у населения через Торгсин. Впоследствии, высчитывая золотодобычу СССР на основе опубликованных процентов от уровня 1933 г., Запад, хотя и показывал ее правильную общую динамику, но вновь и вновь воспроизводил погрешность, завышая показатели советской золотодобычи.

Шпиономания имела и другие курьезные последствия для процесса создания исторических источников. С каждой новой публикацией американских расчетов золотодобычи СССР советская цензура становилась все жестче. В 1937 г. в советской печати не был опубликован даже процент прироста золотодобычи. Исчезновение информации из советской прессы, по причине нежелания руководства СССР уведомлять иностранцев, заставляло американцев засекречивать свои аналитические разработки, чтобы не пугать советское руководство своей осведомленностью. Работники американского посольства в Москве, например, просили официальный Вашингтон не публиковать их расчеты золотодобычи, так как на следующий год в советской печати было бы еще меньше данных по этому вопросу[1409]. Так шла эскалация национальных цензур.

Из материалов Национального архива США в этой книге были использованы те, что аналитики американского посольства добыли «из первых рук», в первую очередь данные о кредитах, внешнем долге и товарных поставках СССР, полученные из конфиденциальных бесед с крупными зарубежными промышленниками и финансистами, которые вели экономические дела с Советским Союзом; информация, добытая в портах Риги, через которую шли золотые караваны из СССР в Берлин; статистика мировой добычи золота,

публиковавшаяся на Западе; а также материалы о повседневной жизни в СССР, полученные в беседах с американскими гражданами, работавшими в стране Советов.

В исследовании Торгсина мне было важно показать не только его экономический вклад в дело индустриализации, но и его социально-культурную миссию – роль в жизни советского общества, а также значение в развитии социалистической «культурной торговли» и становлении потребительского общества в СССР. Архивные фонды Правления и региональных контор Торгсина содержат обширные и разнообразные данные о советской торговле того времени: описания групп покупателей, тактики их поведения, информацию о социальном происхождении, уровне образования, национальности продавцов и руководителей Торгсина, описание магазинов и «черного» рынка, разросшегося вокруг легальной валютной деятельности Торгсина, и многое другое. Важным дополнением к архивам стали художественная литература и мемуары, как хорошо известные по публикациям, так и малоизвестные и неизвестные воспоминания, размещенные в изобилии в Интернете. К этой же группе социальных и культурологических материалов, использованных в книге, относятся описания условий жизни в СССР в 1930-е гг., сохранившиеся в архивах США. Среди них – коллекции документов американских рабочих и инженеров, работавших на стройках социализма в СССР; документы, собранные американскими консулатами в Риге и Москве, воспоминания бывших советских людей, оказавшихся на Западе и др.

На завершающем этапе работы над книгой я узнала еще об одном и поистине бесценном источнике социальной информации о Торгсине и постаралась использовать его. Институт Фонда Шоа (Shoah Foundation Institute) при Университете Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе собрал обширный архив видеозаписей интервью с жертвами и свидетелями холокоста, среди которых оказались и люди, пережившие голод 1932–1933 гг. в Украине[1410]. Фонд был основан известным американским кинорежиссером Стивеном Спилбергом в 1994 г. и доступен в Интернете. В 2001 г. Фонд располагал 52 тыс. показаний, собранных в 56 странах мира на 32 языках. В Украине в течение четырех лет (1995–1999) было записано 3,4 тыс. интервью в 273 населенных пунктах страны. Из них более 700 интервью посвящены голоду. Географически респонденты являлись выходцами из южных областей Украины с преобладавшим еврейским населением – Киевской, Одесской и Винницкой. В их воспоминаниях о голоде Торгсин занимает центральное место. Многие из участвовавших в интервью признались, что выжили благодаря Торгсину.

В работе над книгой, наряду с архивными, были использованы и опубликованные материалы, прежде всего ведомственный журнал Наркомвнешторга «Внешняя торговля», на страницах которого регулярно обсуждались вопросы Торгсина, а также советские статистические сборники. К опубликованной статистике 1930-х гг. следует относиться с осторожностью. Так, проведенное в этой книге сравнение опубликованных данных Главного таможенного управления о советском экспорте с архивными материалами показало, что таможенная статистика завышает валютную выручку от экспорта.

Начиная с 1933 г. Торгсин выпускал свой ведомственный бюллетень «Торгсиновец». Узнав об этом, я начала искать это издание по библиотекам страны, но нашла его в архиве. Поскольку Торгсин был валютным предприятием, бюллетень был засекречен и предназначался только для внутреннего пользования тех, кто работал в Торгсине. Он печатался ограниченным тиражом и в продажу не поступал. Несколько его номеров сохранились в архивах региональных контор Торгсина.

Эта книга богато иллюстрирована. Большинство фотографий принадлежат замечательной коллекции Российского государственного архива кинофотодокументов в г. Красногорске. Снимки хлеба с болтами и гайками, которым кормили людей в годы первых пятилеток, были подарены мне Центральным архивом ФСБ во время работы над предыдущей книгой. Жаль, что наше научное сотрудничество не продолжилось. Для иллюстрации книги использованы также материалы из частных, включая и мою собственную, коллекций.

Торгсин как феномен сталинизма

Дебаты о сталинизме. Современность и судьба советского социализма. Обещание изобилия: сталинизм и развитие потребительского общества в СССР

Цель этой главы – *популярно* и по возможности кратко рассказать о том, как менялись представления историков о сталинизме, а также определить вклад исследования Торгсина в изучение этого феномена XX в. Анализ историографии, проведенный в этой главе, свидетельствует, что мое понимание Торгсина как проявления сталинизма находится в русле новейших исследований. Хотя и по сей день остаются воинствующие защитники постулатов периода «холодной войны», в которых Советский Союз предстает «империей зла», а его развитие патологическим отклонением от «столбовой дороги» мирового прогресса, большинство исследователей сегодня

изучают советский социализм в связи с глобальными процессами развития государства и общества в XX в. Особенность и уникальность советского пути выразились не в отходе от прогресса, а в том, что универсальные процессы современности развивались в СССР в отличной от Запада «системе координат» – в рамках иной социально-экономической, политической системы и идеологии.

У этой главы есть и другая цель – обратить внимание современных исследователей на забвение социально-экономической истории. Под влиянием постмодернизма история в наши дни все более становится искусством нежели наукой, а историк – более художником-импрессионистом, чем ученым-естествоиспытателем. Он оперирует категориями настроения, восприятия, ощущения, интуиции, инстинкта, избегая статистики и методов точных наук. Гипертрофия культурологических исследований, которой начинает страдать наша историография, чревата тем, что изучение исторического развития России будет представлено однобоко, а следовательно, деформированно.

Советские историки вплоть до начала реформ Михаила Сергеевича Горбачева и архивной революции конца 1980 – начала 1990-х гг. не вели научных дискуссий о сталинизме. В их *научном* аппарате не было и самого понятия сталинизм[1411]. Первые научные работы о сталинизме появились на Западе в конце 1940 – начале 1950-х гг. Классической стала книга немецкого философа, историка и политолога[1412] Ханны Арендт «Происхождение тоталитаризма»[1413]. Арендт не являлась советологом в строгом смысле этого слова, но многие положения ее книги составили теоретический фундамент советологии, а сама работа стала знаменем и символом периода «холодной войны».

Первые историки сталинизма на Западе понимали его как *идеологический* и *политический* феномен: вооруженный коммунистическими идеями, режим Сталина установил тотальный контроль над обществом. Идея *осуществленного* тотального контроля, центральная в теории сталинизма западных советологов периода «холодной войны», определила их «кодовое имя» – «тоталитарная школа». Террор, цензура и пропаганда, по их мнению, подавили общество, которое в исследованиях «тоталитарной школы» *в целом* предстает пассивным объектом экспериментов сталинского режима. По другую сторону «железного занавеса» в период холодной войны официальная советская историография представляла общество в единстве с государством, коммунистической партией и ее лидером. В отрицании относительной самостоятельности общества исследования советских историков были зеркальным отражением западной советологии периода «холодной войны»: по ту сторону «железного

занавеса» рисовали тотальную пассивность, по эту – тотальный ура-патриотизм и энтузиазм советского общества.

Стремление пионеров-исследователей на Западе концептуально осмыслить сталинизм заслуживает признания, их лучшие работы составили «золотой фонд» антологии исследований сталинизма[1414]. Однако в крайне политизированном и идеологизированном видении сталинизма советологами «холодной войны» многое противоречило здравому смыслу, а приводимые ими факты порой шли вразрез с их собственными обобщениями[1415]. «Тоталитарное» видение сталинизма лишь как деспотической политической системы, управлявшей обществом исключительно средствами подавления, не позволяло объяснить ни стабильности сталинского режима, ни отсутствия серьезной политической оппозиции и попыток покушения на Сталина, ни достижений СССР, наиболее внушительным из которых была победа во Второй мировой войне, ни ностальгии многих людей по ушедшему режиму. Оперируя только в рамках идеологической и политической модели, исследователи «тоталитарной школы» оказались в теоретическом тупике.

В 1970–1980-е гг. в исследованиях сталинизма на Западе произошла историографическая революция. Молодое поколение историков, на становление взглядов которых огромное значение оказала война во Вьетнаме, начало ревизию идей «тоталитарной школы». Точкой отсчета для «ревизионистов» стал здравый смысл, который не позволял принять абсурдную идею о возможности *абсолютного* (тотального) контроля власти над обществом. Одним из главных вдохновителей «ревизионистов» являлась историк австралийского происхождения Шейла Фитцпатрик, которая на рубеже 1960 – 1970-х гг. начала публиковать работы, где, исследуя явление выдвижения рабочих на руководящие должности в конце 1920 – начале 1930-х гг. (*пролетарское выдвижение*), показала, что в сталинизме были не только репрессии, но и позитивная социальная политика (*affirmative action*) и что определенные группы населения сознательно и в своих собственных интересах поддерживали сталинский режим. В отличие от советологов «тоталитарной школы», которые не работали в советских архивах[1416], «ревизионисты» были источниковедами. Их вели документы[1417].

«Ревизионисты» не были монолитной единой группой, отличаясь по политическим взглядам, тематике и методам исследования, но их главным совокупным вкладом в изучение сталинизма было *открытие* советского общества, которое, вопреки теоретическим построениям советологов «тоталитарной школы» и советской ура-историографии, жило своей и, как оказалось, очень активной жизнью. Участие общества в сталинизме было разного свойства – поддерж-

ка, отторжение, приспособление, сопротивление, подчинение и многое другое. В наши дни историки нового поколения критикуют «ревизионизм» за то, что он не привел к формированию детально разработанной стройной концепции сталинизма, но, на мой взгляд, богатство социальной жизни и процессов, шедших в советском обществе, которое показали «ревизионисты», *концептуально* изменило наше представление о сталинизме: благодаря исследованиям «ревизионистов» сталинизм из *идеологического* и *политического* феномена превратился в феномен *социальный*[1418]. Богатое наследство, которое оставил «ревизионизм», во многом объясняет расцвет новейших исследований российской истории.

Архивная революция в России конца 1980 – начала 1990-х гг. открыла для историков доступ к залежам документов и привела к подлинному расцвету исследований сталинизма[1419]. Именно в это время российские историки, значительную часть которых представляло молодое поколение, к которому принадлежала и я, выступили против тотально-позитивного («с отдельными и временными трудностями») образа истории 1930-х гг. и общественного ура-патриотизма, господствовавших в официальной советской историографии[1420]. К плеяде российских «ревизионистов» принадлежат замечательные историки: Елена Зубкова, Олег Хлевнюк, Александр Ватлин, Сергей Журавлев, Татьяна Смирнова, Евгений Кодин и другие. Одним из многих исследований *новой* истории России, появившихся благодаря архивной революции начала 1990-х, стала и моя книга «За фасадом "сталинского изобилия"».

Новые российские работы о сталинизме имели, главным образом, обличительный характер и концентрировались на темах, бывших под запретом в советской историографии, основными из которых стали массовый голод и репрессии. Концептуальное понимание сталинизма российскими историками не только как политического и идеологического, но и как социального явления было созвучно изысканиям западных «ревизионистов». Однако в силу длительного засилья в советской историографии *положительного* образа сталинского правления и глубокой национальной травмы, нанесенной сталинскими репрессиями поколениям советских людей, российским «ревизионистам» было труднее, чем западным, признать существование в сталинизме наряду с репрессиями прагматизма и созидательных черт. Тезис о социальной поддержке и *рациональной* заинтересованности определенной части общества в реформах сталинского руководства, который был одним из центральных в ревизионистской историографии на Западе, не нашел значительного развития в новых российских исследованиях сталинизма.

Между тем на Западе в середине 1990-х гг. появились новаторские книги Юрия Слезкина и Стивена Коткина[1421]. Они вдохновили обширную плеяду талантливых последователей и ознаменовали рождение «постревизионизма»[1422] в изучении российской истории. Некоторые аналитики характеризуют современное состояние исследований российской истории как историографический хаос, но я – в большем согласии с теми, кто пишет о тематическом и методологическом разнообразии и даже богатстве. «Постревизионизм» стал результатом *творческого* осмысления и дальнейшего развития идей предшествовавших ему научных школ[1423]. Так, «постревизионисты» продолжили поиск причин рациональной социальной поддержки сталинизма, начатый западными «ревизионистами». Но при этом они вернулись и к тезису «тоталитарной школы» о формирующей роли идеологии и государства, хотя в их понимании эта роль не сводилась к репрессиям. По их мнению, в сталинском государстве была и мощь созидания.

«Постревизионисты» существенно раздвинули тематические границы исследований российской истории, уделив наряду с идеологией[1424], политическими и социальными процессами особое внимание культурологическим и лингвистическим проблемам, семиотике (изучение знаков и символов), микроистории, истории повседневности, изучению личного мировосприятия и самосознания, социального и национального самоопределения (*identity*), литературному анализу исторических текстов и др.[1425] Влияние постмодернизма на исторические исследования нашего времени выразилось, главным образом, в том, что историков стало более интересовать, как люди *воспринимали* себя и реальность, чем изучение реальности как таковой.

«Постревизионисты» обогатили исторические исследования, творчески заимствовав методы из других наук о человеке и обществе: культурологических исследований, антропологии, лингвистики, эпистемологии (наука о познании), литературоведения и др.[1426] Отмечая поистине революционное значение «постревизионизма» в изучении российской истории, следует, однако, сказать, что в современной западной историографии обозначился явный крен в сторону изучения *воображаемого* мира, или *мира воображений*, и появилась опасность отрыва от изучения мира *реальности*.

Исследования «постревизионистов» не только показали новые составляющие сталинизма, но и предложили его иное концептуальное прочтение. При всем разнообразии тематики и методов исследований общим и центральным тезисом «постревизионизма» стало признание того, что «советский эксперимент» представлял органичную часть глобального процесса развития современного (для XX в.)

государства и общества, что в сталинизме были прагматизм, рациональность, *социализм*[1427] и движение к прогрессу, которое прежде всего выразилось в стремлении построить индустриальное, технологически развитое общество[1428]. Так, по мнению Стивена Коткина, одного из ведущих историков «постревизионизма», смысл сталинизма (а также его сила) состоял не в том, что была создана гигантская государственная машина *посредством разрушения общества*, как утверждали исследователи «тоталитарной школы», но в том, что была создана гигантская государственная машина и *новое* общество.

Идея участия сталинского *государства* в создании нового общества представляет одно из существенных отличий «постревизионистов» от «ревизионистов»: последние концентрировались на изучении влияния *общества* на государство. Хотя обобщения чреваты исключениями[1429], можно сказать, что «ревизионисты» стремились показать роль отдельных социальных групп в создании феномена сталинизма, главным образом, новой элиты, ставшей, по их мнению, социальной опорой режима, в то время как «постревизионисты» изучают роль сталинского государства в изменении общества и влиянии сталинизма на индивидуума[1430]. В этом смысле работы «ревизионистов» и «постревизионистов» дополняют друг друга.

Бывшие советские граждане могут услышать в идеях «постревизионизма» родные лозунги советской власти и постулаты официальной советской историографии – «государство народной заботы», «прогрессивная идея построения нового общества на Земле», но такое просоветское прочтение «постревизионизма» было бы ошибочно, так как, признавая наличие прогрессивных современных черт в сталинизме, «постревизионисты» не отрицают его репрессивного характера. *Современная концепция сталинизма – результат работы разных научных школ – представляет его как комплексный, сложный феномен, в котором репрессии переплетались и уживались с воплощением идеи прогресса.* Современные исследователи склонны отказаться от терминов «тоталитаризм» и «тоталитарный режим», как крайне идеологизированных и политизированных ярлыков периода «холодной войны», упрощенно представляющих феномен сталинизма.

Исследование Торгсина позволяет далее развить идеи историографии сталинизма, указать на определенные противоречия во взглядах современных историков, а также оспорить некоторые из них.

В концептуальном понимании Торгсина не просто как торгового предприятия, а как проявления сталинизма я разделяю многие из выше приведенных идей «ревизионистов» и «постревизионистов».

Так, Торгсин свидетельствует, что в государственной политике 1930-х гг. наряду с иррациональным разрушением был и индустриальный прагматизм, который порой доходил до фетишизма, то есть признания главенства промышленного развития над другими целями и идеями[1431]. Сталинское руководство отождествляло прогресс с построением индустриального общества и верило в особую роль государства в достижении индустриальной мечты. В то же время Торгсин позволяет показать и роль общества в воплощении и модификации планов государства, бесчисленные жертвы, принесенные на алтарь индустриализации, а также относительную самостоятельность от власти собственных устремлений и планов людей.

Понимание Торгсина как проявления сталинизма концептуально выросло из моей предшествующей книги «За фасадом "сталинского изобилия"». В ней сталинизм показан как система *социально-экономических* институтов, созданных государством и *определенных индустриальными приоритетами* развития. В качестве такого социально-экономического института сталинизма в книге «За фасадом "сталинского изобилия"» я исследовала систему снабжения населения: в голодной стране, где частное производство и частная торговля были разрушены, государство использовало централизованное распределение продовольствия и товаров как кнут и пряник, подстегивая и стимулируя промышленное развитие[1432]. Торгсин с полным правом также можно отнести к *социально-экономическим институтам сталинизма*, которые были рождены индустриальным прагматизмом. В погоне за индустриальной мечтой сталинское руководство пожертвовало миллионами людей, но, как свидетельствует история Торгсина, в жертву были принесены также и чистота идеологии, и стройность политэкономии. Так, в интересах индустриализации сталинское руководство вынуждено было ограничить государственную валютную монополию, впервые и единственный раз разрешив советским гражданам использовать внутри СССР иностранную валюту и золото в качестве средства платежа. Кроме того, Торгсин был отрицанием классового подхода: в нем не было дискриминации покупателей по социальному признаку, столь распространенной в других сферах жизни 1930-х гг.[1433]

Эта книга позволяет сказать, что сталинизм как *социально-экономический* феномен включал и *рыночные* институты. Всего лишь 10–15 лет тому назад советские и западные исследователи представляли экономику сталинского времени как фактически безрыночную, в лучшем случае допуская существование *оазисов* легального крестьянского (колхозного) рынка. В этом понимании советской экономики 1930-х гг. современные исследователи не шли дальше большевистского руководства, которое в результате долгих дебатов

1920–1940-х гг. хотя и признало, что *реальный* социализм являлся товарно-денежным, а не уравнительно-распределительным хозяйством, но тем не менее не хотело видеть в нем обширных социально-экономических зон, существовавших вне действия плана и централизованного контроля. Книга «За фасадом "сталинского изобилия"» стала вызовом этому традиционному пониманию[1434]. В ней советская экономика 1930-х гг. впервые была показана как симбиоз планового централизованного снабжения (карточная система первой половины и советская государственная торговля второй половины 1930-х гг.) и обширного всепроникающего «черного» рынка[1435]. История Торгсина позволяет далее развить концептуальное понимание сталинизма как своеобразного симбиоза плана и рынка. Торгсин был явлением *государственного капитализма*. Будь Торгсин социалистическим предприятием, то в условиях голода он должен был бы действовать в интересах людей. Вместо этого Торгсин, эксплуатируя голод и «благоприятную» рыночную конъюнктуру, нажился на бедственном положении населения, однако делал это не в интересах прибыли частных лиц, а в интересах индустриального развития государства.

Представление сталинизма как *социально-экономического* феномена не означает отрицания роли идеологии и политики в сталинском государстве. Напротив, как показало исследование Торгсина, вопреки валютным интересам индустриализации, именно идейные мотивы определили отрицательное отношение государства к валютной проституции в портовых торгсинах, а также заставляли закрывать глаза на беспредел ОГПУ, подрывавший эффективность валютной работы Торгсина, или запрещать денежные переводы из гитлеровской Германии для голодавших немцев Поволжья. Идейные мотивы стали одной из причин и самого закрытия Торгсина. Не отрицая огромного значения идеологии и политической системы в сталинизме, данное исследование тем не менее призывает обратить серьезное внимание на роль *социально-экономических институтов сталинизма*, в числе которых, как показывает Торгсин, было и *экономически* успешное крупномасштабное государственное предпринимательство – факт тем более интересный, что любая прибыльная деятельность в плановой централизованной экономике официально считалась экономическим преступлением – спекуляцией и преследовалась по закону. В Торгсине сталинское государство, вопреки своим же запретам, «с размахом» действовало как капиталист-спекулянт.

Здесь уместно поспорить со Стивеном Коткиным. Центральным тезисом его главной книги «Магнитная гора» является представление сталинизма как нового вида цивилизации, построенной на отторжении принципов капитализма. В одной из последующих статей Коткин отнес СССР сталинского периода к типу современного (для времени первой половины XX в.) «нелиберального» *некапиталистического* государства *(illiberal noncapitalist modernity)*. Иными словами, Коткин считает, что социализм, основанный на *некапиталистических* принципах, *был* построен в СССР. Действительно, советское руководство *провозгласило* отказ от капитализма и *пыталось* добиться прогресса на основе отторжения капиталистических принципов, но история Торгсина свидетельствует, что сохранить девственность не удалось. Предпринимательство и рынок были частью социализма[1436]. Социально-экономическая история сталинизма, изучение которой сейчас находится «в загоне», как никакая другая, показывает, что чистоты антикапитализма не существовало в советской действительности[1437]. Да и могло ли быть иначе? Исследования «постревизионистов» показали, что современность XX в. диктовала жесткие требования к развитию государства и общества. Если согласиться с центральным тезисом «постревизионизма», что целью сталинского руководства было построение современного государства, то ему было не избежать обращения к рынку, так как современная экономика без него существовать не может. Особенность советского типа современного государства состояла не в том, что там не было рынка, а в том, что рынку приходилось действовать в «прокрустовом ложе» планового централизованного хозяйства. Идеология и политическая система также ставили пределы рыночному развитию. Особость рынка в СССР выразилась, например, в том, что *крупномасштабное легальное* предпринимательство могло быть только государственным (Торгсин – один из примеров), рыночная же активность людей развивалась преимущественно в деформированных формах в «подполье». Хотя крестьянский и «черный» рынок в СССР были наиболее автономными саморегулировавшимися экономическими системами, где спрос и предложение определяли цены, но и они в значительной степени испытали директивное и силовое вмешательство государства.

История Торгсина заставляет говорить об экономике сталинизма не в терминах взаимоисключения плана и рынка, а определяя баланс их соотношения и особенностей их взаимного формирующего (и деформированного) развития[1438]. В этом – подтверждение тезиса «постревизионизма» о том, что противопоставление социализма и капитализма в изучении *реальности, практики* сталинизма имеет пределы. Действительно, мировоззрение людей сталинской эпохи, как и советологов «холодной войны», изучавших эту эпоху, было основано на делении мира на капитализм и социализм. Те исследователи, кто изучает мир идей и воззрений, неизбежно следуют этой

двуполярной модели. Однако изучение *материальных* процессов сталинской *реальности* говорит об определенной условности такой антагонистической поляризации. Перенимание опыта Запада Советским Союзом в 1930-е гг., о котором пишут многие исследователи сталинизма, не означало, что сталинское руководство хотело быть как Запад или заимствовало капитализм, а являлось выражением требований современности, которые были универсальны и для капитализма, и для социализма. В этом смысле сталинское руководство «заимствовало» не у капитала, а у *прогресса*.

Вместе с тем исследования «постревизионизма» заставляют задуматься о соотношении *общего, особенного и уникального* в феномене сталинизма. Признание универсальности процесса развития современного государства, который шел в мире после Первой мировой войны, и представление советского социализма частью этого процесса, в современной историографии *граничат с отрицанием уникальности* советского опыта. Известный американский историк Питер Холквист, например, считает, что развитие государственных институтов, занимавшихся сбором детальной и массовой информации о населении (*surveillance*) не было лишь советским феноменом или уникальной чертой сталинизма, а представляло общую европейскую тенденцию, функцию современной политики. Сталинский режим предстает, таким образом, вариантом современного государства (*national security state)*), основанного на новых принципах управления, суть которого состояла в переходе от управления территориями к управлению людьми. В отличие от прежних систем государственного управления, сбор массовой информации о населении в XX в. был вызван задачами обеспечения национальной безопасности государств в условиях постоянной угрозы тотальной войны, а также просветительской миссией государств по созданию национального сообщества, поощрения желанных для власти типов социальной идентификации, форм самовыражения населения и пр. Холквист не видит в советском опыте *исключительности* и *уникальности* на том основании, что все ведущие государства того времени использовали схожие методы сбора информации о населении. Он рассматривает советский опыт как *специфическое* проявление общеевропейской тенденции. Советская специфика состояла в том, *как* власть использовала новые методы управления и в каких *целях*. Однако, говоря о советской *специфике* (масштабы эксперимента, классово-идеологический подход, политизация всех сфер жизни и особенно использование государственной системы сбора информации о населении для осуществления масштабного проекта построения социализма и создания человека нового типа), Холквист, на мой взгляд, вопреки своему главному тезису, показывает именно *уни-*

кальность советского эксперимента, так как он был *первой* и *на тот период времени единственной* попыткой осуществить столь грандиозный проект[1439]. *Не ставя под сомнение* значимость тезиса об универсальности идущих в мире глобальных процессов, хочется указать на опасность нарушения разумного баланса и потери исторической специфики и уникальности в феномене сталинизма, в котором «общеевропейская тенденция» приняла столь радикальный и трагический оборот.

Работы Стивена Коткина также указывают на существование проблемы более четкой увязки *общего* и *особенного* в том, как «постревизионисты» представляют сталинизм. В книге «Магнитная гора» Коткин пишет о сталинизме как *особой* антикапиталистической цивилизации, которую отличали не только идеология, политическая система и тип экономики, но и собственная символика, формы языка и разговора, типы поведения в обществе и в частной жизни и даже свой стиль одежды. Сталинизм, по его мнению, являл новый тип социальной идентификации, новый образ жизни, систему новых ценностей. Центральный тезис «Магнитной горы» об *особой* природе советской «цивилизации» находится в определенном противоречии с выводами более поздней статьи Коткина, которая показывает, что развитие СССР следовало в русле глобальных процессов современности[1440]. Хотя в этой статье Коткин справедливо отмечает, что при наличии общих тенденций развития каждая страна предложила свое понимание и пути построения современного государства и общества и даже группирует государства по «типам современности», но обобщенно-декларативного подхода к проблеме, на мой взгляд, недостаточно. Соотношение *общего, особенного и уникального* в сталинизме требует более тщательного *эмпирического* анализа. «Постревизионисты» *в основном* сделали упор на *схожести* процессов, шедших в сталинизме и окружавшем его мире, но столь же необходимо не только в теории, но и *на конкретном историческом материале* показать, как и почему общие тенденции мирового развития в сталинизме трансформировались в специфическое, особенное и уникальное. Эта книга являет пример такого подхода, показывая, *как* и *почему* глобальное стремление ведущих мировых государств к построению индустриального высокотехнологичного общества в советской плановой экономике приобрело специфически уникальную форму государственного валютного предпринимательства «Торгсин».

Со времени открытия российских архивов много написано о повседневной жизни в сталинские годы[1441]. Мое понимание повседневности сродни тем исследователям, которые представляют ее как сложное и активное взаимодействие государства и общества: в то

время как государство стремилось сформировать и подчинить экономическую, социальную и культурную жизнь советского общества, люди, приспосабливаясь к новым условиям и преследуя свои жизненные интересы, вносили кардинальные поправки в планы государства. В книге «За фасадом "сталинского изобилия"» такое понимание повседневности нашло выражение в интерпретации социальной природы и роли «черного» рынка: в понимании автора он являлся социальным феноменом – совокупностью тактик выживания и обогащения (в советском понимании того времени), которые население выработало, приспосабливаясь к жизни в стране хронического дефицита и рецидивов голода.

Торгсин как *явление повседневной жизни* тоже являлся продуктом взаимодействия государства и общества. Он появился по решению руководства страны, которое определило цели и принципы его работы. Но в то время как государство подгоняло Торгсин «под индустриализацию», люди приспосабливали его для себя. Преследуя свои интересы, они привнесли в Торгсин много такого, чего не было в задумках его создателей. Так, благодаря людской инициативе Торгсин стал принимать новые виды ценностей. Кроме того, люди раздвинули рамки валютных операций в стране, сделав «черный» валютный рынок неотъемлемой частью Торгсина. Но участие общества изменило не только размах деятельности Торгсина, но и обогатило его содержание. Торгсин был *и* механизмом мобилизации валютных средств населения на нужды индустриализации, *и* выражением людской изобретательности. В крупных городах *по замыслу руководства* страны торгсины стали оазисами «культурной торговли» – предтечей грядущего общества потребления, однако как *массовое явление повседневности* Торгсин в значительной степени был частью крестьянского мира – таким был вклад миллионов крестьян, которые в годы первых пятилеток пополнили ряды его покупателей и продавцов.

Торгсин рассказывает историю выживания общества, но он был и способом выживания советского государства и проявлением изобретательности руководства страны, которое связало судьбу социализма с осуществлением промышленного рывка. В конечном итоге государство и общество участвовали в осуществлении планов друг друга и их модификации: люди, борясь за выживание и достойный материальный уровень жизни, сдавали ценности, тем самым помогая, порой вопреки своему желанию, индустриальным планам сталинского руководства, но и власть, создав Торгсин, внесла лепту в арсенал повседневных тактик и жизненных стратегий общества. Российская повседневность рождалась то в совпадающих, то в противоборствующих усилиях государства и людей.

И наконец, еще об одном значении этого исследования. Торгсин был торговым предприятием. В момент своего расцвета он имел полторы тысячи магазинов, которые работали по всей стране. За покупками в Торгсин шли рабочие, крестьяне, интеллигенция и руководящая элита. Анализ торговой деятельности Торгсина позволяет сделать выводы о характере нарождавшегося при Сталине общества потребления и советской потребительской культуры, показать роль государства в развитии сферы товарного потребления и вклад общества в этот процесс.

Становление потребительского общества в СССР – молодая тема в современной историографии, но она активно развивается[1442]. Новейшие исследования рассматривают советскую торговлю и потребление 1930-х гг. в русле общих мировых процессов развития массового товарного производства и массового потребления[1443]. Однако при этом все исследователи отмечают специфичность развития потребительского общества в СССР, а также, каждый по-своему, объясняют поворот советского государства к вещизму.

Октябрьская революция вершилась антикапиталистическими, антирыночными лозунгами эгалитарного распределения и аскетизма, но они не стали главными принципами социалистической потребительской культуры. Руководство страны взяло курс на развитие торговли, роста материального достатка и уровня потребления, в определенном смысле курс на обуржуазивание, реабилитацию ценностей современного потребительского общества. Исследователи по-разному датируют этот поворот. По мнению Джули Хесслер, признаки изменения принципов, определявших отношение власти к сфере потребления, проявились уже с переходом к нэпу в начале 1920-х гг.[1444] Однако практическая реализация новых подходов к сфере потребления в государственной политике в то время была ограничена, так как производство потребительских товаров, розничная торговля и служба быта находились в руках частника. Разрушив частный сектор экономики в ходе «социалистического наступления» на рубеже 1920–1930-х гг., государство взяло на себя фактически монопольное обязательство производить потребительские товары и снабжать население. С 1931 г., как показывает исследование Джули Хесслер, лозунг «культурной торговли» появляется в речах советских руководителей, определяя новую политическую цель государства и новую идеологию потребления[1445].

В период карточной системы первой половины 1930-х гг. «культурная социалистическая торговля» была ограничена сферой элитных и дорогих магазинов. К ним относились государственные коммерческие магазины, образцовые универмаги[1446] и торгсины. В момент своего образования Торгсин был задуман как образец культурной торговли... для иностранцев. Индустриализация и голод заставили открыть двери валютных торгсинов советскому потребите-

лю. После этого, за исключением роскошных магазинов в крупных городах, Торгсин как массовый феномен перестал быть предприятием культурной торговли. Не зеркальный магазин, а темный грязный лабаз, отпускавший мешками ржаную муку голодным, представлял типичный магазин Торгсина в период голода. У государства не было ни ресурсов, чтобы превратить полторы тысячи торгсинов в образцовые универмаги культурной торговли, ни экономической мотивации – голодные не привередничали, брали что дают. Выполнение индустриальной программы с помощью голода позволило сталинскому руководству на время отложить реализацию провозглашенной им новой политики социалистического потребления, выраженной в лозунге «культурной торговли».

Большинство исследователей считают, что *на практике* радикальный поворот государства к потребительской культуре, вещизму в СССР произошел в середине 1930-х гг. Именно в это время руководство страны стало активно поощрять стремление к красивой жизни – изысканной одежде, деликатесам, веселому досугу, роскоши. Всего лишь несколько лет назад комсомолка в лаковых туфлях с накрашенными губами вызвала бы гнев и была бы осуждена за моральное разложение, но времена изменились. Торгсин вместе со всей страной переживал этот поворот. С неуклонным падением интереса населения к валютной торговле, в связи с нормализацией товарной обстановки в стране, руководство Торгсина боролось за развитие новых видов услуг, улучшение качества и ассортимента товаров, а также торгового обслуживания населения, за внедрение новых техник торговли. Торгсин стоял в авангарде революционного поворота государства «лицом к потребителю». Однако его участие в развитии общества потребления и социалистической потребительской культуры было коротким. Торгсин закрыли в начале 1936 г.

Споря с историографической традицией, которая рассматривала поворот советского государства к вещизму как отступление от идеалов революции[1447], исследования американских историков Джули Хесслер и Эми Рэнделл показали, что развитие потребительского общества в СССР стало частью построения социализма[1448]. Руководство страны напрямую связало дело социализма с развитием материального достатка своих граждан. Более того, отождествление вещизма и потребленчества с социализмом не помешало советскому руководству заимствовать опыт у Запада. Сталин сам санкционировал ориентацию на западные образцы в развитии сферы торговли и потребительской культуры. Правительственные делегации поехали в Германию, Японию, США, где брали на заметку новшества торговли. Советские образцовые универмаги создавались по типу американских магазинов-гигантов «Macy's». Как показало это исследование, заимствование опыта Запада происходило и в работе крупных городских торгсинов[1449].

Тот факт, что советское руководство одобрило ценности рыночного потребительского общества и обратилось к опыту Запада, вновь заставляет согласиться с тем, что в «советском эксперименте» не было девственной чистоты, а противопоставление социализма и капитализма в *практике* XX в. имеет пределы. Советскому руководству приходилось считаться с глобальными мировыми процессами развития государства и общества в индустриальную эпоху: официальное одобрение в СССР потребительской, по сути, рыночной идеологии, являлось проявлением требований современности. Исследователи сходятся в том, что поворот советского государства к вещизму был не добровольным, а вынужденным и в целом противоречил тому, как руководство страны представляло себе социализм: его идеалом было общество производителей и массового производства машин, а не общество потребителей и массового производства ширпотреба, но приходилось играть по правилам XX века. Однако, как и в ранее рассмотренном случае с рынком, развитие потребительского общества в СССР проходило в «прокрустовом ложе» экономики хронического дефицита и социально-политической системы сталинской власти.

Читая о том, как в СССР рынок бился в тисках плана, а потребительское общество бедной родственницей ютилось в экономике хронического дефицита и рецидивов голода, можно прийти к выводу, что советский социализм являл лишь *уродливое* воплощение процессов развития современного государства и общества. Но такое заключение, хотя и имеет основания, было бы однобоко. Именно благодаря тому, что в СССР заправляло государство, а не частник, здесь впервые в мире небывалый до того времени расцвет получили, например, социальные программы (бесплатное образование и медицинское обслуживание, охрана материнства и детства, пенсионное обеспечение и многое др.)[1450]. Изучение соотношения *деформации* и *образцовости* в советском типе современности, на мой взгляд, является задачей новых исследований.

Развитие потребительского общества в СССР, в отличие от Запада, не было детищем товарного изобилия, а происходило в условиях острого недостатка самого необходимого. Пропаганда ценностей потребительского общества стала в СССР государственной реформой, *обещанием изобилия*. Как показывает исследование финского социолога Юкки Гронова, в рамках этой реформы государство заново создавало массовое промышленное производство потребительских товаров. Высшее политическое руководство утверждало рецепты колбас, мороженого, духов. Идея создания советского шампанского, например, принадлежит Сталину[1451]. Торгсин также свидетельствует, что развитие сферы потребления в СССР проходило в условиях острого товарного дефицита при самом непосредственном и определяющем участии государства.

Отличие от Запада было и в том, что советское руководство придавало торговле и потреблению *социально-политическое* значение. Открытие магазинов становилось политическим событием, а товары – символами, средством пропаганды, в которой идея грядущего изобилия и доступной роскоши была порой более важна, чем потребительские свойства самих товаров. Социально-политической значимостью сферы потребления объясняется один из парадоксов советской жизни: предметы роскоши – икра, шампанское, шоколад, коньяк – были на праздничных столах советских людей, государство ограничивало их экспорт, сберегая для внутреннего потребления, между тем жизненно необходимые товары – хлеб, масло, мясо, мыло, ситец – становились роскошью, за ними выстраивались огромные очереди. Исследователи отмечают, что в отличие от Запада, социально-политические цели, которые преследовало советское государство, направляя потребителю новые товары, имитируя изобилие и демократизацию роскоши, были порой важнее получения прибыли. В этом смысле продавец в советском обществе призван был выполнять роль политагитатора.

Деньги, хотя и были важны, особенно в сфере действия «черного» рынка, не были единственным определяющим фактором в развитии советского потребительского общества. В условиях, когда полки магазинов оставались полупустыми, гипертрофированное развитие получили неденежные методы реализации потребительских запросов: доступ к государственной «кормушке», элитным распределителям, личные знакомства и обмен услугами (блат), близость к торговле. Работник торговли в советском обществе всегда был фигурой социально значимой.

Стремление государства к контролю над производством товаров и сферой потребления, формированием вкусов и моды, равно, как и хронический недостаток товаров в экономике дефицита, ограничивали возможности и свободу человека в формировании своей индивидуальности через потребление. В этом еще одно отличие равития советского потребительского общества от западного, всегда имевшего существенно больше индивидуальной свободы и выбора. В условиях хронического дефицита и политической миссии торговли советская реклама не потакала прихотям потребителя, а стимулировала рациональный спрос. Она должна была направлять просыпавшиеся потребительские запросы и вкусы в русло официально одобренных «растущих потребностей» населения.

Как ни велико было значение государственного планового снабжения (советской торговли) и государственного контроля над сферой производства товаров и потребления, рынок, как ограниченный легальный, так и необъятный «черный», играл очень важную экономическую, социальную и культурную роль в развитии потребительского общества в СССР. В исключительном значении «черного»

рынка в развитии советского общества потребления заключается еще одно из основных отличий от Запада, где покупателям не нужно было обращаться к фарцовщикам и уличным спекулянтам. Наличие рынка в советской экономике объясняет парадокс полупустых магазинов и полных домашних холодильников в СССР. Рынок формировал альтернативный вкус и моду, давал больше свободы индивидуального выбора. На рынке выигрывали те, у кого были деньги, а не государственные привилегии (хотя наличие привилегий и денег могло быть связано). В конечном итоге развитие потребительского общества в СССР было результатом взаимодействия государственного планового хозяйства и рынка.

Исследование Торгсина подтверждает многие из приведенных выше выводов об особенностях развития советского потребительского общества, которые сделали российские и западные ученые, но оно позволяет увидеть и новое. Не отрицая важности социально-политической и культурной миссии советской торговли, Торгсин свидетельствует, что идея получения прибыли, главного двигателя в развитии сферы потребления на Западе, не была чужда и политике советского государства. *Торгсин являл квинтэссенцию подхода, при котором пропаганда потребительских ценностей служила реализации экономической стратегии государства.* Другой важный вывод из истории Торгсина, новый для нашей историографии, касается роли физического риска в потребительской культуре и практике в СССР. Аресты покупателей в торгсинах органами ОГПУ/НКВД, которые охотились за ценными сбережениями граждан, превращали рутинный поход в магазин в опасное предприятие. История Торгсина позволяет сказать, что риск и приключение сопровождали советского потребителя в повседневной жизни.

Радикальный поворот государственной политики к вещизму и одобрению потребительских ценностей, произошедший в середине 1930-х гг., устраивал население страны, которое устало от нужды и голодной жизни, но что заставило советское руководство пойти на такой шаг? Большинство современных исследователей связывает этот поворот с необходимостью стабилизации сталинского режима в условиях кризиса, вызванного форсированной индустриализацией, а также переориентацией режима на новую социальную опору – нарождавшийся советский средний класс (инженеры, стахановцы и другие высокооплачиваемые группы рабочих, интеллигенция, государственная бюрократия)[1452]. В обмен на лояльность режим согласился узаконить ценности среднего класса, в том числе и потребительские.

История Торгсина, однако, показывает недостаточность *идейных* и *социально-политических* причин для объяснения поворота советской власти «лицом к потребителю». Торгсин вновь заставляет обратить внимание на роль *социально-экономических* факторов. При-

обретательство, вещизм – краеугольные камни современной рыночной экономики были жизненно необходимы и для экономики советской. В условиях чрезвычайно слабых материальных стимулов к труду, которые предлагало плановое хозяйство, желание людей заработать больше, *чтобы купить товары*, должно было стать стимулом к тому, чтобы *работать лучше*. В связи с отменой карточной системы в СССР в середине 1930-х гг. Сталин сказал, что следовало возродить «моду на деньги» или, иными словами, моду на приобретательство[1453]: не скудный паек, а магазины, полные товаров, служба быта, предлагавшая разнообразные услуги, веселый досуг должны были вернуть интерес к работе, послужить стимулом к *развитию производства*. Поворот к вещизму, на мой взгляд, показывает озабоченность советского руководства темпами *экономического* роста страны и его стремление превратить СССР в современную державу: государство поставило потребительские соблазны на службу индустриального развития страны. В этом смысле поворот советского государства «лицом к потребителю» являлся проявлением все того же индустриального прагматизма, который воплощали и иерархия карточного распределения, и принципы работы Торгсина.

Потребительское общество в СССР развивалось медленно и трудно. Удалось ли его построить? Большинство исследователей склоняются к отрицательному ответу. Покупка товаров вплоть до конца советского строя оставалась скорее обузой и тяготой, чем удовольствием, дефицит и низкое качество товаров сохранялись, и только небольшая привилегированная часть населения имела свободу и возможности «формировать свою индивидуальность через потребление». Пропаганда ценностей потребительского общества резко диссонировала с реальностью – хроническим дефицитом самых необходимых товаров, изматывающими очередями, карточками и нормированием, которые существовали на всем протяжении советской власти. И хотя за кризисами всегда следовала нормализация, а материальные условия жизни и уровень потребления советских людей возрастали, но даже в наиболее обеспеченные 1970-е – первой половине 1980-х гг. советское общество не достигло уровня жизни среднего класса Запада. Начиная со Сталина, руководство страны стимулировало развитие потребностей и запросов потребителя, но оказалось не в состоянии их удовлетворить. В своих потребительских бедах люди винили советскую экономику и политическую систему, а в своем стремлении жить в *полноценном* потребительском обществе были готовы отказаться от советского социализма. Разочарованные покупатели стали его могильщиками.

Россия – США, 1998–2008

ПРИМЕЧАНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

[1] Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998.

[2] Есть и противники «теории эксплуатации сельского хозяйства в интересах промышленного рывка», но они – в меньшинстве. Джеймс Миллар и Майкл Эллман в 1970-е гг. опубликовали серию статей, в которых утверждали, что во время первой пятилетки советское сельское хозяйство было скорее получателем государственных средств, чем поставщиком ресурсов для советской экономики. Эти выводы были основаны на расчетах советского экономиста А. А. Барсова. См.: Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969; Millar J. Mass Collectivization and the Contribution of Soviet Agriculture to the First Five-Year Plan // Slavic Review, 33 (1974); Ellman M. Did the Agricultural Surplus Provide the Resources for the Increase in Investment in the USSR during the First Five-Year Plan? // Economic Journal (December 1975).

[3] По данным таможенной статистики, физический объем советского экспорта вырос с 8,9 млн т в 1928/29 г. до 21,8 млн т в 1931 г. Львиную долю советского экспорта составляло продовольствие и сырье. Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. Статистический обзор. М., 1960. С. 13.

[4] Получение всесоюзного статуса означало, что Торгсин должен был развернуть работу на территории всей страны – Советского Союза.

[5] «Гражданскими» предприятиями золотодобывающей промышленности называли те, в которых, в отличие от ГУЛАГа, не применялся труд заключенных.

[6] Хотя факт использования ценностей в качестве средства платежа был завуалирован процессом обмена ценностей на «деньги» Торгсина.

[7] Без помощи Криспина Брукса мне пришлось бы проделать огромную работу, так как создатели электронного архива не предусмотрели поисковое слово «торгсин»: пришлось бы просматривать сотни интервью, чтобы найти упоминания о Торгсине. К счастью, Криспин еще до знакомства со мной проделал бóльшую часть этой работы и я смогла воспользоваться его результатами. Более подробно об архиве видеозаписей Института Фонда Шоа будет рассказано в главе «Да, был какой-то там Торгсин».

ЧАСТЬ 1. СТРАСТИ ПО ТОРГСИНУ

Конторка Мосторга

[1] Наркомат торговли был создан в 1924 г. на базе Комиссии по внутренней торговле (Комвнуторг) при СТО СССР. С 1925 по 1931 г. был объединен с Наркоматом внешней торговли в единый Наркомат внешней и внутренней торговли СССР. В 1931 г., в связи с введением всесоюзной карточной системы, руководство внутренней и внешней торговли разделили: внутренней торговлей стал заниматься Наркомат снабжения, а внешней – Наркомат внешней торговли СССР. В 1934 г., в связи с подготовкой отмены карточной системы, на базе Наркомата снабжения создали Наркомат пищевой промышленности и Наркомат внутренней торговли. В 1938 г. Наркомат внешней торговли, который с 1931 г. существовал отдельно, был объединен с Наркоматом внутренней торговли в единый Наркомат торговли.

[2] Мосгорторг – Московское объединение предприятий торговли.

[3] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 150.

[4] Это удалось лишь отчасти. Параллельно с Торгсином иностранцами занимались «Интурист», «Инснаб», «Отель», Сектор валюты и международных расчетов Наркомфина, ну и, конечно, ОГПУ. Хотя у каждой из этих организаций была своя специализация в работе с иностранцами, как то экскурсионное, гостиничное обслуживание, определение порядка валютных расчетов или политический надзор, в деятельности каждой из них были и элементы валютной торговли. Руководство Торгсина считало себя монополистом в деле внутренней валютной торговли и болезненно реагировало на валютную конкуренцию других ведомств.

[5] Во втором квартале 1931 г. в Торгсине было 17 контор: Московская, Ленинградская, Архангельская, Владивостокская, Новороссийская, Евпаторийская, Одесская, Херсонская, Николаевская, Мариупольская, Батумская, Бакинская, Потийская, Тифлисская, Таганрогская, Ейская и Феодосийская. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

[6] Акционерное общество «Совторгфлот» было создано в системе Наркомата путей сообщения СССР в июле 1924 г. постановлением Совета Труда и Обороны СССР. Создание Совторгфлота являлось частью процесса государственной централизации, проходившей в тот период, и положило начало новой советской отрасли – морскому транспорту. В ведение Совторгфлота перешли суда разных ведомств, порты, судоремонтные предприятия и учебные заведения, связанные с подготовкой кадров для морского и речного флота.

[7] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 4. Л. 83; Д. 8. Л. 5.

[8] Замечательное описание Петровки и ее торговой жизни в годы нэпа приводит Г.В. Андреевский в книге «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е». М., 2003. С. 22–25.

[9] Условия продажи, ассортимент, круг покупателей, цены и порядок расчетов в Торгсине обсуждались 21 августа 1930 г. на совещании в Наркомфине. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4.

[10] Первоначальная (август 1930 г.) формула расчета цен в Торгсине включала оптовую цену, акциз (налог) и накладные расходы. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 4. Налог на ювелирные изделия превышал 40%. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 165.

[11] ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.

[12] ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 1. Л. 89. О размерах магазина можно судить по данным инвентаризации. На 1 ноября 1931 г. в магазине было 15 тыс. антикварных и художественных вещей. ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.

[13] См. протокол совещания в Наркомфине от 21 августа 1930 г. по вопросу о порядке продажи иностранцам предметов старины и искусства. Круг покупателей Торгсина Наркомфин согласовывал с НКИД и ОГПУ. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4.

[14] «Инснаб» – специальная контора Государственного объединения розничной торговли (ГОРТ) по снабжению иностранных специалистов и рабочих продовольствием и промышленными товарами – была создана в 1931 г. в связи с введением в стране карточной системы. У «Инснаба» были свои магазины, парикмахерские, фотоателье и ателье мод и другие предприятия, которые должны были обслуживать семьи иностранных специалистов, приехавших работать в СССР по контракту. В 1932 г. «Инснаб» был передан Торгсину. Магазины «Инснаба» относились к числу привилегированных: их ассортимент и цены выгодно отличались от закрытых распределителей для советских рабочих и специалистов. За годы карточной системы в «Инснаб» проникло много самозванцев. Проверка, проведенная в 1935 г., показала, что услугами «Инснаба» пользовались иностранцы, приехавшие в СССР частным путем, политэмигранты, а также и блатные советские граждане. В «Инснабе» процветала семейственность, а пайки его администрации оказались лучше пайков иностранных специалистов. «Инснаб» прекратил свою работу 1 июля 1935 г. в связи с отменой карточной системы в СССР. См.: Постановление СНК от 8 июня 1935 г. «О ликвидации Всесоюзной конторы по снабжению иностранных специалистов и рабочих "Инснаб"». ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 346. Подробно о снабжении иностранных специалистов и иерархии государствен-

ного снабжения первой половины 1930-х гг. см.: Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия».

15 Удивительно, как взгляды руководителей учреждения могут изменить его роль в истории. Под водительством Г. Я. Сокольникова в период реформы червонца первой половины 1920-х гг. Наркомфин был ярым защитником легального валютного рынка в противовес запретительной позиции руководителей Госплана и ВСНХ. Подробно об этом см.: Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1998.

16 Услуги Торгсина по снабжению советских судов загранплавания оплачивались по безналичному расчету Совторгфлотом. Советские моряки, ходившие в загранрейсы, а также их семьи получали товары из Торгсина и индивидуально по специальным документам, которые Совторгфлот выдавал им в счет их валютной зарплаты. Таким образом, и в этом случае валюта как средство платежа была обезличена.

17 В навигацию 1931 г. ожидалось прибытие морским путем в Ленинград 15 тыс. туристов. ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 4. Л. 7об.

18 В официальных документах того времени рубли, несмотря на их неконвертируемость, именуются валютой, советской. Видимо, чтобы не было путаницы, о какой валюте идет речь, финансовые органы называли иностранную валюту «эффективной» или сокращенно «эффективы», тем самым признавая ее фундаментальное отличие от рубля, который, стало быть, признавался валютой неэффективной.

19 Появившиеся в 1931 г. валютные чеки Госбанка выпускались в червонцах достоинством 5, 10 и 25 руб. Купить их могли только иностранцы в Госбанке или по поручению Госбанка в обмен на валюту, а при необходимости обменять на совзнаки или иностранную валюту. В качестве платежного средства чеки принимались наравне с иностранной валютой. Чеки были именные, но могли передаваться другим лицам с передаточной подписью их владельца. Срок действительности чека для размена его на валюту был один год со дня его продажи Госбанком. См.: Положение о травелерс-чеках Госбанка, утвержденное 24 сентября 1931 года. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 59, а также Д. 4. Л. 83.

20 Положение о травелерс-чеках Госбанка. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 59 и об.

21 Письмо Госбанка СССР от 24 декабря 1930 года разъясняло, что иностранные специалисты, длительно проживавшие в СССР, могли покупать товары в Торгсине. Их рубли попадали в категорию «валютного происхождения», если иностранцы уменьшали валютную часть своей зарплаты на сумму покупки. Наркомфин

еще раз подтвердил этот порядок в феврале 1931 г. в письме в Правление Торгсина «О порядке продажи предметов экспортного значения». РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 4. Л. 83; Д. 8. Л. 32 и об.

22 О нарушениях свидетельствуют письма-окрики Наркомфина. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 32 и об.

23 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 32.

24 Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 116.

25 Там же. Исключение составляли продукты, табак и другие необходимые предметы повседневной жизни. На них счета с погасительными штампами не составлялись, но стоимость этих товаров все равно вычиталась из вывозимой суммы валюты в виде прожиточного минимума. Другое исключение из «погасительного» правила представляли валютные (травелерс) чеки. По закону они могли быть вывезены из СССР в течение 18 месяцев без вычета прожиточного минимума. При уплате ими в магазинах Торгсина погасительный штамп на счета не ставился, но при покупке на чеки изделий из драгоценных металлов тем не менее требовалось разрешение Наркомфина СССР. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 4. Л. 83; Д. 8. Л. 32 об.

26 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 4. Л. 83. Прожиточный минимум для иностранцев, видимо, был отменен осенью 1932 г., что было частью более широкого процесса ослабления валютных ограничений.

27 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 88. Л. 50.

28 Там же. Д. 3. Л. 80.

29 Там же. Д. 3. Л. 97.

30 Там же. Д. 8. Л. 55–56, 63.

31 По валютным переводам, поступавшим в СССР через Красный Крест и Бюро по Инправу, Наркомфин СССР в сентябре 1931 г. постановил, что с перевода до 100 долл. разрешалось перечислять на Торгсин только до трети суммы. Норма перечислений на Торгсин падала по мере возрастания суммы годового перевода. С перевода от 300 до 500 долл. разрешалось перечислять на Торгсин только около четверти, а с перевода от 5000 долл. и выше только 7% суммы. РГАЭ. Ф. 4433. Оп.1. Д. 8. Л. 61.

32 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 90, 91.

33 Там ж. Л. 89.

34 Протокол межведомственного совещания при Секторе валюты и международных расчетов НКФ СССР. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 55–56.

35 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 63.

36 Только 21 октября 1932 г. приказом Наркомата снабжения СССР торговое обслуживание дипкорпуса перешло от рублевого

«Инснаба» валютному Торгсину. Появились специальные элитные магазины Торгсина, обслуживавшие дипломатических работников. Так в Торгсине формировалась иерархия простых и элитных валютных магазинов. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 26. Л. 165.

[37] Приказ № 2 Наркомвнешторга от 4 января 1931 г. ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; Д. 7. Л. 7.

Золотая идея

[38] Национализация недр, фактически провозглашенная с приходом к власти большевиков, была законодательно закреплена декретом о недрах от 30 апреля 1920 г. По этому декрету государству принадлежало монопольное право вести разработку полезных ископаемых, включая и золото. 22 февраля 1918 г. постановлением Президиума ВСНХ был создан Главный Золотой Комитет (Главзолото). 15 января 1918 г. была установлена государственная монополия скупки золота и других ценных металлов. Все золотопромышленники и золотопромышленные предприятия были обязаны сдавать государству добытое по фиксированной цене 32 руб. за золотник (4,26575 гр) 96-й пробы. По декрету СНК от 23 июня 1921 г. «О распределении добытого золота и платины» золото в сыром виде и слитках не могло быть предметом скупки, обработки, распределения или обмена организаций и частных лиц, а подлежало сдаче Наркомфину. См.: Черносвитов Ю. Л., Затулкин Н.И. Золотопромышленное законодательство СССР, его особенности, история и ближайшие проблемы//Золотопромышленность СССР. (1-й Всесоюзный золотопромышленный съезд). М.–Л., 1927. С. 102–122.

[39] Постановление ВСНХ от 12 января 1918 г. установило государственную монополию торговли благородными металлами. Для контроля над обывателем действовал закон о спекуляции 1918 года, по которому под страхом лишения свободы как минимум на 10 лет и конфискации всего имущества запрещались продажа, покупка и даже хранение золота, как сырого, так и в слитках и монетах. Постановление ВСНХ от 17 февраля 1918 г. запрещало также торговлю золотыми изделиями из золота 56-й пробы и выше. 17 октября 1921 г. вышел декрет «О реквизициях и конфискациях», который запрещал хранение всех видов золота (сырого, в слитках, монетах и изделиях). См.: Черносвитов Ю. Л., Затулкин Н. И. Золотопромышленное законодательство СССР... С. 102–122.

[40] Декрет СНК «О реквизициях и конфискациях» от 13 апреля 1920 г. и постановление СНК «О порядке реквизиции и конфискации

благородных металлов, денег и ценностей, медицинского и фармацевтического имущества, об осуществлении права реквизиции и конфискации Народным комиссариатом просвещения, таможенными учреждениями, Военным и Морским ведомствами» от 13 июля 1920 г. Декреты Советской власти. Т. 8. М., 1976. С. 41–48; Т. 9. М., 1978. С. 213–222.

[41] 1 золотник = 4, 26575 г; 1 русский фунт = 0,40951241 кг.

[42] Согласно постановлению, конфискации подлежали все деньги «независимо от их образцов».

[43] Новая экономическая политика, хотя и сохранила государственный контроль за золотом, ослабила валютную монополию. Первые признаки валютной либерализации видны в «Положении о золотой и платиновой промышленности», принятом 31 октября 1921 г. Оно допускало более широкое развитие частной инициативы в золотом промысле, оставляя, однако, незыблемым принцип государственной монополии на владение продукцией: под страхом судебной ответственности частный сбыт сырого золота, его обращение внутри страны и вывоз за границу были запрещены. Последующие декреты (особенно декреты СТО от 6 марта 1923 г. и СНК от 23 сентября 1924 г., а также декрет ЦИК и СНК от 10 апреля 1925 г.) пошли дальше, сделав легальным хранение и обращение сырого золота. Обработанное золото, которое называлось благородным металлом, разрешалось к обращению только при наличии клейма. Декрет ЦИК и СНК от 17 июля 1925 г. разрешил торговлю фондовыми и валютными ценностями. Операции с золотом и другими валютными ценностями более строго регламентировались в пограничной полосе для предотвращения нелегального вывоза золота из страны. Постановление ЦИК и СНК от 6 июня 1924 г. запрещало хранение и торговлю золотом и другими валютными ценностями в 50-верстной пограничной зоне. Сапоговская Л.В. Золото в политике России (1917–1921)// Вопросы истории. 2004. № 6. С. 13–47; Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1998.

[44] В числе наиболее важных – резолюция от 20 октября 1922 г. об операциях с ценными бумагами, закон 15 февраля 1923 г. о валютных операциях и декрет 19 апреля 1923 г. об экспорте валюты и валютных переводах из-за границы. Подробный анализ работы валютного рынка в годы нэпа дан в работах Юрия Голанда: Валютное регулирование в период НЭПа; Currency Regulation in the NEP Period. Europe–Asia Studies, vol. 46, no. 8, 1994.

[45] Декрет также разрешил вывоз за границу золота в изделиях и слитках на сумму до 50 руб.

[46] Исследование Юрия Голанда свидетельствует, что на практике этот запрет не соблюдался. Организации использовали иностранную валюту при внутренних расчетах друг с другом. (Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 92.) Трудно допустить, что и люди в частных сделках соблюдали этот запрет. Тем не менее, по букве закона, в отличие от Торгсина, платежи в золоте и валюте внутри страны в период валютного рынка нэпа относились к запрещенным операциям.

[47] До революции червонцем (в переводе с древнеславянского червонный значит красный или золотой) называлась золотая монета, равная 10 руб. В советское время червонец являлся денежной единицей, которая существовала с конца 1922-го до 1937 г. и сыграла ключевую роль в денежной реформе, проведенной Наркомфином СССР в 1922–1924 гг. В момент введения червонцы частично обеспечивались драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой по курсу на золото, но главным образом легко реализуемыми товарами и ценными бумагами. Довольно быстро в стране пошло «бегство от совзнаков»: червонец, внедрение которого активно поддерживалось государством, стал вытеснять обесцененные совзнаки из обращения. В феврале 1924 г., когда устойчивость червонца не вызывала сомнений, правительство издало декреты о прекращении выпуска совзнаков (их хождение было прекращено к июню 1924 г.), а также о введении в обращение государственных казначейских билетов, то есть новых советских денег. Десятка новых советских денег приравнивалась к сильному устойчивому червонцу и вошла в обращение «на плечах червонной валюты». Одновременно Наркомфин, который проводил денежную реформу, резко ограничил эмиссию денег и кредитование предприятий государственного сектора, а также принял меры по снижению взвинченных цен на продукцию государственной промышленности. Эти меры стали жестким испытанием для государственного сектора экономики и для населения. Но благодаря им Наркомфин добился бездефицитного госбюджета, привел в относительное соответствие объемы денежного обращения с товарным оборотом, добился выравнивания цен промышленных и сельскохозяйственных товаров и расширения на этой основе общего товарного оборота. Достигнутое равновесие было, однако, хрупким. Уже с 1925 г. начали нарастать негативные тенденции, направляемые Госпланом (Наркомфин был обезглавлен и скомпрометирован арестами ведущих экономистов). Начался возврат к безудержному кредитованию и росту эмиссии денег, опережавшей рост товарной массы. Начало форсированной индустриализации далее подтолкнуло эмиссионный

курс Госплана. Негативные тенденции в сочетании с чрезвычайными мерами во время кризиса хлебозаготовок привели в 1928 г. страну к катастрофе – обвалу рубля. Хотя в качестве денежной единицы червонец просуществовал до 1937 г., регулирование, а затем планирование цен привели к крушению червонного обращения в ходе инфляции в конце 1920 – первой половине 1930-х гг. Подробно об этом см.: Русский рубль. Два века истории. М., 1994; Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа.

[48] В конце 1922 г. нарком финансов Г. Сокольников, видя в царской золотой монете конкурента червонцу, предложил снова, как в период «военного коммунизма», запретить хранение золотых монет. Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 91.

[49] В стране работали официальные государственные валютные биржи, а также «черная биржа» – стойки и палатки на рынках, где маклеры покупали и продавали золотые монеты и валюту. Кроме того, при товарных биржах в Москве, Ленинграде и Харькове работали вечерние фондовые биржи, в быту их называли «американками». На них не распространялись ограничения, действовавшие на официальных биржах, в результате люди могли обменять здесь более крупные суммы в золоте и валюте. Хотя «американки» работали легально, в периоды репрессий против биржевиков власти включали их в «черную биржу». Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 99.

[50] Скупкой золота и драгоценных камней по поручению Наркомфина занимались Московский, Харьковский, Грузинский и Туркменский торгсины. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.

[51] В отличие от валютных прав частных лиц, регулирование валютных операций организаций, учреждений и предприятий в период нэпа было более жестким, хотя в первой половине 1920-х гг. они и имели гораздо больше валютной свободы, чем в 1930-е. Под контролем торгпредств – монополия внешней торговли сохранялась – они сами вели свои экспортные и импортные операции, причем немалая часть разрешений на внешнеторговые операции (почти четверть в 1925 г.) выдавалась не централизованно, а на местах. Для внешнеторговых операций организации и предприятия имели свои собственные валютные средства. Валюта поступала от их экспорта. Ее можно было также купить на валютных биржах и «американках». Хотя здесь действовало ограничение: только кредитные учреждения, союзы кооперативов и органы Наркомфина и Наркомата внешней торговли могли покупать и продавать валюту на внутреннем рынке без специального разрешения. Государственные и кооперативные организации на каж-

дую покупку валюты внутри страны должны были иметь лицензию Особого валютного совещания Наркомфина. Выдача лицензий была одной из мер регулирования валютных аппетитов юридических лиц. На практике предприятия находили способы обойти это ограничение. Не имея лицензий на покупку валюты, они добывали ее через валютных маклеров. Предприятия должны были держать валюту внутри страны на счетах Госбанка или других банков, у которых было разрешение на валютные операции, а с 1923 г. им разрешалось иметь валюту и за границей на счетах торгпредств или зарубежных корреспондентов Госбанка. По своему желанию предприятия могли свободно продать на внутреннем рынке имевшуюся у них валюту, хотя сначала обязаны были предложить ее для покупки Госбанку. Платить в иностранной валюте разрешалось только при расчетах с организациями, находившимися за границей. На практике, однако, это требование нарушалось: при внутренних взаимных расчетах предприятия и организации расплачивались и иностранной валютой.

[52] Главное отличие методов валютной интервенции Госбанка от методов Наркомфина заключалось в том, что он продавал золотые монеты по твердой цене в соответствии с номиналом, а иностранную валюту по официальному обменному курсу, в то время как агенты Наркомфина покупали и продавали их по рыночной цене. Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 133.

[53] В Госбанке интервенции проводил валютно-фондовый отдел. За них отвечал Г. Аркус.

[54] Лев Волин родился в 1887 г. Закончил юридический факультет Петроградского университета. До революции работал в золотодобывающей промышленности. После революции был сотрудником ВСНХ и Госплана. Весной 1921 г. он послал свои предложения об оздоровлении денежной системы в Совнарком Ленину, оттуда они попали в Наркомфин. В 1922 г. Волин перешел работать в Валютное управление Наркомфина. Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 132.

[55] Данные Госбанка показывают, что в 1925–1926 гг. золотые монеты составили львиную долю (60–65%) ценностей, проданных государством населению в ходе валютных интервенций. Goland Yurii. Currency Regulation in the Nep Period. P. 1274.

[56] Несмотря на осведомленность о действиях Особой части Наркомфина, ОГПУ спорадически проводило огульные аресты «валютных спекулянтов», разрушая положительные тенденции, созданные в результате валютных интервенций и сея панику на вольном рынке. Среди арестованных оказывались и агенты Особой части Наркомфина.

[57] О динамике скупки и продажи золотых монет и иностранной валюты в период финансовой реформы подробно читай: Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа.

[58] С июля 1925 г. в разрешенную к вывозу за границу сумму в 300 зол. руб. стали включать не только валюту, но и червонцы. Были также ограничены валютные траты организаций. Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 104.

[59] Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 107, 125, 130.

[60] Справка «О движении золота в российской монете старого чекана за время с ноября 1921 г. по 1 марта 1928 года». Документ из архивного фонда Госбанка СССР до сих пор находится на спецхранении. Решение о выпуске советских червонцев в виде золотых монет, аналогичных по своему содержанию дореволюционной золотой 10-рублевой монете, было принято осенью 1922 г., но оно носило в основном символический характер, как подтверждение идеи возврата к золотому стандарту и возможности в будущем обменять бумажные червонцы на золотые. Для продажи населению Госбанк и Наркомфин чеканили в основном царские монеты. Летом 1923 г. Сокольников предлагал для валютных интервенций на рынке чеканить золотые советские червонцы, и это предложение было принято Политбюро. Но вскоре он передумал, решив, что население будет больше доверять старым деньгам, а также из опасения, что масштабный выпуск золотых червонцев негативно скажется на доверии к бумажным червонцам. Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа; Он же. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М., 2006.

[61] Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 107, 125, 130.

[62] Творцы денежной реформы пытались сделать червонец сильным не только внутри страны, но и на мировом рынке, превратить в конвертируемую валюту. Весной 1924 г. котировки червонца появились на биржах за рубежом. С 1925 г. СССР расплачивался червонцами за торговые операции с восточными соседями. Червонцы попадали за границу также контрабандным путем или легально с советскими гражданами, которые до июля 1925 г. могли вывезти за границу неограниченную сумму червонцев. Чтобы поддержать престиж, Госбанк скупал за рубежом значительные суммы предложенных к продаже червонцев. «Выкуп» червонцев, к которым за границей пока особого интереса не было, работал на улучшение финансовой репутации СССР, но требовал траты значительных валютных средств государства. Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 99–100.

[63] О быстром «таянии» золотого запаса Российской империи, который унаследовали большевики, читай в главе «Зачем Сталину был нужен Торгсин».

[64] Из-за плохого урожая 1924 г. к весне на внутреннем рынке повысились цены на зерно и сельскохозяйственную продукцию. Для того чтобы погасить инфляцию, был значительно увеличен импорт муки, сахара, товаров потребления и сырья для их изготовления. Покупая за границей, государство пыталось насытить избыточный спрос внутри страны и привести цены в равновесие. Однако резкое увеличение импорта привело к ощутимому снижению валютных резервов страны. Для покрытия дефицита внешней торговли Госбанк только в период мая–июня 1925 г. продал в Лондоне золота на 20 млн. руб. Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 103.

[65] Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 107.

[66] Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 131 со ссылкой на ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 1483. С. 2.

[67] Выдача лицензий на ведение импортных операций юридическими лицами была централизована, местные власти лишились права выдавать такие разрешения. Организации и предприятия теперь были обязаны сдавать все валютные поступления в Госбанк, их права распоряжаться валютой со своих счетов ограничивались. Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 127–128.

[68] Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 120, 125–127; Мозохин О. ВЧК–ОГПУ. На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. М., 2004. С. 206.

[69] По состоянию на 10 апреля 1926 г., по данным ЭКУ ОГПУ, по всей стране было арестовано 1824 человека, изъято ценностей на 544 тыс. руб. Мозохин О. ВЧК–ОГПУ. С. 208.

[70] Осенью 1923 г.–зимой 1924 г. с санкции Политбюро ОГПУ провело репрессии против «валютных спекулянтов» и «черной» биржи. Однако в марте 1924 г., по настоянию Наркомфина, Политбюро потребовало от ОГПУ прекратить репрессии, так как они подрывали устойчивость червонца. Мозохин О. ВЧК–ОГПУ. С. 204–205.

[71] Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 128.

[72] 4 февраля 1926 г. Политбюро обязало СТО всемерно сократить расходы на валютную интервенцию. Мозохин О. ВЧК–ОГПУ. С. 207.

[73] Решение Политбюро было формально оформлено постановлением ЦИК и Совнаркома 9 июля 1926 г. Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 146–148.

[74] Жестокая расправа с Волиным в довольно спокойном 1926 г. имела политические корни. Через него «копали» под Сокольникова, который в декабре 1925 г. на XIV партийном съезде открыто выступил против Сталина. Цепочка обвинений от Волина должна была привести к уничтожению Сокольникова, недаром в официальных выступлениях «черную» биржу поминали как «дитя Сокольникова». Но, как считает Юрий Голанд, нужного компромата тогда получить не удалось. В начале 1926 г. Сокольникова сняли с поста наркома финансов СССР, но на этом пока дело и кончилось.

[75] Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 148.

[76] ЭКУ ОГПУ боролось против несанкционированных действий УГРО и милиции, которые без согласования с ОГПУ проводили аресты «валютчиков», срывая агентурные разработки. Мозохин О. ВЧК–ОГПУ. С. 213.

[77] Подробно об этом будет рассказано в главе «Серебро».

[78] Мозохин О. ВЧК–ОГПУ. С. 222–223.

[79] Подобные приказы содержатся, например, в решениях Политбюро от 25 января 1931 г. и 19 декабря 1932 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 105, 134.

[80] Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Глава 15. «Сон Никанора Ивановича». Булгаков начал писать свой роман в 1928 г. и работал над ним до 1940 г. Историк Б. В. Соколов считает, что в образе Саввы Потаповича Куролесова, который, декламируя «Скупого рыцаря» Пушкина, убеждал находившихся под арестом «валютчиков» сдать ценности государству, Булгаков пародирует... самого Ленина, его смерть от паралича и фальшивое «воскрешение» его набальзамированного тела. Соколов пишет, что в более ранней редакции романа этот персонаж носил другое имя – Илья Владимирович (сравни: Владимир Ильич) Акулинов (сравнимо с другим фольклорным персонажем Ульяной – мостик к Ульянову). Предположение Соколова является исторически оправданным: кто как не Ленин был вдохновителем и руководителем поиска золотых сокровищ на нужды пролетарского государства. Соколов Б. В. Любовь вождя. Крупская и Арманд. М., 2004. С. 233–234.

[81] Г. В. Костырченко пишет об этом в книге «Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм» (М., 2003.). Он приводит свидетельство бывшего сотрудника Экономического отдела московского представительства ОГПУ М. П. Шрейдера, который лично принимал участие в подобных мероприятиях. С. 109.

[82] О «долларовой парилке» пишет В. Кривицкий, сам сотрудник ОГПУ в 1930-е гг. Кривицкий Вальтер. Я был агентом Сталина. М., 1998. С. 85.

[83] Примеры постановлений о расстреле «валютчиков» см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 39–40; Мозохин О. ВЧК–ОГПУ. С. 215–216 со ссылкой на ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 633. Л. 1–10.

[84] Как было сказано ранее, единственными ограничениями валютных прав частных лиц были: сокращение размеров переводов валюты за границу, повышение таможенных пошлин на импортируемые товары и ограничение поездок за рубеж. Более строго регламентировались валютные права учреждений и организаций. В 1926 г. была значительно усилена централизация в распоряжении валютной выручкой от экспорта и в осуществлении внешнеторговых операций. Подробно об этом см.: Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 126–127.

[85] Особое внимание органов государственной безопасности привлекали дачи и пригороды – традиционные места хранения тайников и кладов. Об историях государственного кладоискательства см.: Мозохин О. ВЧК– ОГПУ. С. 217– 219, 221.

[86] Заместитель председателя Правления Торгсина М.Н. Азовский, выступая в Смоленске перед директорами магазинов Торгсина, сказал: *«Теперь, товарищи, взять бытовое золото. Если даже взять по одному грамму, по одной десятой грамма на человека, то при 160-миллионном населении, что это значит? То же самое и с серебром»*. ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

[87] Вопрос о золоте в начале 1930-х гг. постоянно был в повестке заседаний Политбюро. Работали комиссии Политбюро по золоту. Вот лишь один из примеров. 1 ноября 1931 г. на заседании Политбюро доклад «О золоте» делал сам Сталин. По этому докладу Политбюро уполномочило комиссию по увеличению золотых ресурсов страны принять от имени Политбюро все меры, какие она найдет нужными, для быстрейшего увеличения золотых ресурсов СССР. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 33.

[88] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 5. Л. 101.

[89] Аналогичные сообщения поступили, например, из Киева, Ленинграда, Тифлиса и Крыма. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 89.

[90] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 48; Д. 4. Л. 110.

[91] До появления Торгсина в СССР уже была организация, которая скупала бытовое золото у населения в обмен на товары. С 1929 г. в районах приисков работали скупочные пункты и «золотые магазины» акционерного общества «Союззолото». «Союззолото» объединяло предприятия золотодобывающей промышленности и входило в структуру Главцветмета, промышленного объединения, отвечавшего за добычу цветных металлов, которое в свою очередь находилось в ведении Наркомата тяжелой промышленности. В 1933 г. «Союззолото» было преобразовано в Главзолото в составе Наркомтяжпрома. Золотоскупка «Союззолота» была создана постановлениями СТО от 11 января и 21 июня 1929 г. Осенью 1929 г. она работала в девяти городах Сибири и Дальнего Востока. Отчет правления акционерного общества свидетельствует, что наряду со старательским золотом в городские скупочные пункты «Союззолота» в значительных количествах поступало и бытовое золото. Окрыленное блестящими результатами первых месяцев скупки, правление «Союззолота» предлагало правительству повсеместно применять этот опыт. Почему Политбюро вместо развития операций «Союззолота» решило отдать Торгсину монопольное право скупки бытового золота? Решение, видимо, было продиктовано ведомственной принадлежностью «Союззолота» и Торгсина. Торгсин находился в ведении Наркомата торговли, тогда как «Союззолото» – в составе Наркомата тяжелой промышленности. Главной функцией «Союззолота» была разработка месторождений, а не торговля, в его распоряжении не было ни развитого торгового аппарата, ни товарных фондов: для отоваривания своей золотоскупки «Союззолото» постоянно выбивало фонды у Наркомторга. С появлением Торгсина золотые магазины «Союззолота», а затем Главзолота, не исчезли, а локализовались. Они продавали товары на приисках в обмен на старательское золото, добытое сверх плана. Торговля в «золотых магазинах» «Союззолота» на приисках напоминала торгсиновскую, даже цены на товары там были установлены такие же, как и в Торгсине.

[92] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 26. Л. 162.

[93] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 44.

[94] Постановление № 1123 СНК СССР от 10 декабря 1931 г. «О предоставлении Всесоюзному Объединению «Торгсин» права производства операций по покупке драгоценных металлов (золота)». ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 12а. Д. 698. Л. 1.

[95] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 90.

[96] Паритет (равенство) между червонцем и золотом выражался золотым содержанием червонца, которое было определено в 7,74234 г чистого золота.

[97] Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Глава 28. «Последние похождения Коровьева и Бегемота».

[98] Подробно об этом см.: Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1927–1935. М., 1993; Она же. За фасадом «сталинского изобилия».

[99] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 12а. Д. 698. Л. 8.

[100] Видимо, Торгсин не соблюдал это правило. Так, в апреле 1933 г. Валютная комиссия Совнаркома вновь повторила запрет Торгсину открывать магазины в приисковых районах, в пределах золотодобывающих комбинатов и вне их территории на расстоянии 100 км. К решению прилагался список населенных пунктов, где Торгсину запрещалось работать. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 827. Л. 2, 5.

[101] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 26. Л. 162.

[102] Там же. Л. 161.

[103] Информацию о дальнейшей судьбе Е.В. Курлянда не удалось найти. В условиях трагических 1930-х гг. это может быть хорошим знаком, возможно, он благополучно дожил свой век.

[104] Не случайно основная масса партийцев в руководстве и на местах встретили предложение Ленина о переходе к новой экономической политике в штыки, а количество самоубийств среди революционеров-партийцев резко выросло в годы нэпа.

[105] Идея о фазовом социально-экономическом развитии советского общества, где кризисы сменялись вынужденными рыночными, полурыночными или квази-рыночными реформами, была детально исследована Бирмингемской научной школой, особенно Робертом Дэвисом. См., например: Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. L., 1996.

[106] По данным Юрия Голанда, валютные интервенции обоих ведомств, Госбанка и Наркомфина, за период декабря 1922–февраля 1924 гг. показывают, что продажа золотых монет населению превысила их покупку государством на 19 млн руб. (по номиналу), а с учетом иностранной валюты превышение продаж над покупкой составило примерно 37,7 млн золотых руб. В то же время (январь 1924 г.) свободные от обязательств золотовалютные ресурсы Госбанка, по данным члена его правления З. Каценеленбаума, составляли всего лишь 130–140 млн руб. Голанд Ю. Валютное регулирование в период НЭПа. С. 94.

[107] Goland Yurii. Currency Regulation in the Nep Period. P. 1274.

«Торгсиния – торговая страна»

[108] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 133. Л. 18, 141–143; Внешняя торговля. 1936. № 1. С. 5.

[109] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 21. Л. 22.

[110] Там же. Л. 20–22.

[111] Авторы плана сформулировали эту мысль политически корректно: «...должно отвергнуть версию о возрастающей кривой пятилетнего плана Торгсина как неверие в то, что вторая пятилетка улучшит положение трудящихся масс в два-три раза». (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 21. Л. 20). По сути это было то же, что сказать: «...должно принять затухающую кривую пятилетнего плана Торгсина, как уверенность в том, что голод заставит людей сдать ценности и исчерпает накопления населения в течение двух лет».

[112] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 5. Л. 193.

[113] Там же. Д. 12. Л. 239; Д. 26. Л. 34–39; Д. 66. Л. 29, 110; Д. 105. Л. 19; ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 16. Л. 32. Данных о том, сколько городов имели магазины Торгсина в период его наивысшего развития летом 1933 г., найти не удалось. Высказать предположение высокой степени точности тем не менее возможно. Только немногие наиболее крупные центры, как Москва, Ленинград, Киев, Харьков, имели по нескольку магазинов Торгсина в одном городе, а в остальных случаях действовало правило: один магазин на город. Исходя из этого, цифра 1500 торговых точек в августе 1933 г. лишь слегка превышает число населенных пунктов, охваченных торгсиновской торговлей.

[114] Данные о росте числа магазинов Торгсина см.: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 12. Л. 239; Д. 23. Л. 122; Д. 26. Л. 34–39; Д. 66. Л. 29, 110; Д. 105. Л. 19. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 825. Л. 1, 4; ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.

[115] В соответствии с опубликованными итогами работы Торгсина пиком развития его торговой сети стал ноябрь 1933 г. – 1526 торговых точек по стране. Внешняя торговля. 1936. № 1. С. 5.

[116] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 834. Л. 2.

[117] Список контор Торгсина на июнь 1931 г. см.: ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 2. Л. 15; на весну 1932 г.: ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 1. Л. 8; на весну 1933 г.: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 63.

[118] Историю развития Московской, Ленинградской и Западной контор Торгсина см. в приложении.

[119] Процесс разветвления контор продолжался. Так, из Северо-Кавказской выделилась затем самостоятельная Азово-Черноморская контора.

[120] Об истории развития Торгсина в Средней Азии см. приложение.

[121] В 1930-е гг. Казахстан именовался Казакстаном. В то время административно он входил в состав РСФСР. Правда, руководители Торгсина порой путались, куда относится Казакская контора – к России или к Средней Азии. Так, председатель Торгсина Сташевский в декабре 1932 г. ругал уполномоченного Торгсина в Средней Азии Шилова за плохую работу Казакской конторы, на что тот справедливо заметил, что эта контора, как автоном-

ная, подчинялась не Среднеазиатскому представительству, а непосредственно Москве. ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

122 Управление уполномоченного Торгсина в Средней Азии существовало с 13 ноября 1932 г. до 5 октября 1934 г. Среднеазиатское представительство курировало Узбекскую, Туркменскую, Таджикскую и Киргизскую конторы, а также торговые точки в Каракалпакии.

123 ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 62. Л. 92.

124 См., например, письмо председателя Правления Торгсина М.И. Шкляра в Экономический отдел ГПУ Свердловска (ноябрь 1931 г.), в котором он просил оказать содействие новому управляющему краевой конторы Торгсина. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

125 ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 53а. Менее детальные и обстоятельные доклады о валютном потенциале Северо-Западного региона (Псков, Карелия и др.) см. в архиве Торгсина в Выборге: ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 2. Д. 5. Л. 107 об., 108 об., 123.

126 В связи с предполагаемым открытием магазина Торгсина в г. Чуст инспектор Лукерин писал: *«Сельское население Чуста, в отличие от городского населения других пунктов, имеет менее тенденций и возможностей к накоплению золота в изделиях, тем более, повторяем, что зажиточное население своевременно раскулачено»*. ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 53а.

127 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

128 ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 90. Л. 58–59. Примеры экономических характеристик других районов в связи с предполагаемым открытием в них магазинов Торгсина см.: ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 63. Л. 26–27 и 27 об.

129 ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

130 Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

131 Там же. Л. 43.

132 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 51. Л. 27.

133 Там же. Д. 2. Л. 37–38.

134 Там же. Д. 41. Л. 22.

135 Там же. Д. 98. Л. 59.

136 Вот лишь несколько из многих примеров нерентабельных магазинов: *«В открытых в августе точках в Рыбачьем и Кочкоре за октябрь месяц было привлечено валютных ценностей на 300 руб., в Сазановке за 10 дней на 57 руб. и в Покровке за 10 дней 77 руб., то есть в среднем в день по 9 руб. при ежедневных торговых расходах в среднем по 133 руб. в день или в 15 раз больше против поступивших ценностей, не говоря о колоссальных накладных расходах в связи с большой отдаленностью этих торгточек, от 250 до 400 км, от Центральной базы (г. Фрунзе) и железной дороги»*. ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 62. Л. 91.

137 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 134; Д. 12. Л. 120; Д. 15. Л. 177. Торгсин продавал товары внутри СССР, но считался экспортной организацией на том основании, что торговал на валютные ценности и снабжался товарами экспортного качества. В государственных валютных планах Торгсин стоит в одном ряду с основными экспортерами (Экспортлес, Экспортхлеб, Нефтеэкспорт, Союзпушнина и пр.). В государственных экспортных планах валютный план Торгсина и план поставок товаров для Торгсина выделялись специальной строкой, графой или даже представлялись как отдельный план. См., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 136; Д. 12. Л. 41, 57, 61, 62–64, 199; Д. 13. Л. 122, 130; Д. 14. Л. 30, 53, 63, 69, 111; Д. 15. Л. 19, 176–178.

138 Так, 3 ноября 1931 г. именно Политбюро разрешило «золотые», а 24 ноября 1932 г. «серебряные» операции в Торгсине. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 44; Д. 14. Л. 17.

139 Упоминание о директиве и письме см.: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 38. Л. 1 об.

140 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 61.

141 См., например, секретное приложение «Об основных мероприятиях по обеспечению экспортно-импортного и валютного планов на 1934 г.», утвержденное Политбюро 19 декабря 1933 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. д. 15. Л. 158–159.

142 См., например, РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 159; Д. 13. Л. 88; Д. 14. Л. 63, 69; Д. 15. Л. 16, 173–174.

143 «Интурист» должен был заниматься «транспортировкой иностранных туристов», «Отель» – ведением гостиничного хозяйства. Этим организациям запрещалось открывать свои киоски, магазины и рестораны вне гостиниц, дабы не конкурировать с Торгсином. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 4. Л. 74; Д. 17. Л. 138.

144 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 19, 25.

145 См., например, решение Политбюро купить в Англии текстильных товаров на 500 тыс. руб. в кредит с реализацией их в Торгсине на сумму не менее 1 млн руб., или решение о закупке товаров для Торгсина в Финляндии. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 49; Д. 12. Л. 34.

146 Примером такого обращения является докладная записка представителя Торгсина в Ташкенте в Средазбюро ЦК ВКП(б) с просьбой создать Среднеазиатское представительство Торгсина и рекомендовать кандидата на должность уполномоченного. ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 45 и об.

[147] В своих постановлениях ЦК КП (б) Туркменской ССР и республиканский Совнарком обясняли подчиненным комитетам партии и местным советам, что планы Торгсина – это не просто дело Наркомата внешней торговли, а государственное задание. Они обязывали выделять Торгсину лучшие помещения и кадры, запрещали отзывать торгсиновских директоров на военные сборы и сельскохозяйственные кампании «помощи селу». ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 76. Л. 18, 19, 93 и об.

[148] ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

[149] Там же. Л. 1, 8, 16, 19 и об., 41, 47, 51.

[150] Типичность этой истории подтверждают донесения других инспекторов Правления, посланных на места для развертывания «золотой» торговой цепи. См., например: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 5. Л. 184, 289; Д. 15. Л. 118, 162; Д. 71. Л. 102.

[151] РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 2. Л. 32–33.

[152] Там же. Л. 33 об.

[153] ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 22. Л. 54.

[154] В период создания Торгсина его Правление состояло из председателя (М. И. Шкляр), четырех замов (Ю.С. Бошкович, И. Я. Берлинский, В. К. Жданов, М. Н. Азовский) и помощника председателя (Т.И. Анисимов). Весной 1932 г. личный состав Правления практически не изменился, но Берлинский стал заведовать посылочными операциями; Бошкович – антикварными и золотыми. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 7. Л. 3; Д. 19. Л. 213.

[155] В аппарате контор Торгсина постоянно работали плановый (планово-финансовый) сектор и бухгалтерия, а также общий сектор или секретариат. По мере развития торговой деятельности Торгсина в его конторах появились сектора проверки исполнения, коммерческий сектор, который в свою очередь разделился на спецотделы по виду товаров – текстильно-трикотажный, обувной, меховой, продовольственный (в наиболее развитых конторах он далее делился на хлебо-фуражный и мясо-жировой отделы), разных товаров, стройматериалов, химико-фармацевтический и др.

[156] Создание межрайонных баз в 1933 г. преследовало цель приблизить руководство к торговым точкам. По словам одного документа, до создания межрайонных баз руководство областных контор «не заглядывало в низы». В результате этой реформы сложилась «кустовая» организация магазинов Торгсина. «Куст» состоял из головного универмага, который являлся центром межрайонной базы, а также подчиненных ему магазинов, скупочных пунктов, складского и транспортного хозяйства. Снабжение товарами, кредитование, транспортное обеспечение, планирование и отчетность, назначение пайков осуществлялись через головной универмаг. «Кустовая» организация обернулась бедствием для зависимых магазинов, так как головные предприятия в первую очередь обеспечивали свои нужды, сбрасывая подчиненным магазинам оставшееся и ненужное.

[157] К концу деятельности Торгсина в 1935 г. его структура специализировалась и разветвилась. Центр в Москве включал руководство (председатель и его замы, консультанты, старшие инспектора и референты); управление делами (общая часть, группа расчета, хозчасть, секретная, юридическая части, экспедиция и резерв); товарные отраслевые спецконторы (продовольственная, разных товаров, текстильно-трикотажная, обувная, меховая, портовая), а также контору внутреннего снабжения и транспорта, сводно-плановый и валютно-финансовый сектора, а также главную бухгалтерию. Периферийная сеть Торгсина состояла из порядка сорока областных, краевых и республиканских контор. При областных конторах работали товарные базы. Кроме того, в структуре Торгсина были центральная база и база бриллиантов в Москве, а также импортная база в Ленинграде. В административно-управленческом аппарате Торгсина летом – осенью 1935 г. работали 906 чел., а в торговой сети 11 555 чел. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 158. Л. 25–27.

[158] К нему перешли валютные торговые функции, которые ранее выполняли Совторгфлот, Мосторг, ГУМ, Главцветметзолото, Востокзолото, «Интурист» и «Отель».

[159] В магазинах Торгсина работали приписные кассы Госбанка. Торгсин оплачивал их работу, но кассиров присылал Госбанк. Госбанк должен был также обеспечивать Торгсин приемщиками ценностей.

«Красные директора» Торгсина: «Политкомиссар»

[160] Биографии заместителей председателя Торгсина смотри в приложении.

[161] Не считая кратковременного исполнения обязанностей председателя Правления Г.И. Мустом (август–ноябрь 1934 г.).

[162] Сведения о М.И. Шкляре взяты из его автобиографии 1923 г., написанной при подаче заявления о принятии на учебу в Коммунистическую академию, а также личного листка по учету кадров 1933 г. и регистрационного бланка члена КПСС, заполненного при обмене документов в 1954 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Личные дела на руководящих работников номенклатуры ЦК). Эти документы написаны в периоды совершенно разной политической конъюнктуры и позволяют увидеть, как менялось из-

ложение фактов, и оценить достоверность информации. Однако поскольку основной источник информации о Шкляре один – сам Шкляр, то возможны неточности и ошибки, утаивание фактов, самовосхваление и другое субъективное искажение информации.

163 Шкляр состоял членом «Бунда» несколько месяцев, с сентября 1917 г. до апреля 1918 г., но тем не менее, по его словам, добился откола от партии «левых элементов».

164 ОГПУ имело сеть осведомителей в организациях и на предприятиях. Новейшие исследования, основанные на материалах ОГПУ, свидетельствуют также о том, что сотрудники «органов» при переходе на хозяйственную работу получали специальные задания, главным образом, по ведению экономического шпионажа за границей. ОГПУ также командировало своих сотрудников на хозяйственную работу при получении «заказа» от промышленной организации. См., например, исследование С.В. Журавлева об операции, проведенной военной разведкой и ОГПУ в 1922–1927 гг., по добыванию технологии вольфрамового производства для развития электротехнической промышленности в СССР. Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920 – 1930-х гг. М., 2000. С. 45–96.

165 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 71.

166 U.S. National Archives (NARA). Record Group (RG) 84. Records of Foreign Service Posts. Diplomatic Posts. USSR, vol. 420, 1934. «Conversation with Mr. X, an Official of a Berlin Bank, Actively Interested in Financing Russian Trade». В Национальном архиве США общая нумерация страниц в деле, которую обычно проставляют архивисты, отсутствует, так что документы нужно искать по их названию.

167 Сам Шкляр объяснял свой уход переводом на другую работу. В своем прощальном письме работникам Торгсина 28 октября 1932 г. он писал: *«Распоряжением Наркомвнешторга я перевожусь на другую руководящую* (! – *Е. О.*) *работу и сего числа сдаю дела тов. Сташевскому А.К., новому председателю В/О "ТОРГСИН". Выражая благодарность всем сотрудникам системы Торгсин за упорную работу и ударные темпы, проявленные в строительстве нашей системы, я твердо уверен, что и под новым руководством «торгсиновцы» с еще большим напряжением будут работать на перевыполнение валютных планов, возложенных Правительством на наше Объединение».* ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

168 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.

169 Там же. Д. 30. Л. 41.

170 Королев пишет: *«При поступлении на работу в Торгсин я совместно с Бюро и Ячейкой повел решительную борьбу со всеми творящимися безобразиями в нашей системе, а их было не мало, как то, разбазаривание золотого фонда на соввалюту под видом представительских пайков, а также были крупные хищения в н/универмагах директорами и рядовыми работниками (Шкляр – Пред. Правления В/О, Чубайск – Зам. Управл. МОК, Лебедев – Зам. Упр. МОК, Палей – д-р универмага № 1 и др.)».* ЦГАМО. Ф. 3812. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

171 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 13. Л. 12. «Секретные» фонды государственных организаций и учреждений создавались с санкции правительства для «помощи руководящим работникам». Постановление СТО от 13 февраля 1926 г. является наиболее ранним из найденных мной официальных директив о создании «секретных» фондов. «Секретные» фонды были «секретом Полишинеля», так как о привилегиях бюрократов в обществе знали. Средства из «секретных» фондов шли на дотации в специальных столовых и буфетах, пособия на лечение и отдых на курортах, оплату книжных абонементов, элитное жилищное строительство и проч. Использование «секретных» фондов сопровождалось множеством злоупотреблений. Ненасытное руководство пополняло их даже из кредитов, оборотных средств, прибылей и отчислений нижестоящих организаций. Перерасход «секретных» фондов был столь угрожающим, что руководство страны вынуждено было ввести строгие ограничения и наказывать виновных. О «секретном» фонде Наркомторга СССР см.: РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 74. Л. 145. Более подробно о «секретных» фондах читай: Осокина Е.А. Иерархия потребления. С. 68–70.

172 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 30. Л. 41.

173 «Совсиньторг» – аббревиатура Всесоюзного экспортно-импортного объединения по торговле с Синь-Цзяном (Западный Китай). Объединение продавало в Синь-Цзянь текстиль, сахар, металл, нефтепродукты, обувь, спички, силикаты, сельскохозяйственные машины, техническое оборудование, покупало в Китае шерсть, хлопок, шелк, скот и другие продукты сельского хозяйства. Головная контора располагалась в Москве по адресу: Ильинка, 6.

174 Имя Шкляра отсутствует в энциклопедическом словаре российских спецслужб «Разведка и контрразведка в лицах». М., 2002.

Зачем Сталину был нужен Торгсин

175 Россия также хранила золото за рубежом на счетах Государственного банка (более 140 млн золотых руб.), но это золото в Россию не вернулось.

[176] Тоннаж золота здесь и далее рассчитан на основании следующих данных: тройская унция золота (31,103477 г) до 1934 г. стоила 20,67 долл., в то же время установленный советским правительством обменный курс составлял 1 руб. 94 коп. за 1 долл. США. Это значит, что в рублевом эквиваленте мировая цена золота составляла 1 руб. 29 коп. за 1 г чистоты.

[177] По мнению В.И. Новицкого, бывшего чиновника Государственного банка в Петрограде, а позже товарища министра финансов в правительстве Колчака, а также британского историка Дж. Д. Смили, который опирался на данные Новицкого, золотой запас России на 1 января 1914 г. составлял 1,695 млрд руб. Он превышал запас Великобритании (эквивалент 800 млн руб.) и Франции (эквивалент 1,5 млрд руб.). По мнению М.В. Бернацкого, бывшего профессора политэкономии Петроградского университета и министра финансов во Временном, третьем коалиционном, правительстве, золотые ресурсы на хранении Государственного банка России на 1 июля 1914 г. составили 1,5997 млрд золотых руб. и уступали по величине только Банку Франции. Russian Public Finance During the War. New Haven, 1928. P. 438; Novitzky V. Russia's Gold Reserve // Russian Gold: A Collection of Articles and Newspaper Editorials Regarding the Russian Gold Reserve and Shipments of Soviet Gold. New York, 1928. P. 9–11; Smele J. D. White Gold: The Imperial Russian Gold Reserve in the Anti-Bolshevik East, 1918-? (An Unconcluded Chapter in the History of the Russian Civil War)//Europe-Asia Studies, vol. 46, no. 8, 1994. P. 1318.

[178] Царское правительство вывезло золота на 638,5 млн руб. в Великобританию через Архангельск и в Канаду через Владивосток для получения кредитов в Великобритании. Временное правительство для получения военных кредитов вывезло золота в Швецию на сумму 4,85 млн руб. Smele J. D. Op. cit. P. 1319.

[179] До Первой мировой войны практически все золото хранилось в Государственном банке в Петербурге. Во время войны, при угрозе немецкого наступления на столицу, часть золотого запаса империи была перевезена в глубинку, в Самарское отделение Государственного банка. После прихода к власти большевиков в низовьях Волги вспыхнул антисоветский мятеж чехословацкого корпуса. Спасая золото, большевики перевезли его из Самары в Казань. По одним сведениям «Казанский запас» составлял порядка 652 млн руб. (Smele), по другим (Новицкий, Бернацкий) – около 634 млн руб. Вскоре Казань пала. Большевики, поспешно эвакуируясь, не успели взять золото. Оно попало в руки Комитета Членов Учредительного Собрания (Комуч, или «Самарская

учредилка») – эсеровского правительства, утвердившегося в Самаре в июне 1918 г. после захвата города «белочехами». Вместе с Комучем золотой запас переехал в Уфу, где власть оказалась в руках Уфимской Директории, коалиции Комуча и Сибирского правительства, а в результате военного переворота и власть и золотой запас перешли в руки Верховного правителя Колчака. Колчак потратил на покупку военного снаряжения и нужды своего правительства более 195 млн руб. золотом. Кроме того, часть золота, находившегося в распоряжении Колчака, была захвачена во время транспортировки во Владивосток одним из его «строптивых вассалов» атаманом Семеновым (42,2 млн руб.) и оказалась в Чите. Семенов отказался вернуть золото Колчаку и потратил его на свои нужды. Часть «Казанского запаса» была потеряна при авариях и украдена во время перевозок. Отступая под натиском Красной армии, Колчак вместе с золотом покинул Омск, но доехал только до Нижне-Удинска. Там, поверив обещаниям союзников, что ему будет гарантирован проезд во Владивосток с «белочехами», он перешел из своего эшелона, покинув золото, в поезд чешского полка. Этот поезд под флагом союзников доехал до Иркутска, где «белочехи», покупая себе проезд до Владивостока, передали Колчака эсеровскому правительству. Вскоре после того, как власть в Иркутске перешла в руки большевиков, Колчак был расстрелян. Остатки «Казанского запаса» в Иркутске были переданы большевикам. Всего большевикам удалось вернуть из «Казанского запаса» золота на сумму 409,5 млн руб. Подробно о судьбе золотой казны Российской империи – сюжет заслуживает приключенческого романа – и тратах большевиков в первые годы советской власти см.: Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. М., 1994; Smele J.D. Op. cit. P. 1317–1347; Кузнецов В. В. По следам царского золота. СПб., 2003; Сироткин В. Зарубежное золото России. М., 2000; Зарубежные клондайки России. М., 2003.

[180] Новицкий пишет, что золотая казна Румынии, драгоценности королевской семьи, ценности государственных учреждений и частных лиц прибывали в Кремль несколькими партиями в период декабря 1916 – начала 1917 г. (Новицкий В. И. Золотой запас России. С. 14). Бернацкий оценивает золото Румынии в 118,2 млн руб. (Russian Gold... P. 28). Согласно «Отчету по золотому фонду», составленному специальной комиссией СТО, которая была создана в конце 1921 г. и по заданию Ленина изучала финансовое положение страны Советов, золото Румынии в Госбанке составляло «приблизительно 117 млн руб.». Васильева О.Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. С. 90 со ссылкой на

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 27. Сапоговская считает, что золотой запас Румынии был переплавлен в слитки. (Сапоговская Л.В. Золото в политике России... С. 31–47). Скорее всего только часть румынского золота была переплавлена к началу 1920-х гг. Согласно «Отчету по золотому фонду» на 1 января 1922 г., в наличии имелось румынского золота на 105 102 337 руб. 88 коп. Румынское золото в отчете показано отдельно от «советского». (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 51). Отчет дает сведения о количестве румынских монет, что свидетельствует о том, что к началу 1922 г. они еще не были все переплавлены. (Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. С. 152–153 со ссылкой на РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 27).

181 Новицкий пишет, что большевики были приятно удивлены, обнаружив старательское золото в подвалах отделения Государственного банка в Иркутске. РГАЭ. Ф. 2324. Оп.1. Д. 833. Л. 16.

182 По материалам секретной комиссии СТО Советская Россия выплатила Германии по Брест-Литовскому договору 124,8 млн руб. (Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. С. 152–153 со ссылкой на РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 28, 45). По расчетам Бернацкого и Новицкого, использованным позже современным западным историком Смили, большевики успели до капитуляции Германии отправить (из общей суммы платежа 245,6 т) 93,5 т золота на сумму 120,8 млн руб. (Smele J. D. Op. cit. P. 1319). После окончания Первой мировой войны по условиям Версальского договора это золото было депонировано в Банк Франции. Сапоговская, так же, как и Смили, считает, что в Германию было вывезено около 93 т золота, но для перевода тоннажа в рублевую сумму она использует 1 руб. 40 коп. за грамм чистоты вместо 1 руб. 29 коп. В результате 93 т золота оборачиваются в ее подсчетах 129,8 млн руб. (Сапоговская Л.В. Золото в политике России. С. 32).

183 По данным «Отчета по золотому фонду», в 1920 г. Эстонии было выплачено 15 млн руб., Латвии – 4 млн руб., Литве – 3 млн руб. В том же году без расшифровки расхода НКИД потратил золота еще на 6 млн руб. В 1921 г. предстояло заплатить Польше более 5 млн руб. (Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. С. 92 со ссылкой на РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 28). Общая контрибуция Польше, по данным Сапоговской, составила 10 млн руб. (Сапоговская Л.В. Золото в политике России. С. 42 со ссылкой на РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 28). Бернацкий считает, что выплаты только Эстонии и Польше, оговоренные в договорах, составили около 33 млн руб. Russian Public Finance... P. 455.

184 Сапоговская Л.В. Золото в политике России. С. 41 со ссылкой на Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 675; Т. 4. С. 774.

185 Никто из исследователей не берется определить общую сумму расходов советского правительства на мировую революцию, но все сходятся во мнении, что она была огромной и потрачена зря. В исследованиях приводятся лишь отдельные траты. Так, финансирование работы Коминтерна в 1920 г. составило более 2 млн руб. (Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. С. 145). Особые папки заседаний Политбюро пестрят постановлениями о выделении денег Коминтерну, МОПРу (Международная организация помощи борцам революции), Профинтерну (Красный интернационал профсоюзов), Крестинтерну (Крестьянский интернационал), Комиссии внешних сношений ВЦСПС, обществам культуры и дружбы с СССР и другим организациям, через которые шло финансирование коммунистического движения и шпионаж.

186 В 1920 и 1921 гг. заказы народных комиссариатов на импорт товаров по смете Внешторга составили около 537 млн руб. Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. С. 147.

187 Назначение специальной комиссии для расследования этого вопроса объясняется тем, что правительство США, как и правительства ряда других стран, запрещали покупать золото у большевистской России, считая это помощью коммунистическому режиму. Исключение было сделано только для закупок продовольствия для голодающих через АРА (American Relief Administration), для чего советское руководство отправило в США золота на сумму 11,4 млн долл. Но, несмотря на запреты, «красное» золото поступало в США. Советское руководство продавало золото через посредников, главным образом, Швецию. Золотые царские монеты и другое золото переплавлялись в Швеции, подвергаясь дополнительной очистке. Новые слитки затем поступали на продажу уже со штампами шведских банков. Комиссия Сената США при расследовании этого вопроса пользовалась официальной торговой статистикой шведского импорта золота из России. При сравнении объемы шведского импорта золота из России и объемы шведского экспорта золота в разные страны практически совпали, что, по мнению комиссии, было свидетельством того, что Швеция покупала советское золото не для себя, а для последующего реэкспорта. По расчетам комиссии, более 40% советского золота, поступившего в Швецию в 1920–1922 гг., отправилось затем в США, треть в Швейцарию, откуда оно затем продавалось в другие страны, более 16% ушло

из Швеции во Францию, менее значительные суммы – в Голландию, Великобританию, Германию и Финляндию. О продаже советского золота через посредников в начале 1920-х гг. см. также: Сапоговская Л.В. Золото в политике России. Она пишет, что интенсивность оттока золота за рубеж была такова, что к началу 1922 г. государственные кладовые двух крупнейших (из трех) мест хранения золотого запаса Советской республики опустели (С. 40).

188 К началу 1922 г. из золотого фонда Российской империи советское правительство потратило более 812 млн руб. (Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. С. 145 со ссылкой на РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 28). Если вычесть из этой суммы выплаты по Брестскому миру, контрибуцию Польше и «денежные подарки» соседям (всего более 170 млн руб.), то на долю продаж золота на другие нужды (торговля, шпионаж, поддержка коммунистического движения и пр.) останется более 640 млн руб.

189 Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. С. 97 со ссылкой на РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 27.

190 По данным «Отчета по золотому фонду», на 1 февраля 1922 г. в наличии имелось золотых слитков и монет на сумму 217,9 млн руб., при этом невыполненные обязательства по платежам золотом составляли почти 103 млн руб. Наличность серебра составила 22,4 млн руб. при невыполненных обязательствах по платежам серебром в размере 4,8 млн руб. Кроме того, в это время Советская Россия располагала иностранной валютой на сумму 686 тыс. руб. и платиной на сумму 10,4 млн руб. Таким образом, в начале 1922 г. свободные от обязательств золотовалютные резервы страны, включая золото, серебро, платину и иностранную валюту, составляли всего лишь 107,7 млн руб. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2761. Л. 21.

191 Со всеми пополнениями и новыми тратами на 1 января 1924 г. свободные валютные резервы Госбанка СССР составили около 130–140 млн руб. (то есть немногим более 100 т чистого золота.). Goland Yurii. Currency Regulation in the Nep Period. P. 1255. Голанд дает эти данные со ссылкой на Каценелембаум З. Денежное обращение России 1914–1924. М., 1924. С. 167.

192 Чрезмерный импортный план привел к валютному кризису. Чтобы покрыть дефицит внешней торговли, правительство стало продавать золото, и к концу 1925 г. свободные валютные резервы страны упали до 90 млн руб., а свободные валютные резервы Госбанка за границей составили всего лишь 400 тыс. руб. Подробно об этом читай: Голанд Ю. Валютное регулирование в

период НЭПа. Всего за «доиндустриальный» период 1920–1929 гг., по данным посольства США в Риге, СССР продал золота за границу на сумму 500 млн долл. США (около 970 млн золотых руб., или порядка 750 т чистого золота из расчета 20,67 долл. за тройскую унцию). Американцы приводят эти данные со ссылкой на статью о советском экспорте золота, опубликованную в «The Warsaw Soviet Russia», no. 8 (November 10), 1931. NARA. Decimal File. Legation of the USA, Riga. 861.6341/53. «The Russian Gold Industry; Its Organization and Operations with Particular Reference to its Output in the Period 1913–1931, and to its Plans for Future Development». P. 23–24.

193 По мнению Госбанка, для того чтобы обеспечить эмиссию и иметь достаточные оборотные средства для расчетов по внешней торговле и иностранным кредитам в 1927/28 г., СССР должен был накопить валютных ценностей по крайней мере на 50 млн руб. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 9а. Д. 502. Л. 44–51.

194 Дефицит внешней торговли (превышение импорта над экспортом) на 1927/28 г. был запланирован в 35 млн руб., а дефицит инвалюты – 80 млн руб. Но уже предварительные итоги первого полугодия показали дефицит внешней торговли в 68 млн руб., а инвалютный дефицит – почти 66 млн руб. Госбанк бил тревогу о нереальности принятого валютного плана. По его расчетам, для покрытия валютного дефицита СССР в тот год должен был продать драгоценных металлов на сумму 70 млн руб. Эти расчеты оказались заниженными. «Справка о состоянии твердоценных ресурсов Госбанка в связи с выполнением валютного плана на 1927/28 г.» Документ из архивного фонда Госбанка СССР до сих пор находится на спецхранении.

195 Сальдо торгового баланса показывает разницу между доходами от экспорта и затратами на импорт. Активное (положительное) сальдо торгового баланса означает превышение товарного экспорта страны над ее товарным импортом, пассивное (отрицательное) – превышение товарного импорта над товарным экспортом. В 1924/25 и 1925/26 гг. сальдо внешней торговли было пассивным. В 1924/25 г. это было вызвано попыткой насытить внутренний рынок импортом продовольственных товаров и побороть инфляционные процессы, вызванные плохим урожаем 1924 г. Дефицит внешней торговли 1925/26 г. был результатом первой попытки форсировать промышленное развитие. В начале 1926 г. от промышленного штурма на время отказались, и активный баланс внешней торговли был восстановлен.

196 В 1926/27 г., по архивным данным таможенной статистики, экспорт составил 770,5 млн руб., импорт – 712,7 млн руб. В

1927/28 г., по тем же данным, экспорт составил 774 млн руб., а импорт подскочил до 945 млн руб. Данные из архивных документов спецфонда Госбанка СССР.

197 Валютой платили за иностранную техническую помощь, проценты по кредитам. Следует также учесть непомерные административные и накладные расходы по валютным операциям и содержанию советских организаций за границей и многое др.

198 За 1927/28 хозяйственный год советское руководство продало за границу драгоценных металлов на сумму более 100 млн руб., из них платины на 14,5 млн руб., остальное золото. Данные из архивных документов спецфонда Госбанка СССР.

199 «Конъюнктурный обзор экспорта за 1929/30 г.» Документ из архивного фонда Госбанка СССР до сих пор находится на спецхранении.

200 Следует сказать, что были и ситуации, когда из-за обязательств перед своими торговыми партнерами СССР не мог уменьшить экспорт. В материалах посольства США упоминается случай, когда СССР вынужден был купить нефть у США, чтобы выполнить свои обязательства по экспорту. Представитель одного из берлинских банков заметил в 1933 г., что «русские приняли с облегчением» известие о германских ограничениях на ввоз российской ржи, так как не смогли бы обеспечить поставки в том объеме, который обещали. NARA. RG 84, vol. 420. Memorandum «Conversation with Mr. X, an Official of a Berlin Bank, Actively Interested in Financing Russian Trade». P. 7–8.

201 В отличие от таможенной статистики экспорта, показатели таможни по импорту, на мой взгляд, более соответствуют действительности. У Сталина не было причины завышать таможенную статистику промышленного импорта, так как в этом случае дефицит внешней торговли оказался бы еще более резким. Думаю, что и занижать таможенную статистику импорта не было причины, так как это был один из показателей растущей промышленной мощи СССР.

202 Сравнение реальных доходов от экспорта с расходами на промышленный импорт также показывает, что реальный дефицит внешней торговли в 1930 г. был не 22,4 млн руб., а порядка 270 млн руб., дефицит 1932 г. – не 129,1 млн. руб., а более 200 млн руб. золотом (ср. табл. 4, графа 2 и табл. 5, графа «реальная выручка от экспорта»).

203 Большевик. М., 1934. № 9–10. С. 22.

204-205 «Объяснительная записка к предварительному валютному балансу за 1926/27 г.». Документ из архивного фонда Госбанка СССР до сих пор находится на спецхранении.

206 «Справка о задолженности СССР инофирмам и инобанкам». Документ из архивного фонда Госбанка СССР до сих пор находится на спецхранении.

207 В случае невыплаты в срок кредит предусматривал 25-процентный штраф. Весной 1933 г. германские банки выдали СССР кредит на 140 млн рейхсмарок (около 65 млн руб.) для погашения задолженности. В марте 1934 г. срок выплат по этому кредиту был продлен еще на 14 месяцев. (Данные взяты из материалов аналитических разработок посольства США в Москве. NARA. RG 84. Service Posts. Diplomatic posts. USSR. Vol. 424. Memorandum «Summary of Statement Made to Mr. Henderson on April 17, 1934, by Mr. Weinberg, Acting Chief, Third Division of the People's Commissariat for Foreign Affairs»). Представитель одного из берлинских банков, имя которого не сообщалось, в беседе с работником посольства США в Москве отметил, что «русские вели себя очень корректно по поводу их неспособности выплатить обязательства Германии в 1933 г. Вместо того, чтобы ждать до последней минуты и поставить германских кредиторов перед свершившимся фактом, русские уже осенью 1932 г. проинформировали кредиторов, что им потребуется продление кредита на сумму около 50 млн долл. (около 97 млн руб.), в результате чего стало возможно организовать промежуточный кредит». NARA. RG 84, vol. 420. Memorandum «Conversation with Mr. X, an Official of a Berlin Bank, Actively Interested in Financing Russian Trade».

208 В интервью, данном журналисту московского бюро «Нью-Йорк Таймс» Уолтеру Дарэнти (Walter Duranty), Сталин сказал, что Советский Союз за последние два года уменьшил свою задолженность с 1,4 млрд руб. до 450 млн руб. (Известия. 4 января 1934 г. С. 2). Исследователи критически относятся к названной Сталиным новой сумме задолженности, считая, что он ее преуменьшил.

209 Данные взяты из аналитических разработок 1934 г. посольства США в Москве, которое в данном случае цитирует германскую газету «Frankfurter Zeitung» от 26 февраля 1933 г. По данным германского источника, задолженность СССР по импорту составляла 940 млн руб., плюс авансы под будущий экспорт в размере 110 млн руб. и долг по неисполненным заказам в размере 250 млн руб. «Германская» цифра была близка к данным, полученным путем экономического шпионажа. «Конфиденциальный иностранный источник» сообщил американскому посольству слова бывшего секретаря Института экономических исследований в Москве Шенкмана о том, что на 1 октября 1933 г. внеш-

ний долг СССР составил 1, 205 млрд руб. NARA. RG 84, vol. 420, 1934. Section XIX «Gold Movements and the Balance of Payments». P. 145–146.

210 По данным американской статистики, советские закупки в США в 1928 г. составили 143,8 млн руб., в 1929 г. – 164,9 млн руб., в 1930 г. – 221,9 млн руб., в 1931 – 201,2 млн руб. В 1932 г. импорт из США составил всего лишь 26,4 млн руб., а в 1933 г., по советским данным, 16,6 млн руб. Без закупок хлопка он был бы и того ниже, около 9,5 млн руб. – сумма, которую СССР в 1931 г. тратил на американский импорт каждые две недели. Официальная советская статистика импорта из США несколько выше американской. Разница между советскими и американскими данными по 1928–1932 гг. колеблется в размерах 5–40 млн руб. Однако и советская статистика показывает ту же динамику – рост импорта к 1930 г., начало снижения в 1930 г. и резкое падение с 1932 г. NARA. RG 84, vol. 420. Section IX «Trade with the United States». P. 82.

211 Розенгольц А. Экономические отношения СССР с капиталистическими странами. Внешняя торговля. 1934. № 6. С. 6.

212 Аналитические разработки посольства США в Москве со ссылкой на «Frankfurter Zeitung» от 26 февраля 1933 г. и «Die Ostwirtschaft», январь 1934 г. Представитель берлинского банка в кофиденциальной беседе с представителем американского посольства в Москве оценил задолженность СССР Германии на начало 1933 г. в 300 млн долларов (более 580 млн руб.). (NARA. RG 84, vol. 420, 1934. Section XIX «Gold Movements and the Balance of Payments». P. 145; Memorandum «Conversation with Mr. X, an Official of a Berlin Bank, Actively Interested in Financing Russian Trade»).

213 NARA. RG 84, vol. 420, 1934. Section I. P. 5; Section XIX. P. 147.

214 Из них 90 млн марок представляли финансовые, остальное – торговые кредиты. Об этом представителю американского посольства в Москве в конфиденциальной беседе сообщил мистер Хилгер (Mr. Hilger), консул германского посольства в Москве, «который много лет следил за советским финансовым развитием». По мнению представителя Банка Англии мистера Хаббарда (Mr. Hubbard), высказанному в конфиденциальной беседе с сотрудником посольства США в Москве, долг СССР Германии в конце лета 1934 г. был равен 550–600 млн рейхсмарок (250–280 млн руб.), а общий долг СССР зарубежным кредиторам – около 1 млрд марок (около 460 млн руб.). NARA. RG 84, vol. 424. Memorandum for the ambassador. P. 1–3.

215 С авансами под экспорт и невыполненными заказами общий долг СССР на 1 января 1933 г. составлял, по германским данным (вместе с Германией), 1 млрд 300 млн зол. руб. NARA. RG 84, vol. 420, 1934. Section XIX «Gold Movements and the Balance of Payments». P. 145–146.

216 «Справка об операциях по драгметаллам (золото и платина) за 1926/27 год». Документ из архивного фонда Госбанка СССР до сих пор находится на спецхранении.

217 Госбанк вывозил золото за границу в моменты обострения пассивности расчетного баланса, в целях подкрепления инвалютных текущих счетов СССР в заграничных банках и для обеспечения оплаты инвалютных обязательств. Платина вывозилась обычно Наркомфином для продажи через крупные, преимущественно лондонские, платиновые фирмы. Платина Госбанка служила частью обеспечения полученных Госбанком кредитов. Госбанк был крайне стеснен в выборе банков, где он мог открыть свои инвалютные счета. Приходилось браковать те страны, с которыми у СССР не было дипломатических отношений (США, Швейцария, Голландия), страны «с неурегулированным денежным обращением» (Италия, Франция). При открытии счетов в банках учитывались и политические условия в странах, а также высота учетной ставки и другие экономические условия. Практически в конце 1920 – начале 1930-х гг. инвалютные средства Госбанка СССР были распределены между банками Великобритании и Германии: вначале преобладающая часть средств Госбанка находилась в Лондоне, но с 1927 г. германские банки начали играть все большую роль, вытесняя английские. Небольшие средства хранились в американских банках, «где в целях безопасности» они формально числились на счетах «одного из родственных Госбанку» кредитных учреждений за границей. «Справка о валютно-металлических ресурсах Госбанка». Документ из архивного фонда Госбанка СССР до сих пор находится на спецхранении.

218 Данные из архивных документов спецфонда Госбанка СССР.

219 Данные из архивных документов спецфонда Госбанка СССР. По данным Юрия Голанда, без указания на источник (материалы все еще находятся в архивном спецфонде), за период 1927/28 г. за границей было продано и того больше – около 160 т золота на сумму около 205 млн руб. Такой широкомасштабной продажи золота, пишет Голанд, не было с 1921 г. Голанд Ю. Леонид Наумович Юровский. Портрет на фоне эпохи//Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М.,1996. С. 5–25. Рассхождение моих данных с данными

Голанда, возможно, вызвано тем, что мои включают только продажу золота Госбанка.

220 Политбюро беспокоилось, что информация о валютной и золотой несостоятельности СССР станет известна миру, что сделало бы получение кредитов более сложным – кто будет давать деньги банкроту? Для создания видимости благополучия СССР публиковал завышенную статистику золотовалютных резервов. Практиковалось и приглашение западных журналистов и бизнесменов в золотые кладовые. Представитель банка Англии мистер Хаббард, который приехал в Москву в августе 1934 г. с целью изучить финансовое положение СССР и сделать рекомендации своему банку о целесообразности предоставления СССР долговременного кредита, в конфиденциальной беседе рассказал американскому консулу, что Государственный банк СССР официально пригласил его осмотреть свои золотые кладовые. Банкир отказался, так как посчитал, что простое созерцание ящиков все равно не позволит ему аккуратно определить размеры золотых запасов. Приглашение иностранцев в кладовые Госбанка в конце 1934 г. было относительно безопасным для советского руководства, так как добыча и Торгсин основательно пополнили золотые запасы страны. Подобное предприятие могло оказаться куда как более рискованным в период 1928–1931 гг. (NARA. RG 84, vol. 424. Enclosure No. 1 to Despatch dated September 13, 1934, from American Embassy, Moscow. Memorandum for the ambassador. P. 3). О приглашении иностранных журналистов посетить золотую кладовую Госбанка упоминают и материалы посольства США. (NARA. RG 84, vol. 420. Memorandum «Conversation with Mr. X, an Official of a Berlin Bank, Actively Interested in Financing Russian Trade». P. 3–4).

221 Перевозки золота через Европу не обходились без инцидентов. Материалы американского посольства упоминают случаи, когда правительства Польши и Франции «покушались» на советское золото, направлявшееся в Берлин. Материалы американского посольства свидетельствуют, что СССР вывозил и золотую руду в США, Англию и Германию, но не для продажи, а для очистки. Государственный департамент США выражал беспокойство, что руда поступала через Амторг на небольшие частные фабрики в обход американского правительства, которое даже не знало, сколько золота и куда именно было привезено. Силами американских частных предприятий повышалась покупательная способность СССР, факт, который волновал американское руководство. Государственный департамент в Вашингтоне просил

американское посольство в Москве собрать информацию по этому вопросу. (NARA. RG 84, vol 420. Memorandum «Conversation with Mr. X, an Official of a Berlin Bank, Actively Interested in Financing Russian Trade». P. 6, vol. 426).

222 NARA. RG 84, vol. 104, 1931. Report No. 58. July 23, 1931 «Gold Shipments over Riga from Russia to Germany».

223 Материалы посольства США в Москве со ссылкой на «Sowjetwirstschaft und Aussenhandel», 1934, No. 11–12. P. 43. (NARA. RG 84, vol. 420, 1934. Section XIX «Gold Movements and the Balance of Payments». P. 148).

224 В современной историографии «гуляет» и другая цифра добычи золота в 1913 г. – 38,2 т. Однако это – цифра не общей годовой добычи, а только зарегистрированное золото, то есть золото, поступившее государству через лаборатории, заводы и монетные дворы. С 1902 г. природное золото свободно циркулировало в России и значительное его количество уходило в частные руки, не будучи зарегистрированным государственными учреждениями. Цифра годовой добычи в 60,8 т, приведенная в *табл. 7*, подтверждается рядом изданий. В «Объяснительной записке к росписи на 1917 год», подготовленной министерством финансов России, добыча золота в 1913 г. показана в размере 134 140 фунтов (1 фунт = 0,4536 кг). (Russian Public Finances During the War. P. 439) В трудах первого золотопромышленного съезда, прошедшего в Москве в 1926 г., добыча 1913 г. показана в 3 714 пудов, или 60,8 т (пуд = 16,38048 кг). Из этого количества только 2 183 пуда (около 36 т) было зарегистрировано, остальное составляло «вольный» металл. (Золотопромышленность СССР. М.–Л., 1927. С. 25). Кстати сказать, лучшим годом добычи золота в Российской империи был не 1913, а 1914 г., когда добыли 66,4 т чистого золота.

225 В ходе военных действий рудники и прииски неоднократно переходили то к «белым», то к «красным». Отступая, и те и другие прятали технику, взрывали фабрики, затопляли шахты. Действовал принцип: что не могло быть вывезено, должно быть уничтожено. Сапоговская Л.В. Золото в политике России. С. 31–47.

226 Советское руководство в начале 1920-х гг. предлагало иностранцам взять многие рудники Урала и Сибири в концессию для скорейшего их восстановления, но только три фирмы, британская Лена-Голдфилд, корпорация Айан и японская Танака, решились на экономическое сотрудничество с новой властью в России.

227 Среди отраслей горной промышленности, подлежавших национализации в 1918 г., золотопромышленность стояла на седьмом месте, уступив даже добыче асбеста. В отличие от платиновой, в которой были национализированы все предприятия, в золотодобывающей промышленности государство вначале взяло себе только двадцать наиболее крупных предприятий. Скупочная цена на золото была низкой и не стимулировала добычу. Ряд предприятий вообще были демонтированы, их оборудовние переброшено в другие отрасли горной промышленности. Золотодобывающая промышленность не вошла в число «милитаризированных» отраслей, которые пользовались привилегиями в снабжении и обеспечении рабочей силой. Исследователи объясняют столь недальновидную политику в области золота тем, что государство в первые годы советской власти было занято конфискациями накопленного богатства. Пока не иссяк поток конфискованных ценностей, о развитии промышленной добычи, требовавшей огромных капиталовложений, правительство не думало. Сапоговская Л. В. Золото в политике России. С. 31–47.

228 В 1928 г. перестала существовать британская концессия Лена-Голдфилд, в результате добыча золота на ее приисках резко упала (см. *табл. 8*).

229 «На нефтяном фронте» и «На золотом фронте» – названия двух книг А.П. Серебровского о создании нефтяной и золотой промышленности СССР. «На золотом фронте» вышла в свет в 1936 г., но после ареста Серебровского она была изъята из обращения и вернулась к читателю несколько десятилетий спустя.

230 Акционерами «Союззолота» являлись ВСНХ, Наркомфин и Госбанк.

231 Littlepage John. D. In Search of Soviet Gold. N.Y., 1937. P. 22.

232 Политика поддержки частного старательского и артельного промысла продолжалась до 1937 г. Массовые репрессии положили ей конец, что привело к падению показателей золотодобычи.

233 В 1928 г. только пятая часть работ в золотодобывающей промышленности была механизирована. «За индустриализацию». № 180. 5 августа 1932 г..

234 Тогда-то Серебровский и пригласил в СССР на работу Джона Литтлпейджа, начальника одного из золотых приисков Аляски, который проработал в СССР почти 10 лет и уехал только с началом ежовщины в 1937 г. Советские коллеги звали его Иван (Джон) Эдуардович. Серебровский тепло и с гордостью пишет о Литтлпейдже в своей книге, ставя его в один ряд с создателями советской золотопромышленности. Литтлпейдж написал книгу о своем опыте работы и жизни в СССР. Успехи отрасли Литтлпейдж связывал не только с покровительством Сталина и наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе, но и самоотверженной и умной работой Серебровского. 1936 г. стал наивысшей точкой развития отрасли. Упадок отрасли, по мнению Литтлпейджа, наступил вследствие репрессий и отстранения таких людей, как Серебровский, от руководства отраслью. Литтлпейдж догадывался, но достоверно так и не узнал о трагическом конце жизни Серебровского. (Littlepage John D. In Search of Soviet Gold). Другим старожилом советской золотопромышленности был мистер Харри Уилсон, который проработал на наиболее важных приисках с 1930 до 1937 г. Он и Литтлпейдж были «последними из могикан» – два американских инженера, оставшихся до начала массовых репрессий, из некогда большой когорты приехавших работать в СССР.

235 Серебровский А.П. На золотом фронте. Издание второе, просмотренное. (! – *Е.О.*). М.–Л., 1936. Серебровский считал, что Сталина вдохновил опыт золотой лихорадки в Калифорнии середины XIX в. Открытие золота вдохнуло жизнь в этот регион. Золото не только пополнило валютные запасы страны, но и дало толчок развитию сельского хозяйства и промышленности на западе США. Золото Калифорнии способствовало победе промышленного Севера над рабовладельческим Югом в гражданской войне в США. Серебровский, который в момент своего назначения в «Союззолото» практически ничего не знал о золотой промышленности, пишет, что Сталин в беседах с ним показал немалые знания художественной и специальной литературы о развитии золотопромышленности в Америке. Видимо, Сталин рассчитывал, что золото поможет экономически и социально поднять Сибирь. Однако он не принял во внимание то, что «золотая лихорадка» в Калифорнии осуществлялась силами свободных людей, жаждущих личного обогащения. В Сибири «золотая лихорадка по-сталински», хотя и ускорила социально-экономическое развитие региона, обернулась зэковским Дальстроем. Читая книгу Серебровского, поражаешься, что, проведя столько часов в беседах с ним и видя самоотверженный труд этого человека, Сталин все-таки его уничтожил, когда золотая промышленность встала на ноги.

236 Дальстрой был рожден 13 ноября 1931 г. постановлением СТО СССР. Первоначальное полное имя Дальстроя – Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы. Тресту была поручена разведка и разработка золоторудных месторождений на территории Ольско-Семчанского района Дальневосточного края и строительство автомобильной дороги от бухты Нагаева до приисков. Поселок Мага-

дан, который затем вырос в город на берегу бухты Нагаева, стал столицей Дальстроя. Дальстрой вначале подчинялся СТО, а после его упразднения – СНК СССР. Во время массовых репрессий в СССР в марте 1938 г. постановлением СНК Дальстрой был передан НКВД СССР. Тогда же он и был переименован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР. Территория Дальстроя расширялась. К началу 1950-х гг. она охватила всю Магаданскую область, часть Якутии, Хабаровского края и Камчатки (около 3 млн кв. км). В Дальстрое работали заключенные Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря (СВИТЛ), который появился приказом ОГПУ практически сразу же после организации самого Дальстроя – 1 апреля 1932 г. Государственное управление лагерей (ГУЛАГ) отвечало за выполнение разнарядок по снабжению Дальстроя экипированными заключенными, которые составляли порядка 85–90% рабочей силы Дальстроя. Количество заключенных, работавших в Дальстрое, выросло с 10 тыс. в 1932 г. до более 163 тыс. в 1939 г. Ко времени смерти Сталина в 1953 г. в Дальстрое оставалось более 175 тыс. заключенных. После смерти Сталина лагерные подразделения Дальстроя были переданы вновь созданному Управлению Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ), а само Главное управление строительства Дальнего Севера перешло Министерству металлургической промышленности СССР. Связь между гражданской и лагерной частями Дальстроя, однако, сохранялась. Начальник Дальстроя был по совместительству и начальником УСВИТЛа.

История Дальстроя 1930-х гг. делится на периоды. Начало прошло под руководством Э.П.Берзина – то было время относительной свободы, быстрого роста производственных показателей и приоритета экономических целей. С началом массовых репрессий положение изменилось, политика взяла верх над экономикой. На смену арестованному в декабре 1937 г. Берзину пришел человек Ежова – К. А. Павлов. Условия в Дальстрое стали куда как жестче – колючая проволока, вышки, строгий режим, плохая еда, и заключенный пошел другой – изможденный, грязный, апатичный. Число заключенных, работавших в Дальстрое, росло, а производительность труда падала. С концом ежовщины Павлова убрали. Новый начальник Дальстроя И. Ф. Никишов, который руководил этим хозяйством до 1948 г., вернулся к методам Берзина, пытаясь сделать Дальстрой экономически эффективным, поощряя за хороший труд не только материально, но и сокращением сроков заключения.

Более подробно о Дальстрое читай: Gregory Paul R. and Lazarev Valery, eds. The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag. Stanford, 2003; Applebaum Anne. Gulag: A History. N.Y., 2003. Из мемуаров и художественной литературы, кроме всем хорошо и заслуженно известных «Колымских рассказов» Варлама Шаламова и «Крутого маршрута» Евгении Гинзбург, заслуживает внимание книга Владимира Петрова «Советское золото». Автор попал на Колыму с «кировским потоком» в начале 1935 г. и освободился в феврале 1941 г. Его повествование показывает разительный контраст между жизнью заключенных в относительно вольготное время Берзина и время массовых репрессий Павлова. Petrov Vladimir. Soviet Gold. My Life as a Slave Laborer in the Siberian Mines. N.Y., 1949.

237 Мировая добыча золота в 1932 г. составляла порядка 690 т, в 1933 г. – около 700 т, а в 1935 г. – более 920 т чистого золота. NARA. Decimal File. 861.6341/101. Memorandum «Gold Production in the Soviet Union in 1937 and 1938». P. 34.

238 Как и судьба Э.П. Берзина, первого директора Дальстроя. Эдуард Петрович Берзин, латыш, сын плотника, мечтал стать художником – до революции он учился в Художественной академии в Берлине. Вместо этого в возрасте 38 лет Берзин стал директором зэковского Дальстроя на Колыме. При нем Дальстрой встал на ноги. В декабре 1937 г. Берзин уехал «на материк» на лечение. 8 февраля 1938 г. НКВД арестовало Берзина на железнодорожной станции в Подмосковье. Он был обвинен в создании «контрреволюционной шпионской диверсионной троцкистской организации на Колыме». По сфабрикованным обвинениям он якобы пароходами отправлял золото для финансирования повстанческой армии с целью отторжения Северо-Востока России в пользу Японии. Берзина расстреляли в августе 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

239 Серебровский и его жена были реабилитированы в 1956 г.

240 «Известия», 4 января 1934 г. Западные эксперты приняли эту цифру за чистую монету и последующие расчеты основывали на ней, что привело к значительному завышению данных о золотодобыче в СССР. Аналитики американского посольства в Москве, например, считали, что в 1935 г. СССР добыл 141,4 т чистого золота, тогда как фактическая золотодобыча, включая Дальстрой, составила порядка 95,4 т. (см. примечания к *табл. 9*).

241 В 1934 г. США добыл немногим менее 90 т, а Канада немногим менее 100 т чистого золота. NARA. Decimal File 861.6341/101. Memorandum «Gold Production in the Soviet Union in 1937 and 1938». P. 33.

242 Мировые лидеры золотодобычи беспокоились зря: 300-тонной отметки золотодобыча в СССР достигла только в конце

1970-х гг., но эти рассчеты могут оказаться преувеличенными. Наивысшие показатели были достигнуты в 1979 г., когда СССР, по мнению западных экспертов, добыл 308 т чистого золота. Для сравнения: золотодобыча Южной Африки в тот год составила 703 т чистого золота. Godek Lisa. The State of the Russian Gold Industry // Europe-Asia Studies, vol. 46, no. 5, 1994. P. 762, 766.

243 Всего за начальный период, 1928–1933 гг., на Колыме было добыто лишь 1,9 т золота, из них 0,5 т в 1932 г. Khlevnyuk O. The Economy of the OGPU, NKVD and MVD of the USSR, 1930-1953. The Scale, Structure and Trends of Development // Gregory Paul R. and Lazarev Valery, eds. The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag. Stanford, 2003. Хлевнюк ссылается на ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 17. Д. 278. Л. 75; Оп. 20а. Д. 949б. Л. 2; Д. 984. Л. 2.

244 Небольшое расхождение данных *табл. 9* со сталинской цифрой может объясняться некоторой погрешностью в моих расчетах гражданской золотодобычи 1933 г.

245 Западные исследователи и аналитики использовали сталинскую цифру добычи 1933 г., не зная, что в этой цифре скрыто не добытое советской промышленностью, а скупленное у населения золото Торгсина. Торгсин закрыли, да и Сталина уже не было в живых, но скупленные в годы голода тонны золота жили в западных подсчетах советской золотодобычи вплоть до распада СССР. Прозрение наступило только тогда, когда при М. С. Горбачеве были обнародованы действительные данные о золотом запасе СССР. Он оказался значительно меньше того, что ожидали мировые эксперты. Некоторые эксперты признались тогда, что Сталину удалось их одурачить. Godek Lisa. The State of the Russian Gold Industry. P. 771.

246 Если же верить цифре Розенгольца, то вывоз золота из СССР в 1932 и 1933 гг. составил более 200 т. Золотодобыча же тех лет обеспечила только около 88–89 т (*табл. 6 и 9*).

247 NARA. RG 84, vol. 426. «Shipments of Gold and other Presious Metals from Soviet Russia to Berlin through Riga».

248 Автор записки также заметил, что советское руководство получило золота на 4 млн долл. США в результате разграбления Храма Христа Спасителя в Москве. NARA. Decimal File 861.6341/53. «The Russian Gold Industry; Its Organization and Operations with Particular Reference to its Output in the Period 1913–1931, and to its Plans for Future Development». P. 24.

249 NARA. RG 84, vol. 420, 1934. Section XIX «Gold Movements and the Balance of Payments». P. 151–152.

250 NARA. RG 84, vol. 420. Memorandum «Conversation with Mr. X, an Official of a Berlin Bank, Actively Interested in Financing Russian Trade». P. 4.

251 См., например, рост золотодобычи Дальстроя после закрытия Торгсина: 1936 г. – 33,4 т; 1937 г. – 51,5 т; 1938 – 62,0 т; 1939 – 66,3 т; 1940 – 80,0 т; 1941 г. – 75,8 т. Широков А. И. Дальстрой. С. 103, 130; Nordlander David J. Magadan and the Economic History of Dalstroi in the 1930s. P. 105, оба со ссылкой на ГАМО. Ф. Р-23сс. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

252 По одним расчетам, он составлял 2804 т (Godek Lisa. The State of the Russian Gold Industry. P. 766), по другим данным – 2049,8 т (Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. 1936–1939. М., 2000. С. 125; Российское золото. Т. 3. М., 1994. С. 526).

253 Российское золото. Т. 3. С. 526. Советское послесталинское руководство довело внешний долг СССР до астрономических размеров. В начале 1990-х гг. он составлял 86 млрд долл. США, с ежегодными выплатами по обязательствам в размере 18 млрд долл. Godek Lisa. The State of the Russian Gold Industry. P. 757.

254 Эксперты спорят, что случилось с золотым запасом СССР. Одни говорят – «а был ли мальчик?», действительно ли Сталин накопил столько золота? Другие считают, что в 1980-е гг. советское руководство продало золото, чтобы поддержать стагнирующую советскую экономику, латать дыры в бюджете и покупать потребительские товары для успокоения населения. Есть также мнение, что остаток советской золотой казны разворовали при Горбачеве.

255 Российское золото. Т. 3. С. 526. Упала и промышленная золотодобыча. К началу 1990-х гг. страна со второго опустилась сначала на третье, а затем на пятое место в мировой добыче золота (Godek Lisa. The State of the Russian Gold Industry. P. 761, 762). В годы правления президента Ельцина, по данным периодической печати, золотой резерв России несколько вырос, но до сталинской цифры ему было далеко: в середине 1994 г. он составил 328 т, в январе 1996 – 340 т, в июне того же года – 386 т. (Рыбалкин Ю. Операция «Х». С. 125 со ссылкой на «Понедельник». 1996. № 1. С. 40; «Известия». 1994. 22 июля; «Финансовые известия». 1996. 18 июня). В правление президента Путина Россия, используя благоприятную конъюнктуру мирового рынка, за счет продажи газа и нефти накопила значительный золотовалютный резерв. По сообщениям центрального телевидения, на 8 февраля 2007 г. золотовалютные резервы России составили 305 млрд долларов. Это был третий по величине резерв после

Китая (1066 млрд долл., без Гонконга) и Японии (895 млрд долл.). В середине декабря 2007 г. золотовалютные резервы России составили 461,2 млрд долл. (с середины 2007 г. их стали называть международными резервами России). http://www.lenta.ru/news/2007/12/13/reserves

256 Российское золото. Т. 1. М., 1993. С. 541.

257 Godek Lisa. The State of the Russian Gold Industry. P. 769 со ссылкой на «Precious Metals – Soviets Widen Range of Swap Deals», Reuters, 17 July 1991.

Золото

258 В августе 1931 г. Политбюро, в связи с платежами за американское оборудование, требовало выяснить состояние мобилизационных запасов цветных металлов и сколько можно разбронировать. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 160.

259 Политбюро взяло валютные вопросы под строжайший контроль. В 1930–1932 гг. удельный вес валютно-экспортных вопросов в повестке дня заседаний Политбюро резко вырос. В 1932 г. валютные и экспортно-импортные планы, которые рассматривало и утверждало Политбюро, разработаны особенно детально, буквально по месяцам.

260 См. протокол заседания комиссии Политбюро по вопросам внешней торговли и кредитной реформы от 19 декабря 1930 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 108–109). В январе 1931 г., следуя решению Политбюро, СТО выпустил постановление о 10-миллионном сокращении накладных расходов по импорту (см. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 171). Постановление комиссии Политбюро по валютным резервам от 23 июня 1932 г. запрещало советским организациям за границей расходовать выручку от экспорта на административные и управленческие нужды. Оно требовало, чтобы заграничные организации НКВТ во втором полугодии 1932 г. сократили административно-управленческие расходы на 1,4 млн руб. золотом. Показательно, что до выхода этого постановления Наркомвод, например, вообще не вел учета расходов валюты (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 202–206). О сокращении физических объемов непромышленного импорта см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 42 и др. Валютная экономия по импорту засчитывалась не в бюджет предприятий, а государству (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 25).

261 С начала индустриализации к 1931 г. СССР только по договорам об иностранной технической помощи выплатил Западу 26 млн руб. золотом, то есть порядка 13 млн долл. В 1931 г. расходы на

техпомощь превысили 30 (!) млн руб. (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 123; Д. 10. Л. 30). О кампании Политбюро по пересмотру договоров о техпомощи см.: решения Политбюро от 30 ноября 1930 г., 5 мая и 8 декабря 1931 г., а также постановление СТО от 12 мая 1931 г. Решения Политбюро содержат внушительный список иностранных фирм, договора с которыми подлежали расторжению. Показательно: именно Политбюро, а не ВСНХ решало, с какими фирмами следует прекратить сотрудничество (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 123–124; Д. 10. Л. 28, 30–32; Д. 11. Л. 85–86). Даже Наркомтяжпром и Наркомвоенмор должны были сократить расходы на иностранную помощь. Договора расторгались односторонне уведомлением фирм и остановкой платежей по обязательствам. По отчету ВСНХ, к концу 1931 г. общая экономия по расторгнутым договорам составила 3,5 млн руб. План на 1932 г. предусматривал экономию в 15 млн руб. за счет аннулирования, отсрочки или изменения заключенных договоров (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 130). Заключение новых договоров было ужесточено: для этого требовалось разрешение СТО. Проверку расходов предприятий по договорам о техпомощи должен был проводить не наркомат хозяйственного контроля – Рабкрин, а служба госбезопасности – ОГПУ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 32).

262 С 1931 г. по решению Политбюро советские служащие за границей вместо валюты стали получать пятую часть зарплаты в рублях и облигациях добровольно-принудительного государственного займа (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 160). В 1932 г. были введены новые валютные ограничения по выплате зарплаты советским служащим за границей. В мае 1932 г., например, постановление Политбюро требовало исчислять зарплату советским сотрудникам в Японии и Синьцзяне не в местной валюте, а в золотых рублях, да так, чтобы по Японии оклады снизились на 25%, а по Синьцзяну на 35% (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 143). Были снижены командировочные для поездок за границу, сроки командировок, запрещалось тратить иностранную валюту для «экипировки» командируемых, которые теперь должны были покупать все необходимое в СССР (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 1058; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 124).

263 Постановление СТО от 10 августа 1932 г. категорически запрещало государственным и общественным организациям включать в договора и сделки, совершавшиеся на иностранную валюту, «золотую формулу», то есть давать обязательства платить золотом или по расчету на золото. Исключения допускались лишь с разрешения СНК (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 871).

264 О Кредитбюро см. главу «"Красные директора" Торгсина: "Политкомиссар"».

265 Решение об организации в крупных городах гостиниц, предназначенных только для иностранцев, было принято Политбюро в начале 1931 г. Плата в таких гостиницах принималась «исключительно в твердой иностранной валюте», и работали они под контролем ОГПУ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 118).

266 Никелевая разменная монета была введена в обращение в марте 1932 г. Она стала ходить наравне с серебряной и постепенно заменила ее: Политбюро запретило Госбанку возвращать поступавшую в виде платежей от населения серебряную монету в обращение. Выпуск никелевой монеты позволил сэкономить валюту, так как серебряные монеты в СССР чеканили из импортного серебра (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 130; Д. 12. Л. 148).

267 Политбюро обязало буквально все государственные предприятия и учреждения «изыскать добавочные статьи экспорта» (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 41; Д. 15. Л. 158).

268 С началом индустриализации спорадический вывоз антикварных и художественных ценностей превратился в массовый экспорт. Долгие годы эта тема в СССР была табу. Первое обширное исследование по ней появилось на Западе (Robert C. W. Russian Art and American Money, 1900–1940. Cambridge, 1980). В годы перестройки вслед за первыми небольшими, но важными публикациями А. Мосякина («Продажа». Огонек. 1989. № 6–8) вышли в свет исторические исследования и сборники документов. См.: Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры; Проданные сокровища России. М., 2000; Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000; Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920–1930 гг. СПб., 2001; Жуков Ю.Н. Сталин: операция «Эрмитаж». М., 2005; Osokina E.A. «Operation Duveen» // Treasures into Tractors: The Selling of Russia's Cultural Heritage, 1917–37. Odom A. and W. Salmond eds., Idyllwild, CA, 2008; idem. De l'or pour l'industrialization. La vente d'objets d'art par l'URSS en France pendant la periode des plans quinquennaux de Stalin // Cahiers du Monde Russe. Janvier-mars 2000, 41/1; она же. На большой дороге с рембрандтами // Родина. 2006. № 9. С. 95–105; она же. Антиквариат. Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003; На Западе работает группа хранителей библиотечных коллекций и историков, которая специально занимается изучением экспорта книг из российских библиотек и частных коллекций при Сталине.

269 Постановление Валютной комиссии СНК от 15 августа 1932 г. «О сокращении отпуска золота для внутреннего потребления», включая пополнение резерва и нужды предприятий (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 872. Л. 1). Политбюро предпочитало депонировать драгоценности из алмазного фонда как гарантию по кредитам, чем использовать для этой цели золото (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 143). Для предотварщения краж золота аффинажные заводы охранялись ОГПУ. Несмотря на запреты и ограничения, было много нерациональных с точки зрения индустриализации, валютных трат. Например, Валютная комиссия СНК СССР 20 марта 1935 г. выдала Наркомторгу 45 кг серебра и 10 кг золота для изготовления столовых приборов на 24 персоны для представительских нужд Амторга в Нью-Йорке, что вызвало протест Наркомфина (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1168. Л. 1). Или валютные траты на покупку за границей пленки для производства первого советского (на иностранной пленке!) цветного фильма «Соловей-Соловушко». Политбюро заказало этот фильм Межрабпомфильму и установило дату выпуска (1 мая 1934 г.), но вышел ли «Соловушко»? (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 844. Л. 87). В числе нерациональных валютных расходов были «закупка медикаментов для Москвы», то есть для Кремля (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 115), и выдача валюты на лечение государственных деятелей за границей. Так, в 1934 г. вице-президенту АН СССР академику Комарову с женой было выделено 1,5 тыс. руб. золотом на поездку за границу на лечение сроком на 2,5 месяца (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 847. Л. 50).

270 См. распоряжение о прекращении приема золотых и серебряных предметов церковной утвари (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132. Л. 92).

271 Из контор Торгсина поступали рапорты, в которых управляющие писали о том, что порой нецелесообразно превращать сдаваемые населением золотые предметы в лом. Стоимость их как целых вещей была выше стоимости лома. Так, в одном письме сообщалось: «4–5 золотников золотых часов оценивается в 12–15 руб., а сами часы могут быть проданы за 100–150 руб. золотом». Более того, люди приносили в Торгсин и уникальные изделия, имевшие историческую и художественную ценность. В 1933 г. Правление Торгсина требовало, чтобы приемщики сохраняли особо ценные антикварные предметы для продажи их иностранцам за валюту. (Об этом см. главу "Yours Faithfully Torgsin"). Однако в конечном счете все зависело от того, мог ли приемщик оценить уникальность вещи и хотел ли он брать на себя заботы по оформлению документов. С уверенностью можно

сказать, что на переплавку из Торгсина ушли многие ценные предметы (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 51. Л. 29; Д. 20. Л. 60).

272 Приемка и оценка драгоценных металлов: Руководство для скупочных пунктов Торгсина. М., 1933. Благодарю своего однокурсника – историка и археолога Андрея Сазанова, который нашел эту брошюру в Российской государственной библиотеке и сделал для меня копию.

273 О переплавке монет см.: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132. Л. 54.

274 Ювелирное объединение Наркомторга находилось на самообеспечении. Для получения сырья оно скупало драгоценные металлы у населения. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1170. Л. 4.

275 Речь идет об украшениях, золотой домашней утвари и предметах обихода – таких ценных золотых безделицах, как часы, табакерки, портсигары, шкатулочки и коробочки, которые являлись одной из составляющих материального достатка высшего и среднего классов старой России и в определенной степени мерилом их богатства.

276 Единого и всеми признанного понимания среднего класса нет. Исследователи определяют его уровнем доходов, образования и жизни, типом социального поведения и жизненных стратегий и даже самооценкой, то есть субъективным ощущением своего статуса самим человеком. Однако все исследователи среднего класса пишут о материально-имущественном положении как одной из важнейших определяющих его статуса.

277 Вопросы о том, удалось ли создать советский средний класс и есть ли средний класс в современной России, остаются открытыми. Исследователи придерживаются разных точек зрения на этот счет.

278 Чем больше был город и чем больше в нем было торгсиновских магазинов, тем больше в нем было и скупочных пунктов. В октябре 1933 г. в Ленинграде, например, работал 21 скупочный пункт, в то время как в несравнимо более обширной Ленинградской области их было только 58 (ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 3. Д. 59. Л. 261). Адреса скупочных пунктов города Ленинграда в 1934 г. см.: ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 10. Д. 16. Л. 43.

279 В крупных городах пункты по скупке драгоценных камней отделились от скупки драгоценных металлов. Летом 1933 г. скупочные пункты крупных городов стали подчиняться не руководству магазинов, а своей собственной администрации, Центральному скупочному пункту. В 1934 г., однако, сначала в наиболее крупных городах, а с августа по всей стране скупочные пункты были «приданы» магазинам и стали зависеть от их администрации. Центральный скупочный пункт в структуре Торгсина был ликвидирован (ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 4. Д. 110. Л. 4. См. также Новую инструкцию по приему и отовариванию валютных ценностей. ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 4. Д. 111. Л. 77–89).

280 По договору, который Правление Торгсина заключило с правлением Внешторгбанка и Госбанка СССР, Госбанк обеспечивал скупочные пункты приемщиками-оценщиками и нес ответственность за их работу. Кроме того, по этому договору Госбанк открывал приписные инвалютные кассы в магазинах Торгсина, где также работали его сотрудники. Торгсин, в свою очередь, отвечал за предоставление помещений, канцелярского имущества, инструментов, реактивов и прочего, а также нес охрану. По правилам, установленным в 1933 г., Госбанк сам должен был вывозить ценности со скупочного пункта не позднее следующего операционного дня.

281 Для испытания металла пробирер делал надрез напильником или глубокую царапину шилом или иглой. На место пореза капал азотной кислотой. Если реакции не было, то предмет золотой, если появлялось потемневшее пятно – серебряный, а если на месте разреза кислота начинала кипеть и показывалась зелень – медный. При покупке изделий, полых внутри, инструкция рекомендовала, предупредив владельца, взламывать предмет, так как в полости дутых изделий часто запаивались недрагоценные металлы. Убедившись, что предмет золотой, пробирер затем с помощью реактивов устанавливал пробу, то есть содержание чистого золота в металле. Советские оценщики пользовались новой системой проб. В «старое время» считалось, что химически чистое золото содержит в весовой единице 96 частей чистого золота. По новому измерению было принято, что химически чистое золото содержит в себе 1000 проб (частей) чистого золота. 96-я проба старого измерения соответствовала, таким образом, 1000-й пробе, 72-я проба – 750-й, 56-я проба – 583-й, 36-я проба – 375-й пробе нового советского измерения. См.: Приемка и оценка драгоценных металлов. С. 18 и расчетные таблицы в приложении.

282 ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 2. Д. 5. Л. 130.

283 В скупке шлихового золота, самородков и слитков Торгсин конкурировал с Главзолотом, который имел магазины в районах приисков. В обмен на ценный металл частники-старатели покупали там товары. Главзолото проверяло, не является ли золото ворованным с государственных предприятий золотодобычи. Есть основания полагать, что Торгсин побил золотоскупку Главзолота. Он предлагал больше товаров и, видимо, вначале по более низким ценам. Кроме того, материалы свидетельствуют, что

Торгсин платил за золото больше. В письме из Свердловской области (июнь 1934 г.), например, говорилось, что скупочные цены в Торгсине были в два раза выше цен Уралзолота: в результате «все пошло в Торгсин», увеличились хищения с приисков и спекуляция (см.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 828. Л. 6). К тому же, оценщики Торгсина не были щепетильными: видимо, в Торгсин «утекло» немало золота с государственных приисков. Хотя золото, из Торгсина-ли или из золотоскупки Главзолота, шло государству, ведомственные интересы порой были важнее государственных. Главзолото пыталось заручиться поддержкой правительства в конкуренции с Торгсином. Постановление Совнаркома СССР от 7 июля 1934 г., например, установило единые цены на товары, отпускаемые Торгсином и торгово-золотоскупочной сетью Главзолота в обмен на шлиховое, рудно-шлиховое золото, самородки, а также неопробированные слитки (см.: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 94. Л. 62).

284 Химически чистым золотом считалась тысячная проба по новому и 96-я проба по старому измерению. Цена других проб определялась исходя из этой базовой цены по содержанию в изделии чистого золота. Для определения цены золота других проб нужно было разделить 1 руб. 29 коп. на 1000 и умножить на номер пробы, например 583. Инструкция – и это показатель уровня образованности приемщиков – специально объясняла, как нужно делить число на 1000. При расчете содержания чистого веса золота вычитался угар с лигатурного (смешанного с другими металлами) веса: для 900-й пробы – 1%, по золоту ниже 900-й пробы – 3% веса. См.: Приемка и оценка драгоценных металлов. С. 26–27 и расчетные таблицы.

285 Иностранная золотая монета без дефектов принималась по паритету по специальной таблице Госбанка. Дефектная и та, что в таблице отсутствовала, по весу. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 48; ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 об.

286 Постановление Наркомата труда СССР от 27 августа 1932 г. «Об имущественной ответственности работников, выполняющих операции с золотом, иностранной валютой и другими ценностями» требовало взимать с виновных в недостачах в 15–20-кратном размере стоимости ценностей. ЦГА РУз. Ф. 289. Оп. 1. Д. 200. Л. 42.

287 Речь идет об определении пробы золота с помощью камней и игл. Для этого на специально изготовленный черный шлифованный камень оценщик натирал крепкими нажимами и как можно гуще испытываемое золото. Рядом специальными золотыми иглами разной пробы он натирал аналогичные полоски. Затем

сравнивал полоски и по сходству цвета определял пробу испытываемого золота. Этот метод был дорогим, а поэтому мало распространенным в Торгсине.

288 ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 2. Д. 5. Л. 12.

289 В конце зимы – весной 1934 г. в разных городах СССР на скупочных пунктах Торгсина появилось значительное количество крупных поддельных слитков золота низкой пробы. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132; ЦГАМО. Ф. 3819. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

290 По инструкции, прежде чем отказать, оценщик должен был предложить сдатчику отправить слиток на экспертизу в ближайшее пробирное отделение Госбанка.

291 ЦГАМО. Ф. 3819. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

292 В архиве сохранилась подборка жалоб на оценки золота пробирером Гальпериным, который работал в торгсине в Карасу (Узбекистан). По мнению сдатчиков, он «ни черта не понимал», и его оценки расходились с оценками торгсина в Андижане. ЦГА РУз. Ф. 289. Оп. 1. Д. 200. Л. 72–76.

293 Сердитые циркуляры, которые Правление Торгсина рассылало своим конторам (например, см.: ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 30. Л. 59–60; Д. 39. Л. 27), подтверждают тот факт, что распоряжение правительства о сборе ценных отходов не соблюдалось.

294 В апреле 1932 г. в специальном письме «О золоте, распыляемом при поломке», направленном всем конторам Торгсина, Правление писало, что до последнего времени на распыление золота при приемке не обращали внимание, *«но в связи с развитием операций Торгсина потери золота на распылении являются настолько значительными, что представляется целесообразным приступить к использованию пыли и ветоши, скопляющихся на столах приемщиков, для выделения из них золота»*. ЦГА РУз. Ф. 89. Оп.1. Д. 16а. Л. 36.

295 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 114. Л. 38. Материалы Торгсина свидетельствуют, что пробиреры не считали излишки, которые образовывались в результате несовершенства приемки драгоценных металлов, обманом населения, так как все шло государству. Более того, бытовало мнение, что размер излишков не подлежал ограничению. ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 40. Л. 258.

296 ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 2. Д. 5. Л. 126–127. Кроме того, там, где не было контор Торгсина, золото и серебро на его счет скупали отделения Госбанка. О правилах скупки драгоценных металлов отделениями Госбанка «против товаров Торгсина» см. циркуляр Госбанка, принятый в декабре 1932 г. (ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 1. Л. 26–35).

[297] Предприимчивые люди, особенно в районах старательства, объезжали деревни, скупали золото, сдавали его от своего имени в Торгсин, а потом перепродавали втридорога полученные деньги Торгсина и его товары. По признанию Правления Торгсина, доходы таких частников превышали обороты некоторых торговых точек Торгсина. Вместо того чтобы запрещать инициативу, Торгсин заключал с частными скупщиками договор. Те, чтобы защитить себя от репрессий, соглашались стать официальными агентами по скупке и обязывались ежемесячно сдавать определенную сумму ценностей. ОГПУ следило за деятельностью частных скупщиков, но по договоренности с Торгсином старалось их не трогать. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 33. Л. 25; Д. 41. Л. 20.

[298] ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 2. Д. 5. Л. 12. В период развертывания золотоскупки жалобы директоров скупочных пунктов о невозможности «пропустить» всех желающих сдать золото были распространенным явлением.

[299] Летом 1933 г. двусменная работа была введена в 10 скупочных пунктах г. Ленинграда. ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 3. Д. 59. Л. 261.

[300] Мне не известно значение слова «собачка» в данном контексте: может быть, это был намек на то, что человеку еще предстояло побегать по инстанциям, высунув язык, может быть, – указание на то, что документ был охраной, защитой, подтверждавшей права сдатчика, а может быть, это была оценка качества жизни советских людей.

[301] Приняв ценности, пробирер в трех экземплярах выписывал квитанцию. Для золота и серебра были разработаны отдельные образцы квитанций. Один ее экземпляр оставался у пробирера, два других поступали для проверки к контролеру по приемке ценностей. Номер собачки оценщик проставлял на квитанции по приемке ценностей.

[302] В 1934 г., как свидетельствуют ленинградские материалы, должность контролера была упразднена, его функции выполнял и без того загруженный работой оценщик-приемщик. ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 4. Д. 110. Л. 4.

[303] Данные квитанции контролер записывал в контрольную ведомость, по которой и определялось, сколько ценностей скупочный пункт принял в данный день. Записи в контрольной ведомости в конце рабочего дня должны были сверяться с приемо-сдаточными реестрами, которые ежедневно по итогам дня составлял приемщик-оценщик отдельно по золоту и серебру на основе оставшихся у него копий квитанций. Затем копии приемо-сдаточного реестра, одна в мешке с драгоценностями, другая на руках у инкассатора банка, отправлялись в Госбанк. В

скупочном пункте оставался один экземпляр реестра для отчетности и еще один экземпляр уходил в Правление Торгсина для статистического учета. Эта система, при которой учет скупленных ценностей велся по линии двух ведомств, Торгсина и Госбанка, важен для определения достоверности статистики Торгсина. Образец приемо-сдаточного реестра и другие формы отчетности 1932 г. по приему ценностей см.: ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 1. Л. 33 об.

[304] Видимо, потому, что по ним владельцы забирали (покупали) товар.

[305] Неиспользованные книжки образца 1933 г. поступили в Госбанк в Москву. Специальная Тиражная комиссия проверила их и сожгла на электростанции. Может быть, поэтому в наши дни практически невозможно найти товарные книжки Торгсина образца 1933 г. Они могли сохраниться только в том случае, если остались неиспользованными у владельцев, но так как люди сдавали за них ценности, то стремились потратить деньги Торгсина все до копейки.

[306] Минимальная зарплата выплачивалась и в случае обслуживания меньшего числа сдатчиков.

[307] Те, кто работал в системе Торгсина, но не получал «золотой» паек, должны были снабжаться пайками на общих с остальным населением условиях через государственные распределители. В голодной карточной системе первой половины 1930-х гг. получение «золотого» пайка считалось главной привилегией работников Торгсина. О пайках в Торгсине также см. главу «Продавец всегда прав».

[308] Наивысший паек в размере 12 золотых руб. полагался оценщикам при обслуживании 4,2 тыс. сдатчиков. Контролеры для получения лучшего для них пайка стоимостью 10 руб. должны были «обработать» 8,4 тыс. сдатчиков в месяц (до 350 человек в день). При перевыполнении нормы оценщики и контролеры получали прибавку к зарплате. Наименьший паек стоимостью 6 золотых руб. полагался оценщикам при обслуживании 2,4 тыс. и меньше человек в месяц, а контролерам при обслуживании 275 сдатчиков в день. См.: Приемка и оценка драгоценных металлов. С. 47–49.

[309] В некоторых случаях в глубинке скупочная цена определялась в мешках муки. Так, специальная комиссия СТО, которая в 1933 г. проверяла цены в Торгсине, в своей записке отмечала, что в приисковых районах за килограмм шлихового золота в I–II кварталах 1932 г. Торгсин давал 3,3 т муки, в III квартале – 4,03 т, а в IV – 9,2 т муки. Увеличение выдачи муки было связано не с из-

менением скупочной цены на золото, а с понижением цены на муку в Торгсине. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 818. Л. 15.

310 Коммерческие государственные магазины существовали в СССР в годы карточной системы 1931–1935 гг. В отличие от закрытых распределителей, выдававших пайки, в коммерческих магазинах покупка не была, за некоторыми исключениями, ограничена нормами, но цены в несколько раз превышали пайковые.

311 Мировая цена золота представляет паритет (равенство) доллара к золоту, по сути это курс доллара по отношению к золоту. В этой главе скупочная цена Торгсина на золото сравнивается с фиксированным паритетом, который устанавливался правительственными актами США. До начала 1934 г. по паритету тройская унция золота (31, 1035 г) стоила 20,67 долл., а с начала 1934 г. – 35 долл. США. В 2000 г. среднегодовая цена золота находилась на уровне 8,94 долл./г или порядка 278 долларов за тройскую унцию. Рекордным был 1980 г. – 19,8 долл./г (616 долл. за унцию). Покупка золота оказалась отличным вложением капитала. Беневольский Б. И. Золото России. Проблемы использования и воспроизводства минерально-сырьевой базы. М., 2002. С. 37–38.

312 Золотой рубль как условная расчетная единица был введен в России в период денежной реформы в 1897 г. Его содержание соответствовало 0,774235 г чистого золота. В качестве счетной единицы в советское время золотой рубль стал использоваться в 1921–1922 гг. из-за того, что бумажные деньги быстро обесценивались и вести статистические расчеты в них было практически невозможно. С октября 1922 г. золотой рубль в СССР перестали применять во внутренних расчетах, в связи с выпуском в обращение банкнот Госбанка в червонцах, но как условная единица советской статистики международных валютных расчетов, включая операции Торгсина, он сохранялся вплоть до 1936 г.

313 Официальный обменный курс бумажного и золотого рубля устанавливался финансовыми органами СССР. В разное время это были Наркомфин, Госбанк, специальные котировальные комиссии. На «черном» рынке курс торгсиновского рубля по отношению к простому рублю был в несколько раз выше официального. В период голода 1933 г. на «черном» рынке за один торгсиновский рубль давали до 60 простых рублей.

314 О скупке этих видов ценностей см. соответственно главы «Серебро» и «Бриллианты».

315 Этот вывод сделан на основании следующей информации. До 1934 г. тройская унция (31,1035 г) золота стоила 20,67 долл. США, следовательно, грамм чистого золота стоил порядка

66,5 центов. Официальный курс доллара в СССР до середины 1930-х гг. составлял 1 руб. 94 коп. Многие документы Торгсина подтверждают, что его руководство считало цену 1 руб. 29 коп. рублевым эквивалентом мировой цены на золото.

316 30 января 1934 г. президент США Рузвельт ратифицировал Золотой резервный акт, которым устанавливался фиксированный паритет доллара к золоту. Он составил 35 долларов за тройскую унцию.

317 При цене на золото 35 долл. США за тройскую унцию (31,1035 г) грамм химически чистого золота стоил 1,125 долл. При официальном обменном курсе 1 руб. 94 коп. за доллар США цена грамма золота в рублях составит порядка 2 руб. 18 коп.

318 В Торгсине были и другие способы получения золотого «припека»: неточности в определении чистоты и веса, скидки на угар. За I квартал 1934 г. подобный «припек» составил 4% от суммы скупки, или в физическом выражении 213 тыс. руб. при скупке золота на 5344 тыс. руб. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132. Л. 155.

319 Серьезных подсчетов покупательной способности рубля в 1930-х гг. относительно доллара никто не вел, да и вести такие подсчеты чрезвычайно трудно. Цены в период карточной системы первой половины 1930-х гг. зависели от вида торговли. В распределителях номенклатуры или в государственных распределителях для рабочих, где цены на пайки были низкими, покупательная способность рубля была высокой и могла соответствовать официальному обменному курсу. На крестьянском и «черном» рынках, ввиду астрономических цен, покупательная способность рубля была ничтожной. Другая сложность расчетов покупательной способности рубля состоит в том, что цены свободного рынка, крестьянского и черного, существенно колебались по регионам страны.

320 В декабре 1932 г. американский журнал «Тайм» писал, что в России на «черном» рынке рубль продают за 3–20 центов (Silver for shoes // Time. 1932. December 26.). К 1935 г. мало что изменилось. «Тайм» в рубрике иностранных новостей сообщал, что длительно проживавшие в СССР иностранцы привыкли покупать рубли на «черном» рынке за 4 цента и даже меньше того (Paradise Money // Time. 1935. November 25). Американский турист, побывавший в России осенью 1931 г., конфиденциально сообщал в консульство США в Риге: *«Говорят, что рубли можно купить в Берлине за 6 центов и даже дешевле, но опасно стараться ввозить их сюда. Как я понял, банки и частные дилеры в Берлине и Варшаве не заплатят больше 3 центов за рубль, который здесь стоит* (по официальному курсу. – *Е.О.*) *50 центов!»*

(NARA. RG 84. Correspondence. American consulate. Riga, vol. 3, file 800-B. A copy of a series of impressions noted by an American citizen during his very recent visit (September-October, 1931) to Russia. P. 2–3).

321 Об этом см. главу «Портрет покупателя в интерьере».

322 Данные финального отчета Торгсина, подготовленного в феврале 1936 г. (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 133. Л. 141–143). Для нас в данном случае не важно, были ли цены Торгсина выше или ниже цен других видов внутренней советской торговли – пайковых, коммерческих магазинов или вольного рынка, так как в них не было, в отличие от цен Торгсина, «валютной составляющей»: люди не жертвовали ценностями для покупки товаров, а государство не получало от этой торговли валютного эффекта. По этой же причине сравнивать цены Торгсина и цены внутренней торговли можно только условно.

323 Подробно о политике цен в Торгсине и значительном превышении цен Торгсина над советскими экспортными ценами см. главы «Цены» и «Тайны Торгсина».

324 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 175. Л. 130.

325 Об импорте Торгсина см. главу «Маслины для голодных».

326 Подробно об ассортименте товаров в Торгсине см. «Хлеб и плимсоли».

327 Зимой 1932 г. встал вопрос о передаче Торгсину скупочных пунктов золотоплатиновой промышленности, которая не выдерживала конкуренции с торгсиновской скупкой. В течение зимы Торгсин принимал пункты, аппарат и валютный план от Главметцветзолота и Востокзолота, которые вели скупку в районых золотодобычи. О передаче скупочной сети золотоплатиновой промышленности Торгсину просил Наркомат тяжелой промышленности. Таким образом, начальное правило о недопущении Торгсина в приисковые районы, вотчину Цветметзолота, на некоторое время было нарушено. Ювелирная контора Мосторга, которая в 1932 г. скупала золото у населения для Торгсина, со всем инвентарем, аппаратом и помещениями также была передана Торгсину. В структуре Торгсина она была преобразована в Управление по скупке и инструктажу по драгоценным металлам. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 13. Л. 2; Д. 30. Л. 119.

328 Вот, например, данные по Ленинградской конторе. Скупка бытового золота началась в конце декабря 1931 г. В январе 1932 г. контора скупила золота на 61 тыс. руб., в феврале – на 147 тыс., в марте – на 173 тыс., в апреле – на 207 тыс. руб. Директивный план скупки золота на апрель был выполнен на 244%! ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 2. Д. 19. Л. 34, 55.

329 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 92. Л. 171.

330 См. записку Правления Торгсина в ЦК о функциях и аппарате Всесоюзного объединения «Торгсин», составленную в октябре 1932 г.: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

331 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 92. Л. 171.

332 Там же. Д. 132. Л. 123.

333 О том, что золото царского чекана в значительной степени поступало из «глубинных пунктов» от крестьян, говорится в «Объяснительной записке к плану привлечения ценностей на 1935 год» (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 140. Л. 76) и в «Анализе каналов притока валюты в Торгсин», подготовленном в феврале 1934 г. неким И. Орбеловым (там же. Д. 132. Л. 121), а также в докладе заместителя председателя Правления Торгсина Азовского на областном совещании директоров универмагов Западной области в июне 1933 г. (ГАСО. Ф. 1425. оп. 1. Д. 21. Л. 7). Материалы Торгсина по Средней Азии позволяют сказать, что структура золотых и серебряных поступлений была не только отражением социального, но в определенной мере и национального деления: из скупочного пункта в Караколе (Киргизия) в 1934 г. сообщали, что бытовое золото поступало, главным образом, от «европейского населения», чекан – от спекулянтов, которые активно скупали его по району, а бытовое серебро сдавали в основном киргизы-кочевники. ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 40. Л. 335.

334 Несмотря на то что Северо-Западная контора охватывала обширные негородские территории Псковской, Новгородской, Ленинградской, Мурманской областей, а также Карелии, она так и осталась в истории Торгсина преимущественно городской Ленинградской. Доля города Ленинграда в поступлении золота по этой конторе колебалась во все годы ее существования на уровне 90%. Значение Ленинграда отражено и в названии конторы. Она возникла как Ленинградская, затем, в период развития областной сети Торгсина, в 1932 г. кратковременно называлась Северо-Западной, но вскоре вновь вернулась к прежнему названию, так как город Ленинград доминировал. Западная же контора, возникшая, как Смоленская городская, сформировалась практически исключительно в результате охвата Торгсином в 1933 г. сельских местностей Западной области. Историю развития этих контор см. в приложении.

335 Данные о выполнении валютного плана конторами Торгсина за первое полугодие 1934 г. свидетельствуют о том, что сдача бытового золота почти повсеместно преобладала над сдачей золотых монет. Исключениями, где население сдало в этот период монет больше, чем бытового золота, были Горьковская, Западная, Цен-

трально-Черноземная, Харьковская, Днепропетровская, Белорусская и Таджикская конторы. В Башкирии, Туркмении, Киргизии и Армении население сдало монет почти столько же, сколько и лома. Большинство в этой группе – регионы с преобладающим сельским населением. Исключение составляли Харьков и Днепропетровск, но эти индустриальные города были магнитом, притягивавшим сельское население соседних местностей. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1 . Д. 112. Л. 107.

336 Всего за 9 месяцев 1932 г. Торгсин скупил золота на 17,2 млн руб.

337 В общей сложности украинские конторы (Харьковская, Киевская, Днепропетровская, Одесская, Мариупольская и Винницкая) за 9 месяцев 1932 г. скупили золота на 3,5 млн руб., в том числе лома на 2,3 млн и чекана на 1,2 млн руб. Украина обеспечила более пятой части скупки золота по стране за этот период времени. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 66.

338 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 66. Л. 98.

339 Напомню, что в 1932 г. гражданская золотодобыча составила 36,3 т. Дальстрой, который только становился на ноги, дал еще 0,5 т (*табл. 9*).

340 План скупки ценностей на 1933 г. по остальным конторам: Восточная Сибирь – 3 млн руб.; Западная Сибирь – 2,7 млн; Дальневосточная контора – 2,5 млн; Западная – 2,4 млн; Уральская, Центрально-Черноземной области – по 2,3 млн; Нижегородская, Башкирская, Казакская – по 2 млн; Нижняя Волга – 1,8 млн; Северная, Татарская конторы, Средняя Волга, Крым, Узбекская контора – по 1,5 млн; Туркменская – 1 млн; Якутия – 0,5 млн руб. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 66. Л. 134, 146.

341 Резкая разница в скупке золота в голодные 1932 и 1933 гг. объясняется тем, что в 1932 г. региональная сеть Торгсина только начала разворачиваться.

342 В 1933 г. гражданская золотодобыча составила 50,5 т, а зэковская добыча Дальстроя пока была незначительной (*табл. 9*).

343 По стоимости золото лидировало в скупке, но в весовом отношении уступало более дешевому серебру. Торгсин начал принимать серебро в последних числах декабря 1932 г. и только за эти несколько дней скупил 18,5 т. За 1933 г. люди снесли в Торгсин 1420,5 т серебра (см. главу «Серебро»). Состав ценностей, скупленных Торгсином в 1933 г., можно назвать «металлическим» – золото и серебро, в монетах и ломе, составили почти 76% всех поступлений ценностей. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132. Л. 122.

344 По отношению к 1932 г. приток лома в 1933 г. составил 203%, а приток монет – 247%.

345 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132. Л. 113.

346 Автор «Анализа каналов притока валюты в Торгсин» в начале 1934 г. писал: *«По всеобщему признанию, основным источником притока золотой монеты является главным образом деревня. Очевидно, Торгсин в 1933 году начал уже в более усиленном темпе втягивать в свое русло крестьянское население»*. Несколькими страницами ниже он отмечал наличие в 1933 г. «активного интереса со стороны крестьянства к покупкам на валюту». РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 132. Л. 113, 121.

347 Астафьев В. Последний поклон // Где-то гремит война. М., 1975. С. 130. О том же, хотя стиль несравнимо хуже, сказал и заместитель председателя Правления Торгсина М. Н. Азовский в июне 1933 г. на совещании директоров универмагов Западной области в Смоленске: *«Некоторые* (ранее выступавшие. – *Е. О.*) *приводили пример с чеканкой и отмечали, что пошла чеканка. Что это значит, вот она пошла, а раньше она не шла. В чем дело. Ведь это, товарищи, довольно знаменательно, это говорит о том, что в Торгсин начали втягиваться новые и новые слои покупателей. Сейчас в Торгсин пошел крестьянин, тот, который о Торгсине раньше ничего не знал, тот, который нами еще не обслуживался»*. ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

348 Астафьев В. Последний поклон. Глава «Ангел-хранитель».

349 В 1932 г. разрыв между скупкой лома и чекана на Украине был более резким. В золотоскупке 1932 г. по Украине чекан составил порядка 35% (по результатам первых трех кварталов), в 1933 г. – 44%. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 114. Л. 61; Д. 66.

350 В 1933 г. московские магазины Торгсина скупили у населения золота на 8,7 млн руб (6,7 т чистого золота), а включая Московскую область, – на 10,9 млн руб. Бытовое золото в скупке 1933 г. в Москве составляло 5,7 млн., монеты – почти 3 млн руб., а в Московской области – соответственно 1,6 и 0,6 млн руб. ЦГАМО. Ф. 3812. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

351 Документы конца 1933 и последующих годов существования Торгсина изобилуют наказами о необходимости культурной торговли, работы с покупателем, переноса центра тяжести торговли с продовольствия на товары ширпотреба. Об этом см. главу «Закат».

352 По результатам скупки золота в 1934 и 1935 гг. впереди всех республик была Российская Федерация, где ожидаемо лидировали Московская и Ленинградская конторы. В первом полугодии 1934 г. Торгсин купил в РСФСР золота на 10,4 млн руб., в том числе Московская контора – на 3,3 млн и Ленинградская – на 1,7 млн руб., за ними шли Свердловская (0,8 млн) и Восточ-

но-Сибирская (0,5 млн) конторы. Украинский Торгсин, занимая второе место, в тот же период времени скупил золота на 2,1 млн руб. На Украине лидировали Киевская (0,7 млн) и Харьковская (0,5 млн) конторы. Закавказские республики в скупке золота занимали третье место – 1,6 млн руб. за первое полугодие 1934 г. Среди них лидировала Азербайджанская контора (0,73 млн), лишь слегка отставала Грузия (0,66 млн). Торгсин в Средней Азии в первом полугодии 1934 г. купил золота на 0,9 млн руб., Узбекистан далеко оторвался от других среднеазиатских республик (0,6 млн). Белорусский Торгсин в тот же период времени скупил золота на 0,4 млн руб. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 112. Л. 107.

353 Подробно об отмене карточек см.: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 173–194; Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР, 1934–1935 гг. // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87–108.

354 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 133. Л. 103.

355 Некогда секретные материалы золотодобывающей промышленности и особых папок Политбюро позволяют оценить советскую «гражданскую» золотодобычу 1932–1935 гг. приблизительно в 230 т чистого золота (см. *табл. 9*; в расчетах «гражданская» золотодобыча 1934 г., данные о которой отсутствуют, принята за среднюю арифметическую величину от золотодобычи соседних лет, 1933 и 1935 гг., то есть порядка 65–66 т чистого золота). Как показывают работы Широкова по материалам Магаданского архива, ГУЛАГ в эти годы намыл еще немногим более 20 т чистого золота (*табл. 9*; золотодобыча Дальстроя 1933 г., данные о которой отсутствуют, вероятно, составляла порядка 1 т чистого золота. Это предположение сделано на основании того, что в период 1928–1933 гг. Дальстрой намыл 1,9 т чистого золота, из них 0,5 т в 1932 г., золотодобыча Дальстроя «догулаговского» периода 1928–1931 гг. была незначительной).

356 Напомню читателю, что перспективный план работы Торгсина на 1933–1937 гг. был разработан в апреле 1932 г., в самом начале операций с бытовым золотом (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 21. Л. 20–22). О нем также см. главу «"Торгсиния" – торговая страна».

357 По мнению В.И. Новицкого, бывшего работника Государственного банка России в Петрограде, ценность золотых монет в обращении до начала войны составляла около 500 млн руб., включая монеты в 15 руб. и в 7 руб. 50 коп., которые были в обращении до 1896 г. (Новицкий В. И. Золотой запас России. Л. 17). По данным сборника «Наше денежное обращение» (М., 1926. С. 72), перед Первой мировой войной в стране циркулировали золотые монеты общей стоимостью около 465 млн руб. Согласно М.В. Бернацкому, бывшему министру финансов в третьем коалиционном составе Временного правительства, на июль 1914 г. в обращении находилось золотых монет на сумму 463,7 млн руб. (Russian Public Finance During the War. P. 438).

358 Новицкий В.И. Золотой запас России. Л. 17.

359 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 21. Л. 22. По мнению советского наркома финансов Г.Я. Сокольникова, после перипетий революции и Гражданской войны к началу нэпа у населения осталось царских монет на сумму около 200 млн руб. (Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика. М., 1991. С. 63). ОГПУ, особенно после 1926 г., продолжало изымать ценные сбережения населения. Однако, как было рассказано ранее (глава «Золотая идея»), в период нэпа работал легальный валютный рынок – часть реформы червонца, в годы которой население, по неполным данным, купило у государства царских монет на более чем 30 млн руб. больше, чем продало ему (*табл.1*). С учетом валютных интервенций к концу десятилетия сумма Сокольникова могла превысить 230 млн руб. Если же согласиться с авторами торгсиновской пятилетки, что на руках у населения к началу 1930-х гг. осталось золотых монет на 100 млн руб., то выходит, что в 1920-е гг. стараниями ОГПУ было изъято, а также безвозвратно спрятано, легально и контрабандой вывезено из страны около 130 млн руб. золотым царским чеканом.

360 Выходит, что Торгсин вернул государству то золото, что люди накопили, благодаря валютным интервенциям первой половины 1920-х гг., и часть довоенных сбережений.

361 За 1930 г. ОГПУ сдало Госбанку и «Союззолоту» золотых монет и слитков на сумму 3,9 млн руб. На 1 мая 1932 г. в кассе ОГПУ имелось золотых монет и слитков на сумму 1,6 млн руб., но неизвестно, сколько было сдано Госбанку за 1931 г. (Мозохин О. ВЧК–ОГПУ. С. 223–224). Для того чтобы собрать недостающие 55 млн руб. золотых монет за пять лет (1931–1935) существования Торгсина, ОГПУ должно было бы изымать около 5,5 млн руб. монет каждый год.

362 Скорее всего советские руководители недооценили контрабандный вывоз царских монет в период со времен Первой мировой войны до начала 1930-х гг. Архивы ОГПУ могли бы пролить свет на вопрос: преувеличивал ли Сокольников, а вслед за ним и руководители Торгсина, масштабы запасов золотых монет у населения и достигли ли конфискации ОГПУ столь огромных размеров?

363 РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 21. Л. 20–22.

[364] По переписи населения 1926 г., в СССР проживало 147 млн чел., по переписи 1937 г. – 162 млн чел. По оценкам современных демографов, население СССР в период 1932–1935 гг., время существования Торгсина, немногим превышало 160 млн человек. См.: Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000. С. 345–355.

[365] Эта новая скупочная цена на золото в СССР была официальным советским рублевым эквивалентом мировой цены на золото. Дело в том, что в середине 1930-х гг. изменился официальный обменный курс рубля по отношению к доллару. В ноябре 1935 г. в справке, адресованной наркому внешней торговли Розенгольцу, председатель Правления Торгсина Левенсон принимал доллар равным 5 руб. 75 коп. (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 138. Л. 66). В соответствии с новым обменным курсом, цена 6 руб. 50 коп. была эквивалентом 1,13 долл. США. Примерно столько же стоил грамм чистого золота в соответствии с Золотым резервным актом, принятым в США в начале 1934 г.

«Красные директора» Торгсина: «Разведчик»

[366] Биография Сташевского написана на основе регистрационного бланка члена ВКП(б), заполненного при обмене партийных документов в 1936 г., справки Комитета партийного контроля, составленной при посмертной реабилитации Сташевского в 1956 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100). Кроме того, использовано дело о награждении А.К. Сташевского орденом Ленина за успехи в развитии меховой промышленности (ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 264). Эти материалы, естественно, молчат о его разведывательной деятельности. Информация о Сташевском-разведчике взята из книги В. Кривицкого «Я был агентом Сталина» (М., 1998). «Испанский период» жизни Сташевского оставил след во многих книгах о гражданской войне в Испании. Следственное дело Сташевского должно храниться в архиве ФСБ, но добраться до него мне не удалось и приходится довольствоваться скудной информацией о следствии из реабилитационных документов. Биография Сташевского в «Энциклопедическом словаре российских спецслужб. Разведка и контрразведка в лицах» (М., 2002) скудна. В ней ничего не говорится о «валютных» операциях, которые провел этот человек (пушнина, «Торгсин», испанское золото).

[367] Следует отметить, что в те годы военная разведка (Разведывательное управление штаба РККА, Разведупр) и разведка органов госбезопасности (Иностранный отдел, ИНО, ОГПУ) работали в тесном контакте. Не случайно Сташевский имел значок «почетный чекист». По данным «Энциклопедического словаря российских спецслужб» (С. 468), Сташевский руководил разведкой в Западной Европе вместе с С.Г. Фириным и Б.Б. Бортновским. О них см.: Разведка и контрразведка в лицах. С. 71–72, 513.

[368] Рапалльский договор между Советской Россией и Германией был заключен в 1922 г. Он предусматривал установление дипломатических отношений, а также развитие торгово-экономического и военного сотрудничества. В основе договора лежал принцип наибольшего благоприятствования, которое обе страны обязались предоставить друг другу.

[369] Рейхсвер – вооруженные силы Германии в 1919–1935 гг., ограниченные по составу и численности условиями Версальского мирного договора 1919 г. Вербовались по найму. В 1935 г. Германия отменила ограничительные военные статьи Версальского договора и приступила к созданию вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности.

[370] О Берлинском центре см.: Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Кн. 1. М., 2000. С. 142–145.

[371] Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Кн. 1. С. 109–110.

[372] Инженерные отделы в советских торгпредствах, например, занимались сбором военно-технической информации под прикрытием Наркомата внешней торговли.

[373] Кривицкий Вальтер Германович (настоящее имя – Гинзберг Самуил Гершевич) (1899–1941), советский разведчик. Капитан госбезопасности. Родился в Подволочиске в Западной Украине (в то время территория Австро-Венгрии) в еврейской семье. В партию большевиков вступил в 1917 г. (по другим данным, в 1919 г.). В годы Гражданской войны занимался диверсионной и разведывательной работой в тылу польской армии в Украине. В 1918–1921 гг. – на нелегальной партийной работе по линии Коминтерна в Австрии и Польше. С 1921 г. – сотрудник Разведупра РККА. В 1923 г. после окончания Академии РККА был направлен в Германию для организации агентурной сети. С 1931 г. – в ИНО ОГПУ. Возглавлял школу подготовки разведчиков, работал директором Института военной промышленности. С 1935 г. Кривицкий руководил нелегальной резидентурой органов госбезопасности (жил в Голландии). В марте 1937 г. вызван в Москву для доклада и с трудом в конце мая получил разрешение выехать назад на работу в Европу. Летом (по другим источникам, осенью) 1937 г. последовал новый приказ приехать в Москву. Кривицкий, будучи уверен, что его ждет расправа, по-

просил политического убежища во Франции, а затем в США. Содействие в невозвращении Кривицкому оказали сын Л.Д. Троцкого Л. Седов и Ф. Дан. Опубликовал на Западе серию разоблачительных статей. Погиб в США при невыясненных обстоятельствах: его тело было найдено в номере отеля в Вашингтоне. По одной версии – покончил с собой, по другой – был ликвидирован НКВД. В пользу последней версии говорит то, что Кривицкий в эмиграции активно «делился» информацией с западными спецслужбами и сдал английской разведке около 100 советских разведчиков в Западной Европе. Жена Кривицкого, советская разведчица и невозвращенка, и сын сменили фамилию и остались в США. См.: Кривицкий В. Я был агентом Сталина; Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Кн. 2. М., 2000. С. 366–367; Разведка и контрразведка в лицах. С. 257.

374 Кривицкий В. Я был агентом Сталина. С. 74.

375 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 264. Л. 26.

376 В 1931 г. старатели заготовили (в скобках для сравнения приведены данные в млн штук за 1926/27 г.): 11, 7 млн кротов (0,2); 13 млн хомяков (0,6); 31,3 млн сусликов (3,4); 12,5 млн водяных крыс (3,4); 3 млн бурундуков (0,9); 5 млн кошек и 3 млн собак (данных за 1926 г. нет). Кролиководство стало промышленной отраслью при Сташевском: 10 млн шкурок, заготовленных в 1931 г., сравни с 650 тыс. шкурок в 1928 г. По словам наградного дела Сташевского, «страна покрылась тысячами кроличьих промышленных и сотнями племенных хозяйств». См.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 264. Л. 51.

377 Меховой экспорт царской России также почти исключительно состоял из необработанных «сырых» мехов.

378 Большевик. 1934, № 9–10. С. 31–32.

379 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 264. Л. 29.

380 РГАЭ. Ф. 4433. Д. 51. Л. 7. Инициатором награждения Сташевского выступили работники меховой промышленности (12 предприятий, около 10 тыс. чел.), которые осенью 1931 г. по решению собраний своих трудовых коллективов обратились в Союз кожевников, а тот в Наградную комиссию Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Тот факт, что собрания на предприятиях меховой промышленности проходили одновременно и не было разнобоя в выборе награды – все просили для Сташевского орден Ленина, – свидетельствует о том, что выдвижение «дирижировалось сверху». Возможно, инициатором выступил кто-то в ЦИКе. В пользу этого предположения говорит то, что Сташевский получил награду, несмотря на отказ ВЦСПС, который не увидел в деятельности Сташевско-

«Еврейская пасха. Мешок муки высшего качества – отличный подарок...» Реклама денежных переводов на Торгсин усиливалась в дни праздников, неважно, что они были религиозными

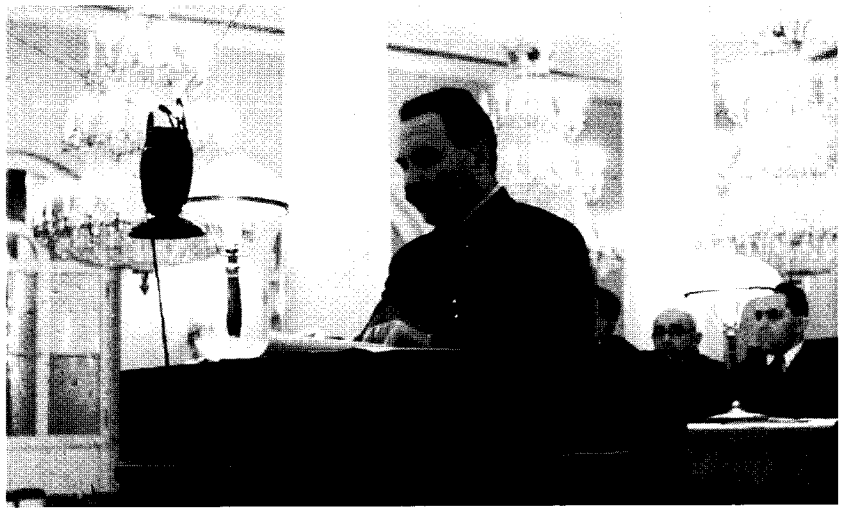
Реклама пугала суровой зимой: «Зима в СССР (Россия). Денежный перевод на Торгсин позволит вашим родственникам и друзьям в СССР купить теплую одежду, обувь, белье, продукты ...»

СОВЕТСКИЕ «КУПЦЫ»

Тысячи людей работали в Торгсине, но их имена затерялись в истории. В бывшем партийном архиве сохранились лишь документы наиболее высокопоставленных советских валютных «купцов» – Шкляра, Сташевского, Левенсона... Из руководителей Торгсина удалось найти лишь фотографию А.К. Сташевского.

Артур Карлович Сташевский – революционер, разведчик, меховщик, председатель Торгсина и один из посвященных в тайну операции «Х», в результате которой почти весь золотой запас Испании оказался в Москве. Этот человек добыл немало валюты для страны Советов, но Сталин расстрелял его

Лев Михайлович Хинчук – до революции сын владельца портняжной мастерской и студент Бернского университета, а в советское время – заместитель наркома торговли (1927–1930) и нарком торговли РСФСР (1934–1938). На фото запечатлен момент прибытия семьи Хинчука на Белорусский вокзал из Германии, где Хинчук с 1930 по 1934 г. был советским полпредом. Вероятно, что в Берлине он контролировал прибытие ценностей Торгсина в Рейхсбанк



Москва, 1933. Колонный зал Дома Союзов. Нарком внешней торговли СССР Аркадий Павлович Розенгольц, под началом которого находился Торгсин, выступает с докладом, посвященным 15-летию монополии внешней торговли. До расстрела Розенгольца остается всего пять лет

Нарком пищевой промышленности СССР Анастас Иванович Микоян проверяет качество выпеченного хлеба в поселке «Дальние зеленцы» (1935). В 1926–1930 гг. Микоян занимал пост наркома внутренней и внешней торговли СССР. Именно Микоян в конце 1920-х гг. предложил американскому бизнесмену Арманду Хаммеру работу советского торгового агента. По договору с Торгсином в 1931–1933 гг. Хаммер продавал в США «советский» антиквариат. И именно Микоян, в качестве наркома снабжения, принимал богатое хозяйство Торгсина во время ликвидации этого валютного предприятия